ГЕРОИНИ ВОЙНЫ

ОЧЕРКИ
О ЖЕНЩИНАХ — ГЕРОЯХ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1963

9(С)27
Г39

Яркие страницы в героическую летопись борьбы нашего народа за свое светлое будущее вписали славные его дочери Зоя Космодемьянская и Лиза Чайкина, Марина Раскова и Валентина Гризодубова, Мария Октябрьская и Мария Байда, Зина Туснолобова и Маншук Маметова и многие-многие другие. Об их беспредельной любви к Советской Родине, о самоотверженной защите ее свободы и независимости в годы Великой Отечественной войны и рассказывается в очерках, составляющих этот сборник.

В книге помещено семьдесят очерков о семидесяти шести замечательных патриотках, удостоенных высокого звания Героя Советского Союза. Авторы очерков — писатели, историки, журналисты и непосредственные участники боевых действий.

Издательство просит присылать отзывы о книге по адресу: Москва, А-47, Миусская площадь, 7, Госполитиздат, редакция литературы по истории советского общества.

Составители:
А. БЕЛАПОВСКИЙ, П. ПЕРЕПЕЧЕНКО

Редактор *Л. ТОРОПОВ*

ПОДВИГИ ИХ БЕССМЕРТНЫ

Кто бы ты ни был, читатель, юноша или старик, ты с волнением сердца прочтешь это документальное повествование о советских девушках — героинях Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

О подвигах девушек рассказано скупо, кратко, почти с телеграфной краткостью. Но хорошо, что такая книга существует. Хорошо, что ее читают современники и будут читать потомки. Они будут ее читать. Это несомненно.

Увы, многие героини книги, блистательными подвигами своими пролагавшие путь к победе, погибли в битве с фашистами, с гитлеровцами. Погибли в расцвете юности, в расцвете молодых сил. И все же чувствуешь их живыми. Всех вместе и каждую... И Зою Космодемьянскую, и Наташу Ковшову, и Машу Поливанову, и Марите Мельникайте, и Любу Шевцову, и Женю Рудневу... да что там, надо ли перечислять имена: каждая из них живет среди нас. Мы ощущаем их дыхание, слышим их голоса. Они живы, живы в улыбках наших детей, в дыхании могучих советских космических кораблей, в подвиге первой в мире женщины-космонавта Валентины Терешковой, нашей звездной «чайки», которая смело взвилась в космические дали. Они готовили этот блистательный взлет.

И мы говорим им:

— Здравствуйте! Дорогие наши, бесценные, сильные духом, красивые душой... Здравствуйте!

— Уля,— говорю я мысленно Ульяне Громовой,— помнишь, ты сказала: «Будет еще, будет очень хорошо на нашей дорогой и близкой всем нам Советской Родине». Уля! Сейчас хорошо, и будет еще лучше. Будет коммунизм, Уля. Спасибо тебе, Ульяна Громова.

Псковскую девушку из деревни Барашкино — Аню Никандрову, комсорга стрелкового полка, ту самую, что повела в бой солдат, я спрашиваю:

— Анечка! А ты знаешь, что пионерская дружина в Красногородской школе названа твоим именем?

— А твоим именем, Аня Лисицына, бесстрашная карельская партизанка, назван колхоз на берегу Онежского озера... Там — жизнь! Там девушки после работы учатся, пляшут, веселятся, гуляют в весенних рощах с любимыми.

И мне кажется, что Аня Лисицына звонко смеется, тонкие косички ее подпрыгивают так, как подпрыгивали, когда она играла в волейбол.

— А Марийка? Марийка Мелентьева? — тревожно спрашивает меня Аня о своей боевой подруге.— О Марийке-то вы знаете?

— Ну, конечно, знаем. Марийка тоже Герой Советского Союза. Та, светлая, с немного взлохмаченными волосами, которой сказал фашистский офицер, заметив слезу на ресницах:

— Плачешь? А если будешь хорошо вести себя, мы дадим тебе возможность и порадоваться.

А она ответила громко, чтобы слышали все, все:

— Я и сейчас радуюсь! Я радуюсь тому, что порученное мне задание выполнено. А плачу я от злости, что не могу убить тебя, фашистскую собаку!

Здорово ты ему сказала, Марийка, верная дочь советского народа! Молодец наша Марийка! Именем твоим названа школа в Пряже, там растут крепкие, здоровые ребята, в их голосах, в их улыбках живет твой голос, твой смех.

И так я с ними разговариваю, читая книгу — страницу за страницей. И у меня нет ощущения смерти тех из них, кого унесла война. Есть только чувство огромной признательности к ним, горячей благодарности за то, что они такие чистые, бескорыстные, смелые, за то, что сделали все, что смогли, для победы, для жизни нашей Советской Родины, для жизни моих маленьких внучек, которые сейчас поют что-то веселое... Для коммунизма. А тех из них, кто и сейчас здравствует, строит новое общество, я ощущаю такими же молодыми, кипучими, какими они были в те годы, когда совершили подвиги. Да это так и есть.

И у тебя, читатель, будет тоже такое чувство, когда ты прочтешь эту книгу.

А если ты — сверстник или сверстница этих удивительных

девушек, тебе захочется стать лучше. Да, да, это так: тебе захочется стать лучше.

Может быть, ты и сейчас хорош, но ведь хорошему нет предела, неправда ли? Ты станешь еще лучше, крепче, идейнее, тебя зовут к этому подвиги твоих бессмертных сверстниц.

А если в тебе живет червячок мещанина, себялюба, эгоиста, не умеющего подчинять личное общественному, тебя заставит покраснеть эта книга, заставит задуматься о твоем образе жизни. И это хорошо.

И вы, далекие потомки Зои Космодемьянской, Марите Мельникайте, Ульяны Громовой, всех, всех, о ком рассказано в этой книге, откройте ее с уважением, прочтите очень внимательно — ведь она посвящена тем, кто так горячо боролся за ваше счастье, и тем, кто заплатил своей жизнью за ваше прекрасное настоящее.

Да, высокие чувства рождает в душе документальное повествование о подвигах наших молодых героинь эпохи Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

Их было, конечно, больше, чем семьдесят шесть, их было множество. Тысячи подвигов остались неизвестными. Мне доводилось бывать на дорогах войны в суровые годины битвы с гитлеровцами. Сколько встречалось девичьих могил на этих дорогах, в лесных чащах, могил, на которых солдаты камнями выложили просто имя: «Маруся», «Клава», «Зина», «Сестрица Люся», «Неизвестная санитарка». Многие из этих девичьих могил давным-давно поросли травой, ромашками, лесными колокольчиками...

Читая книгу о героинях, подвиги которых известны народу и даже всему миру, вспоминаешь о великолепных подвигах многих-многих наших безвестных героинь и мысленно отдаешь им земной поклон.

Им, которые своими тонкими девичьими руками вытаскивали из огня сотни раненых воинов, им, которые делили последний глоток воды, последнюю щепотку соли с боевыми товарищами, им, которые ходили в труднейшую разведку, подползали с гранатами к вражьим танкам, пускали под откос вражьи эшелоны, спасали детей, а порой вели за собой в бой солдат — мужчин... Да, случалось и такое! Вот так, к примеру, как повела за собой солдат Людмила Кравец.

...Подразделение заняло три линии вражеских траншей и, развивая наступление, двигалось к хутору. На пути оказался ручей. Стараясь задержать здесь советских солдат, противник открыл яростный огонь. Погиб командир подразделения — ско-

сило его... В роте не осталось ни одного офицера. На какую-то минуту возникло замешательство... И первой бросилась вброд через ручей, увлекая за собой солдат, Людмила Кравец.

— За мной! Вперед! — слышался звонкий голос девушки. Да, он звучал как набат.

И подобных случаев было множество.

Я хорошо знаю фронтовую жизнь бесстрашной санитарки и пулеметчицы москвички Кати Новиковой, ныне здравствующей, уцелевшей после многих тяжелых ранений, гвардии майора Екатерины Степановны Новиковой... Эта маленькая ростом, коренастая, похожая на мальчишку, смелая девчонка, еще будучи пионеркой, занималась в пулеметном кружке, добровольцем пришла на фронт, стойко переносила все лишения. Шинель ее примерзала к земле, сапоги не по росту в кровь натирали ноги... Эта маленькая девушка не только вытаскивала из огня раненых, но и ходила в атаку и порой оказывалась не сзади, а впереди бойцов, заражая их своей смелостью и присущим ей чувством юмора.

Невольно думаешь: откуда бралась эта сила, откуда это бесстрашие у наших девушек, у всех этих подчас маленьких и хрупких Танюш, Анечек, Катюш? В чем природа их бессмертных подвигов, которые вошли в историю нашего советского общества, в историю борьбы за коммунизм?

Только ли в том, что они, эти Наташи и Маруси,— потомки Василисы Кожиной, героини Отечественной войны 1812 года, гордой русской партизанки, которая бесстрашно сражалась с врагом, посмевшим вступить своим сапогом на родную землю? Офицер схватил Василису за косу. Она усмехнулась, рванулась вперед, скосила ему голову и, выпрямившись во весь рост, вскричала:

— Эй, вы, воры, смотрите! Всем вам будет то же. Двадцать семь голов я уже скосила. Берегитесь!

Или потомки Надежды Дуровой, отважной русской девушки-улана, грозы неприятеля? Как ветер мчалась она на своем быстром коне, рубя направо и налево врагов родной земли.

Или в них жила кровь Татьяны Соломахи, станичной учительницы, что повела жителей многих селений на борьбу за свободную русскую землю? Не было у Татьяны Соломахи ни физической силы, ни громкого голоса, была она тонкая девушка с нежным лицом, с застенчивой улыбкой, а боялись ее как огня здоровенные атаманы и белогвардейское офицерье. Белогвардейцы схватили ее, мучили, били, а она воскликнула:

— Можете пороть меня, можете убить, но Советы-то будут жить! Будут жить Советы!

Или в них бурлила кровь славной пулеметчицы Анки, верной помощницы Чапаева?

Только ли в том природа их ослепительных подвигов, что они потомки тех русских сильных духом женщин, которых воспел Некрасов:

Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет...

Нет, не только в этом, хоть и этого забывать нельзя, никак нельзя, когда мы говорим о могучем духе, о невероятной выносливости, о неукротимой силе русских женщин.

Но ведь вот читаешь эту документальную книгу и видишь: удивительные подвиги совершали литовские, татарские, украинские, карельские и многие-многие другие девушки разных национальностей.

Они были советские, эти славные девушки.

Они познали счастье советского строя жизни, и их опалила жгучая ненависть к фашистским подлецам, посягнувшим на их светлую свободную юность.

Они были всем сердцем, всей душой преданы великим идеям коммунизма.

Беспредельная любовь к Советской Родине, к народу, к человеку — вот что рождало подвиги, вот что превращало хрупких девчонок в сказочных богатырей, о которых еще много будет сложено и рассказов, и поэм, и песен.

Слава им, слава советским героиням, борцам за коммунизм, за мир, за счастье на земле. Подвиги их бессмертны!

Елена Кононенко

Н. ХОХОЛКОВ

ПО ЗОВУ РОДИНЫ

О ней еще в школе говорили, что эта девушка — с характером. Она не бросала слов на ветер, не любила мечтать о несбыточном.

Рая Аронова отличалась большой собранностью, организованностью, была приветлива и добра. Она находилась в «вечном движении». Дела и всякого рода заботы словно подстерегали ее. И удивительно, все ей удавалось.

Некоторые Раины подруги часами просиживали за уроками, добиваясь отличных отметок. Рая выполняла домашние задания быстро, аккуратно.

Иногда школьные товарищи говорили ей:

— Везучая ты, Райка.

Она с улыбкой отвечала:

— Я знаю волшебное слово.

Редко какое общественное дело в школе проходило без ее участия. К этому привыкли. И, если вдруг она не могла присутствовать на вечере, ребятам было скучно. Без нее и песни пелись не так, и смех звучал не громко, и танцы не радовали.

Однажды Раиных товарищей-одноклассников покритиковали за то, что они плохо участвуют в агитационной работе.

— Назначьте меня агитатором,— предложила она пионервожатому.

— Агитаторов у нас хоть отбавляй. Только...

— Именно «только»...— перебила Рая.— Я прошу...

— Давай агитируй.

За короткий срок Аронова наладила проведение бесед. Глядя на нее, оживили свою работу и другие агитаторы. Пионервожатый как-то встретил Аронову и сказал:

— Ой, Райка, и характер у тебя!

— Не нравится?

— Чудесный!

Медлительность, сонливость были ее врагами. Жадная ко всему в жизни, она смеялась над теми, кто сторонился коллектива, закрывался дома, забывая о веселых играх, купании в Волге, туристских походах и простых прогулках по вечернему Саратову.

Однако, смеясь над этими ребятами, она никогда не отказывалась прийти им на помощь, если в этом была необходимость. Многие юноши и девушки обязаны ей тем, что впервые познали силу дружбы и товарищества, силу коллектива.

Как-то в школе появилось объявление:

«...Кто желает научиться отлично стрелять, записывайтесь на курсы инструкторов стрелкового дела».

Рая пришла в класс и спросила у подруг:

— Читали в коридоре объявление?

— Какое еще объявление?

— Ну и ну! — возмутилась Аронова (в то время она была пионервожатой).— Такие бумаги не замечаете.

Девочки побежали и минут через пять вернулись с кислыми лицами.

— Это насчет метко стрелять? Чепуха.

— Чепуха! Да вы подумайте лучше. Подумайте. Отлично стрелять, по-моему, обязан каждый гражданин нашей страны. Мы живем-то в кольце буржуев. А вы — «чепуха»!

Рая записалась на курсы. После каждого занятия она с увлечением рассказывала ребятам о том, как ее учат стрелять. Рассказы подействовали. Вскоре на курсы потянулись и другие школьники. Последовал примеру Ароновой и кое-кто из ее подруг. Но некоторые все же продолжали упрекать:

— Смотри, Райка, надорвешься. Научиться шить — это полезно. А стрелять...

Девушка оставалась при своем мнении. Она им докажет, что это — не зряшное занятие. Да и отец, потомственный железнодорожник, проживший тяжкую жизнь, поддерживал ее:

— Учись, дочка. Всякое дело пригодится. Учись.

На городских стрелковых соревнованиях Рая Аронова заняла первое место. Узнав об этом, подруги пожали плечами и сказали:

— Ну и характер. На все ее хватает. Везде хочет поспеть. Интересно, кем она станет?

В самом деле, кем хотела быть эта не знавшая устали, беспокойная, худощавая девушка? Какие планы таились в ее отзывчивой, неунывающей душе? Да и задумывалась ли она серьезно над своим будущим?

АРОНОВА
Раиса Ермолаевна

Разве мало людей, которые вначале проявляют ненасытный интерес ко всему окружающему, а потом замедляют движение вперед и наконец останавливаются где-то на полдороге?

Рая не была такой. Она стремилась как можно больше узнать, больше изведать, испытать.

Чем старше становилась Рая, тем чаще она спрашивала себя: «Кем же ты хочешь быть?» Хороших, увлекательных специальностей много. Надо выбрать одну, выбрать без ошибки.

Одну! Какую?

Она много читала. Зачастую ночи напролет проводила за книгой. И после каждой прочитанной книги ей хотелось быть именно такой, каким был герой книги,— капитаном дальнего плавания, актрисой, геологом, астрономом...

Как раз тогда появились «Записки штурмана» Марины Расковой. И мало сказать, что книга взволновала Раю. Она перевернула ее душу, обожгла сердце. Какие же есть на свете мужественные люди! На свете? Да нет, они живут рядом.

Долго Рая не хотела расставаться с этой книгой, носила ее в своем школьном портфеле.

Затем ей попались под руку «Записки пилота» Байдукова. Именно в это время она «заболела» мечтой, дерзкой, необыкновенной, гордой,— стать летчицей.

«Летчицей? Не слишком ли я далеко хватила? — размышляла Аронова.— Райка — летчица! Смешно. А... а... почему смешно?..»

Увлечение авиацией было последним в серии ее увлечений в школьные годы. И самым серьезным. Именно оно и повлияло на всю ее дальнейшую жизнь.

Заканчивая десятый класс, она твердо решила, что будет летчицей. Написала письмо в одно из военных летных училищ с просьбой принять на учебу. «Я не мыслю себе жизни без авиации»,— писала Рая. Вскоре пришел жестокий ответ: «В настоящее время женщины в военные летные училища не принимаются».

Вспоминая те юные годы, Раиса Ермолаевна говорит:

— Мало сказать, что я была глубоко опечалена таким ответом из училища. Я восприняла его как крушение всей своей жизни. После этого для меня, как для пушкинской Татьяны, «все были выборы равны», и я отнесла свои документы в институт механизации сельского хозяйства. Почему? Да просто потому, наверное, что он был близко к дому. Нужно же было где-нибудь учиться.

Но Аронова никогда не жалела, что два года училась в институте механизации сельского хозяйства. Коллектив института сыграл большую роль в ее воспитании.

Будучи студенткой, Рая поступила в аэроклуб. Правда, опять-таки поступила не сразу, и тут дело не обошлось без осложнений. Медицинская комиссия забраковала ее из-за очень частого пульса. После пятнадцати приседаний пульс был сто сорок.

— Как у воробья,— сказал врач.

Но причиной частого пульса были не столько приседания, сколько волнение, с которым Рая вошла в кабинет врача. Она очень боялась, что ее забракуют, как уже забраковали перед нею нескольких парней, хотя они на вид были куда крепче ее.

Однако Рая не сдалась. Опять сказался ее твердый характер. В течение двух недель она усердно занималась гимнастикой, обливалась по утрам холодной водой — закаляла нервы. И, когда вторично пришла на медицинскую комиссию, ее сердце билось ровно, пульс был нормальный...

И вот первый полет с инструктором. Неизгладимое впечатление. Она думала: «Верно говорят: кто раз побывает в небе, тот полюбит его на всю жизнь». Небо — океан смелых, сильных, волевых. Рая будет такой. Обязательно будет. Несмотря ни на какие трудности. И она стала такой.

После самостоятельного контрольного полета Ароновой инструктор воскликнул:

— Черт побери, здорово! Молодец, Аронова!

Рая глядела на него усталая, счастливая и говорила про себя: «Это первый шаг. Важный, но все же первый».

Удачно выполнила она и первый прыжок с парашютом.

Вскоре после этого ее, девятнадцатилетнюю, избирают депутатом областного Совета депутатов трудящихся. Раиса по-прежнему жизнедеятельна, энергична, стремительна. У нее масса друзей. Они идут к ней поделиться своими планами, успехами, сомнениями.

Высокое звание депутата Аронова оправдывала с честью. Одновременно она училась в институте и в аэроклубе.

Зимой 1939 года учеба в аэроклубе закончилась. Рая сдала все экзамены и получила звание пилота запаса. Но мечта об авиации не покидала ее. Она часто стала думать о переходе в Московский авиационный институт. Поделилась своими мыслями с матерью.

— Смотри, дочка, не ошибись,— предостерегала мать.— Сейчас ты рядом со мной, тебя здесь уважают. А в Москве кому ты нужна?

— Родине, моя дорогая! Родине я нужна! — воскликнула Рая.

И мать согласилась. В 1940 году Рая стала студенткой Московского авиационного института. И быть бы Ароновой конструктором самолетов, если бы...

* *
*

Война обожгла ее своей неожиданностью и вероломством. Конец мирной жизни, конец счастливому мирному труду, конец выношенным, выстраданным планам. Нет, с этим примириться трудно.

Партия призвала: «Все на борьбу с фашизмом! Победа будет за нами!»

Сотни, тысячи простых советских людей сменили гражданскую одежду на солдатскую.

Где же в это роковое время могла быть Раиса Ермолаевна Аронова, девушка, которая с юных лет стремилась к беспокойной, кипучей жизни?

Узнав, что М. М. Расковой поручено формировать специальные женские авиационные полки, Аронова немедленно пришла в ЦК ВЛКСМ с письмом...

Она ни на что не претендовала, ничего не требовала, кроме одного — отправить на фронт.

Через несколько дней Раиса встретилась со своей любимой героиней, со своей мечтой — Мариной Расковой. На первых порах Ароновой предложили учиться на штурмана.

Пожалуй, не стоит рассказывать о том, как проходила эта учеба, как быстро Рая подружилась с девушками, и особенно со своим командиром Катей Пискаревой. По словам Раисы Ермолаевны, это время пролетело настолько стремительно, что мало оставило в памяти существенного. Но хорошо запомнился день принятия присяги.

«Какими словами рассказать вам о том чувстве, которое охватило меня, когда я произносила торжественные слова присяги? — писала Рая Аронова в Саратов своим друзьям.— С этого момента я стала бойцом Советской Армии. Пройдет еще немного времени, и я получу звание штурмана. С великим нетерпением жду я дня, когда поведу свою боевую машину на запад. Беспощадно будем мы бомбить проклятых фашистов, вторгшихся на нашу родную землю.

Майор Раскова сказала нам:

— Учитесь упорно, используйте каждую минуту для учебы — экзамен будете сдавать на поле боя.

Товарищи, заверяю вас, что экзамен этот я выдержу с честью».

* *
*

В воздухе Раиса Аронова действовала четко, хладнокровно. Смелость, точный расчет, высокая бдительность, острая наблюдательность позволяли Раисе проводить самолет по весьма сложным маршрутам и метко бомбить врага.

Женщины-авиаторы выполняли самые различные боевые задачи: бомбили переправы, скопления войск, сбрасывали листовки, снабжали своих пехотинцев продовольствием и боеприпасами.

Их знал весь фронт. Их знали и ненавидели гитлеровцы. Они прозвали их «ночными ведьмами».

Экипажи совершали по нескольку вылетов за ночь. До некоторых пор экипажу Пискаревой — Ароновой сопутствовало летное счастье: они выходили невредимыми из зенитного огня, хотя не раз в самолете оказывалось много пробоин. Но вот однажды — это случилось в ночь на 23 марта 1943 года — фортуна им изменила.

В ту ночь женский авиаполк бомбил врага в районе так называемой «Голубой линии» (сильно укрепленной полосы обороны противника, тянувшейся от Новороссийска до Темрюка).

Экипажи работали «по максимуму». Это означало, что они должны были сделать максимальное количество боевых вылетов.

Когда экипаж Пискаревой — Ароновой вылетел на задание, погода была не особенно благоприятной: видимость плохая и ветер попутно-боковой к цели. А для экипажа лучше, конечно, было бы возвращаться с попутным ветром, когда ветер помогает быстрее уйти из опасной зоны.

Недалеко от перекрестья дорог, на юго-восточной окраине станицы Киевской, стоял сильный прожектор. У него было очень яркое зеркало и широкий луч. По этому прожектору экипаж Пискаревой — Ароновой и должен был ударить. Как только ПО-2 появился в этом районе, прожектор не замедлил включиться. Протянули свои щупальца по направлению к самолету и другие прожекторы. Лучи их заметались в черном небе.

Аронова уточнила курс, сообщила его летчице и все внимание перенесла на прицел. Самолет лег на боевой курс. В этот момент яркий до боли в глазах, ослепляющий свет заставил на миг зажмуриться: ПО-2 осветили сразу несколько прожекторов, и почти одновременно начали бить зенитки. В самолете появилось много пробоин, а в правой плоскости зияла большая дыра.

«Метко бьют!» — с тревогой отметила про себя Аронова.

Несмотря на обстрел, летчица ровно вела самолет (на боевом курсе нельзя маневрировать, нельзя даже шелохнуться, иначе прицельного бомбометания не получится, особенно по таким малым объектам, как прожекторы).

До момента сбрасывания бомб осталось секунд десять. Вдруг раздался сухой резкий треск, и Раю толкнуло в бок чем-то острым, горячим. Она даже охнула от боли. Перед глазами замелькали огненные искорки. Аронова ткнулась головой в приборную доску. Но уже в следующее мгновение она опять, не мигая, смотрела в прицел. Секунда, другая, третья... В прорези прицела блеснуло зеркало прожектора. Штурман с силой дернула за бомбосбрасыватели, и четыре бомбы полетели вниз. Прожектор погас.

Резкое движение отдалось пронзительной болью во всем теле Раи. Катя круто развернула самолет и начала маневрировать, пытаясь выйти из лучей прожекторов, но они цепко держали маленький, хрупкий ПО-2 в своих жутких объятиях.

И все-таки Кате Пискаревой удалось вырваться из паучьего плена прожекторов и привести изрешеченный самолет на свой аэродром. Когда ПО-2 пересекал линию фронта, Аронова ощутила очень острую боль в боку. Потрогала рукой — боль еще сильнее. Включила на мгновение свет в кабине — кровь...

— Катя, я, кажется, ранена,— осторожно сообщила Рая летчице.

— Вот беда! А как ты себя чувствуешь, Раек? — заволновалась она.— Крепись, дорогая, скоро будем дома.

Но это «скоро» тянулось целый час. Рая чувствовала, что потеряла много крови, но, удивительно, общее состояние казалось не очень плохим.

— Катя, ты пока при докладе не говори Бершанской, что я ранена,— просила Рая.— А то, может быть, и рана-то пустяковая, а ты шум поднимешь.

Когда самолет приземлился и Пискарева выключила мотор, Аронова хотела было обычным рывком приподняться и вылезть из кабины, но... не тут-то было. Силы покинули ее. На глазах у Раи навернулись слезы. Было очень обидно, что в эту ночь лететь уже не придется.

Рая Аронова не полетела на боевое задание ни в эту ночь, ни в последующие пятьдесят ночей. Утром в санчасти батальона аэродромного обслуживания опытный хирург сделал ей операцию и все время шутил. Раиса Ермолаевна рассказывает: «Сначала хирург вынул из раны клочья от комбинезона, свитера и брюк и на вытянутой руке поднес эти окровавленные лохмотья к самому моему носу.

— Это отдашь начхозу, когда будешь сдавать обмундирование. Ведь в нем теперь нехватка,— сказал он.

Мне сделалось плохо, противная тошнота подступила к горлу. Потом хирург вытащил из раны осколки зенитного снаряда. Их было много, больших и мелких. Было очень больно, но кричать я не осмеливалась, так как за легкой перегородкой находилась мужская палата, и я скорее бы откусила себе язык, чем позволила кричать от боли...»

На другой день в санитарном самолете Раю отправили в Ессентуки, где находился в то время госпиталь воздушной армии.

Выздоровление шло довольно быстро, но Рае казалось наоборот. Ей страшно надоело лежать, принимать лекарства, выслушивать советы врачей. Скорей в полк, к подругам, в самолет.

— Не-ет, дорогуша,— тянул старший врач.— Рана еще не зажила. Может дать осложнение. Полежите. Пока без вас обходятся.

— Дорогой доктор,— умоляла Аронова,— поймите, мне надоело. Рана заживет быстрей, когда я встану. Отпустите.

— Не-ет... Не могу.

Этому спору, казалось, не будет конца.

Однажды Раиса получила два письма: одно от матери, другое от боевых подруг. Материнское письмо Аронова прочитала первым, затем принялась за послание однополчанок. Девушки сообщали, что некоторые штурманы начали переучиваться на летчиков. Раиса тоже об этом мечтала.

Мечтала? Жила этой мечтой, носила ее в самом сердце. Командир полка Бершанская обещала ей помочь, как только представится случай. И вот случай представился, а Раисы нет, лежит в госпитале.

Отбросила одеяло, встала, оделась. Старшего врача разыскала в одном из коридоров.

— Сжальтесь надо мной, товарищ доктор,— взволнованно заговорила она.— Они все учатся, а я здесь...

— Кто они?

— Подруги мои. Выпишите.

— Пусть учатся. И вы будете учиться.

— Поймите же, потом будет поздно.

И вдруг лицо ее побледнело, глаза сверкнули.

У старшего врача брови полезли на лоб.

— Сегодня, понимаете, сегодня я должна уехать.— Слова эти были высказаны твердо. Когда Аронова четко повернулась и направилась в свою палату, доктор покачал головой, обронил:

— Ну и характер!

В тот же вечер Аронова уехала из госпиталя на попутной машине.

Рана зажила в полку, пока Раиса переучивалась на летчика.

* *
*

Передо мной личное дело Героя Советского Союза Раисы Ермолаевны Ароновой: автобиография, наградные листы, характеристики.

Бесстрашно воевала дочь железнодорожника. Ее боевая работа служила образцом для подруг.

Бомбы, сброшенные Раисой, всегда находили цель. Она не знала страха и тогда, когда работала штурманом, и тогда, когда стала летчицей.

Много на ее боевом счету отличных вылетов. Думаю, не лишне назвать хотя бы некоторые из них.

...В ночь на 19 июля 1942 года Аронова производила бомбометание по скоплению мотомехчастей противника в лесу

у поселка Нижне-Греческое. Несмотря на сильный заградительный огонь, Аронова отыскала цель, удачно сбросила бомбы. В результате наблюдался сильный взрыв и пожар.

...В ночь на 25 июля 1942 года Аронова выполняла боевое задание по бомбардированию переправы в местечке Раздорская. Удары были точны, переправа разрушена.

...В ночь на 17 сентября 1943 года Аронова бомбила мотомехчасти и живую силу противника в поселке Достогаевская. Прямым попаданием уничтожила автомашину с боеприпасами.

...В ночь на 4 октября 1943 года нанесла удар по войскам противника в поселке Кучугуры и пункте Голубинское.

...4 декабря 1943 года Аронова при низкой облачности (с высоты ста — семидесяти пяти метров) сбрасывала в районе Эльтигена для своих войск мешки с продуктами и боеприпасами. В течение ночи произвела шесть вылетов, и все отлично: мешки с продуктами и боеприпасами точно попали в расположение наших войск.

...В ночь на 11 мая 1944 года производила бомбометание по аэродрому противника в районе Севастополя. Наблюдались три сильных взрыва с густым черным дымом...

Даже простой перечень удачных вылетов Раисы Ароновой мог бы составить целую книгу. Ведь их было не десять, не двадцать, а девятьсот шестьдесят!

Тысячу сто сорок восемь часов провела она в ночном грозном небе, рискуя жизнью каждую минуту. За время войны ею сброшено сто двадцать тонн бомбового груза.

Так по зову Родины сражалась с врагом отважная советская девушка Раиса Аронова.

Б. ЛЕВИЧЕВ

БЕССТРАШНАЯ МАРУСЯ

Группа разведчиков 514-го стрелкового полка, среди которых была и двадцатилетняя комсомолка Маруся Байда, находилась в боевом охранении неподалеку от села Бельбек. Бойцы расположились возле небольшого сада. Всю ночь они вели наблюдение.

Восьмой месяц осажденный город-герой отбивал яростные атаки врага. Потерпев дважды неудачу в своих попытках взять его штурмом, фашистское командование готовило новое наступление.

Но врагу не удалось сломить боевой дух доблестных защитников черноморской твердыни. Они были полны решимости отстаивать Севастополь до последней капли крови.

Забрезжило утро 7 июня 1942 года. В предрассветных сумерках все отчетливее проступали дали Бельбекской долины, утопавшей в садах и виноградниках, невдалеке серела лента Симферопольского шоссе.

В четыре часа утра земля содрогнулась от взрывов. Гитлеровцы начали артиллерийскую подготовку. В районе Бельбек — Камышлы враг стремился прорваться к Северной бухте и расчленить нашу оборону.

Но, как только артиллерийская подготовка закончилась и неприятельская пехота при поддержке танков и авиации поднялась в атаку, линия нашей обороны ожила — враг был встречен шквальным огнем.

Дым от разрывавшихся снарядов и бомб, пыль, поднятая ими, застилали все вокруг. Слышался шум моторов: где-то в стороне на наши позиции двигались танки врага.

В неярком свете раннего крымского утра бойцы различали фигуры вражеских солдат, перебегавших по склону.

— Началось! Держитесь, товарищи! — крикнул старшина второй статьи Михаил Мосенко.

Подпустив фашистов поближе, разведчики дружно ударили по ним из автоматов. Беспрерывно вела огонь по врагу и Маруся Байда. Вот один гитлеровец ткнулся лицом в жесткую, запорошенную пылью траву, затем еще двое легли, чтобы больше не подниматься. Вот еще один...

Меткий огонь разведчиков прижал наступавших фашистов к земле, они залегли. Воздух дрожал от непрерывных автоматных очередей, взрывов гранат и мин. Гитлеровцев было несколько сот, они упорно лезли по склону, стремясь прорваться к шоссе.

Горстке наших автоматчиков приходилось все время менять огневые позиции, чтобы отражать натиск наседавших с разных сторон врагов. Перед окопами валялись уже десятки убитых фашистов. Но погибли и многие разведчики.

Солнце поднималось все выше, земля дышала зноем, на зубах хрустела пыль, нестерпимо хотелось пить. А воды не было. Патроны также были на исходе. Мария пробралась в канаву, где находились тяжелораненые, чтобы собрать у них боеприпасы. Перевязав раненного в голову бойца, она быстро обошла всех находившихся здесь, принимая от них диски автоматов, патроны, гранаты. Когда вернулась в траншею, Мосенко пристраивал на бруствере немецкий пулемет.

— Сейчас одного фрица угостил прикладом. Он в сад пробрался с пулеметом... А пулемет нам нужен до зарезу,— говорил Мосенко.

Бой разгорался все сильнее. Гитлеровцы упорно стремились сбить заслон наших разведчиков. В саду мелькнуло несколько фигур в серо-зеленых мундирах.

— Немцы хотят зайти нам в тыл! — крикнула девушка.

Раздались три-четыре короткие очереди, и просочившиеся в сад фашисты были уничтожены.

Из цепи наступавших поднялся офицер и, что-то крича и размахивая пистолетом, побежал вперед. Вот он уже скрылся в канаве, пересекавшей ложбинку. За ним туда скатилось несколько солдат. Маруся настороженно ждала, когда они попытаются выбраться наверх. Офицер, первым выскочивший из канавы, тут же был срезан меткой очередью юной разведчицы. Один из солдат хотел подползти к своему начальнику и вытащить его из-под огня, но тоже замер, получив порцию свинца из Марусиного автомата. Больше никто из гитлеровцев не рискнул приблизиться к офицеру.

Позади Маруси послышался шорох. Она оглянулась: прямо

к ней полз человек. «Наверное, связной»,— подумала девушка, но, увидев на плечах погоны, вздрогнула от неожиданности: фашист! На мгновение она растерялась, но тут же овладела собой и вскинула автомат. Выстрела не последовало. Кончились патроны! Что делать? Мария выскочила из траншеи и, размахнувшись, что было силы ударила врага автоматом по голове, потом еще и еще. Забрав у убитого оружие и патроны, Маруся вернулась в траншею и снова начала расстреливать из трофейного автомата поднявшихся в атаку гитлеровцев. И эта вражеская атака была отбита.

БАЙДА
Мария Карповна

— Патронов! Патроны кончились! — раздалось несколько возгласов. Мария снова поползла к месту, где были укрыты раненые.

Собрав остатки патронов и гранат, девушка отправилась обратно. Вдруг она услышала шум борьбы, выкрики по-немецки. Приподнявшись, увидела, как четверо фашистов пытаются обезоружить нашего бойца. «В плен хотят взять,— похолодела девушка,— надо помочь». Заработал ее автомат, и трое из нападавших растянулись на земле, а четвертый бросился бежать, но тоже упал, настигнутый меткой пулей. Красноармеец был спасен. Маруся присоединилась к товарищам, отражавшим очередную атаку гитлеровцев.

Внезапно в канаве, где лежали раненые, грохнул винтовочный выстрел. Оглянувшись, разведчики увидели, как в канаву прыгают гитлеровцы, пробравшиеся через сад в наш тыл.

— За мной!..

И несколько бойцов бросилось вслед за Мосенко на помощь товарищам. Завязалась рукопашная схватка. Рослая, сильная девушка ринулась в самую гущу боя. Приклад ее автомата, описав дугу, обрушился на голову одного из фашистов. Он мешком осел под ноги разведчицы. Долговязый ефрейтор вскинул

автомат, но выстрелить не успел — Мария опередила его, и фашист упал с проломленным черепом. Вскоре такая же участь постигла еще одного гитлеровца...

Едва переведя дыхание, девушка занялась ранеными. Вдруг рядом разорвалась граната. Мария почувствовала удар в голову, острую боль в руке и потеряла сознание. Очнулась, ощутив, как кто-то вливает ей в рот тепловатую воду. Голова и рука ее были уже перевязаны. На нее встревоженно смотрели товарищи:

— Ну как, Маруся?..

— Ничего. Знобит вот только...

День был на исходе, но бой не утихал. Дробно стучали автоматы, гремели винтовочные выстрелы, ухали взрывы. Стрельба была слышна уже где-то позади,— видимо, гитлеровцам удалось потеснить наши части.

Разведчики понимали, что оказались в окружении. С наступлением темноты стрельба поутихла, враг не предпринимал новых атак. Горстке храбрецов (их осталось двенадцать, израненных, измученных боем, жаждой и голодом) было ясно, что находиться здесь дальше бессмысленно: патронов и гранат больше не было. Свою задачу они выполнили, надо выходить из окружения.

— Я выведу вас, места эти мне знакомы,— сказала Маруся.— Со мной пойдут двое: Сметанин и Турпаев, а потом один из них вернется за остальными.

Бесшумно выбравшись из траншеи, девушка и молодые бойцы исчезли в ночной темноте. Чутко прислушиваясь, ползли они по колючей траве, до крови обдирая колени о камни. Где-то неподалеку слышались голоса фашистов. Время от времени местность освещалась зеленоватыми вспышками ракет, и тогда разведчики замирали, прижимаясь к нагревшейся за день земле. Потом продвигались дальше.

Сметанин вернулся за ранеными. Мария и Турпаев напряженно вглядывались в ночную темноту, прислушивались к каждому шороху, ожидая, когда подползут товарищи, и снова двинулись вперед.

Рядом, в кустах, послышался стон. Раненый. Свой или чужой? Девушка осторожно поползла на голос. В кустах лежал командир одного из соседних подразделений. Перевязав раненого, Мария передала его товарищам, а сама снова поползла вперед. Она знала, что где-то на их пути есть минные поля, и поэтому хотела подальше оторваться от двигавшихся следом за ней боевых друзей. «Уж если и погибну, так одна»,— думала она,—а ребятам сказала:

— В случае чего, продолжайте путь по этой ложбине.

Так они медленно продвигались к своим: впереди Маруся, за нею, превозмогая боль, ползли раненые разведчики. Замыкающим был Мосенко. Ползли долго, напрягая последние силы. Было уже за полночь, когда из темноты раздался окрик:

— Стой! Кто идет?

У всех отлегло от сердца.

— Свои! — крикнула Мария.

— Кто свои? Пароль!

— Разведчики мы...

— Да это же наша сестра, Маруся! Проходите. Мы уж думали, что не увидимся с вами.

Измученные до крайности разведчики спустились в окоп и, сдав тяжелораненых, забылись коротким, беспокойным сном.

С рассветом снова разгорелся бой. Вместе с другими Маруся отражала атаки врага. Ей предложили отправиться в госпиталь, но она отказалась. Через несколько дней ей стало хуже: раны на голове и руке ныли все сильнее, стали гноиться, поднялась температура. Несмотря на протесты девушки, командир приказал немедленно отправить ее в госпиталь, находившийся в штольнях.

...За занавесками из простыней были слышны стоны, разговоры. Рядом с Марусей лежали еще две девушки-санитарки, раненные в последних боях.

Медленно течет время на госпитальной койке. Мучили не только раны, но и сознание того, что лежишь в бездействии, в то время, как товарищи бьются с врагом. Вновь прибывшие приносили тревожные вести с передовой: несмотря на героическое сопротивление защитников Севастополя, врагу удалось потеснить наши части. Немцы прорвались к Северной бухте.

Мария лежала, закрыв глаза. В голове бродили мысли. Уже год шла война... Думала ли она когда-нибудь, что станет солдатом, что выпадут на ее долю такие испытания? О войне она слышала не раз от дедушки Василия Михайловича, от односельчан. Многие жители крымской деревни Новый Чуваш были участниками ожесточенных боев за Перекоп в гражданскую. Маша, широко раскрыв глаза, слушала рассказы о легендарных боях, прогремевших в этих местах за два года до ее рождения.

Нелегким было детство. Десяти лет она осталась без матери. Надо было помогать бабушке поднимать младших братьев и сестренку. Накануне войны Маруся работала в больнице. Больные с уважением отзывались о трудолюбивой, жизнерадостной комсомолке.

И вот война. В тот же день Маруся записалась в ополчение.

Враг приближался к Крыму. Все чаще на станции останавливались составы с ранеными, шедшие от Перекопа. Сандружинницы перевязывали солдат, жители кормили их.

Один случай особенно глубоко врезался в память. Забравшись как-то в вагон, Маруся увидела бойца в окровавленных бинтах. Он хрипло дышал. Девушка перевязала ему голову, грудь, руку.

— Ноги еще посмотри, сестричка, не слушаются,— чуть слышно попросил он.

Мария откинула шинель, и сердце ее сжалось. Одна нога бойца была обмотана солдатской рубахой, другая, неестественно изогнутая под наспех наложенной окровавленной повязкой, как видно, была раздроблена. Девушка перебинтовала обе ноги, стараясь делать это как можно осторожнее, и бережно укрыла раненого шинелью. Поезд тронулся, она бросилась к двери.

— Спасибо, сестрица, легче стало,— донеслись до нее слова солдата.— Мне не страшно, что я умру, но очень жаль, что я так мало сделал...

Он что-то еще говорил, но Маруся уже не слышала: состав набирал скорость и ей пришлось прыгнуть на ходу.

«Что он хотел сказать мне?» — думала девушка, вспоминая неоконченный разговор. И вскоре она поняла. Не успел отойти санитарный поезд, как на станцию налетели фашистские самолеты, сбрасывая бомбы, расстреливая из пулеметов женщин и детей, разбегавшихся в ужасе кто куда. Жгучая ненависть к фашистским убийцам охватила девушку. «Так вот почему жалел солдат, что мало убил фашистов! Надо беспощадно истреблять этих извергов,— думала она, бережно неся на руках курчавую девчурку с безжизненно застывшим лицом.— Я должна занять его место в строю».

Мария Байда вступила в истребительный батальон. Училась стрелять, метать гранаты, ползать по-пластунски. Вместе с регулярными частями батальон, в котором она была санитаркой, через Алушту и Ялту отступал к Севастополю. В начале ноября 1941 года подошли к осажденному городу. Здесь Марусю зачислили в армию...

Байда перебирает в памяти фронтовые будни, вспоминает пережитые бои...

Батальон полка держал оборону в районе Итальянского кладбища. Когда в середине декабря немцы начали второе наступление на Севастополь, на этом участке завязались кровопролитные бои, продолжавшиеся днем и ночью на протяжении

двух недель. Здесь Маруся получила настоящее боевое крещение. На поле боя, под пулями, среди разрывов снарядов и мин оказывала она первую помощь раненым бойцам, перетаскивала их в безопасное место и отправляла в медсанбат.

Однажды, когда батальон вынужден был отойти, Маруся ползком вернулась к только что оставленным окопам посмотреть, не осталось ли там раненых. Неподалеку от окопов, занятых врагом, она наткнулась на тяжелораненого командира Зайцева, взвалила его на спину и поползла обратно. Фашисты заметили их, открыли огонь.

— Оставь меня, уходи... Пропадешь! — сдерживая стоны говорил ей Зайцев.

Но девушка, перебираясь от воронки к воронке, упрямо тащила его к своим и вытащила из-под огня.

Сутками без сна, постоянно рискуя жизнью, делала она свое трудное дело. И не зря бойцы, полюбившие ее, еще тогда прозвали бесстрашной Марусей. Сердечно поздравили ее товарищи с присвоением звания старшего сержанта и с назначением санинструктором.

После декабрьских боев полк перебросили в район Мекензиевых гор. Однажды ей пришлось вместе с разведчиками отправиться на задание в тыл врага. Вылазка была удачной, и Маруся решила проситься в разведку.

Она еще больше укрепилась в своем решении, когда из газет узнала, как враги замучили Зою Космодемьянскую и Лизу Чайкину. Смелая патриотка дала себе слово: «Отомщу фашистам за смерть наших девушек!»

— Хорошо ли ты подумала? — говорила Марусе военфельдшер Таня Рябова, с которой они как-то особенно близко сдружились в эти дни непрерывных боев.— Это же разведка, тут нужны стальные нервы. Струсишь — товарищей подведешь.

Но Маруся стояла на своем.

Командир полка, вначале также отговаривавший ее, в конце концов сдался:

— Ну ладно, идите к капитану Хитарову и скажите, что приказ о зачислении будет позднее.

Разведчики радушно встретили девушку, делились с ней секретами своей нелегкой боевой профессии.

...Темной февральской ночью группа разведчиков, среди которых была и Маруся, незаметно проникла в тыл врага. Задание ответственное: разведать огневые точки противника, а самое главное — обнаружить замаскированную дальнобойную батарею, которая держала под обстрелом наши коммуникации.

Двое суток, без сна и отдыха пробирались разведчики по вражеским тылам. Задание было выполнено успешно. Разведчики нанесли на карту огневые точки врага, артиллерийскую батарею они обнаружили в районе Камышловского моста. Ценные сведения о противнике были доставлены в штаб, и вскоре наши артиллеристы накрыли все указанные разведчиками цели.

Спустя некоторое время разведчики получили новое задание — уничтожить огневую точку на одной из высот вблизи Бельбека. Несколько дней они вели наблюдение, изучая подходы к огневой точке, которую гитлеровцы устроили под плитой известняка, козырьком нависавшей над склоном высоты. Под покровом ночной темноты советские воины проникли за проволочное заграждение, проползли незамеченными вблизи неприятельского боевого охранения и подобрались к огневой точке. Им удалось без шума уничтожить пулеметный расчет, а затем заложить взрывчатку. Двинулись обратно, разматывая бикфордов шнур. Неожиданно они столкнулись с фашистом. Разведчики молча навалились на оторопевшего гитлеровца, сбили с ног, связали, заткнули рот бинтом. Но фашисты, услышав шум борьбы, всполошились. Над головами разведчиков вспыхнула ракета, другая, и сразу же из вражеских окопов началась беспорядочная стрельба. Пленного пришлось бросить. Подожгли шнур и начали отползать к проволочному заграждению. «Жаль, оставили «языка»,— подумала Маруся.— Надо вернуться». И девушка решительно поползла туда, где остался связанный гитлеровец. Разведчики завязали бой, отвлекая огонь фашистов на себя.

Вот и «язык». Девушка ухватила немца за воротник шинели и, напрягая все силы, ползком поволокла его к своим. Сзади грянул оглушительный взрыв: значит, вражеской огневой точке наступил конец!

Маруся в это время была уже среди товарищей. «Язык» оказался «длинным» и сообщил много ценных сведений. Командование объявило бесстрашной разведчице благодарность.

...Лежа на больничной койке, Маруся вспоминала все подробности последнего боя у Бельбека. Тяжелый был бой. Многих друзей, храбрых бойцов потеряли тогда...

За занавеской послышались приглушенные голоса. Маруся открыла глаза. В палату вошла сестра, за ней незнакомый политрук.

— Я из красноармейской газеты,— сказал он, протягивая ей руку.— Поздравляю вас, Маруся. Нам только что сообщили: Вам присвоено звание Героя Советского Союза.

Он крепко пожал ей руку. Горячо поздравили Марусю раненые товарищи, сестры. Отвечая на вопросы корреспондента, взволнованная девушка говорила:

— Что передать вашим читателям?.. Родина высоко оценила мои боевые дела. Это обязывает меня драться с фашистами еще беспощаднее. Даю слово своей Родине, своей партии, в которую я вступила накануне последнего боя, что с честью оправдаю высокое звание.

Вскоре Мария Байда была снова в своей части. Разведчики радостно встретили героиню, обступили, наперебой поздравляли, крепко жали ей руки.

Родные лица... Вот Михаил Мосенко, Николай Можайкин, Сергей Шкуричев, Борис Турпаев, капитан Хитаров. Настоящие боевые друзья.

...Бои шли уже на улицах города. Защитники Севастополя, отстаивая каждую пядь родной земли, проявили в этих боях беспримерный героизм, воинскую доблесть и готовность к самопожертвованию.

В последние дни обороны города-героя Мария Байда была контужена. С помощью товарищей она спустилась к морю. Здесь у временного причала скопилось много людей. Ждали транспорт. Но, чтобы провести эвакуацию успешно, надо было оттеснить гитлеровцев подальше от прибрежной полосы. Все, кто мог держать оружие, поднялись в атаку. Фашисты не выдержали отчаянного натиска севастопольцев и откатились.

Перед рассветом к берегу подошли четыре катера. Началась погрузка раненых. Внезапно гитлеровцы открыли артиллерийский и минометный огонь по побережью, причал рухнул, и катера были вынуждены уйти полупустыми.

Часть защитников Севастополя пробралась в горы, к партизанам. Неоднократно такую попытку предпринимали и бойцы группы, в которой находилась Мария Байда, но они наткнулись на огневую точку врага и были вынуждены отойти к морю. Десять дней группа находилась в береговых скалах, надеясь еще пробиться к партизанам.

Наступил вечер 12 июля. Вдруг из-за мыска выскочили четыре вражеских катера, обстреляли из пулеметов скалы, затем выслали к берегу резиновые шлюпки с автоматчиками. Обессилевшие от голода, жажды и болезней люди не смогли оказать сопротивления, и врагам удалось захватить их в плен.

Плен... С ужасом вспоминает Мария Карповна Байда три страшных года в плену. Сначала их погнали в Балаклаву. Тех, кто не мог идти, фашисты пристреливали. Затем пленных при-

везли в симферопольскую тюрьму, а оттуда отправили в лагерь, в Славуту. Многие пленные знали Марусю Байда, хотя она и скрывалась под именем Марии Ивановой, но среди них не нашлось предателя.

В плену Мария выполняла поручения подпольной организации: распространяла антифашистские листовки. Подпольщикам удалось установить связь с партизанами. В начале марта 1943 года намечался побег. Все было подготовлено, чтобы уйти в лес, к партизанам. Но в организацию проник провокатор и выдал гестаповцам ее руководителей. Их зверски пытали, а затем расстреляли.

Мария Байда оказалась сначала в Люблине, потом в Ровно. Затем ее отправили в Германию. Сначала она батрачила у кулака, потом попала на лесоразработки. На рассвете истощенных, одетых в лохмотья людей охранники выгоняли из бараков и вели в лес. Многочасовой, изнурительный труд отнимал последние силы. Но девушка видела, что и здесь советские люди не склонили перед врагом своей головы, а продолжали бороться. Однажды ее попросили спрятать листовки, потом поручили работу среди женщин. Так Маруся стала членом подпольной организации военнопленных. По доносу предателя ее схватили и увезли в гестапо. Фашисты хотели узнать от нее о других подпольщиках, но ничего не добились...

Дни и часы гитлеровского рейха были уже сочтены: советские воины в упорных боях теснили врага все дальше на запад, освобождая народы Европы от фашистского рабства. Вскоре Маруся Байда вместе с другими соотечественниками была вызволена из плена.

Родина не забыла о подвиге отважной защитницы Севастополя. По возвращении домой Марии Карповне Байда были вручены орден Ленина и медаль «Золотая Звезда».

Жадно набросилась она на работу. И, что бы ни поручали ей, любое дело коммунистка Мария Карповна Байда стремилась выполнить как можно лучше.

Сейчас Мария Карповна живет и работает в Севастополе, городе, в боях за который проливала свою кровь. Немало забот отдает она семье, воспитанию детей — Толи и Жанны.

В Севастополе знают Марию Карповну не только как скромную труженицу, заботливую жену и мать, а и как активную общественницу. Земляки не раз избирали ее депутатом в местный Совет. Она часто выступает с воспоминаниями о днях героической обороны Севастополя на кораблях, в воинских

частях, перед рабочими и колхозниками, перед пионерами Артека.

Эта женщина, с добрыми глазами, много пережившая и выстрадавшая, хорошо знает, какой ценой нам достался мир.

— Еще в те дни, в траншеях и блиндажах,— говорит Мария Карповна Байда своим слушателям,— мы мечтали о светлом будущем нашей страны. Перед нами вставали картины счастливой мирной жизни. Мы воевали за это счастье. Мы с оружием в руках прокладывали нашему народу путь к миру, широкую дорогу для дальнейшего коммунистического строительства. Мы знаем, что такое война и какие бедствия она несет народам. Будем же охранять мир!

В ответ на ее слова от всей души хочется пожелать этой мужественной, бесстрашной защитнице Советской Родины:

— Счастливой жизни вам, Мария Карповна!

И. КРЮКОВ

ДО ПОСЛЕДНЕГО ПАТРОНА

Воинский эшелон из нескольких красных теплушек и длинной вереницы платформ, загруженных военной техникой, почти безостановочно шел на запад. Мелькали маленькие полустанки, заснеженные поля, в белом наряде леса и перелески. На стыках рельсов ритмично отстукивали привычную дробь колеса.

В одной из теплушек вокруг жарко растопленной «буржуйки» стайкой сидела группа девушек в военных шинелях и шапках-ушанках. Они ехали на фронт после окончания Центральной снайперской школы ЦК комсомола, и теперь каждой хотелось представить, как их встретит передовая, какая она эта передовая. В школе им много говорили об этом, но так это же в школе. А на самом деле, может, будет совсем по-другому.

В чуть приоткрытую дверь теплушки весело заглядывало апрельское солнце, еще по-зимнему холодное в этих местах. Ближе всех к двери сидела живая, подвижная девушка, с лихо выбивавшейся из-под солдатской шапки прядью волос — Таня Барамзина. Она ловким движением прикрыла дверь теплушки и, подсаживаясь поближе к печурке, со вздохом сказала:

— Эх, девчонки! Страшно, наверное, там, на фронте, будет?!

Подружки, сами много думавшие об этом, молчали. А Таня не отставала:

— Ну, чего же вы молчите?

— А что говорить? Вот приедем на место — увидим! — отвечали девчата.

Кто-то запел песню:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная —
Священная война!

Запев получился недружный. Таня почему-то про себя повторила слова подруг: «Приедем на фронт — увидим» — и посмотрела на девушек. Они были задумчивы и сосредоточенны. Видно, уезжая далеко от родных мест, каждая думала о своем: о доме, о близких, товарищах, о внезапно нарушенных войной планах. Захотелось подумать об этом и Тане...

У нее, как и у многих ее сверстников, тоже были свои светлые мечты, свои планы в жизни. До войны она окончила семилетку, потом педагогическое училище. Став учительницей начальной школы, Таня по-настоящему узнала радость труда.

Воспитывать молодое поколение, будущих строителей коммунизма — это ли не самое большое счастье в жизни! Это хорошо понимала Таня и все острее ощущала внутреннюю потребность — как можно больше накопить знаний и передавать их своим воспитанникам. Эта мысль привела ее к решению получить высшее педагогическое образование. В 1940 году она поступила в Пермский государственный университет.

Но война в самом начале оборвала эти светлые мечты. Конечно, Таня понимала, что война, какой бы она жестокой ни была, не могла приостановить жизнь огромной страны. Работали фабрики и заводы, кипела неугомонная жизнь на колхозных и совхозных полях, были открыты двери учебных заведений. Значит, нужны были люди, специалисты всех профессий. А значит, и она, студентка Барамзина, была тоже у дела...

Но тревожные вести с фронтов не давали покоя. Все чаще Таня задавала себе вопрос: а может быть, я, молодая девушка, сейчас больше нужна там, на фронте, где решается судьба Родины? Пермь была глубоким тылом, и Таня, приехавшая сюда учиться из Удмуртии, часто выходила на железнодорожную станцию. С грустью она встречала и провожала прибывавшие эшелоны с эвакуированными людьми, техникой, промышленным оборудованием. Проходили эшелоны с ранеными. Фронтовики рассказывали об ужасах войны, о зверствах немецко-фашистских захватчиков, о страданиях советских людей.

И Таня решила идти на фронт. Ей хотелось во что бы то ни стало внести свой вклад в разгром врага. И вот теперь с группой подружек, с которыми уже три месяца делила трудности нелегкой солдатской жизни в снайперской школе, она едет на 3-й Белорусский фронт. Далеко позади остались родной город Глазов, родительский дом, старушка мать, братья и сестренки. Там же остались ее беззаботное детство и юность. А впереди — фронт!

Фронтовая обстановка с первых дней показалась Тане не

такой, какой представляла она ее в снайперской школе. Таню направили в одну из рот 3-го стрелкового батальона 252-го стрелкового полка и, как выразился командир, «прикрепили на выучку» к обстрелянному снайперу. Она научилась искусству маскировки, познакомилась с тактикой и повадками врага. За несколько дней боевой учебы непосредственно на переднем крае Таня даже успела уложить трех гитлеровцев.

— Теперь тебе можно и самостоятельное задание доверить,— сказал Тане опытный снайпер.

Весна в Белорусских лесах не очень балует хорошей погодой. Да и места, где проходила линия фронта, были сырые, болотистые. Таня рано утром уходила на задание. За передний край приходилось выползать осторожно, нередко преодолевать заболоченные участки, а затем целыми днями неподвижно лежать в мокрой одежде, чтобы выследить врага и сразить его.

Однажды, находясь на задании, Таня заметила, как от небольшой речушки по кустарнику осторожно продвигались два гитлеровца с ведрами в руках. Таня догадалась: видно, за водой приходили к реке. «Но почему же раньше здесь не замечала этого? Ведь уже третий день тут лежу, а не замечала...»

Но, когда Таня взяла на прицел и уложила впереди идущего, второй шарахнулся вправо и тут же исчез за небольшим холмом. Только теперь поняла Барамзина что к чему: раньше немцы ходили к реке и возвращались обратно, обходя холм, который и скрывал их от глаз снайпера. Потом, очевидно убедившись, что на этом участке спокойно, решили не делать крюк вокруг холма, а идти напрямую...

«Вот и попытали счастья! — удовлетворенно подумала Таня.— Еще одного недосчитались!» Но девушка тут же упрекнула себя в ошибке: значит, не там, где надо, выбрала позицию, плохо изучила местность. Надо было правее, чтобы обзор больший был...

Только она об этом подумала, как со стороны противника раздался гулкий минометный выстрел, потом еще и еще. Мины одна за другой стали ложиться в кустарнике. «Засекли, сволочи! — подумала Таня.— Наверное, тот фриц, которого не успела ухлопать, навел...»

Минометный огонь все усиливался. Правда, разрывы ложились далеко от Таниной позиции, но от этого было не легче. Надо теперь лежать без движения. А сколько придется так пролежать? Все равно сколько! Пошевелись — и немедленно попадешь в поле зрения либо вражеского наблюдателя, либо снайпера. А тут еще противник открыл сильный огонь из пулеметов и автоматов. Пули свистели над головой, срезая верхушки кустарника. Таня впервые попала в такую обстановку, и ей стало немного страшно. Но она твердо помнила снайперскую заповедь: терпение и еще раз терпение, главное — не выдать себя!

Выручили наши артиллеристы и минометчики. Они обрушили сильный огонь по пулеметным точкам и минометам врага и заставили их замолчать. Но Тане все равно нельзя было шевелиться. Так она пролежала час, второй, третий. Все тело продрогло, руки и ноги закоченели, звенело в ушах, и нестерпимо хотелось есть.

Наступал вечер, стал накрапывать дождь, который вскоре превратился в сплошной ливень, в трех шагах ничего не было видно. Только теперь Таня ползком направилась к своим окопам.

Мокрая и уставшая предстала она перед командиром, доложила обстановку и сказала, что назавтра придется перенести огневую позицию ближе к тому месту, где немцы ходили к ручью за водой.

— Ни в коем случае! — возразил командир.— Теперь несколько дней вам там делать нечего. Немцы каждый квадратный метр будут просматривать. Подберем другой объект. А сейчас идите ужинать и отдыхайте...

Другой объект подобрали только дней через пять. Все это время Таня очень плохо себя чувствовала, так как сильно простыла. Но зато на этот раз объект оказался довольно удачным.

Едва занялась заря, Таня уже была за передним краем. Впереди она увидела серебристый изгиб реки. На той стороне были позиции противника. Берега реки в этом месте были крутые, почти отвесные. Над водой нависали ветви деревьев в густой листве.

«Как красиво!» — подумала Таня и вспомнила родную речку Чепцу. Вспомнился покойный отец, с которым она часто уходила на ночную рыбалку, а по утрам любовалась красотами реки...

Вдруг она услышала тихий всплеск воды. В том месте, где начинался изгиб реки и берега были высокими, по воде скользил небольшой плот. Таня разглядела на плоте пятерых солдат противника.

«Не допущу, чтобы скрылись за изгибом! — подумала девушка, и сердце ее часто заколотилось.— Спокойно, спокойно...»

Она поймала в оптический прицел одного гитлеровца, который шестом подгонял плот. Раздался выстрел, и фашист кувыркнулся в воду. Плот закружило на воде. Это было кстати. Следующими выстрелами Таня сразила еще двух гитлеровцев. Оставшиеся в живых два солдата бросились к воде. Один зацепился за что-то шинелью, и, пока пытался освободиться, Таня успела подстрелить его. Зато пятому фашисту удалось скрыться под водой.

«В шинели долго под водой не просидишь!» — подумала Таня, не сводя глаз с реки. И действительно, вскоре над водой показалась голова врага. Таня прицелилась, но — что такое? — в оптическом прицеле вместо головы человека она увидала какое-то мутное, расплывчатое пятно. И все-таки выстрелила. Потом зажмурила глаза, оторвалась от прицела и снова открыла глаза. Впереди ясно увидела, как гитлеровец быстро карабкался на отвесный берег.

— Еще, чего доброго, улизнет! — прошептала Таня и тут же нажала на спусковой крючок. Фашист скатился в воду.

«Что же это у меня со зрением? — в испуге подумала девушка.— Или просто показалось...»

Таня внимательно осмотрела оптический прицел. Он был в порядке. Но ни в тот день, ни на следующий она никому не сказала о случившемся. Через некоторое время опять произошел такой случай. Врачи осмотрели ее и запретили заниматься снайперским делом.

— Нельзя перенапрягать глаза, иначе можно совсем ослепнуть,— сделали они вывод.

— Что же будем делать, Барамзина? Прощай фронт — лечиться надо! — сказал командир, огорченный, пожалуй, не меньше девушки.

Таня и сама понимала — какой из нее снайпер со слабым зрением, но попросила командира:

— Оставьте на любой должности. Хочу продолжать бороться с врагом. Я могу быть связисткой...

Командир поблагодарил мужественную патриотку и согласился.

Так снайпер Барамзина стала связисткой. И эту опасную работу Таня выполняла честно, проявляя мужество и отвагу.

В мае 1944 года гитлеровцы контратаковали наши части. На участок, обороняемый 3-м батальоном, следовали один за другим сильные артиллерийско-минометные налеты. Таня Барамзина в этот день обеспечивала телефонную связь командного пункта батальона с подразделениями.

Линия связи то и дело рвалась. Под сильным огнем, рискуя жизнью, Таня быстро исправляла повреждения. Смелая и подвижная, с автоматом и телефонным аппаратом за плечами, она появлялась то в одном, то в другом месте и устраняла порывы. Вначале считала, сколько исправила повреждений — пять, десять, двенадцать... А потом и счет потеряла. Устранив очередной порыв линии, возвращалась на командный пункт.

Во второй половине дня она уже почти подошла к блиндажу, но решила включиться еще раз в линию — не случилось ли чего? Так и есть, новый порыв! Не выпуская из рук провод, Барамзина бросилась искать повреждение. Когда отошла уже довольно далеко, справа послышались автоматные очереди, пули зажужжали над головой.

«Немцы! — мелькнула мысль.— Обошли с тыла!»

Не мешкая, Таня со всех ног бросилась к командному пункту, чтобы предупредить командира.

— Немцы обходят с тыла! — крикнула она, открывая дверь блиндажа.

Все, кто был в блиндаже, выскочили наружу, бросились навстречу врагу. Рядом с Таней бежал командир батальона, увлекая за собой подчиненных. Вдруг он упал как подкошенный. Таня подбежала к нему, перевернула на спину: командир был мертв. Тогда Барамзина встала во весь рост, подняла высоко над головой гранату и с криком «За мной! Бей фашистов!» бросилась вперед.

Бойцы устремились за Таней. Разгорелась рукопашная схватка. Враг был смят...

Вскоре после этого батальону предстояло принять участие в десантной операции по уничтожению окруженной группировки противника. Офицер связи подошел к Тане и сказал:

— Может, останешься пока здесь? Будет очень трудно и опасно.

Но Барамзина не отстала от своих боевых друзей. Она была готова к выполнению любой боевой задачи.

На рассвете 5 июня 1944 года мощные транспортные самолеты доставили бойцов батальона в указанный район. Командир сразу же выделил разведчиков, которые тщательно проверили близлежащий лес, проселочные дороги, уничтожили патрулей, охранявших дорогу, подорвали склад с боеприпасами.

Утром батальон выступил. Вскоре разведка донесла: впереди, около леса, обнаружена большая группа отступающих гитлеровцев. Обстановка сложилась так, что надо было вступать в бой.

Таня шла со снайперской винтовкой в первых рядах наших бойцов. Гитлеровцы сопротивлялись ожесточенно. Они бросались в контратаки, но, встречая сильный пулеметный и автоматный огонь, откатывались назад, неся большие потери.

Метко разила фашистов Таня из своей снайперской винтовки. Воины батальона уже заняли несколько вражеских блиндажей. В одном из них разместили тяжело раненных бойцов и командиров. Санитаров не хватало. Тогда командир приказал Тане включиться в эту работу.

Перевязывая раненых, девушка не заметила, как к блиндажу подобралась группа фашистов. Увидев их, она стала стрелять из снайперской винтовки, а когда кончились патроны, подобрала чей-то автомат, несколько гранат и продолжала уничтожать врагов, защищая раненых товарищей.

Но силы были слишком не равны. А гитлеровцы все настойчивее осаждали блиндаж. Когда у Барамзиной кончились патроны, немцы ее схватили, стали пытать. Им надо было знать, как попали сюда русские и сколько их: полк, дивизия?

Но фашистам ничего не удалось выпытать у славной советской патриотки.

После боя наши воины нашли в блиндаже изуродованное Танино тело. После страшных пыток фашисты расстреляли ее из противотанкового ружья. Воины батальона поклялись над могилой Тани отомстить фашистам за ее мученическую смерть.

Указом Президиума Верховного Совета СССР в марте 1945 года славной дочери советского народа Татьяне Николаевне Барамзиной посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В. ВОРОНИН

ВО ИМЯ СЧАСТЬЯ

В Ленинграде, на Васильевском острове, есть Дворец культуры, носящий имя С. М. Кирова. В нем на протяжении многих лет проводятся тематические вечера «Славные патриотки нашей Родины». Эти вечера помогли выявить в городе многих заслуженных, талантливых, но скромных, на первый взгляд незаметных советских женщин-патриоток, которые честно трудятся на своем посту и никогда не кичатся своими заслугами. Одна из них — участница Великой Отечественной войны Герой Советского Союза Мария Степановна Батракова (ныне Демидова).

К Марии Степановне я приехал под вечер. Она сидела на диване в окружении своих детей. В ее облике я не увидел ничего героического: среднего роста, тоненькая, застенчивая. Предложение принять участие в тематическом вечере во Дворце культуры, рассказать о боевых делах в Отечественную войну смутило героиню. Она сказала:

— Разумеется, есть о чем вспомнить, но ведь сколько прошло с тех пор лет, сколько утекло воды. Немало на свете людей, у которых заслуг куда больше, чем у меня. Да и рассказчик из меня плохой. Вот только разве детям слушать...

Мария Степановна не ищет красивых слов и выразительных жестов. Говорит ровно и негромко, но настолько искренне и задушевно, что сразу же завораживает слушателей. Как живые встают в памяти картины осажденного Ленинграда. Окна домов, крест-накрест заклеенные бумагой. На фасадах предупреждающие надписи: «Эта сторона улицы более опасна». Ночью, сотрясая воздух, по улицам мчатся танки — в сторону Средней Рогатки, Невского, Дубровки, Мги. Облачка разрывов висят над Витебским и Балтийским вокзалами, перемещаются все ближе

и ближе к Невскому, осыпая осколками крыши домов, выщербляя асфальт.

По улице Стачек шагает девушка. Это бывшая десятиклассница Мария Батракова. Она идет в военкомат...

Первое боевое крещение под Мгой.

Взрослеет и мужает в боях Мария. Она воюет под Ленинградом и Таганрогом, попадает в фашистский застенок. Вызволенная из неволи партизанами, снова идет в действующую армию. Падает смертельно раненный командир. Его заменяет Батракова. Сквозь визг и шипение осколков, грохот канонады слышится призывный голос простой ленинградской девушки:

— Вперед, за мной!

Дымятся немецкие танки, коченеют трупы фашистов, а на вершине холма уже развевается красное знамя, и рядом с ним Мария Батракова с автоматом в руке...

«ЗДРАВСТВУЙТЕ! Я ВАША ТЕТЯ»

Осень выдалась сухой и теплой. В лесу по ночам шуршат листьями ежи, пахнет грибами, печеной картошкой.

На сенной подстилке лежат три девушки. Одна из них — Мария Батракова. Она не спит. Взгляд устремлен в темное, усыпанное звездами, тревожное небо. О чем же думает она?

Она думает о том, что простому человеку ненавистна война. Простой человек приспособлен к мирной жизни, и вряд ли найдется такой, который бы сказал: «Я привык к войне и считаю ее нормой жизни». На поведении человека, конечно, сказывается обстановка, он старается приучить себя к постоянной опасности и тревогам, но стоит в минуту затишья прислониться к дереву, лечь на землю и закрыть глаза, как мысли и чувства уносятся к родному дому и из темноты, из дальней дали, начинают выплывать знакомые добрые, мирные и совсем невоинственные лица. Как хочется, чтобы небо не затягивало дымом и оно вечно голубело, чтобы в мире стояла тишина, покой. Нет, что ни говорите, нет ничего ужаснее, чем война. Но как сделать так, чтобы быстрее она кончилась? Надо воевать, всеми средствами истреблять фашистов, мстить за выжженные города, вытоптанные нивы.

...Там, за линией фронта, остался Ленинград, родной дом за Нарвской заставой. Там, за линией фронта, осталась школа, осталась юность со всеми радостями и печалями. Нет здесь

Марии Батраковой. Есть «племянница» той старой «тетки», что живет в подгорном селе, километрах в двадцати отсюда.

БАТРАКОВА
Мария Степановна

И вспоминается ей большая фронтовая карта, сплошь расцвеченная флажками, гладко выбритый, седеющий полковник — начальник разведотдела.

— Вот и пригодилось знание немецкого языка,— мягко ступая по ковру, говорит он.— Предстоит экзамен посерьезнее школьного. Он требует не только знаний, но и мужества, силы воли, выдержки.

Полковник испытующе смотрит в глаза Марии, разворачивает карту:

— В том подгорном селе живет ваша «тетя». Явитесь к ней и отрекомендуетесь «племянницей». Она ответит: «Здравствуйте! Я ваша тетя!» Помните: в нашем деле нужна осторожность, осторожность и еще раз осторожность.

Гаснут в небе звезды.

Не хочется Марии нарушать сладкий сон своих спутниц, но ничего не поделаешь: война. Она в любое время может дать о себе знать самым неожиданным образом: снайперским выстрелом с той высокой елки, автоматной очередью из куста, свистом смертоносной бомбы. Надо спешить.

— Девушки, пора! — шепчет Мария.

И вот уже закопано оружие, зашнурованы ботинки, приготовлены дорожные узелки. Разведчицы обнимаются, крепко жмут руки и расходятся каждая своим путем.

Появление в селе родственника по тем временам считалось делом обычным. Приход Марии «тетка» обставила более чем по-родственному: при встречах с односельчанами увлажняла слезами глаза, плакалась, что «племянница» перенесла столько горя и страданий и уж так изголодалась, что, кажется, и не накормить досыта.

Потом оказалось так, что у «тетки», слава богу, осталась в живых не только «племянница», но и «племянничек». Слава богу, слетаются понемногу птенчики.

«Племянничек» заходил изредка, обычно вечером, и Мария с удовольствием беседовала с ним... о движении по военным дорогам, о концентрации гитлеровских войск, о складах с горючим, об аэродромах. И все шло так, как и должно было идти: над тем местом, где стояли цистерны с горючим, появлялись краснозвездные самолеты — бушевало гигантское пламя. Гитлеровские войска предпочитали пробираться обочинами дорог.

Но, как говорится, в семье не без урода. Нашелся такой «урод» и в селе, где проживала Батракова. Однажды в комендатуру пришел фашистский прихвостень, сказал:

— Племянница? Да какая же то племянница! Да это же чистая партизанка!

Так Батраковой пришлось познакомиться с фашистским застенком.

— Партизанка — неистовствовали в комендатуре.— Говори: кто послал?

Морили голодом. Выкручивали руки. Били до потери сознания. Обливали водой и снова били. Но... так и не дознались, кто послал.

Тогда фашисты решили расстрелять Марию. И расстреляли бы с тем холодным спокойствием, с каким расстреливали тысячи советских патриотов. Но не суждено было сбыться очередной фашистской жестокости. Слишком велика была у Марии любовь к жизни, к людям, да и столько еще было впереди несвершенных больших дел.

В то время, когда фашисты уже заготовляли традиционную дощечку: «Партизанка. Всех, кто помогает и сочувствует партизанам, ждет смертная кара», в село нагрянули партизаны.

Смертная кара постигла фашистских палачей, а Марии Батраковой пришло избавление. Долго пробыла она в госпитале. А подлечившись, снова попросилась на фронт, на передовую, туда, где решалась судьба Отечества.

«ВПЕРЕД, ЗА МНОЙ!»

Украинское село раскинулось по гребню балки. На дне бурлил ручей, и воздух был напоен неповторимым ароматом ранней весны. По склонам балки тянулись сады. Деревья только что зацвели, земля была усыпана белыми и розовыми лепестками,

а над садами, над степью дрожало и переливалось голубое марево.

Деревушку трясло от бомб и снарядов, яблони и вишни были поломаны, многие вырваны с корнем. Вторые сутки бушевал огненный шквал. Но напрасно старались немцы вернуть потерянные позиции. После многих вынужденных отходов воины 118-й стрелковой Мелитопольской дивизии намертво зацепились за балку, зубами вгрызлись в ее гребень, укрылись за корнями вывороченных деревьев. 117-й гвардейский артиллерийский полк прикрывал правый фланг дивизии. Только что была отбита очередная атака. Командир полка сидел под старой яблоней, держал на коленях карту, дымил самокруткой. И вдруг к нему подошла девушка в военной форме:

— Старший сержант Батракова прибыла для прохождения дальнейшей службы!

Глаза командира полка смотрели широко, удивленно и как-то нежно:

— Как вы сюда пробрались? Кругом такой ад.

— Я — солдат, имею на руках направление в часть. Обязана пробраться.

— Значит, солдат? Ну что ж, очень хорошо; идите вон в ту землянку и передайте начальнику штаба, что вы назначаетесь санитарным инструктором зенитной батареи.

Ей, прошедшей суровую школу войны, нетрудно было включиться в боевой ритм. Во время очередной воздушной атаки был ранен подносчик снарядов. Мария перевязала его, отправила в тыл и сама стала на его место. В послужном списке появилась благодарность.

Батраковой дают общественное поручение — назначают комсоргом батареи. Проходит несколько месяцев, и эта комсомольская организация становится одной из лучших в полку. Организаторские способности Батраковой раскрываются от боя к бою.

1943-й год. Мелитопольская дивизия с боями продвигается вперед. В авангарде этого наступления идет 1-й батальон одного из полков дивизии. В первых рядах бойцов шагает молодая девушка с погонами гвардии младшего лейтенанта на вылинявшей гимнастерке. Это — Мария Батракова, выдвинутая недавно на должность комсорга батальона.

30 сентября батальон достиг реки Молочной. Бойцы соседней дивизии уже несколько часов штурмовали водную преграду, но безуспешно. Атаки захлебывались одна за другой. Сильным огнем противник обескровливал роту за ротой.

Полк прибыл на позиции в тот момент, когда захлебнулась

очередная атака соседей. 1-й батальон занял оборону в зарослях урочища и по многочисленным ходам сообщения приближался к берегу, накапливаясь для штурма. Уже по тому, что на командный пункт батальона прибыл командир дивизии гвардии полковник Добровольский, нетрудно было догадаться, что предстоит жаркое дело. Он приказал собрать офицерский состав и сам доложил обстановку.

Стол заменял массивный плоский камень. На нем лежал лист пергамента, испещренный линиями и топографическими знаками. Это был план немецкой обороны. Командир дивизии кратко сформулировал боевой приказ:

— Форсировать водную преграду, преодолеть ров, ворваться в окопы противника и во что бы то ни стало продержаться до подхода резервов.

Командиру дивизии нужно было еще побывать в некоторых полках и батальонах, но он решил задержаться, чтобы убедиться, каково настроение воинов, каков их боевой дух перед атакой.

— Моя опора — коммунисты,— сказал полковнику комбат.

— Так! — одобрил Добровольский и посмотрел на комсорга.

Батракова доложила:

— Комсомольцы пойдут с коммунистами плечом к плечу!

Точного часа атаки бойцы и офицеры не знали — в штабе полка все еще шли уточнения деталей,— но предполагали, что это произойдет, вероятно, под покровом темноты. Так думала и Батракова. Она спешила побывать в тех взводах и отделениях, которым предстояло действовать в головном отряде, беседовала с солдатами, помогала написать письма.

Ночью война кажется более зловещей. Обычные страхи усиливаются еще ракетной метелью, багровыми сполохами на горизонте и над головой, пожарами в тылу.

Как только стемнело, отделение сержанта Тищенко пошло проверить твердость речного дна, глубину отдельных участков. Прячась в прибрежных зарослях, бойцы без потерь достигли берега, сняли сапоги и вброд проверили русло. Противник не сделал ни одного выстрела, хотя посты наблюдения, видимо, засекли бойцов. Очень слабый был огонь и при форсировании. Многие объясняли это превосходством нашей артиллерии. Но это было не так. Стоило бойцам покинуть естественное укрытие обрывистого берега и сделать несколько шагов в сторону противотанкового рва, как со всех сторон: и с фронта, и с флангов — плеснул такой свинцовый ливень, что в передних рядах мало кто остался в живых. И сразу же, как только захлебнулась атака, начатая с ходу, немцы перенесли артиллерийский и минометный огонь в тыл, в русло реки. Нетрудно было разгадать их замысел: они рассчитывали не допустить подхода резервов, атаковать батальон и сбросить его в реку.

Батракова шла со взводом младшего лейтенанта Баглюка. Не успела она сделать и трех шагов от берега, как глаза ослепило, горизонт будто раскололся, тысячи разноцветных нитей опутали ее, и не было мочи вырваться из этого огненного клубка. Рядом что-то треснуло, в лицо и уши ударила горячая волна, Батракову сбило с ног, она куда-то поползла, а когда опамятовалась, открыла глаза и подняла голову, то поняла, что лежит на берегу, у самой воды. Снаряды и мины рвались где-то позади, в реке. Значит, путь к отступлению отрезан. Впрочем, об отступлении никто и не помышлял: приказ есть приказ. Только наступать, наступать во что бы то ни стало, отвлечь на себя огонь противника и дать возможность переправиться резервам.

Она разыскала Баглюка, собрала оставшихся в живых комсомольцев, напомнила:

— Плечом к плечу!

Атака повторилась. Немцы предприняли контратаку. Но наша артиллерия создала мощный огневой заслон, и, прижимаясь почти вплотную к огневому валу, ведя стрельбу на ходу, шаг за шагом продвигались бойцы к противотанковому рву. Нужно было спешить, иначе можно потерять своего верного союзника — ночь.

Вот он, противотанковый ров, обрамленный надолбами, усеянный трупами. Батракова набрасывает на бруствер штурмовую лестницу, вторую набрасывает Баглюк, третью — сержант Тищенко, четвертую, десятую... бойцы. Вот уже и ров остался позади. Взводный неожиданно вскидывает руками и падает навзничь: убит!

Батракова почувствовала, как к горлу подкатывается тяжелый комок. Вместе с глубоким вздохом вырывается проклятье:

— Изверги!

Она выпрямляется, вставляет в автомат диск, бросает зов:

— Комсомольцы, за мной!

В этот бросок вложено все: месть за Ленинград и домик на улице Стачек, за поруганную Родину, за украденное счастье, за нарушенный мир.

Цепляясь за корни, припадая щекой к земле, она ползет на высоту и, достигнув ее вершины, поднимается в полный рост, взмахивая, как флагом, накалившимся автоматом...

Но немцы, видимо, не хотели расставаться с этой высотой. На рассвете послышался грохот.

— Танки! Танки идут! — закричал кто-то.

— Гранаты к бою! — подал команду командир батальона и тут же упал, намертво сраженный разорвавшимся снарядом.

— Гранаты к бою! — как эхо, снова прокатывается над окопами, и все узнают голос комсорга Марии Батраковой. Она приняла командование батальоном.

— Без паники, товарищи! Спокойно!

Первая танковая атака была отбита. За ней последовала воздушная, затем — снова танки. Атака за атакой, одна ожесточеннее другой. Мария почувствовала, как ее что-то обожгло, гимнастерка стала влажной, но она не испытывала ни боли, ни страха и только по-прежнему яростно нажимала на спусковой крючок...

Очнулась Мария в госпитале. Здесь ей вручили телеграмму от командующего. Генерал армии Толбухин поздравлял Марию Степановну с присвоением высокого звания Героя Советского Союза.

Ни под Мгой, ни под Таганрогом, ни в фашистском застенке — нигде не плакала Мария. Но, получив это радостное известие, не сдержалась, заплакала — от нахлынувших воспоминаний, от полноты чувств, от счастья.

Вот что писал 27 октября 1943 года о ее подвигах командир дивизии:

«Комсорг батальона Батракова сумела вырастить численно самую большую комсомольскую организацию в дивизии.

Всегда находясь в боевых порядках подразделений, Батракова умела появляться в трудные минуты на самых ответственных участках и личным примером отваги и мужества воодушевляла бойцов.

30 августа в боях за населенный пункт Кислицкий, Анастасиевского района, добровольно, вместе с ротой автоматчиков, участвовала в танковом десанте. Противник ураганным артиллерийским огнем вывел из строя три наших танка, остальные вошли в укрытие. Оставшиеся двадцать два автоматчика залегли, вышел из строя командир десанта. Комсорг Батракова вскочила на танк и с лозунгом «За Родину!» увлекла бойцов. Немецкие траншеи были взяты...

Позднее, при форсировании реки Молочной, противник вел ураганный артиллерийский, минометный и пулеметный огонь по заранее пристреленному рубежу. Боевые порядки штурмовала вражеская авиация. У трясины бойцы остановились. Батракова бросилась вперед и, утопая по пояс в вязкой тине, увлекла за собой бойцов. Глубокий противотанковый ров Батракова преодолела по штурмовой лестнице. При преодолении противотанкового рва пал командир. В этот момент все услышали голос Батраковой: «Вперед, за мной!» Она повела воинов в рукопашную схватку. Как львы дрались бойцы и опрокинули немцев. Во время жестоких атак немцев — а их было пятьдесят три танковых и восемнадцать воздушных — батальон вел стодвадцатичасовой бой.

В течение суток не было воды. Единственный артезианский колодец охранялся немецкими снайперами и пулеметчиками. Раненые, укрытые в эскарпах, просили пить. Батракова обеспечила доставку воды.

Пятьдесят вторая танковая контратака была самая мощная. Батракова поднялась во весь рост и обратилась к бойцам и офицерам: «Ни шагу назад! Умрем, но не отступим!» Завоеванный рубеж был удержан.

Батракова в этом бою получила два ранения, но осталась в строю. По приказу командования, истекавшую кровью, ее эвакуировали в санчасть. Вылечившись, она снова возвратилась в строй...»

* *
*

Много лет прошло с тех пор. Время посеребрило у Марии Степановны виски, наложило морщинки, но не коснулось ее подвигов. Они будут вечно молодыми, вечно будут жить в сердцах людей. Совершены эти подвиги во славу Родины, во имя счастья на земле.

Л. ЛИТВИНОВА,
Герой Советского Союза

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭКИПАЖ

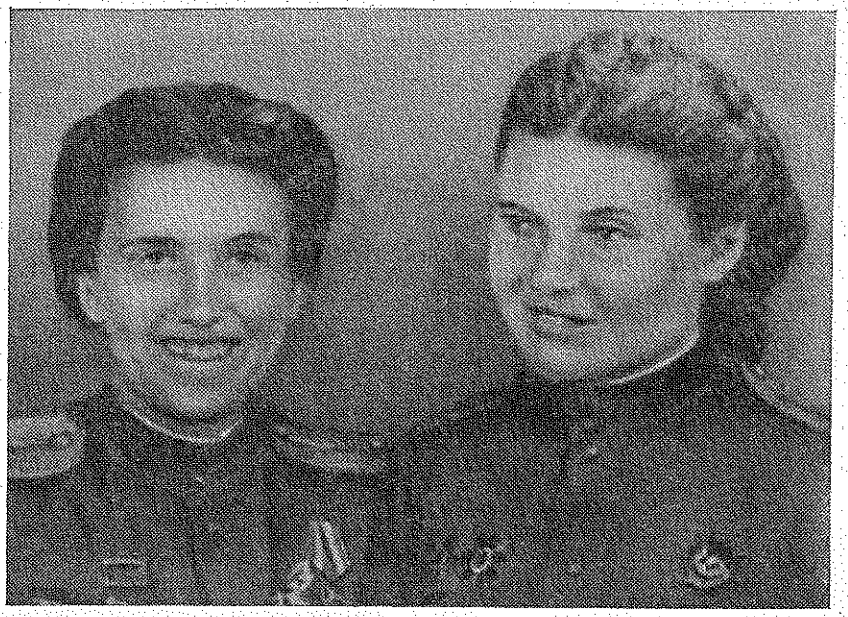
Осенью 1942 года под Моздоком шли ожесточенные, кровопролитные бои. Фашисты рвались на Кавказ, к Грозному и Баку, за советской нефтью, не считаясь ни с какими потерями, бросали в бой все новые и новые полчища. Советские войска стойко отражали натиск врага.

В тревожную сентябрьскую ночь, когда гитлеровцы собирались форсировать Терек, женский авиационный полк ночных бомбардировщиков получил боевой приказ: разгромить вражескую переправу на реке.

Тихоходные самолеты ПО-2 один за другим взлетали с маленького фронтового аэродрома и уходили на выполнение боевого задания.

Командир звена младший лейтенант Татьяна Макарова со своим штурманом старшиной Верой Белик поднялись в воздух. Над головой повисли лохматые облака, вдалеке виднелись костры пожарищ. Нагруженный бомбами самолет бросало словно утлое суденышко в шторм. Он то проваливался с захлебывающимся мотором вниз на сотню-другую метров, едва не касаясь вершин Сунженского хребта, то взлетал под самые облака или валился вдруг на крыло, подброшенный мощными потоками воздуха. В ту ночь свирепствовала над горами страшная болтанка, и управлять самолетом, парировать резкие, непроизвольные броски было очень трудно.

Таня выбивалась из сил. Неимоверно устали руки, ныла спина. На какое-то мгновение ей уже показалось, что она не выдержит такого напряжения... И вдруг летчица увидела внизу выстрелы... На земле, на линии фронта, началась перестрелка. Горькая мысль обожгла мозг: «Фашисты... Они снова лезут в атаку... А я? Раскисла! Устала!..» Ненависть к врагу переполнила сердце, и усталость пропала. Она мысленно отдала себе приказ: «Вперед! Скорее сбросить бомбы на врага! Разрушить переправу!»



МАКАРОВА Татьяна Петровна (слева) и БЕЛИК Вера Лукьяновна

А впереди, над целью, бушевало море огня. В лучах ярких прожекторов Таня увидела светлую точку — самолет. Это кто-то из подруг, вылетевших раньше, уже дошел до цели, но попал в беду. И Таня, позабыв об опасности, смело врезалась в зону зенитного огня... Пять ярких лучей, словно стальными клещами, схватили самолет, свет хлестнул по глазам, ослепил летчика и штурмана. Со всех сторон к самолету устремились снаряды. Впереди и сзади, слева и справа, всюду вокруг запрыгали огненно-красные шары, повисли шапки темно-бурого дыма. Но Таня словно не замечала ни огня, ни света. Она упорно продвигалась вперед, приближаясь к переправе.

Штурман Вера Белик зорко следила за всем происходящим в районе цели. В нужный момент она сбросила светящуюся бомбу. Прикрываясь рукавом от яркого света прожекторов,

смахивая набегавшие слезинки, Вера склонилась над прицелом. Тоненькая ниточка переправы почти под самолетом... Пора заходить на боевой курс. А зенитный огонь все усиливается.

— Лево двадцать градусов! Так! Хорошо! Держать боевой курс! — четко подала команду летчику штурман и начала прицеливаться.

Самолет словно повис над целью. В эти тридцать — сорок секунд, необходимые для прицеливания и точного бомбометания, вражеские зенитчики усиливают огонь по самолету. Ох как хочется Тане отвернуть самолет в сторону, уклониться от летящих к нему снарядов... Но тогда бомбы полетят мимо вражеской переправы. И Таня строго выдерживает курс, выдерживает режим горизонтального полета. Только так можно поразить врага, даже если для этого придется заплатить самой дорогой ценой...

Да, так и есть... Самолет вздрогнул, накренился... Козырек забрызгало маслом...

— Держать боевой курс! — раздается требовательный голос штурмана.

Рука опытного летчика выравнивает самолет. Правда, израненная машина теперь плохо слушается, так и норовит отклониться... Только огромным усилием Тане удается удерживать ее, не дать свернуть с курса.

Секунды кажутся долгими, напряженными. Самолет вздрагивает почти ежесекундно — слишком часто попадают в него осколки снарядов.

Вера Белик, затаив дыхание, выжидает момент, когда надо нажать рычаг бомбосбрасывателя.

— Готово! — кричит она в трубку переговорного аппарата.— Пошел!

Таня рванула ручку управления. Мастерским маневром она уводит самолет от цели, стараясь «змейками» или «горками» сбить зенитчиков с точного прицела. В этот момент два прожектора вдруг качнулись и скрестили свои лучи в стороне, на другом самолете. Это подруги спешат на помощь. Но обстрел еще продолжается. Освещенный тремя лучами прожекторов, самолет плывет в бушующем море огня...

— Попала! Ура! — радостно закричала Вера.— Ты слышишь, Таня? Попала! Переправа разрушена!!

Таня не успела ответить: самолет снова сильно вздрогнул — второе прямое попадание снаряда. Самолет заклевал носом, повалился на крыло. Таня не успела даже посмотреть на результат бомбометания. Все ее внимание было приковано к приборам, к управлению самолетом. А самолет непрерывно терял высоту, в моторе падало давление масла, росла температура...

Нужно скорее выйти из зоны огня, беречь высоту и все еще маневрировать, чтобы не дать зенитчикам вести прицельный огонь. «Как медленно тянется время...» — с тревогой думала Таня.

Наконец самолет окунулся в темноту. От неожиданности приборы запрыгали перед глазами. Таня оглянулась, осмотрелась по сторонам — теперь можно: не слепят глаза прожекторы, вспышки рвущихся снарядов остались позади.

— Одиннадцать минут были в обстреле,— докладывает штурман.

Таня промолчала. Она с беспокойством осмотрела самолет: вся кабина была забрызгана маслом, смотровой козырек тоже, на правом крыле зияла огромная пробоина, клочья перкали хлопали по обшивке... «Дотянем ли домой? Хватит ли высоты, чтобы перетянуть через горы?» — с тревогой думала она и молчала, не желая волновать подругу.

— Таня! Почему ты молчишь? Ты не ранена? — с беспокойством спросила Вера.

— Нет...— нехотя ответила Таня и продолжала каким-то безразличным голосом.— Лучше бы меня ранило... На чем теперь летать будем?

— Вот глупая... Да завтра же самолет будет как новенький, техники его исправят...

— Да ты посмотри, как его изрешетили... Тут на неделю работы...

— Вижу... Первый раз, что ли? Я не узнаю тебя, Таня. Чего ты раскисла?

— Не хотелось мне говорить, да, видно, придется,— серьезно заговорила Таня.— Видишь, как масло брызжет? Очевидно, маслобак пробит. В любую минуту мотор может остановиться, заклиниться. И если это случится над горами... Сама понимаешь, все может случиться. А высота и так маленькая...

— Ты думала, что я ничего не знаю? Я давно все поняла...

— Ну ничего, штурман. Болтанка утихла, чувствуешь! Теперь обязательно долетим,— весело закончила Таня.

И, несмотря на усталость, несмотря на то, что руки стали словно деревянные, почти не слушались и все время приходилось коленом придерживать ручку управления, настроение у Тани улучшилось. Чем-то незаметным, чем-то маленьким, но необходимым в эту минуту ее поддержала подруга, и она уже

справилась с нахлынувшей было слабостью. Теперь твердо верила, что ей удастся дотянуть до аэродрома.

А мотор все больше и больше недодавал оборотов, высота все время падала. Наконец самолет перетянул через вершину второго хребта. А вот и Сунженская долина, где располагался аэродром. Но что это? Впереди виднелось белое пятно. Аэродром был закрыт туманом, так часто и неожиданно наваливавшимся на долину с Кавказских гор.

— Только тумана нам еще недоставало...

— Ракеты на аэродроме стреляют, значит, ждут,— заметила Вера.

— Конечно, ждут. Все самолеты в воздухе.

Высокая натренированность, мастерство, железная выдержка и воля помогли Тане благополучно привести израненный самолет на свой аэродром и благополучно совершить слепую посадку.

— Товарищ командир полка, боевое задание выполнено, вражеская переправа на Тереке разрушена! — доложила майору Бершанской Макарова после посадки. А затем, склонившись над картой, Таня и Вера сообщили новые сведения о противнике, обстановку над целью, подробно рассказали о своем полете.

Сведения о разрушении переправы подтвердили возвратившиеся с боевого задания другие экипажи. Пришло подтверждение и от наземных войск.

За отличное выполнение боевого задания Макаровой и Белик была объявлена благодарность. А в конце сентября за мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, была награждена большая группа девушек — летчиц, штурманов, техников, вооруженцев. Среди первых орденоносцев полка были и Таня с Верой. У Тани на груди засиял орден Красного Знамени, у Веры — орден Красной Звезды.

Кто же такие эти девушки, совершавшие героические подвиги во имя любимой Родины?

МОСКВИЧКА ТАНЯ

Таня Макарова внешне казалась совсем непохожей на волевого человека. Это была веселая, жизнерадостная девушка, с тоненькой, стройной фигуркой, худенькими плечиками, маленькими руками и привлекательной улыбкой. Она выглядела необыкновенно женственно даже в неуклюжем мужском летном

комбинезоне. Таня умела пошутить, посмешить подруг и сама от души смеялась, любила петь лирические песни. Однако она была и отважной летчицей, обладающей сильным характером и необыкновенной выдержкой.

Таня любила летать. Балагур, певунья и хохотунья на земле, она совершенно преображалась в воздухе, имела свой собственный летный почерк, свойственный пилотам высокого класса: летала красиво, смело, спокойно и быстро принимала решения, в какое бы трудное положение ни попадала. Находясь над целью, она не страшилась зенитного огня и прожекторов противника, всегда приходила на помощь подругам.

Таня родилась в Москве в 1920 году в очень религиозной семье. Будучи подростком, она пела в церковном хоре. Но когда Тане исполнилось одиннадцать лет, в ее сознании произошел перелом. Она перестала ходить в церковь и вступила в пионеры. Главную роль в этом сыграла школа.

Потом Таня стала активной комсомолкой. После окончания школы поступила в механический техникум пищевой промышленности. Когда была уже на третьем курсе, ей попалась брошюра «Молодежь, в аэроклубы!». И это, казалось бы, незначительное обстоятельство сломало все ее предыдущие планы, изменило саму ее жизнь.

Призыв «Комсомольцы, на самолеты!» она восприняла как обращенный именно к ней, к комсомолке Татьяне Макаровой, и не задумываясь поступила в аэроклуб. После лекций в техникуме теперь приходилось спешить на аэродром. К занятиям готовилась в электричке, в трамвае. Вечно не хватало времени. Она часто отказывала себе в самом необходимом (нередко ела один-два раза в день), краснела перед преподавателями техникума за сон на лекциях и выслушивала упреки подруг, обвинявших в «отрыве от масс»,— только бы каждый день летать, дышать чистым, опьяняющим воздухом неба.

...Студенты кондитерской группы шумной толпой высыпали во двор, сдав последний экзамен за очередной курс. Девушки и юноши весело переговаривались, смеялись, шутили, строили планы, как лучше отметить этот знаменательный день. Лишь Таня молча шагала рядом с подружкой, забыв об окружающем. Мыслями и думами она была уже там, на аэродроме, высоко в небе.

— Таня, ты идешь с нами? — обернулась к ней подружка и, взяв за руку, заглянула в глаза.— Опять бежишь?.. Ну хоть сегодня, в такой день, ты можешь оставить свои полеты?

— Ниночка...— будто очнувшись заговорила Таня.— Ну,

как ты не понимаешь?.. Я не могу... Именно сегодня самый ответственный день у меня...

— Подумаешь, ответственный! А у нас не ответственный? — заговорили со всех сторон товарищи, наседая на Таню.— Ведь ты комсорг группы и в такой день в конце концов должна быть со своими комсомольцами.

— Ведь если один раз не полетишь, то авиация от этого не пострадает,— снова заговорила Нина и, склонившись, зашептала Тане в самое ухо: — Виктор ведь совсем с ума по тебе сходит, а ты? Ведь ты так любила с ним танцевать. Ну, брось на сегодня свои полеты, а то я тоже начну думать, что ты просто влюбилась в какого-то летчика, а нам только голову морочишь.

Таня бросила быстрый взгляд на юношу, стоявшего немного в стороне, и смутилась. Словно извиняясь, она тихо сказала подруге:

— Только вчера меня инструктор предупредил: «Макарова, выспитесь хорошенько, завтра вам предстоит ответственный полет», а я вдруг не явлюсь? А вы знаете, что такое ответственный полет? Это значит, что меня сегодня могут выпустить в самостоятельный полет! Понятно? И если не приду, то инструктор подумает, что я испугалась... Нет, нет, друзья,— заторопилась Таня,— желаю вам хорошо повеселиться, а мне пожелайте ни пуха ни пера! — Весело помахав на прощание рукой, она побежала к трамвайной остановке.

Всю дорогу Таня волновалась, обдумывала предстоящий полет. От электрички до самого аэродрома бежала, подгоняемая нетерпением, и только оказавшись на старте, в привычном для курсанта месте, в «квадрате», успокоилась, оделась в летный комбинезон и уселась подле товарищей в ожидании своей очереди.

Время шло, а ее все не вызывали. Только к вечеру, когда солнце уже клонилось к закату, а терпение Тани совсем истощилось, вдруг раздался знакомый голос инструктора Евгения Воронкова:

— Макарова, в самолет!

Два полета она сделала с инструктором, затем ее технику пилотирования проверил командир отряда. И только после этого был разрешен первый самостоятельный. Для сохранения центра тяжести самолета в пустую кабину уложили груз — мешок с песком.

И вот она, долгожданная минута! Таня плавно отжимает ручку управления, дает газ и — взлетает... Только в воздухе

она окончательно осознает, что летит одна, без инструктора... И главное, самолет ее слушается, она им управляет. Все существо ее словно наполнилось песней. Будто выросли крылья, и теперь ничто на свете не оторвет ее от неба. Она непременно станет летчицей...

Прошло два года упорной, настойчивой учебы, пока Таня добилась осуществления заветной мечты. В девятнадцать лет она получала одновременно два диплома: техника-кондитера и летчика-инструктора. Оставалось выбрать — кем быть?

Влюбленная в небо, в самолеты, в летное дело, Таня, конечно, осталась в авиации. С большой радостью она стала работать инструктором-летчиком Пролетарского аэроклуба Москвы, охотно передавала свои знания курсантам, прививала юношам любовь к летному делу, вкладывая в это всю душу. За два года Таня Макарова обучила больше тридцати летчиков. Многие из них, как и сама Таня, прославили нашу Родину героическими подвигами.

Когда грянула Великая Отечественная война, Татьяна Макарова добровольно ушла на фронт.

ДЕВУШКА ИЗ КЕРЧИ

Штурман Вера Белик на один год моложе Тани Макаровой. Это тоже очень живая и веселая девушка. Темные прямые волосы обрамляли круглое, широкоскулое лицо с большими серыми, всегда светящимися глазами. При первом же знакомстве Вера располагала к себе своей отзывчивостью.

Детство Веры прошло близ Керчи, в рабочем поселке завода имени Войкова, где ее отец работал мастером по электрооборудованию прокатного цеха. Мать растила детей, а их было шестеро. Как старшая, Вера всегда помогала матери по хозяйству. Она активно участвовала в различных спортивных соревнованиях. Вместе со своим классом ходила в каменоломни и с большим интересом слушала рассказы учителя истории о мужественных партизанах, боровшихся здесь с белогвардейцами в годы гражданской войны. Вере хотелось самой спуститься вниз, в подземелье, чтобы лучше представить себе, в каких трудных условиях боролись люди за Советскую власть. Это желание ее не покидало до тех пор, пока она не осуществила его.

В школе Вера училась хорошо. Особенно любила математику, мечтала стать учительницей. Потом поступила в Московский педагогический институт на математический факультет. Она заканчивала второй курс, когда началась война.

Вместе с однокурсниками Вера все лето 1941 года работала на строительстве оборонительных сооружений под Москвой, рыла окопы, противотанковые рвы. К сентябрю студенты возвратились в институт, и началась подготовка к эвакуации. Вера заволновалась. «Нельзя думать об учебе, когда враг топчет родную землю»,— говорила она подругам и шла в военкомат или в райком комсомола, просила направить на фронт. И добилась своего: в начале октября 1941 года ее приняли в авиационную часть, где ей предстояло освоить специальность штурмана. Очень трудно было на первых порах. Но ей помогала летчица Татьяна Макарова, к которой она была назначена в экипаж штурманом. Таня умела незаметно, совсем необидно подсказать нужное и правильное решение задачи, вовремя отвлечь каким-то смешным рассказом, когда Вере было совсем плохо, и подступившая было тошнота проходила, слабость рассеивалась.

В течение нескольких месяцев Вера Белик отлично освоила штурманское дело.

Девушки подружились. Не только в полете, но и на земле они всегда были вместе. Их связывало большое доверие и взаимопонимание. В дни боевой деятельности на фронте их дружба стала еще крепче. Находясь в одном самолете, они вместе переживали трудности полета и радости успеха, вместе подвергались смертельной опасности, вместе решали, как лучше поразить врага, перехитрить его, успешно выполнить боевое задание. В полку их дружный экипаж прочно завоевал славу экипажа снайперских бомбовых ударов по врагу.

В каждом полете, днем или ночью, в хорошую погоду или в ненастье, Таня находила возможность поучить Веру управлять самолетом. Она, бывший инструктор летного дела, очень хорошо понимала, как это важно и необходимо в боевой обстановке. И вскоре Вера научилась управлять самолетом. Взаимопонимание и постоянное обоюдное согласие, большая дружба и доверие всегда помогали им в выполнении боевых заданий.

ВОСЕМЬСОТ УДАРОВ ПО ВРАГУ

Советская Армия в ожесточенных боях шаг за шагом освобождала родную землю от немецко-фашистских оккупантов. В этих боях непрерывно участвовал и женский авиационный полк ночных бомбардировщиков. Неразлучный экипаж Тани

Макаровой и Веры Белик бомбил врага на Кубани, под Новороссийском, под Керчью.

Особенно волнующими для Веры Белик были полеты на Эльтиген, что под Керчью. Ведь это ее родные места, здесь она родилась и выросла. Много раз бывала в самом Эльтигене, отдыхала в пионерском лагере, знала каждую тропинку, каждый клочок земли, знала, где лучше спуститься к морю и в каком месте хорошо купаться...

И вот теперь в ее Эльтигене шли жестокие бои. Горстка советских десантников захватила здесь маленький плацдарм и должна была во что бы то ни стало удержать его. Эльтиген, с его белыми каменными домиками, занимал всего километра два в ширину и пять-шесть в длину. Каждый метр земли здесь простреливался. Но советские десантники мужественно и стойко удерживали плацдарм, с каждым днем зарываясь все глубже в землю, превратив населенный пункт в неприступную крепость. Храбрецов десантников поддерживала огнем наша тяжелая артиллерия с Таманского берега и авиация. Днем летали истребители и штурмовики для подавления вражеских атак, а ночью легкие бомбардировщики, которые сбрасывали десантникам мешки с продовольствием и медикаментами, ящики со снарядами и патронами.

В каждый свой такой полет, сбросив драгоценный груз, Вера Белик склонялась за борт самолета и выкрикивала приветствия, ободряющие слова тем, кто так ждал, так надеялся на помощь,— отважным советским бойцам, попавшим в тяжелое положение.

— Сердце кровью обливается... Ты посмотри, Танюшка, что они натворили, во что превратили этот цветущий уголок,— выкрикивала Вера в трубку переговорного аппарата.— Посмотри, вот сюда мы приходили всем отрядом помогать убирать урожай винограда... Какой здесь виноградник!.. А теперь отсюда минометы стреляют... Таня, давай возьмем в следующий полет несколько бомбочек и сбросим на этот миномет. Я расшвыряю осколочные бомбочки по фрицам, что засели в саду!

— Пожалуйста, бери. Самолет выдержит, а я тем более. Может, убьем какого-нибудь фашиста,— соглашалась Таня.

В следующий полет Вера взяла десяток мелких осколочных бомб.

После сбрасывания мешков с продуктами, при выходе из планирования самолет оказался точно над минометной батареей фашистов, и Вера забросала минометы осколочными бомбами. А в другой раз сбрасывала бомбы на вражеские траншеи.

Что и говорить, Вере трудно было сбрасывать бомбы на свою родную землю, исхоженную собственными ногами. Но теперь там был враг, и рука ее ни разу не дрогнула.

Наконец наступил долгожданный момент: наши войска вступили на землю врага. В ночь на 1 августа 1944 года полк легких бомбардировщиков получил боевую задачу: нанести бомбовый удар по фашистам в Восточной Пруссии. Это было почетное задание. И первый полет командование полка поручило лучшему боевому экипажу — Макаровой и Белик. Легкокрылый ПО-2 оторвался от земли и взял курс на запад. Настроение у подруг было как никогда приподнятое.

В восьмисотый раз в своей боевой жизни Вера Белик нажала спусковой рычаг, и бомбы одна за другой полетели вниз, на врага.

А на аэродроме подруги с волнением ожидали их возвращения. И когда через полтора часа самолет благополучно приземлился, боевые друзья бросились качать Таню и Веру.

Макарова спокойно доложила командиру полка:

— Боевое задание выполнено! Бомбы сброшены на фашистское логово!

Через несколько минут на выполнение боевого задания вылетел весь полк.

— Этого момента ждали целых три года. Наконец-то настал час расплаты.

— А ты помнишь, как еще под Моздоком мечтала проложить маршрут до Берлина? — спросила Таня Веру.

— Помню, Танюшка... Все помню. Тогда карты у нас с тобой не было до Берлина... А теперь уже скоро доберемся до самого Гитлера.

— Верочка, а что ты будешь делать после войны? Давай будем летать и после войны вместе.

— Ой, я так соскучилась по институту... Так хочется учиться! Давай поступим вместе в институт, Танюшка,— предложила Вера.

— Нет, я без полетов не смогу жить... Пойду снова в аэроклуб...

Но не пришлось боевым подругам дожить до светлого дня Победы.

В ночь на 23 августа 1944 года в неравном бою с фашистским истребителем Татьяна Макарова и Вера Белик погибли смертью храбрых.

Более восьмисот бомбовых ударов нанесли врагу эти две отважные советские девушки. Указом Президиума Верховного

Совета СССР от 23 февраля 1945 года гвардии лейтенанты Татьяна Петровна Макарова и Вера Лукьяновна Белик удостоены звания Героя Советского Союза.

Могила Героев Советского Союза Татьяны Макаровой и Веры Белик находится в Польше, на братском кладбище советских воинов в городе Островенька. Братский польский народ свято хранит память о советских героинях, сражавшихся за освобождение Польши, как за свою родную землю.

9 мая 1960 года исполком Моссовета увековечил память славной героини, переименовав Болотную улицу, на которой жила Таня, в улицу Татьяны Макаровой.

И. СЕЛИЩЕВ

ПОДРУГИ

«ИНАЧЕ БЫЛО НЕЛЬЗЯ»

Кому приходилось бывать в дни войны в женском ночном бомбардировочном полку, созданном Мариной Расковой, тот не мог не заметить и не почувствовать, с какой исключительной преданностью, с каким самопожертвованием трудились девушки на своих постах.

Авиация требует людей сильных духом и крепких телом, смекалистых и настойчивых. А когда я однажды ночью увидел двух худеньких девушек, идущих к самолету, у меня защемило сердце. Через несколько минут они должны быть одни в черном небе и где — над территорией, занятой врагом, в небе, исполосованном кинжалами прожекторов и огнем зениток!

Не знаю, были ли это Ольга Санфирова и Руфина Гашева, о которых дальше пойдет мой рассказ, однако твердо помню, что те молодые девушки спокойно вели разговор в шутливом тоне.

Приучить себя к ночному бдению не так просто. Приучить себя к ночной боевой работе в воздухе неизмеримо сложней. И Ольге и Руфине казалось, что им это не скоро удастся.

Сомнения оказались напрасными. Ежесуточно девушки занимались по тринадцати часов и более. Учебный аэродром гудел днем и ночью. Вылет за вылетом. И когда звучал отбой, девушки, страшно усталые, но довольные тем, что поднялись еще на одну ступень выше в своем мастерстве, шли отдыхать...

Фронт принял уже достаточно опытных воздушных бойцов.

...На Моздок подруги летали уже не раз. Маршрут они знали неплохо. Последнюю бомбежку произвели весьма удачно — одна из бомб, видимо, угодила в цистерны с горючим: возникший пожар был виден издалека.

ГАШЕВА
Руфина Сергеевна

Сегодняшняя ночь показалась подругам необычной. С трех сторон небо освещалось прожекторами, ракетами, взрывами снарядов, пожарами. Это был свет великой и жестокой битвы, происходившей в глубине нашей Родины. На отдельных участках огромного фронта враг, ослепленный кровью, продолжал рваться вперед. Это были его последние потуги. Не сегодня-завтра он упрется в непробиваемую стену нашей обороны, напоминавшей туго сжатую пружину невероятной силы. Недалек день — это хорошо понимали советские воины,— когда пружина сделает ошеломляющий толчок и противник будет отброшен, уничтожен.

Фашистские войска, ворвавшиеся на Северный Кавказ, ежедневно получали обильное подкрепление. Ценой больших потерь им удалось взять Моздок. Отсюда гитлеровцы намеревались рвануться на Грозный. В районе Моздока они сосредоточили огромное количество живой силы и техники. Явное превосходство имели фашисты и в авиации.

И тем не менее наши соколы не падали духом. Количественному превосходству гитлеровцев они противопоставили неслыханную храбрость, выдержку, боевую дерзость. И конечно, со всей отвагой действовал женский полк ночных бомбардировщиков. Он помогал наземным войскам обескровливать врага, подрывать в нем веру в осуществление своих завоевательских планов. Чувствительные удары наносил полк по тылам противника, резервам.

На счету Санфировой и Гашевой уже было несколько десятков боевых вылетов. В ночном небе они чувствовали себя вполне уверенно.

Тревожные, бессонные ночи становились той обыденностью,

которая перестает и волновать человека и вызывать у него удивление.

До горного перевала прошли без приключений. Над перевалом их встретила первая трудность — густая облачность. Как преодолеть ее? Руфина, не задумываясь, предложила: идти под нижней кромкой облаков. Ольга согласилась сразу.

Липкая, черно-серая масса обложила самолет. Такого неба экипаж здесь еще не видел. Над перевалом воздух всегда был чист и прозрачен. А сегодня даже дышать тяжело.

Санфирова не спускала глаз с приборов. Мотор работал на предельных оборотах.

Проходили минуты. Санфирова хотела спросить штурмана, точно ли они выдерживают курс, но Гашева опередила ее:

— Пока все нормально. Так держи!

Молодец, Руфина! В любых условиях не теряет самообладания, уверенно выполняет свои обязанности.

Облака все тянулись. Может быть, они закрыли небо до Моздока? Тогда задача экипажа значительно усложнится.

Нет, вот замелькали разрывы зениток. Перевал пройден. Теперь до цели недалеко. Перед самолетом точно распахнулись двери. Он шел навстречу опасностям.

На подступах к городу экипаж трижды преодолевал заградительный огонь. Главное было не попасть в лучи прожекторов. Пока это удавалось. Но, когда Санфирова пересекла железнодорожное полотно и стала разворачиваться на цель, случилось то, чего она опасалась: лучи прожекторов все-таки схватили самолет. Мгновенно залаяли десятки зениток.

Девушки понимали, что избежать опасности можно только одним путем — искусным маневрированием по курсу. Ольга стала резко бросать самолет вправо, влево, вниз. Тщетно. Летчица прекрасно сознавала, что ее подстерегает, но в то же время она испытывала чувство гордости за свой «тихоход». Не беда, что он неказист. Посмотрите, как боятся его фашисты, каким огнем они укрылись от него.

Это и придавало бодрости летчице. Будто не замечая неистового заградительного огня, она уверенно вела машину по ослепительно-яркой небесной дороге.

Фашисты, видимо, не сомневались, что теперь бомбардировщик безнаказанным не уйдет.

Вдруг самолет пошел со снижением... на прожектор, и вниз полетели бомбы. Там, где стояла прожекторная установка, возник взрыв. Столб света исчез.

Когда подруги вернулись на аэродром и доложили о своих

действиях командиру полка Е. Д. Бершанской, та, нахмурившись, спросила:

— А надо ли было так рисковать?

— Мы не рисковали,— твердо ответила Ольга.— Мы выполняли задание.

— Иначе было нельзя,— добавила Гашева.

* *
*

Дружба их крепла от полета к полету. Однажды, после напряженной ночи, Ольга и Руфина зашли в дом, разделись и легли. Они намеревались хорошенько отдохнуть. Но, вероятно от чрезмерной нервной перегрузки, долго уснуть не могли.

Сначала обе молчали, ворочаясь с боку на бок, вздыхали, потом Ольга не выдержала:

— Слушай, Руфа, давай поговорим, что ли?

— Давай, Леля, только тише.

— Расскажи мне о своем детстве. Люблю слушать, как люди начинают жизнь.

Они легли лицом друг к другу. Продолговатая комната наполнилась ровным дыханием уснувших летчиц и штурманов. Изредка слышалось короткое бормотание во сне, легкое похрапывание, резкий глубокий вздох.

— Чего же ты молчишь? — спросила Ольга.

— С мыслями собираюсь,— тихо промолвила Руфина.— Хороший денек сегодня будет, смотри, выглянуло солнце.

— Умеешь ты, Руфа, уходить от прямого ответа.

— Боже упаси меня от такого греха... Милая Лелечка, детство, отрочество и юность мои, пожалуй, ничем от твоих не отличаются. Школа, пионерский отряд, университет, комсомол и вот... авиация. Война.

— А помнишь, как мы с тобой в первый раз полетели?

— ...И как я сбилась с маршрута? — продолжила мысль Гашева.— Это не забывается. Ты тогда правильно обиделась на меня. Мы могли угодить к врагу.

— Не говори ерунду,— перебила ее Ольга.— Я тогда не совсем была права. Ты только начинала летать, к тому же никаких ориентиров не было видно.

— А помнишь, как я решила проявить выдержку, получив «ранение» в ногу... Ты настаивала вернуться на аэродром, я же твердила свое: «Перетерплю. Давай отбомбимся. Ничего опасного». Опасного действительно ничего не было, я просто ушибла ногу и боль причиняла страдания.

— Да, это был забавный случай.

— Надолго останутся в памяти полеты под Новороссийском, на Тамани, под Севастополем. Сколько мы перевозили продуктов, горючего?!

— Руфа, а сколько выпущено по нас зенитных снарядов?

— Да, на это фашисты не скупятся.

Неожиданно Гашева приподнялась и доверительно спросила, пристально глядя на тонкий профиль лица подруги:

— Леля, а твоя мама знает, что ты служишь в авиации?

Санфирова повернулась к штурману, в глазах — откровенное изумление.

— Неужели твоя мама не знает, где ты служишь?

— Подожди, не ругайся.— Голос Руфины звучал ласково и покорно.— Я не могла сразу сказать маме правду. Она бы очень волновалась. А вот теперь напишу. Теперь другое дело. Теперь мама поняла, что такое война с фашистами. В последнем письме она уже призывает меня бить врагов до конца.

— Напиши маме сегодня же,— предложила Санфирова.— Нельзя так долго держать ее в неведении...

— Давай напишем вместе? А?

— Хорошо,— согласилась Ольга.— Поспим и напишем.

Разговор незаметно смолк. Первой заснула Санфирова. Над землей начинался новый день. Что принесет он милой Родине, чем ознаменуется на полях грандиозной битвы? Какими событиями наполнится фронтовая жизнь экипажа гвардии старшего лейтенанта Санфировой?

«ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ...»

Солнечная Кубань. Раздольные поля, пруды, лиманы. Ни Ольге Санфировой, ни Руфине Гашевой до войны не приходилось бывать здесь. Но они знали, что представляет собой этот благодатный край, наполненный медовыми запахами чудесной пшеницы, винограда, кукурузы и подсолнуха. Прекрасно знали они и о том, какие выросли здесь за годы пятилеток промышленные предприятия.

Поехать на Кубань хотя бы на один летний месяц было давнишней мечтой Руфины. И теперь, садясь в самолет, она вспомнила о своей мечте и сказала об этом Ольге.

Санфирова серьезно посмотрела на штурмана и, о чем-то подумав, ответила:

— Так в жизни случается. Мечта сбывается тогда, когда этого не ждешь.

— Жестоко!..— сорвалось с губ Руфины.

— Конечно. Вместо того, чтобы любоваться своей землей, мы должны кромсать ее бомбами.

— Ничего не поделаешь, Лелечка. Гнойник на теле часто вырезают. Фашисты — это гной на нашей земле. От наших бомб земля станет только здоровей, чище.

— Вполне согласна.

...Самолет взял разбег. В эти секунды Ольга всегда строго внимательна, серьезна, черные глаза насторожены. После взлета лицо ее смягчается и становится торжественно-радостным.

Штурман тщательно следила за маршрутом. Руфине хотелось провести самолет по «дороге», где меньше встречается зенитных установок. Вчера это ей удалось блестяще. Экипаж нанес по врагу внезапный и действенный удар. Сброшенные Руфиной бомбы вызвали на земле два мощных взрыва. Последующие экипажи подтвердили, что Санфирова и Гашева попали в машины с боеприпасами.

Станица Крымская уже недалеко. На подступах к ней с севера, как донесла разведка, скопилась вражеская боевая техника. Место ее размещения найти не трудно. Ориентир: небольшой квадрат кустарника, изгиб железнодорожного полотна.

Главное — подойти незаметно. Санфирова вся в напряжении. Маленькие сильные руки ее крепко сжимали штурвал. Она сбавила скорость, высоту.

— Приготовься,— спокойно сказала Руфина,— мы на подходе.

Одинокие лучи прожекторов безрезультатно шарили по небу.

— Пожалуй, нам лучше зайти с юга,— предложила Гашева.

— Почему?

— С этой стороны у противника слабей оборона.

Так и решили.

И все же застать фашистов врасплох не удалось. Собственно, полностью на это подруги и не рассчитывали. Советские ночные бомбардировщики ПО-2 уже достаточно зарекомендовали себя и здесь. За последнюю неделю они отправили на тот свет не один десяток гитлеровцев, взорвали склады с оружием, подавили несколько зенитных батарей, прожекторных установок.

Фашисты боялись ПО-2. Стоило им только заслышать их характерный рокот, как они сразу же поддавались панике: мгновенно пустели кабины и кузова автомашин, вспыхивали сотни ракет, открывался беспорядочный зенитный огонь.

Так происходило и на этот раз. Пальба началась словно по команде. Фашисты стреляли изо всех видов оружия. Один за другим вспыхивали лучи прожекторов.

С трудом пробивался самолет сквозь огневую завесу. Это требовало от летчика высокого мастерства, мужества и выдержки.

Ольга была спокойна. Мысль ее работала только в одном направлении: пробиться к цели. Ну а если нельзя? Если тихоходный самолет обложен мощной стеной огня? А стоит ли говорить об этом!

Нет больше летчицы, которая в минуту серьезной опасности теряла власть над собой, хотя и не боялась умереть. Есть теперь другая летчица, воздушный боец, который научился хорошо оценивать обстановку, преодолевать опасности, выполнять задания Родины любой ценой. Этот боец не отступит ни перед каким огнем, его не испугает никакая угроза. Чувство самообладания, мужество, проверенное и закаленное в боях, вытесняют из головы все мысли, кроме одной — гордой и возвышенной — вперед!

Ольга не обольщалась успехами и никогда не хвасталась своим пилотажным искусством. Не терпела она громких слов, да и вообще избегала разговоров о своих полетах. Если же кто и спрашивал ее после возвращения с задания: «Как слетала?», она твердо отвечала: «С таким штурманом, как Руфина Гашева, плохо не слетаешь».

И она была права. Гашева не уступала ей в смелости, выдержке, находчивости. Она точно ориентировалась в самых сложных условиях, удачно сбрасывала бомбы на цель, активно помогала командиру выводить самолет из-под обстрела.

Полюбила Ольга Руфину и за покладистый характер. Гашеву природа наградила честным, отзывчивым сердцем, острым взглядом, гибким умом. Ее редко видели грустной и никогда — отчужденной, замкнутой. Невысокого роста, с задорными глазами, она вечно стремилась с кем-нибудь поговорить, посмеяться, кого-то подбодрить, кому-то помочь.

Девушки эскадрильи единодушно избрали Руфину своим комсоргом. Многие обязаны ей своим боевым мастерством. Это она породнила с опасностями молодых летчиц и штурманов Юшину, Рыльскую, Прасолову, Лашманову, Беспалову, Студилину и других. Она, штурман эскадрильи, совершала с ними первые боевые полеты.

Обязанности свои Гашева выполняла уверенно, быстро, чему не в малой степени помогали знания, полученные в Московском государственном университете, откуда ушла она в авиацию.

Да, права была Санфирова: летать с Гашевой было хорошо, надежно. К каждому вылету, независимо от его сложности, они готовились вместе, с прилежанием.

Нынешний полет они не считали особенным. К тому же в район станицы Крымской они уже ходили, местность знали неплохо.

...Санфирова взяла направление на цель. Гашева приготовилась к сбросу бомб.

— Получайте подарки, проклятые,— прошептала Руфина.— Вот вам... глотайте!..

Тяжелые взрывы сотрясли воздух, земля загорелась.

— Погрейтесь,— продолжала шептать Руфина.— Это вам полезно.— И уже громко:

— Все в порядке!

А про себя подумала: «Еще бы по зениткам стукнуть. Жаль, нечем».

Самолет шел на восток, освещенный лучами прожекторов. По-прежнему огонь бушевал вокруг. Девушки не сомневались, что машина получила не одну пробоину. Но теперь это уже не так страшно: задание выполнено.

Подруги вели непрестанное наблюдение за воздухом. В любую секунду могли появиться фашистские истребители. Тактика их известна — нападать из-за угла. До сих пор экипаж благополучно ускользал от погони гитлеровских стервятников. Ровно работал мотор. Дул попутный ветер.

Истребитель вырвался из мрака. Он был похож на снаряд. Потасли прожекторы, смолкли зенитки. Исход атаки, казалось, не вызывал сомнений. Что мог сделать беззащитный «кукурузник» * с вооруженным мощными пулеметами вражеским истребителем?

Ольга стала маневрировать. Фашист все же успел выпустить очередь и резко взмыл вверх. Он не выпускал свою жертву из виду.

Истребитель выжидал. Он действовал в открытую, ибо знал, что сила на его стороне. Лес кончался, а дальше открывалось гладкое поле. Как проскочить его? Может быть, совершить посадку? Нет, кругом враги.

---

* «Кукурузником» в шутку называли во время войны самолет У-2, который в 1944 году был переименован в ПО-2 («Поликарпов-2»). Этот самолет использовался для связи и как легкий ночной бомбардировщик.

Санфирова прибавила газу. «Будь что будет, пойду по прямой, иного выхода нет». Согласилась с этим решением и Руфина.

Стервятник еще раз атаковал, плеснул огнем. Пули ударили в мотор. И сразу же Санфирова почувствовала, что машина перестает слушаться рулей.

Поле кончилось. Опять начинался лес. Истребитель так же внезапно исчез, как и появился.

«Мы не забудем тебя,— погрозила ему кулаком Руфина.— Придет время — рассчитаемся».

— Дотянем? — спросила она Ольгу.

— Вряд ли.

— Постарайся.

Мотор чихал все чаще и чаще. Скорость падала. Наконец Санфирова сообщила:

— Все. Иду на посадку.

Под самолетом замелькали кусты, какие-то черные полосы, круги. Удар! Треск сучьев, рывок, снова треск и... тишина. Подруги вылезли на плоскости — прямо перед винтом самолета стояло крепкое дерево. Соскочили на землю. В тот же миг где-то близко затрещали автоматы. Гитлеровцы заметили вынужденную посадку советского бомбардировщика и спешили к нему.

Девушки ползли изо всех сил. Минут через пятнадцать дорогу преградила железнодорожная насыпь. Слева и справа воздух пронизывали красные, белые и зеленые ракеты. Где-то стреляли.

Перебрались через насыпь. Лес сменился полем, поле — плавнями. Заквакали лягушки.

Подруги сделали короткую остановку.

— О чем ты сейчас думаешь? — нарушила молчание Гашева.

— Лучше не спрашивай.

— А все-таки?

Ольга не сразу ответила. Издалека доносились выстрелы.

— Объясни мне,— наконец заговорила летчица,— почему иногда в такие вот опасные минуты человек думает совсем о постороннем...

— Что же тебя беспокоит?

— «Беспокоит» не то слово. С тех пор как мы с тобой покинули самолет, меня преследует песенка. И вот какая: «Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный...» Честное слово!

— Это хорошо.— Руфина переступила с ноги на ногу.— А я думала о том, что нам скоро захочется есть. Чудно! Рядом враги...

— Тсс!..— Ольга приподнялась. Неподалеку кто-то зашумел и, кажется, кашлянул.

Подруги вскочили и, низко пригнувшись, бросились к частоколу деревьев. Там их ждала новая неприятность. Внезапно с дерева прогремела очередь из автомата. Девушки на мгновение застыли, потом, точно сговорившись, одновременно кинулись к кустарнику, что виднелся справа за стволами деревьев. Голые ветви хлестали по лицам подруг, ноги тонули в мягкой прошлогодней листве.

Шли до полного изнеможения. Свалились у ручья. Первой пришла в себя Ольга. Вздохнув, она тронула рукой подругу:

— Ты... отдышалась?

Руфина перевернулась на спину, прохрипела:

— Вроде.

— Думала разорвется сердце. Так я никогда не бегала. Ноги болят. А у тебя?

— У меня тоже.

И только теперь подруги заметили, что наступало утро. Надо было куда-то спрятаться и переждать день. Но куда? Внимательно осмотрелись. Больше всего им понравилось приземистое, густое дерево, стоявшее среди кустарника. Забрались под него и притихли.

У них был один пистолет на двоих. Они положили его между собой.

— Ты поспи, Леля,— предложила Руфина.

— Нет, поспи ты...

Днем они слышали пулеметные очереди, орудийную пальбу, тяжелые взрывы бомб. Один раз над ними пролетели наши штурмовики.

— Родные, хорошие! — воскликнула Ольга.— Передайте привет землякам!

Медленно тянулось время. Во второй половине дня выглянуло солнце.

— Слушай, Леля, сегодня Первое мая.

— Верно! Первое мая,— задумчиво произнесла Санфирова.— Люблю я этот праздник — светлый, пахнущий цветами...— И вдруг смуглое лицо ее посуровело, черные брови сдвинулись к переносью.— Ах, эта война! Какую радость отняла у нас! — Подумала немного и продолжала: — И все же мы вернем себе свою радость, Руфа! Вернем?

— Что за вопрос, Леля.

К вечеру небо заволокло тучами, поднялся ветер. Девушки опять пошли на восток. Эта ночь была не менее тревожной, чем

первая. Они пробирались по лесу, по болотам и полям, изрытым снарядами.

Под утро подруги набрели на нашу артиллерийскую часть. Здесь их накормили, затем посадили в машину и отправили в Краснодар.

Грязные, оборванные, они прошли по улицам города. С радостным любопытством они смотрели по сторонам, дышали воздухом освобожденного города. Встреча с Краснодаром несколько ослабила впечатление, оставшееся от минувших ночей. У обеих стало легче на душе.

— Мы словно именинницы,— промолвила Руфина.

Ольга загадочно посмотрела на нее и бросила:

— У меня действительно сегодня день рождения.

Руфина остановилась как вкопанная, на виду у прохожих крепко обняла подругу, поцеловала.

— Какой день! Лелечка, подарок за мной... А пока...

Она запустила левую руку в карман и вытащила... два подсолнечных семечка.

— Пока вот что у меня есть для тебя.

— Спасибо. Давай съедим пополам.

И Ольга вернула подруге одно семечко.

На второй день после возвращения в часть подругам дали новый самолет.

ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ

После напряженных полетов, окончившихся благополучно, подруги с трудом вылезли из машины, доложили начальнику штаба и медленно направились к своему домику. Ночь была иссиня-черной. На северной стороне неба мерцали звезды. Порывистый ветер зло трепал молодые деревца, среди которых чернели камни, похожие на больших уснувших черепах.

Ольга шла первой. Она, казалось, ничего не видела и не слышала, часто натыкалась на кусты. Руфина ступала бодрей. Глядя в спину подруги, Гашева думала: «Заморилась, бедная. Начинают пошаливать нервы. Вот-вот заснет». Но Ольга продолжала идти, низко опустив голову. Руфине захотелось сказать что-то веселое, немного оживить летчицу, избавить от грустных размышлений, навеянных трудным полетом. Однако, как ни старалась, ничего интересного и веселого придумать не могла.

В домике было прохладно, сильно пахло плесенью, гнилой древесиной. Санфирова со вздохом опустилась на нары.

— Давай я помогу тебе раздеться,— предложила Гашева.

— Обожди, сама не барыня...

— Будем спать? — спросила Руфина.

— Подожди, дай отдышаться.

Гашева сняла комбинезон, присела на чурбачок, повела взглядом по столу.

— Леля, да тебе письмо! — воскликнула она.— Девочки положили под книгу. Вот...

САНФИРОВА
Ольга Алексеевна

Санфирова словно очнулась, взметнула тонкими бровями, протянула руку. Некоторое время она с какой-то особой нежностью разглядывала помятый «треугольник», поворачивала его то одной, то другой стороной, мяла пальцами, подносила к глазам. Руфина наблюдала за ней с детским любопытством — молча и осторожно.

За последнее время Санфирова редко получала письма от родных и знакомых, что, конечно, ее огорчало. Правда, об этом она не говорила даже Руфине. Но разве печаль можно скрыть? В больших черных глазах Ольги всегда легко было прочитать, что у нее на сердце. Тем более это легко давалось Гашевой, хорошо изучившей ее характер.

Руфина умела приглушить душевные боли подруги. Живая, с лукавым теплым взглядом, быстрая на язык, она не оставляла Санфирову наедине с плохим настроением. И летчица была благодарна ей.

От кого же сегодня пришло письмо Ольге? Слишком долго она вертит его в руках. Руфина не спускала глаз с лица подруги: вот на щеках появились ямочки, тонкие губы шевельнулись, со лба слетели две маленькие морщинки. Наконец летчица подняла голову и нежно обронила:

— От мамы...

— Да ты прочитай, что она пишет.

— Сейчас... не торопи. Понимаешь, если бы я взяла этот конверт в абсолютной темноте, то все равно узнала бы, что письмо от мамы. Знаешь, Руфа, он сохранил ее тепло, ее дыхание. Ах, мама, мама!

Ольга бережно развернула «треугольник». Читала медленно, точно хотела выучить наизусть. Закончив чтение, сложила листок квадратиком и положила в планшет.

— Милая мама,— заговорила летчица,— она все считает меня трусливой девчонкой. Дает советы, как себя вести. Чудачка, право...— Ольга задумалась на минуту, потом тихо продолжала: — В детстве я боялась темноты. Теперь смешно об этом говорить. А мама пишет: «Зачем же ты летаешь ночью? Ведь это страшно».

Лицо Ольги осветилось такой милой улыбкой, что Руфина не сдержалась — вскочила и поцеловала подругу. Конечно, она прекрасно ее понимает.

Разделись и легли. Ветер мягким плечом упирался в дощатую дверь, пел на разные голоса. Несколько минут подруги лежали молча.

— Руфина! — первая нарушила тишину Санфирова.— Ты спишь?

— Что ты, лезет в голову всякая чепуха. Это от усталости.

— Да, сегодня мы с тобой переутомились. Сколько перебросили боеприпасов. Но нам не привыкать. Скоро будем осваивать польское небо. Что оно нам приготовило? Ты никогда не была в Польше?

— Никогда.

— Какие там ночи: темные или светлые?

— Наверно, всякие бывают.

— Ах, ночи, ночи... Думали ли мы, что они сыграют в нашей жизни такую большую роль? Жизнь действительно полна загадок...

Гашева слушала подругу, не перебивая. Ей казалось, что Ольга вся погрузилась в свои мысли и теперь будет рассуждать вслух до тех пор, пока не уснет. Такое с ней бывало.

— Где-то далеко отсюда наши родные спят и, возможно, видят нас во сне, разговаривают с нами. А мы вот лежим и болтаем. Сегодня снова в полет.

От сильного порыва ветра дверь заскрипела.

...Руфина вспомнила этот разговор с подругой, когда начала поправляться. А сколько было таких непринужденных бесед с чудесной Ольгой! Разве можно забыть их? Никогда.

— Леля, Леля! Не сидеть тебе больше за штурвалом самолета, не мечтать тебе о будущей счастливой жизни, не читать тебе наивных, но согретых горячим дыханием материнских писем.

Как же это могло произойти? Руфина села на кровать, положила голову на ладони и задумалась.

...Густая, вязкая темнота. Как всегда, самолет шел на небольшой высоте. Курс — к станции Насельск, где скопились эшелоны с техникой противника.

Польская земля. Фашисты опоганили ее так же, как и нашу, русскую. Не далее как вчера в полк приезжал пропагандист из армии и рассказал летчицам и штурманам о бесчинствах, которые творили гитлеровцы в Польше. Советская Армия, перешагнувшая через границу родной земли, уже освободила тысячи людей, томившихся в концлагерях. С радостью встречали освободителей и жители полуразрушенных польских городов и сожженных деревень.

Волнующие минуты довелось пережить Санфировой и Гашевой. Однажды аэродром расположился около небольшой деревеньки. В первый же день подруги встретились с группой женщин, которые будто нарочно поджидали их на дороге в столовую. Сразу же завязался оживленный разговор. Полячки обступили наших девушек. Кто-то совал в руки подруг бидончики с молоком, кусочки сала, кто-то повесил на шею полотенце, кто-то просил принять варежки, теплые носки... Советские девушки растерялись, они не знали, что говорить, что делать. По худым, землистым щекам полячек текли слезы. Не выдержали и освободители. Машинально повторяя: «Спасибо! Спасибо!», они пожимали женщинам руки, обнимали полячек за острые плечи. Встреча длилась минуты, но оставила в душе каждой летчицы глубокий след. Такие встречи для воина дороже всяких наград. Нет, не даром пережито столько невзгод и лишений, не даром отдано столько сил и здоровья на тяжком пути войны. Радость освобожденных заставила ночных бомбардиров полней увидеть и понять все величие творимых ими дел, величие побед Советской Армии, советского народа.

И, как ни опасен был теперешний полет, Санфирова, наблюдая за приборами, все же нашла минуту вспомнить недавнюю встречу с польскими крестьянками и улыбнулась. Ей почему-то стало теплей, хотя в кабине по-прежнему свободно гулял декабрьский ветер.

Руфина внимательно следила за маршрутом. Внизу светлячками вспыхивали ракеты, тонкой дрожащей цепочкой

протягивались трассирующие пулеметные очереди. Минуя самолет, они гасли где-то в стороне.

Перед вылетом командир сказал, что вокруг станции установлено много зениток. В этом экипаж уже убедился. Молодец Ольга, она ловко уходила от огня. Впрочем, это не удивительно. За спиной у нее большой опыт ночных полетов. Только ли полетов? Нет. Она хороший товарищ, умный, требовательный командир эскадрильи. Ее пилотажное искусство — школа для всех подчиненных. Ольга всегда находила время помочь молодым летчицам. А с какой заботой она «вывозила» малоопытных штурманов!..

— ...Цель близка! — объявила Гашева.

Вдали показались маленькие огоньки, потом все погасло и затянулось чернотой. Слева охнула зенитка, через секунду — справа. Охапки света на мгновение вырвали из темноты кусты, какие-то постройки.

Самолет шел к цели. Девушки знали, что через пять — десять минут вокруг вспыхнет море зловещего огня. Будут взрываться снаряды впереди, слева и справа. Трассирующие пули зенитных пулеметов сплетут светящиеся сети. Но, несмотря ни на что, самолет пробьется к станции, где притаились эшелоны, груженные боеприпасами. Нельзя допустить, чтобы сотни тонн этих боеприпасов завтра были обрушены на наступающие советские войска. Нельзя!

— Станция!..— воскликнула Руфина.

Ольга прибавила газу. И в этот момент несколько прожекторов полоснули темноту, а вслед за ними вразнобой забарабанили зенитки. Самолет ускользнул от света.

Гитлеровцам и в голову не могло прийти, что за штурвалом самолета сидит девушка, мужественная и спокойная, с улыбкой на красивых губах.

Подруги точно издевались над фашистами. Раза два они пересекали пути, приглядывались и примеривались. Нет, им не хотелось сбросить бомбы куда попало. Собственно, этого никогда и не было. Ничто не может помешать выполнить задание. Вот-вот, казалось, самолет попадет в полосу света. Санфирова призвала на помощь все свое мастерство.

Странное чувство испытывала она в эти опасные минуты. Ей хотелось петь, петь во весь голос, петь так, чтобы услышали проклятые фашисты. Пусть они не думают, что своим огнем нагоняют страх на советских летчиков.

Самолет сделал последний разворот. Секунда, вторая, третья...

Бомбы полетели вниз. Взревел мотор. Ольга что-то сказала, но Руфина не поняла. Там, на земле, возникли взрывы, загорелись вагоны, пристанционные постройки.

Щупальца прожекторов потянулись за самолетом. Санфирова уходила от них. Скорей домой. Задание выполнено. Ей не терпелось узнать, как летают сегодня экипажи эскадрильи. Темное, незнакомое небо. Оно таит сотни неожиданностей.

Санфирова надеялась на свой дружный, дисциплинированный коллектив. Да, эскадрилья ее крепко спаяна. И в этом была ее заслуга. Она умела расположить людей к себе, подружить их. И боевые задания поэтому всегда выполнялись успешно.

Эскадрилья под командованием гвардии капитана Санфировой произвела уже свыше трех тысяч боевых вылетов, сбросила на противника свыше пятисот тонн бомбового груза.

Не раз Ольга возвращалась с Руфиной именно в тот час, когда наша артиллерия зажигала над землей зарю, клокочущую, неистовую, ослепительную. Как приятно было смотреть на нее с высоты, испытывать чувство огромной радости от сознания того, что и ты и твоя подруга внесли пусть незначительную лепту в успех задуманной советским командованием операции.

Случалось, что бомбы, сброшенные с самолетов эскадрильи Санфировой, рвались одновременно с орудийными и минометными снарядами. Это было не часто, но это была изумительная и на редкость волнующая картина, заставлявшая Ольгу со слезами на глазах говорить штурману:

— Так их, подлецов, так их, фашистских иродов!

Она забывала обо всем, даже о смертельной опасности, таившейся где-то в морщинах земли, занятой врагом.

...Прожекторы устроили бешеную пляску света. Серебряные полосы соединялись, пронзали друг друга, чертили на черном небе круги, квадраты, треугольники, падали на землю и вновь вздымались ввысь. А самолет шел своим курсом уверенно, будто все, что творилось вокруг, не касалось его.

Рваная темь. Путаница световых полос. Ожерелье взрывов. Притаившаяся земля. И равномерный рокот мотора одинокого самолета.

Одинокого? Нет, подруги не чувствовали себя одинокими. Да, конечно, в этом «секторе» неба они действительно одни. Но ведь совсем недалеко, впереди, лежат в окопах сотни, тысячи родных парней, которые с минуты на минуту ждут сигнала «в атаку», ждут, стиснув зубы, с учащенным биением

сердца, ждут, пылая гневом... Два дня назад они перешагнули границу, бросив влюбленно-радостный взгляд на дорогую землю отцов, теперь уже свободную, очищенную от фашистской погани.

Милая Родина! Сколько песен знали о ней и Ольга, и Руфина, и их подруги...

Яростная струя света ударила в самолет. И сразу же вокруг него забушевали взрывы зенитных снарядов. Ночь отпрянула от машины.

Летчица резко бросила машину в крутой разворот. Но луч прожектора не отставал.

Еще несколько маневров. Влево, вверх, вниз, снова вверх, снова вниз. И луч, будто ослабев, потонул в темноте. Но зенитный огонь продолжал бушевать.

Санфирова выровняла машину и уже собралась что-то сказать штурману, как совсем рядом грохнул снаряд и обшивка самолета вспыхнула.

Надо сбить пламя. Скорей! Ольга скольжением старалась сорвать огонь, но он все плотней окутывал кабину, подбираясь к девушкам...

Факел летел на восток. Зенитки смолкли. Погасли прожекторы. Ольга огляделась, подумала: «Кто под нами? Свои или враги?» Та же мысль была у Руфины.

— Прыгай! — крикнула летчица.

Но Гашева не слышала этой команды. Она догадалась о ней по решительному взмаху руки подруги.

Пролетев несколько метров, Руфина поняла, что парашют не раскрылся. Неисправность? Инстинктивно чувствуя, что земля близко, Гашева рванула кольцо изо всех сил. Через мгновение она ощутила толчок.

Земля была неспокойна. До слуха Руфины доносились выстрелы. Она погасила парашют, освободилась от него, размяла руки, несколько раз глубоко вздохнула, вытащила пистолет.

«Где она? Куда идти?» Осторожно пошарила кругом себя растопыренными пальцами. Левая рука нащупала что-то холодное, металлическое. «Мина... Это минное поле. А где Ольга? Что с ней?»

Легла на спину. Каким далеким и неприветливым показалось ей небо! Быстро скользили по небу облака. Изредка мелькали редкие, тусклые звезды. Нет, по звездам трудно определить, куда идти. Приподнялась, чутко прислушиваясь к каждому звуку.

Вдали на небосклоне суетливо и беспорядочно забегали полосы света.

«Так... Опять немцы кого-то ищут... Значит, мне надо сюда ползти... Но где же Ольга?»

Руфина понимала: долго отсиживаться здесь опасно. Надо пробираться к своим. Легко сказать: пробираться! Кругом мины, ночь, холод.

Решила ползти, тщательно ощупывая землю. Лицо покалывал морозный ветер. Усталость давила грудь, сковывала движения. Острые камни резали ладони, но Руфина не чувствовала боли. Она напрягала последние усилия.

Вначале Гашева почти каждый камень принимала за мину, вздрагивала и застывала в ожидании взрыва. Она останавливалась все чаще и чаще. Кончилось ли заминированное поле? Близко ли свои?

Руфина потеряла чувство времени. Ей представлялось, что она ползет уже целую вечность. Вдруг впереди послышался непонятный шум. Руфина подумала, что это ей померещилось: мозг возбужден, нервы напряжены.

Затихла, притаила дыхание. Кажется, кто-то разговаривает. Но кто и где? Вроде под землей. «Ах, все это воображение. Надо ползти...» Ногой зацепилась за клубок проволоки, хотела отцепиться, поцарапала руку. Опять послышался разговор, но теперь более явственно.

Прижалась к земле, выдвинув вперед правую руку с пистолетом. Разговор смолк. В темноте раздались шаги. Ближе, ближе. На темноватом фоне обозначились черные фигуры.

Свои или?..

— Разве найдешь их в такой ночи?..— долетело до ушей Руфины.

Она привстала, хотела крикнуть: «Я здесь», но из горла вырвался только тихий стон. Черные фигуры застыли на мгновение, бросились к девушке.

— Родная, давай сюда... родная... Да ты осторожней... Тут мины.

Сильные руки подняли ее с земли и понесли. Будто сквозь сон она слышала:

— Гляди, унты потеряла... Совсем закоченела, бедняжка...

Как радостно было видеть, что вокруг свои, родные люди, с согревающими улыбками. Но Руфина волновалась, ей хотелось спросить, что с Лелей, но не решалась.

— Не волнуйся, ты дома,— говорили ей.

— Нет. Не то... Где она, Леля,— с трудом выговорила Гашева.

— А она подорвалась на мине, когда приземлялась,— прозвучал незнакомый голос.

Руфина потеряла сознание.

* *
*

Коммунистку Ольгу Алексеевну Санфирову, 1917 года рождения, хоронил весь полк. Над гробом ее развевалось гвардейское знамя, боевые подруги дали клятву: сражаться до победы, сражаться так, как сражалась она, верная дочь советского народа.

В начале 1945 года, последнего года войны, группе летчиков и штурманов 46-го гвардейского бомбардировочного Таманского краснознаменного ордена Суворова авиационного полка было присвоено звание Героя Советского Союза. Среди награжденных были коммунистки командир эскадрильи гвардии капитан О. А. Санфирова и штурман эскадрильи гвардии старший лейтенант Р. С. Гашева.

Р. АРОНОВА,
Герой Советского Союза

ТРЕВОЖНЫЕ НОЧИ

Я беру телефонную трубку и звоню Полине Гельман.

— Полина, привет!

— Здравствуй, Рая! Какие у тебя новости?

— Мне нужно написать о твоих подвигах.

— Что? Не поняла.

— О твоих боевых подвигах, говорю, нужно написать.

— О каких подвигах? Нет их у меня.

В этой фразе вся Полина. Узнаю своего бывшего штурмана!

Все-таки мы договариваемся о встрече. Через пару часов я сажусь в такси и еду к ней домой, в Юго-Западный район Москвы. По пути перебираю в памяти все то, что мне известно о Полине. Известно, конечно, много. Ведь мы воевали в одном полку — в женском авиационном полку легких ночных бомбардировщиков, а с осени 1943 года и до конца войны летали на одном самолете: я — летчиком, она — штурманом. Вообще же мы знаем друг друга с октября 1941 года, с того самого момента, когда пришли на сборный пункт женской авиачасти, которую формировала Герой Советского Союза М. М. Раскова.

Помнится, как в первый же вечер я обратила внимание на двух девушек, сидевших недалеко от моей койки. Они тихо беседовали. По всему было видно, что это близкие подруги, но как они не похожи друг на друга! Одна — высокая смуглолицая, с румянцем во всю щеку, с выразительными черными глазами. Другая — маленькая, голубоглазая брюнетка с несколько бледноватым лицом и спокойными, мягкими движениями рук. Это были Галя Докутович, студентка МАИ, и Полина Гельман, студентка исторического факультета МГУ.

— Вот, получила наконец от мамы письмо,— говорила Полина.— Она эвакуировалась с братишкой из Гомеля в самый последний момент, когда немцы уже входили в город. Как была в летнем платье и тапочках, так ее и подхватили на машину. Никаких вещей не успела взять. Сейчас она на Волге.

— Я рада, Поля, за твою маму,— сказала Галя.— Что было бы с ней, если бы она осталась в Гомеле? Страшно подумать!

— Да, коммунистов они не щадят...

Потом я вспомнила город Энгельс, куда прибыла наша часть для обучения. В памяти всплыл такой эпизод.

Большая, высокая комната штурманской группы вся заставлена двухэтажными койками. Я сижу на втором этаже и с интересом наблюдаю, как Галя Докутович, старшина группы, стоит с секундомером в руках, а Полина тренируется в скорости надевания летного зимнего обмундирования. Надеть — снять! Надеть — снять! И так несколько раз подряд. Поля вначале путается, надевает унты, а потом пытается натянуть меховой комбинезон, но унты не пролезают, она их сбрасывает, а стрелки секундомера бегут... Портянки тоже никак не накручиваются на ноги. Наконец Полина укладывается в положенное время, и обе, довольные, улыбаются...

Такси мчится по набережной Москвы-реки, мелькают огоньки встречных машин, и мне кажется, что это огоньки ночного старта и мы с Полиной взлетаем на задание.

Мы летим на Данциг. Ночь еще не наступила, и в небе довольно светло. Воздух прозрачный, видимость отличная. Мерно гудит мотор. На земле тихо, нет никакой перестрелки. Только в Данцигской бухте видно несколько очагов пожара — результат работы наших штурмовиков. Но мы знаем, что эта тишина обманчива. В Данциге много противовоздушных средств.

— Пересекаем линию фронта,— сообщает Полина.

Еще несколько минут полета проходят спокойно. И вдруг земля изрыгнула в небо целый фонтан огня. Потом еще, еще... Но бьют не по нашему самолету, а по другому, идущему гораздо выше нас. Мы ясно видим над собой силуэт большого двухмоторного бомбардировщика. Зенитки с яростью ведут по нему огонь.

— Рая, нам нужно, наверно, немного отойти в сторону, а то «по ошибке» могут и нас задеть,— говорит Полина.

Я согласна с ней.

Но не успели мы свернуть, как над нами вспыхнул ослепительно-огненный шар, и от него во все стороны брызнули искры. Это взорвался самолет. Сверху на нас посыпались горящие

обломки. Я резко дала полный газ, и наш самолет, неуклюже развернувшись, избежал столкновения с обломками.

А когда мы бомбили по своей цели, то обе, как по уговору, воскликнули:

— За сбитый самолет!

Придя с задания, мы, как обычно, начали торопить техников, чтобы самолет побыстрее заправили горючим. В это время к нам подошел командир дивизии, который присутствовал в ту ночь на старте.

— Аронова, уступи мне на один полет своего штурмана, я хочу слетать на задание,— в шутливой форме попросил он.

ГЕЛЬМАН
Полина Владимировна

Я нехотя вылезла из кабины: кому приятно сидеть на земле, когда боевая работа кипит вовсю!

— Сколько вешать бомб? — спросили вооруженцы.

— Четыреста! — ответил командир дивизии.

— Товарищ полковник, у нас мотор слабый, не потянет,— заметила Полина.

— Потянет! — уверенно сказал полковник.

«Ну, посмотришь, как потянет,— подумала Полина.— Я-то знаю, на что способен наш мотор: больше двухсот пятидесяти килограммов нельзя».

Самолет оторвался от земли у самой границы аэродрома. За тридцать минут полета до линии фронта они едва-едва наскребли четыреста метров высоты. Это был потолок при такой загрузке.

Дул сильный боковой ветер, самолет несло влево. Полина попросила летчика подвернуть на тридцать градусов вправо, но его удивила, очевидно, такая большая цифра и он продолжал идти, почти не меняя курса. Их снесло на сильно укрепленный объект, где по самолету открыли плотный зенитный огонь,

из которого они долго не могли выбраться. Полина уже подумала, что это ее последний боевой вылет. Еще бы! Ползать на такой малой высоте с бомбами для ПО-2 далеко не безопасно.

После того как они отбомбились по цели, полковник взял курс не на наш аэродром, а на соседний: он решил посмотреть, как идут дела в других полках. Когда они сели, командир дивизии, направляясь на КП, наказал Полине:

— Гельман, скажи вооруженцам, чтобы подвесили бомбы — мы еще разок слетаем, а потом уж вернемся к вам в полк.

— Сколько вешать, товарищ полковник? — спросила Полина.

Тот обернулся, погрозил ей пальцем:

— Двести!

Полина понимающе улыбнулась.

После того как Полина и командир дивизии прилетели наконец на наш аэродром, мы с техником Катей Бройко внимательно осмотрели самолет. Кое-где были пробоины.

— Ну, это не беда! Могло бы быть и хуже,— утешила нас Катя.

...«Волга», круто развернувшись, въехала через широкую арку в просторный двор. Здесь живет Полина Гельман. Поднимаюсь на шестой этаж.

— Ну, проходи, раздевайся,— встречает она меня.— Значит, за подвигами приехала?

— Ага!

— Но ведь ты сама все знаешь обо мне. Я сделала с тобой около пятисот боевых вылетов. Вот сейчас подсчитала в своей летной книжке.

— Очень многое позабылось. Давай вспоминать вместе.

— Знаешь, Рая, уж если говорить о подвигах, то вот именно сейчас я совершаю подвиг: готовлюсь стать кандидатом экономических наук. Ты не представляешь, как это трудно! Ведь семья, работа.

— Да, но твоя работа должна, по-моему, не мешать, а помогать диссертации — ты же политэкономию преподаешь!

— Это так. Но время... Где взять свободное время? Однако я все-таки сдала уже два кандидатских экзамена, написала большую статью об экономике Кубы.

— Интересно, я как-нибудь возьму почитать. А это что у тебя за письма лежат? Какие-то иностранные.

— Это с Кубы и из стран Латинской Америки. Среди моих студентов бывают иногда и иностранцы. Какие чудесные письма они потом пишут! Хочешь, я прочту тебе некоторые из них?

— С удовольствием послушаю.

Письма действительно хорошие. В них высказывается откровенное восхищение нашей страной, нашими людьми, в них видна неподдельная радость за наши успехи и победы, в них чувствуется пристальное и доброжелательное внимание к нашей многогранной и кипучей жизни. Авторы сообщают о большом интересе, который проявляют люди в их странах к живому слову человека, побывавшего в Советском Союзе. Ну, и, конечно, в каждом письме много теплых, хороших слов в адрес лично Полины. Они считают, что она одна из самых замечательных женщин нашей страны, и они счастливы, что им довелось с ней познакомиться.

— Не зря ты учила испанский язык,— говорю я Полине,— и поговорить можешь, и письма прочесть.

— Знание испанского языка мне очень помогает и в работе над диссертацией, которую я думаю озаглавить так: «Революционная земельная реформа и изменение аграрных отношений в Республике Куба». Я много перечитала литературы в подлинниках.

Полина могла говорить о своей любимой теме долго, но мне хотелось, чтобы она рассказывала в этот раз о другом, о тех тревожных ночах в годы войны...

— Полина, скажи мне, какой был самый страшный у тебя полет из всех твоих боевых вылетов?

— Что это ты такие резкие повороты делаешь? Торопишься? Ну, изволь, отвечу.

Она немного подумала, потом, приподняв левую бровь и наклонив слегка голову набок, сказала:

— Было, конечно, немало страшных полетов, таких, когда я думала: «Это конец». Не раз дрожали колени на обратном пути от цели. Вот, например, однажды мы с Дусей Носаль — это было на Тереке, под Моздоком,— попали в такой переплет, что мне и сейчас жутко становится, как вспомню.

Мы летели бомбить вражеские прожекторы. Пересекли Терек — тогда по нему шла линия фронта — и начали умышленно шуметь мотором, чтобы прожекторы включились. Они, конечно, сразу нас схватили. Я наметила один из них — сильный, яркий — и попросила Дусю, чтобы она шла точно по лучу, а сама уткнулась в прицел. По нашему самолету открыли бешеный огонь. Чтобы выйти из огня, нужно маневрировать, но тогда нельзя попасть в прожектор. И мы действовали так, как будто находились на полигоне. К тому же нас охватил азарт: кто — кого? Вот зеркало прожектора блеснуло в прицеле, я дер-

нула за бомбосбрасыватели, и самолет освободился от груза. Через мгновение мы услышали взрыв, и прожектор погас.

— Ура!!! Разбили! — закричали мы в восторге.

Однако радоваться было еще рано. Остальные прожекторы нас крепко держали, а зенитки поливали огнем. Дуся начала маневрировать, уходя на свою территорию. У нас была небольшая высота, и прожекторам было, конечно, легко держать нас. Вот уж и Терек остался позади, а мы все еще идем в лучах, и зенитки бьют. Мне казалось, что они намерены преследовать наш самолет до самого аэродрома. Нам определенно повезло тогда — мы остались живы. Только вот самолету досталось здорово — он с трудом дотянул до посадки. Его потом целый день ремонтировали.

Полина немного помолчала, потом как-то загадочно улыбнулась и продолжала:

— Еще более страшным полетом я считаю тот, когда мне пришлось над целью выбросить за борт свои меховые краги.

— . . . . . ?

— Краги были хорошие, теплые,— продолжала она, будто не замечая моего удивления.— Когда было холодно, я брала их с собой в полет, и они висели у меня на длинном ремешке, перекинутом через шею. Над целью я работала голыми руками, а потом, отбомбившись, засовывала окоченевшие пальцы в мягкий мех, и они быстро отогревались.

Мы летели с Катей Пискаревой. Было морозно, несмотря на то что наступил уже апрель. Ночь темная, хоть глаз коли. Я ориентировалась только по времени (способ не очень-то надежный), и когда по самолету открыли огонь, у меня как-то легче на душе стало: раз стреляют, значит, мы подходим к цели. Однако надо было точно в этом убедиться. Я быстро достала САБ, выдернула предохранительную чеку и хотела бросить эту небольшую осветительную бомбочку за борт, но тут же обнаружила, что ремешок, на котором у меня висели краги, запутался в стабилизаторе САБа.

— Полина, почему молчишь? — кричит Катя.

Я знаю, что моя обязанность сейчас — помочь летчице выйти из обстрела, сообщать ей, откуда бьют и куда отворачиваться. Но мне было не до этого. Я держу бомбу, в которой пришел в действие механизм, отсчитывающий секунды. Через 10 секунд взрыватель сработает, и тогда бомба взорвется у меня в руках. Я стараюсь распутать ремешок, но руки дрожат, и ничего не получается. По самолету бьют вовсю. А секунды летят — пять, шесть, семь... Я в отчаянии хватаю краги, снимаю с шеи ре-

мешок и бросаю все это вместе с САБом за борт. Не успела я выдохнуть «ух!», как под самолетом загорелся САБ, осветив землю. Мгновенный взгляд вниз — и мне ясно, что мы над целью. Быстро сбрасываю бомбы и только после этого осматриваюсь.

А Катя опять:

— Полина, что же случилось? — в ее голосе слышится тревога.

— Ничего, Катя. Отворачивайся вправо. Еще правее. Слева под крылом бьют пулеметы. Впереди — зенитки.

В общем, дальше все пошло, как обычно бывает в таких случаях. Когда мы пересекли линию фронта, я услышала уже спокойный голос летчицы:

— Ну, Полина, радуйся, что мы так легко отделались!

— Знаешь, Катя,— сказала я ей,— я совсем не испытываю радости от того, что отделалась от своих новых краг.

Катя сначала не поняла меня, но когда я ей рассказала подробно, она от души посмеялась.

Полина замолчала и вопросительно посмотрела на меня. Она вот всегда так. Даже о самых драматических моментах из своей боевой жизни рассказывает с легким юмором.

— Я хорошо понимаю, что тебе в тот момент было совсем не до смеха,— говорю я.— Шутка ли! С земли стреляют — это уже опасно. В руках у тебя бомба, которая вот-вот взорвется,— это еще опаснее. Опасность, так сказать, в квадрате.

— Ты знаешь, после того случая я никогда больше не брала в полет краги, хоть мне и выдали потом другие. Но что это мы так сидим? Я сейчас приготовлю чай, а ты пока просмотри вот Галин дневник, летную книжку, фотографии фронтовых лет.

Полина ушла на кухню, а я стала перелистывать дневник Гали Докутович. Он начинался с 1 января сорок второго года.

Галя с Полиной были друзьями детства. Сидели в школе за одной партой, вместе ходили в аэроклуб, вместе окончили школу с отличием и уехали в Москву. Только Полина поступила на истфак в МГУ, а Галя — в МАИ: она любила авиацию.

«Полина считалась у нас в классе великим дипломатом и политиком. Увлекалась она историей»,— читаю я в дневнике Гали.

Пробегая глазами страницы дневника, я сознательно выискивала места, где говорилось о Полине. Их было немного. И я подумала, что, может быть, именно этот факт и свидетельствует о том, что дружба этих двух девушек была настоящей, глубокой, бескорыстной. Как бы в подтверждение своей мысли в конце дневника нахожу слова:

«Меня немного удивляет: зачем, когда уважаешь человека, любишь его и хочешь с ним дружить, говорить об этом? Мы с Полиной никогда даже не заговаривали о дружбе, не клялись и ничего не обещали друг другу. А наша большая настоящая дружба, пережив много кризисов и опасных поворотов, живет вот уже десятый год. Десятый год! Черт возьми, нужно будет справить годовщину!»

Только справить юбилей Гале не пришлось. Она погибла в ту трагическую для нашего полка ночь, когда четыре самолета сгорели над целью. Все они были обстреляны в упор вражеским истребителем в момент, когда находились в лучах прожекторов.

Полина была потрясена этой утратой. Командир полка майор Бершанская, видя, как глубоко переживает Полина Гельман гибель подруги, попыталась было под разными предлогами отстранять ее от полетов, но Полина, поняв это, твердо сказала:

— Нет, товарищ майор, я должна летать. Я буду мстить за Галю.

Время стерло остроту горя, но даже сейчас, спустя много лет после гибели Гали Докутович, Полина при воспоминании о ней становится печальной, опускает голову, как бы склоняясь перед ее светлой памятью. Она и дочь свою назвала Галей в память о своей лучшей подруге.

В Галином дневнике я натолкнулась на коротенькую запись, датированную 20 июля 1942 года.

«Сегодня Полину избрали парторгом эскадрильи. Я уверена, что девушки сделали очень правильный выбор».

Время подтвердило справедливость этих слов. Полина Гельман с того времени была парторгом эскадрильи бессменно до конца войны. Она умела по-деловому, без шумихи и шаблона проводить различные мероприятия, умела беседовать с людьми, находить верный путь к сердцу каждой девушки. Собственно, в этом не было ничего удивительного. Судьба ее родителей, членов партии с дореволюционным стажем, складывалась так, что Полина с самых ранних лет привыкла считать, что иной жизни, чем жизнь с партией, для партии, у человека и быть не может. Будучи еще маленькой, несмышленой девчонкой, она наивно считала, что все люди — коммунисты и что сама она тоже член партии, потому что всегда присутствовала с мамой на партсобраниях. Ей и невдомек было, что мама просто не могла оставить дома одну свою шаловливую дочку и была вынуждена брать ее с собой на собрания.

— Вот и чай готов! — прервала мои размышления Полина, входя в комнату.

— Послушай, Полина, расскажи мне что-нибудь из своей биографии довоенного периода,— попросила я.

— Ничего особо примечательного в моей биографии нет. Вот только разве самое ее начало: я родилась в тот момент, когда в здание больницы, куда мама обратилась за помощью, попал снаряд — белые обстреливали город — и половину дома разворотило. К счастью, мама находилась в другой половине, и мы, таким образом, уцелели.

— Родилась, значит, «под грохот канонады». Будь на твоем месте мальчишка, он был бы страшно горд таким боевым началом своего жизненного пути! — пошутила я.

— Рая, а ты помнишь, как мы бомбили автоколонну? — вспомнила вдруг Полина.

— Еще бы! Ты тогда попала прямо в головную машину, она загорелась, и все движение на дороге застопорилось. А помнишь наш единственный боевой вылет днем? В Белоруссии, когда фашисты часто оказывались в «котлах» и «котелках»?

— Конечно, помню. Нас послали тогда выручать наших бойцов из БАО, которые пошли в лес, чтобы забрать в плен группу оставшихся там фашистов, но поскольку их оказалось раз в двадцать больше, чем наших солдат, то создалась очень сложная ситуация. Нам нужно было пулеметным огнем с воздуха прикрыть отход горсточки неразумных храбрецов.

— А помнишь Эльтиген, под Керчью?

— О, это были очень трудные полеты! Ночь, низкая облачность, дождь, а мы летим через Керченский пролив и везем нашим десантникам ящики с боеприпасами и мешки с продовольствием...

Полина вспоминает разные случаи из фронтовой жизни, а я смотрю на нее и думаю: правильно поется в песне:

Когда страна быть прикажет героем,
У нас героем становится любой!

Полина была не из тех, про кого говорят: рожден для авиации. Ни ее физические возможности, ни характер, ни вся ее натура не говорили о том, что ее стихия — воздух. Но грянула война, и она стала в передовые ряды защитников Отечества, она поднялась в небо, чтобы оттуда меткими ударами бить по врагу, вероломно напавшему на ее любимую Родину. И наверно, именно за это ее уважали в полку, за то, что она, такая скромная, стала бесстрашным воздушным бойцом.

Восемьсот шестьдесят боевых вылетов сделала Полина Гельман. А ведь каждый вылет — это напряжение нервов, воли, это, если хотите, поединок со смертью. Поединок зачастую неравный — с точки зрения технических средств. Но у Гельман на вооружении всегда были три вещи, которые помогали ей успешно преодолевать трудности боя: любовь к Родине, жгучая ненависть к врагу и стремление к победе.

Я беру летную книжку Полины и открываю последнюю страницу. Здесь подведены итоги ее летной работы.

Немалый урон нанесла она врагу, пробыв в ночном небе тысячу сто девяносто один час. От ее меткого бомбового удара взлетали на воздух переправы, склады горючего и боеприпасов, умолкали зенитные пушки, гасли прожекторы, горели автомашины.

Правительство не раз отмечало ее боевые успехи. Шесть орденов, восемь медалей и Золотая Звезда Героя Советского Союза — таковы награды за ее боевые дела.

В. МАЛЫШЕВ

ПОДВИГ «ЛАСТОЧКИ»

Небольшие домики деревеньки Яндебы вольно раскинулись близ мелкой прозрачной речушки. Речку обступают густые карельские леса, а у самой деревни на ее берегах растет душистая черемуха. Чтобы утолить свою жажду, она низко склонила пушистые ветви к воде. Белые копны благоухающих крон радуют старых и малых. В это время деревня наполняется ароматом весны. И на лицах даже самых хмурых людей появляется добрая улыбка. Кто посадил эти необычные для севера деревья? В Яндебе не помнят. Говорят, что сами разрослись. Никто и никогда здесь не ломает их.

В середине деревни через речку перекинут жидкий деревянный мостик. Это — любимое место большеглазой Вавуси и всех яндебских ребятишек. Здесь они играют и спорят, дерутся и мирятся.

Вавуся, так звали дома Валерию Гнаровскую, в школу еще не ходила, но азбуку знала и по слогам читала «Мурзилку»... Однажды вместе со своей мамой, Евдокией Михайловной, Вавуся прочитала рассказ. Он назывался «Кинули». Ей было очень жалко маленького львенка, которого львица-мать не подпускала к себе. И его пришлось растить сотруднице зоопарка.

Но все это позади. Позади и средняя школа имени А. С. Пушкина в поселке Подпорожье, которую Валерия Гнаровская окончила успешно...

К выпускному вечеру Валерии сшили красивое платье. В школе было много цветов, особенно ландышей. Они стояли в вазах, банках, горшках и даже в ведрах. Классы и коридор выглядели нарядно и празднично. Выпускные экзамены сданы, но десятиклассники все еще взволнованы.

Высокая, стройная, с вьющимися светлыми, чуть тронутыми рыжинкой волосами, Валерия не знала, что поделать с румянцем, залившим не только щеки, но и вздернутый, с крапинками веснушек носик. Она не знала, куда деть свои голубые лучистые глаза. Не мало ребят, затаив надежду, посматривали в ее сторону.

На выпускной вечер пришло много народу. Ребята встречали гостей букетами ландышей. А учителя? Учителя сегодня почему-то подчеркнуто неторопливы и немного грустны.

Но вот струнный оркестр дружно вывел: «Светит месяц, светит ясный...» Выпускники, украдкой поглядывая на учителей и родителей, пригласили одноклассниц. И стесненности как не бывало. Затем все шло по программе и без нее. Песни, танцы, речи, обещания... Педагоги напутствовали: «Не забывайте школу! Учитесь дальше!»

А питомцы в ответ скандировали:

«Не-за-бу-дем, не-за-бу-дем, не за-бу-дем!»

Вечер был теплый и безветренный. Школьный бал перекинулся на берег светлой Свири. Вместе со всеми веселилась и Валерия. До самого рассвета по берегам реки звонкие молодые голоса распевали: «Три танкиста, три веселых друга...», «Расцветали яблони и груши...», «Если завтра война, если завтра в поход...»

Не знали ребята, что война уже началась, что уже в это утро на границе нашей Родины шли ожесточенные бои...

Отец Валерии, Осип Осипович, в первые же дни войны ушел на фронт. Она тоже просилась — отказали. Вместе с матерью, бабушкой и сестренкой, Викторией, ей пришлось покинуть родной дом. В сентябре сорок первого все население Яндебы ушло в лес. Сначала жили в шалашах, потом пришлось оставить и их.

Разрывы снарядов и бомб заставляли людей уходить все дальше в глубь леса. Тяжелые узлы с домашним скарбом. Кровяные рубцы от них. Страх, постоянный страх за жизнь сестренки, бабушки и матери. Рухнули все мечты. Начались тяжелые испытания. Что же будет впереди? Уже второй месяц шла лесная жизнь. Наступали холода. Но вот наконец спасительная глушь. И какое счастье! — барак лесорубов. Несколько дней в этом бараке жила спокойно вся деревня. Но враг наступал. Снаряды начали рваться и здесь. Валерия хотела уйти в партизанский отряд, но, когда увидела слезы бабушки и Вики, осталась с ними. Через некоторое время Гнаровские вместе с другими добрались до города Тихвина. Отсюда с последним эшелоном они уехали в глубь страны.

ГНАРОВСКАЯ
Валерия Осиповна

Дорогой Валерия видела, как фашистские самолеты бомбили и расстреливали поезда с женщинами и детьми. Однажды и их эшелон был обстрелян. Жгучей ненавистью наполнялось сердце девушки при виде страданий и мук ни в чем не повинных людей.

— Мама, возьмут меня на фронт?

— Что ты, Вавусенька, какой фронт! То в партизаны, то на фронт. Мало ли страху уже повидали! Слава богу, хоть живы остались.

— Вот поэтому, мамочка, я и буду проситься.

— Но ты же не парень! Кто тебя возьмет?

Гнаровские оказались в Омской области. Евдокии Михайловне трудиться пришлось за троих. Валерия тоже поступила на работу и помогала семье. Но мысль о фронте не покидала ее. В который уже раз пошла она к райвоенкому. Настроена была требовательно. Увидев же военного с черной повязкой на левом глазу и пустой левый рукав гимнастерки, Валерия обратилась спокойно:

— Скажите, пожалуйста, почему мне вернули заявление? Я хочу на фронт.

— Время еще не пришло,— резко ответил военком.

— Но мне же восемнадцать лет! Я уже два года в комсомоле... И видела, что делают фашисты,— еле сдерживая слезы, сказала Валерия.

— Рано, рано,— твердил военком.

— Если не отправите, я убегу сама! — По щеке Валерии покатилась предательская слеза. Военком встал из-за стола.

— Э-э-э... Плачем... А еще просимся воевать.

Но говорил майор уже другим тоном. И его единственный глаз смотрел добрее.

— Ладно, зачислим тебя, товарищ Гнаровская, на курсы медсестер. А там видно будет.

Сказав: «Спасибо», Валерия быстро вышла из военкомата. А через несколько месяцев она и ее сибирская подруга, учительница Катя Доронина, были уже в солдатских шинелях.

Еще на курсах медсестер Валерия часто слышала: «Помните, друзья! На бойца с санитарной сумкой, склонившегося над раненым товарищем, смотрит вся наша страна!» Валерия знала, что эти слова принадлежат крупнейшему советскому ученому, главному хирургу армии Н. Н. Бурденко, который еще в русско-японскую войну сам был санитаром. Теперь рядовая Гнаровская тоже санитар...

— 10 апреля 1942 года,— говорит Евдокия Михайловна,— я в последний раз прощалась с моей Вавусей. Я не заметила тогда яркого солнышка. Мне было так тяжело. Ведь она шла на войну...

А вот что писала Валерия, успокаивая Евдокию Михайловну: «Мамочка, любимая моя и хлопотливая! Скоро я буду там же, где и папа. Не беспокойся. Все будет хорошо. Я сумею постоять за себя, за вас, за всех наших. Ведь я поеду, мамочка, помогать раненым, спасать их. Разве может быть что-нибудь благороднее и полезнее... Вот и сейчас наши девчата, расположившись в сосновом бору, поют:

Если ранили друга,
Сумеет подруга
Врагам отомстить за него.
Если ранили друга,
Перевяжет подруга
Горячие раны его.

Ты знаешь эту песню, мама. Помнишь, мы часто ее вместе пели? Настроение у всех сибирячек бодрое. Ждем отправки. Все будет хорошо, милая. Не волнуйся, не переживай за меня...»

Когда воинский эшелон был в пути на фронт, Валерия написала письмо Осипу Осиповичу:

«Родной мой папочка! Я знаю, что тебе и твоим друзьям тяжело. Но сколько же вы будете отступать? Вы сдаете город за городом. Ведь так фашисты дойдут и до Урала. Я больше не могла отсиживаться телефонисткой в Сибири. Еду к тебе на фронт. Может, будем вместе. Может, встречу наших подпорожских, яндебских. До сих пор я делала очень мало для того, чтобы изгнать проклятых захватчиков. Мы их не трогали. Они виноваты во всем. Сколько горя и страданий принесли нам эти дикари! Папа, когда фашисты стреляют снарядами по Ленинграду, мне кажется, что они стреляют в меня, когда они топчут наш родной край (школу и дом наш, наверное, сожгли), мне

кажется, что они топчут меня. И я говорю себе: «Иди туда, где трудно, если ты человек». И я иду, папа. Пусть будет трудно, пусть леденит до костей мороз, пусть будет жутко и страшно — я не брошу раненого, как бы тяжело мне ни было... Нам нельзя отступать дальше, родной мой...»

С такими мыслями и чувствами Валерия Гнаровская прибыла на фронт.

К этому времени враг был уже разбит под Москвой, остановлен под Ленинградом, но теперь он рвался к Волге. В июле 1942 года стрелковый полк, в котором служила Валерия, форсировал великую русскую реку и под станицей Суровикино принял первый бой. Это был и первый бой Валерии Гнаровской.

— Все смешалось в сплошном грохоте, казалось, рушится все на земле, рушится и земля под ногами! Давно это было,— вспоминает боевая подруга Валерии Е. Доронина,— но, как сейчас, помню, первая из окопа выбежала Валерия и крикнула: «Товарищи! За Родину и умереть нестрашно! Пошли!» — И все покинули окопы и ринулись в атаку...

Рота ворвалась в траншеи противника, и завязался рукопашный бой.

— Сес-тра-а...— услышала Валерия стоны молодого красноармейца. И, несмотря на стрельбу пулеметов и автоматов, кинулась к раненому.

— Но-га... пра-ва-я...

Валерия быстро сняла обмотку с простреленной ноги бойца и, наложив повязку и жгут, остановила кровотечение.

— Потерпи. Рана небольшая.

Переложив бойца на плащ-накидку, Валерия встала и, полусогнувшись, потащила его в медсанроту...

Бои шли жаркие и кровопролитные. Полк сражался стойко, но вынужден был оставить поле боя врагу. Валерия самоотверженно выполняла свой долг. Уже не одному десятку воинов спасла она жизнь. Только у Северного Донца санинструктор Гнаровская вынесла с поля боя сорок семь тяжело раненных бойцов и офицеров.

Очень, очень хотелось Валерии, чтобы наши войска поскорее перешли в наступление, чтобы поле боя, с которого санитарам приходилось выносить раненых, было за нами. Однажды с группой раненых она и ее боевые друзья оказались отрезанными от своих. Враги были кругом, но везде же были и друзья, свои — русские и украинские женщины и старики. Выйти из окружения во что бы то ни стало — такова была задача. Тяжелораненых несли на носилках. Легкораненые тащили оружие

и боеприпасы. Медицинским сестрам, санитарам и фельдшерам нередко приходилось брать в руки автоматы и пускать в ход «лимонки».

Несколько позже, представляя Валерию к правительственной награде, командир полка писал: «Лично участвуя в боях, Гнаровская уничтожила двадцать восемь немецких солдат и офицеров».

Путь из окружения к своим был долог и тяжел. Бесконечные стычки с противником. Новые раненые. Долгие скитания по лесам и болотам. Декабрьские морозы, поиски воды и хлеба, бинтов и лекарств. Все это потребовало неимоверного напряжения сил от Валерии и ее подруг.

— Оставьте вы нас, сестрички. Нам все равно погибать. Пробивайтесь сами,— говорили раненые бойцы.

— Чу, слышите! Артиллерия говорит. Это наши. Скоро дойдем, немного уже осталось,— ласково подбадривала Валерия больных и раненых.

Но дойти до линии фронта Валерия не смогла: заболела. Выходившие из окружения с боем прорвались через передний край и бережно принесли Валерию в госпиталь, уже в бессознательном состоянии. А потом, когда она стала выздоравливать, ей шли письма. Письма с фронта и из тыла. Теплые, душевные, согревающие письма. И почти на каждом конверте стоит дописка: «Нашей ласточке».

Главный врач госпиталя, вручая Валерии медаль «За отвагу», улыбаясь сказал:

— Ну, ласточка, хватит тебе летать и ползать на передовой — будешь работать у нас.

— Что вы! Что вы! Спасибо. Ведь теперь наши наступают. Только в полк. И как можно быстрее,— ответила Валерия.

— Да ты не спеши, отдохни, подумай,— настаивал доктор.

— Пока болела, я уже все передумала, товарищ подполковник. И просьба только одна...

— Да, видно, не отговоришь. Не ласточкой, а соколом звать тебя придется.

— Она, товарищ главвоенврач, с ранеными как ласточка с птенцами, а с врагом отважней сокола,— добавил однополчанин Валерии.

— Раз так, сдаюсь!

Весной 1943 года Валерия была уже на 3-м Украинском фронте. Было много сражений и много побед.

22 августа 1943 года, посылая весточку отцу, который теперь тоже шел вперед, на запад, Валерия писала:

«Дорогой папочка!

Дня четыре тому назад получила от тебя письмо, и ты даже представить себе не можешь, какую оно доставило мне радость. Получила его я прямо в окопе, ответ писать не было времени.

С 15.08—43 года по 21.08—43 года находились все время на передовой... Какие это были ужасные бои, папочка! Я даже тебе и сказать не могу, сколько пережила за эти шесть дней. Командование полка отметило мою работу. Слышала, что представлена к новой награде. Но для меня, папа, лучшая награда — солдатские слова: «Спасибо, сестричка! Век не забуду», которые мне часто приходится слышать от раненых, доставленных в медсанбат. Ведь тебе, папочка, никогда не приходилось краснеть за меня, и уверяю, что этого не случится и впредь.

Сейчас нас сменили. Что будет дальше — не знаю, но пока что жива. Вчера получила письмо от Вики. Она пишет, что сейчас им очень трудно. Я посоветовала ей сжать покрепче зубы и не пасовать перед трудностями, а бороться. А вообще-то дома все в порядке. Все живы и здоровы. Ну ладно, пока до свидания. Обнимаю тебя, папочка, крепко, крепко. Теперь уж до победы недолго.

До встречи, родной мой.

Пиши почаще. Жду.

Твоя *Валерия Гнаровская*».

Шел сентябрь 1943 года. К этому времени на счету Валерии было триста раненых бойцов и офицеров, которых она вынесла с поля боя.

Впереди — Днепр, Запорожье, Днепрогэс. Противник заранее укрепил левый берег Днепра. Передний край его обороны проходил через села Георгиевское, Вербовое, Петро-Михайловка.

Вербовое... Большое украинское село. От него осталось лишь название: горели хаты, тлели головешки надворных построек и торчали печные трубы... Казалось, что в селе нет ни единой живой души. Но это только казалось. Несколько раз Вербовое переходило из рук в руки. Особенно жестокий бой был 23 сентября 1943 года, когда враг атаковал наши позиции вблизи Вербового. Рота капитана Романова удерживала господствующую над местностью высоту и закрепилась в ста пятидесяти метрах от траншей противника. Выбить врага с заранее подготовленной линии не удавалось. Артиллерийской и танковой поддержки не было. Как только наша атака захлебывалась, противник сразу же бросался в контратаку.

У санитаров работы было много. Валерия и ее подруги переносили раненых в безопасные места. Им помогали жители

Вербового. Среди них была бесстрашная и неутомимая Мария Тарасовна Диденко, в доме которой остановились медсестры. На обратном пути Валерия несла бойцам еду и боеприпасы... Двое суток она не смыкала глаз. В течение дня было отбито шесть атак. Капитана Романова ранило, но он продолжал руководить боем. Ждали подкрепление.

Под вечер противник, сосредоточив две танковые роты против горстки защитников небольшой высоты, бросил их снова в атаку. Два «тигра» прорвали нашу оборону и устремились к Вербовому.

Валерия вместе с ранеными находилась на санитарном пункте, около штабного блиндажа. Когда она бинтовала рану одному из бойцов, его сосед крикнул:

— Сестричка, беги! Слева танки!

Валерия, увидев приближающихся «тигров», скомандовала:

— Кто может — в укрытие! Гранаты — мне!

Ведя беспрерывно огонь из пушек и пулеметов, танки приближались к санитарному пункту.

Выбежав навстречу танку, Валерия бросила гранату и упала. Взрыв! Но головной танк шел. До раненых оставалось уже тридцать... двадцать... десять метров. Мертвая зона! Связка гранат... Встать! Бросок! И... И под гусеницу танка! Грохот взрыва, лязг, черный дым!

Оглушенные раненые испуганно глядели. «Тигр» горел. А Валерия?! Валерии не было...

Люди были спасены. А Валерия погибла. Подоспевшие бойцы подбили второй танк. Прорыв был ликвидирован. Наступила ночь.

Радио Москвы сообщило: «23 сентября на всех участках фронта было подбито и уничтожено сорок девять немецких танков». Спасая раненых, один из них уничтожила Валерия Гнаровская. Так ковалась победа.

Боевые друзья — однополчане Валерии Гнаровской писали ее отцу: «Каждый раз, идя в бой, мы вспоминаем вашу дочь, Осип Осипович. Ее подвиг зовет нас вперед! Вперед, к окончательной победе!»

3 июня 1944 года славной, мужественной советской патриотке было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Прошло двадцать лет с тех пор, как погибла верная дочь Родины. Вербовое переименовано в село Гнаровское. Имя Валерии Гнаровской носит также совхоз. Память о ее подвиге не умрет. Валерия и сейчас в боевом строю. Лучшая улица бывшего поселка, а ныне города Подпорожья, носит имя Валерии Гнаровской. В парке Верхне-Свирской ГЭС девушке-герою установлен памятник. В школе имени А. С. Пушкина, в которой училась Валерия, ребята свято чтут память героини. Они хотят быть такими же честными и мужественными, какой была их славная землячка. Их девиз — «Любить Родину так, как любила ее Валерия!»

Мать Валерии, Евдокию Михайловну, часто навещают юноши и девушки. Рассказывая им о своей дочери, она говорит:

— Я получаю письма от людей, которых спасла Валерия. Они строят в Сибири и пашут на целине. Изобретают машины и учат ребятишек. Охраняют наши рубежи и мир во всем мире. Каждый из них на своем посту трудится по-ударному, по-боевому. Давайте и мы работать так, чтобы никогда не было войны, чтобы никогда люди не умирали в двадцать лет.

В. ГАВРИЛЕНКО

ШАХТЕРКА-РАЗВЕДЧИЦА

Боевая сероглазая девчина — такой навсегда останется комсомолка Нина Гнилицкая в памяти тех, кто ее знал. Эта бесстрашная разведчица появилась в дивизии донецких шахтеров в дни боев за город Красный Луч, в Донбассе.

Вот как это было.

Чистенький донецкий городок Красный Луч — детище Советской власти. До революции это был грязный, захудалый поселок Криндачевка. В годы первых пятилеток здесь выросли кварталы добротных домов, школы, техникумы, великолепные Дворцы культуры для тружеников шахт и заводов. Зеленые бульвары, благоухающие цветами скверы украсили улицы и площади Красного Луча. И когда мы в октябре 1941 года занимали здесь оборону, скульптура пионера с барабаном, стоявшая на площади, казалась нам олицетворением юности города.

Гитлеровцы рассчитывали с ходу взять Красный Луч. Но бойцы шахтерской дивизии несокрушимой стеной встали на пути врага и надолго остановили здесь его продвижение в глубь Донбасса.

Особенно упорные бои развернулись за село Княгиневка. Оно прикрывало подступы к Красному Лучу с юга. Неподалеку от Княгиневки расположена шахта 4-бис. И обе стороны прекрасно понимали, что ее наземные постройки могли быть легко превращены в опорный пункт. Вот почему здесь происходили наиболее ожесточенные стычки.

В одном из первых боев на северной окраине Княгиневки разведчик шахтерской дивизии Тугай в пылу схватки оторвался от своих. Когда он разобрался в обстановке, было уже поздно: все пути отхода враги отрезали.

Пробираясь по огородам и садам, Тугай вскочил в первую попавшуюся хату. Он надеялся найти здесь приют до ночи.

В этой хате жила семья шахтера Тимофея Гнилицкого. Старшая его дочь, Нина, сразу же сообразила, что бойцу надо помочь. Она повела его в горницу, быстро переодела в костюм отца. Военную одежду и оружие проворно спрятала в надежном месте.

Когда через некоторое время в хату Гнилицких ворвались немецкие солдаты, Тугай уже сидел за столом и завтракал.

— Это мой муж,— спокойно объяснила Нина немецкому ефрейтору, когда тот стал допытываться, что это за человек.

Бой за Княгиневку только разгорался. Немцам было некогда, они торопились. Наскоро сожрав все, что было на столе, они понабивали карманы хлебом и пирогами. Перед уходом пригрозили Нине и Тугаю оружием: смотрите, мол, если обманули — будет плохо!

Но у Гнилицкой уже созрел свой план. Перед вечером она принесла Тугаю оружие и одежду.

— Когда стемнеет, мы пройдем незамеченными,— сказала Нина.

Подруга Гнилицкой Паша Белогрудова попросила их взять и ее с собой.

Вечером бой стал утихать.

— Пора,— сказала Гнилицкая.

Она повела Тугая и Пашу. Нина надеялась вывести их малоизвестной тропкой.

Пробираясь по задворкам села, Нина чутко прислушивалась к каждому шороху. Она словно чутьем угадывала, где можно пройти без риска нарваться на вражеские посты. Впоследствии Тугай удивлялся:

— Гнилицкая вела нас, как самый опытнейший разведчик-следопыт! Я не мог понять, откуда все это у девушки, да еще такой мирной профессии, какая была у Нины!

Через некоторое время Тугай и девушки были уже на окраине Красного Луча, в расположении разведроты шахтерской дивизии.

Трудно описать радость, с которой встретили разведчики отважных девушек. Ведь Тугая уже считали погибшим.

Стали думать и гадать, как быть дальше. Куда определить девчат. Ведь возвращаться в село они не могли, да и не собирались.

Паша Белогрудова согласилась остаться в роте санитаркой. А Нина отказалась.

— Я буду вас в разведку водить,— упрашивала она.— Я все тропочки знаю... И стрелять умею, и связисткой могу быть... Хочу быть бойцом-разведчиком!

Пришлось уступить настойчивым просьбам. Нина Гнилицкая была зачислена бойцом разведывательной роты шахтерской дивизии.

Зная все выходы и входы в родном селе, захваченном гитлеровцами, Нина водила бойцов в разведку. Не один раз пробиралась она к врагам, не однажды приходилось ей пулей и гранатой пробивать себе дорогу назад, к своим. И всегда Гнилицкая находила какую-то никому не ведомую тропку, канаву, овражек и по ним выводила своих товарищей живыми и невредимыми. Никто не умел доставить в штаб такие свежие и точные сведения о противнике, как Гнилицкая.

В бою Нина не знала страха. Когда под шквальным огнем бойцы, случалось, залегали, она кричала им:

— За мной! Лежать дома будете, на печке!.. Вот, глядите, мужчины! — И, подымаясь первой, бросалась вперед.

— Тут уже деваться было некуда,— рассказывали о таких случаях бойцы.— Тут уж подымаешься и идешь за ней!..

Однажды разведчики принимали участие в ночном налете на Штеровскую электростанцию. Нина удивила своей храбростью даже бывалых бойцов. На группу советских солдат бросилась рота вражеских автоматчиков. Положение было критическим. В это время Нина поднялась во весь рост и начала в упор расстреливать немцев из карабина. Стреляла она сноровисто и метко. Ни одна пуля не пропадала у нее даром. Ее примеру последовали и остальные. Контратака гитлеровцев была отбита с тяжелыми для них потерями.

Как-то Нина вела группу разведчиков в тылу врага. Вдруг неожиданно наткнулась на четыре линии связи противника. Под руками, как на зло, не оказалось ножа. Тогда она зубами перегрызла все четыре кабеля.

Через некоторое время Гнилицкая выследила дом, где собирались немецкие офицеры. Ночью она привела сюда разведчиков. Они забросали немцев гранатами. Было уничтожено двенадцать фашистских офицеров.

За бесстрашие и находчивость в бою разведчики-шахтеры горячо полюбили Нину. Подвиги ее оценило командование дивизии: храбрая девушка была награждена медалью «За отвагу». Вскоре партийная организация разведроты приняла Гнилицкую в кандидаты партии.

— Я буду с честью носить высокое звание коммуниста! —

взволнованно сказала на партийном собрании Нина. И эти слова в ее устах прозвучали как торжественная клятва.

В начале декабря 1941 года разведчики произвели дерзкий налет на северную окраину Княгиневки. Как всегда, их вела Нина. Все шло хорошо. Смельчаки успешно выполнили поставленную задачу и захватили указанный им рубеж. Но стрелковое подразделение, которое должно было поддержать ударную группу, замешкалось. Этим воспользовались гитлеровцы и окружили храбрецов.

Разведчики-шахтеры дрались упорно и мужественно. Уже немало фашистов уничтожили они. Но под огнем вражеских пулеметов и автоматов один за другим выходили из строя и наши бойцы. Вскоре их осталась совсем небольшая горстка.

— Драться до последнего!..— призывала их Нина.

Израненная пулями и осколками мин, Нина продолжала до последнего дыхания вести огонь. Начало уже светать. Последний бой разведчицы-шахтерки видел издалека раненный еще в начале стычки боец Евтушенко.

Вскоре перестрелка затихла. Все было кончено. Евтушенко, которому удалось отползти в безопасное место, увидел, как немцы облили горючим тела героев и подожгли их.

В начале 1942 года после упорных боев дивизия донецких шахтеров освободила Княгиневку и шахту 4-бис. Прошло некоторое время. Фронт отодвинулся настолько, что шахта была восстановлена и стала давать добычу. Я решил побывать здесь в надежде увидеть тех, кто знал Гнилицкую до войны. Хотелось узнать подробнее, какая же она была в мирной жизни. Но, уходя из Княгиневки, немцы угнали все население. В селе никого не осталось, и узнать там ничего не удалось.

На шахте мне сказали, что в числе тех, кто вернулся и работает, как и до войны, отец Нины — потомственный, кадровый шахтер Тимофей Макарович Гнилицкий. Вскоре я уже беседовал с ним.

Это был высокий, сухощавый человек, лет пятидесяти, с крепкими и сильными руками. Он всю жизнь обушком рубал уголь. В то время работал крепильщиком.

Гнилицкие оказались выходцами из Харьковщины. Еще дед Нины — Макар Гнилицкий пришел на шахту из села Меловатки, Купянского района. Работал забойщиком. Свою профессию передал сыну.

Нина Тимофеевна Гнилицкая родилась в августе 1916 года. Училась в княгиневской школе. Шестнадцати лет пошла работать на шахту. Сначала выбирала породу на сортировке угля.

Потом работала откатчицей. Последние годы перед войной работала телефонисткой, там же, на шахте. В комсомол вступила в 1935 году.

— Как только началась война,— рассказывал Тимофей Макарович,— Нина все порывалась уйти в армию. Но на шахте нужны были люди, ее не отпускали... Княгиневку немцы захватили внезапно. Нина не успела уйти до прихода гитлеровцев. А может быть, собиралась партизанить в тылу. Она не раз говорила: «И здесь дело найдется... Будем бить гадов без пощады!»

Тимофей Макарович так и не знал тогда, где его семья:

— Известно мне только, что сын Егор в Советской Армии. Еще в 1940 году ушел по призыву и воюет. Жену, Арину Андреевну, и дочерей Зою, Веру и Людмилу фашисты угнали...

Я спросил Тимофея Макаровича, когда он в последний раз виделся с Ниной.

— С семьей я расстался 23 октября 1941 года,— ответил он.— Тогда мы, шахтеры, покидали Княгиневку. Собирались воевать. Но нас направили в тыл, добывать уголь на других шахтах. В тот день я в последний раз видел Нину... Она была у нас среднего роста, худощавая, русая. Нос немного курносенький. Веселая, бойкая девушка. Даже не верится, что больше ее не увижу...— Голос Тимофея Макаровича задрожал и сорвался. Крупные слезы покатились из глаз, оставляя на покрытых угольной пылью щеках светлые полоски.

Тяжело видеть, как плачет сильный мужчина. Но в ту минуту Тимофей Макарович мог думать, что он навсегда потерял всю свою семью, а не только Нину.

Он узнал, что это не так, только после освобождения Донбасса, в 1943 году. Гнилицкий тогда снова вернулся на шахту 4-бис и встретился с женой и детьми. Они чудом уцелели и возвратились в родные места...

Секретарь комсомольской организации шахты Петр Васильченко не мог без волнения вспоминать о Нине:

— Нам всем так больно, словно потеряли любимую сестру. Нина была старше многих из нас. Она любила комсомольскую работу, умела увлечь за собой молодежь. За что ни бралась, все у нее выходило. Увлекалась она военным делом. Превосходно стреляла из винтовки и револьвера. Окончив курсы ПВХО, была командиром отделения связи. И на службе, и на общественной работе Гнилицкая всегда была образцом честного и сознательного отношения к делу. Когда по призыву партии и правительства донецкие шахтеры отправились сооружать укрепленные

рубежи, с ними пошла и Нина. И здесь она была в числе самых неутомимых, передовых...

Крепильщик Иван Носко, хорошо знавший Нину Гнилицкую, сказал:

— Как герой погибла в бою с врагами Родины наша Нина. И мы никогда не забудем ее. Еще лучше будем работать, чтобы отличным трудом чтить ее светлую память.

* *
*

Звание Героя Советского Союза было присвоено Нине Гнилицкой Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1943 года, посмертно.

В то время шахтерская дивизия сражалась на Кубани. Перед боями в роту разведчиков прибыло пополнение. Воины построились на небольшой поляне в лесу. Молодые бойцы впервые стояли на вечерней поверке в одних рядах с прославленными ветеранами.

— Смир-р-но! — раздалась команда старшины. Затем он раскрыл книгу личного состава.— Герой Советского Союза рядовая Гнилицкая Нина Тимофеевна,— торжественно прочитал он первую фамилию в списке.

— Погибла смертью храбрых в боях с немецко-фашистскими захватчиками,— чеканя каждое слово, громко ответил правофланговый.

Так навечно осталась в списках роты отважная шахтерка-разведчица Нина Гнилицкая. Никогда не умрет слава о верной дочери Донбасса.

А. ВЕРХОЗИН

КОМАНДИР ПОЛКА

Если бы мне, рядовому штурману, кто-нибудь сказал, что я стану начальником штаба авиационного полка, которым командует женщина, то я бы принял это за шутку и тут же забыл о ней. Но в предписании значилось: в полк Гризодубовой. Должность: начальник штаба. Как тут не поверишь!

Полком командует женщина. А личный состав? Из кого будет состоять полк: из мужчин или женщин?

Генерал, к которому я обратился с этим вопросом, улыбнулся и сказал:

— В полку будет только одна женщина, остальные — мужчины.

Если бы Гризодубова формировала женский авиационный полк, как это делала Марина Раскова, было бы все ясно. Но тут командир — женщина, а подчиненные — мужчины. Разгорелось тогда у меня любопытство: что же это за женщина, которой доверяется командовать боевым полком?

На аэродроме, где формировался авиационный полк, я никого не застал. Валентина Степановна находилась в Москве по каким-то чрезвычайным делам. Да и рядовые летчики еще не прибывали. Их ждали в конце недели. В моем распоряжении оказалось несколько относительно свободных дней.

Пошел в библиотеку, взял книжки о летчицах. Разумеется, интересовала Гризодубова — мой новый командир. Передо мной раскрывалась интересная и содержательная биография. Валентина Степановна — дочь одного из русских авиационных конструкторов, Гризодубова Степана Васильевича. В 1910 году, в год рождения дочери, он на свои средства построил самолет и мотор собственной конструкции. Помощи ждать было неоткуда.

Царские чиновники упорно не замечали способного конструктора-самоучку, вышедшего из народа.

Признание пришло лишь после Великой Октябрьской революции. Степан Васильевич получил материальную поддержку Советского правительства, ему были созданы условия для творческой работы.

Дочь унаследовала от отца большую любовь к летному делу; когда подросла, стала учиться на летчицу.

ГРИЗОДУБОВА
Валентина Степановна

И вот пришло время, когда о Гризодубовой узнали во всех странах земного шара. В 1938 году она вписала в таблицу авиационных рекордов пять мировых достижений. В том же году 24—25 сентября советскими летчицами был совершен беспосадочный перелет Москва — Дальний Восток на самолете «Родина». Командиром корабля была Валентина Гризодубова. В состав экипажа входили Полина Осипенко и Марина Раскова. Их самолет пролетел по прямой пять тысяч девятьсот сорок семь километров, пробыв в воздухе двадцать шесть часов двадцать девять минут.

Летчицы установили международный рекорд дальности беспосадочного полета для женщин, который до сих пор непревзойден. За мужество и высокое мастерство, проявленные в рекордном полете, Валентине Гризодубовой, Полине Осипенко и Марине Расковой было присвоено звание Героя Советского Союза.

Постепенно из прочитанных книг сложился образ Гризодубовой. Смелая и умелая летчица. Влюблена в авиацию. Летает на самолетах многих типов. Несомненно, волевая. Не теряется в трудной обстановке. Будучи перед войной начальником международных авиационных линий Гражданского Воздушного Флота СССР, проявила незаурядные организаторские способности.

Многие прибывшие в полк летчики, оказывается, знали Валентину Степановну по прежней работе. И их мнения часто расходились. Кто-то считал ее чрезмерно строгой. А другой говорил:

— Заботливая очень.

— Рисковая! — добавлял третий.

— Душа-человек! — отзывались иные.

И только потом я понял, что никаких противоречий в мнениях летчиков о Гризодубовой не было. Да, она умела, когда это требовалось, быть неумолимо строгой. Да, в боевой работе, как командир, когда необходимо, шла на обоснованный риск. При всем этом всегда проявляла сердечность и заботу о подчиненных, являлась подлинным организатором всей сложной жизни авиационного полка.

Ни одно малое или большое событие не проходило мимо нее. Особое внимание она уделяла людям, пристально изучала их. Технику пилотирования командиров экипажей в период формирования полка проверяла сама. Оно и понятно.

101-й авиационный полк, сформированный из опытных летчиков Гражданского Воздушного Флота, готовился к боевой работе. И командир полка должна была убедиться в мастерстве летчиков, штурманов, всех членов экипажа. С этой целью Валентина Степановна часто поднималась в воздух с подчиненными. Она придирчиво контролировала, как летчики выполняют взлет, посадку, как действуют экипажи на маршруте, боевом курсе, над полигоном.

Если выявляла пробелы, то немедленно требовала устранить их и больше не допускать в полете. Так, один из экипажей опоздал на две минуты с бомбометанием, а второй в облаках допустил временную потерю ориентировки. Оба этих случая стали предметом особого разбора со всем личным составом полка.

На состоявшемся тогда партийном собрании Валентина Степановна сказала, что личный пример коммунистов считает главным методом воспитания летного и технического состава.

В тот вечер после собрания много говорили о том, как надо выполнять боевые задания. И командир 1-й эскадрильи майор Иванов сказал:

— Кажется, Гризодубова не собирается смотреть на боевые полеты и воздушный бой из кабинета!

Тяжелая обстановка, сложившаяся на фронтах в первый период войны, потребовала мобилизации всех средств и возможностей для борьбы с фашистскими захватчиками. Тогда-то

встал вопрос об использовании в качестве бомбардировщика многоместного почтово-пассажирского самолета ПС-84, получившего в дальнейшем название ЛИ-2.

Летчики гражданского флота отзывались о нем хорошо, но, когда встал вопрос о боевых полетах на этой машине, у некоторых настроение изменилось. Они говорили, что ЛИ-2 с бомбами под фюзеляжем не сможет набрать необходимую высоту и производить противозенитный маневр, что бой с истребителями на нем фактически вести невозможно. В числе неверивших были даже опытные летчики.

— Полечу в бой первая! — сказала тогда Гризодубова.

Для этого ответственного боевого вылета она подобрала группу коммунистов, в которую вошли Герой Советского Союза Масленников — известный полярный летчик, мастер пилотажа Гришаков, отважный пилот Васильченко.

И вот первое боевое крещение. Тяжело груженные машины рулят на старт, взлетают, ложатся на курс. Впереди — Гризодубова. Группе поручено бомбардировать скопление фашистов в районе станции Щигры и нанести им возможно больший урон. Одновременно на экипажи возложено задание вести воздушную разведку.

К объекту бомбометания группа подошла внезапно. До нас на эту цель советские бомбардировщики полетов не совершали, а потому гитлеровцы даже не ожидали удара с воздуха. Они опомнились только тогда, когда на железнодорожный узел посыпались фугасные бомбы.

Ударили автоматические зенитки. Шапки разрывов появились ниже и выше самолетов, но поздно: Гризодубова уже увела свою группу на безопасное расстояние. Огонь противника не причинил вреда, зато в стане фашистов бушевали пожары и поднялась настоящая паника.

На обратном пути группу Гризодубовой подстерегали три гитлеровских истребителя МЕ-109. Но, встретив дружный и меткий огонь советских стрелков, фашистские пилоты не захотели рисковать и улетели искать более легкую добычу. Наша группа в полном составе возвратилась на свой аэродром. С тех пор разговоры о непригодности самолета ЛИ-2 как бомбардировщика прекратились. Это была, несомненно, большая победа коммунистов полка во главе с командиром.

Во второй половине июня 1942 года гитлеровские войска прорвали оборону войск Брянского и Юго-Западного фронтов, стали развивать наступление на Воронеж. Авиационный полк под командованием Гризодубовой почти каждую ночь бомбил

скопления фашистских войск и их боевой техники. Особенно часто вылеты производились по резервам противника южнее Курска. Гитлеровцы встречали наши самолеты плотным огнем зенитных орудий и атаками своих истребителей. Наш полк нес потери, но еще больший урон наносили врагу мы.

Подполковник Гризодубова, как и прежде, летала ведущей, наравне с другими. Ее не раз предупреждал командир дивизии Иван Васильевич Филиппов. Он говорил:

— Осторожно, товарищ Гризодубова. Вас могут фашисты сбить, и я буду чувствовать себя виноватым, что не уберег такого командира полка.

Валентина Степановна, однако, продолжала летать. Но, испытав сполна на себе все трудности сложных боевых полетов на ЛИ-2, она с особой силой ощущала, что выполнять задание без подготовки нельзя. И готовилась к каждому боевому полету.

По примеру командира тщательно тренировались и другие экипажи. Обязательно намечались два-три варианта полета. Экипажи изучали задание, отрабатывали вопросы взаимодействия на борту корабля, чтобы в деталях представлять себе, что и кому предстоит делать на различных этапах полета.

Командир полка сама проводила разборы и розыгрыши полетов. Объясняла толково, учитывая опыт предыдущего полета, и обязательно старалась убедиться, что ее правильно поняли. Сказывался в этом характер Гризодубовой — любое дело делать с душой, весь жар своего сердца отдавать работе, службе.

Как-то разведка донесла, что гитлеровцы готовятся к наступлению.

— Значит, будет у фашистов перегруппировка войск,— сказала Гризодубова,— надо готовиться к налетам на железнодорожные узлы, мосты! И совершенно ясно, что зенитный огонь противника там будет ожесточенный.

Так и получилось. Через три дня нам отдали такой приказ. На предварительной подготовке к полету Гризодубова сказала экипажам:

— Вылетаю первой. Для обозначения цели зажгу ее. Сделаю два захода. В первом сброшу зажигательные, во втором — фугасные бомбы. Вам следует бомбить с одного захода серийно всеми бомбами (четыре по двести пятьдесят килограммов).

Потом штурман Николай Николаевич Покачалов, летавший в этом ночном полете в экипаже Гризодубовой, рассказывал, как проходил боевой вылет.

Еще на маршруте их атаковал фашистский истребитель. Валентина Степановна уходила маневром, а стрелки, зорко

осматривавшие воздушное пространство, открыли огонь. Истребитель отвалил. Валентина Степановна тем временем использовала встретившуюся облачность, вошла в нее и продолжала идти к цели.

Над целью самолет командира был схвачен двенадцатью прожекторами. Свет их слепил глаза. Приказав задернуть шторки на стеклах кабины, пилотируя самолет по приборам, Гризодубова шла на боевом курсе, не обращая внимания на разрывы зенитных снарядов.

Несмотря на ожесточенное сопротивление противника, Валентина Степановна сделала два захода. От наших бомб у гитлеровцев возник крупный пожар — горели боеприпасы. Экипажи остальных самолетов, летевшие за своим командиром, бомбили уже горевшую и хорошо заметную цель.

За ужином авиаторы шумно делились своими впечатлениями. Бомбили успешно. Настроение было приподнятое. Кто-то открыл крышку стоящего в столовой рояля. Все знали, что Валентина Степановна мечтала стать не только летчицей, но и пианисткой. И вот начался импровизированный концерт. Торжественно звучали этюды Шопена, прелюдия Рахманинова, потом полились задушевные народные песни. Пели летчики Александр Сергеевич Кузнецов, Алексей Парфенович Буланов, полковой врач Иван Яковлевич Безденежный.

Назавтра же снова в бой. 8 и 14 июля 1942 года летчики полка во главе со своим командиром нанесли сильные бомбардировочные удары по технике и живой силе противника в районе железнодорожной станции Льгов.

В конце июля того же года Гризодубова во главе тридцати самолетов летала бомбардировать скопление вражеских эшелонов на железнодорожной станции Орел-Товарная. Эту цель гитлеровцы обороняли, как важный фронтовой объект, мощными средствами противовоздушной обороны. Но Гризодубова вывела свой самолет точно, и штурман Покачалов сбросил тяжелые фугасные бомбы на воинские эшелоны. На станции возникло пять пожаров.

По примеру своего командира коммунист летчик Гришаков со штурманом Юрчаковым прямым попаданием двух бомб взорвали еще один эшелон с боеприпасами. Результат этого боевого полета был сфотографирован летчиком Лунцом и штурманом Каспаровым.

Не менее успешный налет был совершен на переправу противника на реке Дон. Командир полка, несмотря на сильный зенитный огонь врага, снизилась и прямым попаданием бомб

разрушила переправу, по которой двигалась армия Паулюса к Волге.

Гризодубова летала на боевые задания не только в качестве командира корабля, но и для проверки своих экипажей. Для этого она занимала в самолете место второго пилота и строго контролировала, как экипаж действует на различных этапах полета, на боевом курсе, в момент бомбометания. Особое внимание обращала на взаимодействие членов экипажа в воздухе. Были случаи, когда самолет, на котором находилась Валентина Степановна, возвращался из такого полета с большим количеством осколочных пробоин в плоскостях и фюзеляже. В других случаях она летала как контролер выполнения бомбардировочного удара своего полка и всей дивизии. Отбомбившись, ходила вокруг цели, пока не выполнят задачу все самолеты, и лично фиксировала успешность их бомбометания.

Тот, кто недостаточно хорошо знал Гризодубову, мог подумать, что она часто идет на риск. Но на самом деле Валентина Степановна учитывала все тактические факторы боя, все минусы обороны фашистов, быстро находила уязвимые места и умело пользовалась своим превосходством. Риск, конечно, при этом был. Но без него же и нельзя воевать! В любом случае чувство долга, воля, отвага, мужество брали верх над другими качествами человека.

Однажды летчики ее полка после успешного боевого вылета произвели посадку. Валентина Степановна направилась с рапортом к командиру дивизии полковнику Филиппову.

— Боевое задание полк выполнил. Цель разрушена. Бомбы пришлось бросать с малой высоты,— доложила она полковнику.

Присутствовавший на старте командир соседнего полка усомнился:

— Разве можно бомбить с таких малых высот?

Тогда спокойно и логично Гризодубова доказала, что иначе поступить было нельзя. Бомбить прицельно с большей высоты мешали облака. Полку же был дан приказ не просто сбросить бомбы, а уничтожить объект противника.

— Спасибо за службу, Валентина Степановна,— прервал ее старший начальник.— Только что мне по телефону передали, что Военный совет благодарит ваш полк за успешный вылет, в результате которого врагу нанесен большой ущерб.

Как всякая цельная натура, Гризодубова с увлечением отдавала себя делу, которое ей поручали. Особенно много сил вложила она в организацию полетов в глубокий тыл противника — к советским партизанам.

Летчики полка совершили тысячи вылетов в оккупированные фашистами районы Украины, Белоруссии и других республик и областей. Они доставили партизанам более полутора тысяч тонн оружия и взрывчатки, вывезли около четырех тысяч человек — раненых партизан и детей.

Весной и летом 1943 года партизаны Украины готовились принять самое активное участие в решающих боях за освобождение своей республики от фашистских захватчиков. В мае — июне в партизанские соединения Ковпака, Сабурова, Федорова, Наумова, Бегмы авиационный полк Гризодубовой перебросил много вооружения.

Гитлеровцы заметили, насколько возросла активность полетов советских самолетов в районах Брянска, Чернигова, Ровно. Тогда противник установил патрулирование своих истребителей на этих направлениях. Почти каждую ночь кому-нибудь да приходилось вести бой с вражескими истребителями или попадать в зону огня зенитной артиллерии.

Летчику Петру Ткаченко пришлось принять неравный бой с двумя фашистскими истребителями. При первой же атаке противника Ткаченко был тяжело ранен, но не выпустил штурвала, продолжал не только вести самолет по курсу но и руководить действиями подчиненных в бою. Штурман самолета и стрелки открыли пулеметный огонь по истребителям, сбили одного из фашистов. Напрягая последние силы, Ткаченко довел самолет до своего аэродрома и благополучно произвел посадку.

Чтобы спасти жизнь летчика, Валентина Степановна привезла к Ткаченко одного из лучших советских хирургов.

— Подвиг нашего товарища коммуниста Ткаченко,— сказала Гризодубова на партийном собрании,— это большая победа. Экипаж героя доказал, что советские летчики даже на транспортном самолете могут сбивать фашистских истребителей и уходить с поля боя победителями...

14 июня Гризодубова сама вылетела на украинские партизанские аэродромы. Самолет ее был загружен боеприпасами и медикаментами. Летчица преодолела зону зенитного огня над линией фронта и произвела посадку на партизанском аэродроме, где находились знаменитые вожаки народных мстителей — генералы Ковпак и Сабуров. Летчица-героиня была встречена партизанами с любовью и восторгом.

На аэродроме, где базировался полк Гризодубовой, стояли еще два полка. В одну из боевых ночей самолет соседнего полка прилетел с задания с зависшей под фюзеляжем двухсотпятидесятикилограммовой фугасной бомбой, которая могла ото-

рваться и взорваться в любой момент. Положение осложнилось еще тем, что летчику не удалось сделать посадку с первого захода. Но поврежденный самолет не мог больше держаться в воздухе и у всех на глазах ударился о землю, загорелся. На горящем самолете начал рваться боекомплект патронов, того и гляди, взорвутся бензобаки. Экипаж горящего самолета — летчики, штурман, бортмеханик, радист и стрелки — не мог покинуть машину. Двери ЛИ-2 при ударе о землю заклинились. Но кто осмелится подойти к горящему самолету? Взрыв бомбы мог последовать в любую секунду. Да и бензина в баках машины оставалось примерно около тонны. И тут Гризодубова вместе со своим заместителем — подполковником Орловым и двумя отважными мотористами смело бросилась к горящему самолету. Пострадавший экипаж, почти все члены которого были ранены в воздушном бою, удалось спасти.

Вот почему летчики полка любили и берегли своего командира. В каждом вылете экипажи зорко наблюдали за командирским самолетом и в случае необходимости немедленно приходили на помощь.

В ту памятную ночь Гризодубова, как всегда первой, пришла на цель. Больше десятка вражеских прожекторов охватили самолет отважной летчицы. За командиром полка летел командир эскадрильи майор Ефремов. Увидев, что самолет Гризодубовой подвергается большой опасности, Ефремов вышел вперед и принял на себя огонь вражеских зениток. Жизнь командира полка была спасена.

Героических эпизодов из боевой биографии Валентины Степановны Гризодубовой можно привести немало. Много сил и энергии вложила эта женщина в боевую работу полка. Были у нее и волнения, часы нелегких раздумий. Немало трудностей отпустила ей жизнь: очень сложно отвечать за людей, воспитывать их, вести в бой. Но подлинное счастье испытывала Валентина Степановна, когда видела, как стойко и самоотверженно бились с фашистами экипажи ее прославленного в боях авиационного полка.

И только когда звезда Победы взошла над горизонтом и рассеялись окончательно тучи войны, Валентина Степановна перешла на работу в авиационную промышленность. Гризодубова по-прежнему не расстается с любимым летным делом: занимается научно-исследовательским трудом и испытательской летной работой.

ЛЕОНИД ЖАРИКОВ

КРАСНОДОНСКИЕ СТРАНИЦЫ

I

Последний раз я был в этом краю лет десять тому назад. Стояла поздняя осень, шли затяжные, беспросветные дожди, и дорога на Краснодон разлилась, точно река: машины застревали в липкой, непролазной донбасской грязи.

Казалось, ничто не могло двигаться в такое ненастье. В ночном небе сквозь монотонное хлюпанье теплых дождевых струй слышалась тревожная перекличка диких гусей. Всю ночь грустные гортанные клики то затихали, удаляясь, то снова возникали где-то низко, над самыми крышами. Порой думалось, что над городом в ночи кружат одни и те же птицы. Может быть, они сбились с пути, или коршун разметал стаю и вот летают гуси, кличут матери детей...

Только на рассвете мы узнали, что так на самом деле и случилось: большая стая гусей, отбившись от главной массы, всю ночь летала над Краснодоном. Кто-то видел, как птицы ночью садились в балке Сухой дол и утром опять улетели. Немало их погибло в то горькое непогодье...

Случай с перелетными птицами чем-то напомнил мне краснодонскую трагедию, когда, вдруг лишившись партийного руководства, брошенного фашистами в застенок, горстка уцелевших от ареста комсомольцев-подпольщиков стремилась вырваться из кольца врагов. Они уходили из Краснодона, стремясь пересечь линию фронта, но, натыкаясь на преграды, возвращались обратно. Не многим из них удалось спастись тогда.

Утром мне показали место казни молодогвардейцев. У заброшенной шахты № 5 возвышался как скорбный памятник старый террикон. Порода на его морщинистых склонах стала от времени бурого цвета, а на вершине — ярко-багровая, точно кровавая, с подтеками до самого низа.

Трудная доля досталась юным героям. В одну ночь они пережили слишком много: жаркую радость несломленного духа, боль измены, звериную месть врага и гибель надежд.

Тогда, десять лет назад, все еще было свежо в памяти: и война, и вся героическая, гордая эпопея краснодонцев-подпольщиков, и каждый клочок земли в этом маленьком шахтерском городке, казалось, хранили в себе их бессмертие...

И вот я снова в Краснодоне. С трудом узнаю старые приметы, да и не осталось их почти.

До самого Краснодона и дальше, к берегам Донца, пролегла гладкая, голубая под слепящим солнцем асфальтированная дорога.

При въезде в город, сразу же за шахтой 2-бис имени «Молодой гвардии», там, где раньше была степь, теперь стояли дома, целая улица красивых двухэтажных, новых домов.

В центре города, возле школы имени Горького, где учились многие краснодонцы-подпольщики, на просторной площади, воздвигнут величественный памятник из бронзы и гранита. На круглом шестиметровом пьедестале пятеро юных героев — боевой штаб «Молодой гвардии» — Олег Кошевой, Ульяна Громова, Сергей Тюленин, Любовь Шевцова, Иван Земнухов — замерли неподвижно под знаменем Родины, как вечные часовые.

Суровы лица отважных. Поднял на ветру знамя Олег Кошевой, прижала к жаркому сердцу полотнище знамени, припав, как в клятве, на колено Уля Громова. Устремил вдаль свой гневный взгляд Сергей Тюленин. Порыв борьбы в облике Любы Шевцовой. Спокоен и решителен Иван Земнухов.

...С волнением входишь в музей «Молодой гвардии». Под стеклом витрины беленькая блузка Нины Старцевой, старательно вышитая голубыми и черными нитками по воротничку. И тут же стальной кинжал, принадлежавший этой девушке. Должно быть, нашла она этот кинжал в земле или подарил ей кто-либо из мальчишек в трудную минуту жизни. Кинжал плохонький, конопатый от ржавчины, но он аккуратно вычищен и вместо истлевшей, старой рукоятки выструганa самодельная — грозное оружие вчерашней пионерки, которая не могла примириться с фашистской неволей и собиралась на смертный бой. Тем, кто оставался в тылу врага, с оружием вручали судьбу Родины — ее честь, ее будущее, всю ее, родную до слез, добрую и строгую мать-Родину. Как же было не сражаться и не идти бесстрашно на смерть за нее!

Немые документы времени! Если вдуматься в них, какая глубина нерассказанного вдруг откроется сердцу, и видишь за

молчаливыми вещами живую жизнь, оборванную в самом начале.

ГРОМОВА
Ульяна Матвеевна

Вот большая, во всю стену, картина — Олег Кошевой перед палачами. Четверо гитлеровцев сидят за столом в камере пыток, а перед ними со связанными руками, в разорванной рубашке стоит гордый комиссар «Молодой гвардии» — шестнадцатилетний Олег Кошевой. Гитлеровцы смущены выдержкой юноши. Один из них мрачно опустил голову, будто задумался.

С особой лютостью фашисты истязали коммунистов, надеясь, что при виде их мучений комсомольцы струсят и расскажут все. Но стойкость отцов была для молодежи примером. Евгений Машков под нечеловеческими пытками крикнул врагам: «Вы можете меня вешать! Слышите! Все равно вам не заслонить солнца, которое взойдет над Краснодоном!»

Не всякая смерть есть трагедия и поражение. Их смерть была победой.

II

Дом Шевцовых находится на Первомайке, сразу же за шахтой 1-бис имени Сергея Тюленина. Это обычный, каменный, одноэтажный дом, на две квартиры. В одной из них до сих пор живут родители Любы Шевцовой.

Мы возвращались с Донца через Изварино и уже в сумерках подъехали к дому Шевцовых.

Во дворе перед высоким деревянным крыльцом садик из белых акаций. Деревья посажены рукой Любы Шевцовой. Рассказывают — очень любила белую акацию.

Мать Любы, Ефросинья Мироновна, полная и еще не старая женщина, с живыми глазами, одетая по-домашнему —

в пестрый халат, сидела на ступеньках крыльца и, лузгая семечки, разговаривала с соседкой. Она сразу узнала директора музея «Молодой гвардии» Александра Макаровича Литвина, который привел нас в дом Шевцовых, и догадалась о цели нашего визита. Привыкла: откуда только не едут люди в город комсомольской славы — Краснодон!

Мы вошли в дом. Большая высокая комната. Над столом, в середине, свисает с потолка лампа в шелковом абажуре, в углу кровать, белоснежная, пышная, со множеством подушек, а на стене знакомый миллионам людей портрет девушки-бойца, девушки-героя — Любы Шевцовой.

Ефросинья Мироновна, как только мы расселись вокруг стола, начала рассказ, живой, душевный:

— Когда Люба уезжала в Луганск, в партизанскую школу, я и думать об этом не думала и знать не знала. Прибежала она, как всегда, веселая, быстрая и сразу начала собирать вещи в чемодан. «Мамочка, еду учиться на медсестру, ты не горюй, я скоро вернусь. За меня не бойся: Любка твоя в огне не сгорит и в воде не утонет». И уехала.

Письма писала редко и сообщала в них только деловое: «Перевязываю раненых и отправляю в тыл». А сама, оказывается, училась в специальной партизанской школе.

Фронт все ближе подходил к нам, и вот тебе — немцы. Любы моей нет, думаю: слава богу, в тылу. А она тут как тут, заявляется домой, да не одна, а с немцами и на немецкой машине.

Перепугалась я, не пойму, что все это значит. А немцы веселые, вошли с Любой в дом, ухаживают за ней, ставят на стол закуски, вино.

«Люба,— шепчу я ей,— как тебе не стыдно?» А она: «Молчи, мама, это все равно все наше, они награбили, сволочи; в общем, ешь, пей, а на меня не смотри: все будет хорошо».

Люба, как вы знаете, была бойкая, прекрасно играла на гитаре, умела плясать, пела. Без нее, бывало, и праздник не в праздник. Однажды — было это еще до прихода немцев — собрала она вот в этой комнате друзей. Среди них, помню, был один паренек, не очень красивый, худой, с длинным носом. Люба к нему хорошо относилась, а тут он возьми и попроси: «Люба, а ну, сыграй что-нибудь сердцещипательное». Люба подхватила гитару и, прижимаясь к нему плечом, запела: «Я люблю вас, но живого, а не мумию...» Все рассмеялись, а паренек сначала смутился, а потом сам рассмеялся.

ШЕВЦОВА
Любовь Григорьевна

Люба сама себя в шутку называла артисткой. Еще в детстве у нее, малышки, спрашивали: «Ты кто?» Она отвечала: «Я артистка Любовь Орлова». Так с тех пор соседи ее и звали: «Артистка Любовь Орлова».

С немцами она обращалась вольно и смело, водила их за нос. Однажды определили к нам на постой противного немца. Люба его изводила. Как-то немец подвел Любу к географической карте и, указывая пальцем то на один город, то на другой, говорит: «Завтра будем пить кофе вот здесь, а послезавтра здесь». Все это он говорил наполовину по-русски, наполовину по-немецки. Люба моя слушала, слушала да как ткнет пальцем в Сталинград: «А когда здесь будете пить кофе?»

Немец рассвирепел, вскочил, забегал по комнате, потом снова сел и нервно забарабанил пальцами по спинке стула. А тут, как на грех, кошка наша решила, что он играет с ней, притаилась да как прыгнет — и поцарапала ему руку. Немца будто кипятком ошпарило, подпрыгнул, чуть ли не за пистолет, кричит: «Лубка партизан, и матка партизан, и кошка партизан!»

Люба моя так и покатилась со смеху...

Оказывается, она не только в подпольной организации была, но и самостоятельно действовала. Она много спасла раненых в дни оккупации. Ничего не боялась, приведет раненого в дом, накормит, даст ему на дорогу хлеба, а то скажет: «Мама, давай спрячем его у нас». Она до того в своей смелости доходила, что однажды, когда несколько пленных бежали из лагеря, Люба спрятала одного у нас под полом — вон там, в коридорчике, видите крышку люка? Немцы пленных разыскивали, опасно было прятать у себя. Тогда Люба уговорила немецкого лейтенанта отвезти пленного на своей легковой машине в Луганск, откуда был родом пленный красноармеец. И, вы только

подумайте, немец отвез, приехал обратно и доложил Любке, что, мол, доставил твоего брата, все в порядке.

Даже теперь, совсем недавно,— меня дома не было — приходил, рассказывают, какой-то слепой и плакал здесь во дворе, говорил: «Люба меня спасла, а сама погибла».

Когда Любу арестовали, взяла с собой в тюрьму лекарство и губную гармошку...

Из передней комнаты, где сидели мы, слушая рассказ Ефросиньи Мироновны, дверь вела в другую, Любину комнату. Ефросинья Мироновна проводила нас туда. Здесь все осталось так, как было при ней: девичья кровать, чистая, одинокая, возле окна — комод, посередине — стол. Ефросинья Мироновна рассказывала, что за этим столом часто заседали подпольщики. Люба вообще никогда не бывала одна.

Грустно ходить по этим комнаткам и коридорам, здесь словно витает ее непокорный и неугомонный, вечно живой дух. Кажется, распахнется с шумом дверь и Люба Шевцова, Любка-артистка, войдет с гитарой в руках, жизнерадостная, стройная, нарядная, и скажет что-нибудь веселое, озорное...

В книге отзывов посетителей дома, этой волнующей квартиры-музея, меня тронула запись, сделанная старательной детской рукой:

«Дорогой наш друг Люба!

Как мало ты прожила, как много сделала! Твой светлый образ всегда будет для нас примером. Твоя короткая жизнь, переполненная горячей любовью к своей Родине, к своему народу, как солнце, освещает нам дорогу.

Ты умерла, но в наших сердцах ты всегда будешь жить. Мы, советские пионеры, обещаем тебе, дорогая, быть такими же, какой была ты.

Мы никогда не свернем с пути, по которому шла ты. От пионеров Зверевской жел. дор. школы № 25 В. Бутова, Петрова, Зуева, Медведев».

...Что поражает в образе этой чудесной советской девушки? Сочетание озорного, бесшабашного характера со страстной верой в народ и его счастье. Казалось бы, характер такой ненадежен, чересчур много смелости, лукавства, излишнего риска. И вдруг такая твердость, такая глубокая, трогающая сердце верность!

А еще понял я, что в Любе повторились черты характера ее родителей, простых, трудолюбивых советских людей.

Мать Любы, Ефросинья Мироновна,— никогда не унывающий человек, шутница, веселая рассказчица. Все, о чем она говорит с человеком незнакомым, это как бы внешне, а настоящее спрятано, и не поймешь, не угадаешь, спрятано надежно. Даже в доброй улыбке заметно, что подлинные ее боли и радости затаены глубоко в душе и о них она не станет говорить первому встречному.

Отец и мать Любы в прошлом красные партизаны, бойцы знаменитой Пятой армии, защищавшей Царицын. Григорий Ильич командовал комендантским взводом, а Ефросинья Мироновна работала санитаркой в полевом госпитале. Там, в Царицыне, они и поженились.

Любопытные черточки в характере у Ефросиньи Мироновны; вот откуда у Любы озорство, лукавство и ум! Ефросинья Мироновна в юности, встретив своего суженого — Григория Ильича Шевцова, утаила от него, что была старше на целых четыре года. И теперь, рассказывая об этом незначительном, но веселом эпизоде, Ефросинья Мироновна смеется, глядя на мужа, и говорит: «А старик мой до сих пор не может мне простить».

Григорий Ильич Шевцов по характеру молчалив и спокоен, всю жизнь работал в шахте. Может быть, и твердость духа, и великая душевная сила, с которыми Люба шла на смерть, передались ей от отца-шахтера.

Теперь все знают, как она, бесстрашно глядя в лицо смерти, с гордым спокойствием отвечала врагам: «Сколько бы вы меня ни пытали, но узнать вам от меня ничего не удастся».

Чтобы произнести эти слова в лицо палачам, нужно иметь огромное самообладание и твердость. А еще нужно по-настоящему любить жизнь. Мы это знаем теперь по ее волнующим и пророческим словам, которые она произнесла, идя на смерть:

«Передайте всем, что я люблю жизнь... Впереди советская молодежь увидит еще не одну весну и золотую осень. Будет еще и чистое, мирное, голубое небо, и светлая лунная ночь, будет очень, очень хорошо на нашей дорогой и близкой всем нам Советской Родине!»

Вот она, Люба Шевцова, вся она здесь, в этих словах, по-девичьи светлых и по-солдатски мудрых.

Григорий Ильич Шевцов, как и подобает шахтеру, в этот вечер говорил меньше всех.

Когда возник разговор о романе Александра Фадеева «Молодая гвардия», Григорий Ильич с великим уважением говорил об этой книге, а в конце усмехнулся, вспомнив, что в романе он считается убитым. «А меня никто не убивал,— сказал он,— я вот перед вами живой и работаю забойщиком».

Снова и снова обращался я мыслью к творению художника.

Да, это правда, что произведение есть плод любви, и могуча сила этого чувства. Сила фадеевской любви к своим героям воскресила мертвых!

III

Если свернуть с шоссе, ведущего от шахты 1-бис в сторону Каменска, с горы откроется обширная долина с беленькими хатками, утонувшими в зелени акаций. Это Гавриловка — часть Краснодона. Здесь, на узенькой извилистой улочке, очень уютной, заросшей вишневыми садами, стоит домик Ули Громовой.

Нас встретила мать Ули, Матрена Савельевна, старая женщина, повязанная по-крестьянски белым платочком. В комнатах все скромно и просто. У окна — столик Ули, за которым она десять лет готовила уроки. Над столом в старинной раме разбитое зеркало...

А вот и сама она, с длинными косами, опущенными на грудь, большими черными очами...

Матрена Савельевна то и дело поглядывает на портрет дочери, и слезы туманят материнские влюбленные глаза — вечно влюбленные в свое дитя. Она рассказывает:

— В том году 3 января Уле исполнилось девятнадцать лет. Вечером в тот же день арестовали Анатолия Попова, он был у них командиром пятерки. Улю арестовали 10-го, а 17-го казнили.

В день ареста она поднялась рано и стала убираться. Налила в таз воды, моет ноги, а сама поет: «Я девчонка еще молодая, а в душе моей тысяча лет...»

Она любила и умела петь, а в тот день была грустная, будто чувствовала беду. Я спрашиваю:

— Что с тобой, доченька?

— Ничего, мама.

А сама подошла к окну, задумалась и вдруг запела: «Орленок, орленок, мой верный товарищ, ты видишь, что я уцелел. Лети на станицу, родимой расскажешь, как сына вели на расстрел...»

Я собрала на стол, но она есть не стала и, тревожная, опять ушла. Уже поздно вечером, часов в десять, громкий стук в дверь. «Кто там?» — «Полиция». Старик мой открыл. Заходит сам начальник полиции. За ним двое полицаев. «Громовы здесь живут?» — «Здесь».— «Где дочка?» — «Не знаем: пошла гулять к подруге». Вынудили старика одеться и идти искать Улю. Только он собрался, а она на порог. Так и замерла, зубы стиснула, молчит. «Вы Громова?» — «Я».— «Одевайтесь».

Собрала я ей узелок, валеночки дала. А она твердит: «Мама, не плачь, они за все ответят...»

С тех пор я больше не видела ее живую. Когда вернулась Советская Армия, стало известно, что детей наших фашисты побросали в шахту. Когда всех достали, увидела я свою Улю... Какие же муки вынесли дети. У моей Ули на спине была вырезана звезда...

...Над поселком Первомайка, у самого поворота на Изварино, возвышается гора. До войны на этой горе собирались пионеры и жгли костры. Высоко над городом пылал огонь. Пионерка Первомайской школы Уля Громова читала товарищам стихи, рассказы. Притихшие ребята, блестя глазенками, с восхищением слушали, как читала Уля:

«Русь! Русь. Вижу тебя, из моего чудного прекрасного далека тебя вижу... Какая... непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущая по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня?.. Русь! Чего же ты хочешь от меня?.. Что глядишь так и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?»

Искры взлетали над костром и, медленно угасая, падали на землю, и звучал в тишине мягкий, задушевный голос Ули...

Она прожила жизнь короткую, но яркую, как падучая звезда, оставив в жизни огненный след и поразив людей своей верностью.

...Твое будущее беспредельно, Уля. Твоя нетронутая красота, твои несбывшиеся мечты повторятся и оживут и сбудутся в тысячах твоих младших подруг, которые ходят сегодня по улицам советских городов и сел с пионерскими галстуками на груди...

IV

Каждой весной на могилах комсомольцев-партизан распускаются цветы. И растет на земле Краснодона новое поколение борцов. Кто же они, наследники героической славы?

У горняков Краснодона установилось ставшее традиционным почетное звание «Молодогвардеец труда». Кто стал мастером угля, кто работает отлично, тому и присваивается это высокое и волнующее звание.

Одним из первых почетное звание завоевал Петр Забашта — машинист электровоза шахты 1-бис имени Сергея Тюленина.

Интересно сложилась судьба у этого невысокого, с курчавой шевелюрой и спокойными темными глазами паренька. Родился он в украинском селе. Но его всегда влекло туда, где дымил Донбасс.

Там в годы войны жили и боролись любимые его герои — краснодонские комсомольцы. О них он думал с детства, затевал с ребятами игры в «Сергея Тюленина» и «Олега Кошевого». Когда подрос и поехал учиться в днепропетровскую школу, в его деревянном сундучке-чемоданчике не было ничего, кроме чистой майки и романа Фадеева «Молодая гвардия» в потрепанном переплете. Петя мечтал о том, чтобы его жизнь была бы хоть чуть-чуть похожа на жизнь краснодонцев.

Не сразу привела его судьба в Краснодон. Сначала Забашта попал в Кривой Рог, где восстанавливал коксохимзавод. Оттуда, как лучшего рабочего, его направили в Москву. Здесь работал на «самой высокой должности», как любил шутить,— на строительстве высотного здания у Смоленской площади.

На самой вершине этого здания стоял верхолаз-монтажник Петр Забашта. Перед ним открывалась Москва, столица мира! Он видел ее всю — от скрытой в тумане Яузы до лесистых Ленинских гор с величавым зданием Университета. Дух захватывало — какая она необъятная и красивая!..

Но вот однажды Забашта прочитал обращение партии к молодежи ехать на стройки Сибири и Донбасса. Выбор явился сам собой — в Донбасс!

Случилось так, что он сразу попал в город мечты — Краснодон. Забашта бродил по улицам в сущности незнакомого города и удивлялся тому, что видел знакомые места. Вот школа имени Горького, где учились Олег Кошевой и Ваня Земнухов. А там — старая шахта № 5, куда сбрасывали юных героев, и дорога, по которой везли их на казнь...

Забашта получил назначение на шахту № 1 имени Сергея Тюленина. Здесь он впервые узнал, что Сережа Тюленин, оказывается, работал в первые дни войны на этой шахте забойщиком.

Теперь и он, Петр Забашта, будет шахтером. То под облаками работал, а теперь спустился в недра земли! Интересно!

Он выбрал себе профессию машиниста электровоза. Не легко и не просто водить под землей составы. Тянется темная галерея штрека. Свет от фары осторожно ощупывает дорогу. Медленно движется электровоз, управляемый еще неуверенной рукой. Гулко отдается в пустоте штрека рокот колес. Надо уметь на крутом повороте правильно затормозить, чтобы свободно и плавно вывести состав на прямую. Уметь, если состав идет на подъем, дать такую скорость, чтобы за счет инерции вытянуть тяжелый поезд. Надо знать, как вести состав врастяжку, чтобы вагонетки не толкали машину, как управлять электровозом,

когда он мчится под уклон. В таких случаях легко забурить груженый состав, и тогда придется самому, «лимонаткой» (спиной, упершись ногами в шпалы) поднимать опрокинутые вагонетки.

Так оно и случилось вскоре. Забашта от огорчения и досады не знал, что делать. Он кружился возле лежавших на боку вагонеток, старался поставить их на рельсы. Но где там! Если бы не шахтеры, проходившие мимо, не справился бы Забашта с тяжелой аварией. Даже при помощи людей и то пришлось чуть не целую смену провозиться с забуренным грузом. Тяжело. А молодогвардейцам легко было? А тридцати шахтерам Краснодона, которых фашисты закопали живыми в землю, легко им было?

Опыт приходит не сразу, а без него не станешь мастером.

Но вот сменное задание было перевыполнено. Стараясь скрыть улыбку под озабоченным видом, Забашта шагал под землей к стволу. На поверхности его встретил начальник участка:

— Как дела, коногон? Сколько сегодня угля вывез?

— Не так чтобы много... тонн двести.

— Ого! Молодец!

Обычно машинисты электровозов водят составы по двадцати вагонеток, а Забашта решил прибавить по три-четыре вагонетки на состав. Так он стал вывозить угля больше, чем другие.

«Если быть, так быть лучшим» — эти, вычитанные еще в детстве слова Забашта крепко помнил.

Но быть лучшим нелегко.

Сначала Забашта попробовал водить составы на больших скоростях. Этим он увеличил количество ходок от ствола к забою и обратно.

Хорошо. Но можно работать лучше.

Забашта попросил разрешения увеличить состав до тридцати вагонеток.

Начальник участка с удивлением взглянул на молодого горняка. Никто из «стариков» не водил составы такой тяжести.

— Что ж, попробуй!..

И вот сцеплено тридцать груженных углем вагонеток. Состав так длинен, что машинисту не видно в темноте штрека конца поезда. Там, вдали, сигналит лампочкой кондуктор. Поехали! Состав плавно, чтобы не разорвать сцепку, трогается с места. Шахтеры с интересом смотрят на необычный состав. Набирая скорость, гремит по штреку подземный поезд. Подъем, поворот, еще поворот, и вдали замелькали огни рудничного двора.

Гудит земля под колесами машины. В кабине электровоза Забашта в рубахе-косоворотке, видной под распахнутой курткой. Спешит подземный скорый! До конца смены еще часа два, а Забашта уже выполнил норму. Так, только так водил бы составы Сережа Тюленин, только так работали бы герои-молодогвардейцы, если бы жизнь их продолжалась. А впрочем, впрочем, она продолжается...

...Горела вполнеба вечерняя заря. Мы шли с Забаштой по Краснодону. В городской парк к братской могиле молодогвардейцев, утопающей в живых цветах и усыпанной желтыми осенними листьями, приехала экскурсия. Две девушки вынесли из автобуса венок, и делегация торжественно возложила его на могилу у высокого обелиска. Один из шахтеров, волнуясь, произнес перед собравшимися речь. Он сказал, что горняки Ростова склоняют головы перед подвигом героев и в память о них обязуются каждый день выдавать уголь сверх плана.

Забашта стоял серьезный, немного грустный.

— Интересно бывает в жизни,— сказал он в раздумье,— можно прожить на свете сто лет, и никто не будет об этом знать, словно и не жил человек. А можно прожить восемнадцать лет и остаться в памяти народной на века. Отчего так? Наверно, ответ в том, как жить. Бывает, работает человек не плохо, но живет только для себя. А помрет — и не знаешь, для чего жил человек. Ни сказок о таком не расскажут, ни песен не споют. А молодогвардейцы — бессмертны! Почему? Да потому, что жили для народа.

Часто говорят: люби Родину. Как же иначе — Родину любить нужно, но мало этого. Надо, чтобы Родина тебя любила!..

V

Вторая половина лета в Донбассе была на редкость жаркой. На Украине говорят «спека». Небо от зноя стало белесым, словно выгорело. И степь лежала, пахнущая пылью, покрытая шуршащей сухой полынью. По вечерам солнце опускалось за горизонт, в сплошную пелену оранжевой пыли.

Шахты Краснодонского района тянутся далеко на восток. Последние из них возвышаются над Донцом, сверкая огнями, как маяки. Весело зеленеет вдали пойма Донца.

...Медленно опускаются сумерки, тихие сумерки южного края. Вода, отражавшая румяную зарю, тоже стала нежно-румяной. А с восточной стороны, где небо было темно-синим, светлая река отразила прибрежные деревья — опрокинутые зеленые дубы стоят в воде будто живые.

Уже никого нет на берегу, привязаны лодки, разошлись люди, и течет неслышно величавый Донец.

Зажглась в небе первая звезда и повторилась в речной воде. Раскинулся над затихшей рекой небесный звездный купол. И вот уже можно ясно видеть два созвездия Большой Медведицы: одно — в небе, другое — в Донце.

От пения цикад стоит мелодичный серебристый звон. Стало совсем темно. Где-то на дальнем берегу зажгли костер. Пламя вздрагивает, то увеличиваясь, то затихая. Но вот оно достигло почти верхушек деревьев и отразилось в реке длинным огненным языком.

Издалека донеслась песня. Чьи-то дружные голоса негромко, задумчиво пели: «Это было в Краснодоне, в грозном зареве войны...»

Пришли из станицы ребятишки-рыболовы. Они сидят на берегу против закинутых в Донец удочек и, кутаясь в отцовские, с длинными рукавами, ватные пиджаки, жуют краюхи хлеба с дыней и тихо переговариваются:

— Хорошо поют где-то... Должно, пионеры...

— Что ты, лагеря давно уехали... Это экскурсия из Краснодона возвращается, вот и остановились.

— Что же вы в такой темноте ловите, ребята? — спросил я, подходя к лодке.

— Рыбу,— ответил спокойный, немного насмешливый голос.

— Рыба не увидит вашу приманку.

— Увидит. Тут таких сомов ловили, дай боже...

— И поплавка не видно...

— Зачем его видеть? Сом глотает сразу. Только держи удочку, а то утянет,— ответил мальчик и замолк, глядя в Донец, полный звезд.

Почему-то подумалось при взгляде на это серебряное звездное мерцание, что, наверное, не раз летней ночью Люба Шевцова и Уля Громова с подругами любовались этими звездами и в шутку загадывали, чья та звезда, чья эта...

Погибли юные, а звезды горят и вечно будут мерцать над степным шахтерским городком...

Е. МАРИИНСКИЙ,
Герой Советского Союза

В ГОРЯЩЕМ САМОЛЕТЕ

НА ФРОНТ

Комендант аэродрома спокойно вздохнул. Два бомбардировщика, которые оставались на аэродроме от улетевшей раньше части, наконец поднялись в воздух и стали на курс. До самого последнего момента ему казалось, что экипажи слишком долго обедают, что техники чересчур медленно готовят материальную часть и они не успеют вылететь; боялся, что ему снова придется пережить неприятный разговор со старшим командиром. Теперь же все эти страхи позади. Вылетели — значит, все в порядке, можно не беспокоиться...

Два самолета шли на юго-восток. Под ними проплывали леса и заснеженные поля средней полосы России, уходили под крыло деревушки, села, города... Где-то далеко за горизонтом, справа, почти параллельно их пути, тянулась неспокойная, отмеченная дымами пожарищ линия фронта. Впереди их ждал разрушенный, сгоревший, истекающий кровью, но борющийся и ставший легендарным для всего мира город...

Ведомый немного отстал и тянулся в хвосте ведущего. Услышав приближающийся гул авиационных моторов, люди во встречных деревнях поднимали головы, смотрели вверх и, успокаиваясь, говорили:

— Наши бомберы летят куда-то...

Обычная картина: самолеты идут куда-то по только им известному маршруту. Откуда они вылетели, где они будут ночевать и будут ли они вообще ночевать или будут где-нибудь лежать обгорелой грудой искореженного металла... Летят и летят. Вот только что они были над головой, а уже превратились в небольшие точки, приближаются к горизонту. Значит, там все в порядке...

ДЖУНКОВСКАЯ
Галина Ивановна

Вылетели — значит, все в порядке... Короток зимний день. Тысячекилометровый маршрут великоват для него, конечно. Особенно если вылететь после обеда. У коменданта были все основания для беспокойства: еще несколько минут задержки — и вылет пришлось бы отставить...

Самолеты летят спокойно. С каждой минутой полета позади остается пять километров пути. С каждой минутой полета на пять километров ближе аэродром посадки. Это ясно.

Но в этом отнюдь не уверен штурман ведущего самолета. Пятнадцать прыжков с парашютом перед войной и полтора часа налета в качестве штурмана на ПЕ-2 в последнее время — далеко не достаточное основание для уверенности в своих силах. «Опытные летчики и штурманы и то сбиваются с пути... Вот недавно читали приказ... Разбился самолет, экипаж погиб... Правда, были сложные метеоусловия, но какие люди!.. И мы летим в тот район... Эх, если бы отвечать только за себя! А то еще ведомые сзади... Заведу куда-нибудь... Только бы не уклониться...»

И небольшая фигурка, утонувшая в меховом комбинезоне, то и дело склоняется над картой, сверяет ее с ориентирами на земле, производит расчеты. Компас, время... Больше никаких навигационных приборов нет. Взгляд острых темно-карих глаз беспрерывно перебегает с карты на землю, на компас. «Где мы сейчас? Ага, вот где!» На карте появляется еще один черный крестик — действительное место нахождения самолета. Их очень много. Они лепятся почти на каждом сантиметре карты вдоль маршрута полета. Опытный штурман, конечно, не стал бы так часто отмечать свое место. Но то опытный...

Уклонение пока небольшое, километров пять—семь. Но тут самолет начал рыскать по курсу, крениться то в одну, то в другую сторону. Что это она?!

— Держи курс, Маша! Мы и так уклонились на семь километров!

Летчик держит себя спокойнее. У него такая же небольшая фигура, утонувшая в меховом комбинезоне, такое же румяное девичье лицо. Пухлые губы тихонько напевают:

Ой казала мэни маты
Щэ й наказувала,
Щоб я хлопцив
Та й до дому не прываджувала...

А мысли в это время далеки и от слов песни, и от ее мелодии. «Наконец-то вырвались на фронт! Надоело по тылам скитаться... Налет, правда, маловат на «пешке»... Ну ничего, пока долетим, три с половиной часа прибавится...» И она еще раз испытывает реакцию самолета на отклонение рулей управления...

В этот момент и раздалось в наушниках:

— Держи курс, Маша! Мы и так уклонились...

— Ладно, Джун! Все в порядке будет. Лететь еще далеко, исправим. Раз знаем свое место, значит, всегда выйдем, куда нужно.

— Я не про себя думаю. За нами ведь еще самолет идет.

— Да не бойся ты, придем на свою точку. Куда подворачивать-то?

— Влево, пять градусов.

Самолет послушно пошел влево.

— Так держи...

Внизу потянулись сплошные массивы леса. Лишь кое-где белым пятном промелькнет полянка, и снова лес, лес. Темно-зеленый цвет его хвои ярко выделяется на фоне снегов.

— Как ты тут находишь ориентиры, Галка? Лес кругом.

— Ты держи курс, выйдем на ориентир... А здесь ничего не найдешь.

Маша снова потихоньку запела:

Садок вышнэвый коло хаты,
Хрущи над вышнямы гудуть...

«Вишни...— тут же подумала она.— Шишки да палки... Да мы над ними гудим...»

— Джун, как там наши ведомые себя чувствуют?

Второй самолет немного отстал и шел, скрываясь порой под правым килем и стабилизатором.

— Тянутся в хвосте...

— Может, поменьше скорость держать?

— Что ты, что ты! Мы и так прилетим к заходу солнца.

А сейчас облачность, совсем темно будет...

Помолчали. Однако Долина не умела долго молчать. Она уже почувствовала небольшую усталость от непривычно длительного перелета.

— Джун, я что-то устала сидеть на одном месте. Расскажи что-нибудь.

— Что же тебе рассказать? — спросила Галя Джунковская, сверяя карту с земными ориентирами, которых, увы, небогато было в этой местности.

— Ты, как и все, по призыву ЦК комсомола в этот полк попала?

Сама Долина прибыла в полк, когда он почти уже сформировался. До войны она кончила аэроклуб и работала инструктором-летчиком в аэроклубах Днепропетровска и Никополя. С начала войны Маша пришла в армию. До декабря 1941 года она на своем ПО-2 обеспечивала связь между различными частями наших войск и успела налетать на фронте сто пятьдесят часов. Теперь, в воздухе, решила поближе познакомиться со своим штурманом.

— Да, по призыву... Мы до этого все пороги пообивали в военкомате, в райкоме... А письма... Куда только не писали... Тебе-то легче было, ты уже летала до войны.

— А ты что делала?

— Училась. В Московском авиационном институте.

— Инженером была бы... С авиацией, значит, давно знакома.

— Да, немного. Я и с парашютом прыгала в Тушино...

— А летать не училась?

— Нет, не успела... Война началась и — как в песне...

— В этой? — перебила ее Долина и запела:

Дывлюсь я на нэбо
Та й думку гадаю,
Чому я нэ сокил,
Чому нэ литаю...

— Да, в этой.— Помолчав немного, Джунковская сказала:

— Хватит, поговорили. Работать нужно.

Пройдена половина пути. Под самолетом уже реже проплывают сплошные массивы леса, они становятся небольшими островками, скучиваются у оврагов и под конец почти совсем исчезают. Производить расчеты становится труднее. Солнце склоняется к западу, все хуже видны ориентиры на земле, все гуще дымка, скрывающая предметы вдали...

Изредка Джунковская озабоченно хмурит свои черные брови, ставит крестик на карте, быстро что-то подсчитывает и передает Долиной:

— Маша, подверни влево... Так держи.

И главное, ведомые ни на минуту не выходили из головы ни у летчика, ни у штурмана. Им, молодым и неопытным, доверили самим лететь по сложному маршруту. И не только лететь самим, а вести за собой еще один экипаж. Ведь ведомые меньше смотрят за ориентировкой. Оторвутся — и не найдут аэродром посадки...

Внизу показалась железная дорога. По времени должен быть уже и аэродром, но его все нет... Справа — изгиб дороги, которого тут не должно бы быть...

— Маша, мы уклонились в сторону...

— Куда?

Молчание.

— Спокойно, Джун! Слева...

— Слева Волга! — перебила ее Джунковская.— Значит, мы уклонились вправо. Давай влево на девяносто градусов.

Долина энергично ввела самолет в разворот.

— Осторожно, Маша, ведомый... Темно становится. Оторвется — не найдет.

— Ладно. Но где же аэродром? Темнеет...

— Здесь где-то должен быть. Вон за леском, наверное.

За леском оказалась низина, в которой уже сгустилась темнота. Бомбардировщики продолжали полет на восток.

— Маша, сзади ракеты!

Из только что пройденной низинки одна за другой взвивались сигнальные ракеты. Они хорошо были видны на фоне потемневшего неба.

Самолет зашел на посадку. В воздухе было еще довольно светло, но черные полотнища посадочного «Т» уже почти сливались с потемневшим снегом. Однако Долина сумела хорошо посадить машину. Хуже пришлось ведомому. За две-три короткие минуты земля совсем перестала просматриваться. Но об этом подумали. Со старта стали беспрерывно подниматься в воздух белые сигнальные ракеты, которые использовали в этот момент как осветительные. В их неверный свет из темноты вынырнул бомбардировщик, выровнялся над самой землей, пронесся немного и приземлился.

Да, у коменданта были все основания для беспокойства...

ПЕРВЫЙ БОЕВОЙ ВЫЛЕТ

Завтра боевой вылет! О чем еще могли думать подруги в эту зимнюю ночь? У всех было огромное желание лицом к лицу встретиться с врагом, бить его. Ведь места, где проходила жизнь подруг до войны, сейчас находились под пятой врага, вся Родина страдала от гитлеровского нашествия. Скорее бы!..

— Джун! Дадим жизни завтра фрицам!

— Чего там давать... Они и так уже готовы лапки кверху поднять.

— Ты что, пожалела их, что ли?

— При чем тут «пожалела»? Просто они здесь никому уже не страшны. Как на полигон пойдем. А другие там, на фронте, по-настоящему воюют...

Окруженную вражескую группировку девушки не считали фронтом. Однако было желание отомстить за разрушенный город, за все, что пережили они вместе со всей страной во время великой битвы на Волге. По радио и в газетах продолжали много говорить и писать о волжской твердыне, хотя все уже понимали, что судьба войны решалась не в развалинах города, а там, куда ушел фронт.

— Ладно, хоть такое задание дали. Надо же этих кому-то добивать, если они не сдаются.

Это было первое боевое задание... Кто не задумается перед первым в своей жизни боем? И кто осудит подруг за то, что Маша Долина утром была преувеличенно весела, ела с завидным аппетитом, а Галя Джунковская даже не притронулась к завтраку.

Снова начались сомнения: как бы не отбомбиться по своим — наши и немецкие войска стояли в непосредственной близости друг от друга,— как бы получше поразить цель, не забыть чего-либо важного.

— Наши цели в поселке Тракторного. Нанесите ЛБС *,— объявил командир полка, когда все собрались на командном пункте. Затем он подробно разобрал порядок взлета, сбора, полета к цели, обратно, а штурман полка рассказал о целях, которые предстояло бомбить.

Команда «По самолетам!» застала девушек уже на стоянке. Маша быстро полезла в кабину. Всем своим видом она как бы говорила: все в порядке, обычный полет. Но в душе у нее было неспокойно. Как пройдет вылет?

* ЛБС — линия боевого соприкосновения.

У Гали сердце почему-то щемило, она чувствовала какую-то неуверенность в своих силах, хотя внешне это не было заметно. Когда она забралась на свое место и устраивалась там, услышала, что Долина потихоньку напевает:

Рэвэ та стогнэ Днипр шырокый,
Сэрдытый витэр завыва...

«Опять запела, значит, тоже переживает»,— подумала Галя и стала устраиваться получше, проверять прицел для бомбометания, пулемет, боекомплект.

Вдруг перед самым ее лицом появилась чья-то рука с куском хлеба и котлетой, и голос инженера эскадрильи произнес:

— Поешь, Джун, хоть немного!

— Отстань, не хочу...

— Как дела, Галка? — тут же раздалось в наушниках.

— Все в порядке, готова.

— Смотри за ракетой, сейчас должна быть.

Действительно, с командного пункта взвилась зеленая ракета — сигнал для запуска моторов.

— От винтов!

Правый винт стал медленно вращаться, мотор несколько раз чихнул и перешел на ровный рокот. Вскоре заработал и левый мотор. Напряжение, которое все время сковывало Джунковскую, как рукой сняло. Все мысли обратились к предстоящему заданию, к полету по маршруту.

Настроение Долиной, видимо, тоже изменилось. Она опять запела, несколько изменяя слова известной украинской песни:

Ой, нэ ходы, фрыцю,
Та й на вэчирныци,
Бо на вэчирныцях
Дивкы чаривныци...

Тяжело нагруженные машины будто нехотя отрывались от земли и уходили в воздух. Над аэродромом стоял неумолкаемый рев авиационных моторов.

Удивительно ясный день шел с востока. Даже обычная дымка почти не закрывала горизонт. Впереди показался город. Он казался вымершим. Небо над ним такое же чистое, как и везде. Пожары, которые раньше беспрерывно полыхали здесь, давно прекратились.

— Смотри, как чисто над городом, ни одного дымка!

— Еще бы! Там давно сгорело все, что могло гореть.

— Укрепления зато остались. Держись, Маша, на боевой курс становимся!

Все физические и духовные силы девушек теперь направлены на одно — выдержать курс, вовремя сбросить бомбы. Маша строго выдерживает самолет в заданном режиме. Курс, скорость, высота... Курс, скорость, высота...

Галя смотрит в прицел. Перекрестие медленно движется к цели. Так, цель остается немного левее.

— Влево три градуса!

Цель переместилась на осевую линию. Застыла на ней, движется к перекрестию.

«Долго ли еще вести так самолет?» — думает Долина. Все нервы напряжены...

Как на невидимом ухабе, самолет подбросило вверх: это бомбы пошли на цель. Не все. Осталось еще на один заход.

И снова — курс, скорость, высота... Курс, скорость, высота...

И снова цель идет к перекрестию прицела. Чуть вправо, чуть влево, так держать... Цель идет к перекрестию. Но цель уже не та. После первого захода над ней поднялись клубы черного дыма. Очевидно, там все-таки нашелся горючий материал...

И снова самолет подбросило на невидимом ухабе. Бомбы ушли на цель. Все. Задание выполнено. Можно передохнуть, посмотреть по сторонам. Это для штурмана, для Джунковской. А летчику, Долиной, еще предстоит довести самолет до своего аэродрома, посадить его. Впрочем, и штурману работа есть: заснеженные степи — довольно плохая местность для ориентировки. Но основное уже сделано. Дальнейшая работа кажется и летчику и штурману совсем легкой.

Галя посматривает по сторонам и слышит уже знакомое:

— Что ж ты молчишь, Джун? Расскажи что-нибудь...

В ОГНЕ ЗЕНИТНОЙ АРТИЛЛЕРИИ

Тяжело груженные самолеты идут на запад. На летчиках не наскучившие меховые комбинезоны, а легкая летняя форма. Да и сами они другие — уже обстрелянные, бывалые воины. Но спокойствия нет в их сердцах. Какое может быть спокойствие во время боевого вылета? Тем более, что на этом участке фронта сконцентрировано огромное количество зенитной артиллерии, в воздухе много фашистских истребителей...

9 мая. Кто мог тогда знать, что через два года этот день будет объявлен Днем победы? Пока это обычный вылет на «Голубую линию» — линию обороны немцев на Таманском полу-

острове. Цель — скопление эшелонов на станции Нижне-Баканской.

Теплые струйки воздуха проникают в кабину, шевелят локоны девушек. Но им не до этого. Они ведут на цель звено. Успех вылета зависит от них, от точности выхода на боевой курс, от их выдержки в зоне зенитного огня. По их самолету будут равняться остальные.

А зенитки легки на помине. Впереди, с боков, сзади небольшой группы самолетов появляются белые пухлые комочки, будто кто-то разбрасывает в воздухе хлопья ваты. Эти безобидные на вид комочки несут смерть. Кому же охота лезть прямо под огонь? И Маша начала маневрировать — изменять высоту полета, скорость, направление. Разрывы остались в стороне. Снова несколько секунд спокойного полета, пока фашистские зенитчики не пристрелялись...

Приближается цель. Белых клубочков становится все больше. Среди них появляются большие черные хлопья. Это вступила в действие тяжелая зенитная артиллерия. Будто облачностью затянуло впереди и с боков ясное до этого небо. «Облака» приобретают темный цвет, предвещают грозу. Все сильнее желание отвернуть в сторону, изменить курс, уйти от этой грозы. Маша начинает новый противозенитный маневр, но тут же в наушниках раздается голос Гали:

— Спокойно, Маша, боевой курс...

Все. Теперь никакие силы не заставят отвернуть самолет в сторону. Ни зенитки, ни истребители не должны помешать выполнить боевое задание. До цели еще довольно далеко — несколько минут полета. Но нужно идти по прямой, чтобы самолет как бы застыл в прямолинейном и равномерном движении вперед. Это нужно для точного бомбометания. Иначе бомбы упадут в стороне от цели.

А зенитные разрывы все гуще, все ближе к самолету. Вот уже и осколки стали царапать обшивку самолета... Еще ближе... Мимо... Курс, скорость, высота... Самолет входит в темное облачко разрыва...

Галя приникла к бомбовому прицелу. Теперь даже атака истребителей не заставит ее оторваться от окуляра и повернуться к пулемету. Наступил момент, для которого и существуют бомбардировщики,— момент бомбометания. В окуляре появляется цель. Она еще далеко, на самом краю прицела. Теперь нужно подвернуть самолет, чтобы цель шла точно к перекрестию. Команда летчику. Так держать... Нужно накрыть бомбами все пути... Хорошо, что станция маленькая. Цель

приближается к перекрестию. Как раз звеном накроем всю станцию...

Кажется, зенитным снарядам уже тесно в воздухе, но с каждой секундой их становится больше. Как пройти сквозь стену разрывов? Это, наверное, невозможно. Однако стена прогибается, поддается напору идущих по прямой самолетов. Она как бы уступает воле девушек, их страстному желанию громить врага.

В кабине запахло пороховой гарью — дым от разрывов снарядов попадает в самолет. Значит, разрывы совсем рядом.

Самолет подбросило на невидимом ухабе. Что это? Сброшены бомбы? Нет, Джун молчит. Значит, зенитка... Снова осколок царапнул по обшивке. Уже не клубочек взрыва, а пламя вспыхнуло возле самого мотора. Как не задело?!

Опять подбросило на ухабе. Зенитка, наверное... И голос Джунковской:

— Бомбы сброшены! Фотографирую...

Значит, еще идти по прямой среди этого ада, пока бомбы не разорвутся на станции и фотоаппарат не зафиксирует точность попадания...

— Ведомые бомбы сбросили! — докладывает стрелок.

Галя снова приникла к окуляру прицела. Она наблюдает за разрывами бомб. Сейчас, сейчас... Еще немного — и можно давать команду уходить от цели. От этих зениток.

Так, разрывы легли точно на эшелоны... Фотоаппарат сработал, можно его выключать. Стой! На станции снова рвутся бомбы! Откуда они взялись?! А, это, наверное, рвется эшелон с боеприпасами!

— Маша, пройди еще немного по прямой. Нужно заснять взрывы боеприпасов на станции. Хорошо поработали!..

— Все! Пошли домой, Маша!

Наконец-то можно вздохнуть свободнее, хоть как-то бороться с зенитками, а не ждать, попадет или нет.

— Разворот вправо! — подает Долина команду ведомым и тут же вводит самолет в разворот с небольшим набором высоты.

Разрывы зенитных снарядов сразу же остались далеко слева и внизу. Однако успокаиваться нельзя: зенитчики быстро могут внести поправку. Это понимают все. Действительно, скоро разрывы появились впереди справа — там, куда разворачивался самолет.

А сзади, на станции, пылают эшелоны, рвутся боеприпасы, жарким огнем горят цистерны с горючим, к небу тянется огромный столб черного дыма...

— Разрывы впереди, справа! — передает подруге Галя.

«Мы идем на них. Сейчас учтут, что скорость у нас меньше, внесут поправку»,— мелькнуло в голове у Маши, и она уменьшила крен, а вместе с этим увеличила радиус разворота и скорость. Расчет ее оправдался — стрелок тут же доложил:

— Разрывы сзади, справа!

«Теперь нужно увеличить крен».

Снова сообщение:

— Разрывы слева!

«Играем в прятки при ясном небе!»

Вскоре линия фронта осталась позади. Полет протекал спокойно.

— Что же ты молчишь, Джун? Расскажи что-нибудь!

— О чем же рассказывать?

— Ну, как ведомые держатся, где летим...

— Летим над Кубанью, сама видишь. Здесь когда-то мое детство проходило...

— А потом?

— Потом жили в Орджоникидзе, училась в техникуме в Грозном, хотела там поступить в аэроклуб, да не приняли...

— Почему?

— Ростом не вышла... А какая у нас в техникуме компания была!.. Никогда не думала, что придется воевать в этих местах... Где-то сейчас наши девчата?..— Галя замолчала, задумалась.

— Не журись, Галка! — прерывает ее мысли голос Маши.— Найдешь своих подруг!

...Самолеты шли на восток, чтобы заправиться бензином, пополнить боекомплект, подвесить бомбы и снова повернуть на запад — громить врага, хотя бы и снова пришлось попасть в такой огонь зенитной артиллерии.

В ГОРЯЩЕМ САМОЛЕТЕ

С каждым днем, с каждым вылетом девушки чувствовали все большую уверенность в своих силах. Они почти совсем перестали бояться зенитного огня: на подходе к цели можно маневрировать, а на боевом курсе не до него, все мысли сосредоточены на том, чтобы выдержать прямую, точно отбомбиться. Некогда думать о разрывах зенитных снарядов. Да и гитлеровские зенитчики стреляли не очень-то хорошо.

Истребители... Вот истребителей они боялись. Ведь истребители могли подойти с любой стороны, в любое время, а не

только над целью. И не всегда их можно достать огнем своего оружия. Они не лезут напролом, в сектор обстрела бортовых пулеметов, а стараются подойти к бомбардировщику в мертвой зоне...

ДОЛИНА
Мария Ивановна

И кто знает, будут ли в этом вылете истребители?

Внешне подруги не изменились. Все так же Маша перед вылетом преувеличенно весела, поет. Галя излишне сосредоточенна. Все так же инженер эскадрильи подает ей в кабину кусок хлеба с котлетой («Съешь, Галя, хоть немножко!»), а она отказывается. И вместе с запуском моторов все это проходит. Остается только щемящее предчувствие встречи с истребителями...

Сегодня совсем было хорошо началось. Обещали дать истребителей сопровождения, но потом почему-то отменили... А бои идут. Да еще какие!.. В подобной обстановке, хотя и значительно позже, их подруга Саша Вотинцева грустно пошутила при получении боевого задания: «Дают билеты. Кому туда и обратно, а кому только туда...»

Но это потом. А пока девушки еще не переживали потерь своих боевых подруг.

Девятка «петляковых» идет на запад бомбить артиллерийские и минометные позиции фашистов северо-восточнее Новороссийска. Натужно рвут воздух винты груженых бомбовозов. Они тоже, видно, хотят побыстрее добраться до цели и сбросить бомбы на врага.

Линия фронта еще далеко, но летчики, штурманы, стрелки внимательно осматриваются по сторонам. Зениток, конечно, здесь быть не может. Но истребители... Бывает, что они встречают прямо над аэродромом. Так что нужно каждую минуту быть начеку. Они любят появляться со стороны солнца (а туда так трудно смотреть!), из-за облаков. И солнца, и кучевых обла-

ков сегодня хватает. Того и гляди, откуда-нибудь свалится пара «худых» (МЕ-109) или «фоккеров».

Начали бить зенитки. На душе немного отлегло: значит, поблизости немецких истребителей нет. А зенитки, что ж, дело привычное, хотя сегодня их особенно много. Полет проходит на высоте всего девятьсот метров. Бьет не только крупнокалиберная, но и малокалиберная зенитная артиллерия и зенитные пулеметы.

Приближается цель. Зенитный огонь становится все плотнее. Это не вызывает беспокойства у подруг, хотя маневрировать в строю эскадрильи значительно труднее, чем одиночному самолету или звену. Маша Долина спокойно смотрит на шапки разрывов, появляющиеся со всех сторон самолета, и повторяет маневры ведущего девятки.

Внезапно самолет тряхнуло, левый мотор захлебнулся, не выдержал напряженной работы. Он не остановился, нет, но стал давать перебои, тяга его сразу упала почти до нуля. Самолет резко повело влево, на ведомого. Маша едва успела удержать его в прямолинейном полете. Не сразу до сознания доходит мысль, что самолет подбит зениткой. Кажется — это обычный перебой в работе мотора, сейчас его винт снова с прежней силой начнет врезаться в воздух...

— Прямое попадание в левый мотор!..

Слова Гали объясняют Маше все. Зенитка... Кто бы мог подумать, что из зенитного пулемета можно попасть в самолет?! Именно в ее самолет... Сколько летали — и ничего, а тут... Что делать? До цели осталось немного, но на одном моторе самолет сразу стал отставать от группы. Два звена ушли вперед, только ведомые держатся рядом, не обгоняют. Они еще не знают, что самолет командира звена подбит, и, может быть, удивляются, почему резко упала скорость.

— Что будем делать, Джун?

— На одном моторе идти можешь?

— Видишь, идем пока.

— Не везти же бомбы обратно... Если совсем плохо, можно на ближнюю цель сбросить.

— Тянет мотор пока. Пойдем на свою цель.

— Может, ведомым сказать, чтобы догоняли группу?

— Передавала, не уходят.

Ведущий девятки тоже сбавил скорость, дал возможность пристроиться звену Долиной.

И тут же последовало:

— Маша, держись, боевой курс...

Маша держится... От огромного напряжения устала, дрожит правая нога. Но все равно — курс, скорость, высота... Все виды оружия фашистов нацелены в небо... Много ли подбитому самолету надо? Одна пуля, один осколок. Как устала нога...

— Держись, Маша, еще немного...

Вот у впереди идущих самолетов уже посыпались бомбы, сейчас и Джун сбросит...

Действительно, в этот момент облегченный самолет даже на одном моторе рванулся вперед и вверх. Маша перевела дух: теперь не нужно так строго следить за курсом, высотой и скоростью, можно изредка дать немного передохнуть правой ноге. От этого самолет разворачивается влево, идет со скольжением, но это уже не так страшно...

Но почему перестали стрелять зенитки? Только в стороне появилось несколько громадных шапок фиолетового и оранжевого дыма. В чем дело?

— Слева подходят «фоккеры» и «худые»! — раздался в наушниках голос стрелка.

Ага, понятно, почему не бьют зенитки. Понятны и эти цветные разрывы: наводили истребителей...

— Сколько же их там?

— Двенадцать штук...

На этот вопрос ответила Джунковская. Голос ее звучал спокойно, будто она всегда только и делала, что расправлялась с десятками фашистских истребителей.

Наступил самый страшный момент в боевом вылете, а страха нет... Почему? Девушка не задумывалась над этим вопросом. Некогда выискивать причины. Нужно хорошо встретить фашистов, бороться... А активная борьба не допускает посторонних мыслей. Галя еще раз осматривается. Немецкие самолеты приближаются...

И Долина почувствовала, что страх куда-то исчез, уступил место спокойному напряжению боя. Очевидно, страшен не сам враг, а его ожидание. Зримый враг — это уже цель, которую надо уничтожить. И мысли работают только в одном направлении: как лучше и быстрее сбить врага, как своим маневром помочь стрелку и штурману постоянно держать под обстрелом атакующих истребителей. Эх, если бы оба мотора работали... На одном не очень-то поманеврируешь...

Самолеты Скобликовой и Кирилловой подошли вплотную к Долиной. Ведомые давно знали, что самолет командира звена подбит, идет на одном моторе. Они, наверное, с радостью

подхватили бы подруг на свои крылья, поделились мощностью своих моторов, чтобы облегчить их участь, но это — увы — лишь мечты. И они сделали единственно возможное в этих условиях — пошли рядом. Так легче отбиваться, стрелки и штурманы смогут помогать соседям, прикроют своим огнем подбитый самолет командира.

Теперь бомбардировщики шли настолько близко, что можно было рассмотреть лица. Галя посмотрела направо, налево, улыбнулась подругам и снова перевела взгляд на самолеты фашистов. Те стремительно приближались к «петляковым», особенно к отставшему звену. Впереди шла пара ФВ-190, за ними две пары МЕ-109. Шесть истребителей против трех бомбардировщиков, один из которых уже подбит...

Слишком неравные силы, однако Галя об этом не думает, она ловит в прицел ближайший ФВ-190, ждет, пока тот подойдет поближе, на дистанцию действительного огня. Вот он ближе, ближе... Сейчас откроет огонь... Нужно его опередить...

В этот миг все пространство вокруг самолетов покрылось перекрещивающимися линиями огненных трасс наших пулеметов и дымных трасс фашистов. В воздушном бою каждая трасса имеет свою конкретную цель. Летчики, штурманы, стрелки видят, что этот ливень свинца и стали направлен лично в них, в их самолеты. А быть мишенью, целью довольно-таки неприятно. Не все могут выдержать подобное испытание. Вот над самой головой Гали пронеслись дымки фашистской трассы. Казалось, сейчас один из снарядов вопьется в голову, разметает все, погасит сознание... Навсегда... Она невольно пригнулась, сжалась. Однако храбрость тем и отличается от трусости, что в любых условиях смелый человек выполняет свой долг до конца. Несмотря на страх смерти.

Галя прижалась поближе к пулемету, будто он мог защитить, вцепилась в ручки турели, не отрываясь смотрела в прицел на дымные трассы, которые неслись к ней, на растущий в сетке прицела силуэт фашистского истребителя. Одна мысль осталась у нее — стрелять, стрелять...

«Стреляйте, стреляйте...» — думает и Маша Долина. Ей хуже. Она не может активно вмешаться в ход боя. Она может только вести самолет на свою территорию. Побыстрее через линию фронта... Если собьют, так хоть у своих падать, не у фашистов...

Бомбардировщики, как правило, лишены возможности маневра в воздушном бою. Тяжесть машин ставит их в зависимость от воли истребителей. Огонь, только огонь помогает им

выйти из боя победителями. Вот и сейчас дружный огонь стрелков и штурманов заставил фашистов отвернуть, выйти из атаки. Оглянувшись, Маша увидела, как истребители с набором высоты перешли на правую сторону. «Теперь справа будут атаковать... Там Тося, основной удар на нее придется...»

Первую атаку фашисты провели с ходу, всей группой. Они, очевидно, надеялись разбить строй бомбардировщиков, но сделать это не удалось, и они сразу же изменили тактику. Истребители вытянулись цепочкой и один за другим стали атаковать самолет Тоси Скобликовой. Они надеялись, что этот бомбардировщик при атаке на одной высоте послужит им щитом, защитит от огня остальных стрелков и штурманов. А с одним-то они легко справятся...

Однако гитлеровцы просчитались и на этот раз. Маша Долина быстро оценила обстановку.

— Скобликова, метров на двадцать вниз! Кириллова — вверх!

Бомбардировщики эшелонировались по высоте и снова могли встретить врага огнем всех пулеметов.

Отбив первую атаку, девушки ободрились. Огонь стрелков и штурманов стал более прицельным. Галя видела, что почти каждая очередь, выпущенная из наших пулеметов, проходила совсем рядом с фашистскими самолетами. Некоторые очереди, кажется, даже скрывались в крыльях и фюзеляжах фашистов. Однако все немецкие истребители остались целы, поспешно (даже более поспешно, чем первый раз) вышли из атаки и собрались на противоположной, левой, стороне. А самолет Скобликовой все же получил довольно серьезные повреждения. Изрешеченная машина стала плохо слушаться рулей.

Немцы почему-то не торопились со следующей атакой. Они отошли назад, стали в хвосте и немного выше бомбардировщиков. «Неужели хотят уйти?» — думала Галя. Нет, на фашистов это не похоже. Они не выходят из боя, когда численный перевес на их стороне. Да и потерь у них пока нет.

Недоумение Джунковской тут же рассеялось: немцы снова пошли в атаку. На этот раз они атаковали всех сразу — на каждый бомбардировщик по два истребителя. Используя превышение, фашисты быстро подошли почти вплотную к советским самолетам. Теперь стрелки и штурманы не могли концентрировать огонь на одном истребителе.

Галя видела, как к их самолету все ближе подходит пара ФВ-190. Все отчетливее видны их тупые носы. «Что же они не стреляют? Скорее бы уж...» Сама Галя не могла стрелять:

истребители подходили, прикрываясь хвостовым оперением бомбардировщика. «Сейчас откроют огонь... Сейчас... Что же делать?» Галя не могла спокойно смотреть, как подходили «фоккеры», как они готовились сбить ее самолет. Какое тут может быть спокойствие?! Она не выпускала из прицела истребителей, ждала малейшей возможности открыть огонь. Вот нос ФВ-190 немного выставился из-за правого киля. Можно достать... Только и себе по хвосту попадет...

Не раздумывая, она нажала гашетку. Удары пуль по хвостовому оперению сотрясли самолет. Но и ФВ-190 как-то неуверенно качнулся с крыла на крыло и, оставляя густой черный столб дыма, круто пошел к земле. Его напарник сразу вышел из атаки.

— Горит! — закричала Галя радостно.

— Что, попало нам, Джун? — Маша не видела падения сбитого фашиста, не слышала крика подруги, но зато хорошо слышала удары пуль по своему самолету.

— Нет, это я выбивала фрица из-под хвоста. Задела и свой киль...

— А фриц?

— Вон, на земле догорает!

Разговаривать некогда. Нужно помогать подругам, и Галя переводит ствол пулемета в сторону все еще атакующих МЕ-109. Вот хищный, тонкий как оса, гитлеровский истребитель почти вплотную приблизился к бомбардировщику справа, открыл огонь... Галя нажала гашетку, и огненная струя пронеслась прямо перед носом фашиста. Тот рванулся в сторону, но не куда-нибудь, а прямо под ее самолет. Девушка видела, как он вышел из сектора обстрела и пристроился ниже нее, почти совсем рядом. Видела испуганное лицо фашиста, видела, что испуг у него быстро проходит и сменяется злорадством. Конечно, теперь он чувствует себя в безопасности. Не только Галя и стрелок не могли ничего сделать истребителю, но и подруги с соседних самолетов были лишены возможности стрелять по немцу из боязни попасть по своему же бомбардировщику...

«Вот, собака, пристроился... Как его здесь достанешь?»

В короткие минуты воздушного боя каждая секунда, кажется, растягивается в несколько раз. Фашист идет совсем рядом. Галя видит каждую заклепку на фюзеляже его самолета, подтеки масла от мотора и в то же время успевает заметить, что у самолета Кирилловой, шедшей справа, сильно дымит мотор («Подбил все-таки, собака!..»), что напарник пристроившегося к ним МЕ-109 отошел далеко в сторону от группы...

«А этот, что же, так и будет идти с нами в строю до самого аэродрома?»

Гитлеровец не думал идти в строю. Убедившись в своей безнаказанности, фашист осмелел, точно прицелился в правый мотор, дал короткую очередь и спокойно (чего ему бояться: никто не стреляет, да и не может стрелять) перешел на другую сторону — к левому мотору. Он не сомневался в действенности первой очереди. Какие могут быть сомнения?! Он ведь стрелял почти в упор. Сейчас он так же пристраивался к левому мотору. Он видел наполненные ужасом (так ему казалось) глаза экипажа обреченного самолета, самодовольно улыбался и не спешил дать вторую очередь. «Самолет и так горит. Горит правый мотор, скоро пламя перекинется на бензобаки, охватит весь самолет... Может, и не стоит больше стрелять? Нет, лучше посмотреть, как сразу после очереди уже неуправляемый самолет, беспорядочно кувыркаясь в воздухе, понесется к земле». И фашист снова нажал гашетку.

Но он ошибался. Не ужасом были наполнены глаза членов экипажа обреченного самолета, а гневом, и мысли девушек и стрелка были направлены на одно: подстеречь фашиста, выждать, когда он войдет в зону обстрела...

Если бы гитлеровец знал мысли экипажа, он, наверное, не рискнул бы так близко подойти к этому самолету.

Левый мотор, подбитый еще на подходе к цели, загорелся сразу. Пламя вырвалось настолько неожиданно, что истребитель шарахнулся в сторону.

Этого только и ждали Галя со стрелком. Оба нажали гашетки одновременно...

А Маша? Она выполняла свою работу. Вот МЕ-109 от самолета Кирилловой перешел к ее самолету. Она его не видит, но знает, что он здесь, рядом... Что же дальше? У Кирилловой сильно дымит мотор. Подбита, наверное... Звонкая дробь очереди, прошившей правый мотор... Да, так и есть, горим... Почему не стреляют?! Нельзя, наверное... Бьет, как в тире, в упор... Тишина... Ушел? Едва ли, Джун сказала бы... Тяга правого мотора упала, самолет уже не может идти в горизонтальном полете, снижается... Новая очередь, теперь по левому мотору, пламя... До линии фронта лететь еще минут пять...

Оба нажали гашетки одновременно. Однако Галин пулемет тут же смолк. Уйдет!.. Не тут-то было! Стрелок, Ваня Соленов, успел всадить длинную очередь в фашиста, и тот стал падать точно так, как за несколько секунд до этого представлял себе падающий бомбардировщик.

Самолет горит, идет со снижением. Ведомые не оставляют своего командира. Но чем они могут помочь?

— Маша, пусть наши уходят в облака! Нас, наверное, больше не тронут — и так горим...

— Кому мы нужны... Сами сейчас свалимся...

В этих словах была горькая правда. Все знают, что такое пожар. Но мало кто представляет, что такое пожар в воздухе, на самолете. Прекрасный горючий материал (авиационный бензин, масло), встречный поток воздуха, раздувающий огонь... Пламя моментально охватывает весь самолет, машина перестает слушаться рулей и факелом несется к земле...

Пламя подобралось к самой кабине девушек, охватывает фюзеляж, кабину стрелка. Невозможно сидеть в самолете.

— Джун, Ваня, прыгайте!

— Под нами еще немцы! Тяни, Маша, если можешь...

«Если можешь!.. Лучше сгореть, чем здесь прыгать...»

Пылающий самолет шел к линии фронта. Пара МЕ-109 издали наблюдала за ним. Когда же этот русский свалится?! Давно пора ему быть в земле — и по опыту войны, и по законам аэродинамики. А он летит... И ни одного парашютиста! Сгорели они там уже, что ли? Но он пересекает линию фронта, летит. Нужно добить! И «мессершмитты» устремляются к самолету, который даже сгореть хочет на своей, свободной земле.

У Маши сейчас положение несколько лучше, чем у подруги. Она сидит впереди, ее меньше достает жар огня. Да и думать об этом нет времени. От нее зависит жизнь, судьба экипажа. От ее выдержки, от ее летного мастерства. Если во время боя основная нагрузка была на Джунковской и Соленове, то теперь за все в ответе она...

«Скорее бы линия фронта... Нет сил терпеть...— думает Галя, глядя на пламя.— Скорее бы...»

— Атакуют «худые»! — послышался голос стрелка.

И тут же голос Долиной:

— Прошли линию фронта. Прыгайте!

— А ты?

— Буду сажать самолет.

— Мы тебя не бросим. Вот опять атакуют...

Однако истребители атаковали довольно странно. Один из них остался в стороне, а второй пристроился сбоку бомбардировщика. Хорошо видно лицо фашиста, рыжеватые волосы, выбившиеся из-под легкого шлемофона-сетки. Гитлеровец внимательно рассматривал девушек, стрелка. Он, наверное, раздумывал, на что еще способны эти, уже подбитые, но все еще

летящие люди. Потом он поднял руку и, как бы обращаясь к Гале с вопросом, показал сначала один, а затем два пальца.

«Спрашивает, за сколько атак сбить,— догадалась Галя.— Ишь какой храбрый добивать беззащитных... И ни одного патрона в пулеметах... А то бы мы ему показали...»

Фашист занял положение для стрельбы. Сейчас будет стрелять... И целится-то не по моторам (они и так горят!), а по кабинам, людей хочет перебить... Знает, что самолет уже отлетал свое... Что же делать? Галя отпустила ручки бесполезной теперь турели. И тут взгляд ее упал на ракетницу. Она схватила ее, зарядила и выстрелила в фашиста — раз, другой...

Мимо гитлеровца один за другим пронеслись два огненных шара, и он шарахнулся в сторону как ошпаренный. «Черт его знает,— наверное, подумал он,— что у них за новое оружие. Лучше отойти подальше, они и так сгорят!»

Они и так сгорят... Это была правда. Бомбардировщик успел снизиться настолько, что ни о каком прыжке с парашютом не могло быть и речи. Только удачная немедленная посадка могла спасти экипаж.

Вот и подходящая площадка... Маша немного подвернула самолет, выпустила посадочные щитки.

— Приготовиться к посадке!

Вынужденная посадка на фюзеляж в поле всегда чревата опасностью. Сейчас же, когда самолет почти перестал слушаться управления, опасность неизмеримо возросла. Значит, нужно занять такое положение в кабине, чтобы при ударе о землю не стукнуться головой о что-либо острое...

Но все обошлось благополучно. Самолет ударился о землю, прополз некоторое расстояние на фюзеляже и остановился метрах в трех от насыпи железной дороги.

«Хорошо, что не врезались в насыпь,— подумала Долина.— А то бы конец нам всем... Вылезать скорее, сейчас взорвется...»

Вылезать... Легко сказать. Поврежденный пожаром фонарь кабины при ударе самолета о землю окончательно деформировался. Несмотря на усилия обеих девушек, он не открывался.

— Давай, Маша, через астролючок!

К счастью, астролючок открылся свободно. Но он был настолько мал, что даже миниатюрная Маша застряла в нем.

— Лезь быстрее, сгорим!

Пламя и дым, которые в полете сносило назад, теперь окружали кабину, проникали внутрь, жгучими поцелуями касались девичьих щек, лизали руки...

К Долиной подбежал и стал помогать ей выбраться из самолета раненный в воздушном бою Соленов.

Медленно, очень медленно... Побыстрее... Что они так долго?! Горю уже... Быстрее... Когда же она вылезет?.. Когда?..

Ноги Маши еще только выходили из кабины, а Галя уже протискивалась в астролючок вслед за ней. Или она оказалась тоньше подруги, или очень уж сильно было у всех желание побыстрее отбежать от бушующего пламени, только Галю просто моментально выдернули из самолета, и все трое бросились в сторону. И тут же на них посыпались горящие обломки: самолет взорвался...

За насыпью железной дороги все в изнеможении опустились на землю. Полет к цели, зенитки, подбитый мотор, бомбометание, неравный воздушный бой, пожар — все это совершенно измотало девушек. Только минут через двадцать они начали постепенно приходить в себя. Ну и, конечно, девушки есть девушки, даже на фронте:

— Не трогай лицо, Джун! Обгорела.

— Ты на себя-то посмотри!

Вскоре за насыпью послышался рокот мотора автомашины. Девушки поднялись на линию. Какова же была их радость, когда около догоравших обломков самолета они увидели своих подруг во главе с Тосей Скобликовой! Те обрадовались еще больше.

— А мы думали, что вас никого уже нет!.. Видели — горит самолет, никто не прыгает... Потом — взрыв...

— Рано хоронить собрались! Мы еще повоюем!

Самолет Скобликовой отремонтировали, и в тот же день оба экипажа улетели на нем на свой аэродром.

МЫ ЕЩЕ ПОВОЮЕМ!

Подруги продолжали воевать. Да еще как! Их самолеты видели в небе Орла, Брянска, Ельни, Смоленска, Витебска, Орши, Борисова, Дубровно, Риги, Митавы, Мемеля, Либавы... И на всех этих участках фронта фашисты крепко прочувствовали силу и меткость их бомбовых ударов. Взрывались склады с боеприпасами, летели на воздух огневые точки врага, умолкали разгромленные батареи, горели автомашины и эшелоны с живой силой и техникой, пылали танки... Не раз девушки получали благодарность от Верховного главнокомандующего и по

радио — от наземных войск за отличные бомбовые удары. Их груди заслуженно украсили боевые ордена и медали.

А по вечерам Маша Долина — руководитель офицерского собрания полка — организовывала импровизированные концерты. Девушки пели, плясали, делились воспоминаниями. Они очень любили свою «хозяйку», и украинские песни звучали чаще других. К голосам подруг прислушивались темные ночи Северного Кавказа с мириадами звезд на небе, и короткие светлые летние ночи Центральной России, и туманные, почти белые, ночи Прибалтики...

Не обходилось и без курьезов.

За отличные боевые действия по освобождению города Борисова полку, в котором служили подруги, присвоили наименование Борисовского. Вскоре часть перебазировалась дальше на запад. Маршрут проходил через освобожденный город. Конечно, девушки не могли упустить представившейся возможности, и Маша Долина сбросила на город вымпел. Вот как передала текст этого письма борисовская газета «За коммунизм»:

«Передать горкому ВКП(б).

Боевой привет гражданам Борисова от летчиков-борисовцев!

Гражданам города Борисова.

Дорогие товарищи!

Сегодня, 18 июля 1944 года, над вашим городом пролетает авиационная часть, которой за участие в освобождении города Борисова присвоено наименование Борисовской.

Мы летим дальше на запад бомбить врага на его территории.

Призываем вас, дорогие товарищи: быстрее восстанавливайте свой город!

М. Долин».

Журналисты не могли даже представить себе, что письмо подписала девушка, и отбросили окончание «а». Только через пятнадцать лет разъяснилось это недоразумение...

Гале Джунковской еще раз пришлось гореть в воздухе. 23 июня 1944 года на подходе к цели зенитным снарядом был подожжен левый мотор, а летчица К. Фомичева была ранена в ногу. Но девушки не отказались от выполнения боевого задания. Они вышли на цель, точно отбомбились и только тогда повернули на свою территорию. Однако было, пожалуй, уже поздно.

Пылающий самолет катастрофически терял высоту, из-за огня невозможно было сидеть в кабине... Выпрыгнуть? Фашистский плен?! Только не это...

Только над своими войсками на высоте ста пятидесяти мет-

ров девушки выбросились с парашютами из пикирующего, потерявшего управление самолета. Высоты едва хватило, чтобы купола парашютов наполнились воздухом и обеспечили нормальное приземление...

Война близилась к концу. Советские войска выходили на государственную границу гитлеровской Германии. Но в Прибалтике осталась мощная фашистская группировка, которую необходимо было уничтожить. Бомбардировщики получили задание бомбить порт Либаву, через который снабжались гитлеровские войска.

Глубокий тыл. Огромное количество зенитной артиллерии, масса истребителей... Вот здесь-то и пошутила грустно их подруга Саша Вотинцева: «Дают билеты. Кому туда и обратно, а кому только туда...»

Кому же охота умирать, да еще в самом конце войны? Девушки были молоды, полны жизни... Но — надо. И они шли на смерть, чтобы спасти жизнь тысячам советских людей.

Эскадрилья, в которой служили подруги, в этом вылете шла замыкающей дивизионной колонны. Место хуже придумать трудно. Но девятка отлично отбомбилась, а ведущий — капитан Фомичева — умелым маневром увела эскадрилью и от зениток, и от истребителей...

Кончилась война, но подруги еще некоторое время продолжали служить в рядах Советской Армии. Они охраняли рубежи нашей Родины.

Они и сейчас живут полнокровной жизнью страны. Мария Ивановна Долина (Мельникова) работает в Прибалтике, а Галина Ивановна Джунковская (Маркова) активно участвует в деятельности Советского комитета ветеранов войны.

Подруги ненавидят войну. Еще со времени первого пожара в воздухе им на всю жизнь запомнился запах горящего бензина. Они помнят разрушенные города и села, помнят погибших подруг и друзей... Но, если понадобится, они снова пойдут громить врага, защищать завоевания нашего народа, народов всего социалистического лагеря.

Б. ДРУЖИНИН

ДАША ИЗ «ПАРТИЗАНСКОЙ ИСКРЫ»

Это было в селе Крымке...

Село расположено в живописной местности. На много километров раскинулись плодородные поля, изрезанные оврагами и балками. Вдали, в голубом мареве, маячит гряда холмов. В селе белые хаты, вишневые и яблоневые сады. Около школы выстроились пирамидальные тополя. А у околицы петляет тихая река Кодыма. Таких сел на Украине тысячи. Такой Крымка была в памятный предгрозовой июнь 1941 года. На полях дружно волновалась тучная пшеница, в садах зрели яблоки, вишни, сливы. По вечерам на улицах села звучали молодые голоса. На полянке около клуба танцевали под баян хлопцы и дивчины...

А в августе 1941 года сюда вторгся враг. По большаку мимо Крымки, вздымая едкую пыль, потянулись обозы, автомашины, орудия. Настали черные дни оккупации.

Коммунист В. С. Моргуненко, оставленный Первомайским райкомом партии для боевой работы в тылу врага, создал в Крымке подпольную комсомольскую организацию. Ее боевым вожаком был избран Парфентий Гречаный.

В честь ленинской «Искры» подпольную комсомольскую организацию назвали «Партизанская искра».

— Будем же,— говорил Гречаный,— сеять в тылу врага искры народного гнева, раздувать пламя партизанской борьбы.

Собравшись однажды в лесу, на Серебряной полянке, юные искровцы приняли торжественную присягу:

«Я, член подпольной комсомольской организации, торжественно клянусь перед лицом своих боевых товарищей, не щадя крови и самой жизни, бить врага, бороться до тех пор, пока ни

одного фашистского зверя не останется на родной советской земле.

Я клянусь свято и нерушимо хранить тайну своей организации, до последней капли крови, до последнего вздоха быть верным своему слову.

Смерть фашистским оккупантам!»

После этого каждый наколол булавкой палец руки и своей кровью расписался под торжественной клятвой.

У подпольного комсомольского комитета имелось несколько радиоприемников, пишущая машинка. Каждый день искровцы принимали сообщения Советского Информбюро. В селах, на станциях железных дорог, в хатах колхозники читали маленькие листочки. Юные партизаны сеяли слова правды и надежды.

* *
*

С каждым днем росла и мужала «Партизанская искра». Смельчаки готовились к вооруженной борьбе с врагом. В окрестных селах создавались боевые пятерки. Это были маленькие ячейки, дозоры партизанского подполья. Как ручейки, они растекались по глубинкам народной жизни. В селе Ново-Андреевка пятерку возглавляла Даша Дьяченко. От комсомольского комитета из Крымки протянулись невидимые нити в село Кумары — к Володе Вайсману, в Каменную Балку — к Наде Буревич, в село Катеринка — к Мише Клименюк и другим искровцам.

Среди вожаков боевых пятерок особенно радовала комитет задорная, неугомонная Даша Дьяченко. Как бы ни было трудно, она не унывала. Собравшись с подружками, хлопцами в хате или в поле, пела любимые песни, читала стихи. И часто говорила:

— Я верю — придут наши.

До войны Даша жила в Львовской области. Ее отец работал председателем райисполкома. Училась в средней школе. Перешла в десятый класс. А вскоре началась война. Отец ее ушел на фронт, а Даша с матерью поехала в Первомайский район, Николаевской области, в село Ново-Андреевка, где жила ее бабушка. Войну знала лишь по книжкам и кинофильмам. А тут случилось такое. Ночью на пассажирский поезд налетели немецкие самолеты. Рвались бомбы, горели вагоны, метались люди. Даша впервые лицом к лицу столкнулась со смертью, увидела кровь детей и женщин.

ДЬЯЧЕНКО
Дарья Григорьевна

Мать и дочь вырвались из горящего вагона и скитались в степи. После долгих мытарств они приехали в Ново-Андреевку.

А война все сильнее бушевала на просторах родной земли. Радио разносило тревожные, горестные вести. На цветущую украинскую землю, в родное Причерноморье вторглись вражеские дивизии.

Выражая свою ненависть к врагам, бабушка спрашивала:

— Господи боже, когда же остановят их, супостатов?

— Скоро, бабушка, скоро, — говорила Даша.

А сердце сжималось от боли. Даша все чаще и чаще думала об отце. Мечтала тоже быть на фронте. Она видела себя то связисткой, то санитаркой на поле боя. Часто доставала свой комсомольский билет и подолгу вглядывалась в дорогой силуэт Ильича. В такие минуты вспоминались друзья юности, школа. Золотые деньки... Скоро ли вернутся они?

Но больше всего угнетало бездействие. Грызла тоска. Вспомнила полюбившиеся слова героя книги: «Лучше умереть в бою, чем встать перед врагом на колени». А сколько раз на комсомольских собраниях, на уроках по литературе, в семье говорилось о благородной цели — отдать Родине души прекрасные порывы, о герое нашего времени, о счастье жизни!..

И Даша твердо решила: нельзя сидеть сложа руки. Она стала искать товарищей, которым можно поведать свои сокровенные думы.

Нравился ей Ванюша Васильев. Бедовый такой паренек, смелый, решительный, острый на слово. Однажды он намекнул:

— В такое время стыдно стоять в стороне...

Даша посмотрела на него открытыми, ясными глазами и, поправляя спавшую на лоб прядь черных волос, попросила:

— Ну посоветуй же, Ваня, что мне делать?

— А стрелять умеешь?

— Нет.

— Эх, вы, девчата, вам бы галушки варить,— сказал он с усмешкой.

На этом их разговор оборвался. Ваня Васильев не сказал ничего определенного. Как член боевой пятерки «Партизанской искры», он строго хранил тайну и в то же время разведывал, можно ли «горожанку Дашу», как называли ее на селе, вовлечь в организацию.

Прошло немного времени, и Даша стала подпольщицей. Вместе с хлопцами и девчатами училась стрелять из винтовки, бросать гранаты. В окрестных селах она завязывала дружбу со своими сверстниками. Вербовала их для боевой работы. Так познакомилась она и с десятиклассником Сашей Комарницким. Дашина подружка Женя Лебедева сказала о нем:

— Ростом хотя и невелик, а удал. Мал золотник, да дорог!

Подружки знали, что комсомолец Александр Комарницкий тайком смонтировал радиоприемник. Слушает Москву. А потом распространяет среди населения рукописные листовки, в которых сообщаются новости с Большой земли.

Через несколько дней после первого знакомства Даша сказала Комарницкому:

— Нельзя же вести бой с врагом в одиночку... Давайте вместе, с нашими ребятами.

Александр посмотрел на нее пристально. Спросил:

— А вы не боитесь так открыто разговаривать со мной?

Даша усмехнулась. В ее глазах засветились озорные искорки. Она достала из кармана листовку и, подавая ее Саше, сказала:

— Это же ваша работа...

Вскоре Александр Комарницкий был принят в «Партизанскую искру». В качестве «вступительного взноса» он передал подпольщикам револьвер и патроны.

С каждым днем крепла дружба между Дашей и Александром. Вместе распространяли листовки по окрестным селам. Как-то Комарницкий встретил Дьяченко на базаре. Как заправская торговка, она продавала мешочки с фасолью. Спросив о цене, Саша стал торговаться.

— Да не будь, хлопчик, скрягой,— едко сказала Даша.— Товар у меня свеженький, отменный.

Александр подал «торговке» деньги. Взамен получил мешочек с фасолью, в который было вложено... триста экземпляров печатной газеты «За Родину».

На полях, в лесах Первомайского района были установлены посты, которые следили за полетами краснозвездных самолетов. Участник «Партизанской искры» Ефим Ющенко рассказывает:

— Много раз нам удавалось собирать листовки, сбрасываемые с советских самолетов. Помню, в ночь на 7 ноября 1942 года на полях около села Ново-Андреевка Даше Дьяченко удалось подобрать много листовок, в которых Родина передавала боевой праздничный привет, сообщала о героических действиях Советской Армии.

Тысячи этих листовок разносились комсомольцами по селам, переписывались от руки, читались в хатах, в поле, в лесу, на базарах. Будничная на вид работа требовала от юношей и девушек смелости, находчивости. В тылу врага «Партизанская искра» стала для советских людей огоньком надежды.

* *
*

Юные партизаны готовились к боевой, диверсионной работе. Однажды Владимир Степанович Моргуненко передал Парфентию Гречаному и Даше Дьяченко приказ партийного подполья:

— Усилить удары по врагу на железной дороге.

Советы учителя были всегда тщательно продуманны, взвешенны. Как отец, он вел своих сынов и дочерей по опасной дороге борьбы. Владимир Степанович говорил Парфентию и Даше:

— Настало время искровцам пустить под откос воинский эшелон. Боевой риск неизбежен. Но действовать надо наверняка, без лихачества. И не делать ошибок,— ведь за них придется расплачиваться кровью. Операцию будем готовить тщательно, в строгой тайне.

— Взрывчатка у нас есть,— сообщил Гречаный.— А минировать нас научит Михаил Замурин — бывший сапер. Мы с ним дружим.

— Очень хорошо,— похвалил Моргуненко.

— Прошу меня записать в боевую группу. На «железку» я пойду вместе с ребятами,— твердо сказала Даша.

— Это решит комитет,— сухо отрезал Гречаный.

...Буранная зимняя ночь. Боевая группа в составе Парфентия Гречаного, Даши Дьяченко, Владимира Вайсмана и двух солдат-саперов — Михаила Замурина и Ивана Газизова направилась к железнодорожному перегону между станциями

Врадиевка и Любашевка. Шли цепочкой. Проваливаясь в рыхлом снегу, ступали след в след. С каждой минутой метель усиливалась. Зябли руки.

— Не страшно, Даша? — спросил Парфентий, посмотрев в ее заиндевевшее лицо.

И хотя у девушки тревожно билось сердце (ведь впереди неизвестность, бой), ответила коротко:

— Не волнуйся за меня, дружище...

Все ближе и ближе подходила группа к цели. До железнодорожного полотна оставалось уже недалеко, когда острые глаза Даши заметили чьи-то тени. Залегли в сугроб. С тревогой наблюдали за полотном, по которому двигались два солдата с собаками. Но вот в ночной тьме исчезли и патрули. Только буря ревела все сильнее.

Партизаны устремились вперед. Они быстро вскарабкались по заснеженной, обледенелой насыпи на дорогу. Даша стала с винтовкой в боевое охранение. Напряженно прислушивалась к шорохам ночи. Быстро орудовали ломиками и саперной лопатой Парфентий и Володя. Под шпалы укладывали ящики с минами. Солдаты-саперы установили взрыватели. Сверху забросали снегом.

Не теряя времени, под покровом ночи разошлись в разные стороны. Даша и Парфентий пробирались заснеженными тропами в Ново-Андреевку. И не успели они дойти до села, как услышали оглушающие взрывы. Подорвавшись на партизанских минах, вражеский эшелон с боеприпасами пошел под откос.

Забыв об опасности, Даша крикнула:

— Это наш искровский салют!

Схватив друг друга за руки, Парфентий и Даша от радости танцевали на снегу...

А по телеграфным проводам вскоре передавались шифровки о диверсии на железной дороге. Всполошились оккупанты. По селам рыскали полицаи, выискивая партизан. А их и след простыл.

На несколько дней прекратилось движение по железнодорожной магистрали. Эхо взрыва наполнило сердца людей радостью, надеждой. Звало к борьбе. Встретив Парфентия и Дашу, Владимир Степанович Моргуненко сказал:

— Теперь вы настоящие бойцы. Фронт скажет вам большое спасибо, мои друзья!

* * *

Недалеко от Ново-Андреевки находился лагерь советских военнопленных. В бараках, огороженных колючей проволокой, томилось около двухсот человек. Уже давно у Даши зародилась мысль организовать побег пленных, вырвать их из неволи. Своей думкой она поделилась с членами боевой пятерки. Замысел был дерзкий, но выполнимый.

«Как же решить каверзную задачку с многими неизвестными?» — думала Даша. И сомнения все более одолевали ее.

Лагерь военнопленных охранял небольшой отряд румынских солдат. И, хотя в глубоком тылу они вели себя беспечно, все же проникнуть через колючую проволоку было невозможно. Даша узнала, что в окрестных селах девушки мобилизованы для выполнения хозяйственных работ в лагере. С ними она скоро нашла общий язык.

— Эврика! — радостно сказала Даша своему другу Саше Комарницкому.— Ниточка в наших руках. А потянув ее, мы размотаем и весь клубок.

— Пленные солдаты работают на полях. Это уже вторая ниточка,— подсказал Саша.

«Партизанской искре» стало известно, что в лагере военнопленными создана боевая подпольная организация. А возглавляет ее «товарищ Дмитрий». С ним-то и удалось с помощью одной девушки установить контакт.

Боевая пятерка готовила операцию под условным кодом «Ромашка». О вооруженном нападении искровцев на охрану лагеря не приходилось и помышлять.

Созрел иной план. О нем Даша рассказала Парфентию Гречаному и получила одобрение комитета. Был и в этом плане свой риск. Но юные подпольщицы не боялись. Они уже не раз смотрели в лицо смерти.

Подруги познакомились с румынскими солдатами, среди которых было несколько молодых рабочих из Констанцы. Даша несколько раз заходила к ним в казарму. Выдавала себя за артистку. Под гитару исполняла народные украинские песни, плясала гопак. Разучила даже небольшую румынскую песенку. Солдатам нравились задорные украинские девчата.

Однажды Даша предложила солдатам повеселиться. Обещала угостить их отменной украинской горилкой с перцем, и они охотно согласились.

План боевой операции «Ромашка» был согласован с «това-

рищем Дмитрием». Готовились к нему одновременно — боевая пятерка искровцев и военнопленные в лагере.

В воскресенье вечером Даша Дьяченко и ее подруги, одевшись в нарядные платья, пришли в солдатскую казарму. Они принесли несколько корзинок с яблоками. Наверху лежали румяные плоды. А под ними бутылки с синеватой горилкой. Веселье началось с концерта. «Артистка» Даша голосисто пела:

Друзья, мы стоим у порога,
Колотится сердце в груди;
Дорога, дорога, дорога
Нас каждого ждет впереди...

Потом девушки танцевали. Но больше всего заботились о том, чтобы быстрее напоить солдат. Граненые стаканы то и дело наполнялись пахнущей дымом крепкой горилкой. Даже часовым, стоявшим у главного входа в лагерь, довелось узнать вкус горилки с перцем.

Захмелевшие солдаты горланили в казарме песни. А в этот момент по условному сигналу военнопленные напали на пьяных часовых. В колючей проволоке быстро прорубили окна...

Пользуясь суматохой, Даша и ее подруги немедленно скрылись.

Около двухсот военнопленных с помощью боевой пятерки вырвались на волю, ушли в леса к партизанам.

— Молодец наша Даша! — сказал на комсомольском комитете Владимир Степанович Моргуненко.— Честное слово, друзья, настоящая героиня.

— Красивую «ромашку» подарила она Родине,— добавил Парфентий Гречаный.

* *
*

Жизнь в глубоком тылу врага, полная тревог и опасностей, выдвигала перед юными подпольщиками все новые сложные задачи, а порой ставила их в тупик. Как-то Даша Дьяченко рассказала друзьям свою «личную историю». Она приглянулась одному хлопцу — Ивану, работавшему на полях немецкого хозяйства. По вечерам Иван ходил за ней по пятам. Объяснялся в любви, предлагал выйти за него замуж.

Не раз Иван заходил и в хату, где с матерью и бабушкой жила Даша. Здесь он встречал Парфентия Гречаного и других искровцев.

Однажды Даша высказала Ивану свою неприязнь, бросив в лицо слова:

— Я презираю тебя и не хочу, чтобы ты переступал порог нашей хаты.

Это взбесило парня, и он пригрозил:

— Ладно, я сообщу куда следует, что у тебя невесть зачем собираются хлопцы, да еще из соседних сел. О чем вы там балакаете?

— Дурень этакий, это же мои друзья,— ответила Даша.— А в мою личную жизнь не лезь. Не запретят же нам песни спивать.

— Полицаи разберутся, кто они, твои друзья,— огрызнулся Иван.

Об этом разговоре Даша сообщила Парфентию. Дело серьезное. Стали обсуждать в комитете: что делать, как избежать беды?

Кто-то даже предложил:

— Убрать полицейского подпевалу с дороги.

Но Гречаный был против.

— Разумеется, друзья,— сказал он.— Мы имеем моральное право уничтожить любого вражеского пособника. Но в данном случае это опасный и гибельный шаг. Жители Ново-Андреевки наверняка знают, что Иван ходил к Даше Дьяченко. Начнется следствие. Арестуют ее. А потом полицейские ищейки придут в Крымку. Нет, мы не имеем права так легко рисковать организацией.

— Я согласен с Парфентием,— твердо сказал начальник штаба «Партизанской искры» Дмитрий Попик.

— Но как же все-таки быть? — спросил Владимир Вайсман.

После всестороннего обсуждения комитет решил: «Даше Дьяченко формально стать невестой Ивана».

— Даже говорить не хочется с негодяем! — возмущалась Даша.

Парфентий ее успокаивал:

— Да пойми же ты. Для отвода глаз подпольщица должна навести своего недруга на ложный след. Поставь «жениху» такое условие: свадьбу-де сыграем на будущий год. А потом пусть ищет тебя, как ветра в поле...

— А все же мне не хочется разыгрывать эту комедию,— сказала Даша.

— Но другого выхода нет. Таков приказ комитета...

Дружная семья искровцев жила по советскому правилу: «Один за всех, все за одного!» Крепко взявшись за руки, шли они опасными тропинками на смертный бой с лютым врагом.

* * *

В книге «История Коммунистической партии Советского Союза» «Партизанской искре» посвящена одна строка. Но как она значима! За этой строкой встает юность, ясная, как зорька, обстрелянная в боях.

Искровцы жили и боролись, не страшась смерти. Они подрывали фугасами немецкие эшелоны, стреляли из засад по цистернам с бензином. Они травили у врага скот и посевы. Залповым ружейным огнем подбили немецкий связной самолет. Это они разгромили в Крымке жандармский пост.

Юные партизаны несли в народ светлое, ободряющее слово правды и надежды.

Они сражались, как истинные солдаты. И многие из них погибли в жестоком бою. Попала в лапы фашистов и Даша Дьяченко. Ее надолго заточили в Тираспольскую тюрьму. Но ни пытки, ни голод не сломили боевого духа партизанки. Она не склонила перед врагом головы. До последней минуты оставалась верной той присяге, под которой расписалась своей кровью.

В последние месяцы жизни Даше удалось тайно переслать из тюрьмы на волю письма, адресованные подруге Жене Лебедевой и товарищу по борьбе Саше Комарницкому. Часть этих коротеньких писем дошла до нас. Вот эти простые человеческие документы:

«Дорогая Женечка! Может быть, моя открытка удивит тебя, но все-таки в силу нашей давней дружбы пишу тебе издалека. Я теперь в Тирасполе, в тюрьме... Скучаю по воле, но ничего не поделаешь. Со мной сидят пять девушек из нашей местности, трое из них — мои подруги...

Погода у нас хорошая. Цветут цветы. Вам на воле, конечно, лучше. А мы хоть позже, но тоже увидим эти цветы... Пройдем с ними в праздник Победы.

Прошу тебя, Женя, сообщи, находится ли во Врадиевке Комарницкий Саша, мне надо это знать...

С приветом, твоя подруга *Даша*.

19 июля 1943 г.»

«Здравствуй, уважаемый Саша!

От всей души передаю тебе привет... 7 августа я получила письмо, которого так давно ждала. Решила обратиться к тебе. Я думаю, что ты не откажешься и выполнишь все в свое время. Это касается твоей поездки в Тирасполь. Напиши мне,

сможешь ли ты это сделать... У нас тут вышла одна неприятность. И это пока приостановило работу...

Собрались в тюрьме хорошие девушки. Несмотря на запрещение, поем песни. Я никогда не думала, что так можно вести себя в тюрьме, но иначе и быть не может. Мы должны быть стойкими... Не думай, что мы теряем бодрость. Живем надеждами, что скоро будем свободны. Свобода — дороже всего.

Привет от подруг. Жму руки всем. До встречи.

14 августа 1943 г. *Даша*».

«Тирасполь, 15. IX — 43 г.

Здравствуй, уважаемый Александр! Передаю дружеский привет и желаю счастья в жизни. Открытку твою получила, за которую сердечно благодарю... Особенного в моей жизни ничего не произошло... Никаких изменений. Скоро немало людей возвратится домой. Меня же не отпустят... Здоровье мое плохое, острое заболевание бронхита. Необходимо хорошее питание и солнце. А этого нет... Но верю — придет время и будет много солнца. Привет от подруг... Привет всем. До скорой встречи. Твой друг Даша».

«Привет, Александр! Твою открытку получила, за что благодарна от всей души. Она подняла мое настроение, хотя я поняла, что и ты печалишься. Но поверь мне... не всегда будет такое положение, настанет время — и жизнь расцветет прежним цветком. Верь этому. Я сижу за решеткой, но все же живу надеждой, что буду дома. Если бы не эти мечты, не знаю, что было бы. Ты должен понять все это.

...Прошу узнать, кто остался у меня дома... Нас переводят на новую «квартиру» — пять человек. Это хуже...

Крепко жму руку.

Даша.

12 октября 1943 г.»

«27 октября.

Здравствуй, уважаемый Александр! Я — на старом месте. Недавно число заключенных в нашей камере увеличилось на одного.

Саша, я встретилась с девушками, с которыми была четыре месяца тому назад. Одна из них с еще большим тюремным стажем, чем я. Таких, как я, есть уже семь девушек. Многое я узнала здесь...

Не печалься, друже, скоро лучше будет, встретимся со

всеми, а там снова жизнь пойдет, как и была... Хорошие у меня здесь друзья, они такие стойкие, бодрые, это придает силы.

Желаю успеха в жизни.

Даша».

«С новым годом!

Открытку твою получила. Кое-кого освободили. Может, и я скоро буду дома! Здоровье мое неважное. Даже ухудшилось. Но я не могу лежать и хожу по камере... Думаю, что поборю все горе.

Желаю тебе счастья.

Даша.

6. I. 1944 г.»

«20. I. 44 г.

Здравствуй, уважаемый Саша!

Письмо получила, очень благодарна за него.

Александр, о встрече не приходится говорить. Не будем только думать о смерти, мы молоды и должны жить, преодолеть все невзгоды, трудности...

Жизнь проходит без изменений. Часто вспоминаю друзей... Мечтаю о будущей жизни. Так и проходят дни... Тут я многое поняла, перенесла много горя, побоев, страданий, но врагу не покорилась и не покорюсь никогда. Верь этому,— может быть, это мое к тебе последнее слово...

Даша».

* *
*

Семь маленьких писем, посланных Дашей Дьяченко из Тираспольской тюрьмы, проникнуты светлой верой в жизнь, в дружбу, в грядущую победу. И хотя в этих письмах многое недоговорено, сказано намеками, небольшие листочки все же донесли до нас живой голос юной героини из фашистского застенка, голос, полный мужества. Оставшиеся на свободе молодые подпольщики, в том числе и Саша Комарницкий, пытались вырвать Дашу и других боевых товарищей из заточения.

Рассчитывать на успех вооруженного нападения не приходилось. Тогда партизаны пошли по другому пути: им удалось подкупить одного из жандармов, а также нескольких часовых, служивших в охране Тираспольской тюрьмы. Для этой цели среди населения было собрано около шести тысяч немецких марок. Но этот план не удалось осуществить: в самый последний момент жандарм был заподозрен и расстрелян.

В казематах Тираспольской тюрьмы комсомольцы-искровцы, а в их числе и Даша Дьяченко, мужественно боролись с врагом. До последнего вздоха свято хранила она верность Родине. Она погибла, как солдат, в бою!

...Минули годы, десятилетия. В степях Украины, в долине реки Кодыма, там, где гремели выстрелы, еще ярче цветет жизнь. Давно заросли травой окопы, воронки от бомб и снарядов. Но жива память о юных бойцах «Партизанской искры». Народ слагает о них песни. Из уст в уста передаются сказания об их подвигах.

Славная семья юных героев-искровцев хорошо известна советскому народу. Особенно полюбилась всем Даша Дьяченко. Вступив в жизнь, она шла по ее дорогам твердо, бесстрашно, не сворачивая и не кланяясь пулям. Прожила она очень мало. Но ведь жизнь человека измеряется его делами. А они-то и украшают юную партизанку.

Имя Героя Советского Союза Дарьи Григорьевны Дьяченко золотыми буквами вписано в славную летопись борьбы за счастье людей.

А. КРЕМЕНСКОЙ

ОБ ОДНОМ БОЕВОМ ВЫЛЕТЕ

I

Еще накануне с моря подул ветер, к ночи он усилился.

Утро выдалось хмурое, холодное. Волны с нарастающим шумом катились к берегу и разбивались о камни. Белая пена взлетала вверх, хлопья ее оседали на темных мокрых камнях. Небо, как и море, было темное, бурное. Громадные, в свирепых черных вихрах тучи стремительно неслись на запад. Синоптики опасались шторма. Летчицы и штурманы ходили молчаливые, хмурые.

К вечеру ветер ослабел, но море волновалось по-прежнему. В сумерках грохот невидимых волн, казалось, стал еще громче. Однако командование женского авиационного полка вызвало летный состав на аэродром. Ветер был еще сильный, поэтому разрешение на вылет задерживалось.

Для Жени Жигуленко часы вынужденного бездействия всегда были особенно тягостными. В голове одна мысль: выпустят или не выпустят в полет? Ни о чем больше не думалось. Чтобы рассеяться, Женя, как в детстве, закрыла глаза, широко развела руки и быстро сблизила пальцы. Получилось — «не выпустят».

Жигуленко сердито взглянула на совсем уже темное небо и выбралась из кабины. Ждать дальше было невмоготу. Девушка легла под правой плоскостью своего ПО-2. Земля была каменистая, твердая. Кое-где торчала незнакомая трава — низенькая, с толстыми, полными соленого сока листочками. Кажется, они так и называются эти растения — солянки. Растут на морском берегу, пьют морскую воду. Да, это не то что густая трава широких северокавказских степей. Там, в маленьком

казачьем городке Тихорецке, до войны жила и училась дочь рабочего Женя Жигуленко.

ЖИГУЛЕНКО
Евгения Андреевна

Вспомнился день боевого крещения — первый день, когда Женя, школьница седьмого класса, почувствовала себя будущей летчицей. Правда, это боевое крещение было очень скромное: девочка впервые прыгнула с парашютной вышки, и хотя полет с заранее раскрытым парашютом очень мало похож на полет в самолете, а все-таки есть что-то общее,— ведь все летчики обязательно должны быть отличными парашютистами.

Первые прыжки, незабываемое ощущение полета, когда ты плавно паришь над землей, а вверху тихо покачивается огромный белоснежный купол,— никогда этого не забыть! Школьница Жигуленко твердо решила: буду летчицей!

Что для этого надо? Скорее окончить школу — вот что надо!

Женя окончила школу отлично. Как быть дальше? В Военно-воздушную академию женщин не принимают. А если попросить? Разве так уж много девушек хотят стать летчицами?

Женя пишет письмо в Наркомат обороны, пишет о своей любви к авиации, просит помочь. Вскоре был получен ответ. Волнуясь, Женя вскрыла конверт, пробежала глазами письмо: «Если вы имеете особое желание учиться в Военно-воздушной академии имени Жуковского, то надо сначала получить среднее авиационно-техническое образование, и тогда вопрос о принятии вас в академию будет рассмотрен».

Радость, какая радость! Ей открыт путь в авиацию.

И вот Женя уже в Москве, в Дирижаблестроительном институте. Как отличницу, ее принимают без экзаменов.

Началась учеба: лекции, лабораторные занятия, аэродром, полеты, прыжки уже не с вышки — с самолета.

Окончен второй курс, впереди каникулы, отдых. В воскресенье 22 июня 1941 года Женя с подругой, Катей Тимченко, собирались за город...

Началась война. Институт в полном составе отправился на оборонные работы. Вернувшись в Москву, Женя и Катя решили: уйдем на фронт. Но в военкомате ответили коротко:

— Продолжайте учебу. В армию женщин не берем.

— Почему? Мы же летчицы, учились в аэроклубе,— настаивали подруги.

Военком только развел руками.

Девушки отправились в Управление Военно-Воздушных Сил. Их принял пожилой полковник. Он сказал сочувственно:

— Могу помочь только советом: Марина Раскова формирует женскую авиационную часть. Постарайтесь увидеть ее. Она часто бывает у нас.

Подругам сопутствовала удача. Выйдя от полковника, девушки увидели быстро идущую по коридору молодую красивую женщину, давно знакомую по портретам. Она! Марина! Скорее, пока не ушла!

Услышав позади быстрые шаги, Раскова обернулась, с улыбкой взглянула на смущенных девушек:

— Вы ко мне?

Женя и Катя, перебивая друг друга, заговорили о своей просьбе.

Марина Михайловна, подробно расспросив девушек, сказала:

— Приходите завтра на сборный пункт с документами, с вещами.

Подруги не верили своим ушам:

— Как, значит, вы нас принимаете?

Раскова улыбнулась:

— Значит, принимаю.

Так началась служба Жени в боевой авиационной части, ставшей позже прославленным гвардейским бомбардировочным Таманским краснознаменным ордена Суворова авиационным полком...

II

По-осеннему быстро темнеет. Скоро ночь. Как медленно тянется время! От порывов ветра самолет сильно вздрагивает, словно ему тоже нетерпится поскорее оторваться от земли. В октябрьских сумерках Женя смутно различает только две

соседние машины — справа Веры Тихомировой, слева Надежды Поповой.

Кажется, ветер слабеет... Жигуленко снова разводит руки: полетим или не полетим? Пальцы сошлись! Полетим! И словно в подтверждение этого мотор самолета слева зарокотал. Качнув плоскостями, ПО-2 тихо тронулся с места.

Порядок! Жигуленко вскочила с земли, подбежала к кабине. Штурман Полина Ульянова сказала:

— Садись, Женя. Сейчас тронемся. Надя уже поднялась.

Полина вздохнула.

Жигуленко недовольно покосилась на нее.

— Опять переживаешь? В чем дело? Что случилось?

— А вдруг не найдем их аэродрома? Как с бомбами вернешься? Немцы теперь, сама знаешь, какие стали осторожные.

Жигуленко усмехнулась:

— Поневоле будешь осторожным, если тебя каждую ночь бомбят. И кто? Женщины!

Полина тихо засмеялась:

— Да уж, покоя не даем. А когда сюда перебазировались, помнишь, как опасались: справимся или нет?

Еще бы не помнить! В первые дни, когда они прилетели на Таманский полуостров, отдельная Приморская армия готовилась к участию в операции по освобождению Крыма. Женский авиационный полк ночных бомбардировщиков должен был поддерживать наземные войска.

Наш десант форсировал Керченский пролив. Советские войска, закрепившись на крошечном плацдарме, оказались в исключительно тяжелых условиях: враг беспрерывно атаковал десантников, стремясь сбросить их в море. Подвоз боеприпасов и продуктов был возможен лишь с воздуха. Эту задачу командование возложило на летчиц полка майора Бершанской, и они успешно ее выполняли.

— Женя, нам лететь!

Голос штурмана вывел Жигуленко из задумчивости. Минута — и она в кабине. Оружейники еще раз проверяют крепление бомб.

— Порядок?

— Порядок! Счастливого пути!

Жигуленко включила мотор. Самолет поднялся в темноте, лег на курс. Задача: отыскать вражеский аэродром и сбросить на него бомбы.

Евгения решила набрать высоту, чтобы рокот самолета не

был слышен с земли. ПО-2 уходил ввысь. Внизу, в непроглядной тьме, лежала захваченная врагом крымская земля.

Еще девочкой Женя часто рассматривала альбом с видами Крыма: золотой евпаторийский пляж, древние крепостные башни Балаклавы, памятники героям Севастополя... Теперь все, все это осквернено врагом.

Жигуленко глянула вниз. Тучи рассеялись.

— Полина, курс!

— Снижайся. Подходим к цели.

Самолет пошел вниз.

Теперь предстоит самое трудное: обнаружить аэродром. Фашисты притаились, чтобы не демаскировать себя. Отсюда каждый день поднимаются «юнкерсы», летят к нашему переднему краю, бомбят боевые порядки пехоты, огневые позиции артиллеристов.

Летчицы пристально вглядываются в темноту. Удастся или не удастся найти аэродром? От волнения трудно дышать. Кажется, они уже целый час планируют, а внизу по-прежнему сплошная тьма. Ничего не разберешь... Но вот слева мигнул и тут же погас потайной фонарик. Ага! Попались!

— Полина, видишь?

— Да. Вон еще один.

— Давай осветительную! Здесь аэродром!

Вниз полетела осветительная бомба, брызнула слепящим белым светом. Рядом — вторая.

— Молодец Тихомирова! Значит, летит следом за нами. Сейчас ударим напару.

На землю летят стокилограммовые бомбы. Первый взрыв осветил летную дорожку, выстроившиеся в ряд «юнкерсы». И сейчас же грохнул второй взрыв. Воздушная волна подбросила самолет вверх.

— Женька, попали! Ей-богу, попали! — радостно крикнула Ульянова.

— Вижу! — засмеялась Жигуленко.

А внизу уже бушевал пожар. Багровое дымное пламя ширилось, росло. Хорошо! Бомба попала в склад горючего. Вспыхнули сразу три прожектора. Белые широкие щупальца зашарили по небу. Не дожидаясь, пока будет обнаружен самолет, с земли ударили крупнокалиберные пулеметы. Коротко забухали зенитки.

— Женя, домой?

— Домой!

Но уйти было нелегко. Белый луч поймал ПО-2. Неудержимо потянуло взглянуть вниз. Но Жигуленко знала: смотреть надо только на приборы. Оторвешься от них — прожекторы ослепят, самолет потеряет управление.

А огонь с земли все усиливался. Сзади, совсем близко, разорвался зенитный снаряд. Разрыв впереди! Еще разрыв! Плохо дело! Могут подбить...

Стремясь вырваться из лучей прожекторов, Жигуленко маневрировала. Но лучи бледного мертвого света словно толстой решеткой перегородили все небо.

Жигуленко снижает самолет, поворачивая его к морю.

Прожекторы с аэродрома отстали, но сейчас же вспыхнули другие — с вражеских катеров. Загрохотали судовые зенитки, в небо потянулись прерывистые багровые цепочки трассирующих пуль.

Летчица резко снизилась на двести метров и вышла из освещенной зоны. Лучи прожекторов растерянно заметались, зашарили среди клубящихся туч. Но ПО-2 шел уже низко над морем.

Женя вздохнула, окликнула штурмана.

— Полина, жива?

— А как же! Домой, Женя?

— Домой!

— Одно плохо.— В переговорной трубке явно послышался глубокий вздох.

— Что, опять переживаешь?

— А как же! Подумай, сколько времени зря потеряли из-за проклятых прожекторов. А у нас еще три вылета. Когда-то успеем...

...Мы рассказали только об одном боевом вылете Героя Советского Союза гвардии майора Евгении Андреевны Жигуленко. За три года, проведенные на фронте, отважная летчица совершила девятьсот шестьдесят восемь боевых вылетов, сбрасывая бомбы на вражеские аэродромы, на склады с горючим и боеприпасами, на автоколонны и живую силу противника.

Так высокая белокурая девушка из Тихорецка стала прославленной героиней.

В. ХАЗАНСКИЙ

ВОЖАК ЮНЫХ ПОДПОЛЬЩИКОВ

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ВСТРЕЧА

Сразу, как только она сошла с трибуны, ее окружили плотным кольцом матросы-балтийцы. Каждый хотел поближе пробраться к этой удивительной женщине. Молодые восторженные военные моряки пытливо всматривались в ее мягкие, по-матерински нежные глаза, в лицо, где спряталась в уголках губ ласковая улыбка, и невольно поражались: неужели это она в грозную суровую годину войны проявила столь необыкновенное мужество духа, смогла создать и возглавить боевое комсомольское подполье?! Женщина не успевала отвечать на вопросы, сыпавшиеся со всех сторон.

И когда к ней сквозь плотное кольцо стал пробиваться невысокий седой мужчина в гражданском костюме, кругом зашумели.

— Не сердитесь,— успокаивал он особенно недовольных,— я старый знакомый Ефросиньи Савельевны.

Она внимательно всмотрелась в немолодое уже лицо незнакомца и сказала:

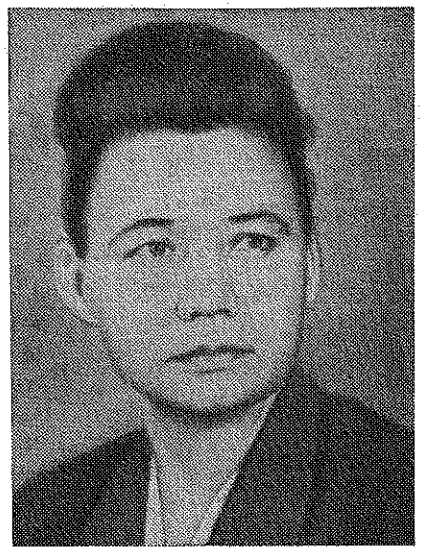
— Простите, но я вас, кажется, не знаю.

И действительно, сколько встреч, сколько знакомств было у нее в послевоенные годы! Ее часто приглашают на фабрики и заводы, в колхозы и совхозы. Она нередко бывает в гостях у пехотинцев и артиллеристов, у танкистов и летчиков. Вот и сейчас, после этой поездки к морякам, у нее опять появится много новых знакомых. Волнующие встречи не забываются. Да и память на лица у нее хорошая. Но этого мужчину она все же припомнить не может. Нет, гостья моряков его видит впервые.

— Мы друзья по войне,— улыбаясь, говорит незнакомец.

Она смущена еще больше: тех, с кем породнила война, забыть нельзя.

— Мы дружили заочно,— поясняет он,— дружили, хотя и не знали друг друга. А теперь, почти семнадцать лет спустя, вот встретились. Разрешите представиться: генерал-майор в отставке Васильев Василий Васильевич.



ЗЕНЬКОВА
Ефросинья Савельевна

Генерал-майор? Васильев? Нет, о таком человеке она никогда ничего не слыхала. Но, как только новый знакомый стал рассказывать о себе, исчезла растерянность, улыбкой озарилось ее лицо...

Генерал живет в этом небольшом городке. На вечер он пришел случайно. Вначале выступление гостьи моряков слушал рассеянно. Ее рассказ вызвал собственные воспоминания о войне. Вдруг до него донеслись слова, которые наполнили сердце волнением, он стал внимательно слушать.

А бывший вожак подпольщиков рассказывала, как наряду с организацией диверсий комсомольцы занимались сбором различных разведывательных данных, особенно следили за переброской фашистских военных грузов по железной и шоссейной дорогам. Однажды они заметили, что через их станцию в сторону фронта идут какие-то странные составы, доверху груженные тюками прессованного сена. Комсомольцы-подпольщики подожгли сено. И тут выяснилось, что под сеном фашисты перебрасывали к фронту танки. Эту весть юные подпольщики немедленно передали через своих связных партизанам. А те сообщили в штаб Советской Армии. Ночью над станциями, где сосредоточились эшелоны с танками, появились краснозвездные бомбардировщики. Они разбомбили несколько эшелонов, груженных «тиграми», «пантерами» и «фердинандами».

— Скажите, на какой станции действовали комсомольцы-подпольщики? — нетерпеливо спросил Василий Васильевич рядом сидевшего моряка.

— На станции Оболь, на Витебщине,— ответил сосед.

Оболь... Конечно, Оболь! Он хорошо помнит эту маленькую

белорусскую станцию. Однажды ночью он привел сюда свои бомбардировщики. Небо прорезали прожекторы, ударили зенитки. Но было уже поздно: самолеты прорвались. Вначале заставили умолкнуть зенитки, а затем стали обрабатывать эшелоны с танками.

— Ну так как же, включаете меня теперь в число своих старых друзей? — весело спросил генерал Ефросинью Савельевну после того, как рассказал один из своих боевых эпизодов.

— С большой радостью,— ответила с волнением Зенькова.— Как это хорошо, как это замечательно, что мы встретились!

РОЖДЕНИЕ ПОДПОЛЬЯ

Она успела сделать лишь первые шаги осмысленной жизни. Сельская школа, ФЗО швейников, витебская фабрика «Знамя индустриализации»... Всего год проработала Фруза Зенькова на швейной фабрике, и ее в числе лучших работниц дирекция направила учиться в швейно-текстильный техникум.

В день первого экзамена в техникуме на Витебск упали первые фашистские бомбы.

После неудачной попытки перейти через линию фронта Фруза вынуждена была вернуться к своим родителям в деревню Ушалы, Сиротинского района. Девушку удивила неестественная для тех дней, деревенская тишина. В ушах все еще звенели страшные взрывы, крики раненых, плач женщин и детей на дорогах, перед глазами стояли картины жутких разрушений, а тут, в Ушалах, с трех сторон окруженных густым сосновым лесом, было тихо и спокойно. Врагу, который рассчитывал на молниеносную победу и всеми силами рвался на восток, было не до этой маленькой деревни.

Тишина угнетала Фрузу. О чем думают, как собираются жить ее односельчане в фашистской кабале? Почему затаилась, притихла молодежь? Неужели склонила голову перед оккупантами? Тяжелые думы мучили девушку.

Тревожные вести приходили из Оболи, расположенной в пяти-шести километрах от Ушалов. Там, в станционном поселке, разместился фашистский гарнизон. Там оккупанты усиленно вводили свой «новый порядок»: за малейшее неповиновение расстреливали и вешали советских людей.

А вскоре и Ушалы перестали быть тихим островком. Неделю спустя после возвращения домой Фрузы утреннюю тишину деревни нарушил гул автомашин и мотоциклов. Сюда на добычу приехал из Оболи отряд фашистских солдат. Гитлеровцы врывались в дома, забирали хлеб, овощи, выгоняли из хлевов скот. Потом последовали новые грабительские набеги фашистов.

«Неужели мы будем спокойно смотреть, как безнаказанно хозяйничают враги? — Обида и гнев душили Фрузу.— Нет, так жить нельзя! Нужно бороться, мстить! Но как? Как и с чего начинать борьбу?».

* * *

Просторную комнату освещает небольшая керосиновая лампа, подвешенная к потолку. Бледные блики падают на лица парней и девушек, которые сидят на скамьях вдоль стен. У порога вспыхивают и гаснут огоньки самокруток.

Играет гармонь. Но никто не танцует. Некоторые о чем-то тихо разговаривают, другие задумчиво молчат. И все-таки молодежь не спешит расходиться. Да и сама хозяйка дома, Фруза Зенькова, старается, чтобы парни и девушки погостили подольше.

Была одна причина, которая заставила Фрузу пригласить молодежь. Брат Николай сказал ей однажды, что на вечеринку придет один человек, который может рассказать много интересных новостей.

Так действительно и произошло. Во время вечеринки Николай, который весь день где-то пропадал, вернулся домой не один. Вместе с ним пришел какой-то незнакомый.

Фруза, возможно, и не придала бы особого значения приходу нового человека, если бы не предупреждение Николая. Вскоре незнакомец попросил внимания. Все умолкли. А он вышел на середину хаты и стал рассказывать о разгроме гитлеровцев под Москвой. Парни и девушки слушали как зачарованные. Их лица сияли радостью...

В следующее воскресенье он появился вновь. Вечеринка шла как обычно, а Фруза и ее новый знакомый сидели в уголке и вели тихий разговор. Фруза поделилась с ним последней новостью. В соседней деревне гитлеровцы жестоко расправились с женщиной, которая спрятала раненого советского летчика. Не выдержав издевательств, женщина сказала, где он скрывается, и погубила и себя и летчика.

— А ты сумела бы выдержать? — спросил собеседник.

Фруза выпрямилась и тихо, но страстно и решительно ответила:

— Сумела бы!

Помолчали. Потом Фруза проговорила:

— Что же это будет дальше? Долго ли еще придеться терпеть?

— Не так долго, если мы не будем сидеть сложа руки. Многое зависит от нас самих.

Фруза больше не сомневалась в этом человеке. И он больше не таился перед нею. По его просьбе Фруза тихо передала самым надежным комсомольцам, чтобы они задержались после вечеринки. И он снова рассказал им о последних событиях на фронте, о героической борьбе Советской Армии, о развертывающейся партизанской войне. Перед уходом он попросил Фрузу выяснить думы и настроения жителей, узнать, кто пошел служить к фашистам.

— Это — поручение подпольного райкома партии,— сказал он, прощаясь.

Поручение райкома! Значит, райком партии существует, работает!

Подпольный Сиротинский райком партии с первых дней оккупации развернул кипучую деятельность. Находясь в Шашанских лесах, невдалеке от Оболи, райком партии через надежных и проверенных людей начал собирать силы на борьбу с врагом, развернул работу по созданию партизанского отряда и подпольных организаций. Одним из таких людей, которые действовали по заданию партии, был и тот, кто захаживал на вечеринки в Ушалы,— бывший ученик и секретарь комсомольской организации Обольской средней школы, потом студент института, а затем офицер Советской Армии коммунист Борис Кириллович Маркиянов.

* *
*

Зеленым ковром покрылась земля. Яркой листвой оделись деревья. Пришла весна второго года войны. В лес к партизанам ушел брат Фрузы Николай, ушли многие односельчане. Но тот, кто тайно приходил когда-то на вечеринки и от имени подпольного райкома партии давал поручения, приказывал ей пока что сидеть дома. Сам он редко теперь заглядывал в Ушалы. От него приходили посыльные к Фрузе и передавали ей, как и раньше, задания по сбору разных сведений.

Комсомолка аккуратно выполняла эти задания, хотя ей хотелось в отряд, хотелось участвовать в настоящих боевых делах. О своем желании она часто говорила связным.

Но место ее борьбы было уже определено райкомом партии и комиссаром партизанского отряда Маркияновым. Не напрасно он так долго проверял и испытывал на деле комсомолку.

Однажды поздней апрельской ночью Фруза проснулась от тихого настойчивого стука в окно. Это был условный стук связных, и девушка бросилась открывать двери. На этот раз на пороге стоял не связной, а сам Маркиянов.

— Наконец-то! — произнесла с облегчением Фруза.— Теперь я пойду в лес вместе с вами!

Маркиянов прошелся по комнате, немного помолчал, а потом твердо сказал:

— Нет, Фруза, не за тобой я пришел. И вообще в отряд ты не пойдешь. Ты нам нужна здесь.

И комиссар рассказал, что по решению райкома партии в районе Оболи должна быть создана подпольная комсомольская организация. Руководителем подпольщиков назначается она, Фруза Зенькова.

«Руководителем подпольщиков? Почему именно она? Справится ли?»

А комиссар, будто не замечая ее сомнений, продолжал. Он говорил о сложности и трудностях подпольной работы, требующей исключительной осторожности, выдержки, находчивости, смелости и мужества. Он рекомендовал Фрузе вначале присмотреться к молодежи, чтобы подобрать в организацию самых проверенных, самых надежных комсомольцев.

В Ушалах Фруза знала немало юношей и девушек, которым можно было доверять. Вот хотя бы ее подруга Валя Шашкова, надежная, решительная, непокорная. Но комиссар советовал привлечь в организацию молодежь и из других деревень — из Мостищ, Зуев и Оболи.

Фруза энергично взялась за дело. Многие юноши и девушки, которых она знала, ненавидят фашистов. Но кто из них способен к подпольной борьбе, к активным действиям, к жертвам?

Своими думами и сомнениями Фруза поделилась со своей верной подругой Марией Дементьевой, бывшей ученицей Обольской средней школы. Эту невысокую, полную, очень подвижную и веселую девушку, запевалу школьного хора, прозвали Колобком. Там, где появлялся Колобок, всегда было весело, слышался смех, шутки. Так было когда-то. С первых дней войны Мария притихла. Начала избегать друзей, редко выходила из дому.

— Что заскучала? — спросила ее однажды Фруза.

— А чему радоваться?

— Ну, хотя бы весне.

— Теперь и весна не для нас,— отвечала Мария.

А когда Фруза рассказала ей о планах создания подпольной комсомольской организации, лицо девушки озарилось радостью, живыми огоньками заблестели глаза.

— Кого ты порекомендовала бы в организацию? — спросила Фруза.

— У! Сколько хочешь! — с искренней непосредственностью ответила Мария.

— Но ведь не все даже самые хорошие и честные люди смогут работать в подполье.

— А вот Володя Езовитов определенно может работать,— горячо сказала Мария.— Это такой парень! Если бы ты только знала... Умный, выдержанный, честный.

Решили, что Мария должна встретиться и поговорить с ним, узнать его настроение.

Апрельским вечером Мария Дементьева привела Володю к Ушальскому маяку (так называли обыкновенную тридцатиметровую топографическую вышку). В кустах возле маяка, который находился примерно в пяти километрах от Оболи, и проводились в дальнейшем сборы комсомольцев.

Разговор с Езовитовым был недолгим. Фруза рассказала ему о целях и задачах организации, о ближайших планах.

Через несколько дней возле маяка собрались вновь. На этот раз вчетвером. По рекомендации Володи принимали в члены организации его родственника — Илью Езовитова, коренастого, круглолицего юношу, который перед войной кончил девятый класс. Он сообщил, что прячет на чердаке две винтовки и теперь передает их для общего дела.

Вскоре в организацию были приняты и другие молодые патриоты. Это вчерашние школьники Мария Лузгина, Женя Езовитов, Зина Лузгина, Валя Шашкова, Аркадий Барбашов, Федя Слышанков, Нина Азолина, Мария и Димитрий Хребтенко, Зина Портнова, медсестра Надя Дементьева, учительница Нина Давыдова, стрелочник Николай Алексеев, бывшая работница фабрики «КИМ» Тоня Лузгина. Всех их объединяло теперь единство цели.

Фруза тщательно присматривалась к каждому, прежде чем принять в семью подпольщиков. Так, не сразу она решилась принять бывшую ученицу восьмого класса Обольской средней школы Нину Азолину.

Как-то, встретившись с Зеньковой, связной райкома партии Иван Яблоков похвалил девушку за осторожность и хорошую конспирацию, за умелое выполнение первых поручений и спросил ее:

— А почему вы не вовлечете в организацию Нину Азолину?

— Нину! — удивилась Фруза.— Так она же работает в немецкой комендатуре!

— А если она пошла туда не сама, а по чьему-нибудь совету? — Чуть прижмуренные глаза смотрели на нее весело, с хитринкой.

— Так это вы ее послали?..

— Вот что, Фруза,— сказал Яблоков,— каждому из вас надо будет куда-нибудь устроиться работать, чтобы не вызывать подозрения у фашистов и иметь возможность всюду проникать.

Это указание райкома подпольщики постарались выполнить. Володя Езовитов пошел работать на кирпичный завод, Мария Лузгина — на торфозавод. На льнозавод поступила Зина Лузгина. Нина Давыдова и Зина Портнова устроились официантками в немецкой офицерской столовой. Сама Фруза Зенькова оформилась помощником счетовода сельскохозяйственной общины.

Поздним июньским вечером Фруза собрала возле маяка своих товарищей по борьбе и осторожно провела в чащу леса для встречи с комиссаром. Б. К. Маркиянов принес юным подпольщикам первые мины и немного тола.

— Действуйте наверняка,— сказал комиссар,— ибо «афишки» эти дорогие, их доставляют нам из-за линии фронта.

Какой радостью и гордостью зажглись глаза комсомольцев, когда комиссар сообщил им, что всех их зачисляют в списки партизанского отряда и сегодня они примут клятву белорусского партизана!

Маркиянов торжественно зачитывал текст присяги, а следом за ним комсомольцы с вдохновением повторяли волнующие слова клятвы верности Родине. Организацию решили назвать «Юные мстители». Избрали руководящий комитет во главе с Фрузой Зеньковой.

ЮНЫЕ МСТИТЕЛИ ДЕЙСТВУЮТ

Темная августовская ночь. За печью затянул свою однообразную песню сверчок. Фрузе не спится. Ну и денек был сегодня!

Утром, достав молока у соседки (у Зеньковых своей коровы не было: забрали немцы), Фруза с бидончиком пошла в Зуи. У самой деревни, когда до дома Владимира Езовитова, куда она несла бидончик, осталось метров тридцать, ее окликнули:

— Эй, что несешь? Иди сюда!

Тревожно сжалось сердце девушки, когда она увидела пьяного рыжего полицая Трофимова и его брата, которые прослыли на всю округу как самые бесстыдные мародеры.

— Разве не видите? — сказала Фруза.— Несу молоко.

— Давай! — Рыжий бесцеремонно начал вырывать бидончик из рук девушки.

«Неужели попалась? — Фруза оглянулась вокруг, сзади приближался немецкий офицер.— Что делать?»

И вдруг возникла дерзкая мысль. Фруза что есть силы закричала:

— Господин офицер! Спасите, грабят! Я несу молоко немецким солдатам, а вот они отбирают.

Офицер приподнял крышку, заглянул в бидончик и сказал:

— О-о, мильх, немецкий зольдат. Зер гут,— и, повернувшись к полицаям, крикнул: — Пшел вон!

Если бы знал немецкий офицер, что несла девушка. На дне бидончика с молоком лежали три небольшие мины замедленного действия.

...Воспоминания о недавно пережитом прервал осторожный стук в окно. Фруза насторожилась. Стук повторился. Что случилось? В том, что это пришел связной партизан, Фруза не сомневалась. Но почему домой? В последнее время с целью предосторожности все задания оставлялись под валуном, возле маяка, который комсомольцы прозвали «партизанским дубком». Значит, что-то важное.

Внимательно слушает она короткий и четкий приказ. И с каждым словом связного Фрузу охватывает все большее волнение. Наконец-то! Как долго и как нетерпеливо она и ее товарищи ждали этого дня! Все давно стремились к действиям, к боевым делам. У них уже были мины, тол, оружие. И вот приказ: им поручают на шоссе Витебск — Полоцк уничтожить мост.

— Партизанам стало известно, что этими днями по шоссе пройдут колонны автомашин с важным военным грузом,— собрав возле маяка членов комитета, сообщила Фруза.— Мы должны задержать немецкий транспорт. А когда у взорванного и сожженного моста соберется много машин, ударят партизаны. Действовать надо осторожно, чтобы не выдать себя и не провалить весь план. Это же наше первое боевое задание.

Вечером, когда стемнело, пятеро комсомольцев собрались в кустарнике недалеко от деревни Зуи.

— Пошли. Пробираться будем друг за другом, на небольшом расстоянии.

Первым на знакомую тропу вышел Володя Езовитов. Прошел несколько метров, осмотрелся, прислушался. Вокруг тишина. Наполовину прикрытая тучей, едва серебрила полевую дорогу луна.

За Володей шли Женя и Илья Езовитовы, Федя Слышанков. Замыкала шествие Фруза. Комсомольцы обошли болота, пригнувшись, пошли по топкому лугу. Вот и Ловжанский ров. Еще несколько десятков шагов — и смельчаки у реки. Над головой огромной крышей чернел настил моста. Мост охранялся. Действовать надо было очень осторожно и смело.

Володя и Федя тихо пробрались под мост, облили керосином несколько бревен, заложили мину замедленного действия. Почти одновременно вспыхнули два огонька, которые через мгновение разрослись в багровое пламя.

Комсомольцы бегут через ров, переходят вброд речку и останавливаются только в кустарнике возле Зуев. Здесь они чувствуют себя в безопасности.

— Горит! — любуется огромным пламенем Володя.

Затаив дыхание, все молча следят за пылающим мостом. И вот взрыв. Мост рухнул. Фруза всматривается в лица друзей, но в темноте они кажутся одинаковыми. Девушке хочется узнать, о чем думают комсомольцы теперь, после своей первой диверсии.

— А все же жаль,— неожиданно, будто рассуждая вслух, говорит Федя.— Красивый был мост! Строили всей деревней...

— Ну и ошалеют же фашисты! — воскликнул Женя.

Фашисты действительно ошалели от неожиданного удара. По приказу коменданта к месту пожара и взрыва была послана специальная команда. Но спасти мост уже было нельзя. Ничего не дали и поиски диверсантов.

Так начались будни комсомольского подполья, полные борьбы, риска, дерзости.

Как-то Нина Азолина, работавшая в комендатуре, сообщила, что из Витебска приехал какой-то важный чиновник, зондерфюрер Карл Борман, который интересуется действиями партизан.

— Завтра он возвращается назад,— сказала Нина.

— Видимо, готовится карательная экспедиция,— мелькнула догадка у Фрузы.

— Может, он, этот зондер, что-нибудь важное везет. Нельзя ему дать вернуться,— сказал Вододя Езовитов.

Он вопросительно посмотрел на Фрузу. А она несколько минут молчала, раздумывая над Володиным предложением, потом, раздельно произнося слова, проговорила:

— Хорошо. Действуй! Только будь осторожен.

Ночью Володя незаметно пробрался через окно в сарай, где стояла автомашина приезжего фашиста, подложил мину замедленного действия под сиденье. И утром, едва только блестящий «оппель-капитан» выехал за Оболь, машина вместе с зондерфюрером и тремя офицерами, которые его сопровождали, была разнесена взрывом мины.

Комсомольцы заметили, что все воинские эшелоны подолгу стояли на станции Оболь. Здесь заправляли паровозы водой. Это было не случайно: на перегоне Полоцк — Витебск партизаны уничтожили все водокачки. Обольская была единственная уцелевшая. Сообщили об этом в партизанский отряд и получили приказ: уничтожить водокачку!

В отряде изготовили специальную толовую шашку в виде куска антрацита и переправили ее Фрузе.

Кому же поручить эту операцию? Ведь пробраться к водокачке нелегко. Она охранялась днем и ночью.

Фруза собрала товарищей, чтобы посоветоваться с ними, вместе продумать план диверсии.

— Я возьмусь,— после недолгого размышления сказала Нина Азолина,— мне это удастся сделать легче, чем кому-нибудь другому.

— Правильно,— одобрила Фруза.— Как-никак Нина работает в комендатуре, ее знает охрана.

На следующий день, размахивая кожаной сумочкой, Нина отправилась вместе с помощником коменданта лейтенантом Миллером замерять запасы угля у водокачки и, выбрав удачный момент, бросила толовую шашку в груду угля.

Через два дня водокачка взлетела на воздух. Целую неделю, пока устанавливали временный насос, паровозы заправляли водой ведрами. Много эшелонов, спешащих к фронту, надолго застряло на станции.

Однажды комиссар отряда предупредил Фрузу о своем приходе и приказал в определенное время собрать комитет. Комсомольцы поняли, что на этот раз их ждет какое-то важное задание. И они не ошиблись.

— Как вы думаете,— начал Маркиянов,— какие предприятия Оболи работают на врага?

— Льнозавод, кирпичный! — раздались голоса.

— Правильно. На Обольский льнозавод поступает лен не только из Витебщины, но и из Смоленщины. А что такое лен? Это же стратегическое сырье. А знаете, куда идет кирпич? На строительство укреплений! Вы раньше били по военным целям,— говорил комиссар,— а теперь придется ударить и по этим, будто бы мирным объектам. Уничтожить нужно и электростанцию, которая обеспечивает энергией гарнизон, железнодорожный узел, а также вывести из строя технику торфозавода. По-моему, ударить лучше всего одновременно.

Предложение комиссара зажгло подпольщиков. Тщательно и детально продумали они план каждой операции.

Наступило 3 августа 1943 года. В шесть часов вечера окрестности Оболи потряс сильный взрыв. Это Зина Лузгина вывела из строя льнозавод и электростанцию. Заметались в панике фашисты, пытаясь найти следы диверсантов. Но едва они пришли в себя, как грянул второй взрыв. Это сработала мина, заложенная Ильей Езовитовым в машинном отделении кирпичного завода...

Проходили дни, и все новые и новые подвиги совершали юные мстители.

Николай Алексеев, работавший смазчиком, пробрался к эшелону с авиабомбами и подложил несколько мин. Рядом стояли два эшелона с боеприпасами. Огромной силы взрывы и пожар уничтожили все стоявшие на путях составы.

К станционным складам, где хранился приготовленный для отправки в Германию лен, незаметно подкрались тот же Николай Алексеев и Федор Слышанков и подожгли их. Пожар уничтожил две тысячи тонн льна.

А какой дерзкой и ошеломляющей была операция, которую совершили Володя и Женя Езовитовы, Федя Слышанков и Николай Алексеев. Они неторопливо ехали на велосипедах по шоссе. Вдруг останавливались, вроде у одного из них поломалась машина. На самом же деле днем, на глазах у немцев они минировали шоссе. На этих минах подорвались десятки фашистских автомашин.

Двадцать одну крупную диверсию совершили юные подпольщики. И каждая из них наполняла сердце Фрузы Зенковой необыкновенной гордостью. Это ее друзья, ее товарищи по борьбе вносят свой вклад в дело разгрома коварного и жестокого врага.

БЕССМЕРТНЫЕ

Накануне рокового дня друзья проводили Фрузу на отдаленный разъезд Глушанино. Здесь она раздобыла за курицу и десяток яиц пропуск для проезда в Полоцк и устроилась на попутной машине.

— Смотри гостинцы не растеряй,— напутствовал Фрузу Володя Езовитов.

«Гостинцы» — это мины и тол, которые возила комсомолка по заданию подпольного райкома партии для диверсий на железной дороге.

— Не растеряю.— Фруза бросила быстрый взгляд на сумку, где лежало несколько буханок хлеба деревенской выпечки. В буханках, внутри, вместо мякиша, умело запрятана взрывчатка.

— Счастливого пути,— машет рукой Зина Лузгина.

— До скорой встречи, друзья,— прощается Фруза,— ждите меня завтра к обеду.

Но ни Фруза, ни Зина, ни Володя, никто из товарищей не мог предположить, что прощаются они навсегда.

Во второй половине дня 28 августа 1943 года отряды гитлеровцев окружили Оболь, Зуи, Мостище и Ушалы. Имея адреса подпольщиков, фашисты врывались в дома и производили аресты. Как выяснилось позже, подполье выдал Михаил Гречухин, бывший одноклассник Владимира Езовитова. Ловко маскируясь, он выдавал себя за страстного антифашиста и выведал некоторые тайны подпольной комсомольской организации.

Случайно избежал ареста только Аркадий Барбашев, живший в отдаленной деревне Ферма, которого не знал Гречухин.

Вечером 28 августа Аркадию удалось подслушать бахвальство полицая:

— Забрали всех, только атаманшу не застали дома. Завтра поедем за ней вновь. Она от нас не убежит.

Фруза не арестована! Но где она? Может, ее кто-нибудь предупредил? Аркадий вспомнил о частых выездах вожака юных подпольщиков по заданиям райкома. Может, и на этот раз она в отъезде. Но куда она уехала? И как ее предупредить об опасности?

Аркадий решил дежурить на шоссе и следить за всеми машинами. И вот на одной из грузовых машин, которая шла со стороны Полоцка, он увидел Фрузу. Она улыбалась ему, помахала рукой. Значит, Фруза ничего не знала об арестах. Машина остановилась. Некоторые женщины сошли. Аркадий подбежал к грузовику и от волнения едва произнес всего одно слово: «Слезай!» Почувствовав что-то неладное, Фруза оставила машину.

Рассказав обо всем, что произошло, Аркадий посоветовал:

— Нужно немедленно пробираться к партизанам.

Но Фруза, обеспокоенная судьбой товарищей и родителей, решила побывать в родной деревне и там подробнее обо всем узнать. Однако ее вовремя заметил издали отец и предупредил об опасности. Деревня окружена немцами. Вместе с отцом они дождались в лесу связных от партизан и ушли в отряд.

В дружной партизанской семье Фруза встретила многих своих друзей по комсомольскому подполью. Здесь был Аркадий Барбашев.

Сюда немного раньше, во избежание ареста, были переправлены Зина Портнова вместе с сестричкой Галочкой, сестры Мария и Надя Дементьевы, Валя Шашкова, Илья Езовитов.

Фруза и ее друзья, ставшие бойцами отряда, беспокоились о товарищах, попавших в фашистский застенок. Как они там, что с ними?

Вести приходили тревожные. Комсомольцев жестоко мучили и истязали. Но какое бесстрашие, какую силу духа они проявили!

Володя презрительно плюнул в лицо следователю. Нина в ответ на требование фашистского палача рассказать «всю правду» запела песню об Орленке. Эту песню дружно подхватили товарищи. С песней шли они и на расстрел. Мужественно, с верой в победу встретили смерть. Вместе с ними с гордо поднятой головой, восхищаясь подвигом детей, погибла и мать Фрузы — Марфа Александровна, арестованная фашистами как заложница. В памяти народа они остались бессмертными.

За гибель боевых друзей Фруза и ее товарищи по подполью, находясь в рядах партизан, жестоко мстили врагу. Они участвовали в разгроме вражеских гарнизонов, пускали под откос фашистские эшелоны, сжигали склады с продовольствием и боеприпасами. Смелые и бесстрашные, они до конца остались верными своей комсомольской клятве.

* *
*

На квартиру к Ефросинье Савельевне Зеньковой мы пришли вечером, когда над городом спустились сумерки. В полумраке большой комнаты мягкий оранжевый свет электрической лампы заливал небольшой столик. На нем несколько густо исписанных листков. Рядом авторучка.

Нетрудно было догадаться, что мы оторвали хозяйку от писем. Мы знаем, что у Ефросиньи Савельевны много корреспондентов, что она отвечает каждому, кто обращается к ней с

вопросом или шлет добрые пожелания. Интересно, кому же такое большое письмо пишется сегодня?

— Илюше Езовитову,— с нежностью говорит о своем старом друге по подполью Ефросинья Савельевна.— Хочу поругать его. Такой способный, а вот идти учиться дальше все никак не решается.

Ей уже под сорок, а она еще чувствует себя комсомольским вожаком, обязанным вести и наставлять товарищей.

Немного осталось в живых бывших подпольщиков Оболи. В Минске на железной дороге трудится Илья Езовитов. В Обольской средней школе заведует столярной мастерской Аркадий Барбашев. Сама Фруза Зенькова живет в Витебске, работает в горвоенкомате. Но старая, горячая дружба, выросшая и окрепшая в огне борьбы, не утеряна, хотя и встречаются они редко.

За последние годы они встретились дважды, и оба раза не без причины. В первый раз их собрали вместе, чтобы вручить за мужество и героизм, проявленные в борьбе с фашистскими захватчиками, высокие правительственные награды. Грудь бывшего вожака обольских юных подпольщиков украсила золотая звезда Героя Советского Союза.

Второй раз они встретились на заседании Витебского областного суда по делу предателя Михаила Гречухина. Как ни прятался, как ни скрывался этот выродок, его нашли и разоблачили. За свое предательство он понес суровое наказание.

...Наше внимание привлекла большая фотокарточка в рамке.

— Это тоже ваши товарищи-подпольщики? — спрашиваем мы Ефросинью Савельевну.

— Это моя послевоенная семья,— говорит хозяйка.

И это правда. Мария, Рая, Николай — дети дяди, Родиона Зенькова, убитого немцами,— пришли в дом к Ефросинье Савельевне совсем малышами. А она помогла им окончить школу ФЗО и ремесленное училище. Приобрести профессии.

А рядом с ними — невысокая белокурая девушка. Очень напоминает она Марию Дементьеву. Это и есть ее младшая сестра, Валя. После гибели в партизанском отряде Марии и Нади Дементьевых и их матери, Анны Андреевны, Фруза брала на некоторое время маленькую Валю к себе.

У настоящего бойца, который борется за великое и правое дело, не только твердая воля, мужество и отвага, но и большое и доброе сердце. У бесстрашного вожака обольских подпольщиков сердце отзывчивое, доброе и благородное.

Е. МИГУНОВА

ПО ВЕЛЕНИЮ ДОЛГА

Чем дальше уходят дни Великой Отечественной войны, тем ярче встают образы людей, с которыми мне пришлось пройти суровый солдатский путь, такой необычный и несвойственный для женщин...

Рассказать о Герое Советского Союза Антонине Леонтьевне Зубковой коротко очень трудно. Жизнь этой замечательной женщины на протяжении трех лет Великой Отечественной войны была настоящим подвигом.

* * *

Маленького роста, худенькая, с ясными серыми глазами, высоким чистым лбом и мягкими волнистыми светлыми волосами — такой была Тоня Зубкова, простая рязанская девушка из села Семион.

Еще в Кораблиновской средней школе, где училась Тоня, проявились ее способности к математике. Любила она и литературу, но все же математика взяла верх, и Тоня, отлично закончив школу, без экзаменов была принята на механико-математический факультет МГУ.

Зубкова сдавала экзамены за третий курс, когда началась война. Тоня была потрясена случившимся, но ни на минуту не сомневалась, что враг получит немедленное и заслуженное возмездие. Однако события развивались все тревожнее и тревожнее. Враг оказался не только коварным, но и сильным.

«В университете сразу почувствовался холодок к учебе. Решать интегралы, читать Эйлера и Коши в сравнении с тем, что внезапно обрушилось на страну, казалось каким-то ненужным и бессмысленным»,— вспоминала потом Зубкова.

Студенты уходили в армию, и на факультетах оставались почти одни девушки.

Все чаще и чаще Тоня задумывалась над тем, где ей найти свое место в этой борьбе, где можно принести больше пользы Родине в этот грозный час. И все чаще и чаще останавливалась на одном решении: на фронт! Надо идти на фронт!

Но это была лишь мечта, а пока вместе со своими университетскими подругами Тоня включилась в активную работу по сооружению оборонительных укреплений на подступах к Москве. Во время ночных налетов врага она дежурила на крышах и сбрасывала на землю зажигательные бомбы. Порою было очень трудно, не хватало физических сил, но Тоня мужественно преодолевала минутные слабости. Ведь другим было тоже нелегко, ведь они тоже устали, но держатся, значит, нужно держаться и ей, Тоне Зубковой. Товарищи по работе относились к ней с уважением, видя, с какой настойчивостью и упорством работает эта маленькая девушка.

Работая, Тоня не оставляла своей мечты попасть на фронт и стать настоящим бойцом, с оружием в руках защищать Отчизну. И в то же время она думала:

«А куда пойдешь?! Ведь в руках нет никакой военной специальности».

Да и выглядела она, Тоня, далеко не солидно. Вся ее хрупкая фигурка, ее застенчивость не внушали доверия.

К счастью для Тони, не казенными мерками измерялся патриотизм людей в те дни.

12 октября 1941 года. Солнечный осенний день, ласковый и немного грустный. В этот день комсомольцы и комсомолки университета, в том числе и Тоня, строили оборонительные сооружения у станции Кунцево. В один из перерывов девушки узнали, что 8 октября ЦК ВЛКСМ объявил набор комсомолок-добровольцев в армию. Желающих оказалось много. Среди них была, конечно, и Тоня Зубкова. Сразу же шумной гурьбой все отправились в ЦК ВЛКСМ. Несмотря на серьезные предупреждения о трудностях военной службы, девушки были непреклонны в своем горячем порыве защищать Родину. Правда, Тоня побаивалась, что ее могли не взять в армию просто потому, что она была очень мала ростом. Но ее взяли и направили в распоряжение Героя Советского Союза Марины Расковой, возглавлявшей формирование трех женских авиационных полков.

Так по случайному совпадению день 12 октября 1941 года для Тони Зубковой был вдвойне знаменательным: в этот день

ей исполнился двадцать один год и осуществилась ее мечта — она становилась военной.

Военной!..

Все это так не вязалось с ее удивительно женственной внешностью, мягким характером, с тем, к чему она готовила себя в университете.

ЗУБКОВА
Антонина Леонтьевна

В первой же беседе с Тоней Марина Михайловна увидела перед собой не только умную девушку, хорошо знающую математику, физику и другие науки, необходимые штурману, но и способную быть твердой, решительной и самоотверженной, если этого потребует обстановка. Эта беседа предрешила судьбу Тони Зубковой и дала ей путевку в штурманы боевой авиации.

Много труда и упорства приложила Тоня, чтобы оправдать оказанное ей доверие. «Никогда еще, даже в дни экзаменов, не занималась я с такой жадностью и вдохновением»,— писала тогда Зубкова.

В авиагруппе Марины Расковой летчики и авиаспециалисты занимались по двенадцать часов в день, а будущим штурманам к этим часам пришлось прибавить еще один час для овладения азбукой Морзе. Азбуку Морзе выстукивали везде: в коридоре, на стене, на столах... «Летчики уже готовились ко сну, а в штурманской комнате неизменно пищал зуммер, соперничая с поломанным патефоном, тянувшим «Потерял я Эвридику, Эвридики нет со мной»»,— вспоминала Зубкова.

До прихода в авиагруппу Тоня никогда не летала на самолете. Она даже не могла себе представить, как выглядит земля с воздуха. И вот начались полеты. С нетерпением, с замиранием сердца ждала Тоня своей очереди для первого полета «по кругу». И этот день настал. Ей хотелось увидеть как можно больше и все запомнить. О своем первом полете Тоня рассказывала:

«Я почувствовала, что отрываюсь от земли, как будто меня подбрасывают на качелях высоко-высоко, а сердце куда-то падает и сладко замирает. Никогда до этого момента, ни после, ни в одном бою я не испытала более сильного ощущения».

К своему первому полету по маршруту Тоня готовилась очень серьезно. Хорошо изучила район. Но в полете случилось досадное происшествие. Через тридцать минут после взлета отказал мотор, и летчик произвел вынужденную посадку вблизи одного села. Вокруг было снежное поле и овраги, солнце уже заходило. Оставив безоружную Тоню «охранять» самолет, летчик ушел в сельсовет, чтобы оттуда сообщить о случившемся.

«Надвигалась ночь,— писала об этом происшествии Зубкова,— ноги и руки у меня совсем замерзли. Любопытные мальчишки, «атаковавшие» ранее самолет, разбежались по домам. Вдруг подходит какой-то мужчина и приглашает меня пить чай. Увидев мой недоверчивый взгляд, он ушел, а через несколько минут пришла миловидная женщина (его жена), повторила приглашение и приютила меня у себя на ночь. До сих пор храню, как реликвию, фотографию их детишек, которую они подарили мне за хорошие сказки...»

Хорошие сказки... Кроме сказок были у Тони Зубковой и стихи, она их очень любила и сама писала. Готовя себя к тяжелым боевым испытаниям, к суровой солдатской жизни, наша славная Тоня всегда оставалась лиричной, мягкой, доброй и внимательной. Она любила людей, и они платили ей тем же, ласково называя «наш маленький Зубок».

А учеба все шла. Целыми днями шуршало полотно тренажера, а штурманы по очереди «бомбили» с импровизированного «самолета-стола». Бомбила с этого «самолета» и Тоня. Училась бомбить она и с настоящего самолета учебными бомбами. И, когда благодаря упорному труду и настойчивости добилась того, что бомбы стали попадать «в круг», преподаватель пожал ее маленькую, но такую крепкую, верную руку и сказал: «Вот так вы должны бомбить врага».

Учеба закончилась в декабре 1942 года, и с Энгельсского аэродрома поднялись в воздух пикирующие бомбардировщики, пилотируемые девушками. На одном из этих самолетов ПЕ-2 находилась и штурман звена Антонина Леонтьевна Зубкова.

* * *

Тоня была на подмосковном аэродроме «Киржач» и здесь 6 января 1943 года узнала о гибели Марины Михайловны Расковой. Глубоко переживая гибель любимого командира и наставника, Тоня выразила свое настроение в следующих строках:

Хотелось бы вычеркнуть этот день,
Который столько горя принес.
Родина! Траур сегодня одень.
Сердце! Гневом гори без слез.
Можно потерять мать, друзей.
Тяжело, если гибнет в бою подруга,
Но верьте, товарищи, много больней
Потерять командира, героя, друга.
Боец-патриот, скромна и проста,
Всегда впереди, презирая усталость...
Но жизнь ее, яркая, как мечта,
Светлая, как кристалл, оборвалась.
Она любила небо, простор,
А больше всего — родную страну.
Спите спокойно, любимый друг,
За смерть отомстим мы врагу.

...Весна 1943 года. Кубанские широкие степи. Станицы, утопающие в цветущих садах. Щедро греет солнышко. На аэродроме, покрытом изумрудной травой, у самолетов озабоченно возятся девушки-техники. Они чистят оружие, проверяют моторы, бомбардировочную аппаратуру, фотоаппараты, связь. Летчики и штурманы уточняют цели, маршруты.

Обстановка на участке предстоящих боевых действий очень напряженная. На всем фронте противник перешел к упорной обороне, его авиация и зенитная артиллерия действуют активно. Не хочет уходить враг с нашей земли и зло огрызается.

27 апреля полк получил первое боевое крещение на этом фронте.

Все испытывают большое напряжение. Тоня особенно молчалива и сосредоточенна. Сегодня по-настоящему для всех большой экзамен.

Первый вылет проходит довольно спокойно. Зенитная артиллерия противника бьет то ниже, то выше, и только отдельные снаряды рвутся внутри боевого порядка самолетов, не причиняя существенных повреждений. После посадки на своем аэродроме Тоня беседует с товарищами, делится своими впечатлениями. Оказывается, что почти никто не может толком рассказать, как выглядит цель, откуда бьет артиллерия противника. И Зубкова

делает для себя твердый вывод: нужно быть спокойнее в воздухе, научиться распределять свое внимание в бою и уметь вовремя сосредоточиться на главном. Этому нужно было научиться самой и научить подчиненных ей штурманов, за которых теперь она отвечала как старшая.

И опять началась кропотливая, напряженная работа. Тоня упорно училась штурманскому искусству: уметь в любых условиях определять местонахождение своего самолета, всегда быть осмотрительной, наблюдать, насколько прицельно ведут огонь вражеские зенитчики, как штурману звена — знать, где в тот или иной момент находятся ведомые и т. д.

...Вот и боевой курс. Впереди цель бомбового удара. Истребители противника наглеют. Зенитный огонь становится все интенсивнее и прицельнее. А ведь впереди у штурмана самая напряженная и ответственная работа: он должен в несколько минут, оставшихся до цели, определить угол сноса самолета по ветру, путевую скорость, угол прицеливания. Полученные данные нужно быстро учесть, установить их на приборах, развернуть прицел, найти в его оптике цель и, не спуская с нее глаз, подавая команды летчику, спокойно провести самолет над целью так, чтобы она прошла по курсовой черте прицела, и уж тогда сбросить бомбы и зафиксировать результаты своей работы.

Пусть в это время вокруг самолета бушует море огня, пусть в наушники шлемофона слышится взволнованный доклад стрелка-радиста, что в воздухе появились истребители противника,— штурман и летчик должны, несмотря ни на что, упорно вести самолет на цель, чтобы выполнить боевую задачу, нанести врагу меткий бомбовый удар. Тоня Зубкова действовала так не один и не два раза в жизни, а в каждом боевом вылете. Именно в этом и состоял ее подвиг.

* *
*

С Кубани 125-й гвардейский бомбардировочный полк, в котором служила Тоня Зубкова, перелетел на Западный фронт и в дальнейшем вел боевую работу в Белоруссии, Прибалтике и Восточной Пруссии. К началу решительного наступления наших войск в Белоруссии Зубкова была уже штурманом эскадрильи. Не раз доверяли ей вместе с ее боевым другом — командиром эскадрильи Надеждой Федутенко водить в бой не только свою эскадрилью, но и полк.

Так, 26 июня 1944 года полк получил задание: уничтожить вражеские эшелоны с боеприпасами на станции Орша. Повести

полк в бой поручили коммунистам Надежде Федутенко и Антонине Зубковой.

Предполагалось, что удар будет нанесен с высоты четыре тысячи метров. Погода с утра этому благоприятствовала, но во время полета к цели Тоня подумала, что высоту, наверное, придется изменить, так как впереди по маршруту совсем низко белыми клочьями плыли редкие облака. Дальше облачность увеличивалась. Стали набирать высоту. Когда достигли трех тысяч метров, Тоня дала команду прекратить набор высоты.

Колонна наших самолетов держит заданный курс. Скоро цель. В разрывы облачности просматривается большой город и железная дорога. Бьют вражеские зенитки. Шапки разрывов становятся все гуще и гуще. Местами они образуют почти непроходимую стену, уже виден не только дым, но и огонь, слышен треск разрывов. Разрывы появляются всюду: ниже, выше строя, между самолетами. Но облака мешают вражеским зенитчикам вести прицельный огонь.

Колонна выходит на боевой курс.

Тоня быстро производит расчеты и замирает у прицела. Наступает самое главное, самое ответственное: надо уничтожить эти эшелоны! Но облака вновь закрывают цель, и Тоня командует Наде Федутенко:

— Право пять градусов, еще немного право, так держать!

Надя беспрекословно подчиняется всем Тониным командам. Она знает, что Зубок пунктуален, точен и тверд.

И вот радость: цель появилась в разрыве облаков. Еще секунда, другая...— и бомбы полетели вниз. К небу взметнулись столбы огня.

Облака вновь закрыли цель, но все же Тоня успела сфотографировать результаты работы наших экипажей. После дешифрирования фотопланшета было установлено прямое попадание в эшелоны. За отличное выполнение этого задания Надя Федутенко и Тоня Зубкова еще в воздухе, по радио, получили благодарность командующего армией.

Когда вскоре Тоню Зубкову и Надю Федутенко вызвали в штаб корпуса на разбор, Тоня забеспокоилась: «А вдруг все же я сделала что-то не так?» И еще, и еще раз вспоминала она до мельчайших подробностей весь прошедший боевой вылет. Нет, как будто все правильно.

Совещание было большое, на нем присутствовали генералы и офицеры — старшие по возрасту и по званию. Как образец отличной работы были продемонстрированы фотопланшеты Зубковой, зафиксировавшие результаты бомбометания. Явно

смущаясь, Тоня просто и убедительно рассказала о своей работе в воздухе. Заслуженные авиаторы с уважением слушали маленькую девушку и искренне удивлялись.

— Вот вам и Зубок,— слышались голоса,— мал золотник, да дорог.

Хорошо слетались Надя Федутенко и Тоня Зубкова, понимали друг друга с полуслова.

Десятки раз водили в бой они свою эскадрилью, в составе которой были смелые и мужественные летчицы и штурманы, храбро сражавшиеся с врагом.

* *
*

Коммунист Тоня Зубкова активно участвовала в политической работе. Даже в самые напряженные боевые дни она находила время подготовиться к проведению политических занятий. Помню, как блестяще выступила она на теоретической конференции основным докладчиком по книге В. И. Ленина «Что делать?».

А как интересны были ее выступления на литературных вечерах и концертах художественной самодеятельности, которые устраивались в полку в дни затишья. Бывало, выйдет на импровизированную сцену, встряхнет своими пепельными кудрями, глаза ее станут особенно лучистыми, и начнет читать одно из своих любимых стихотворений:

Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выкормлен был,
Под бревенчатым потолком,
Где ты, в люльке качаясь, плыл...

Сила стиха К. Симонова в исполнении Тони захватывала слушателей, и, когда она сурово, с металлической твердостью в голосе произносила:

И пока его не убил,
То молчи о своей любви,
Край, где рос ты, и дом, где жил,
Своей Родиной не зови...

все мы вместе с ней были охвачены священным чувством ненависти к фашистским захватчикам. И всем нам хотелось как можно сильнее отомстить за поруганную землю, за невинно погибших людей.

* *
*

Начав свой славный боевой путь на Кубани, Тоня завершила его в победоносных сражениях в Восточной Пруссии.

Была весна 1945 года. Враг отступал под натиском наших войск. Он еще пытался сопротивляться, но дни его уже были сочтены.

Успешное продвижение наших войск на всех фронтах создавало необыкновенный подъем, и боевой азарт охватил всех нас. Сразу же по прибытии на новый аэродром началась интенсивная боевая работа. Такого большого напряжения Тоня, пожалуй, не испытывала раньше. Вот что она писала об одном из боевых вылетов:

«Для меня особенно волнующим был полет 16 апреля 1945 года. Цель совсем незначительная — высотка, и очень близко от переднего края наших войск. Впервые мне доверяют вести в бой дивизионную колонну. Штурман дивизии майор Панченко волнуется за меня, но доверяет.

Сама я тоже сильно волнуюсь и еще более молчалива, чем всегда. По выработанной привычке стараюсь особенно сосредоточиться. Представляю подходы к цели и как она примерно может выглядеть с воздуха. Боюсь осрамиться и ударить не точно по цели.

Вот уже Кенигсбергский залив. Стрелок вызывает меня и говорит, что дано перенацеливание на порт Фишхаузен, который уже виден вдали. Я торжествую, что предстоит бомбардировать такую прекрасную цель. Быстро проверяю расчеты и уже ни о чем больше не думаю, кроме цели и ее поражения. Бомбы рвутся все в расположении порта! Довольные своей работой, прилетаем домой. На стоянке уже ждет штурман дивизии и с волнением спрашивает: «Ну как?» В ответ я улыбаюсь и чувствую по ответной ободряющей улыбке, что все в порядке, все хорошо! Цель поражена точно. Бомбометание отличное».

Цели сменялись одна за другой. Иногда немного портила настроение погода. Весна на берегу Балтийского моря — это не весна на Кубани. Тут меньше солнца, тепла, часто идут дожди, облака закрывают небо. Но и в плохую погоду приходилось летать.

Вот и 24 апреля, несмотря на моросящий дождь и низкую облачность, бомбардировщики поднялись в воздух и легли на курс. Цель — порт Пиллау. Тоню не покидают думы, как лучше выполнить задание, как набрать необходимую для бомбового удара высоту. Облака висят низко. А впереди уже виден берег,

заливы, узкая песчаная коса. Черные облака от зенитных разрывов говорят о приближении цели, а высота всего шестьсот метров! На мгновение группа входит в облачность, самолеты сильно бросает. Держаться в строю летчицам сейчас очень трудно, но бомбы должны попасть в цель, и они напрягают все свои силы, чтобы идти за ведущим и выдержать курс.

У Тони все готово, безопасная высота набрана, угол прицеливания и другие данные установлены. Надо найти в прицеле цель!

Впереди разрывы облачности. А вот и цель. Короткая, прямая, и бомбы пошли вниз. Цель поражена. И даже дождь, который сопровождает самолеты на обратном пути, уже не кажется таким противным.

И так изо дня в день, вылеты до незабываемого 9 мая 1945 года, когда в 2 часа 15 минут в журнале боевых действий полка оперативный дежурный записал: «Противник прекратил сопротивление, военные действия о-к-о-н-ч-е-н-ы».

Какое счастье! Окончилась кровопролитная война советского народа с фашизмом. В этой смертельной схватке победителем вышел советский народ, миллионы таких людей, как Тоня Зубкова.

Она тоже была счастлива. Теперь Тоня твердо знает, что ее место не в боевом самолете, а опять в аудиториях университета, покинутого ею по велению долга.

* * *

Сентябрь 1945 года. Торжественно замер строй полка. На правом фланге боевое знамя, украшенное орденами Суворова и Кутузова. 125-й гвардейский бомбардировочный авиационный Борисовский полк имени Героя Советского Союза Марины Расковой торжественно провожает Тоню Зубкову на продолжение учебы в университет. На груди у нее Золотая Звезда Героя Советского Союза — заслуженная награда за ее самоотверженный боевой труд.

На прощание боевые друзья пожелали Тоне счастья и успехов в учении, счастья в ее жизни.

Мечта ее жизни сбылась. В 1948 году она блестяще окончила Московский университет и аспирантуру и стала математиком.

Как много могла бы она еще сделать полезного людям! Но безвременная смерть оборвала жизнь этой прекрасной, талантливой женщины.

А. АНАНЬЕВ

ОТ ВОЛГИ ДО БЕРЛИНА

В далеком поселке Бира, Еврейской автономной области, жизнь, как и всюду, начинается ранним утром — трудовые люди спешат кто на предприятие, кто в учреждение...

Но нередко раньше всех приходит на работу Вера Сергеевна Кащеева, знатная жительница поселка, Герой Советского Союза. Вера Сергеевна заведует всеми любимым в поселке учреждением, предназначенным для самых маленьких жителей,— детскими яслями. И пока еще папы и мамы дома собирают малышей, у нее уже начался трудовой день.

Вера Сергеевна все делает так, как если бы она это делала для своих собственных детей. В спальнях, в столовой чистота, порядок, уют. А вот комната для игр. Каких только нет здесь соблазнов для малышей: от обыкновенной маленькой пластмассовой «голышки» до «подъемного крана» и «шагающего экскаватора»!

Знает заведующая, для каких малышей какую игрушку принести, умеет приласкать, ободрить своих воспитанников. Она всегда веселая, жизнерадостная. В течение всего дня она заменяет детям добрую, чуткую маму, а дети искренней любовью и уважением платят ей за заботу и чуткость.

Вот распахнулась дверь, и первая ласточка, румяная и непоседливая, впорхнула в помещение.

— Тетя Вера, тетя Вера! — слышится звонкий детский голосок.— Погляди, какую мне мама куклу сшила!

— Хорошая кукла, береги ее,— говорит ласково тетя Вера.

А потом неторопливый детский басок:

— Тетя Вера, а мне папа вчера коня купил, на колесах, как настоящий...

И этому карапузу скажет теплое, ласковое слово Вера Сергеевна.

А бывает и так. Появится в яслях новичок, не из тех, конечно, которые еще в пеленках, а из тех, что через несколько месяцев займут свое место в детском саду,— придет вот такой, увидит на груди у Веры Сергеевны золотую звездочку и спросит:

— Тетя Вера, а почему у тебя звездочка?

Так именно и спросит по своей детской непосредственности: «Почему?» или: «Зачем?»

«Малыш ты малыш! — подумает Вера Сергеевна.— Как тебе объяснить, поймешь ли ты, «почему» на моей груди эта звездочка? Сколько с ней связано в моей жизни такого, о котором тебе вообще не стоило бы знать...»

И в памяти Веры Сергеевны воскресятся тяжелые, нерадостные картины огненных лет прошлой войны, она вспомнит и о своем нелегком боевом пути, который венчает вот эта дорогая сердцу Золотая Звезда?

Как это было?

Во время войны сводки Совинформбюро нередко сообщали: «На фронтах существенных изменений не произошло». Но это затишье было обманчивым. Тревожило оно советских людей, тревожило воинов на фронте, тревожило оно и Веру Кащееву, санитарку одного из военных госпиталей города Барнаула.

Вере Кащеевой и ее подругам по госпиталю хотелось быть там, где идет непосредственная борьба за свободу Родины. Ведь в конце концов здесь, в глубоком тылу, с обязанностями санитарки могут справиться и более пожилые женщины. А им, молодым, сильным, ловким, выносливым, быть на фронте.

И вот в апреле 1942 года Вера была зачислена в одну из сибирских дивизий.

Летом развернулись ожесточенные бои. Враг рвался к Волге. И дивизия, в которой служила Вера, пошла навстречу врагу, чтобы не допустить его к великой русской реке. Бойцы дивизии намертво встали у легендарного завода «Красный Октябрь».

С каждым днем бои развертывались все с большей силой. Восемнадцать часов подряд гитлеровцы бомбили корпуса, в которых, словно в крепости, укрылись советские воины. Невиданный по ожесточенности бой за завод длился много суток. По двадцать атак противника ежедневно отбивали бойцы дивизии. И среди воинов всегда на передовых позициях была неутомимый санинструктор одной из рот Вера Кащеева.

Медпункт был расположен в наиболее безопасной части полуразрушенного мартеновского цеха. Здесь укрывали раненых до ночи, а потом переправляли через Волгу.

КАЩЕЕВА
Вера Сергеевна

Передний край проходил в нескольких десятках метров от медпункта, среди развалин других цехов завода. Но что собой представляли эти десятки метров? Они были разворочены тысячекилограммовыми авиационными бомбами, завалены грудами камней и металла. Здесь ни на минуту не утихал свист пуль, разрывы мин и снарядов. В этих условиях доставить раненого с передовой до медпункта было настоящим подвигом.

Вера Кащеева не засиживалась на медпункте. Девушка была всегда там, где жарче бой. Пробираясь сквозь груды развалин, ежеминутно рискуя жизнью, она ежедневно выносила с поля боя десятки раненых.

Случалось и так. Пока Вера преодолевала немногие метры, таща на спине раненого, она несколько раз подвергалась автоматно-пулеметному обстрелу. Пули и осколки свистели над головой, рикошетили, и отважная санитарка была вынуждена часами отсиживаться в развалинах. Раненые истекали кровью, и Вера, как могла, облегчала их участь.

Часто тяжелораненый боец или командир говорил Вере:

— Оставь меня здесь, а сама уходи, спасайся...

Но разве могла советская патриотка оставить беспомощного товарища на растерзание врагам? Многие бойцы и командиры обязаны жизнью этой скромной и смелой девушке из Барнаула.

Мужество и героизм, проявленные Верой Кащеевой в этих боях, были достойно оценены командованием. Тогда грудь храброго санинструктора украсили заслуженные боевые награды — орден Красной Звезды и медаль «За отвагу».

У Волги Вера Кащеева получила боевое крещение. Впереди предстояло еще немало схваток с врагом, и к этому она была

теперь вполне готова. Вера уже имела хорошую боевую закалку, приобрела фронтовую сноровку, стала более выносливой.

Не забыть Вере Сергеевне один из жарких боев юго-западнее Харькова. Подразделения дивизии получили приказ: выбить противника с занимаемого рубежа, овладеть важным стратегическим пунктом. Бои развернулись ранним утром.

Не уступая любому солдату в сноровке ползать по-пластунски, Вера Кащеева появлялась среди воинов то одного, то другого, то третьего взвода. Тут же оказывала необходимую помощь раненым и эвакуировала их с поля боя.

Вера видела, как советские подразделения подходили к вражеским позициям. Фашисты не прекращали огня. Вера подобрала еще одного раненого. Едва отползла с ним несколько метров, как почувствовала, что что-то горячее обожгло ногу. Ранена! Она наскоро перевязала ногу и продолжала ползти с раненым.

Горячий осколок ожег Вере руку. «На этот раз не повезло. Неужели придется идти в госпиталь? — шептала она, перевязывая себе руку.— Нет, нет! Ни за что!»

На медпункте заметили что Вера необычно бледна. Ее спросили:

— Ты ранена? Оставайся здесь!

— Пустяки,— ответила девушка и снова отправилась туда, где шел бой.

Раны сильно кровоточили. К горлу подкатывалась тошнота, кружилась голова. Силы покидали Веру, тело горело нестерпимым жаром, она потеряла сознание...

Не удалось Вере миновать госпитальной койки. Но, чуть только окреппув, она снова стала стремиться в свою дивизию. И врачи уступили.

Гвардейцы-сибиряки уже вышли к Днепру в районе Днепропетровска, когда Вера Кащеева снова появилась в своем подразделении. Родная рота, боевые друзья, фронтовая обстановка — все это было каким-то чудодейственным лекарством, придавало ей силы, поднимало дух, и Вера снова была готова к выполнению боевого задания.

...Дивизия получила задание: форсировать Днепр. Могучая и полноводная река была серьезной преградой на пути наступавших советских войск. И все же никого это не испугало. Люди уже имели богатый боевой опыт, им не раз уже приходилось под огнем врага преодолевать большие и малые реки.

Вплотную к левому берегу Днепра сибиряки-гвардейцы подошли тихо, скрытно в ночь на 24 октября 1943 года. Впереди,

на той стороне реки, четко выделялся крутой высокий берег, где укрепились фашисты.

Под покровом ночи первыми на ту сторону Днепра отправились разведчики. За ними — основные силы. На одном из понтонов вместе с командиром батальона переправлялась и санинструктор Вера Кащеева.

Десантники еще не успели добраться и до середины реки, как на правом берегу послышалась частая дробь пулеметов, автоматные очереди, глухие разрывы гранат. Темноту ночи разорвали фейерверки осветительных ракет. Это разведчики батальона вступили в схватку с противником.

Надо было спешить к берегу. Но не все лодки и понтоны успели причалить незамеченными. Обнаружив переправлявшихся советских воинов, гитлеровцы обрушили на реку огонь из всех видов оружия.

Вот одна лодка уже потонула, от прямого попадания вражеской мины развалился плот. Воины с оружием бросились вплавь.

На понтоне, где находилась Кащеева, уже три человека были убиты. Затем понтон дал сильную течь и пошел ко дну. Люди оказались в ледяной воде. До берега оставались считанные метры. Коченели руки и ноги, непомерным грузом казалось оружие, боеприпасы, снаряжение, но люди, выбиваясь из последних сил, плыли все вперед и вперед. Не отставала от товарищей и Вера Кащеева.

Наступал рассвет, когда десантники наскоро окопались на только что захваченном плацдарме. В первые же минуты боя появились убитые и раненые. Тяжело был ранен батальонный радист. Вера бросилась к нему, оказала необходимую помощь. Радист снова прильнул к рации.

А гитлеровцы все усиливали огонь. С минуты на минуту надо было ожидать вражеской атаки: фашисты стремились во что бы то ни стало выбить советских воинов с занятого плацдарма и сбросить в реку. Солдаты готовились к встрече врага. Надо было продержаться до подхода основных сил дивизии. Был дорог каждый человек. Не выпускали из рук оружия даже раненые.

Совсем рассвело, как вдруг где-то правее послышалась интенсивная перестрелка.

— По-видимому, наши разведчики дерутся,— сказал комбат.

Для связи с ними послали трех бойцов. Однако не проползли они и нескольких десятков метров, как погибли от вражеских мин и пулеметных очередей.

— Разрешите мне, товарищ командир,— сказала Вера.— Попробую добраться до разведчиков.

— Идите. Только будьте осторожны!

Вооружившись автоматом, пистолетом, гранатами, Вера поползла. Ее обнаружили. Она ловко делала короткие перебежки, падала, быстро отползала в сторону, поднималась, делала рывок вперед и снова падала, ползла все вперед и вперед, туда, где ни на минуту не прекращалась перестрелка. Но вражеский огонь все усиливался. Вокруг свистели пули. Мины ложились буквально рядом. Их разрывы горячим дыханием обдавали Веру. Завеса огня стала настолько плотной, что пробиться через нее не было никакой возможности, и Вера вынуждена была возвратиться...

Весь день гитлеровцы держали советских воинов под непрерывным пулеметным и минометным огнем. Вера была ранена, но продолжала оставаться в строю. Из двадцати человек, с которыми переправлялась на одном понтоне Вера Кащеева, осталось в живых только пять. Но и эта маленькая горстка храбрецов продолжала драться с врагом. Воины знали, что они не одиноки, что справа и слева от них в таких же условиях бьются с врагом их товарищи, что на том берегу помнят о них воины дивизии и готовы ринуться в неудержимый бросок через Днепр, чтобы сокрушить оборону врага.

Так оно и получилось. Едва на землю опустилась ночь, как снова ожил Днепр. Это подразделения дивизии форсировали реку, шли на врага, спешили на помощь бойцам батальона, кровью своей омывшим захваченный плацдарм. А там, слева и справа, форсировали могучую реку подразделения других дивизий. В упорном бою вражеская оборона была сокрушена, фашистские захватчики смяты и обращены в бегство. Над Днепропетровском снова взвилось советское Красное знамя...

После форсирования Днепра Вера Кащеева снова попала в госпиталь. Подлечившись, она опять вернулась в родную дивизию. Снова она среди боевых друзей, всегда на поле боя, в первых рядах наступающих.

22 февраля 1944 года — особенно памятный день в жизни Веры Сергеевны. В тесной фронтовой землянке состоялось партийное собрание, на котором ее единодушно приняли в члены Коммунистической партии. В тот же день из Москвы пришло еще одно радостное известие. Указом Президиума Верховного Совета СССР за храбрость и мужество, проявленные при форсировании Днепра и удержании плацдарма на

его правом берегу, Вере Сергеевне Кащеевой было присвоено звание Героя Советского Союза.

Храбрая девушка Вера Кащеева хорошо понимала, что высокое звание члена партии и самая почетная правительственная награда ко многому обязывают. Перед лицом товарищей по оружию она поклялась не жалеть ни сил своих, ни самой жизни для полной победы над врагом. И клятву эту выполнила с честью.

Ее фронтовой путь закончился в Берлине. Десятки советских воинов всегда будут с благодарностью вспоминать девушку из Барнаула — Веру Кащееву, которая спасла им жизнь...

Об этом фронтовом пути не знают, конечно, малыши в детяслях, которыми руководит Вера Сергеевна, зато знают о нем их родители — папы и мамы, и окружают они героиню почетом и уважением.

Жители поселка неоднократно избирали Кащееву депутатом поселкового Совета, а коммунисты — секретарем поселковой партийной организации, членом областного комитета КПСС. И несмотря на свою загруженность основной работой, Вера Сергеевна принимает активное участие в общественной жизни. Ей, боевому фронтовику, героине, отличному труженику мирных буден,— все это под силу!

ЗОФЬЯ БЫСТРИЦКАЯ

АНЕЛЯ КЖИВОНЬ

Подолье. Красивый ландшафт и плодородные земли. Зубчатая линия холмов, изредка перемежающаяся оврагами, в которых буйно кудрявится зелень, обрамляя сверкающие лазурью потоки, тянется до самого горизонта.

На красивых склонах рассыпались деревеньки. Беленькие покосившиеся хатки сбегают к самой воде, волоча за собой узенькие полоски земли.

Хата Кживоней такая же, как и прочие бедняцкие хаты в маленькой деревеньке. У Кживоня пятеро детишек. У него никогда не хватало хлеба до нового урожая. Из года в год жила эта семья в постоянной нужде...

А теперь вот вокруг дремучие леса Иркутской области, одинаково густые и зеленые зимой и летом. Под их надежной защитой стоят жилища людей, которым они дают тепло, пищу и работу.

Такой лес открылся перед семьей Кживоней и вошел в ее жизнь в тяжкую годину войны.

Приехали они сюда с эвакуированными из-под Киева. Вот куда загнала военная буря после года спокойной жизни в новых условиях, когда казалось, что уже можно вздохнуть свободнее.

...Решение о выезде из родной деревни далось нелегко. Все забурлило в семье Кживоней, когда Советская Армия вступила на земли Западной Украины. Жители с любопытством всматривались тогда в опаленные, суровые и в то же время приветливые лица красноармейцев. Через пару дней отношения между деревенскими жителями и красноармейцами определились. Казалось, что эти парни со звездами на фуражках приехали сюда давным-давно. Они живо завязывали знакомства, распевали красивые, сразу же запоминавшиеся песни. Вечерами люди слушали рассказы пришельцев о земле, обрабатываемой сообща стальными конями.

Вот тогда-то в доме Кживоней и пришли к единому решению — уехать, поискать безопасный уголок, хотя и тяжело оставлять землю, которая помнила их молодость, рождение их детей.

Земля под Киевом встретила их раздольем полей, что раскинулись на огромном пространстве. В сиянии солнца золотилась высокая, полновесная пшеница. Анелька смотрела на тяжелые колосья, на ярко освещенные коровники, на молоко, лившееся белым водопадом в огромные чаны, и думала, что не лгали красноармейцы.

Но больше всего удивлялась Анеля здешним людям. Они не несли в себе годами накопленной недоверчивости, не имели убегающего взгляда, не замыкались в молчании, когда с ними вступали в разговор. Граница, разделившая украинский народ, была, как видно, не только географической линией, а и той чертой, что отложилась в характерах людей, сформированных разными общественными строями.

Шестнадцатилетняя Анелька, которая, оставив родную деревню, оставила и свое детство, не могла этого не заметить. Она увидела на лицах родителей спокойствие и удовлетворение. Анелька тоже работала в колхозе и получила впервые в жизни благодарность. Первая похвала вызвала на ее лице румянец радости. Так же как и здешним людям, заработанное ею тоже записывали точно. Колхоз даже дал заем на строительство дома, и наступил день, когда родители ее пошли на край села, чтобы осмотреть предназначенный им участок.

И все это унес вихрь войны. Эвакуация была стремительной, враг бомбил переполненные людьми поезда. Ехали в далекую Сибирь, которая должна была дать им приют и наладить разрушенную жизнь.

Поселились в длинных бараках, приготовленных для эвакуированных с Украины. И снова надо было начинать все сначала, учиться новой работе, свыкаться с непривычным шумом, с могучими деревьями, заслонявшими небо.

Анеля начала работать на фабрике. Она становилась взрослой и всеми силами стремилась помочь людям, которые им, обнищавшим и запуганным, хоть на короткое время вернули веру в хорошую жизнь. Всматривалась в суровые лица сибирячек, не согнувшихся под тяжестью непосильного труда, глазами пробуждающейся женщины видела их одинокую жизнь. Узнала их ожидание писем с полевой почты, с дальних мест...

Однажды Анеля прочитала сообщение в газете «Правда», что Советское правительство, учитывая просьбу Союза польских патриотов, разрешило создавать польские военные отряды. С тех пор жила как в горячке, дрожащими руками развертывала газету, вечерами слушала радио, была очень рада, когда наконец — это было в мае — пришла весть, что на место сбора Первой польской дивизии прибыли первые добровольцы.

В тот день она работала невнимательно и даже поранила себе палец. Понимала, что должна решить для себя очень важный вопрос. Как женщина, она не подлежала мобилизации, была нужна здесь. Но чувствовала, что не в состоянии больше оставаться вне призыва. Бессонная ночь принесла ей твердое решение, с которым она и ознакомила своих рано утром. Приняли его без лишних разговоров, только мать отвернулась к окошку с побледневшим лицом, на котором засверкали слезинки. Сердце матери, привыкшее к беспрестанной тревоге, начало жить разлукой.

На фабрике начальник цеха посмотрел на нее удивленно.

— Собираешься воевать? — спросил он и добавил: — Это не так просто, фабрике нужны рабочие, а такие, как ты, прежде всего.

— Поймите, мое место там. В дни войны даже старики на фронте.

— Здесь тоже фронт, хотя мы и не на передовой, — сказал неоднократно слышанные слова. — Здесь тоже идет борьба за победу.

На эти слова Анеля отвечала, что ведь вся дивизия будет состоять из людей, которые безусловно где-то работали и все же пошли воевать, и она просит, чтобы Семен Иванович ее отпустил, не обижал. При слове «обижал» ее голос предательски задрожал, не так, как это должно было быть у настоящего солдата. Начальник цеха был другого мнения, но, взглянув на нахмуренные брови, руки, теребящие уголок фартука, и подозрительно дрожащий подбородок, сказал, меняя тон:

— Эх ты, Аника-воин, глаза на мокром месте. Поговорю с директором, тем более что пришел приказ не задерживать поляков, которые хотят вступить в эту дивизию. Парней в порядке мобилизации, а девчат по их желанию. Что ж, приказ есть приказ.

Мать испекла в русской печке пышные хлебы и посушила на сухари. Две курицы, выкормленные уже здесь, пошли на сковородку и жарились в собственном соку, готовясь в дальний путь. Сестра Ванда, работавшая трактористкой, часто прибегала домой, хотя их бригада пахала на дальнем загоне.

Анеля жила мыслями о неизвестном, о том, что ждало ее за порогом дома. Знала, что поступила правильно, но ходила еще более притихшая, чем обычно.

Рано утром, когда мутный свет еще не достиг темных углов, Анеля открыла глаза, освобождаясь от неспокойных, зыбких сновидений. Увидела мать, тихонько возившуюся возле печки. Девушка с нежностью смотрела на щуплую фигурку, такую родную, близкую...

Дорога дальняя, с сутолокой и неудобствами военного времени. Но приехали, казалось, довольно быстро.

Переправлялись паромом через реку, широко разлившуюся среди берегов, заросших зеленым кустарником, с песчаными проплешинами. Потом была запись. В большом деревянном доме за длинными столами сидело несколько польских офицеров и сержантов. К одному из них подошла Анеля, не заметив наступившей тишины, когда они вошли в этот дом. Как и остальные, молча смотрела на красные с белым флаги, слова приветствий, написанные на стенах по-польски, обращенные к ним, приехавшим. Смотрела на конфедератки с польским гербом, на орла на стене, распростершего свои могучие белые крылья. А потом вокруг зазвенела польская речь. Родной язык, язык отчего дома, первого детского лепета.

Каждый из прибывших был занесен в список и стал частицей дивизии. Получили маленькие карточки с названием подразделения, к которому приписаны. Анеля прочла: «Женский батальон».

С карточкой в руках Анеля отошла от сержанта, говорившего с твердым познанским акцентом. Вышла на площадку перед домом, заполненную пестрой толпой. Шум наполнял площадку. С ближайшей кухни разносили котлы с пищей, старшие по группам делили прямоугольные, выпеченные в формах, хлебы. После долгого путешествия обед был в центре внимания. Первый солдатский паек под ясным, светлым небом, среди соснового бора. После обеда нужно было снова собираться в путь, на этот раз недалеко, пешком.

Батальон разместился в небольшом палаточном городке в лесу. Было несколько деревянных бараков, где находились склады, штаб и канцелярия.

Палатки стояли вдоль посыпанных щебнем дорожек. В каждой из них разместилось по десять девушек, или по одной команде.

Для девушек начался период войсковой подготовки. День начинался такими же упражнениями, что и в соседних мужских подразделениях. Время было до предела занято от ранней побудки и до вечерней поверки: маршировка, ползание по-пластунски, рукопашный бой...

Шли дни, насыщенные ароматом живицы и пылью, оседавшей пудами на ботинках, мундирах и лицах. По вечерам у колодца за последними палатками было всегда многолюдно и шумно. Глоток студеной воды смывал усталость всего дня, из глубины леса тянул холодок, и забывался дневной зной.

В середине июля Первая польская дивизия принимала военную присягу. Все в этот день было парадно и торжественно: небо без единого облачка, яркое солнце, затянутые мундиры, белые подворотнички, старательно начищенные ботинки. На груди сверкали автоматы.

После принятия присяги все почувствовали, что приближается час отправки. Никто не знал, когда он наступит, но все уже жили мыслью об отъезде, в воздухе рядом с первыми осенними туманами повисло ожидание. И вот в один из дней уходящего лета, в четвертую годовщину гитлеровского нападения на Польшу, Первая дивизия распростилась с лагерем.

В душе Анели звучал один мотив: все, все отдать, чтобы победить. Выехали ночью. С рассветом увидели обширные предместья Москвы. Проехали незримую границу, отделявшую земли, которые враг не топтал, и очутились на территории, недавно еще занятой немцами, и сразу все изменилось. Станции не было, железнодорожники, отправлявшие на фронт бесконечные эшелоны с войсками, жили в сколоченных на скорую руку бараках. Сожженные села и города...

Приехали к месту назначения. Станции здесь также не было. Быстро выгрузившись, подразделения расходились по лесу, под спасительную тень деревьев. Днем небо было спокойно, близкая передовая молчала, но была готова к прыжку, к наступлению.

Осень того года была прохладной, но погожей. По утрам на траве лежал белый иней, от холода хоронились в земле. В землянке было тепло и уютно. Расставили караулы, начали жить по-фронтовому.

Здесь, под Вязьмой, Варшава казалась совсем рядом, тем более что недалеко проходила дорога — Варшавское шоссе. Смоленское направление было самым ближайшим к дому. Командование фронтом определило его как начало боевого пути польской дивизии. На этом направлении находилось Ленино.

Через некоторое время дивизия выступила в поход. Многодневный марш с полной выкладкой был очень трудным...

Вот и земля Белоруссии. Здесь уже ясно ощутилась близость фронта. Примыкающие к передовой окрестности были изрыты танками и бронетранспортерами, идущими на линию огня. Под прикрытием кустов дымили походные кухни. Только десять километров оставалось до переднего края. Придя на место, солдаты тщательно замаскировались и погрузились в короткий глубокий сон без сновидений. А офицеры дивизии совместно с советскими командирами собрались на совещание. Приближался великий день пробы сил.

В одну из ночей польская дивизия заняла окопы переднего края, сменив советские войска.

...Анеля проснулась от холода. Грохот не утихал. В землянке — командном пункте дивизии слышны беспрерывные близкие разрывы. Шла артподготовка к наступлению. В первые минуты после пробуждения Анеля поняла: бой уже начался. В землянке вертелись связисты, державшие связь со штабами полков. Части ждали сигнал к атаке. В углу, где она спала, свернувшись в клубок под плащ-палаткой, радист спешно выстукивал какое-то донесение. У него были сурово сдвинутые брови, и смотрел он каким-то невидящим взглядом. Немного дальше кто-то монотонно взывал в телефонную трубку:

— Алло, «Днепр», ты слышишь меня? «Днепр», слышишь? Алло, алло, «Днепр»...

Посреди землянки склонились над раскрытой картой офицеры с толстыми карандашами в руках. Делали на ней какие-то обозначения, переговариваясь вполголоса.

Небо над полем боя нависло свинцом, по откосу к реке наползал туман, густой и белый, как вата. К рассвету он стал реже, показались окрестности. На пути наступления дивизии были две деревушки, занятые немцами: налево — Трегубово, направо — Ползуха, стоящие на возвышенности. За хатками серые от дождя поля, сбегающие к заросшей кустарником, мелкой, но илистой речке, в которой увязали не только люди, но и танки и орудия. Ближе к нашим окопам первого и второго эшелонов, направо от деревни, кладбище с покосившимися крестами. Если смотреть в другую сторону, то можно увидеть чудом уцелевшую трубу винокуренного завода, а сбоку, на пригорке, на краю горизонта, первые строения местечка Ленино.

Наша артиллерия, укрытая недалеко от штаба дивизии, дышала огнем. В окопах, прижавшись к земле, ждали

солдаты, проверяя в последний раз готовность оружия, засовывая за пояс гранаты.

Анеля не давала себе отчета, боится она или нет. Невдалеке падали снаряды немецкой артиллерии, которая довольно беспорядочно отвечала на огонь наших орудий. Когда вблизи разрывался снаряд, ей казалось, что он нацелен прямо в нее, невольно втягивала голову в плечи, закрывала глаза и думала: «Вот сейчас...»

В конце концов человек привыкает ко всему. В те дни каждый и чувствовал глубже, и видел острее, и слышал лучше. Окопы за речкой, видимые в дыме разрывов, были основной целью того дня, и занять их нужно было любой ценой.

Туман разошелся, и серое небо немного посветлело, вверх понеслась ракета. Из окопов поднялись солдаты. Пошли танки, до сих пор не видимые в кустах, а также легкие орудия, прикрывая огнем солдат. Огненный шквал бушевал над немецкими окопами, нащупывая огневые гнезда противника. Бежали, натыкаясь на заросли и засеки, мимо огромных спасительных воронок; пули и мины летели солдатам в лицо; с тыла спешили санитары.

Речка была мутная, холодная, но мелкая. Переброшенные мостки нужно было обходить, так как на них подстерегала пуля немецкого снайпера. Вязли в илистых берегах, пули падали сюда особенно густо, мины плюхались большими жабами, вздымая фонтаны грязи...

Когда перешли Мерь, в небе появились немецкие штурмовики, с гулом пикировавшие в рыжих облаках разрывов зенитных снарядов. Ужаленные зенитками, воровато хоронились, чтобы снова и снова возвращаться. И так весь день. Кто-то насчитал несколько десятков налетов. Соседние советские части смотрели на это с яростью. Видно, фашисты хотели проучить поляков.

Линия вражеских окопов на склоне была покорежена, полна трупов и тех, кто затаился в последнем прыжке.

Солдаты польской дивизии на какое-то время припали к земле, чтобы наладить расстроенные ряды, изготовить гранаты. По сигналу поднялись и побежали к окопам противника, единым броском ворвались в них, и завязался бой.

Майор был сосредоточен и угрюм, когда объяснял Анеле задание:

— Штабные документы передадите в Николаевку. По дороге захва́тите раненых, они ждут на санитарном пункте 2-го полка, отвезете их в санбат. Шофер знает. Вопросы есть?

Вопросов не было. Анеля отдала честь и ответила по уставу:

— Разрешите идти?

И тогда майор положил ей на плечо руку; она увидела морщинки возле глаз и глаза в сетке красных жилок. Не спал много ночей подряд. Сказал, помолчав:

— Дорогу бомбят. Но там тяжелораненые, они не могут ждать. Берегите себя...— Сказал по-польски, мягко, как говорят поляки, долго жившие в России. Эта мягкость придала его словам особый оттенок, что-то отцовское послышалось в его голосе, хотя закончил он командирским: — Можете идти.

Газик с брезентовым верхом стоял возле землянки, готовый в путь. Анеля, поставив ногу на ступеньку кабины, остановилась, увидев странную группу, идущую по полю. Минуту всматривалась не совсем уверенно, потом спрыгнула и пошла по направлению к ним, дав знак шоферу немного обождать.

Мундир ее подружки Марыльки, с которой она познакомилась еще в поезде, когда ехала на сборный пункт, был измазан землей, лицо серое от пыли, в золоте волос запуталось несколько сухих листьев и комочки земли. Особенно поразило Анелю выражение лица Марыльки. Глаза ее блестели, смотрели на Анельку радостно, на грязных щеках горел яркий румянец. Увидев Анелю, она улыбнулась, повела глазами на сопровождаемых. Анеля застыла от изумления: приведенные Марылькой люди были небриты, без головных уборов. Испуганные, они смотрели то на Анелю, то на Марыльку, переступая с ноги на ногу, боялись голосом напомнить о себе, молчали, чтобы не спугнуть таившейся в глубине глаз Марыльки жалости.

Странно было видеть пленных, но еще более странным было то, что Анеля не чувствовала к ним ненависти, которая, казалось, в такие минуты должна была проявиться с особой силой. Они были просто жалки. Газик ждал. Еще раз взглянула на Марыльку и сказала:

— Еду в Николаевку с ранеными. До свидания!

Протянув для пожатия руку, Анеля почувствовала в своей руке узенькую ладонь Марыльки, взглянула ей в глаза. Они уже утратили свой торжественный блеск, погасла светившаяся радость...

Газик петлял, как заяц, на неровной, выбитой танками и орудиями дороге. В кузове машины было темно. Белые повязки смутно отсвечивали в полумраке, некоторые из раненых стонали, не в силах удержаться, другие лежали тихо, временами теряя сознание.

Ветер шуршал брезентом, машина подпрыгивала на ухабах,

проваливалась в ямы, кренилась из стороны в сторону и снова подпрыгивала. В такой момент лица раненых цепенели от боли. Гул близких разрывов, смешиваясь со свистом пуль, заглушал их тихие стоны. Иногда казалось, что они разговаривают сами с собой, бредят, отгороженные от всего мира своими страданиями.

Анеля сидела, сжавшись в комочек, на пачке документов, о которых ей говорил майор. Подтянула коленки к подбородку, чтобы больше было места раненым. Боялась пошевельнуться, чтобы не расплескалась горячая вода из фляжки, не пролилась на лицо раненого, тяжело опиравшегося на ее плечо. Лицо было худое и очень молодое, терявшееся под огромной шапкой из бинтов, доходящей до самых бровей. На шее четко пульсировала артерия. Видимо, он был без сознания, в горячке. Из артерии сочилась кровь, окрашивая повязку. Глядя на молодое, беззащитное лицо, Анеля вдруг почувствовала какое-то странное спокойствие, какую-то вдохновенную уверенность, в глубине сознания промелькнула мысль о том, что она сделает все возможное, чтобы доставить его живым.

Вдруг раздался взрыв, как удар грома. Газик подпрыгнул. Из кабины, где сидел шофер, повалил черный дым. Анеля вскочила.

В следующее мгновение Анеля, задержавшись у выхода на секунду, чтобы сообразить, что делать в этой обстановке, увидела глаза того паренька, что лежал у нее на плече. Глаза, широко открытые, осмысленные, глядели из-под повязки доверчиво, ожидающе...

Яна, с которым Анеля познакомилась еще на сборном пункте, прислали на батарею из штаба полка, чтобы он поддерживал связь. Но в первые же часы боя он получил дополнительное задание. Обстрел тылов противника требовал от артиллеристов большого мастерства и огромного напряжения. Тяжелые ящики с боеприпасами подносились вручную, орудия беспрерывно стреляли, беспрерывно требовались снаряды.

Раскаленные стволы орудий обжигали ладони. Для людей не существовало холодной изморози, рубашки наводчиков прилипали к спине, соленый пот заливал глаза. Над батареей звенело:

— Огонь, огонь!

Со стороны соседей, русских, долетало:

— Огонь, огонь!

И конечно, Ян не мог оставаться в роли бесстрастного наблюдателя — он стал подносить снаряды. В те мгновения, когда

ствол охлаждался, успевал передохнуть и вытереть мокрое от пота лицо.

Ян видел, как на дорогу выехал газик с высокой брезентовой будкой, как он внезапно остановился, охваченный огнем, получив, видимо, прямое попадание в бензобак. Из охваченной пламенем кабины никто не выскочил, но сзади, из-под брезента, начали вываливаться люди. Движения их были медленные, неуверенные, некоторые едва выползали. Ян догадался, что это были раненые. Потом из машины полетели, словно белые мотыльки, какие-то бумаги. Некоторые из них обгорели и падали черными комочками.

Из-под брезента показался солдат, но как-то странно, головой вниз: голова от бинтов казалась непомерно большой; руки висели как плети; его кто-то тащил, придерживая за плечи. Ян разглядел, что тот, кто тащит, маленький и клонится к земле под тяжестью своей ноши.

Из соседнего укрытия бежали на помощь солдаты. Машина продолжала гореть, языки пламени начали лизать брезент.

Маленький солдат положил раненого на край дороги и стал смотреть на пылающую машину. Ян увидел чумазое от дыма лицо, с растрепанными волосами. Ему показалось, что это Анеля.

Тем временем сквозь густой черный дым, валивший из-под брезента, показалась чья-то рука, ветер донес крик. Солдаты, бежавшие на помощь, были еще далеко. Ян чувствовал, как сжимается от боли и горечи его сердце.

Девушка подбежала к машине и остановилась на какую-то долю секунды перед стеной огня. Потом, прикрыв рукой лицо, прыгнула в машину, откуда звала ее рука. Когда солдаты подбежали и окружили машину, брезент, сожженный с одной стороны, внезапно завалился, накрыв собою последнего раненого и Анелю Кживонь, которая пошла на смерть, чтобы спасти другого. Все это длилось минуту-две, но Яну показалось вечностью.

Так погибла Анеля Кживонь, которой посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Перевод с польского
Янины Стрехниной

С. ГЛУХОВСКИЙ

ВСЕГДА ВДВОЕМ

И сейчас в центре Москвы помещается институт, в котором до войны работали Наташа Ковшова и Маша Поливанова.

В главном зале этого здания огромная стена украшена барельефом: девушки в простой солдатской одежде сражаются на последнем рубеже. Маша Поливанова уже смертельно ранена. Она опустилась на землю, прижав к груди гранату. Наташа Ковшова, прикрывая подругу, замахнулась гранатой.

Героини шли дорогой чести.
К подвигам их молодость рвалась,
Вместе жили, радовались. Вместе
Встретили они свой смертный час —

так писал о них во фронтовой газете поэт Михаил Светлов.

* *
*

— Расскажите нам о Наташе и Маше. Расскажите все, что знаете.

Комсомольцы института (а многие из них родились в тот год, когда слава о Героях Советского Союза Ковшовой и Поливановой разнеслась по всем фронтам Великой Отечественной войны, по всей стране) с необычайным интересом слушают рассказы тех, кто хорошо помнит неразлучных подруг...

Тревожная осень сорок первого года. Когда война приблизилась к Москве, от Трубной площади, где в ту пору помещался Дом крестьянина, начал свой марш батальон народного ополчения Коминтерновского района. С этим батальоном — он пополнил Московскую коммунистическую дивизию народного

ополчения — ушли на фронт сотрудницы института молодые снайперы Наташа Ковшова и Маша Поливанова.

Тяжелые ноябрьские бои под Волоколамском. Месяц был на исходе, и Наташа Ковшова написала в Москву, своей подруге Лиде: «В этой войне меня не убьют... Я загадала, что если не убьют до 26 ноября, то я останусь жива». В этот день Наташе исполнялся двадцать один год. Вернувшись с Машей после «охоты» в свою землянку, Наташа растопила печурку, чтобы обсушить промокшую одежду. Маша с завистью смотрела на подругу, которая отвечала на многочисленные письма родных и друзей.

КОВШОВА
Наталья Венедиктовна

Маша была на полтора года моложе Наташи. Письма она получала очень редко, и Наташа часто просила товарищей писать не только ей, но и Маше. Грустит солдат, когда не получает на фронте весточек из дому.

Письма Наташи опубликованы в книге, которую, уже после войны, написала ее мать — Нина Араловец. О Наташе Ковшовой знали многие. Она выросла в семье старого большевика, была пионеркой, вожаком комсомольской организации и запевалой во многих общественных делах в институте. Маша пришла в институт позже Наташи, и ее как-то не очень примечали. Вот почему только после войны ветераны института воскресили облик Наташиной подруги. Руководитель отдела, в котором Маша работала, Василий Васильевич рассказывал:

— Маша была простой, хорошей русской девушкой. Вначале она робела, смущалась. Потом я понял, откуда эта робость. Маша пришла к нам, в научно-исследовательский институт, прямо из цеха. До этого она трудилась в цехе на бумажной фабрике. И вдруг ее выдвинули на работу в институт, где много инженеров, конструкторов. Однажды, помню, дает она мне на подпись какой-то чертеж и говорит:

— Почерк у меня не совсем подходящий. Правда, Василий Васильевич?

Я, признаться, не очень обращал на это внимание, но на всякий случай сказал, что почерк можно исправить. И вот я заметил, что Маша после работы задерживается. Садится за чертежный стол и старательно выводит технический шрифт. Увидела меня, смутилась.

— Я,— говорит,— сломаю свой почерк. (Так и сказала: «Сломаю!») Мне,— говорит,— надо писать не только грамотно, но и красиво.

Рассказывает это Василий Васильевич и чувствует, что слушатель ждет от него большего. Тогда он зовет на помощь заместителя директора, Евгения Семеновича, который рассказывает, как зимой, в канун сорок первого года, в декабрьские морозы, молодежь института проводила воскресные дни в Домодедове, что под Москвой. Учились ходить на лыжах, метко стрелять, метать гранаты, колоть штыком. Маша терпеливо и настойчиво, с присущим ей усердием овладевала военным делом.

Усердие Маши было отмечено в одном из приказов по институту. Это было уже тогда, когда начались первые налеты фашистской авиации на Москву. По ночам работники дежурили в учреждении. Место Поливановой было на большой вышке в переулке. Маша командовала группой наблюдения и связи и нередко до рассвета дежурила на той вышке у телефона.

— Во время налета посты часто проверялись,— вспоминает товарищ Шумилин.— Вышка в Рахмановском переулке была самым дальним постом. Как-то директор и я проверяли ее. Вой бомб прижал нас к мостовой. Над головой свистели осколки зенитных снарядов. И тут я услышал голос директора:

— Лежим, Евгений Семенович! А как же там Маша? Одна? — И ринулся вперед.

А Маша стояла на посту, чуть наклонив голову к телефонной трубке.

— Пост номер шесть,— тихо докладывала она.— Дежурная Поливанова. Все в порядке...

Утром бойцы групп самозащиты с воспаленными от бессонницы глазами возбужденно рассказывали о своих впечатлениях. Маша слушала своих подруг и молчала, точно ее и не было на самом опасном месте.

— Машенька! А тебе одной на той каланче не страшно было? — спросила ее Наташа.

— Не знаю,— ответила Маша, чуть краснея.— Нет, правда... Надо было, вот и стояла...

Все у нее получалось как-то удивительно просто.

Объявили набор в школу снайперов. Наташу уже в школу приняли, а когда Маша принесла заявление, кто-то заметил, что зря девушки лезут вперед со своими просьбами.

Машу взорвало.

— Поливанова активно работает в Осоавиахиме. Так? — каким-то чужим, срывающимся голосом сказала Маша.— Чьи мишени висят на Доске лучших стрелков? Молчите? Зачем было меня учить? Зачем, я вас спрашиваю? Ради забавы?..

И, прикусив губу, в упор смотрела на тех, от кого зависел ее прием в снайперскую школу. И тут вспомнила совет Наташи: «Не отступай, требуй!» Но вместо этого чуть не расплакалась:

— Товарищи! Время-то какое!.. Я вас очень, очень прошу...

И, круто повернувшись, выбежала из комнаты, оставив заявление на столе.

Ее все-таки приняли в снайперскую школу.

* * *

Уже была осень, и институт готовили к эвакуации. Утром в дверь кабинета Дьяченко постучалась девушка в серой солдатской шинели с петлицами пехотинца. Это Маша, уезжая на фронт, зашла проститься.

Маша была скромной девушкой, из простой рабочей семьи. Отец ее работал изолировщиком на заводе, старшие братья — полировщиками, слесарями. Жили Поливановы под Москвой, на станции Востряково. Маша помогала матери вести хозяйство, ухаживала за младшей сестренкой. Потом сама стала работать, а по вечерам училась. И всегда находила время, чтобы заниматься спортом и бывать в театре. Труженица в семье тружеников, она была всегда подтянутой, бодрой.

Маша уже на фронте узнала, что два ее старших брата — командир стрелковой роты Федор Поливанов и механик-водитель танка Алексей Поливанов — погибли, что в госпитале лежит раненый третий брат — Михаил. Маша писала домой:

«Сейчас очень трудное время, а надо выстоять. Враг думает, что у нас духа не хватит. А у нас хватит! На фронте у снайперов горячая пора. Вместе с Наташей охотимся в лесах за фашистскими «кукушками». Мы выслеживаем их и истребляем.

Пришлось мне и Наташе выдерживать поединки с вражескими снайперами. Дума у всех защитников Родины одна: очистить советскую землю от фашистской погани. Уж я постараюсь отомстить врагу за горе и страдания наших людей. Жизни своей не пожалею!»

Где бой, там и слава. Когда дивизия сражалась в районе Старой Руссы, на счету отважных снайперов числилось уже около трехсот уничтоженных фашистов. Снайперский взвод дивизии пополнялся новичками, которых Наташа и Маша обучали мастерству меткого огня, трудному и сложному снайперскому делу. Сами девушки к этому времени были награждены орденами Красной Звезды.

Позади остался нелегкий путь, тяжелые потери. Обретенный в боях опыт помогал подругам стойко переносить испытания и выходить победителями в неравных схватках. Но самые трудные бои были еще впереди, и один из них разгорелся в августе 1942 года близ деревеньки Сутоки-Бяково, что в Старо-Русском районе. Жестокий бой за эту деревеньку продолжался два дня.

Батальон, которому придали взвод снайперов, подвергался особенно ожесточенным атакам. Немцы любой ценой решили срезать клин, острием которого была опушка леса близ деревни. У этой опушки обороняли свой рубеж автоматчики и снайперы.

Гитлеровцы наступали вслед за огневым валом. Вначале подруги вели счет вражеским контратакам, но потом сбились. Гитлеровцы поднялись во весь рост и, строча из автоматов, устремились вперед. Одиночные выстрелы снайперов и совсем редкая дробь нескольких автоматчиков не могли их остановить. Однако в лощине, полукругом огибавшей опушку, гитлеровцы залегли.

Неожиданно стало тихо. Но это была тревожная тишина. Оборонявшиеся поняли: враги накапливают в лощине силы.

Маша услышала, как кто-то подполз к ней. Она повернула голову и узнала молоденького бойца, недавно присланного в снайперскую команду. Из-под сдвинутого набок капюшона маскхалата на Машу уставились большие черные зрачки.

— Чего ты? — сурово спросила Маша.

— Амба! — выпалил боец.— Все отошли, сам видел... А мы чего? Все приказа ждем? Там некому приказывать. Бежим! — почти взвизгнул он, но осекся под хмурым взглядом девушки.

Маша смотрела на бойца холодно, отчужденно и презрительно. Губы ее чуть дрогнули, но не разомкнулись.

— Чего ждем? — уже спокойнее заговорил боец.— Почему ты молчишь?

— А ничего...— нехотя отозвалась Маша.— Заряжай и гляди, куда надо. Патроны есть?

— Есть...— Боец положил рядом с собой горсть патронов, тяжело вздохнул и успокоился.

— Одни мы тут,— тихо, как будто про себя, вымолвил он.

Но Маша его услышала.

— Не одни! Видишь, вон там Наташа Ковшова, рядом с ней Новиков. А дальше тоже наши...

Солнце закатывалось позади, и редкие опавшие листья, окрашенные первым багрянцем, алели на еще зеленой траве. День выдался безветренный, солнечный и нежаркий, какие бывают в августе.

ПОЛИВАНОВА
Мария Семеновна

Маша вспомнила родное подмосковное село, зримо представила себе новенький домик, который отец и старшие братья построили перед войной. У дома, за забором, росли два тополя. Вот в такие же, сухие, предосенние вечера Маша любила сидеть на скамейке под тополями. Сидела и мечтала, прислушиваясь, как шуршат листья под ногами прохожих. Листья шуршали, точно прощались с людьми перед тем, как размокнуть под дождем и скрыться под первым снегом.

— Тихо как...— донесся до Маши голос бойца.

— А ведь ты шутник! — весело сказала она и сама удивилась своему голосу.— Решил попугать нас, да? Меня и Наташку? «Все отошли... Бежим!» — передразнила она бойца.— Да если бы ты нас покинул и побежал, я бы для тебя пули не пожалела. Честное слово!

Боец вздрогнул, опустил голову. Маша сделала вид, что не заметила испуга на лице бойца.

Больше для разговоров не было времени.

Бой возобновился. Теперь уже выстрелы затрещали справа от Маши. Солдат повернулся туда лицом, потом подался вперед и открыл огонь. Очередь из вражеского автомата сразила

его насмерть. Потом тяжело ранило снайпера Новикова. Он застонал, и Наташа крикнула ему:

— Отползай! Не могу я тебе помочь!.. Не могу оставить позицию... И Машу.

Теперь подруги остались вдвоем на рубеже у опушки. Они стреляли и сближались, не видя друг друга, пока плечи их не сомкнулись. Кончились патроны. За поясом у каждой было по две гранаты. Они вытащили гранаты, заслышав крики гитлеровцев, окружавших их. Взрывы первых двух гранат оборвали эти крики. Еще не рассеялся дым от взрывов, как рядом прозвучала команда на чужом языке, истошная, похожая на собачий лай.

Девушки приготовили к бою последние гранаты. Только теперь Наташа увидела на Машиной гимнастерке, под левым карманом, влажное пятно.

— Машенька, ты ранена?

Маша слабо кивнула и, настороженно глядя на подругу, прижала гранату к груди, будто хотела этим утолить боль от раны.

Наташа поняла ее и тоже прижала к груди гранату.

— Ну вот.— Они прильнули друг к другу.— Вот, Машенька, мы с тобой всегда были вместе. И будем... Прощай!

— Прощай, Наташа!

— Прощай...

...Все было ясно до последнего мгновения жизни, до последнего взрыва гранат, от которого дрогнули ветви и качнулась макушка дерева, осыпав листьями уже бездыханные тела двух подруг.

Фашисты остановились и попятились назад. Только те, что дерзнули взять девушек живыми в плен, лежали недвижно, сраженные осколками гранат.

А эхо взрыва долго отзывалось в лесу, потом за лесом, но так и не замерло, уносясь все дальше и дальше к бесконечному горизонту.

ЕКАТЕРИНА ШЕВЕЛЕВА

НЕ ДЛЯ ЛЕЛИ СЫРАЯ ЗЕМЛЯ

I

...Грустная песенная строчка: «Не для Лели сырая земля...» Впрочем, в песне не так. В песне юноша, Ленька Королев, а я, когда слышу эту песню, вспоминаю о девушке, о москвичке Елене Колесовой. Друзья ее всегда называли Лелей.

Зимой 1941 года ко мне домой пришла высокая девушка в полушубке и ушанке, одетой как кубанка — кокетливо, набекрень. Несмотря на высокий рост и довольно плотную фигуру, в облике девушки было что-то хрупкое, ребячье. Белокурый локон. Нежный цвет лица.

Но глаза, серые, продолговатые, как говорят, с поволокой, умели изучающе глядеть на собеседника, манера говорить, как будто растолковывая слушателю что-то важное, была взрослая и немного преподавательская, в певучем голосе иногда звучали жесткие нотки.

Девушка, командир партизанской группы, с увлечением говорила о своем боевом коллективе и его замечательных боевых делах, которые Леля скромно называла просто «нормальной работой военного времени».

Впоследствии товарищи Лели рассказывали мне о ней.

...Леля Колесова героически погибла в сентябре 1942 года в бою с гитлеровцами. В ноябре 1944 года ей за проявленное геройство и мужество в боях с немецкими захватчиками в тылу противника было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

II

...Когда старшая пионервожатая школы предложила пионерам совершить прыжок с парашютной вышки Парка культуры и отдыха, Леля записалась первая, хотя прыгать боялась.

Накануне она весь вечер проходила одна по московским улицам, и страх ее постепенно прошел. На другой день она, перетянутая ремнями, не задумываясь — будь что будет — шагнула в пустоту. Леля почувствовала, как руки ее инстинктивно вытянулись, ища опоры, и мгновенная гримаса искривила лицо. Но в следующую секунду она уже плавно опускалась, испытывая чудесное чувство упоения жизнью, чувство, которое, как гораздо позже поняла Леля, часто сопутствует преодолению трудностей.

Вскоре после прыжка с парашютной вышки Леля подала заявление о приеме в комсомол. У нее было свое собственное, никому еще не высказанное представление о комсомоле; она считала, что комсомольцем может быть только тот, кто совершил в своей жизни какой-либо смелый поступок; комсомол смутно представлялся ей братством отважных, мужественных людей, и то, что она сама преодолела страх высоты, давало ей как бы моральное право войти в это братство.

Перед выпуском из школы-семилетки Леля Колесова несказанно удивила сверстников: она, заводила и командир, как называли Лелю одноклассники, решила идти учиться в педагогический техникум.

— Я так ясно представила себе, какой у меня может быть хороший класс, каких хороших ребят я могу воспитать! — объясняла Леля дома.

В 1939 году Колесова окончила учебу и два года работала учительницей и старшей пионервожатой 47-й школы Фрунзенского района Москвы.

— Она у нас молодец, такая придумщица! — гордо говорили о Леле пионеры.

...22 июня 1941 года Леля Колесова поняла, что она должна на личном примере показать своим ученикам, что такое мужество, смелость, любовь к Родине.

Леля рвалась на фронт. Ей было двадцать лет, немножко меньше, чем ее Родине, Советской стране, которой шел тогда двадцать четвертый год.

Леля закончила курсы санружинниц, потом курсы медсестер. И вот наконец, побледневшая от волнения, она стремительно распахнула дверь в кабинет секретаря Московского комитета комсомола. Резкий сквозняк, ворвавшийся из коридора, мгновенно подхватил и разбросал лежавшие на столе бумаги.

— Какая на дворе погода, товарищ Колесова? — спросил секретарь МК.

— Жуткая, — поморщилась Леля, несколько удивленная отвлеченным характером начала беседы, — какая-то мокрая каша валится с неба — не то дождь, не то снег! Тьма! Слякоть!

— Представь себе, что в такую ночь тебя сбросят в тыл гитлеровцев!

— Ну что же! — прошептала Леля почти машинально.

Секретарь МК задумчиво смотрел в окно, как бы давая время и ей подумать, не чувствуя на себе ничьих внимательных глаз. У него было очень усталое лицо, и говорил он медленно, тихо.

КОЛЕСОВА
Елена Федоровна

— Ну что же! — повторила Леля твердо. — Если к фашистам, тогда совсем другое дело, тогда, между прочим, хорошая погода на дворе!

— Желаю тебе хорошей погоды! И... большей сдержанности! — неожиданно улыбнулся секретарь МК.

После нескольких бесед в ЦК ВЛКСМ Колесова была зачислена в диверсионно-партизанский отряд.

...В ночь под 1 мая 1942 года новая диверсионно-партизанская группа парашютисток, под командованием Колесовой, была сброшена в Борисовском районе, у деревни Меговщина. Четыре девушки при спуске разбились (Тася, Таня и Тамара насмерть, а Зина сломала позвоночник и прожила еще месяц). Две девушки, посланные на связь с объединяющей группой, были выданы гестапо предателем в Выдрице. Нина и Надя, спустившиеся очень далеко от остальных, лишь 22 мая пришли в лагерь Колесовой...

Колесова осторожно стала пополнять группу бывшими военнопленными. От одного из таких военнопленных она и узнала о гибели трех парашютисток из своего отряда. Ей не в чем было винить себя. Но, тем не менее, Леля мысленно повторяла:

— Как же так с девчатами получилось! Как же я их не сберегла!..

Она стала заметно более внимательна к деталям, к различным мелочам лагерного быта. Распорядилась устроить холодильник («если все продукты будут свежими, больше гарантии, что никто не заболеет»), часто заглядывала на кухню («хоть мы и в лесу, а в кухне должно быть как в аптеке — точно и чисто, и тогда больше гарантии, что все будут сыты и здоровы»), сама проверяла настилы под плащ-палатками («в щель и патрон может провалиться, и тол, и спичка, и мало ли что!»), несколько раз на день заходила проведать тяжело больную Зину Морозову.

И особенно предусмотрительной стала в подготовке операций. В первых же числах мая Колесова решила взорвать мост через реку на дороге, по которой неожиданно усилилось движение немецких автомашин. У одной из девушек, шедших на задание, Леля заметила плохо пришитую пуговицу на рукаве гимнастерки.

— Пришей, пожалуйста!

— Время идти. Вернусь с моста — пришью.

— Я приказала пришить пуговицу. Выполняйте. Пуговица болтается. Оторвется — отвлечет внимание, пусть даже на секунду. На войне иногда и секунда решает... Может быть,— и голос Лели зазвенел,— какая-нибудь из наших девочек разбилась потому, что на секунду поздней, чем надо, рванула кольцо парашюта...

— Какая-то жестокая ты стала,— угрюмо заметила девушка, идущая на задание,— на разговоры о пуговице у тебя есть время, а добиться, чтобы Зину, с переломанным позвоночником, эвакуировали в Москву, не можешь!

Леля посмотрела на яркий квадрат входа в палатку — в нем висело солнечное небо — и вдруг вспомнила свою давнюю беседу с секретарем Московского комитета комсомола. Он пожелал тогда Леле большей сдержанности. «Он, наверно, хотел сказать: большей выдержки. Он был такой усталый»,— подумала сейчас Леля. И тихо сказала, обращаясь к подруге:

— Эвакуация — дело очень сложное. Я хотела отправить Зину в Москву, но командование решило иначе.

— Почему ты не настаивала, не требовала. Ты передала всего три радиограммы, а надо было добиться, чтобы ее вывезли.

— Ты не права. Спасти Зинушу все равно нельзя было бы и в Москве... С родными она попрощаться не смогла бы, потому

что она все время без сознания. Значит, командование право: затевать эвакуацию, рисковать и самолетом, и экипажем, и еще очень многим только для того, чтобы дать возможность родным Зинуши увидеть ее в последний раз,— это ненужная сентиментальность, на которую мы сейчас не имеем права.

— Я не знала, что ты так жестока!

— Это не жестокость, неужели ты не понимаешь? Это просто война, военный расчет! Ты, кажется, забыла, что мы на войне! Ты, может быть, скажешь, что я жестокая, потому что гитлеровцев в упор расстреливаю?..

— Не скажу!

— Да, расстреливаю,— уже возбужденно, не слушая подругу, говорила Леля,— расстреливала и буду расстреливать! Потому что это самое главное! Именно это, а не эвакуация Зины. Нужно хорошо воевать. Нужно делать гораздо больше, чем я делаю... И,— Леля неожиданно оборвала себя,— мне нужно быть более выдержанной... Идите выполняйте задание!

...Первая боевая операция — взрыв моста — прошла хорошо. До сумерек пролежав в отдалении, в светло-зеленом майском кустарнике, девушки видели, как два немецких грузовика на полном ходу, налезая один на другой, дико храпя, плюхнулись в воду.

Партизанки вернулись к своим возбужденные удачей.

— ...Охранник у моста все к бутылке прикладывался. Видно, боялся простудиться: сыро, в самом деле! Когда мы выскочили, он только успел пролепетать: «Черти или всамделишные?» Убили мы предателя прикладом по затылку... Фрицы из машин в воду попадали. Мы по ним не стреляли, чтобы не привлекать внимания...— рассказывали девушки.

— Ну, у кого какое мнение? Что предлагаете, товарищи? — спросила Леля.

— Первый блин не комом!.. Теперь начало есть!.. Хорошо сработали, девушки,— послышались голоса.

— А ты довольна, командир?

— Нет!

И Колесова тут же поправилась:

— Конечно, очень здорово! Довольна!.. Я не о том... Завтра немцы выедут на восстановление. Надо не допустить. А не то сегодняшняя работа пропадет, можно сказать, почти впустую!..

Наутро Леля со своей постоянной спутницей Ниной и еще с четырьмя бойцами устроили засаду. Партизаны, вплотную подпустив немецкую машину, выскочили из кустов на дорогу. Колесова в упор огнем автомата убила шофера и офицера.

Машина потеряла управление, завалилась в кювет, придавив фрицев, сидевших в кузове. Партизаны расстреляли все патроны и без потерь отошли в лес.

И еще засады на большаках, еще несколько подорванных автомашин и десятки убитых немцев...

— Но что-то мне не нравится в тебе, Леля,— сказала как-то одна из партизанок,— ты как будто больна гриппом, что ли: щеки горят, глаза блестят, а веселости нет! Прежде ты, как говорится, веселей фрицев била!

— Может быть,— задумчиво согласилась Леля. Она вспомнила, что несколько месяцев тому назад, во время первого, пробного, как она считала, задания, она чувствовала себя действующим лицом скорее приключенческой повести, нежели реальной жизни. Да! Как ни странно, ей тогда было... да, кажется, ей было весело! Она смотрела на себя тогда в какие-то минуты немного со стороны — как будто листала страницы увлекательной книги.

Такого задора не испытывает она теперь! Ей беспокойно. И беспокойство это похоже на буйный ветер, толкающий ее все время вперед. Он горячит щеки, этот ветер, от него трескаются сухие губы и лихорадочно блестят глаза. А иногда вдруг он доносит весенний бой кремлевских курантов, запах праздничных пирогов, испеченных тетей Наташей. Ветер доносит и другое: тишину снежной темной военной Москвы и далекий молодой голос: «Какая ты хорошая... да, Леля, мы любим друг друга...»

«Уже нет детства! — говорит себе Леля.— Есть командир партизанской группы Колесова. Конечно, я хочу домой, в Москву. Но ведь это невозможно, пока не разобьем Гитлера! Значит, надо его поскорее разбить! Вот и тороплюсь, и ребят подгоняю. Немного действительно лихорадочно получается. Раньше действительно было мне как-то даже весело, а теперь беспокойно. А надо очень сознательно действовать... Цели надо выбирать покрупнее, эффективнее работать — одним словом...»

Через несколько дней Колесова с группой партизан отправилась на ликвидацию полицейского участка в большую деревню.

— Захватите бидон! — хозяйственно распорядилась Леля.— Если останется время, возьмем картошки из полицейского амбара. Ничего, что большой. Дотащим. Запасы-то у нас кончаются...

Ночь была ветреная и сырая, небо затянуто облаками. Партизаны осторожно ступали по влажному мху, по скользким

шишкам. Леле казалось, что в лесной чаще уже не ветер, а гибкие, крепкие руки деревьев подталкивают ее вперед... Вот наконец опушка леса. В тумане еле виднеется деревня. Как будто ничто не указывает на присутствие гитлеровцев в этом уголке Белоруссии... Ветер разорвал облака, и все вокруг стало голубым в лунном свете. Почудилось, что сейчас в голубом мире широко разольется протяжная белорусская песня:

Як сорву я ружу кветку,
Дый пущу на воду:
Плыви, плыви, ружа кветка,
До самого броду!..

Но до слуха Лели долетела немецкая ругань. Девушка невольно вздрогнула:

— Не мешкайте, товарищи... Ползти!

И вдруг оружейный залп.

Неужели засада?!

По счастью, никого из партизан не ранило. Они продолжали ползти вперед.

— Лежать! — по цепочке передала Колесова.

Уже давно и почти бессознательно Колесова усвоила себе ту простую истину, что внезапность — одно из главных условий успешной партизанской борьбы. Сейчас преимущественное положение было потеряно, раз полиция, очевидно, узнала о приближении группы и засела в окопах возле волостного управления. Как всегда в минуты опасности, Леля смутно почувствовала, что от нее зависит что-то очень большое: жизнь? судьба? история? Именно она должна сделать что-то очень важное. Нет, не встать и броситься вперед, увлекая за собою остальных... Хотя, может быть, и так... Надо думать... Очень трудно думать под огнем...Очень трудно принимать решение... Надо вернуть преимущество внезапности... Как?.. Облака наползают на луну... Сейчас станет совсем темно...

Догадка, почти физически ощутимо, блеснула в темноте. Совсем простое, удивительно простое решение: вызвать минутную растерянность, замешательство в немецких окопах.

— Нина,— передала по цепочке Колесова,— отползи и швыряй бидон!

Большой оцинкованный бидон, гремя привязанной на веревке крышкой, щелкая и звеня ручкой, полетел в сторону противника. Полицейские перенесли огонь на шум, и в то же мгновение, выиграв потерянную было внезапность, к окопам бросились партизаны. Несколько гранат, огонь автоматов — и поли-

цейские выбиты из окопов: двое убиты, некоторые ранены, остальные бежали.

Как обычно, возвращаясь с успешно выполненного задания, партизаны полушепотом, немного по-ребячьи, перебивая друг друга, говорили о том, что было только что, несколько минут назад:

— Вот до чего они партизан боятся! Они, наверно, наш бидон за какое-нибудь новое необыкновенное оружие приняли. У страха глаза велики!..

— Молодец Леля! Всегда что-нибудь придумает! Выдумщица!

— А сколько еще таких полицейских участков надо уничтожить! Из скольких еще городов и деревень эти осиные гнезда нужно повыковыривать! — задумчиво сказала Колесова.

Луна снова выкатилась из облаков, и светлая лунная дорожка протянулась по полю, как по морю.

— Вот этой дорожкой идти, идти — и дойдешь в конце концов до счастья! — тихо сказала Леля.

Сапоги скользили по распухшей влажной траве; с редких кустов сыпались тяжелые крупные капли. Леля догнала шедшую впереди Нину и обняла подругу за плечи.

— Сколько слез, смотри, Нинуша! Лунная дорожка моя вся мокрая. Какая все-таки трудная у нас, у нашего поколения, дорога к счастью!..

III

Полотно железной дороги. Голубоватые линии рельсов уходят вдаль и кажутся стальными обручами, крепко стягивающими громадную землю. Всегда поэтичен этот пейзаж, разрезанный железнодорожным полотном, тающие клубы паровозного дыма на насыпи, похожие на гигантские пушистые головки одуванчиков, лужайки, чуть-чуть пахнущие гарью, натянутые, как зеленые покрывала, почти на самые рельсы...

На лужайке, недалеко от железнодорожной будки, старуха рвала щавель. Она была в черном платке, черной юбке и темной кофте и вносила что-то безнадежно-тоскливое в этот зеленый, солнечный и, казалось бы, мирный уголок. Часовой с автоматом дремал на солнышке, почти скрытый пышным июньским кустом.

Из лесу тихо вышла женщина в пестрой косынке на голове, с ребенком на руках. Она бережно положила ребенка в тень и тоже стала собирать щавель.

— Голодает небось? — старуха кивнула на младенца.

— Конечно, не сытно!

— Ну, а ты-то чего вырядилась? Разве время рядиться-то? Вся земля кровью полита! В черном ходила бы, милая моя, а не в пестрой косыночке. Поскромнее одевалась бы!

— Ладно, бабушка!

Девушка выпрямилась и, слегка откинув назад голову, из-под ладони зорко всматривалась в даль. Там, в просвете между сдвинутыми зелеными крыльями леса, виднелся дымок. Гибким движением подхватив ребенка на руки, девушка в пестрой косынке сбежала с насыпи и, положа свою маленькую ношу на рельсы, стала, видимо, распеленывать младенца.

— Что делаешь, безумная? Дите загубить хочешь? — еле выговорила испуганная старуха, догадываясь, что молодая мать, очевидно, сошла с ума.

— Молчи, бабка! — Серые глаза девушки остро блеснули. Пестрая косынка упала с головы на плечи. Короткие пряди белокурых волос были влажны, а на лбу виднелась глубокая поперечная морщинка. Девушка выхватила из-за пазухи наган, и старуха попятилась, роняя щавель и растерянно бормоча:

— Да ты, никак, Колесова, Леля! Да ведь за тебя немцы вознаграждение назначили! Берегись, поймают!

— Молчи, бабка! И уходи поживей. Сейчас взрыв будет!

Колесова проводила взглядом быстро заковылявшую к лесу старуху и подумала о немецком часовом. Он похрапывал на припеке, но мог каждую секунду проснуться, увидеть распеленутого «ребенка» — мину на железнодорожном полотне и поднять тревогу. Убить его нельзя: на выстрел обратят внимание соседние часовые и предупредят поезд. Девушка кинулась к спящему.

— Партизаны! Партизаны! — возбужденно по-немецки говорила она, тряся солдата за плечо.— На опушке леса партизаны! Наверно, собираются взорвать эшелон! Иди на станцию и предупреди вахту!..

И, чтобы немецкая охрана не появилась слишком рано, Леля прибавила внушительно:

— Только не беги! А то партизаны догадаются, куда ты направляешься, и убьют тебя и меня!

Полусонный часовой поднял автомат и зашагал к станции.

Эшелон приближался. Партизанка отбежала к опушке леса. Сердце и кровь в висках стучали так, что взволнованная девушка и не расслышала взрыва. Но она видела, как повалился и окутался дымом паровоз, как полезли друг на друга вагоны,

как с платформ эшелона кувыркнулись два танка, несколько бронемашин, противотанковых пушек и автомашин.

К месту взрыва, отрезая Колесовой дорогу назад, в партизанский лагерь, уже со всех сторон мчались немецкие мотоциклисты. В лесу раздавались беспорядочные выстрелы. Девушка нырнула под густую сваленную ель и, исцарапанная, ободранная, распласталась на земле, под колючими ветками.

Ей вдруг стало совершенно ясно, что сейчас гитлеровцы ее найдут, схватят, будут пытать... И будут радоваться, что в руки им попалась партизанка Леля. Враги будут гоготать от удовольствия, что поймали «живьем» ту самую Колесову, о которой говорилось в разбросанных по белорусским деревням немецких объявлениях: «За поимку здоровенной бабы, атамана-десантницы Лельки дается вознаграждение 30 000 марок, две коровы и литр водки». Вспомнив объявление, Леля невольно улыбнулась: она была довольно высока, но ее все же никак нельзя было назвать здоровенной бабой!

Девушка лежала и ждала, когда, окруженная врагами, она должна будет метко отстреливаться, приберегая последний патрон для себя. Выстрелы и голоса в лесу то приближались к сваленной ели — убежищу Лели,— то удалялись. Наконец немцы, очевидно, ушли, решив, что дальнейшие поиски бесполезны. А может статься, тишина была хитрой ловушкой... Леля осторожно раздвинула ветки и бесшумно, как гибкий зверек, выскользнула на влажную после дождя траву. Никого как будто не было вокруг... Нет! Она не будет крадучись пробираться к лагерю. Она спокойно пойдет по дороге. Леля поправила косынку на голове, отряхнула платье, вытерла лицо и руки и деловито зашагала по дороге, ведущей через лес. Немецкий полицейский встретился ей неподалеку от деревни, мимо которой девушке предстояло пройти.

— Откуда? — грубо окликнул он Лелю.

Подражая местному говору, партизанка бойко объяснила, что ходила продавать пяток яичек в соседнюю деревню. Полицейский внимательно оглядел стройную фигурку хорошенькой крестьянки, кокетливо улыбающейся ему, и пропустил девушку, не подозревая, что перед ним была сама «здоровенная баба, атаман-десантница».

Ночью Леля Колесова благополучно добралась до лагеря. Несмотря на усталость, она охотно описала товарищам весь свой одиночный поход.

— Видите ли, друзья мои,— говорила Леля,— мне уже стало казаться, что у нас что-то неправильно. Может быть, я

не на те точки вас посылаю... Я и решила пойти одна, проверить самое себя... Раньше были неудачи из-за нашей технической неграмотности — капсули были сырые. Но теперь все в порядке! И даже днем можно рвать поезда!

...В лагере радости сменялись печалями. Умерла Зина. В последние секунды, перед смертью, она пришла в сознание и высоким, рвущимся голоском крикнула:

— Домой!

Очевидно, она вложила в это отчаянное требование все, что еще было живого в ее измученном тельце. Во всяком случае, Зина больше не произнесла ни слова, только, как голодный птенец, беспокойно открывала рот.

От Зининого выкрика — «Домой!» — у Колесовой сжалось сердце.

Леля старалась, чтобы так называемое личное занимало минимальное место в ее жизни, хотя где-то в глубине души ей начинало казаться, что всякое личное есть в то же время общественное. Ее подчиненные по отряду, ее подруги были для нее уже больше, чем подчиненными, и больше, чем подругами-сверстницами. Они казались Леле сестрами и даже иной раз... дочками!

Леле вспоминались газетные статьи о матерях, которые «радостно провожают своих детей на фронт». Когда-то она согласилась с тетей Наташей, что невозможно радостно провожать на фронт близкого, любимого человека. Теперь девушка вдруг поверила в правдивость газетных строк. Просто неточно выражались журналисты: надо было бы написать не «радостно», а «охотно», даже не только «охотно», а что мать «настойчиво провожает сына или дочку на фронт»; и, наверно, надо было бы прибавить, что душа матери разрывается от жалости...

Леля сильно похудела и, тонкая, легкая, с громадными серыми глазами, стала, несмотря на свой довольно высокий рост, похожей на девочку. Но у этой девочки был сильный металлический голос, и глаза ее, влажные иногда, когда она оставалась одна, жестко глядели на небольшую, стертую на сгибах карту района, где действовала ее группа.

Гитлеровцы блокировали район. Ежедневно, правда вслепую, бомбили лес.

Из-за блокады деятельность партизан была невероятно затруднена. Однажды, будучи в разведке, Леля узнала, что предатели выдали немцам расположение лагеря, «где прячется здоровенная баба с орденами». Колесова своевременно увела группу в глубь леса.

Отношения у Лели с подругами несколько изменились: бойцы группы не всегда решались теперь подойти запросто к очень сдержанной и подтянутой Леле, хоть не было еще случая, чтобы она не выслушала кого-либо.

Сама же Леля ощущала потребность еще более подтянуться, еще более напряженно работать. Она подала заявление о приеме в партию и стала кандидатом ВКП(б).

30 августа 1942 года в район действий группы Колесовой прилетел из Москвы подполковник — представитель Разведывательного управления. Предполагалась серьезная операция: уничтожение гарнизона сильно укрепленной немцами деревни Выдрицы. Подполковник долго беседовал с Колесовой о действиях ее группы. Вначале он говорил с девушкой несколько отеческим тоном, и серьезные красивые глаза его чуть-чуть сужались, как бы от улыбки, когда девушка особенно старательно употребляла специфически-военные выражения. Подполковник был доволен действиями группы, но был уверен, что диверсионная работа «не для девчат». Однако во время разговора с Лелей он все реже перебивал девушку снисходительными замечаниями, все чаще сам спрашивал, внимательно глядя на ее обветренное лицо:

— А ты как думаешь? А ты лично считаешь, что правильно решила?

И наконец, может быть даже незаметно для себя, он изложил Колесовой план предстоящей операции. Часть отряда предполагалось поставить на штурмовку, а километра на три-четыре вокруг Выдрицы устроить засады и заминировать дороги, чтобы отрезать Выдрицу от ближайших гитлеровских укрепленных пунктов.

— Какая роль предназначается моей группе? — спросила Колесова.

— Вам, девочки, придется, подежурить в лагере! — улыбнулся подполковник, снова возвращаясь к оставленному было им отеческому тону беседы.

— Я прошу вас...— у девушки перехватило дыхание.

— Нет, Леля! Твоя группа будет дежурить по лагерю.

Два дня Колесова просила и требовала, чтобы ее включили в боевой сборный отряд, на который возлагалось проведение предстоящей операции.

Кажется, она добилась своего одним доводом.

— Вы подрываете мой авторитет командира! — сказала Леля, зайдя в землянку подполковника вечером, накануне дня, намеченного для наступления.— И это незаслуженно... Вы не

имеете права, простите меня, подполковник, так относиться к своим кадрам... Тем более, что у меня с Выдрицей особый счет: две мои девушки погибли там, отданные предателями в руки гестапо! — добавила она упавшим голосом.

— Ну, ладно. Собирайся. Только ты одна. Девочек не бери!

Наступление началось 11 сентября 1942 года в четыре часа тридцать минут утра. Партизаны ворвались в деревню. Вместе с товарищами Леля перебегала от избы к избе, стреляя на ходу. Сильный пулеметный огонь на некоторое время прижал нападающих к земле. Леля с группой бойцов залегла за бревна. Она стреляла, слегка приподнимаясь, чтобы лучше видеть цель, стреляла сосредоточенно, хладнокровно, чувствуя, что автомат стал как бы органическим продолжением ее сильной и уверенной руки.

Лелю ранило в грудь. Она повалилась, не выпуская из рук автомата. Она еще не поняла, что с ней. Лоб ее касался шершавой влажной коры срубленного дерева, а ей казалось, что это материнская щека. Ей почудилось вдруг, что рядом — Наталья Михайловна, тетя Наташа. Леля всегда называла Наталью Михайловну тетей, хотя та очень хотела, чтобы девочка звала ее матерью... Шершавая влажная кора дерева...

— Мама! — прошептала Леля.

— Ты ранена?

Леля не слышала слов, но поняла вопрос.

— Нет, стреляй!

От взволнованного вопроса друга в горячее лицо Леле как будто пахнуло хорошим, свежим ветром.

— Лелю убили! Леля убита! — передавали друг другу партизаны.

Подполковник, не пригибаясь, бежал к бревнам, где лежала Леля.

— За Лелю! — крикнул он.

Когда бой кончился, Леля была еще жива. Она скользнула взглядом по наклоненным к ней лицам, виновато улыбнулась и тихо промолвила:

— Умираю, ребята!

Бой, который длился пять часов, закончился победой. Выдрицкий гарнизон был полностью уничтожен.

...В последней своей открытке к родным Леля Колесова писала:

«Дорогие дядя Боря и тетя Наташа! Пишу с дороги. Вот забежала в штаб, подарили открыточку, ведь нас на передовой встречают так хорошо, что и описать нельзя. Я решила ее

использовать и написать вам несколько слов. Уезжаем большим отрядом на продолжительный срок. Вот поработаем на славу! Пусть только попадутся сволочи на нашем пути, никто не уйдет! Они, правда, и так шарахаются в сторону, когда узнают, что мы недалеко. В этот раз идем на трудное дело, но все уверены, что выполним на отлично. Иначе у нас и быть не может. У нас поговорка такая: «Или грудь в крестах, или голова в кустах». Ну, ничего. Не такие-то мы раззявы, чтобы поймать нас. Милые дядя Боря и тетя Наташа, о комнате и вещах не беспокойтесь. Все в порядке. Обо мне тоже не беспокойтесь. Я буду жива и здорова, но письма от меня долго не будет...»

Вот такой и запомнили Лелю ее родные и ее товарищи: живой!

И. КРЮКОВ, А. СОЛОВЬЕВА

ПОКА БИЛОСЬ СЕРДЦЕ

В кабинет начальника одного из тульских военных госпиталей вошла невысокая, с бледным лицом девушка. На ней как-то нескладно висел изрядно поношенный больничный халат, а на ногах были непомерно большие, с притоптанными задниками тапочки.

Не ожидая, пока девушка начнет разговор, начальник госпиталя по привычке спросил:

— Зачем пожаловали, больная? Как фамилия?

— Не согласна с лечащим врачом! — неожиданно бойко ответила та, решительно проходя вперед.

— Как?! — удивился начальник.— С лечащим врачом не согласны? Как ваша фамилия? — переспросил он.

— Да, не согласна! — отрезала больная.— А фамилия моя Константинова. Ксения Константинова, старшина медслужбы...

— Константинова? — задумался начальник.— Как же, помню. Это та самая Константинова, которую доставили в госпиталь с контузией и ранением?

— Та самая.

— С Курской дуги?

— Оттуда.

— Ну и какие же у вас претензии к лечащему врачу? Чем недовольны?

— Он решил, что по состоянию здоровья я должна остаться в тылу. А я хочу на фронт! В свою часть... Я здорова.

— Голубушка,— ласково сказал начальник госпиталя.— Да вы поглядите на себя: худая, бледная, слабая! Куда вам в таком состоянии на фронт! А потом же, на Курской дуге уже давно все кончено: гитлеровцы без оглядки бегут на запад. Где вы свою часть искать будете?

— Я здорова! — упрямо повторила Ксения.— И хочу в свою часть. Где она — я знаю! Я пришла сказать, что не уйду от вас до тех пор, пока не получу документы, в которых будет указано, что я направляюсь на фронт, в свою часть.

Начальник рассмеялся:

— Характер-то, видно, у вас упрямый. Ну уж так и быть, буду ходатайствовать перед лечащим врачом, чтобы он уважил вашу просьбу.

Ксения вышла из кабинета начальника госпиталя повеселевшей. Предстоящее возвращение в родной полк было лучшим лекарством для нее.

«И в самом деле,— думала Ксения,— почему лечащий врач не хочет понять, что теперь я не могу остаться в тылу? Черствый человек! Знал бы он, как я попала на фронт, чего это мне стоило...»

Лечащий врач этого не знал. Да если бы и знал, то вряд ли принял бы в расчет то, что фельдшер из села Сухая Лубна, Рязанской области, Ксения Константинова ушла на фронт втайне от близких и друзей, даже втайне от родной матери.

Это было серым февральским утром 1943 года. Собрав узелок, Ксения тихо вышла из дома. Мать, Ирина Семеновна, не придала значения раннему уходу дочери. Но ни в тот день, ни на следующий Ксения не вернулась. А потом Ирина Семеновна получила письмо со штемпелем полевой почты. Дочь писала, что она на фронте, извинялась за то, что ушла без разрешения...

Как же после всего этого она может остаться в тылу?! Рвалась на фронт — и вдруг опять тыл! Нет, не может она с этим согласиться! Что она напишет родным, однополчанам, которым клялась, когда ее принимали в партию, драться с врагом до последнего вздоха?

Врачи разъясняли Ксении, что ранение и контузия, которые она получила в боях под Белгородом, были тяжелыми и для полного восстановления здоровья требовалась спокойная обстановка.

Но и это не убедило девушку.

— Ну, была ранена, контужена — что из этого! Теперь поправилась,— говорила она.

И Ксения за все время пребывания в госпитале впервые по-настоящему вспомнила, при каких обстоятельствах она была ранена и контужена, как попала под опеку врачей.

...Середина июля 1943 года была жаркой и душной. И без того нестерпимый зной был еще более изнурительным на пере-

довых позициях от непрерывного грохота орудий, разрывов авиабомб, мин, снарядов, от ружейно-пулеметной трескотни. Батальон, в котором Ксения была санинструктором, ни днем, ни ночью не выходил из боев. Позиции батальона по нескольку раз в день атаковали вражеские танки. В воздухе непрерывно висели фашистские самолеты и бомбили передний край.

КОНСТАНТИНОВА
Ксения Семеновна

Напряжение было таким, что люди не знали ни минуты покоя. В самом пекле боя находилась и Ксения. То и дело пополняя санитарную сумку перевязочным материалом, она выносила раненых с поля боя, оказывала им первую помощь и снова под ожесточенным обстрелом ползла на передовую. Вначале она считала, сколько раненых бойцов и командиров вынесла из-под огня, скольким спасла жизнь, а потом потеряла счет.

А в один из дней с самого утра вражеские атаки были особенно ожесточенными. Гитлеровцы обрушили на советские позиции шквал артиллерийского и минометного огня. Голубое утреннее небо заволокла густая, черная туча пыли, перемешанной с пороховой гарью.

В лощинке, между кустарником и ржаным полем, Ксения облюбовала место, куда решила выносить раненых и оказывать им медицинскую помощь. Отсюда она выползла к траншеям и вдруг впереди, за огневыми позициями, увидела вражеские танки. Они мчались прямо на подразделения батальона. Но вот перед танками густой стеной вздыбились к небу темные султаны земли. Ксения поняла: это наши артиллеристы так встретили врага. Сразу же остановились и задымили несколько танков. Остальные не рискнули идти вперед, свернули в кустарник.

Но вслед за танками наступала вражеская пехота, которую поддерживали огнем укрывшиеся в кустарнике танки, а также минометы.

Грязно-зеленые цепи фашистов приближались. Но бойцы батальона не испугались. Дружно, как один, выскочили они из окопов и бросились навстречу врагам. Не стерпела и Ксения — тоже побежала вперед.

Девушка даже не заметила, как недалеко справа шлепнулась вражеская мина, обдав ее горячим дыханием. Затем еще разрыв справа. Ксения услышала протяжный стон. «Кто-то ранен»,— мелькнуло в голове. Она остановилась и хотела было уже бежать туда, откуда доносился стон, как рядом послышался зычный крик: «Ложись!» — и чье-то грузное тело сшибло ее с ног. В ту же секунду совсем рядом раздался оглушительный взрыв. Комья земли забарабанили по спине, по голенищам кирзовых сапог. Когда немного стихло, Ксения приподняла голову. Рядом она увидела лежавшего навзничь незнакомого солдата с широко открытыми удивительно голубыми глазами, а потом поняла и ужаснулась: «Ведь он убит!» Ксения рванула на солдате гимнастерку и ухом приникла к груди. В неподвижном теле еще теплилась неостывшая кровь, но сердце солдата было безжизненным.

— Эх, дружок,— прошептала сквозь слезы Ксения,— меня спасал, а сам...

Ксения поднялась на ноги, еще раз взглянула на убитого товарища и пустилась бежать. Впереди что-то гулко ухнуло, она на миг увидела ослепительную вспышку, тело ее съежилось от ожегшей боли, сознание помутилось, и ей показалось, что она полетела в бездну...

Так Ксения попала в госпиталь. А теперь во что бы то ни стало должна вернуться в свой родной полк. Не может она больше ни одного дня оставаться здесь, в скучной госпитальной палате. Ведь там, на фронте, сражаются с врагом ее боевые товарищи, постоянно подвергая себя смертельной опасности.

И вернулась. В это время подразделения батальона вели упорные бои за шоссейную дорогу Смоленск—Витебск. Некоторые населенные пункты и просто выгодные рубежи в течение дня по нескольку раз переходили из рук в руки.

На одном участке батальону было приказано оседлать дорогу. Утомительный ночной марш совершили подразделения, а на рассвете под деревней Узгорки, Понизовского района, вступили в бой с превосходящими силами противника. Несмотря на усталость, советские воины сдержали врага, а потом и сами перешли в наступление.

Завязалась жаркая схватка за населенный пункт. Батальон нес большие потери. Ксения еле успевала выносить с поля боя

раненых. Она их отправляла в небольшой лесок, к деревне Шатилово, освобожденной от врага.

К середине дня сопротивление врага было сломлено, деревня Узгорки освобождена, шоссейная дорога перерезана. Тут Ксения узнала, что тяжело ранен командир батальона, и побежала, чтобы оказать ему помощь.

Она разыскала командира в тяжелом состоянии. Его надо было срочно доставить на ближайший медицинский пункт. Ксения решила сделать это сама.

Очень долгим был путь до медпункта. Раненый командир все больше слабел. Для его нелегкого тела единственной опорой была хрупкая фигурка санинструктора. Тяжело было, но Ксения думала об одном: как можно скорее добраться до медпункта!

На медпункте удивились, как удалось Ксении доставить такого израненного, полуживого офицера. Ей предлагали отдохнуть, но Ксении было не до этого. Быстро пополнив свою сумку медикаментами и перевязочным материалом, собралась в обратный путь.

Ей дали подводу. Надо было спешить. Она понукала ездового:

— Быстрей! Быстрей! — а сама тревожно прислушивалась к доносившемуся грохоту боя.

Там, впереди, дрался с врагом батальон, ее боевые товарищи.

Солнце клонилось к закату. Повозка мерно катилась по тряской дороге. Легкий, освежающий осенний ветерок бодрил уставшее тело. «До чего же тут красиво! — думала Ксения, глядя на тронутые осенней позолотой поля, на далекий, подернутый легкой дымкой и потому кажущийся почти фиолетовым густой гребень леса.— Совсем как у нас, в Рязани!»

Война забросила ее в другие края, а чувства будто прежние. Эх, если бы не война... От этой мысли Ксения вмиг прогнала от себя некстати нахлынувшие воспоминания.

— Быстрей! Быстрей! — снова торопила она ездового.

Вот уже показались горбатые крыши полуразрушенной деревушки, у которой в кустарнике ждут ее раненые. Среди них есть и тяжелые. Их надо сейчас же, немедленно отправить на медицинский пункт. А впереди, где-то за Узгорками, все еще гремит бой. «Наши продвинулись вперед»,— радовалась девушка.

Не теряя ни секунды, она принялась укладывать на повозку тяжелораненых, помогала встать на ноги легкораненым, объяс-

няла дорогу до медицинского пункта. Очень жалела, что на одну повозку не удалось подобрать всех тяжелораненых.

И вдруг... раздались сначала автоматные очереди, потом ударили минометы. Ксения огляделась и увидела большую группу фашистов на холме. Завидев повозку и советских солдат, гитлеровцы усилили огонь и двинулись прямо к кустарнику. «Надо отправить хоть часть тяжелораненых и дать знать батальону!» — думала Ксеня.

— Быстрей вези и обо всем доложи в батальоне,— сказала она ездовому.

А враги были уже совсем близко. Они видели повязку на рукаве у Ксени и красный крест на ее сумке и все-таки стреляли. Ксеня понимала, что не надо бы браться за оружие, но другого выхода не оставалось. Нужно было защищать раненых товарищей и себя. Она подобрала чей-то автомат, диски и ринулась навстречу врагам.

— Только через мой труп! — шептала она.

Первыми же очередями сразила нескольких фашистов, а остальные прижались к земле. Враги стали обходить кустарник слева и справа. Девушка не дрогнула. Она не рассчитывала на скорую помощь и потому дорожила каждым патроном, которых было очень мало. Каждую пулю посылала только в цель.

Пули и осколки свистели над головой, совсем рядом бороздили землю. Вот что-то острое обожгло голову, горячая струйка поползла по щеке. Ранена! Наскоро перевязав голову, она продолжала отбиваться, часто меняла позиции и очередь за очередью, пулю за пулей посылала в сторону врагов. Патроны были на исходе. Последними выстрелами буквально в нескольких шагах от себя она уложила еще несколько фашистов.

Пока билось сердце, пока могла держать в руках оружие, советская девушка коммунистка Ксения Константинова отважно дралась с врагами.

Родина достойно оценила подвиг Ксении Семеновны Константиновой. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1944 года ей посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

П. ПЕРЕПЕЧЕНКО

НА ШТУРМОВИКЕ

Фронтовая ночь. Очень плохо видно дорогу. Водитель грузовой военной машины Тамара Константинова даже на минуту не могла включить автомобильные фары: фашист заметит свет и начнет бомбить шоссе или откроет по перегону артиллерийский огонь из дальнобойных орудий.

Так и водила машину без огней Тамара. Под прикрытием темноты она доставляла на фронт все, что необходимо было для победы. Пристально вглядывалась в убегающее под колеса полотно дороги, ловко крутила баранку автомашины. Когда надо, уменьшала обороты двигателя, тормозила, а потом опять прибавляла скорость.

У этой молодой женщины в годы Великой Отечественной войны проявился твердый характер. Горе закалило ее. Много тяжелых испытаний выпало на долю Тамары.

До того дня, когда над нашей страной разразилась военная гроза, Тамара работала в аэроклубе города Калинина летчиком-инструктором. На аэродроме она часто встречала рассвет. Возвращалась домой поздно вечером, усталая, но одухотворенная.

Многим юношам и девушкам родного города помогла она обрести крылья, заслуженно считалась способным методистом: в ее группах всегда была высокая успеваемость. Курсанты любили свою наставницу, и Тамара Федоровна души в них не чаяла. Маленькая дочь Верочка, бывало, ждет маму с аэродрома, не дождется да так и уснет на руках у бабушки. А Константинова все объясняет своим питомцам теорию полета, напоминает правила производства посадки, учит их, как надо замечать ошибки в воздухе и исправлять их. Горячие и интересные были денечки.

Но вот разразилась война. Ушел на фронт ее муж Василий.

В глубь страны эвакуировался аэроклуб, а с ним и Константинова. Оборвалась ее переписка с братом — курсантом авиационного училища. На территории, занятой фашистами, остались мать, дочь, сестра.

Потом наши войска освободили Калинин. Обрадовалась Тамара, да ненадолго. Пришла новая беда: тяжело ранен Василий. Его отправили в госпиталь в глубь страны. Молодая женщина поехала к нему. Три долгих месяца не отходила от постели любимого мужа, ухаживала за ним, но спасти Лазарева врачи не смогли. Тогда-то и решила Тамара взять в руки оружие. Матери написала, что собирается на фронт — бить фашистов, и просила позаботиться о Верочке.

В военкомате Константинову постигла неудача.

— Летчики сейчас от нас не требуются,— виновато объяснил женщине военком,— такой разнарядки пока нет.

— Посылайте медицинской сестрой! — настаивала Тамара.

Через полчаса выяснилось, что фронту нужны шоферы. Константинова достала из кармана права водителя и уже на следующий день стала солдатом автомобильного батальона.

Но отважная патриотка рвалась в настоящий бой. Много раз она просила перевести ее на летную работу. И вот, наконец, перевели. Да опять не туда, куда хотела Константинова: направили в эскадрилью связи.

— Не везет! — огорчалась Тамара, однако от своей мечты не отступала.

Ей страстно хотелось в бой, настоящий бой. В газетах и журналах она видела портреты женщин — прославленных снайперов. Константинова зачитывалась очерками о медицинских сестрах, действовавших непосредственно в боевых порядках рот и батальонов.

Со своей мечтой — отомстить фашистам — пришла Константинова к командиру дивизии:

— Разрешите, товарищ генерал, летать на штурмовике!

К тому времени грозный бронированный самолет-штурмовик ИЛ-2 снискал себе настоящую боевую славу. С малых высот и даже с бреющего полета наши летчики в одиночку, парами, шестерками, а то и девятками громили фашистов, наводя на них ужас. ИЛ-2 был одним из лучших самолетов. Но летать на нем могли только экипажи физически сильные и закаленные. Генерал отлично представлял, с какими трудностями встретится летчица, и потому ответил Константиновой:

— Женщины на самолетах-штурмовиках у нас не летают: машина тяжелая.

— Но я же сильная! — с подкупающей простотой сказала Константинова.

Командир дивизии внимательно посмотрел на рослую молодую женщину: упрямая, своего добьется, да и сила, видать, есть.

— Хорошо,— согласился он,— попробуйте. Буду ходатайствовать!

Через месяц Тамара успешно освоила ИЛ-2 и получила назначение в действующий штурмовой авиационный полк. В торжественной обстановке старшине Константиновой вручили новенький самолет с бортовым номером 10.

КОНСТАНТИНОВА
Тамара Федоровна

— Теперь повоюем, друг! — сказала она, обращаясь к штурмовику, как к живому.

С первых же боевых вылетов Тамара поняла, что успешно летать на ИЛ-2 можно лишь в том случае, если в полной мере овладеешь тактикой ведения боевых действий. Ведь штурмовикам приходилось громить противника в зонах плотного зенитного огня, отбивать многочисленные атаки вражеских истребителей. Естественно, что и техника пилотирования штурмовика должна была отличаться высоким мастерством. Особое значение приобретала в бою и взаимовыручка: товарищ прикрывал товарища, ведомые — ведущего, а он, в свою очередь, принимал решения за всю группу.

Старшина Константинова в одном из боевых вылетов заметила, что зенитная батарея врага весь свой огонь сосредоточила на самолете командира. Комсомолка первая пришла на выручку командиру. Ее бомбы точно накрыли головное орудие. Расчет другой зенитной установки в панике бросился в щели.

Наши штурмовики продолжали выполнять боевую задачу. Командиру уже не угрожала непосредственная опасность. Но самолет Тамары пострадал сильно. Пробоины виднелись в крыльях. Большой осколок застрял в стабилизаторе машины, и

она была не так послушна рулям. Однако летчица продолжала выполнять задание и привела израненный штурмовик на свой аэродром.

Крещение огнем, постоянный риск не действовали угнетающе на Константинову. Она чувствовала себя хорошо в крепком боевом коллективе, и ее личные тяжелые переживания как-то даже отступили на второй план. После особенно удачных боевых вылетов Тамара просто торжествовала.

— Вот и хорошо,— подбодрил ее как-то командир эскадрильи капитан Иванов,— а то мы уж думали, что ты и улыбаться-то разучилась!

Командир и летчики знали о горе, постигшем Тамару, старались как могли отвлечь от мрачных мыслей.

Константинова очень часто думала о брате. Ей было известно, что он кончил училище и тоже воюет где-то в авиационных частях. Но где? Фронт-то велик — от Мурманска до Одессы.

— И брата твоего отыщем! — утешали Тамару товарищи.

Скоро они заметили, что от молчаливой, с серыми красивыми глазами летчицы не отходит моторист Александра Мукосеева. Их сблизило горе. У Тамары погиб муж, у Шуры — старший брат. И однажды между летчицей и ее подчиненной состоялся задушевный разговор.

— Не могу я больше, Тамара Федоровна, в мотористах ходить, хочу, как вы, в бой летать!

Вместе боевые подруги пошли к командиру. Капитан Иванов согласился с просьбой обеих женщин. И скоро Шура стала летать воздушным стрелком в экипаже Константиновой. Когда советские войска вошли в Восточную Пруссию, женский экипаж имел уже более двух десятков боевых вылетов. Каждый из них заставлял женщин анализировать свои действия в воздухе, думать, как перехитрить врага, нанести ему возможно больший урон, а самим остаться невредимыми.

Больше всего штурмовики опасались огня вражеских зениток и атак его истребителей. Не мог избежать этой опасности и экипаж Константиновой. Два ФВ-190 подкараулили их штурмовик на пути от объекта бомбометания к дому. Они появились неожиданно. Но воздушный стрелок Мукосеева их заметила.

— Командир, «фоккеры»! — предупредила она.

Фашистские летчики рассчитывали с первой атаки расправиться со штурмовиком. Но Константинова сделала резкий маневр и с большим креном вывела свой ИЛ-2 в сторону солнца. Ослепленные его лучами, пилоты на вражеских самолетах на

какое-то мгновение потеряли из виду советский штурмовик, а сами оказались мишенью. Раздалась очередь крупнокалиберного пулемета. Истребитель с крестами на фюзеляже задымил, перешел в отвесное пикирование и взорвался при ударе о косогор.

Летчица и не думала о том, что в этом очередном воздушном бою дыхание смерти пронеслось где-то рядом с ней. Боевой день только начался. Гитлеровцы отступали. Наши танкисты, артиллеристы, саперы, автоматчики продвигались вперед по земле врага. Погода благоприятствовала полетам. И Тамара в уме подсчитывала, сколько боевых вылетов их экипаж сумеет сделать за день.

А если опять их штурмовик атакуют истребители фашистов, то опять будет бой. Не на жизнь, а на смерть. И откуда берутся силы! Наверное, такой уж у Константиновой твердый, русский характер. Ни за что не уступит фашистам. Будет биться до победы.

Опять в группе капитана Иванова вылетела она на очередное боевое задание. Штурмовикам был дан приказ: заставить замолчать артиллерийские батареи противника около одного населенного пункта.

Наши самолеты стали в круг. Такой боевой порядок позволял прикрывать товарища и попеременно атаковать заданные объекты фашистов на земле. Капитан Иванов еще на аэродроме распределил обязанности экипажам: кто бьет по полевым батареям противника, а кто уничтожает его зенитные средства. Дальнобойная батарея фашистов, которая вела по нашим войскам методический огонь, досталась на долю Константиновой. Она и нашла ее сама с воздуха.

Первая серия бомб, сброшенных летчицей, легла точно на огневые позиции батареи, но никакого вреда ей не причинила — так глубоко в землю зарылись фашисты, надежно спрятали технику. Тамара пошла на второй заход.

Во втором заходе летчица обстреляла батарею из пушек. Гнев душил Константинову. Но это было не просто негодование или злость, в порыве которой человек не помнит, что делает. Нет, сердце Тамары билось учащенно, а разум был спокоен. С холодным рассудком, твердой памятью и терпением двенадцать раз делала она заход за заходом, пока не разбила батарею.

Двенадцать раз происходил перепад давления у членов героического экипажа. Кровь отливала от головы. Руки и ноги наливались свинцом, а Константинова продолжала в прицел ловить противника. И уничтожила его. Она и сама не подозревала, сколько у нее еще нерастраченных сил.

Эти качества очень пригодились Константиновой, когда она стала командиром звена, а потом заместителем командира штурмовой эскадрильи. Одно дело отвечать за свои действия, другое — за коллектив. Тамара Федоровна стала еще требовательнее к себе. Каждое боевое задание тщательно обдумывала на земле, если, конечно, позволяла обстановка. Обязательно изучала с личным составом различные варианты предстоящего вылета. И она, и подчиненные твердо знали, что им предстоит делать, если строй штурмовиков на маршруте или над полем боя подвергнется атакам вражеских истребителей. Учила, как надо оберегать подбитый самолет товарища, никогда не бросать друга в беде.

— В бою без риска нельзя,— объясняла Константинова молодым летчикам,— но это должен быть обоснованный риск, с учетом сил противника и своих возможностей.

Под ее командованием летчики эскадрильи произвели триста пятнадцать боевых вылетов: на разведку, штурмовку оборонных объектов, железнодорожных узлов, аэродромов противника, его живой силы и боевой техники на переднем крае и в прифронтовой полосе. Огромный ущерб нанесла эскадрилья фашистам. Это подтверждалось фотоснимками, докладами летчиков-истребителей из группы прикрытия, авиационными и общевойсковыми командирами, наблюдавшими за действиями штурмовиков с близко расположенных от линии фронта НП.

Героем Советского Союза возвратилась в родной Калинин старший лейтенант Константинова. И велико же было удивление и радость Тамары Федоровны, когда на пороге родного дома ее встретил брат — Герой Советского Союза Владимир Федорович Константинов!

Тогда же на семейном совете было решено, что Владимир остается беречь мир и труд советского народа в рядах Вооруженных Сил, а Тамара уходит на новый фронт — гражданского строительства.

Ныне коммунист Герой Советского Союза Тамара Федоровна Константинова живет и трудится в Воронеже. Она заместитель заведующего областным отделом социального обеспечения. В своей повседневной работе Тамара Федоровна постоянно руководствуется девизом партии, провозглашенным в ее новой программе, принятой XXII съездом партии: «Человек человеку друг, товарищ и брат».

П. ЛИДОВ

ТАНЯ

В первых числах декабря 1941 года в Петрищеве, близ города Вереи, немцы казнили восемнадцатилетнюю комсомолку-москвичку, назвавшую себя Татьяной.

То было в дни наибольшей опасности для Москвы. Дачные места за Голицыном и Сходней стали местами боев. Москва отбирала добровольцев-смельчаков и посылала их через фронт для помощи партизанским отрядам в их борьбе с противником в тылу.

Вот тогда в Петрищеве кто-то перерезал все провода германского полевого телефона, а вскоре была уничтожена конюшня немецкой воинской части и в ней семнадцать лошадей. На следующий вечер партизан был пойман.

Из рассказов солдат петрищевские колхозники узнали обстоятельства поимки партизана. Он пробрался к важному военному объекту. На нем была шапка, меховая куртка, стеганые ватные штаны, валенки, а через плечо — сумка. Подойдя к объекту, человек сунул за пазуху наган, который держал в руке, достал из сумки бутылку с бензином, полил из нее и потом нагнулся, чтобы чиркнуть спичкой.

В этот момент часовой подкрался к нему и обхватил сзади руками. Партизану удалось оттолкнуть немца и выхватить револьвер, но выстрелить он не успел. Солдат выбил у него из рук оружие и поднял тревогу.

Партизан был отведен в избу, где жили офицеры, и тут только разглядели, что это девушка, совсем юная, высокая, стройная, с большими темными глазами и темными стрижеными, зачесанными наверх волосами.

Хозяевам дома было приказано выйти в кухню, но все-таки они слышали, как офицер задавал Татьяне вопросы, и как та

быстро, без запинки отвечала: «нет», «не знаю», «не скажу», «нет», и как потом в воздухе засвистели ремни, и как стегали они по телу. Через несколько минут молоденький офицерик выскочил оттуда в кухню, уткнул голову в ладони и просидел так до конца допроса, зажмурив глаза и заткнув уши.

Хозяева насчитали двести ударов, но Татьяна не издала ни одного звука. А после опять отвечала: «нет», «не скажу», только голос ее звучал глуше, чем прежде.

После допроса Татьяну повели в избу Василия Александровича Кулика. На ней уже не было ни валенок, ни шапки, ни теплой одежды. Она шла под конвоем в одной сорочке, в трусиках, ступая по снегу босыми ногами.

Когда ее ввели в дом, хозяева при свете лампы увидели на лбу у нее большое иссиня-черное пятно и ссадины на ногах и руках. Руки девушки были связаны сзади веревкой. Губы ее были искусаны в кровь и вздулись. Наверно, она кусала их, когда побоями от нее хотели добиться признания.

Она села на лавку. Немецкий часовой стоял у двери. С ним был еще один солдат. Василий и Прасковья Кулик, лежа на печи, наблюдали за арестованной. Она сидела спокойно и неподвижно, потом попросила пить. Василий Кулик спустился с печи, подошел было к кадушке с водой, но часовой оттолкнул его.

— Тоже хочешь палок? — злобно спросил он.

Солдаты, жившие в избе, окружили девушку и громко потешались над ней. Одни шпыняли ее кулаками, другие подносили к подбородку зажженные спички, а кто-то провел по ее спине пилой.

Натешившись, солдаты ушли спать. Часовой вскинул винтовку наизготовку и велел Татьяне подняться и выйти из дома. Он шел позади нее вдоль по улице, почти вплотную приставив штык к ее спине. Потом он крикнул: «Цурюк!» и повел девушку в обратную сторону. Босая, в одном белье, ходила она по снегу до тех пор, пока ее мучитель сам не продрог и не решил, что пора вернуться под теплый кров.

Этот часовой караулил Татьяну с десяти вечера до двух часов ночи и через каждые полчаса — час выводил ее на улицу на пятнадцать — двадцать минут. Наконец изверг сменился. На пост встал новый часовой. Несчастной разрешили прилечь на лавку.

Улучив минуту, Прасковья Кулик заговорила с Татьяной.

— Ты чья будешь? — спросила она.

— А вам зачем это?

— Сама-то откуда?

— Я из Москвы.

— Родители есть?

Девушка не ответила. Она пролежала до утра без движения, ничего не сказав более и даже не застонав, хотя ноги ее были отморожены и не могли не причинять боли.

Никто не знает, спала она в эту ночь или нет и о чем думала она, окруженная злыми врагами.

Поутру солдаты начали строить посреди деревни виселицу.

Прасковья снова заговорила с девушкой:

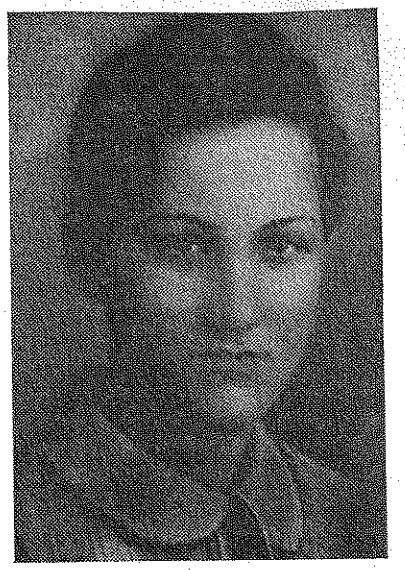
— Позавчера это ты была?

— Я... Немцы сгорели?

— Нет.

— Жаль. А что сгорело?

— Кони ихние сгорели. Сказывают, оружие сгорело...



КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ
Зоя Анатольевна

В десять часов утра пришли офицеры. Старший из них по-русски спросил Татьяну:

— Скажите, кто вы?

Татьяна не ответила...

Продолжения допроса хозяева уже не слышали: им велели выйти из комнаты и впустили обратно, когда допрос был уже окончен.

Из комендатуры принесли часть Татьяниных вещей: жакет, брюки, чулки. Шапка, меховая куртка и валяные сапоги исчезли: их успели уже поделить между собой унтер-офицеры. Тут же лежала ее походная сумка, и в ней — бутылки с бензином, спички, патроны к нагану, сахар и соль.

Татьяну одели, и хозяева помогали ей натягивать чулки на почерневшие ноги. На грудь Татьяне повесили отобранные у нее бутылки с бензином и доску с надписью: «Партизан». Так ее вывели на площадь, где стояла виселица.

Место казни окружало десятеро конных с саблями наголо. Вокруг стояло больше сотни немецких солдат и несколько офицеров. Местным жителям было приказано собраться и присут-

ствовать при казни, но их пришло немного, а некоторые, придя и постояв, потихоньку разошлись по домам, чтобы не быть свидетелями страшного зрелища.

Под спущенной с перекладины петлей были поставлены один на другой два ящика из-под макарон. Татьяну приподняли, поставили на ящик и накинули на шею петлю. Один из офицеров стал наводить на виселицу объектив своего «кодака»: немцы — любители фотографировать казни и экзекуции. Комендант сделал солдатам, выполнявшим обязанность палачей, знак обождать.

Татьяна воспользовалась этим и, обращаясь к колхозницам и колхозникам, крикнула громким и чистым голосом:

— Эй, товарищи! Чего смотрите невесело? Будьте смелее, боритесь, бейте немцев, жгите, травите!

Стоявший рядом немец замахнулся и хотел то ли ударить ее, то ли зажать ей рот, но она оттолкнула его руку и продолжала:

— Мне не страшно умирать, товарищи. Это — счастье умереть за свой народ...

Фотограф снял виселицу издали и вблизи и теперь пристраивался, чтобы сфотографировать ее сбоку. Палачи беспокойно поглядывали на коменданта, и тот крикнул фотографу:

— Скорее же!

Тогда Татьяна повернулась в сторону коменданта и, обращаясь к нему и к немецким солдатам, продолжала:

— Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня. Солдаты! Пока не поздно, сдавайтесь в плен, все равно победа будет за нами! Вам отомстят за меня...

Русские люди, стоявшие на площади, плакали. Иные отвернулись и стояли спиной, чтобы не видеть того, что должно было сейчас произойти.

Палач подтянул веревку, и петля сдавила Танино горло. Но она обеими руками раздвинула петлю, приподнялась на носках и крикнула, напрягая все силы:

— Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь!..

Палач уперся кованым башмаком в ящик, и ящик заскрипел по скользкому, утоптанному снегу. Верхний ящик свалился вниз и гулко стукнулся оземь. Толпа отшатнулась. Раздался и замер чей-то вопль, и эхо повторило его на опушке леса...

Она умерла во вражьем плену, на фашистской дыбе, ни единым звуком не выдав своих страданий, не выдав своих товарищей. Она приняла мученическую смерть, как героиня, как дочь

великого народа, которого никому и никогда не сломить! Память о ней да живет вечно!

...В ночь под новый год перепившиеся фашисты окружили виселицу, стащили с повешенной одежду и гнусно надругались над ее телом. Оно висело посреди деревни еще день, исколотое и изрезанное кинжалами, а вечером 1 января фашисты распорядились спилить виселицу. Староста кликнул людей, и они выдолбили в мерзлой земле яму в стороне от деревни.

Таню похоронили без почестей, за деревней, под плакучей березой, и вьюга завеяла могильный холмик.

А вскоре пришли те, для кого Таня в темные декабрьские ночи грудью пробивала дорогу на запад.

Остановившись для привала, бойцы придут сюда, чтобы до земли поклониться ее праху и сказать ей душевное русское «спасибо», и отцу с матерью, породившим на свет и вырастившим героиню, и учителям, воспитавшим ее, и товарищам, закалившим ее дух.

И немеркнущая слава разнесется о ней по всей советской земле, и миллионы людей будут с любовью думать о далекой заснеженной могилке...

КТО БЫЛА ТАНЯ

Указом Президиума Верховного Совета СССР комсомолке партизанке Зое Космодемьянской посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

О ее подвиге было рассказано в очерке «Таня», напечатанном в «Правде» 27 января 1942 года. Тогда еще не было известно, кто она. Ни на допросе, ни в разговоре с петрищевской крестьянкой Прасковьей Кулик девушка не назвала своего имени и лишь при встрече в лесу с одним из верейских партизан сказала, что ее зовут Таня. Но и здесь из предосторожности она скрыла свое настоящее имя.

Московский комитет комсомола установил, кто была эта девушка.

Это — Зоя Анатольевна Космодемьянская, ученица десятого класса школы № 201 Октябрьского района города Москвы.

Ей было восемнадцать лет. Она рано лишилась отца и жила с матерью Любовью Тимофеевной и братом Шуриком близ Тимирязевского парка, в доме № 7 по Александровскому проезду.

Высокая, стройная, плечистая, с живыми темными глазами и черными, коротко остриженными волосами — таким рисуют

друзья ее внешний облик. Зоя была задумчива, впечатлительна, и часто вдруг густой румянец заливал ее смуглое лицо.

Слушаешь рассказы ее школьных товарищей и учителей, читаешь ее дневники, сочинения, записи, и одно поражает в ней всюду и неизменно: необычайное трудолюбие, настойчивость, упорство в достижении намеченной цели. Перед уроками литературы она прочитывала множество книг и выписывала понравившиеся места. Ей хуже давалась математика, и после уроков она подолгу засиживалась над учебником алгебры, терпеливо разбирая каждую формулу до тех пор, пока не усваивала ее окончательно.

Зою избрали комсомольским групповым организатором в классе. Она предложила комсомольцам заняться обучением малограмотных домохозяек и с удивительным упорством добивалась, чтобы это начинание было доведено до конца. Ребята вначале охотно принялись за дело, но ходить нужно было далеко, и многие быстро остыли. Зоя болезненно переживала неудачу. Она не могла понять, как можно отступить перед препятствием, изменить своему слову, долгу...

Русскую литературу и русскую историю Зоя любила горячо и проникновенно. Она была простой и доброй советской школьницей, хорошим товарищем и деятельной комсомолкой, но кроме мира сверстников у нее был и другой мир — мир любимых героев отечественной литературы и отечественной истории.

Порой друзья упрекали Зою в некоторой замкнутости; это бывало тогда, когда ее целиком поглощала только что прочитанная книга. Тогда Зоя становилась рассеянной и нелюдимой, как бы уходя в круг образов, пленивших ее своей внутренней красой.

Великое и героическое прошлое народа, запечатленное в книгах Пушкина, Гоголя, Толстого, Белинского, Тургенева, Чернышевского, Герцена, Некрасова, было постоянно перед мысленным взором Зои. Это прошлое питало ее, формировало ее характер. Оно определило ее чаяния, порывы, оно с неудержимой силой влекло ее на подвиг за счастье своего народа.

Зоя переписывала в свою тетрадь целые страницы из «Войны и мира». Ее классные работы об Илье Муромце и о Кутузове написаны с большим чувством и глубиной и удостаиваются самой высокой оценки. Ее воображение пленяет трагический и жертвенный путь Чернышевского и Шевченко; она мечтает, подобно им, послужить святому народному делу.

Перед нами записная книжка, которую Зоя Космодемьянская оставила в Москве, отправляясь в поход. Сюда она занесила то, что вычитала в книгах и что было созвучно ее душе. Приведем несколько выписок, они помогут нам понять Зою.

«...В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли (Чехов).

Быть коммунистом — значит дерзать, думать, хотеть, сметь (Маяковский).

Умри, но не давай поцелуя без любви (Чернышевский).

За десять французов я ни одного русского не дам (Кутузов).

Ах, если бы латы и шлем мне достать,
Я стала б отчизну свою защищать...
Уж враг отступает пред нашим полком.
Какое блаженство быть храбрым бойцом!

(Гете)».

«Какая любвеобильность и гуманность в «Детях солнца» Горького!» — записывает она карандашиком в свою памятную книжку. И далее: «В «Отелло» — борьба человека за высокие идеалы правды, моральной чистоты, тема «Отелло» — победа настоящего, большого, человеческого чувства!»

С какой-то особенной, подкупающей, детской искренностью и теплотой пишет Зоя о том, в ком воплощено горделивое вчера, бурливое сегодня и светлое завтра нашего народа,— об Ильиче.

В этих записях она вся — чистая помыслами и всегда стремящаяся куда-то ввысь, к достижению лучших человеческих идеалов.

Июнь 1941 года. Последние экзамены. Зоя переходит в десятый класс, а через несколько дней начинается война. Зоя хочет стать бойцом, она уходит добровольцем в истребительный отряд.

Она прощается с матерью и говорит ей:

— Не плачь, родная. Вернусь героем или умру героем.

И вот Зоя в казарме, в большой и показавшейся ей суровой комнате, перед большим столом, за которым сидит командир отряда. Командир долго и испытующе вглядывается в ее лицо.

— Не боитесь?

— Нет, не боюсь.

— В лесу, ночью, одной ведь страшно?

— Нет, ничего.

— А если к немцам попадетесь, если пытать будут?

— Выдержу...

Ее уверенность подкупила командира, и он принял Зою в отряд. Вот они, латы и шлем бойца, которые грезились Зое!

17 ноября она послала матери последнее письмо: «Дорогая мама! Как ты сейчас живешь, как себя чувствуешь, не больна ли? Мама, если есть возможность, напиши хоть несколько строчек. Вернусь с задания, так приеду погостить домой. Твоя Зоя». А в свою книжечку занесла строку из «Гамлета»: «Прощай, прощай! И помни обо мне».

На другой день у деревни Обухово, близ Наро-Фоминска, с группой комсомольцев-партизан Зоя перешла через линию фронта на занятую противником территорию.

Две недели они жили в лесах, ночью выполняли свое боевое задание, а днем грелись в лесу у костра и спали, сидя на снегу и прислонившись к стволу сосны. Иных утомили трудности похода, но Зоя ни разу не пожаловалась на лишения. Она переносила их стойко и гордо.

Пищи было запасено на пять дней. Ее растянули на пятнадцать, и последние сухари уже подходили к концу. Пора было возвращаться, но Зое казалось, что она сделала мало. Она решила остаться, проникнуть в Петрищево. Она сказала товарищам:

— Пусть я там погибну, зато десяток немцев уничтожу.

С Зоей пошли еще двое, но случилось так, что вскоре она осталась одна. Это не остановило ее. Одна провела она две ночи в лесу, одна пробралась в деревню к важному вражескому объекту и одна мужественно боролась против целой своры терзавших ее с безумной жестокостью фашистов. И в эти последние часы ее, наверно, не покидали и окрыляли любимые образы героев и мучеников русского народа!

Как-то Зоя написала в своей школьной тетради об Илье Муромце: «Когда его одолевает злой нахвальщик, то сама земля русская вливает в него силы». В те роковые минуты словно сама родная, советская земля дала Зое могучую, недевичью силу. Эту дивную силу с изумлением вынужден признать даже враг.

В наши руки попал унтер-офицер Карл Бейерлейн, присутствовавший при пытках, которым подверг Зою Космодемьянскую командир 332-го пехотного полка 197-й немецкой дивизии подполковник Рюдерер. В своих показаниях гитлеровский унтер, стиснув зубы, написал:

«Маленькая героиня вашего народа осталась тверда. Она не знала, что такое предательство... Она посинела от мороза, раны ее кровоточили, но она не сказала ничего».

Зоя умерла на виселице с мыслью о Родине. В смертный час она славила грядущую победу.

Тотчас после казни площадь опустела, и в этот день никто из жителей не выходил на улицу без крайней необходимости. Целый месяц висело тело Зои, раскачиваемое ветром и осыпаемое снегом. Прекрасное лицо ее и после смерти сохранило свою свежесть и чистоту, и печать глубокого покоя лежала на нем. Те, кому нужно было пройти мимо, низко опускали голову и убыстряли шаг. Когда же через деревню проходили немецкие части, тупые фрицы окружали виселицу и долго развлекались, тыкая в тело палками и раскатисто гогоча. Потом они шли дальше, и в нескольких километрах их ждало новое развлечение: возле участковой больницы висели трупы двух повешенных немцами мальчиков.

Так шли по оккупированной земле, утыканной виселицами, залитой кровью и вопиющей о мщении.

Немцы отступали поспешно и впопыхах не успели сжечь Петрищево. Оно одно уцелело из всех окрестных сел. Живы свидетели кошмарного преступления гитлеровцев, сохранились места, связанные с подвигом Зои, сохранилась и могила, где покоится ее прах.

И холм славы уже вырастает над этой едва приметной могилкой. Молва о храброй девушке-бойце передается из уст в уста в освобожденных от фашистов деревнях. Бойцы на фронте посвящают ей свои стихи и свои залпы по врагу. Память о ней вселяет в людей новые силы. «Нам, советским людям,— писал в редакцию «Правды» студент-историк,— много еще предстоит пережить. И если трудно придется, я прочту снова этот печальный рассказ и погляжу на прекрасное, мужественное лицо партизанки».

Лучезарный образ Зои Космодемьянской светит далеко вокруг. Своим подвигом она показала себя достойной тех, о ком читала, у кого училась жить.

(Перепечатано из газеты «Правда»
от 27 января и 18 февраля 1942 года).

И. КРЮКОВ

ДЕВУШКА С КУБАНИ

Стояло знойное лето 1942 года. Немецко-фашистские войска рвались к Волге, на Северный Кавказ. Бои уже шли под Ростовом. 691-й стрелковый полк, изрядно потрепанный в непрерывных схватках с врагом, срочно получал пополнение и готовился к выступлению.

В один из дней в штаб полка вошла невысокая девушка. Она доложила офицеру:

— Снайпер Костырина прибыла в ваше распоряжение.

Офицер с минуту молчал, разглядывая хрупкую фигуру девушки в военной форме, потом уставшим голосом спросил:

— Снайпер, говорите?

— Так точно!

— А я думал, санинструктор... Стрелять-то умеете?

Слушая офицера, Костырина почему-то вспомнила почти такой же разговор, который произошел в военкомате, когда она просилась на фронт. Тогда спрашивали:

— Военная специальность?

— Никакой,— отвечала она.

— Раненых перевязывать умеете?

— Нет.

— Стрелять учились?

— Тоже нет.

— Что же будете делать на фронте?!

— Снайпером хочу быть и прошу меня научить этому.

Настойчивость девушки понравилась работникам военкомата, и они помогли ей попасть в школу снайперов. И не пожалели. Татьяна Костырина отлично успевала в учебе. Она хорошо изучила винтовку, теорию стрельбы, метко стреляла.

И вот теперь прибыла в полк. Давно мечтала об этом дне, а тут опять допрос — кто да что? почему снайпер, а не санинструктор? Обидно!

От этих мыслей у девушки как-то невесело стало на душе. Офицер заметил это и сказал:

— Нам и снайперы нужны. Позарез нужны! Где же ваша винтовка?

Таня показала на дверь:

— Там. Я ведь не одна.

— Понимаю. Значит, в нашем полку прибыло! Откуда родом будете?

— Почти местная, с Кубани.

Офицер обрадованно переспросил:

— С Кубани? Хорошо!

Обрадовалась и Таня.

— Случайно, не земляки будем? — спросила она.

— Нет, я из Сибири, но Кубань хорошо знаю. Люблю Кубань...

Горячо любила свой богатый край и Татьяна Костырина — девушка из города Кропоткина, что зеленым островом раскинулся на берегу полноводной Кубани. Любила его за то, что здесь прошли ее детство и юность, за привольный простор степей...

На другой же день полк выступил на фронт. Нещадно жгло солнце. С воздуха то и дело беспокоили вражеские самолеты. Изнуренные солдаты тяжело преодолевали каждый километр пути. Шли молча, томясь от жажды. По запыленным, уставшим лицам людей катились струйки пота, гимнастерки покрывались солью. А бойцы все шли и шли. Тане хотелось сделать что-нибудь такое, что подбодрило бы людей. И она запела звонким голосом:

Шли на фронт большие танки,
Задержались у села,
И к танкисту молодому
Трактористка подошла...

Песню подхватили, и она полетела над строем. Легче стало идти и дышать легче, колонна выровнялась.

3-й батальон, в который определили Таню, с ходу вступил в бой, сдерживая натиск врага. Не такой оказалась боевая обстановка, какой она представляла ее, будучи в школе. Думала так: попадет на передовые позиции — десятками будет истреблять врагов из своей снайперской винтовки. А вышло не так. За несколько суток пребывания на фронте убила всего семь

гитлеровцев. Больше того, в эти дни под натиском врага пришлось отступать.

Она осунулась, помрачнела. Товарищи коротко и непонятно для нее успокаивали:

— Ничего не попишешь — война!

Иногда и у самой Тани на смену безысходной тоске приходила трезвая мысль. Ну почему она злится на себя? Потому, что мало истребила врагов, что вместе с полком, с дивизией, вместе с другими частями отдавала врагу километры родной земли? А им, ее товарищам по оружию, разве легко это сознавать? И Таня вспоминала первый бой, когда она лицом к лицу встретилась с врагом.

Бой начался на рассвете. Батальон окопался в степи. Прямо перед собой Таня увидела какие-то непонятные клубы пыли. Они подкатывались все ближе и ближе. Их было много. Справа и слева от Тани бойцы отцепляли от поясных ремней гранаты, выкладывали на бруствер окопа бутылки с горючей жидкостью и в суровом молчании напряженно ждали.

Все явственнее доносился металлический лязг, гул моторов. Таня поняла: танки! На позиции вдруг обрушился шквал огня. Впереди, позади и над самими окопами взметнулись к небу черные столбы земли. Пронзительно засвистели осколки. Таня опасливо втянула голову в плечи и присела на дно окопа. Где-то сзади, совсем рядом с окопами, оглушающе рявкнули залпы. Тане показалось, будто, разозлившись на все и вся, злобно зарычала сама земля, готовая поглотить все живое. В страхе девушка даже забыла, где она и что ей надо делать.

Мимо, пригнувшись, пробежали по окопу два бойца. Один на секунду остановился и громко крикнул:

— Слышишь, наши застучали! — и показал рукой в сторону жиденьких кустарников, что позади окопов.

Таня непонимающе поглядела ему в лицо. Боец улыбнулся:

— Пушки, говорю, наши бьют! Немецкие танки кромсают! Гляди-ка вот туда! — кивнул он головой вперед, за окоп, и побежал дальше.

Костырина поднялась со дна окопа, высунула голову из-за бруствера. Впереди творилось что-то невероятное. С десяток огромных костров, разрезая густую седую завесу пыли, коптили небо. Несколько вражеских танков на значительном расстоянии от окопов прогуливались в степи. Их стальные хоботы поворачивались то в одну, то в другую сторону, изрыгали языки пламени.

Таня крепче сжала в руке винтовку, опустилась на колени и

лязгнула затвором. «А где же они, фашисты?» — подумала. На поле боя, кроме вражеских машин, она ничего не видела. Как же так? Что делать?

В этот момент ближайший к ней танк, быстро шедший вдоль окопов, словно обо что-то споткнувшись, неожиданно остановился и как-то странно заюлил на месте. Из-под гусениц вырвались клубы черного дыма. На башне приподнялся круглый колпак, и показалась голова танкиста. Таня взяла на прицел врага, уже успевшего по пояс подняться над башней. Нажала на спусковой крючок, и тело гитлеровца повисло на броне. В ту же минуту раздался оглушительный взрыв, и танк загорелся.

А потом Таню кто-то резко дернул за плечо, и она присела на дно окопа. Подняла глаза: перед ней, пригнувшись, стоял молоденький лейтенант — командир взвода — и молча показывал рукой вверх. Воздух содрогался от гула моторов. Над окопами, совсем низко, пролетали вражеские бомбардировщики. Ахнули первые разрывы бомб. Потом еще, еще и еще...

Костырина закрыла глаза. Совсем рядом слышались оглушительные взрывы. Тане показалось, что она тут одна-единственная, что все позабыли о ней. Нестерпимо часто стучало сердце, звенело в голове и в ушах.

Но вот взрывы прекратились, шум моторов удалялся. Таня по-прежнему лежала на дне окопа, прижавшись спиной к стенке. В ушах не унимался звон, ныло все тело.

И вдруг:

— Танки!

— Приготовиться, танки! — полетело по окопу.

Таня встрепенулась, хотела подняться на ноги, но они не слушались. Она всем телом навалилась на бруствер.

Танки! Их было много. Они неслись прямо к окопам, стреляя на ходу из пушек и пулеметов. По ним били советские артиллеристы, уже подожгли несколько машин.

Недалеко от окопа разорвался вражеский снаряд. Горячая волна с силой отбросила Таню к задней стенке окопа. Девушка почувствовала, как из рук медленно уползает винтовка, в глазах стало темно...

Очнулась от прикосновения чьих-то рук. С трудом приподнялась, села. Перед ней на корточках сидел боец с зеленой сумкой через плечо, на которой ярко горел красный крест. Только тут она вспомнила, что с ней случилось.

— Ты ранена,— сказал санитар.— Сиди спокойно.

Таня в испуге ощупала себя руками. Боли не было, только сильно кружилась голова да немного тошнило.

— Нет,— сказала она.— Я не ранена.

В окоп все еще доносился глухой шум боя. Таня спросила у санитара:

— Как там? — и кивнула в сторону бруствера.

— Там без тебя обойдутся,— ответил тот сердито.— Держись-ка за мои плечи и — айда...

— Я никуда не пойду! — отрезала девушка и, взяв винтовку, встала.

Впереди факелами пылали подбитые танки. Таня поглядела влево и ужаснулась: прямо на подбитый немецкий танк с гранатами в руках от окопов шел солдат. Он был без каски, рубашка изодрана, без ремня.

— Куда тебя понесло? — закричала Таня.

Ее голоса, конечно, никто не услышал. А боец все шел и шел. Вдруг из-под танка, к которому шел смельчак, застучал пулемет. Вокруг бойца забили фонтанчики сухой земли, он упал и стал ползти.

Таня пригляделась к танку. За гусеницей лежал пулеметчик, еще двое немцев возились у другой гусеницы — ремонтировали. Голова пулеметчика то на секунду высовывалась, то снова пряталась. Вот в оптический прицел Таня снова увидела разгоряченное лицо пулеметчика. На этот раз голова врага не успела спрятаться — она беспомощно ткнулась в землю.

Все это произошло в какие-то секунды. Немцы, ремонтировавшие танк, попытались было скрыться за машину, но одного из них тоже настигла Танина пуля. Второй был добит вместе с танком воином-смельчаком...

Таким был первый бой для снайпера Тани Костыриной.

Вечером полк отступил. Потянулись тяжелые, душные, как знойная пустыня, дни. Полк отступал от рубежа к рубежу. За каждый рубеж враг платил дорогой ценой. И вот Таня снова на родной кубанской земле. Натиск врага заметно ослаб. Уже несколько дней полк не отступает. Даже не верится. Окопались прочно.

Впереди перед батальоном высота 104,3, захват которой дорого обошелся гитлеровцам. Теперь батальону приказано снова вернуть высоту.

Началась артиллерийская подготовка. Временами высота будто растворялась в густых облаках пыли и дыма. А потом в атаку поднялись пехотинцы. В числе первых бежала и Таня.

Уже у самой высоты неожиданно ударили два ранее молчавших вражеских пулемета. Цепи наступавших залегли. Таня прыгнула в воронку от снаряда. Отсюда она видела, как по

тому месту, откуда стреляли вражеские пулеметы, ударили наши пушки. Один пулемет сразу же замолчал, второй продолжал вести огонь.

Таня хорошо видела, что фашисты стреляют из-за большого валуна. Девушка решила во что бы то ни стало уничтожить этих пулеметчиков. Она быстро выскочила из воронки и, прижимая к телу винтовку, проворно поползла вправо. Залегла в небольшой канавке и стала наблюдать за тем местом, откуда бил пулемет. «Вот проклятущие, они же проделали бойницу под самым валуном. Да, трудно будет их достать»,— думала Таня.

И вдруг она увидела, как из небольших кустиков ползет немец, навьюченный зелеными коробками. Он полз к валуну. «Ну нет, не подпущу!» — И Таня послала пулю в сторону врага. Его тело несколько раз дернулось и распласталось на земле.

— Вот так, сволочи, без патронов много не повоюете!

И действительно, пулеметные очереди стали реже и короче. Костырина не сводила глаз с того места, где лежал убитый подносчик патронов. Она знала, что гитлеровские пулеметчики попытаются утащить зеленые коробки. И не ошиблась. Когда из-за высоты рявкнули очередные артиллерийские залпы, от валуна к убитому пополз фашист. Таня дала ему возможность отползти подальше от валуна и увидела, что из-за валуна вывернулся второй гитлеровец и пополз вслед за первым. «Это хорошо!» — подумала Таня и тут же взяла его на мушку. Выстрел был точным. До смерти перепуганный первый фашист так рванулся назад, что с его головы даже каска слетела. Но недалеко успел он отползти.

Это был пятый враг, убитый в этом бою Таней. Девушка улыбнулась: «Как я его...» — и тут же спохватилась: медлить нельзя, теперь дорога каждая секунда!

Таня поднялась во весь рост, ее звонкий голос властно прозвучал над полем боя:

— Вперед, товарищи, за мной! — и бросилась на высоту.

Она бежала не оглядываясь, а позади уже гремело дружное «ура!».

Сильная боль обожгла все тело. Ранена! Но продолжала бежать. А силы уже убывали, в глазах расплывались белые круги, и она вначале опустилась на колени, а потом припала к земле... Мимо нее бежали товарищи, кричали «ура!». Она приподняла голову, посмотрела вперед и тоже хотела крикнуть «ура!», но не получилось. Вскоре ее подобрали санитары...

Свой родной полк Таня догнала в Крыму, под Керчью. Она истосковалась по товарищам. Ей хотелось скорее пойти в бой и снова бить врага до полного изгнания с родной земли.

...Завязались бои за крупный населенный пункт Аджи-Мушкай. Гитлеровцы крепко держались за него. На подступах к Аджи-Мушкаю они построили несколько линий траншей, возвели противотанковый ров, надолбы, густую сеть огневых точек, многие места заминировали.

Но надо было во что бы то ни стало взять Аджи-Мушкай. Эта задача выпала и на долю полка, в котором служила снайпер Таня Костырина.

Подразделения полка несколько раз поднимались в атаку и каждый раз под губительным огнем врага откатывались назад.

Уже несколько часов шел бой. Таня убила четырнадцать вражеских солдат и офицеров, но и сама была ранена. Перевязав рану, она не покидала поле боя. Цепи наступающих советских воинов были совсем близко от вражеских позиций.

Огонь фашистов становился все сильнее. Он прижимал наших воинов к земле. В этот момент был убит командир. А надо было продолжать атаку, вести людей вперед. Исход боя решали смелость, дерзость, находчивость. И отважная девушка не растерялась.

— Вперед, товарищи! За мной! — крикнула она и бросилась на вражеские позиции.

Взвод за взводом, рота за ротой устремились вперед. В траншеях завязалась рукопашная схватка. Гитлеровцы в панике покидали свои позиции.

Уже на самой окраине населенного пункта на Таню бросился гитлеровец. Девушка опередила фашиста своим выстрелом. Но в тот же момент прогремел еще один выстрел, и вражеская пуля оборвала жизнь Тани.

Когда гитлеровцы были выбиты из населенного пункта и бой закончился, полк, склонив боевое знамя, под звуки прощального залпа хоронил свою любимицу — Таню Костырину.

Родина высоко оценила боевые заслуги своей верной дочери — Татьяны Игнатьевны Костыриной. Ей посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Е. ВОЛОДИНА, А. РАДЧЕНКО

ПАРТОРГ РОТЫ

Экзамены в Запорожской школе медицинских сестер подходили к концу. Люда Кравец, как и многие ее подруги, собиралась продолжать учебу в медицинском институте. Но грянула война.

...В комнату, где заседала комиссия по распределению, один за другим заходили выпускники. Возвращаясь, они показывали направления в различные больницы области.

— Кто следующий?

Зашла Люда Кравец. Она заявила:

— Мне дайте направление на фронт.

— А вы представляете, какие лишения вас там ожидают?

— Я готова ко всему во имя Родины.

Члены комиссии знали, что она хорошо училась, овладела парашютным делом, умела плавать. Но разве это все, что нужно для фронта? Выдержит ли трудности боевой обстановки эта маленькая восемнадцатилетняя девушка?

Но, зная упорство Людмилы, директор школы позвонил в военкомат и рассказал о ее просьбе.

Через несколько дней в домик на улице Шевченко, что в поселке Кушугум, Запорожской области, пришла повестка из военкомата.

— Ну, мама, ухожу в армию.

У обеих на глаза навернулись слезы.

— Мама, родная, не плачь. Я вернусь... Я скоро вернусь...

Агафья Максимовна не пыталась отговаривать дочь: знала ее характер.

...Эвакогоспиталь в Омске. Здесь тоже ощущалось дыхание войны. Но Людмиле казалось, что на фронте, на передовой, она приносила бы больше пользы.

Два рапорта написала Людмила с просьбой о посылке в действующую армию. Ей отказали.

— Кто хочет, тот добьется,— сказала она и написала третий рапорт.

На этот раз просьбу ее удовлетворили.

В Омске Людмилу Кравец направили в полковую санроту. Занимаясь своими непосредственными делами санинструктора, она настойчиво изучала оружие. Понимала, что на фронте это может пригодиться.

И пригодилось. В 1942 году, когда часть вступила в бой на Северо-Западном фронте, ей часто приходилось браться за автомат.

В часы затишья Людмила вела общественную работу. Бойцы с удовольствием слушали ее беседы.

Но бывали поручения и посложнее.

— Однажды ночью,— рассказывает Людмила,— мне поручили прочитать листовки немцам, написанные специально для них. Я поползла. Холодный колючий ветер мел поземку. Не видно было ни зги. Очень обрадовалась, когда в темноте заметила свой ориентир — отдельные кусты на противотанковом минном поле. Рядом проходила знакомая дорожка. Вот и укромное местечко, которое не раз выручало. Устроившись поудобнее, я начала с помощью рупора читать листовки. Казалось, не так уж и громко получалось. Но меня услышали: на следующий день сдались в плен двадцать девять гитлеровцев.

Еще ответственней была работа в стрелковой роте, куда Кравец перевели по ее настойчивой просьбе. Во время боев она оказывала первую помощь раненым, перевязывала их непосредственно на поле боя, эвакуировала в санвзвод.

А вскоре среди раненых, отправляемых в госпиталь, оказалась и сама Людмила. Санитарный поезд увозил ее на восток. Тогда и узнала она о первой правительственной награде. Окружающие принялись поздравлять, ее же мысли были далеко, на месте последнего боя.

Ранение оказалось серьезным: были повреждены обе ноги и рука. Прошедшие столько фронтовых дорог, ноги Людмилы теперь отказывали. Эту страшную мысль подтвердили врачи, на лицах которых она прочла: нужна ампутация. Но главный хирург всячески оттягивал окончательное решение, применяя новейшие методы лечения. И не ошибся. Закаленный, выносливый организм победил жестокую болезнь. Правда, сразу на фронт Людмила возвратиться не смогла — ее направили санинструктором в запасный полк, который располагался в небольшой

деревне. Вокруг была изрешеченная пулями, перерытая снарядами голая земля. И неподалеку — чудом уцелевший лес. Один из домов этой деревни остался в памяти Кравец на всю жизнь.

КРАВЕЦ
Людмила Степановна

Собрание назначили на вечер. Длинным показался этот день Людмиле. В который раз мысленно повторяла она все, что будет рассказывать о себе на собрании. А когда оно началось, говорить, по сути, было не о чем: слишком короткой была ее биография, о наградах говорилось в анкете. И она смущенно опустила глаза.

Боевая, задорная в обычное время, она присмирела, притихла, когда начали говорить о ней товарищи. Мнение у всех было одно: Людмила Степановна Кравец достойна быть кандидатом в члены Коммунистической партии. Девушка уходила с собрания счастливой, зная, что в партию принимают только лучших. Если уж ей оказали такое доверие, она оправдает его.

И опять рапорты с просьбой послать на фронт. Вскоре Людмила снова оказывает первую помощь бойцам на передовой. В одном из боев вражеские разрывные пули настигли отважного санинструктора.

В памяти сохранилось самое тяжелое. Группа медиков устроилась в блиндаже. Готовились к приему раненых. И вдруг огромной силы взрыв потряс воздух. Что было потом — Люда не знает. Она надолго потеряла сознание. Первое, что увидела, когда очнулась, была ее косынка, висевшая неподалеку на дереве. Вокруг ни одной живой души: погибли товарищи. Горько терять боевых друзей, тем более в такой момент, когда медицинская помощь могла потребоваться другим.

Наутро стали поступать раненые. Людмила, превозмогая боль (в правую руку попал осколок), бинтовала раны, поддерживала солдат теплым словом:

— Молодец! Вот это солдат! — хотя сама тоже нуждалась в помощи: опухла рука, поднялась температура.

Но заменить ее было некем.

— Держитесь! — просил командир.

И Кравец держалась. Девяносто пять раненых перевязала. И так перевязывала, что в санроте сразу узнавали ее работу и посылали раненых в медсанбат, не перебинтовывая. С последней группой в медсанбат отправилась и сама Кравец. Коллеги вытащили из правой руки осколок, и она вернулась в строй.

Радостно встретили своего санинструктора полковые друзья. Снова слушали они на привалах и в короткие передышки между боями украинские песни. И казалось им, что Людмила поет их с каждым разом все задушевнее и задушевнее.

Но таких передышек было мало. Шли ожесточенные бои с врагом. Нанося удары один сильнее другого, советские воины шаг за шагом освобождали родную землю от фашистских оккупантов. Заседать было некогда. Партийное собрание проводилось буквально на ходу. Да и не было необходимости доказывать, что место бесстрашного воина Людмилы Кравец — в рядах членов Коммунистической партии.

Людмила Кравец всегда была с бойцами, пользовалась всеобщим уважением, и не удивительно, что вскоре она возглавила партийную организацию роты.

Храбрость и самообладание ни разу не изменяли этой верной дочери Родины. О ее мужестве, отваге не раз писали фронтовые газеты. Среди документов Людмилы Степановны хранится маленькая газетная вырезка. «Она спасла десятки жизней» — так называлась заметка.

«Откуда у нее столько силы? — удивляется каждый, когда узнает, что маленькая девушка в одном из недавних боев вынесла на своих плечах из-под огня десятки раненых бойцов и офицеров,— говорится в заметке.— За время Отечественной войны санинструктор Людмила Кравец спасла не один десяток жизней. Родина вознаградила ее за отвагу и самоотверженность. Храбрая девушка награждена тремя орденами Красной Звезды и медалью «За отвагу».

Очень многие воины вспоминают Людмилу с сердечной, братской благодарностью».

...Немцы закрепились на выгодном рубеже. Парторг Людмила Кравец понимала, что от этого боя во многом зависит дальнейший успех наступления. Она собрала перед боем коммунистов, коротко рассказала о задаче роты, каждому дала поручение.

Бой начался рано утром. После сильной артиллерийской подготовки наши части пошли на штурм вражеских укреплений.

— Горит советский танк,— крикнул кто-то.

«Там ведь люди»,— подумала Людмила и поспешила к горящей машине.

С одним из бойцов, появившимся около танка, Кравец вытащила раненого водителя, остальные погибли. Танкист был без сознания. Мины ложились все ближе и ближе. Девушку ранило в бедро. Но она все-таки устроила танкиста в укромном месте и поспешила в свое подразделение.

Тут Кравец узнала, что ранен командир подразделения. Людмила не растерялась. И, когда увидела, что пошли в наступление наши танки, она подняла бойцов в атаку.

— Вперед! Вперед! — слышался воодушевляющий призыв.

Звонкий голос девушки казался необычным в грохоте боя, и тем сильнее звучал он, тем большее воздействие оказывал на бойцов.

Подразделение заняло две линии вражеских траншей и, развивая наступление, приближалось к хутору. На пути наступавших оказался небольшой ручей. Стараясь задержать здесь советских солдат, противник открыл яростный огонь. В роте не осталось ни одного офицера. Людмила понимала, что только решительные, немедленные действия могли обеспечить успех в выполнении задачи, поставленной командованием. Она первой бросилась вброд через ручей, увлекая за собой бойцов.

А местность открытая, чрезвычайно невыгодная для наступавших. Трудно было продвигаться вперед, приходилось бороться за каждый клочок земли.

Разгоряченные бойцы смело шли на схватку с противником и в рукопашном бою овладели частью хутора.

Не сразу поверили на командном пункте, что этим боем руководила скромная девушка — гвардии старший сержант Людмила Степановна Кравец. А когда убедились — представили к высшей награде.

...В Берлине бои были еще ожесточеннее. Враг яростно сопротивлялся, стрелял из каждого окна, подвала, чердака.

— Гитлеровцы за домом устанавливают миномет,— сообщил командир роты.— Мы бы могли уничтожить его, но у нас нет ни одной гранаты.

Людмила поняла это как приказ достать их. Не много времени отсутствовала она. Вскоре вернулась с добычей. Никто не спросил, откуда взялись гранаты. Но каждый знал, что доста-

лись они ей нелегко. Фашистский миномет вместе с расчетом взлетел на воздух...

Приближался праздник Победы. Отмечать его Людмиле Кравец пришлось в госпитале: незадолго до окончания войны она получила пятое ранение.

Как с близкими и родными встретилась Людмила после выздоровления со своими однополчанами, которые незадолго перед этим узнали радостную весть: неустрашимому в борьбе с врагом санинструктору 1-го стрелкового батальона 63-го гвардейского стрелкового Рижского полка 23-й гвардейской стрелковой Дновской краснознаменной дивизии 3-й ударной армии Людмиле Степановне Кравец было присвоено звание Героя Советского Союза.

...Тихая зеленая улица Володарского в Запорожье. В глубине двора красивый каменный дом. Вокруг яблони, сливы, груши. Под одним из развесистых деревьев и вели мы беседу с хозяйкой дома — Людмилой Степановной Кравец. Она познакомила нас со своим мужем — другом военных лет Владимиром Николаевичем Ледвиным, ныне нормировщиком весоремонтного завода.

Растут в семье помощники — Валерий и Ирина. Родились они после войны, и хорошо, что им не довелось слышать сирен боевой тревоги, гула вражеских самолетов, оглушающих взрывов бомб. Но они знают, что была война, что мама и папа были на фронте, что мама не раз была ранена и контужена. И если Людмила Степановна болеет (сказываются военные годы), многие заботы дети берут на себя.

Людмила Степановна любит быть среди людей — в школах, клубах, парках. Она рассказывает о героической борьбе советского народа в годы войны против фашизма, призывает молодежь беречь завоеванное отцами и матерями, бороться за мир на всей планете.

ГЕННАДИЙ ФИШ

КАРЕЛЬСКИЕ ДЕВУШКИ

I

На третий день своего пути по лесу они дошли до родника, пробивавшегося, казалось, из-под самых корней старой ветвистой березы.

— Здесь было условлено, в дупле,— сказала Аня и подошла к дереву.

Марийка стояла рядом, не сводя своих голубых глаз с подруги.

Аня вытащила из дупла сложенную как конверт бересту и развернула ее. Внутри лежала записка. Обе головы — Анина, с гладкими, тонкими косичками, которые так смешно подпрыгивали, когда она играла в волейбол, и Марийкина, тоже светлая, но с подстриженными, вьющимися, точно всегда взлохмаченными волосами,— склонились над запиской...

— Вот тебе и раз! — опечалилась Аня, прочитав две лаконичные строки.

Сказала она это по-вепсски, но Марийка поняла ее разочарование. В записке были только две фразы: «Нас здесь нет. Дома вас ждут».

Фраза эта означала, что партизанский отряд Ивана Власовича, который посылал девушек в длительную разведку в родное село Ани — Шелтозеро, оккупированное белофиннами, ушел в другие места. Это означало еще и то, что, если девушкам удалось получить важные сведения, они должны немедля доставить их через линию фронта к своим.

А сведения действительно были очень важные. Аня и Марийка шли, радуясь тому, что они смогут на карте точно указать места, где расставлены орудия неприятельских гарнизонов в окрестных деревнях и их численность. Они поименно знали

также и всех предателей в районе и могли рассказать партизанам о тех жестокостях, которые в своем неистовстве совершали белофинны. И наконец, они несли подлинные документы финской администрации и командования. Каждый день «командировки», длившейся почти месяц, каждый час ее, каждая минута угрожали девушкам смертью...

И вот теперь, после трех дней ходьбы по лесу, без еды, с одним только маленьким пистолетом, они стояли у старой березы и перечитывали записку, предписывавшую им дальнейший одинокий путь. Отсюда, из глубокого финского тыла, до линии фронта по прямой было восемьдесят километров.

— Ну что ж, пойдем,— сказала Аня и посмотрела на циферблат финского компаса, прилаженного, как часы, на правой руке.

— Пойдем,— повторила Марийка,— пусть Иван Власович не пожалеет, что отправил нас.

Иван Власович был учителем в той школе, в которой до войны училась Аня. Еще совсем недавно ему и в голову не могло прийти, что он будет командовать партизанским отрядом, а его бывшая ученица придет в отряд как рядовой боец.

— Так я на вас рассчитываю,— сказал он, беседуя с девушками перед тем, как они отправились в «командировку».— Помните партизанскую присягу? — И сердце его сжалось, когда он вдруг подумал о том, что грозит им, если они попадут в руки врага... Немного помолчав, Иван Власович вдруг строго спросил у Ани:

— Лисицына, можно ли тебе доверить такое дело? Дисциплина у тебя в школе хромала, к тому же ты никогда не сознавалась, когда не знала урока. Помнишь, я как-то спросил у тебя, где находится Красное море, а ты ответила: «У нас в Карелии. Раньше оно называлось Белым, а после революции его переименовали»? — Иван Власович улыбнулся.

Марийка прыснула со смеху, а Аня покраснела.

— Так ведь то когда было? А теперь я взрослая — через неделю восемнадцать лет стукнет...

После этого разговора прошло уже больше месяца. И сейчас, возвращаясь обратно, Ане было приятно думать, что Иван Власович будет доволен их работой.

«Я расскажу ему про нашу школу»,— думала она, отмахиваясь от надоедливых комаров.

В ту школу, где совсем еще недавно училась Аня, сейчас прислали учителя из Финляндии. Учитель этот бьет детей линейкой по рукам и по ушам. Он избил Володьку Полубелова,

который всего на два класса был моложе Ани, за то, что тот ответил ему на какой-то вопрос по-вепсски.

— Про племя вепсов,— говорил еще в школе Иван Власович,— наверно, мало кто знает, и от каждого из нас зависит прославить его на весь мир...

ЛИСИЦЫНА
Анна Михайловна

II

Очень легко объяснить, как надо идти в лесу по азимуту, но самому проходить через густой осенний лес, когда каждая ветка норовит или хлестнуть по лицу, или изорвать в клочья платье, когда надо прислушиваться к каждому шороху, таясь перебегать дороги, обходить стороной жилье,— очень сложно и трудно, особенно если за твоей спиной всего восемнадцать лет и ты еще совсем недавно боялась оставаться одна в темной комнате. Но сейчас рядом ровным, размеренным шагом шла Марийка, и Аня, глядя на подругу, успокаивалась.

Они шли целый день без отдыха, на ходу грызли хрустящие на зубах сухари, которые казались им самым изысканным яством.

Вокруг стоял пестрый карельский лес. Ровная гладь тихих прозрачных озер у берегов покрыта была золотым ковром листьев, опавших с берез. Осины трепетали всем своим разноцветным оперением при малейшем дуновении ветерка. Шли они всю ночь и только перед рассветом часа на два забылись неуютным лесным сном. Спали полусидя, прислонившись спинами друг к другу, чтобы было теплее, потому что при таком сне раньше всего холодеет спина.

Утром траву покрыл иней. Девушки пошли дальше. Они радовались, что все было спокойно и никто не пересек их пути. Над лесом стоял зыбкий утренний туман. Подруги пробирались, видя перед собой всего на несколько шагов.

Солнце было уже высоко, когда туман разорвался, и Аня вдруг увидела, что они идут по совсем черной земле. Земля и стволы сосен были совершенно черные, и только хвоя — оранжевая, цвета апельсиновой корки.

Это был тот самый лес, который в июле подожгли партизаны, чтобы выгнать белофиннов на дорогу. Всего в нескольких шагах от девушек быстро прошла, раздвигая кусты, лосиха с двумя телятами...

— Жаль, ружья нет!

— Все равно нельзя стрелять,— отозвалась Аня, но при мысли о жареном мясе у нее засосало под ложечкой.

Потом земля стала мягкой. Следы наливались водой.

Аня остановилась у ели перемотать портянки, и вдруг услышала всплеск и легкий вскрик. Она быстро сунула ногу в тяжелый яловый сапог и поспешила вперед, к подруге, перескакивая с кочки на кочку, прошла метров тридцать и остановилась. Шагах в десяти перед ней в трясине барахталась Марийка. С каждой минутой она погружалась все глубже и глубже. Аня растерянно оглянулась, не зная в первый момент, что же делать, чем помочь. Увидев Аню, Марийка поднесла к шее руку и стала развязывать шнурок, на котором был кисет с бумагами, добытыми в финском штабе.

«Аня их доставит»,— подумала Марийка.

Невдалеке стояло сухое, тонкое мертвое деревцо.

Аня, не разбирая дороги, скользя по мшистым кочкам, падая и снова поднимаясь, подбежала к деревцу. Сухое, оно легко поддалось ее усилиям. Она подтащила легкий ствол к тому месту, где была ее подруга. Трясина доходила Марийке уже чуть ли не до груди. Аня протянула ей деревцо. Марийка не могла до него дотянуться. Аня подтолкнула деревцо вперед.

— Клади его поперек! — закричала она.

— Тише ты! — негромко отозвалась Марийка и дотянулась наконец до сучковатого ствола. Упершись грудью в него, она подтянулась на руках и уже совсем изнеможенная выбралась из трясины. Когда Аня увидела, что подруга в безопасности, она сразу как-то неожиданно ослабела и, чтобы не упасть, прислонилась к колючему можжевеловому кусту.

Марийка, выйдя на сухое место, выжала юбку, и девушки двинулись дальше в путь.

— Это я в кино видела, как человек из болота спасся. Доску поперек себя положил, оперся на нее и выполз,— говорила Аня, останавливаясь около брусничной россыпи.— Вот так

и я с тобой сделала,— продолжала она, опрокидывая в рот полную ладонь вкусных, чуть горьковатых ягод.

— А ты так ловко с елкой управилась,— сказала Марийка,— как настоящий лесоруб. Ты кем собираешься быть? — спросила она вдруг и сама удивилась, что, познакомившись и подружившись в отряде, они об этом до сих пор не разговаривали.

— Я очень платья разные люблю, материи цветные. Хочу после войны в текстильный институт пойти, по окраске материй работать. А ты?

— Я? Я в позапрошлом году летчицей собиралась быть. Даже с парашютом прыгала. Потом решила, что буду морским капитаном... Но началась война. Мне еще два класса оставалось... Мы в Пряже жили... Я сначала хотела вместе с другими эвакуироваться, чтобы продолжать учиться. Но знаешь, в июле ребятишки играли на улице, копались в пыли — и вдруг налетели финские самолеты... Что тут было!.. Они из пулеметов расстреливали детишек. Соседскую девочку — шестилетнюю — убили. Я ее на руках в комнату внесла. Такая хорошая девочка была, умница. Мать ее с ума сошла... В тот день я решила, что нет, не буду эвакуироваться, не будет мне спокойствия, пока...

— Понимаю,— прервала ее Аня,— понимаю.

III

К вечеру девушки вышли на берег широкой быстрой реки.

До наших оставалось не больше двадцати километров. Но надо было перебраться на противоположный берег. Лесистый и обрывистый, он чернел в каких-нибудь двухстах метрах от того места, куда вышли из чащобы девушки.

На другом берегу горели костры. Видно было, как черные фигурки суетятся около огня, подбрасывают хворост, подвешивают к треноге котелок. Девушки прошли вниз по реке метров двести.

— Ох, погреться бы у костра, попить горячего чаю и надеть тапочки,— мечтательно сказала Аня.

— Тоже мне вояка! — снисходительно улыбнулась Марийка. И ей, особенно после болота, хотелось погреться у костра, но она боялась сознаться в этом.

Близ у реки лежало несколько сухих тонких деревьев. Видно, кто-то из окрестных крестьян еще в прошлом году заготовлял себе дрова да, застигнутый бедой, так и оставил их валяться на берегу.

Девушки стали вязать плотик. Пошли в ход и косынки, и пояса, и гибкие ивовые ветви...

Через час плотик был готов.

— Ты веришь в гадание? — спросила Марийка.

— Чепуха! — откликнулась Аня.

— Конечно, чепуха! — повторила Марийка и вспомнила, как вместе с подругой Паней Савватьевой в ночь под Новый, 1941 год они вышли на лед озера. Невдалеке от берега чернели свежесрубленные двухэтажные дома Пряжи. Девушки долго стояли в темноте, на морозе, прислушиваясь, откуда залают собаки... В ту сторону, стало быть, и выходить замуж...

— Аня! — тихо сказала Марийка.— Если что-нибудь со мной случится, передай, пожалуйста, в Беломорск, Васе, что я очень много о нем думала...

— Передам.— И Аня столкнула плот на воду.

Марийка стояла на коленях, отталкиваясь от берега суковатой длинной палкой. Река была широкая и быстрая. Нескладно, наскоро сделанный плот уже метрах в десяти от берега стал распадаться, косынка развязалась, стволы уходили из-под ног, холодная вода подобралась к щиколоткам. А до противоположного берега еще далеко. Скоро плот совсем распался. Уцепившись за бревна, девушки добрались обратно к тому берегу, от которого только что отплыли.

— Плаваешь? — спросила Марийка у Ани.

— Конечно!

— Тогда надо переплывать. Холодновато, но зато к утру обогреемся уже у наших. Наедимся в четыре горла.

Девушки не торопясь разделись, оставив на себе только трусики. Марийка положила финские бумаги и компас себе в берет и приладила его на голове. А платья девушки связали в узелок, в который уложили и пистолет.

— Я поплыву с ним,— сказала Аня, решительно тряхнув головой, так, что кончики косичек подпрыгнули выше затылка.

Ступня ее ощутила прикосновение мелкого, бархатистого, рассыпчатого песка, холод почти ключевой воды.

— Ох,— сказала она, сделав шаг вперед, и погрузилась по горло в воду.

Марийка тоже вошла в реку. Она оттолкнулась ногами от дна и, глубоко вдохнув воздух, поплыла к противоположному берегу. От холода заныло все тело. Плыла она, как говорят мальчишки, по-лягушечьи: выкидывая вперед руки и разводя их.

Аня плыла быстрее, чем Марийка, но она была тоненькая, и ее скорее охватил пронизывающий холод.

Она взглянула вперед. Перед ней поднимался крутой лесистый берег. Отдельные деревья в темноте были неразличимы. Лес стоял плотной, темной, непроницаемой стеной. До этого берега было сейчас дальше, чем до оставленного позади. Аня плыла и слышала ровное дыхание немного отставшей Марийки и плеск разрезаемой телом воды. Вдруг судорогой свело ее левую ногу. И сразу же, испугавшись, она стала плыть, загребая руками теперь вразнобой. Рот ее полуоткрылся, и она хлебнула немного холодной невкусной воды. Слева Аня видела дробящееся в воде, зыбкое отражение пламени костров. Оттуда раздавались громкие голоса.

«Вот крикну — и спасут!» — мелькнула мысль, сразу как-то успокоившая ее. Она стала дышать ровнее и попробовала, может ли двигать левой ногой. Но режущая боль судороги подобралась и к правой ноге.

«Если закричу, спасут!» И вдруг она страшно испугалась того, что она действительно закричит. Сбегутся от костров белофинны и, вытащив из воды, схватят ее и Марийку, и все, что они узнали, вся работа пойдет прахом. А Иван Власович тихо скажет себе:

— Напрасно я понадеялся на этих девчонок.

И она вспомнила лицо Ивана Власовича, родное, трогательное и немножко смешное, когда он хочет казаться строгим. Нет!

— Марийка,— задыхаясь, спросила Аня,— ты доплывешь? Доплывешь, Марийка?

— Доплыву.

— Ты все помнишь: и про батареи, и про гарнизоны?

— Помню.

Берег был уже не так далек. Течение очень сильное, и казалось, что берег быстро плывет им навстречу. Аня снова глотнула воды.

«Ой, закричу!»

Костры горели по-прежнему. И тогда, больше всего на свете боясь, что она закричит, Аня закусила правую руку повыше кисти и почувствовала на языке солоноватый вкус крови.

Марийка, подплывая к ней, услышала последние слова подруги. Она увидела, как голова Ани ушла под воду и снова вынырнула, увидела знакомые блестящие глаза, закушенную руку. Подплыв к Ане, Марийка ухватилась за кончик косички и потянула ее к себе, но от чрезмерного усилия сразу потеряла дыхание и сама чуть не захлебнулась. Холод колол ее тело тысячью

острых каленых иголок, и она поняла, что если еще хоть минуту промедлит, то и сама не выплывет. Марийка подняла руку к голове. Берет был совсем сух. Под ним топорщились бумаги. Часто и прерывисто дыша, чувствуя, что сердце бьется где-то у горла, Марийка подплывала к берегу. Она ухватилась обеими руками за выступавший высоко над водой узловатый корень старой сосны, подтянулась, выползла на берег и встала. Тело ее дрожало непрерывной мелкой дрожью. Разглядывая гладь реки, Марийка даже не заметила, что зубы ее стучат.

Вода была темной.

— Аня,— тихо сказала Марийка,— так вот ты какая!

Не замечая времени, она стояла на берегу, разглядывая реку, зная, что некого ждать, и все же еще сердцем не веря в гибель подруги.

Потом она сняла берет, проверила, на месте ли документы, положила шуршащую бумагу обратно, натянула на голову берет и вдруг вспомнила, что ей не во что одеться.

Сверток с платьем утонул.

Голодная, в одних трусах Марийка упрямо шла по лесу, изредка проверяя направление по компасу. Ветви царапали тело в кровь, но она шла, не обращая внимания на царапины. Тело ее посинело от холода. Густыми тучами носились вокруг комары. Сначала она веткой отмахивалась от них, но потом перестала: все равно не отобьешься! Все тело казалось одной большой зудящей раной.

Днем, надергав мха с кочек и покрывшись им, девушка забылась коротким, тревожным сном, пригреваемая косыми лучами солнца. Внезапно очнулась... Ей показалось, что она забыла, в каком гарнизоне сколько солдат, забыла имена предателей... Тогда Марийка стала вспоминать места, где были расположены орудия, и имена, и все, о чем следовало рассказать своим. Но нет, хотя голова кружилась от слабости, она хорошо помнила все, что следовало.

На другой день, когда Марийка отдыхала, прикрывшись мхом, она услышала финскую речь... Невдалеке, по дороге, прошел неприятельский патруль. Потом проехал автомобиль. Ей не хотелось вставать. Была такая слабость, что, казалось, нет большего наслаждения, чем лежать так, без движения, без дум... Но вдруг словно электрический ток прошел по телу. Марийка вскочила и пошла. Ей вспомнилось милое лицо, голубые глаза и какой-то незнакомый мотив венгерской песенки, которую любила напевать Аня...

Теперь она шла уже не нагибаясь, чтобы сорвать ягоды:

когда она нагибалась, ее тошнило, кружилась голова, и потом трудно было снова определить, в какую сторону надо идти... Так добрела до большого завала, который тянулся влево и вправо на несколько километров.

«Здесь пройду»,— решила Марийка и стала переползать через бревна. Сучья царапали ее, приподнять ногу казалось непосильным трудом... Она ложилась всем телом на бревно и затем медленно переваливалась на другую сторону. Ей надо было несколько минут отдыхать, прежде чем снова повторить движение. Два или три раза она засыпала среди деревьев, а проснувшись, не помнила, утро сейчас или вечер. И взяв в рот сухую горькую кору, снова начинала переползать через поваленные деревья со вздыбленными ветвями...

Лежавшую без чувств девушку нашли около завала наши разведчики.

Через три часа Марийку, укутанную в одеяла, уже отпаивали крепким горячим чаем. У нее пересыхали губы, и глаза тоже были сухие. И только через несколько дней, рассказывая медсестре об Ане, она вдруг вспомнила веселую косичку и робкий голос:

— Доплывешь?

Вспомнила руку, закушенную, чтобы не закричать, и залилась слезами...

Через некоторое время вражеские гарнизоны и батареи, о которых сообщила Марийка, были уничтожены партизанами. И это было лучшим лекарством для лежавшей в госпитале девушки.

Месяц спустя она написала в Кемь, своей подружке-однокласснице Пане Савватьевой, что ее наградили орденом. И среди воспоминаний о том, как они вместе ходили гулять на «горку любви» в Пряже, как разговаривали о пушкинской Татьяне, были такие, написанные разбросанным, еще не выработавшимся почерком строки: «Если бы не было войны, то сейчас мы с тобой учились бы уже в десятом классе... Вот было бы хорошо!»

IV

На всю жизнь в памяти Даши Дудковой осталась эта минута, это прощание в предрассветной полумгле, когда Марийка, торопливо обняв, поцеловала ее в щеку, а затем повернулась и зашагала к лесной опушке. Пройдя шагов двадцать, она обернулась, помахала рукой подруге и, уже не оглядываясь, перескакивая с кочки на кочку, скрылась за деревьями. Уже давно исчезла в глубине чащи ее невысокая плотная фигурка, уже

солнце поднялось над лесом, а Даша все еще стояла, глядя в ту сторону, куда ушла Мария Мелентьева.

Весь вечер перед этим Марийка начинала писать какую-то записку. Но, видимо, ей никак не удавалось написать задуманное, потому что она рвала бумагу на мелкие клочки, снова писала и снова разрывала.

— Даша! — наконец сказала она.— Ты ведь все знаешь! Помоги, а то я очень волнуюсь, и у меня ничего не получается.

И впрямь, было от чего волноваться Марийке.

Выздоровев, она стала требовать, чтобы ее отправили назад, в партизанский отряд.

— Я там нужнее, чем здесь! — говорила она.

Просьбу Марии удовлетворили. Ее решили послать для связи в один из партизанских отрядов, действующих далеко в тылу врага.

Весь день она заучивала наизусть то, что следовало передать в отряды, а вот теперь, вечером, перед уходом, хотела написать письмо Василию, с которым они вместе учились в школе, которого она любила...

«Ну вот, Василий,— писала она,— через несколько часов я буду очень далеко от тебя, и ты совсем не вспомнишь ту девушку, которая любила тебя. Для тебя это не новость...— Тут у Марийки перехватывало дыхание и карандаш начинал дрожать в руке.— Видишь ли, Вася, когда мы шли по лесу с Аней, мы много говорили о жизни и о любви... Я говорила ей о тебе...»

С помощью Даши письмо было дописано поздно вечером.

— Отдай ему через несколько дней,— попросила Марийка, ложась спать. Она приподнялась, чтобы еще что-то спросить, но Даша пригнула ее голову к подушке.

— Все равно разговаривать с тобой не буду. Спи... Рано вставать надо...

Всю ночь Даша не спала, сидя у изголовья подруги. Она должна была разбудить Марийку на рассвете и боялась проспать.

Уключины были обмотаны тряпками и не скрипели. Ночь стояла темная, холодная. В нескольких метрах впереди и позади нельзя было разглядеть ничего. Кроме Марийки в лодке было еще трое разведчиков, фамилии которых она не знала и, по закону разведки, даже не спрашивала. Одного из них — в шерстяном вязаном подшлемнике — звали Ваня, другого, не

промолвившего ни слова за весь путь,— Саид, у третьего же было странное прозвище — Пламенный привет.

— Почему его так зовут? — тихо спросила Марийка у сидевшего рядом на скамье Вани.

— Солнце взойдет — сама увидишь! — отозвался он, и Марийке послышались в его ответе смешливые нотки.

«И правильно,— укорила она себя,— не надо спрашивать».

МЕЛЕНТЬЕВА
Мария Владимировна

Позади шла еще одна лодка. В ней сидело восемь бойцов с легким пулеметом. Им было поручено во что бы то ни стало провести Марийку и ее спутников через линию фронта, а самим возвратиться. Озеро было огромное. Гребли по очереди. Начав переправу в шесть вечера, к четырем ночи приблизились к противоположному берегу.

Финны не спали. То и дело над берегом взлетали в черное небо и медленно опускались к сырой земле ракеты, на много верст освещая все вокруг ровным, немигающим зеленоватым светом. Луч прожектора шарил по кучевым плотным облакам и вдруг опускался вниз, на гладкую, словно застывшее масло, воду. И, когда он подходил близко к лодке, сердце Марийки опускалось, как бывает у человека на самолете, быстро теряющем высоту. Но, уже почти доходя до лодки, луч внезапно ускользал вправо. Потом светлое пятно бежало по сизым облакам. И тогда от сердца отлегало, и пригнувшиеся гребцы снова распрямляли спины. Вдруг блуждающий луч набрел на первую лодку, прошел по ней влево и снова вернулся, точно поймав ее. И прежде чем Марийка успела что-нибудь сообразить, она почувствовала толчок и сразу очутилась в холодной, пронизывающей воде.

Вода доходила Марийке до груди. Это Саид рывком перевернул кверху дном лодку — люди очутились в озере, и белофинским наблюдателям черная, просмоленная лодка, с подня-

тым кверху килем могла показаться одним из многих прибрежных валунов. Сразу поняв, что надо делать, бойцы в лодке, шедшей позади, открыли стрельбу, привлекая внимание к себе. С берега послышалась ответная стрельба. Луч прожектора поймал вторую лодку и застыл на ней. Дрожа от пронизывающего все тело холода, Марийка стояла, подогнув колени так, чтобы над поверхностью воды осталась только одна голова.

Ваня тронул Марийку за локоть.

— Давай выбираться на берег! — тихо сказал он. И, пользуясь тем, что внимание врага было приковано ко второй лодке, они вышли из воды.

Быстро пробравшись в прибрежный лесок, Марийка, выжимая платье, не отрывая глаз смотрела, как отходит лодка с товарищами обратно к тому берегу, где было сейчас все, что дорого ее душе. Рядом с лодкой, почти у самого борта, то и дело подымались вверх сверкающие в свете ракет зеленые фонтаны от разрывов мин.

Ухнул орудийный выстрел. Снаряд лег далеко впереди лодки.

Где-то неподалеку дробно строчил пулемет.

«Уйдут ли?» — с тревогой подумала Марийка.

— Уйдут, теперь это не твоя забота,— сказал Ваня, словно угадав ее мысли.— Твоя забота теперь — свое дело как следует делать. Пойдем!

И они пошли в глубь леса, на запад.

Если бы не холод от облегавшей тело мокрой одежды, то идти по этому лесу было бы нетрудно, потому что шагали налегке: заплечные мешки утонули и не было времени разыскивать их на дне озера. Осталось лишь по нескольку сухарей в карманах. Только у одного Пламенного привета был автомат с диском, у других — пистолеты.

— Ничего, дойдем! — подбодряя других, сказала Марийка.— И то счастье, что комаров уже нет!

Когда солнце поднялось высоко, разведчики легли отдыхать, зарывшись в мох. Устраиваясь поудобнее, Пламенный привет снял шапку и положил ее под голову. У него была густая, ярко-огненная шевелюра. Марийка никогда не видела таких рыжих волос. Поймав ее взгляд, он улыбнулся и произнес:

— Спокойной ночи! Привет!

«Теперь понятно, почему его так прозвали»,— подумала Марийка. Они спали, согревая друг друга теплом своих тел. Дежурили по очереди. Укладываясь поудобнее, Марийка вспомнила Дашу. «Она, конечно, уже встала и пошла на работу, а письмо

передаст Василию только завтра...» — С этой мыслью девушка заснула, и плечо товарища казалось ей мягче, чем маленькая подушка на кровати в комнате в Беломорске.

VI

Так шли они, обходя стороной редкие, обезлюдевшие деревушки. Ели крупную багряную бруснику, сладковато-горькую рябину и кое-где еще сохранившиеся ягоды гоноболя. У одного глухого маленького озерка Ваня бросил в воду двухсотграммовую шашку тола, и через несколько минут они собрали штук двадцать щучек, окуньков, линьков. Марийка поджарила рыбу днем на маленьком костре из сухих сучьев, предварительно содрав с них кору, чтобы не было дыма. И хотя не было ни щепотки соли, рыба показалась им чудесной.

На четвертые сутки такого блуждания по лесу, когда уже было пройдено больше чем полпути, они приблизились к деревушке Топорная Гора.

Было решено, что Ваня, не заходя в деревню, пойдет дальше и в десяти километрах остановится, чтобы подождать остальных.

— Если через десять часов не догоним тебя, иди дальше один,— сказала Марийка.— Значит, нам не удалось достать ни хлеба, ни соли или еще того хуже пришлось...

Марийка одна из всей группы говорила по-карельски и по-фински.

— Я пойду в деревню! — сказала она товарищам.— А вы меня здесь, за околицей, ждите.

— Ну нет, не на таких напала! Мы тебе защитой будем,— грубовато сказал Пламенный привет.

Так и сделали. Ваня пошел дальше, а двое разведчиков с Марийкой притаились среди кочек в леске около деревни и, наблюдая за тем, что происходит на деревенской улице, дожидались сумерек.

Солнце садилось далеко за озером, и маленькие окна бревенчатых изб, украшенные резными наличниками, горели, отражая дальний пожар заката...

...Ослабевшая за несколько голодных суток, Марийка с трудом поднялась по крутым ступенькам высокого скрипучего крыльца и, потянув щеколду, вошла в тесные сени. За нею, нагибая голову, чтобы не удариться о низкую притолоку, вошел Саид. Пламенный привет шел позади, держа палец на спусковом крючке автомата. Из горницы доносились громкие голоса. Марийка вошла в комнату и окинула ее взглядом.

Несколько женщин, сидя на лавочке и суча нитку кудели, вели между собой оживленную беседу. Два старика с окладистыми седыми бородами сидели молча около окошка. Девушка с толстой косой налаживала чадившую лампадку. Когда Марийка вошла в комнату и следом за ней появился Саид, беседа сразу прервалась. Девушка отставила в сторону лампадку, повернулась к Марийке и радостно воскликнула:

— Ты от наших?

И не успела Марийка промолвить и слово, как все повскакали с мест, обступили ее, стали расспрашивать:

— Ну как там? Да как ты решилась прийти? Здесь и без всякой вины в беду попадешь! Где наши сейчас стоят?

На эти и еще на десяток других жадных вопросов Марийка должна была сразу же ответить. И так радостно было ей говорить правду этим запуганным, обездоленным людям!

Все они слушали ее с напряженным вниманием, и никто не заметил, как из горницы вышла кривая старуха. В сенях она увидела разведчика, стоявшего у дверей. Старуха знаками показала, что ей надо в отхожее место, которое было тут же, в коровнике, и отделялось от сеней невысокой дощатой перегородкой.

В горнице девушка с толстой косой подошла вплотную к Марийке:

— Родная! Возьми меня с собой, прошу тебя! — взмолилась она.— Все что угодно буду там делать. Только вызволи отсюда.— И она опустилась на колени перед растерявшейся Марийкой.

— Ой, женки,— вдруг спохватилась хозяйка избы,— а куда же Петровна скрылась?

Все переполошились.

— Не иначе как в финнам побежала... У нее сын еще в двадцать втором году в Финляндию скрылся. Недавно нашла его. Посылку прислал ей... Быть беде! — быстро, перебивая друг друга, затараторили женщины.

— Голубушка, что ж ты стоишь, иди скорее! — торопили они Марийку.— Иди, прячься...— Говоря это, они совали ей в руки куски хлеба. Хозяйка вытащила из печи котелок с картошкой и, обжигая пальцы, стала запихивать в карманы Марийке и Саиду горячие, дымящиеся картофелины.

— Эх ты, Пламенный привет, что ж ты ее выпустил! — с упреком сказала Марийка, выходя в сени.

— Да не выпустил, она здесь! — весело ответил разведчик и, с силой выдернув задвижку, распахнул дверь в уборную.

Она была пуста. Две большие доски были отодвинуты в сторону.

— Ах ты, сволочь! — выругался Пламенный привет и выскочил на крыльцо вслед за Марийкой.

Вместе с Саидом она уже шла по улице. Сбегая по ступенькам, Пламенный привет вдруг увидел, что из-за угла, навстречу Марийке, вместе с кривой старухой вышло несколько финских солдат, один из них держал на поводке повизгивающих собак. Пламенный привет поднял автомат и дал длинную очередь. Несколько белофиннов упало. Другие забежали за угол двухэтажной избы.

Марийка быстро повернула к баням, стоявшим у ручья, за которыми начинался лес на болоте. Пламенный привет большими, размашистыми шагами побежал туда же... Несколько выстрелов раздалось им вслед.

— Ну, вот и попались! — тихо сказал Саид, проверяя, сколько патронов осталось в обойме его пистолета.

— Уйдем! — уверенно бросил Пламенный привет.

Но в эту минуту они услышали заливистый лай собак.

— Не уйдем! — прислушиваясь к лаю, сказала Марийка и, помолчав, добавила: — Надо идти назад, в другую сторону, чтобы не подвести Ваню.

Они пошли, перескакивая с кочки на кочку, проваливаясь в болото, обратно, на восток.

Собачий лай раздался совсем близко. И не успела Марийка перескочить еще несколько кочек, как в подол ее юбки вцепилась зубами овчарка. Марийка остановилась и выстрелила. Раздался жалобный вой, собака разжала челюсти.

Марийка пробежала еще несколько шагов, но с другой стороны также послышался лай. Слышны были голоса и грубая ругань на финском языке.

Марийка остановилась.

Навстречу из леса шли солдаты с собаками. Саид лег в болото. Рядом с ним — Пламенный привет. Марийка тоже опустилась на сырую землю.

— Товарищи! — тихо сказала она.— Товарищи!

— Не надо говорить, ничего не надо говорить, Марийка, мы все знаем! — отозвался Саид.

Раздалась длинная очередь из автомата.

Пламенный привет работал точно. Человек шесть финнов упали как подкошенные. Послышались стоны. Потом все смолкло, и только слышно было, как жалобно чавкает болотистая почва и повизгивают сдерживаемые собаки. Солдаты подпол-

зали к кочкам, между которыми притаились разведчики. Потом финны открыли сильный огонь. Марийка плотнее прижалась к холодной, сырой земле.

«Последнюю пулю сберегу»,— решила она.

Снова раздалась очередь из автомата. Пламенный привет бил безостановочно.

— Чего ты торопишься, экономь! — крикнул Саид.

Но тот продолжал стрелять: Пламенный привет был убит, в предсмертной судороге он нажал на спусковой крючок автомата. Палец его не распрямился и после того, как окончился диск.

Еще автомат его продолжал стрелять, когда в двух шагах от Марийки выросла фигура солдата. Марийка прицелилась и выстрелила. В то же мгновение что-то тяжелое обрушилось сзади на нее и вдавило ее в зыбкую землю. Теряя сознание, она успела еще крикнуть:

— Смерть захватчикам!

И услышала тортанный голос Саида, кричавшего, очевидно по-татарски, проклятия.

Очнулась она на рассвете в холодном темном подвале.

Голова ныла. Рассеченная нижняя губа кровоточила, мокрое платье было разодрано.

Рядом во тьме стонал человек.

— Саид? — окликнула Марийка.

— Ты жива? — спросил Саид.— Лучше бы ты уже умерла!

Они лежали молча на холодной, влажной земле. В наступившей тишине только и слышны были шаги часового, ходившего взад и вперед около дома. Время тянулось в молчании, продолжавшемся, может быть, несколько минут, а может быть, и несколько часов.

— Марийка,— окликнул ее вдруг Саид.— Спасибо тебе за те слова, в болоте. Тогда я сказал: не надо говорить, сам знаю. Это правда. А все-таки спасибо, что сказала!

— Послушай,— промолвила Марийка,— сколько мог пройти Ваня? Мы десять часов лежали у деревни. Потом разговор — час, да бой — час. Теперь, наверное, утро наступает. Сколько времени мы здесь?

И они стали шепотом подсчитывать, далеко ли успел уйти Ваня. То, что он был теперь, вероятно, ближе к условленному месту, чем к деревушке, в подвале одной из изб которой они были заключены, успокаивало их и радовало сейчас больше всего на свете. Захотелось есть. Марийка вытащила из кармана две картошки и протянула одну Саиду. Картошка была вкусная, рассыпчатая, и только из-за рассеченной губы было больно откусывать... Над головой заскрипели доски и застучали сапоги. Послышались голоса. И среди других фраз Марийка услышала:

— Посмотри там, очнулась она или нет. Если пришла в себя, тащи сюда. Девушка будет сговорчивее, чем этот чертов татарин!

Со скрипом поднялся квадрат люка. Яркий свет ударил в глаза Марийке. Она застонала. Спустившийся в подполье солдат толкнул ее в бок ногой. Она не шевельнулась. Солдат поднес к лицу девушки карманный фонарик. Веки ее были плотно сжаты. Солдат прикрикнул:

— Вставай!..

Она не ответила. Тогда он, кряхтя, полез наверх и с силой захлопнул крышку люка.

— Для чего ты так сделала? — спросил Саид.— Муки боишься? Все равно не уйдешь, для чего же тянуть?

— Ване каждая лишняя минута дорога!

— Знаешь, Марийка, на Каме у самого берега деревня моя стоит. И там жена моя, Айши,— сказал Саид,— один только год мы с ней прожили. Глаза у нее черные, и голос тоже совсем другой, а все ж таки, когда я смотрю на тебя, чем-то ты на нее очень похожа. Если что, Марийка, разыщи ее и скажи, что в последний мой час думал я о ней. Пусть она замуж выйдет за Илаева. Он хороший парень. А ругал я его потому, что ревновал Айши.

— Ладно, скажу. Все скажу,— ответила Марийка и вспомнила, как на берегу реки сама просила Аню рассказать обо всем Васе.

— Ладно, скажу,— еще раз повторила она.

— Ты хорошая девушка!

Прошло еще несколько часов, прежде чем их вытащили из подвала, вывели на деревенскую улицу и поставили около плетня поблизости от большой избы.

Недавно прошел дождь — дорога была грязная и вязкая, но небо было уже синее, и в большой луже перед домом отражались бегущие по нему облака. Марийка оглянулась. Будто вся деревня вымерла. Лишь вблизи стояло несколько солдат. Саид едва держался на ногах. Взглянув на него, Марийка содрогнулась: лицо его было неузнаваемо — сплошная кровоточащая рана.

«Неужели и у меня так будет?» — подумала Марийка, и ей, так недавно печалившейся из-за нескольких веснушек на лице, стало страшно.

— Ну, девушка,— вежливо сказал финский офицер,— ты мне сейчас ответишь на вопросы.

Он говорил по-русски. Марийка ответила по-фински, чтобы все стоящие поблизости солдаты понимали разговор.

— Смотря какие вопросы будешь задавать.

— Так ты финка! — удивился офицер.— Ну, тогда другой разговор!

— Я карелка.

— Это тоже неплохо. Одним словом, твоя жизнь в твоих руках. Откуда вы пришли?

— Мы — народ. Мы — здешние!.. А если бы мы на минуту раньше из деревни вышли, так вы ни за что бы не взяли нас! — вдруг добавила она.

Офицер посмотрел на ее бледное, худое лицо, на синюю, рассеченную губу, на оборванное платье и засмеялся.

— Ну, нет! Я за вами с собаками от самого берега шел. Минута, другая тут роли не играет!

И Марийка поняла, что офицер ничего не знает про Ваню, что они остановили погоню и приняли ее на себя. И от этого сознания ей стало легко и радостно, словно не смерть ее ждала сейчас, а большая удача. Лицо ее просветлело. Голубые глаза засияли.

Удивленно глядя на нее, офицер продолжал допрос:

— Сколько вас было? Трое?

— Ну, нет! Нас больше, чем тебе кажется!

— Не обманешь! — усмехнулся офицер.— Один из вас в болоте лежит — значит, осталось двое, а теперь,— он вытащил из кобуры пистолет и выстрелил прямо в лоб Саиду,— а теперь ты одна осталась!

Саид упал навзничь. Он лежал в грязи у ног Марийки. Девушка покачнулась, слезы подступили к глазам. Она ухватилась рукой за неровные жерди косого плетня. Переводя дыхание, взглянула на облака, бежавшие по высокому голубому небу. И перед ней возникло лицо Ани, когда она спросила: «Доплывешь?»

— Доплыву,— прошептала Марийка и заплакала.

— Вот плачешь,— сказал офицер, довольный произведенным впечатлением,— а если будешь хорошо вести себя, мы дадим тебе возможность и порадоваться!

— Я и сейчас радуюсь! — громко, чтобы слышали солдаты, сказала Марийка.— Я и сейчас радуюсь тому, что порученное мне задание выполнено, а плачу я от злости, что не могу убить тебя, фашистскую собаку!

И в ее широко открытых глазах, наполненных слезами, глядящих на него в упор, офицер увидел такую ненависть, что содрогнулся. Подняв пистолет, он отвел в сторону глаза и, не целясь, выстрелил в Марийку. Резко повернувшись к стоящим чуть поодаль солдатам, он вдруг увидел лицо старой женщины, прильнувшей к стеклу маленького окошка избы на другой стороне улицы, и во взгляде ее прочитал ту же ненависть, которой светились и большие голубые глаза застреленной им девушки. И тогда он снова выстрелил в лежавшую неподвижно рядом с Саидом Марийку и стрелял до тех пор, пока не кончились патроны в обойме.

* * *

Ваня дошел до отряда и выполнил то, что было поручено. Жители деревни похоронили девушку и ее погибших товарищей. Рассказы крестьян о том, как умерла Марийка, были подтверждены показаниями взятого в плен финского солдата, который присутствовал при последнем допросе и был свидетелем последних минут жизни Марии Мелентьевой.

Советская Армия разгромила вражеские орды на всех фронтах Великой Отечественной войны.

Гудят в карельских лесах электропилы. Яркими огнями отражается, дробясь в бесчисленных озерах, свет сельских электростанций, построенных после войны. Видны эти огни и из широких окон школы имени Марии Мелентьевой в Пряже. Вспыхивает яркий свет лампочек в длинные зимние вечера и в избах колхоза имени Анны Лисицыной на берегу Онежского озера, в селе Шелтозеро. Знает и любит своих героев советский народ и свято бережет память о них.

А. КИРЕЕВ

РАЗДУМЬЯ НАД ПИСЬМОМ МИССИС МАРГАРЕТ

День был тихий. С неба хлопьями валил снег, укрывая улицу мягким, как вата, ковром. Лариса Николаевна сидела на небольшом диване, разбирала накопившуюся почту. Несколько недель не дотрагивалась она до писем: болезнь сердца приковала ее к койке, и врачи строго-настрого запретили вставать, браться за какую-либо работу. Но вот наконец карантин был снят, и Лариса Николаевна сразу же окунулась в повседневную кипучую жизнь.

Письма, письма, письма... Откуда их только нет! Пишут пионеры — просят выступить и рассказать о боевых подругах и о себе. Пишет бывшая учительница из Киева — приглашает приехать повидаться. Пишут молодые солдаты — зовут в часть на беседу о боевых традициях... Из Польши, Вьетнама, Кореи, Германской Демократической Республики прилетели теплые, радостные весточки.

А это письмо... Оно пришло из далекой Америки. И конечно, от миссис Маргарет, с которой Лариса Николаевна переписывается уже несколько лет.

Глядя на улицу, занесенную снегом, Лариса Николаевна раскрывает конверт, пробегает письмо, и перед глазами встает молодая, пышущая здоровьем, крупная женщина с малюсенькой девочкой на руках...

Лариса Николаевна познакомилась с этой женщиной случайно. В американском журнале был напечатан рассказ об одной простой советской рабочей семье — Ивановых. И в Москву, где живут Ивановы, потекли письма из Соединенных Штатов Америки. Пришло в их адрес столько, что сами Ивановы не в состоянии были ответить на них. Обратились за помощью в

Комитет советских женщин. И в Америку пошли ответы. Одним из них было письмо Ларисы Николаевны Литвиновой миссис Маргарет В. Гувер. С тех пор и завязалась эта переписка между советской и американской женщинами.

ЛИТВИНОВА
Лариса Николаевна

Вот и на сей раз из-за океана, из Америки, пришло очередное письмо, такое же наивное, как и другие, но немного насторожившее, заставившее поволноваться... «Ах, миссис Маргарет, миссис Маргарет,— думала Лариса Николаевна, отложив письмо в сторону.— Как, очевидно, и тысячи, а может быть, и миллионы американских женщин, ты очень плохо знаешь нашу страну, наших людей, их жизнь и быт. Если раньше ты писала, удивлялась тому, что якобы у нас все «ходят пешком», спрашивала, нужно ли у нас «иметь разрешение на пользование телевизором» и годятся ли мне некоторые из твоих платьев, которые стали тебе узки, то теперь задаешь вопрос: почему у нас до сих пор бывают очереди за... мясом?..

Лариса Николаевна встала, подошла к окну, задумалась. «Что ответить тебе, миссис, на этот вопрос, что написать?»

А снег валил и валил с неба хлопьями. Дети, раскрасневшись, скатывали из него большущие комья, лепили бабу, надевали ей на голову старое ведро, а вместо носа прилаживали морковь. «Вот также и там, в Америке, дети резвятся, беззаботно играют в прятки, катаются на санках, мастерят бабу-ягу. А ведь, чтобы всегда наши дети были такими счастливыми, здоровыми, радостными, за это нужно было бороться, да еще как бороться — не на живот, а на смерть! А знаешь ли ты, Маргарет, что такое борьба? Наверно, нет, не знаешь».

В эти минуты раздумья перед Ларисой Николаевной предстали страшные картины давно минувших военных лет, которые навсегда запечатлелись в памяти и которые не вытравить

из нее ничем. «Да знаешь ли ты, миссис Маргарет, что такое борьба? Нет, очевидно, не знаешь...»

...Полк ночных бомбардировщиков, укомплектованный только женщинами, прибыл на Южный фронт в разгар ожесточенных боев. И хотя оборона была стабильная, сразу же пришлось включиться в боевую работу. Надо было «обстреливать» этих зеленых восемнадцати-двадцатилетних девчонок, готовить к серьезным боям.

Так случилось и с Ларисой Литвиновой (тогда ее фамилия была Розанова). Не успела она как следует оглядеться, как вместе с командиром эскадрильи Серафимой Амосовой получила боевое задание: сбросить ночью на шахту № 1, где расположен фашистский штаб, хорошенькие «гостинцы». Снарядились. Синоптики обещали встречный ветер, штурман Литвинова определила курс, рассчитала, когда выйдут на цель. И, как только настала ночь, полетели бомбить врага.

Но — молодо-зелено — в полете не заметили, что ветер изменил направление — из встречного превратился в попутный, и летчицы, конечно, достигли шахты раньше времени. Лариса, сориентировавшись, правильно указала цель. Но летчица усомнилась: уж больно подозрительно вели себя фашисты — не открывали огонь по самолету. Решили сделать повторный заход: по признакам — снова появились над нужной целью. И опять молчат фашисты. Опять сомнение у летчицы. Третий раз зашли над шахтой. Уже светало. Убедились: летают верно. Хорошо отбомбились. Взяли курс на восток и благополучно приземлились.

Но в эту ночь недосчитались боевые подруги одного экипажа: под Донецком фашисты сбили летчицу Ольховскую со штурманом Тарасовой. Пролилась первая кровь совсем юных советских героинь, а в сердцах других еще больше закипела ненависть к гитлеровцам, топтавшим нашу землю.

Конечно, только случай не привел к трагическим последствиям полет Амосовой и Литвиновой, которые действовали в этом вылете безрассудно. Открой фашисты по их самолету огонь, и прощай жизнь — самое дорогое, самое бесценное для человека.

«А представляет ли себе миссис Маргарет вот такую картину»,— думала Лариса Николаевна, глядя словно сквозь туман на заснеженную улицу.

...Толпы беженцев в беспорядке идут на восток. Идут пешком, едут на подводах, на машинах... Враг, жестокий и коварный, лезет и лезет вперед, беспощадно разрушая все созданное советскими людьми. Испытала горечь отступления и Лариса

Литвинова, хотя маленькие фанерные машины ПО-2 женского полка трудились на полях войны словно муравьи.

Это случилось августовским днем 1942 года, в Сальских степях. Пришлось очередной раз менять аэродром. На автомашине поехали выбирать площадку. По пути прихватили с собой в кузов черномазого мальчонку, потерявшего родителей.

Вдруг на беззащитную толпу и на машину налетели фашистские самолеты. С бреющего полета начали бомбить невинных людей, поливать их свинцовым ливнем. Ехавшая в машине однополчанка Литвиновой прикрыла собой малыша, но поздно: вражеская пуля прошила его маленькое тельце навылет. Его голубые глаза, наполненные страхом и ужасом, так и застыли навсегда.

«Миссис Маргарет, видела ли ты эти детские глаза? У тебя есть дочка Виктория. Она — твоя до самой крохотной частицы. Представь себе, не дай бог, хотя бы на долю, на самую малую долю секунды, на мгновение, ее на положении русского мальчика, и ты поймешь, как это больно, до слез и ужаса больно терять эту частицу самого себя... А мы теряли, потому что мы боролись с самой темной и мрачной силой — фашизмом... Ну, а вот эта картина разве не потрясет тебя, Маргарет?»

...Летом того же 1942 года командир полка Бершанская поставила перед экипажами боевую задачу: ночью вылететь в тыл врага, чтобы бомбить скопление живой силы и техники противника в станице Покровской, севернее Таганрога. Задача трудная: фашисты усилили зенитные огневые средства. На этот раз пришлось лететь с командиром звена Мариной Чечневой. Смелая, волевая женщина, она очень нравилась Ларисе. Летчица и штурман быстро нашли общий язык, хорошо подготовили самолет, проверили подвеску бомб.

Вот наступили и сумерки, пора вылетать. Раздалась команда:

— По самолетам! Запускай моторы!

Лариса и Марина быстро заняли места в кабинах.

— Контакт! — кричит техник Лядская.

— Есть контакт! — звучит в ответ.

Одна за другой уходят машины в воздух. Настала очередь и экипажа Чечневой. Поднялись. Прошли над своими войсками. Вот и территория врага. Штурман Литвинова узнает ее по извилистой ленте реки Миус.

Но что это? Фашисты ведут себя спокойно. Не стреляют, не освещают местность ракетами. Даже не отвечают огнем на бомбежку наших первых экипажей, которые уже сбросили груз

и возвращаются на свой аэродром... Обманчива, ой как обманчива эта жуткая ночная тишина.

Самолет над целью. Лариса Литвинова сбрасывает бомбы. На сердце радостно: хорошо угостили фрицев!

Но эта радость была недолгой. Фашисты вдруг включили сразу несколько прожекторов, и наш самолет оказался словно мышь в ловушке. И сразу же справа и слева, сверху и снизу, словно хлопушки, начали рваться снаряды, которые, казалось, вот-вот врежутся в фанерный корпус самолета, и тогда гибель, смерть.

От неожиданности Марина Чечнева, очевидно бессознательно, отдала ручку от себя, и машина начала пикировать на гитлеровские батареи. Литвинова чувствует, как катастрофически падает высота. Только что было свыше тысячи метров, а тут уже около пятисот...

Положение становилось критическим.

— Марина, скорость, скорость! Марина, выводи, земля! — опомнившись, крикнула Литвинова и схватилась за управление самолетом. Лариса была не только отличным штурманом, но и искусным пилотом. Но в этот момент Чечнева пришла в себя, ловко стала маневрировать, стараясь вырваться из цепких щупальцев прожекторов и уйти от огня.

Но один снаряд все же прошил правую плоскость машины. А через некоторое время и левое крыло получило пробоину. Самолет трясло как в лихорадке. Марина держала курс на запад. Литвиновой пришлось несколько раз крикнуть:

— Марина, смотри курс.

Но это было бесполезно: Чечнева хотела, очевидно, быстрее выйти из зоны огня, а потом уже, сориентировавшись, лететь на свой аэродром.

Наконец эти страшные минуты миновали. Марина и Лариса долго молчали. А когда немного успокоились, Литвинова спросила:

— Марина, ты жива?

— А ты? — послышалось в ответ.

— Жива, жива! — крикнула Лариса.

— Ну и хорошо.

— Еще бы!

— Вот это, Лора, крещеньице.

— Не то что в поповской купели. На всю жизнь,— пошутила Литвинова.

— Но и мы их здорово угостили.

— По-русски, чтобы на всю жизнь запомнили.

Пока самолет тарахтел над территорией врага, погода испортилась. Пришлось лететь без ориентиров. Но и в этих условиях Чечнева и Литвинова благополучно вернулись на свой аэродром и сразу же попали в крепкие объятия своих боевых подруг. Командир полка Бершанская тепло сказала:

— Молодцы, девчата! Спасибо за службу, друзья!

Комиссар полка Евдокия Рачкевич тоже похвалила девушек, и от этого было приятно на сердце.

Лариса Николаевна подходит к столу, берет письмо миссис Маргарет, вновь читает ее вопрос. И думает, думает, думает... «Летали ли твои землячки, миссис Маргарет, бывали ли они в таких переплетах, с глазу на глаз со смертью? Нет, очевидно, не бывали, уж во всяком случае не летала и не была в таком настоящем аду ты, миссис Маргарет. Поэтому тебе многое трудно понять... Я, конечно, не желаю, миссис, чтобы и ты испытала такой жуткий ад...

Были в жизни моих подруг, да и в моей, и другие страшные боевые истории. Ну вот хотя бы эта...»

«Голубая линия» — это сильно укрепленная полоса, проходившая по линии Новороссийск — Крымская — Варениковская. Фашисты натыкали на ней массу огневых точек, дотов и дзотов. Траншеи, колючая проволока и минные поля...

На Кубани, над этой, как говорили фашисты, неприступной обороной, разгорелись жаркие воздушные бои. В этих боях довелось участвовать и Ларисе Николаевне Литвиновой со своими боевыми подругами.

Было это в конце июля 1943 года. Лариса с молодым штурманом Надей Студилиной вылетели на боевое задание. Они шли на цель четвертыми. Задача трудная: надо было точно сбросить бомбы на важную цель.

Не успели наши первые экипажи появиться над целью, как, словно факелы, вспыхнули в воздухе. Что с ними могло случиться? Зенитки молчали, а самолеты, объятые пламенем, падали на землю. В чем дело? Лариса внимательно посмотрела в район цели. Наконец заметила: рядом со светлым пятнышком — нашим самолетом, попавшим в лучи прожектора,— вдруг мелькнули какие-то подозрительные вспышки. Это, конечно, были пушечные выстрелы с вражеского самолета. «Так вот оно что,— подумала Лариса.— Враг применил новую тактику: взаимодействие истребителей с прожекторами».

Да это был сюрприз фашистов, и он дорого нам обошелся: сразу три экипажа погибли над целью.

Что же предпринять против фашистов? Как выполнить

задание в сложившейся обстановке? И Лариса пошла на хитрость: надо подойти к цели на самой малой высоте.

Литвинова приглушает мотор, переходит на планирование, ободряюще советует Студилиной:

— Надюша, будь зорка. Пойдем на малой высоте. Истребитель, с его большой скоростью, не решится пикировать. А если решится, врежется в землю. Крепись, дружище, крепись!

Высота — пятьсот метров. Пора сбрасывать бомбы. Нет, выдержка. Она сейчас очень и очень нужна. Лучше пройти вперед, развернуться на планирующем полете, метнуть бомбы и тогда — жми к своим.

Так и поступили. Незамеченными развернули самолет на восток, сбросили с высоты трехсот метров бомбы точно в цель.

Довольные, что удалось обмануть фашистов, летчицы возвращались домой. И вдруг яркий пучок света скользнул по самолету. Раздались выстрелы. Вражеский истребитель, выпустив в ПО-2 очередь, со свистом промчался над головой. Пришлось срочно прижиматься к земле. Много раз она выручала «небесные тихоходы». Попробуй возьми ПО-2, когда он ныряет над самыми макушками деревьев, над крышами хат!

Выполнив задание, экипаж вернулся на свой аэродром. Но нескольких девушек снова недосчитались в полку. Они погибли.

Многое вспомнила в эти минуты Лариса Николаевна Литвинова, сидя над письмом Маргарет. Припомнились жестокие, кровавые бои на Северном Кавказе и на Кубани, в Керчи и Севастополе, в Белоруссии и Польше... И на сердце становилось как-то приятно и радостно, что ей, Ларисе Литвиновой, и ее боевым подругам пришлось отстаивать от фашистов родную советскую землю, на которой они родились, выросли, которую украшали своими молодыми руками...

«Но вот кончилась война,— раздумывает над письмом американки Лариса Николаевна.— Видела ли ты, Маргарет, нашу землю в те суровые послевоенные годы? Не видела, конечно. А она была вот какая...»

Лариса Литвинова пролетела над советской землей, истерзанной фашистами, тысячи километров. Она видела пылающие села и города, пшеничные и кукурузные поля, горящие огромные лесные массивы... А в глубоком тылу отходившие гитлеровцы угоняли в Германию скот, людей... А сколько замечательных советских людей погибло в боях с врагом! Миллионы. Да, миллионы!

И вот нам пришлось почти все начинать сначала. Строить

города, деревни, пахать на истощенном скоте, а то и самим впрягаться в сохи и плуги, где они остались...

И Лариса Литвинова вернулась к мирной профессии, и ее боевые подруги тоже. Все, молодые и старые, все советские люди, возрождали свою родную землю.

И что же! За короткое время земля наша стала еще краше, еще богаче. Люди заулыбались, похорошели, обновились духовно. У нас появился достаток. Он пришел в каждый дом, в каждую квартиру, в каждую семью. И конечно, телевизионные антенны без всякого разрешения возвышаются над многими и многими домами, и телевизионные программы смотрят люди без всякой визы и отпечатков пальцев. Правда, у нас еще не так много легковых машин, как в Америке, но мы за этим не гонимся. Мы больше заботимся не о том, как лучше украсить кузова автомобилей, а как быстрее и лучше устроить нашу жизнь, сделать ее самой обеспеченной в мире. Такую задачу поставила наша партия в своей программе, и мы знаем, что она будет выполнена. Кстати сказать, у нас уже теперь здорово поправляется дело и с маслом, и с мясом, и буквально в ближайшие годы и эта трудная проблема будет решена полностью и окончательно.

Лариса Николаевна сложила письмо миссис Маргарет вчетверо, спрятала в конверт. «Вот так, Маргарет, вот так,— думала она.— Если бы на твою страну обрушилось такое страшное бедствие — слезы, кровь, разрушения,— можно прямо сказать, что ты, может быть, до сих пор стояла бы в очереди и за маслом, и за мясом... А чтобы впредь не было подобных трагедий, какой является война, давайте все простые люди объединяться против поджигателей войны...»

Лариса Николаевна села на диван, снова стала перебирать письма. Они лежали перед ней большой стопкой, в разноцветных конвертах, с разными штемпелями, на разных языках. Завтра и послезавтра она всем напишет хотя бы коротенькие ответы, поедет к пионерам в школу, поддержит обиженных кем-то людей, ободрит оступившуюся девушку, пошлет теплые, добрые письма немецким и польским друзьям. А сегодня обязательно ответит своей далекой корреспондентке — миссис Маргарет, простой американской женщине, и чистосердечно расскажет ей обо всем, что накопилось на душе. Благо, это письмо уже сложилось в голове.

Г. ТРОПИНА

ВСЕГДА ВПЕРЕДИ

В Ленинграде, недалеко от Смольного, за Охтинским мостом, есть улица с весьма прозаическим названием — «Конторская». На этой малоприметной улочке находится одна из городских школ, на фасаде которой по решению Ленсовета установлена мемориальная доска с надписью: «Здесь училась комсомолка, Герой Советского Союза Лия Магдагулова, героически погибшая в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Школа бережно хранит память о славной девушке-героине. На двери одного из классов надпись: «Здесь училась Лия Магдагулова — Герой Советского Союза». А в классе, на последней парте в первом ряду, тоже пометка о том, что за этой партой когда-то сидела Лия. А теперь сидеть за этой партой удостаивается чести лучшая ученица класса.

В школе оборудован уголок Лии Магдагуловой. Здесь утопает в цветах ее портрет, хранятся ведомость успеваемости, знамена.

Кто же такая Лия Магдагулова?

Суровая зима 1942 года. Суровая и потому, что в тот год стояли крутые морозы, и потому, что советские люди вели ожесточенную, кровавую борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Тяжелое было время. Каждый советский человек стремился внести свой посильный вклад в дело разгрома врага. Сделала тогда выбор и комсомолка, воспитанница ленинградского детского дома Лия Магдагулова. Она решила идти на фронт.

В Некрасовском райвоенкомате Ярославской области, куда был эвакуирован детдом, Лие сказали:

— Подрасти надо, поучиться...

Лия понимала, что в свои восемнадцать лет она выглядела совсем девчонкой, подростком. А тут еще рост подводил: маленькая, хрупкая — кто решится послать такую на фронт? Но

ведь здесь мало кто знал, сколько она перенесла, пережила, потрудилась, находясь целую зиму в блокированном врагом Ленинграде?! Вместе со взрослыми она тушила «зажигалки», разбирала деревянные дома на дрова, носила из речки воду для детдомовских малышей, нередко заменяла им воспитателей. И Лия рассказала обо всем этом в военкомате.

МАГДАГУЛОВА
Лия Курумгамб

Просьбу девушки удовлетворили, послали в снайперскую школу. А потом — на фронт. Она попала в грохочущие войной леса Калининской области. Гитлеровцы беспрерывно контратаковали советские подразделения, все еще пытались взять реванш за разгром под Москвой. Вот в этих условиях и начала «охоту» за врагами Лия Магдагулова. Поначалу было трудно привыкнуть к мысли, что она, молодая казашка, с детства делавшая людям только добро, теперь должна убивать их. Но она знала, за что должна была убивать гитлеровцев: за пожары и руины, за трупы на Охте и Неве, на всех улицах огромного города, за голодных, искалеченных стариков, женщин, детей (все это она своими глазами видела в осажденном Ленинграде); убивать за то, что враг омрачил ее детство, ее юность и еще многих таких, как она; за то, что фашисты оборвали мечту красиво жить, учиться, учиться...

А как она училась! Ей, казашке, в первое время слабо владевшей русским языком, многое давалось трудно. И в том, чтобы преодолеть трудности, она находила наслаждение, видела смысл жизни. Бывало, после уроков останется одна в классе: сидит, пишет. Вокруг на парте груда листочков: напишет грязно или сделает ошибку — тут же все переделывает! И так день за днем; месяц за месяцем. Трудолюбие, упорство в достижении цели принесли плоды. Училась только на «хорошо» и «отлично». Мечтала пойти в институт, да враг оборвал мечту.

...Лия лежит на огневой позиции за передним краем своей обороны и не спускает глаз с вражеских позиций. Она вот так же лежала здесь вчера, позавчера. Это были ее первые вылазки. Пока безрезультатно. Фашисты ведут себя осторожно. Но у нее хватит терпения. Коченеют руки, ноги, но и холод она победит. Только бы не подвели нервы!

Вот между невысокими кустами, пригнувшись, пробежал вначале один гитлеровец с котелком в руке, за ним второй, третий. Лия насторожилась: значит, пойдут обратно. Она взяла это место на прицел. Предположение оправдалось: гитлеровцы возвращались. Лия пропустила одного, а когда появился второй — его сразила меткая пуля.

«Одним врагом стало меньше»,— подумала Лия, меняя позицию.

Фашисты всполошились. Они наугад бросали мины, снаряды, нащупывая советского снайпера. Но Лия была уже в другом месте. Она была довольна: первый убитый враг, первая победа. Не дрогнула рука. Пока будет биться сердце, пока сможет держать в руках винтовку, она будет убивать врагов.

Вечером с первой победой Лию поздравляли боевые товарищи.

Так началась фронтовая жизнь девушки-казашки. А потом пошли дни, полные большой и напряженной жизни. Лия все время находилась в боевых порядках подразделения, действовала вместе с наступавшими войсками, нередко своей храбростью и отвагой в самые критические минуты поднимала воинов на врага.

В январе 1944 года войска фронта перешли в наступление. Жаркий бой завязался у деревни Федорухново. В этом бою принимало участие и подразделение, в котором служила Лия Магдагулова. Тогда она проявила себя настоящей героиней.

Наша артиллерия обрушила массированный огонь на вражеские огневые позиции. За мощным огневым валом поднялись советские воины и вместе с ними снайпер Магдагулова. Когда советские пехотинцы совсем близко подошли к вражеским позициям, артиллеристы перенесли огонь в глубину обороны противника. Но в этот момент со стороны врага ударили минометы и артиллерия. Вышел из строя командир. Цепь наступавших залегла под ураганным огнем противника. Казалось, не было возможности поднять и голову. И в этот критический момент воины увидели впереди маленькую, хрупкую фигуру снайпера Магдагуловой. Сквозь грохот боя прозвучал ее звонкий голос:

— Вперед! За Родину!

Девушка увлекла за собой все подразделение. Гитлеровцы не выдержали натиска и оставили занимаемые позиции, сдав важный узел своей обороны.

Потом, опомнившись, враги трижды бросались в отчаянные контратаки и каждый раз откатывались назад, неся большие потери. Двадцать восемь врагов истребила в этом бою комсомолка Магдагулова.

Потом подразделение завязало бой за железнодорожную станцию Наево. Лия Магдагулова действовала тогда в составе группы разведчиков. Натиск советских воинов был сильным. Вдруг впереди ожила вражеская огневая точка. Откуда-то из укрытия неистово бил пулемет. Бойцы припали к земле. На вражескую огневую точку обрушили шквал автоматного огня, но она была неуязвимой. Как быть? Лия увидела растерянность на лицах товарищей. «Нет, отступать нельзя, когда победа совсем близко!» — подумала она и, зажав в руках гранаты, бросилась вперед. Она падала, поднималась, делала рывок вперед и снова падала. Ползла, а над головой свистели пули, бороздили вокруг промерзшую землю. Но храбрая девушка ползла все вперед и вперед. Смерила взглядом расстояние до огневой точки: можно бросать гранаты. Только бы попасть в цель!

А позади, затаив дыхание, за ней следили товарищи. Лие казалось, что она чувствует на себе их взгляды, слышит, как тревожно бьются их сердца. Она чуть приподнялась на локоть и одну за другой бросила гранаты в сторону вражеской огневой точки. Ее обдало горячим дыханием взрывов. На мгновение, кажется, оглушило. Она ничего не слышала. «Неужели мимо?» От этой мысли стало не по себе.

Но вот над полем боя прокатилось многоголосое «ура!». Люди поднялись и побежали вперед: значит, путь свободен! Кто-то подбежал, поднял Лию на ноги:

— Спасибо! Вперед! — услышала она.

Пошли вперед. Еще одна победа, пусть небольшая, но победа, в которой есть доля и ее труда...

Бой за деревню Казачиху был особенно напряженным, и это был последний бой, в котором участвовала храбрая советская девушка Лия Магдагулова. Гитлеровцы любой ценой хотели удержать этот населенный пункт. Шквальным огнем из всех видов оружия встречали они наступавшие советские подразделения. Однако никакой огонь врага не смог сломить упорства наших воинов.

И опять впереди наступавших была комсомолка Магдагулова. Ее не страшил ни ожесточенный огонь врага, ни даже

сама смерть. О смерти она, пожалуй, и не думала, хотя и видела, как вокруг один за другим выбывали из строя ее товарищи.

Она поднялась во весь рост и пошла вперед. Первая цепь, хотя и поредевшая, поднялась за героиней и ворвалась во вражеские траншеи. Завязалась жестокая схватка. Когда Лия уничтожила восьмого гитлеровца, навстречу ей выскочил вражеский офицер. И случилось так, что пистолетный выстрел врага и автоматная очередь советской девушки грянули одновременно. Не успела опередить. Вражеская пуля угодила в самое сердце героини.

Так пала смертью храбрых советская девушка-казашка. Родина высоко оценила подвиги комсомолки Лии Магдагуловой.

Г. АКИНЬХОВ

МИНА ВЗОРВАЛАСЬ В ПОЛНОЧЬ

Прошла лишь неделя, как началась война, а в столицу Белоруссии Минск уже ворвался враг. В городе пылали пожары.

По дорогам на восток уходили советские люди... С группой беженцев, направлявшихся в сторону Могилева, шла и Елена Мазаник, работница одной из минских столовых.

Когда позади остались уже двести километров пути, беженцев догнали фашистские танковые части. Пришлось возвращаться обратно. В Минске, стараясь не попадаться на глаза немецким патрулям, Елена пробралась к своему дому по окраинным улицам и закоулкам. Но дома уже не было. Большая воронка да груда кирпичей, разбросанных по ее краям,— все, что осталось от ее уютной квартирки, где она до войны жила с мужем.

Несколько дней Елена жила то у одних, то у других оставшихся в городе знакомых. Но у них самим нечего было есть. Елена понимала, что была в тягость этим людям. И через месяц полуголодного существования вынуждена была пойти на работу к немцам.

...День и ночь в казино, где теперь работала Елена, было полно офицеров. Они пили, хвастались победами на фронтах.

По улицам города расхаживали немецкие патрули, урчали автомашины, громыхали по булыжным мостовым танки. Иногда где-нибудь раздавался выстрел, иногда — крик, и опять все стихало.

Однажды, идя на работу, Елена видела, как по улице гнали колонну пленных, многие брели, держась за товарищей. Тут же, на глазах у Елены, немецкие конвоиры пристрелили нескольких отставших, очевидно тяжелораненых.

Много насмотрелась и наслушалась Елена, работая в казино. Каждый день здесь, когда она что-то готовила, стирала, мыла для немцев, был пыткой. «Уйти! — твердила Елена себе.— Но куда?» Этого она не знала.

На третьем этаже дома, в котором размещалось казино, жил с семьей руководитель гитлеровской администрации, наместник Гитлера в оккупированной Белоруссии генеральный комиссар фон Кубе. Елена видела его, когда он уезжал в генеральный комиссариат или приезжал оттуда. Иногда его можно было видеть и в открывшемся в начале 1942 года генеральском казино, где собирались все высшие военные фашистские начальники.

Елена теперь знала: все, что делается немцами в Белоруссии, исходит от него.

Ей запомнился день, когда расстреливали евреев. Кубе, походивший на большую хищную птицу, в своем сером плаще-крылатке, с наброшенным на голову капюшоном, стоял, широко расставив ноги, на Юбилейной площади. Перед ним немцы-конвоиры проводили растянувшуюся на целый квартал колонну стариков, женщин, детей...

Елена знала, куда их ведут. И так хотелось крикнуть им громко, на всю улицу: «Бегите, люди, разбегайтесь, все равно вас ждет смерть». А Кубе стоял неподвижно, устремив свой взгляд поверх толпы.

В тот день было расстреляно и заживо закопано в землю несколько тысяч человек.

Не было у Елены после этого несколько ночей сна, все стояли перед глазами, как живые, женщины и дети, с большими, полными страха и мольбы глазами...

Иногда Кубе уезжал на несколько дней. Хозяйка казино говорила, что он ездит по городам и селам Белоруссии, «наводит порядок». Елена знала, что это за «порядок», она уже насмотрелась на него здесь, в Минске. «И неужели это будет долго? — думалось ей.— Как там наши?» Ведь где-то там сражался с немцами ее муж. Где-то там сражалась с врагом ее страна.

Однажды они с поваром Митей Филимоновым решили послушать радио. Приемник стоял в офицерской гостиной. На ночь комната запиралась, и после того, как казино закрывалось, туда запрещалось заходить. Третий этаж, где жил Кубе, усиленно охранялся гестапо. Внизу тоже была охрана. Но они решились.

Закрывшись в комнате, с нетерпением ловили Москву.

МАЗАНИК
Елена Григорьевна

И радио принесло радостную весть: страна живет, страна борется. Радио сообщило о борьбе не только там, на фронте, а и здесь, во вражеском тылу. Москва рассказывала об активных действиях советских партизан.

Значит, и здесь можно воевать? Эта мысль не давала теперь покоя. А как же они? Так и будут безропотно служить немцам, кормить их, ухаживать за ними? Нет, надо действовать.

В одну из ночей у двух подгулявших офицеров пропали пистолеты. Утром поднялся страшный шум. Прислугу обыскали. Найти ничего не удалось. Наказали самих офицеров, которые обвинялись в халатном хранении оружия. А вскоре после этого Елена и Митя связались с военнопленными, работавшими во дворе казино. Пленные пилили и кололи дрова, грузили какие-то ящики. Часа в два они рассаживались по уголкам двора, обедали. Обычно в это время Митя давал знак Елене, и они, бросив в бачок с отбросами краюшку хлеба или картошку, шли к помойке. Выждав, когда охранник отвернется, передавали пищу кому-нибудь из пленных.

А иногда из окна второго этажа раздавался Митин голос: «Эй, держи закурить!» Когда под окно подходил кто-нибудь из пленных, Митя бросал ему пакетик с окурками. Охранник, разрешавший эти передачи, конечно, не знал, что в одну из сигарет всегда вкладывалась тонкая бумажка с последним сообщением Совинформбюро.

Но однажды слушание передач из Москвы прекратилось. Немецкий офицер, зашедший в казино после двенадцати часов ночи, проходя по коридору, увидел свет в гостиной. Он поднял на ноги солдат охраны и хозяйку казино, и лишь счастливая случайность спасла Елену и Митю. После этого слушать радио они уже не решались.

Елена не раз задумывалась о связи с партизанами. Она понимала, что, работая в самом логове фашистов, могла бы принести товарищам пользу. Но как установить эту связь?

В 1942 году в казино привезли с биржи еще одну девушку — Татьяну Калита. До войны она была студенткой медицинского института. Сейчас ее заставили работать на кухне. Но прослужила она недолго. Ее выгнали, как выразилась хозяйка, за «неблагонадежность». Хозяйка видела, что Елена успела подружиться с Татьяной, поэтому запретила продолжать знакомство «с этой партизанкой». Но Елена уже договорилась: как только Татьяне удастся связаться с партизанами, она сразу же сообщит об этом ей. И Елена стала ждать...

В начале 1943 года Татьяна сообщила, что ей удалось установить связь с партизанами и Елена может познакомиться с одной девушкой из отряда. Через несколько дней Мазаник встретилась с этой девушкой, Надеждой Троян.

Но тогда Елена была очень осторожна. Она знала, что гестапо строго следило за ней. Боясь провокации, Мазаник уклонилась от прямого ответа на вопрос Троян — сможет ли она пойти на опасное дело. Девушки встречались несколько раз, и только после этого Елена согласилась принять участие в убийстве палача белорусского народа Кубе. Однако осуществить эту операцию Мазаник удалось позднее с другой партизанкой-разведчицей, Марией Осиповой.

Кубе уже переехал жить в переделанный для него особняк. В доме жили только генеральская семья да охрана. Елена Мазаник приходила убирать комнаты.

Иногда вечерами в гостиной долго горел свет: Кубе любил посидеть у камина, выпить со своими приятелями. Страшные разговоры велись в этой, как будто бы мирной комнате, ужасные планы обсуждались.

Елена слышала эти разговоры и вполне понимала их смысл. Ужасом наполнялось ее сердце. Она боялась в таких случаях шелохнуться. Но генералы не обращали на нее внимания. Кубе чувствовал себя хозяином этой страны. Здесь все его: земли, леса, города, деревни и люди. Его послал сюда фюрер устанавливать «новый порядок». И он, Кубе, устанавливал его, не стесняясь в средствах: во имя «великой» Германии разрешал все. И его указания выполнялись беспрекословно, расстреливались многие тысячи советских людей, сжигались села, жители которых подозревались в связях с партизанами. По его, Кубе, указанию в Германию вывозилось из белорусских городов все ценное.

А Елене, после услышанных разговоров, вспоминалась своя жизнь. Были в ее жизни тяжелые времена. Четыре года ей исполнилось, когда в 1918 году умер отец. После его смерти у матери осталось четверо детей. Старшей — восемь лет. Самой младшей — восемь дней. Мать не перенесла смерти мужа, слегла. Разбрелись в те годы братья и сестры, батрачили. Батрачила и она, Елена. Но поднялись ведь все, выросли, встали на ноги, без отца, при больной матери. Потому что подняла и поставила их на ноги Советская власть. Эта власть дала ей возможность и учиться в своей, рабочей вечерней школе. На ее глазах строился и хорошел ее родной город, ее родная страна, все лучше становилась жизнь. А как мечталось еще о лучшем. Тогда комсомолка Елена Мазаник была полновластной хозяйкой всего, что было кругом.

И напрасно думает этот фашист, что она отказалась от всего этого. Хозяйкой здесь была и будет она, простая белорусская женщина.

Елена чувствовала себя теперь связанной со всей страной: через Марию — с отрядом, через отряд — с Большой землей, со страной, с народом. И по этой цепочке передавались ей новые силы, которые очень нужны были сейчас, чтобы выдержать. Все больше и больше рассылал Кубе карательных отрядов по Белоруссии, значит, везде поднимался народ. И Елена внутренне усмехалась от мысли, что даже здесь, в доме, в самом логове, где живет Кубе, окруженный десятками охранников, ходит партизанка Елена Мазаник. И ей поручено казнить одного из руководителей фашизма, олицетворявшего здесь, в Белоруссии, гитлеровские порядки.

Кубе считал ее рабыней, называл русской свиньей, а она, встречая его в комнатах, коридорах, здороваясь, разговаривая с ним, знала, что он уже обречен.

Разработка плана операции по уничтожению фон Кубе, рейхскомиссара Белоруссии, приближалась к концу. Вскоре этот план Мария Осипова сообщила Елене Мазаник.

Операция должна была проходить следующим образом. Мину Мария доставит из отряда и накануне операции познакомит Елену и ее сестру Валентину с устройством, покажет, как она устанавливается. Чтобы не вызвать подозрений у соседа Елены, полицая, Мария придет к ней под видом покупательницы туфель и передаст мину. В два часа ночи Елене и Валентине нужно поставить мину на часовой механизм с таким расчетом, чтобы она взорвалась через сутки.

Утром Елене предстояло пронести мину в дом Кубе. При

этом она подвергалась обыску на двух постах: у входа во двор и у входа в дом.

Как нести? Или под платьем, что рискованно, так как обыск может быть наружный, по платью, тогда сразу определят, что она несет, или в корзинке — тогда все будет зависеть от находчивости и смелости Елены. Решено было нести мину в корзинке.

Днем, когда Кубе уйдет в комиссариат, а генеральша уедет в магазин, нужно пробраться в охраняемую гестаповцем спальню Кубе и положить мину между матрацем и пружиной.

Чтобы обезопасить себя при уходе из дома Кубе, Елена должна в этот день отпроситься лечить зубы. После окончания операции она встретится с Марией и сестрой Валентиной в сквере напротив комиссариата, и оттуда, используя немецкий пропуск, они уедут на машине минских подпольщиков в партизанский отряд. Дети Валентины и бабушка, у которой они жили в деревне, были уже вывезены в лес. Старосте села было сказано, что они едут в Минск, к Елене, которая-де за хорошую службу получила от Кубе подарок — домик с усадьбой.

Операция по уничтожению Кубе началась. 21 на 22 сентября 1943 года Мария Осипова принесла мину в домик Елены и около часа учила сестер, как нужно ее устанавливать. В два часа ночи Елена и Валентина завели часовой механизм мины. Она должна была взорваться в два часа следующей ночи.

...Последняя ночь в этом домике. Сестры лежали молча. Здесь же, в комнате, была и мина, которую нужно завтра пронести в дом Кубе. Завтра Елена и Валентина уже не вернутся сюда. Да и увидятся ли вообще? Не будет ли эта ночь последней в их жизни?

Забрезжил рассвет. Сестры встали. Приготовились. В шесть часов утра они вышли из дома. Елена несла в корзине портфель с бельем и сумку с миной. Валентина направилась к скверу, а Елена — к дому Кубе.

Вместо одного солдата, как обычно, на посту у входа во двор стояли двое — солдат и офицер-гестаповец. Это уже осложняло дело.

Поздоровалась:

— Хайль Гитлер!

— Хайль!

— Будете обыскивать?

— Да.

— Пожалуйста.

Елена открыла портфель. Показала белье, мочалку, мыло, объяснила, что будет сегодня мыться.

— Сумку открывать?

— Да.

В сумке, кроме мины, ничего нет. Мина покрыта большим шелковым платком. Офицер увидел платок, схватил за кромку, потащил: «Ах, какой красивый платок!»

Елена сунула руку в сумку, прижала платок к мине: «Прошу не брать, господин офицер». Но офицер не выпускал платок и, глядя на Елену, продолжал его тащить. Она мельком взглянула в сумку и увидела, что кромка платка медленно приближается к краю мины. Вот уже начал обнажаться ее черный поблескивающий бок. Елена вдруг почувствовала, как что-то изменилось в ее лице, да и солдат и офицер смотрели уже не на сумку, а на нее. Елена, не глядя, в отчаянии рванула платок, офицер машинально выпустил его, и она, комкая, стала засовывать платок обратно в сумку. И тут прорвались слезы. Всхлипывая, Елена стала объяснять офицеру, что этот платок ей подарен, что он для нее очень дорог, но если ему нужно иметь такой же, она завтра принесет ему.

Наконец офицер, которому, очевидно, надоели слезы Елены, приказал пропустить ее. Елена быстро прошла за угол дома.

На крыльце, у входа в дом, на посту стоял офицер-гестаповец.

— Добрый день, господин офицер! — Елена попыталась улыбнуться.— Какое хорошее утро!

Гестаповец не отвечал. «Этого, пожалуй, не уговоришь, и слезы не помогут. Нужно что-то придумывать». И Елена, поставив корзинку на землю, стала делать во дворе уборку. Она решила выждать: может быть, гестаповец куда-нибудь отлучится, и тогда она прошмыгнет в дом.

Уборка уже подходила к концу, а офицер, все так же лениво привалившись к столбику крыльца, курил сигарету и смотрел на ее работу. Закончив уборку, Елена взяла лейку и стала поливать цветы на клумбах. А время шло, скоро проснется Кубе, все в доме придет в движение. Но гестаповец, очевидно, и не собирался никуда уходить с этого места.

Елена окликнула его: «Господин офицер!» Он мгновенно встрепенулся и подбежал к Елене: «Что такое?» А она, делая таинственный вид, шепотом произнесла: «Смотрите, какие красивые цветы!»

«Что-о-о?» — только и произнес гестаповец, ожидавший услышать от нее все что угодно, но только не про цветы.

А Елена уже сунула ему цветы в руку и заставила понюхать их. Он понюхал, поморщился: «У нас в Германии лучше». Елена, вздохнув, согласилась: «Может быть».

Не давая ему уйти, быстро спросила: «Скажите, пожалуйста, сколько времени?»

Не дослушав ответ, захлопотала, засуетилась: «Ай-ай, что это я здесь? Мне ведь еще нужно уборку в доме делать, окна протирать! Господин Кубе скоро встанет, что он мне скажет?» Она торопливо схватила с земли корзинку, сунула опешившему офицеру лейку и бросилась в дом.

Пока офицер опомнился, она по ступенькам сбежала вниз, в кухню, и, увидав около плиты ведро с мусором, сунула туда на дно мину. Затем выскочила на крыльцо и здесь столкнулась с поднимавшимся сюда гитлеровцем.

— Господин офицер, я сегодня как сумасшедшая, забыла совсем, что вы должны меня обыскать. Вот вернулась, пожалуйста, моя корзинка.

Охранник мрачно взглянул на нее, пошарил рукой в корзинке и буркнул: «Иди».

Елена медленно, держась за перила, спустилась по лестнице в кухню, села, привалилась к спинке стула и только тут почувствовала, что очень устала. Взгляд упал на ведро. Мина поблескивала из-под мусора. И сразу заработала мысль: «Скоро сюда придут, надо прятать мину».

Уйдя за плиту, завернула мину в платок, затем сняла платье, быстро подвязала мину под грудь и снова надела платье. Передник специально не завязывала сзади. Когда выходила из кухни, вспомнила почему-то, как устанавливала мину на часовой механизм. «Ошибиться не должны. Поставлено все правильно. А вдруг...» Это «вдруг» означало, что если мина заряжена неправильно, то может взорваться в любую минуту. Елена старалась отогнать эту мысль, но она уже не оставляла ее.

Протирая окно в комнате, Елена чуть не оступилась со стула. Только когда ухватилась за оконную раму, удержала равновесие, почувствовала, что тело покрылось липким потом, ноги вздрагивали. После этого уже не залезала на стулья, старалась не делать резких движений.

Елена убрала нежилые комнаты третьего этажа и, спускаясь вниз по лестнице с тряпкой и ведром в руке, встретила Кубе. Он подозрительно посмотрел на нее:

— Почему такая бледная?

— Зубы болят, господин генерал. Я хочу у вас попросить разрешения сходить сегодня к зубному врачу.

Кубе кивнул в сторону Елены адъютанту.

— Сведешь ее сегодня в немецкий госпиталь.

Елена представила, как они с адъютантом приходят в немецкий госпиталь, как немецкий врач ищет больной зуб и не находит его, как непонимающе он смотрит на адъютанта... Нет, этого допустить нельзя.

И Елена побежала к генеральше. Около получаса плакала она, жаловалась на то, что хоть и старательно работает, а ей все равно еще не доверяют, генерал под охраной отправляет к зубному врачу. Генеральша после долгих уговоров Елены приказала вызвать адъютанта, а когда тот явился, сказала, чтобы он не сопровождал девушку к врачу. Горячо поблагодарив генеральшу, Елена вышла из комнаты.

В десять часов Кубе ушел в комиссариат. Вскоре уехала в магазин генеральша, взяв с собой сына. Двое генеральских детей были в школе. Горничной, убиравшей спальню, Елена передала приказание генеральши позвонить по телефону, и та ушла. Теперь можно было начинать главное.

В спальню Кубе никому, кроме специальной горничной, заходить не разрешалось. У столика с телефонным аппаратом, против входа в спальню, постоянно дежурил офицер. Когда Елена подошла к спальне, он прохаживался по коридору.

— Добрый день, господин офицер. Вы пили кофе?

— Нет. Дождусь фрау и тогда пойду.

— Кофе ждет вас внизу.

— Не могу. Я дежурю.

— Но сейчас, наверное, сюда никто не придет. А я буду мыть пол.

Офицер, которому, очевидно, порядком надоело торчать здесь, заколебался. Елену он здесь видел часто за уборкой, генерала и генеральши нет, почему бы и не спуститься вниз, выпить чашечку крепкого кофе.

Елена понимала это. Чтобы не вызвать подозрений, она прошла в конец коридора и начала раскладывать свои щетки, тряпки, будто готовясь к мытью полов. На офицера не обращала никакого внимания. Тот немного постоял в нерешительности, потом направился к лестнице, ведущей на кухню.

Елена быстро обошла все пять комнат (нет ли кого), вернулась к спальне, осмотрелась и открыла дверь.

Кровать Кубе стояла в углу комнаты. На ковре рядом с кроватью лежала генеральская собака. Елена, не обращая на нее внимания, подбежала к кровати. Откинула передник, расстегнула платье, отвязала мину. Встала на колени у кровати

и просунула мину между пружиной и матрацем, передвинула ее ближе к изголовью, поправила еще раз, отошла, осмотрела со стороны — ничего не видно. Снова подошла, села на кровать, попробовала качнуться, чтобы проверить, не чувствуется ли мина...

Не успела встать с кровати, как в комнату вбежал офицер, а вместе с ним горничная. Гестаповец подскочил к Елене, грубо схватил ее за рукав.

— Ты что здесь делаешь? Ты же знаешь, что сюда тебе запрещено заходить?

— Я, господин офицер, искала нитки, зашить детскую рубашку. Обошла все комнаты, нигде нет,— и Елена показала детскую рубашку, которую держала в своих руках с оторванным рукавом.

Офицер, оттолкнув ее, откинул подушки, открыл тумбочку, заглянул под кровать...

Елена по-русски быстро шепнула горничной:

— Поцелуй офицера, чтоб не сердился, дам двадцать марок.

Для той горничной это не составляло никакого труда. Она, подойдя к гестаповцу, обняла его и, поцеловав, стала уговаривать отпустить Елену, не поднимать шум из-за пустяков.

Офицер молчал. Елена, просительно взглянув на него, спросила:

— Можно идти?

— Нет, подожди, мы еще поговорим.— Он оттолкнул горничную и пошел осматривать дальний угол комнаты.

Елена опять шепнула горничной, что заплатит ей еще денег, если та уговорит офицера отпустить ее.

Горничная, к которой несколько благоволил сам Кубе, намекнула офицеру, что если он поднимет шум, то в первую очередь попадет ему самому за то, что покинул пост. Тот, очевидно, сам понял это и крикнул Елене: «Убирайся вон и не смей больше заходить сюда, иначе я доложу генералу».

Елена спустилась вниз, к дежурному офицеру, сказала, что Кубе отпустил ее к зубному врачу. «Это могут подтвердить фрау и адъютант». Получив разрешение, предупредила, что сегодня больше на работу не придет, и ушла.

За несколько минут она добежала до сквера, издали увидела Марию, нетерпеливо ходившую по аллее, подбежала к ней...

Через несколько часов Елена, Мария и Валентина были в партизанском отряде.

...Кубе вернулся домой в час ночи. А через двадцать минут произошел взрыв. Кубе был разорван на куски. Начался пожар.

Охрана бросилась к спальне, но массивная дверь была закрыта изнутри. Дверь взломали. Из комнаты вырвались клубы дыма...

Гестаповцы бросились разыскивать Елену Мазаник. За ее поимку была обещана крупная сумма денег. Газета сообщала ее приметы. Но бесстрашная белорусская патриотка Елена Григорьевна Мазаник в это время уже летела со своими боевыми друзьями в Москву.

Вскоре Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза М. Б. Осиповой, Е. Г. Мазаник, Н. В. Троян. Орденом Ленина наградили и сестру Елены Григорьевны, Валентину Григорьевну Шуцкую.

В 1945 году Центральный Комитет Компартии Белоруссии направил Елену Григорьевну на учебу в республиканскую партийную школу. Три года учебы, потом год работы в органах госконтроля. И снова учеба. В 1949 году Елена Григорьевна поступила на второй курс педагогического института.

И вот осуществилась давняя мечта — получено высшее образование. После окончания института Елена Григорьевна работала заместителем директора библиотеки Академии наук БССР. Недавно она ушла на пенсию по болезни.

...Прошло двадцать лет. Из окон квартиры Елены Григорьевны Мазаник с третьего этажа дома, что стоит над рекой Свислочью, видны новые улицы, дома, парки восстановленного Минска. А кажется, совсем недавно сквозь развалины просматривался весь город, до вокзала. Послевоенные годы нашего народа тоже были подвигом, подвигом трудовым.

ОЛЬГА ЧЕЧЕТКИНА

БАТЫР МАНШУК

Слыхали ль вы, каким изображает казахский народ своего героя-батыра? Сильным и могучим. Грудь его крепка, как скала, зоркость беркута в очах его, он стремителен в бою, как горный поток, а воинская честь его чиста, как белоснежные вершины Ала-Тау.

Но вот в годы войны героем-батыром стала девушка-казашка. Сколько нежности в мягких чертах ее лица, сколько тепла и ласки в глазах! И звали ее нежно, ласково — Маншук. Настоящее имя — Мансия. А Маншук — ласкательное, которым назвала ее мать однажды в детстве и которое так и осталось за ней на всю жизнь. Ей ли, кроткой и нежной, быть могучим батыром. Но она, Маншук Маметова,— Герой Советского Союза.

* *
*

Если ехать из Москвы на юго-восток, то сначала поезд будет мчаться мимо березовых рощиц, мимо лесов и перелесков, мимо раскинувшихся по холмам у речек деревень. Потом начнутся приволжские и оренбургские степи, а за ними — необъятные просторы Казахстана: Голодная степь с желтыми песками и распластавшимся по земле саксаулом — деревом пустынь; высокие курганы, развалины мечетей — свидетели седой старины; горные цепи с заоблачным пиком Хан-Тенгри и великолепными альпийскими лугами.

...В далеком степном ауле в семье казаха Женсигали родилась дочь — Маншук. В юрте, и без того тесной, стало еще теснее: девочка была пятым ребенком.

МАМЕТОВА
Маншук Шиенгалеевна

Едва научившись ходить, Маншук уже умела сидеть на коне. Когда весной пригревало солнце и семья выезжала на джайляу *, мать сажала девочку на верблюда, на мягкие кошмы поверх сложенной юрты, и она, покачиваясь и крепко ухватившись руками за веревки, смотрела на широкие степи, на горы.

А длинными зимними вечерами, когда в степи завывал ветер, поднимая снежные вихри, когда собаки, съежившись от холода, жались к юрте, когда в очаге тлел, наполняя едким дымом юрту, сухой навоз, бабушка рассказывала Маншук сказки. И девочка трепетала от страха, слушая, как сказочное чудовище — людоед Жалмауз — пожирал людей. Когда же бабушка рассказывала о быстроногом волшебном коне, «шестимесячный путь шестью шагами проходящем», глаза Маншук на широком смуглом лице загорались.

Однажды в юрту вошла женщина.

— Аман! ** — сказала она.

— Аман! — ответили ей родители девочки, поднимаясь с кошмы.

Женщина была закутана в платок, в руках держала мешок. Из мешка она вынула куклу и протянула ее Маншук, а потом посадила девочку к себе на колени и стала рассказывать о большом далеком городе, где люди живут не в юртах, сделанных из кошмы, а в домах из камней.

У женщины были большие, очень ласковые глаза, и голос у нее был тихий, спокойный, а рука, которой она гладила голову Маншук,— мягкой и теплой. Это была Амина Маметова — тетка девочки. Обе они быстро привязались друг к другу. За все время, пока Амина жила в ауле, Маншук не отходила от

* Джайляу — летние пастбища.
** Аман! — Здравствуйте!

нее ни на шаг, а после отъезда тетки долго тосковала по ней.

Когда Маншук исполнилось пять лет, Амина взяла ее с собой в город. С тех пор она заменила Маншук родную мать. Родители Маншук вскоре умерли, и всю свою любовь, всю привязанность девочка перенесла на Амину — приемную мать.

...Семья Маметовых жила в Алма-Ате — столице Казахстана. Маншук горячо полюбила этот город-сад, где всегда пахнет яблоками: весной — нежным яблоневым цветом, летом — горьковатой зеленью недозревших еще плодов, а осенью — сладким ароматом краснощеких крупных яблок.

Здесь, в Алма-Ате, прошли детские годы Маншук. Когда настало время учиться, Амина отвела ее в школу. И у Маншук стало две семьи, обе одинаково дорогие: дом и школа.

Подруги любили Маншук за мягкий и ласковый характер, за веселый смех, за серьезность и настойчивость в учебе.

Школьники-пионеры часто уходили в горы. И там, расположившись на лужайке, у костра, они просили Маншук спеть что-нибудь. Она пела им старинные народные казахские песни, которые слышала еще от бабушки. А потом все вместе ребята пели новые песни Казахстана. Запевала Маншук.

Она очень хорошо пела. И очень любила петь. Бывало, по вечерам садилась за стол, брала цветные нитки и, распевая на весь дом, как птица, вышивала красивые узоры. Амина Маметова и сейчас может показать свое платье, искусно вышитое Маншук.

Пожалуй, можно сказать, что Маншук была домоседкой. Она любила играть и возиться со своими сестрами Галей и Диночкой. Впрочем, это не мешало ей иметь много подруг и друзей. Самым же лучшим ее другом была Амина. Похвала приемной матери служила Маншук лучшей наградой. Но Амина была скупа на похвалы. Если Маншук начинала рассказывать, что она сделала что-то хорошее, Амина говорила:

— И каждый сделал бы так же...

Зато когда Амина говорила: «Это ты хорошо сделала, дочка», радости Маншук не было конца.

...Шли годы. Маншук выросла. Многому научилась она в школе. Сколько раз на уроках истории, слушая рассказы учителя о народных героях Казахстана, Маншук видела перед собой степные просторы, юрты с вьющимся над ними дымком, высокие вершины Ала-Тау!.. Или, когда учитель рассказывал о далекой Москве, она видела (хотя и никогда не бывала там) высокие стены Кремля, Мавзолей и часы на Кремлевской

башне. Учитель говорил о Киеве, и перед ней раскрывались широкий Днепр и золотые главы Лавры...

Мир раздвигался перед глазами Маншук, родина становилась все обширней, прекрасней и дороже ее сердцу.

Окончив школу, Маншук пошла учиться на медицинский рабфак, а потом в институт. В то же время она работала в секретариате Совнаркома республики.

Учение в институте, работа в комсомоле, веселые прогулки с друзьями в горы заполняли жизнь до краев.

Иногда Амина украдкой посматривала на Маншук и думала: «Хорошей девушкой выросла Маншук! Не пришла ли пора «Кызтанысу» *?»

...В тот год весна была так же хороша, как и всегда. Маншук шла домой по тихим улицам Алма-Аты. Была уже ночь... Прекрасны весенние ночи Казахстана!

Маншук шла, запрокинув голову, и смотрела в темное-темное небо. Оно было усыпано огромными мерцающими звездами. Казалось, это не звезды, а чьи-то глаза смотрели на нее с неба. Узенький серп луны был как будто вырезан из серебряной бумаги и наклеен на черный бархат неба. Может быть, он и в самом деле ненастоящий? Нет, он заливает серебряным светом улицы, горы, дома.

Сколько глаз сейчас смотрят на небо? Сколько людей думают свои думы, глядя на звезды, на серпик молодого месяца? О чем они думают? О счастье!..

Темные стройные тополя чуть шумят, покачиваясь от легкого весеннего ветра. Он дует оттуда — со снежных горных вершин. Колышется и шепчет о чем-то карагач — кудрявое дерево. Шепчут о чем-то и яблони, теряя свой последний цвет. О чем они шепчут? О счастье!..

О счастье думала и Маншук. Сегодня ей сказали, что она поедет в Москву на физкультурный парад.

Москва!.. Сколько радужных мечтаний, сколько затаенных надежд отдала Маншук этому далекому, но в то же время близкому и родному городу!

Вот оно, счастье! Она пройдет по Красной площади, ей кажется, что она знает там каждый камень. Она придет на могилу Ленина, поклонится его праху.

— Апке! ** — закричала она еще с порога.— Как хорошо, как радостно жить, апке!

* «Кызтанысу» — песня, которую пели казахские девушки, когда они, выходя замуж, прощались с родной семьей и аулом.

** Апке! — Мамочка!

Теперь они бежали еще быстрее, так ускоряет свой бег горный поток, приближаясь к долине. Участники парада тренировались. День отъезда в Москву приближался.

Но вместо него пришел другой, черный день войны. Гитлеровцы бомбили Севастополь, Одессу, Киев, грозили Москве...

Маншук побежала в комитет комсомола. Она не знала еще, зачем спешит туда, но ей надо было сейчас же увидеть товарищей, она не могла быть без них. Ей надо было что-то делать. Сейчас нельзя оставаться без дела хотя бы на минуту!

...С того дня началась напряженная жизнь военного времени. Жестокая, смертельная битва шла за тысячи километров от Алма-Аты, но ее жаркое дыхание доносилось и туда.

Люди толпами собирались у репродукторов, слушая последние известия. Священной тревогой за Родину был наполнен каждый день. Лучшие сыны казахского народа ушли на фронт сражаться с немцами, другие в тылу готовили оружие, боеприпасы, работали на полях.

Все свое время Маншук отдавала работе, но мысли ее были там, где шла великая битва. Что она должна сделать, как может помочь тем, кто ведет сейчас смертельную схватку с врагом?

Маншук вместе со своими подругами записалась в кружок медсестер.

— Надо скорее закончить обучение, надо спешить на помощь нашим на фронте,— говорила она.

В город пришел первый эшелон с беженцами. Комсомольцы вышли встречать поезд. Они выстроились на перроне, когда паровоз, пыхтя, подтащил длинный состав к вокзалу.

Из вагонов стали выходить люди.

Здесь были старики, женщины, дети. Они приехали оттуда, где гремели орудия, где враг разорял нашу землю. Казалось, от них пахнет еще дымом пожарищ. Они привезли с собой тоску по родным местам, превратившимся в пепелища, и смертельный ужас, застывший в глазах с того времени, когда немцы бросали на них бомбы с самолетов, расстреливали их из пулеметов с воздуха.

Ночью Маншук долго не могла заснуть. Она знала: ей не забыть ни вокзального перрона, ни людей, которые заполнили его, выйдя из вагонов. В тот день она впервые заглянула в глаза большому человеческому горю.

«Что же ты, Маншук? — спрашивала она себя.— Как же ты еще сидишь здесь, когда у людей такое горе?.. Разве ты не

знаешь, кто принес им это горе? Разве ты не знаешь врага, который топчет землю твоей Родины?»

Маншук трепетно вслушивалась в этот голос совести, в голос своей безмерной, горячей любви к людям. И она решила: нужно во что бы то ни стало ехать на фронт — бить фашистов.

Утром Маншук сказала своей приемной матери:

— Ты пойми, дорогая апа, я не могу сидеть здесь... Я уже не девочка, я должна поехать на фронт...

— Но ты ведь и не мужчина, Маншук,— возражала ей Амина, в душе которой боролись страх и гордость за дочь.— Зачем тебе ехать воевать, помогай бойцам здесь. Ты знаешь, моя девочка, как дорога ты мне. Зачем ты хочешь повергнуть меня в печаль?

— Ах, апке, не ты ли учила меня, что печаль — море: утонешь, пропадешь, а смелый поступок — лодка: сядешь и переплывешь!

...Шли дни, шли недели, месяцы. Кончалось лето 1942 года. Маншук уже давно добивалась, чтобы ее отправили добровольцем на фронт. Она научилась хорошо стрелять, кончила обучение в кружке и стала медицинской сестрой.

С пылающими от волнения щеками, то сердясь, то умоляя, Маншук доказывала всем, от кого это зависело, что вполне подготовлена, чтобы ехать на фронт, что она не может, не в силах больше ждать...

Наконец получила разрешение. Амины не было в городе, Маншук оставила ей письмо.

«Апкетай,— писала она,— ты не обижайся, что я тебя покидаю. Хочу на деле показать, на что я способна...»

Эшелон уходил на фронт в тот же день.

Прощальные минуты всегда печальны. Маншук стояла на подножке вагона и смотрела поверх голов провожающих на родной город, на зеленые сады, на белые-белые вершины гор. Сердце ее рвалось к Амине. Она хотела бы сейчас крепко прижаться к ней и тихонько, на ушко, как в детстве, шепнуть: «Моя милая, милая апкетай!..»

Поезд шел по широким казахским степям. За окном тянулись песчаные дюны, покрытые то редкой травой, то еще более редким низким кустарником, появление которого означало, что где-то поблизости просочилась вода — великая редкость в этих местах. А потом опять пустынные пески, желтовато-белые, сверкающие на солнце. Вот на горизонте четко, как на экране кино, вырисовался караван верблюдов. А вот юрта, и дымок вьется. Так и пахнуло на Маншук родной картиной детства.

Солнце спускалось все ниже. Огромный красный шар его уже упирался одним боком в песок, повиснув в темно-синем небе, по которому шли полосы — внизу красные, потом серые, а еще выше — густо-лиловые.

Паровоз замедлил ход у какого-то небольшого полустанка. Сразу стало тихо-тихо. И вдруг в этой тишине возникли мягкие и прекрасные звуки. Кто-то играл на домбре.

Маншук встрепенулась, прислушалась и запела привольную, как казахская степь, песню...

* *
*

Прошло еще несколько недель. Маншук — на фронте. Она уже слышала разрывы снарядов, не раз над ее головой разыгрывался воздушный бой, она видела людей, еще не остывших от жара атаки. Но она не была довольна своей судьбой: несмотря на настойчивые просьбы отправить ее в стрелковое подразделение, Маншук оставили писарем при штабе.

— Пока поработаете в штабе,— сказали ей.— Освойтесь с военной обстановкой, а там будет видно...

Она молча подчинилась, но в душе сердилась: «Освойтесь! Не для того я сюда ехала, чтобы осваиваться с военной обстановкой, сидя в штабе!..» Она твердо решила добиться своего. Долго Маншук прикидывала в уме: мол, на каком участке фронтовой жизни она сможет служить с большей пользой для Родины? Она могла стать медицинской сестрой, телефонисткой, радисткой. Но все это было не то. Ее пламенному сердцу не хватало упоения боем. Своей собственной рукой уничтожать фашистов — вот была ее мечта.

«Я буду пулеметчицей!» — решила она.

Поздними вечерами, когда в штабе глухо постукивали машинки и беспрерывно звонил в соседней комнате телефон, Маншук сидела, склонясь над бумагами, всецело отдавшись своим думам. Если бы кто-нибудь спросил ее в то время, о чем она думает, Маншук сказала бы: «Об Алма-Ате, о милой апке и еще о том, когда же я стану пулеметчицей!»

Только эти две самые сокровенные мечты — о мирной солнечной родине и о грозных, наполненных смертью боях — наполняли душу молодой девушки.

Как-то раз, еще в далеком детстве, Маншук с матерью были в степи. Там, в юрте одного охотника, Маншук увидела беркута. Птица сидела в углу между двумя стопками мягких шерстяных одеял и подушек.

У беркута были связаны крылья. Он был дикий. Несколько дней назад охотнику удалось поймать в горах этого беркута вместе с его птенцом.

Маншук подошла к птенцу, хотела погладить его. Беркут заклекотал, вытянул шею, перья на нем приподнялись. А глаза — Маншук долго не могла забыть их,— глаза птицы были полны такой ярости, такого самозабвенного стремления защитить птенца, что Маншук испуганно отпрянула назад.

Весь день Маншук исподлобья наблюдала за птицей. Она видела: ни на одну минуту беркут не забывал, что около него враги. Шея его все так же была вытянута, весь он напряжен, а глаза неустанно следили за каждым движением людей.

И лишь вечером, на закате солнца, когда у птенца стали закрываться глаза, Маншук удалось подстеречь минутку, когда беркут, казалось, забыл о неволе.

Птица склонила голову над детенышем. Какие-то гортанные, но очень нежные звуки послышались из угла...

Теперь сама Маншук напоминала того беркута. Когда она слышала разрывы вражеских снарядов, когда видела бойцов, пришедших с переднего края, с настороженным, словно прицеленным взглядом, когда она видела, что всем существом своим они еще чувствовали врага, ей казалось, что и она сама побывала там, где только что были они, что и она видела перед собой ненавистных гитлеровцев.

И глаза ее загорались яростью, она вытягивала шею, и все тело ее напружинивалось, как бы готовясь к прыжку.

Но зато Маншук сразу менялась, когда видела раненых, привезенных с поля боя. Сердце ее разрывалось от жалости к ним, и все свое свободное время Маншук отдавала уходу за ранеными.

Темные ночи, наполненные неясными шумами, шорохами, отдаленными взрывами и перестрелкой, Маншук проводила в полевом госпитале. Вот когда ей пригодились знания, приобретенные в институте и в кружке медсестер.

В доме, где помещался госпиталь, воздух был пропитан запахами лекарств. С одной из коек доносились тихие стоны. Маншук подошла к койке, положила мягкую, нежную руку на голову раненого. Солдат успокоился. Сколько времени простояла она около него? Может быть, час, может быть, два...

Маншук своей заботой и нежностью завоевала любовь раненых. Тихонько, полушепотом рассказывали ей раненые бойцы о своих самых сокровенных думах, при тусклом свете мерцающей свечи диктовали письма родным и друзьям.

Днем, когда Маншук была занята, раненые, с нетерпением ожидая ее прихода, рассуждали, какими судьбами занесло ее из такой дали сюда, в самое пекло войны. И каждый раз раненый казах Ахметов говорил:

— А вот послушайте меня... Есть такая казахская пословица: «Счастье каждого аула — это его женщины».

Но что бы ни делала Маншук, чем бы ни были заняты ее дни и часы, она всегда возвращалась к своей мечте — стать пулеметчицей.

Девушка изучала пулемет. Она вложила в это дело всю свою страстность, все упорство. Маншук знала, что каждый день, в который она узнает что-то новое, приближает ее к тому моменту, когда она, вооруженная пулеметом, встретится с врагом и будет беспощадно расстреливать его.

Она писала своей приемной матери: «Дорогая апке, знаю, что я еще совсем плохой знаток в военном искусстве, но зато я довольна, что нахожусь в таком месте, где человек может по-настоящему доказать свою любовь к Родине!»

Наконец Маншук освоила пулемет. Командир назначил проверку. Ночью Маншук не могла спать: завтра решалась ее судьба. То ей казалось, что она пройдет проверку хорошо, и тогда в сердце ее пели жаворонки; то она, как наяву, видела свою мишень, пробитую где-то сбоку, и тогда сердце ее сжималось в тоске и тревоге.

Но когда настало утро и Маншук в строю других бойцов заняла исходную позицию, спокойствие и уверенность сменили все ночные сомнения.

Она смотрела на мишень — и видела фашиста. А если перед тобой враг, ты не можешь, ты не должна промахнуться! Ни одна пуля Маншук не прошла мимо.

Упорство и любовь к Родине преодолели все. Маншук стала отличной пулеметчицей. А вскоре она была уже старшим сержантом. Произошло это на Калининском фронте.

Начались фронтовые будни: разведка, перестрелка, небольшие стычки. Маншук не расставалась с «максимом». Холила его, то и дело протирая, наводя чистоту. Иногда, как бы невзначай, она даже нежно гладила его холодный ствол мягкой девичьей рукой. Вскоре в подразделении не было бойца, равного ей по меткости стрельбы. Всегда подтянутая, она изумляла товарищей своей выдержкой и умением переносить трудности военной жизни.

Как в былые времена — в школе или в комсомольской организации,— Маншук и здесь стала всеобщей любимицей. Ее

серебристый смех, веселая шутка, ласковое слово скрашивали суровую жизнь солдат.

В те дни она писала домой: «Нахожусь на передовой с пулеметом. Зорко слежу за фрицами. Ночью почти не приходится спать. Отдыхаем днем. Сейчас жизнь пошла веселая, ведем расплату с фашистами огнем своих орудий. Если не ошибаюсь, то на этих днях пойдем дальше вперед...»

Иногда в минуту затишья бойцы собирались вокруг Маншук, и тогда она, мечтательно глядя в небо, рассказывала им о далеких степных просторах, о свежести горных вершин, о милой сердцу Алма-Ате.

— Ах, если бы ты знал, как хороша Алма-Ата! — говорила девушка своему другу Анатолию.— Знаешь, как написал Джамбул?

В садах утопая,
Огнями сияет
Столица, красавица Алма-Ата...

И чуть слышно добавляла:

— Мы поедем с тобой туда после войны... Случалось ли тебе,— спрашивала она его,— в час непогоды, когда в горах грохочет гром, а молния прошивает огненными стежками темное небо, случалось ли тебе в такой час смотреть на снежные вершины гор? Они становятся тогда такими хмурыми и суровыми, будто это не снег лежит на вершинах, а седые космы бровей нависли над чьими-то сердитыми, невидимыми в каменных складках глазами... Но вот очистилось небо, первый луч солнца скользнул по вершинам, а за ним другой, третий... И вот уже засверкали белоснежные вершины, затеплились под ласковым солнечным светом...

Маншук могла без конца рассказывать Анатолию о сиянии снегов на вершинах гор, о чудесных тюльпанах, которые покрывают весной степи,— не на них ли глядя, вышивают казашки яркие узоры на коврах? Оба они мечтали о своем будущем счастье. И были эти мечты светлыми и чистыми, как вода горного озера.

Однажды, ничего не сказав Маншук, Анатолий послал письмо в Алма-Ату.

Амина Маметова прочла в том письме:

«Разрешите передать вам свой и Маруси (так он упрямо называл Маншук по-русски) фронтовой привет! Я с вашей дочерью Маншук очень подружился. Как бы вам, мамаша, обрисовать ее портрет? Ведь она совсем изменилась, стала настоящим, серьезным бойцом. За две недели она изучила пулемет.

Стреляет отлично. А какая у нее ненависть к врагу! Она с нетерпением ожидает, чтобы на передовую пойти... Если бы вы знали, какой ей здесь почет и уважение! Как же ее не уважать? Ведь она одна у нас, да еще такая — с талантами, с любовью стоит на защите своей Родины!

В общем ничего, мамаша, будем жить, увидимся обязательно. Пока до свидания. От души шлю привет, свое пламенное сердце и жду желанный ваш ответ...»

...Бывает на войне, что люди, которые привыкают к смерти, как привыкает к высоте верхолаз, вдруг невзначай задумываются о ней. В такие минуты у человека с сердцем послабее могут и руки опуститься.

Маншук понимала это. Когда однажды при ней бойцы заговорили о смерти, она спросила:

— Хотите, я расскажу вам казахскую легенду, которую наш народ сложил в давние времена?

Придвинувшись поближе, товарищи стали слушать Маншук.

— Это было давным-давно. Жил тогда на свете казах, по имени Коркыт. Не мог Коркыт примириться со скоротечностью человеческой жизни. И решил он бороться со смертью. Он ушел от людей. Но везде, где бы он ни был, он видел смерть: в лесу свалившееся, гниющее дерево говорило ему о смерти; в степи — ковыль, выгорая под солнцем, говорил ему о смерти; даже высокие горы поведали ему об ожидающем их разрушении. Тогда Коркыт, страдая от своих одиноких терзаний, выдолбил из дерева ширгай — первый кобыз, натянул на него струны и заиграл. Он вложил всю свою душу в эти мелодии, и чудесные звуки дошли до людей, пленили их. С тех пор мелодии Коркыта и его кобыз пошли странствовать по земле, а имя Коркыта осталось бессмертным в струнах кобыза.

— Вот видите,— закончила Маншук,— пока Коркыт думал только о смерти, пока он был вдали от людей, его уделом была тоска. Когда же он с песнями вернулся к людям, он стал бессмертен, потому что жизнь всегда побеждает смерть!

Маншук не только говорила об этом, она своими делами утверждала всепобеждающее право жизни. В первом же бою Маншук сумела отразить атаку гитлеровцев, подпустив их на близкое расстояние. Это принесло ей еще большее уважение бойцов.

...Вся нежная, девичья душа Маншук раскрывалась в письмах, которые она писала домой. Писала обо всем: и о товарищах, и о боях с врагами, и о своем великом счастье —

о том, что ее приняли в ряды Коммунистической партии. И тут же, в конце письма, была приписка: «Апкетай, пришлите мне маленькое зеркальце».

Однажды Маншук получила из дома посылку.

Смеясь и толкаясь вокруг ящика, бойцы открыли крышку. На них пахнуло ароматом свежих яблок. У Маншук затуманились глаза. Яблоки!.. Милый, родной город! Увидит ли она его, пройдет ли по его залитым лунным светом улицам, будет ли вдыхать чудесный яблоневый запах?..

Через несколько дней Амина Маметова получила письмо от дочери. Маншук писала:

«Дорогая мамочка! Долгожданное письмо и посылку получила в тот час, когда мы тронулись на передовую... Я была очень рада, хотя мне и досталось всего одно яблоко. Мамочка, уже второй год мы не видим фруктов, и очень редко к нам попадает что-нибудь домашнее. Большое спасибо! Дорогая апкетай, сегодня днем легла отдохнуть — целую ночь не пришлось спать. Уснула сразу, и мне приснился сон. Слышу: приехала делегация из Алма-Аты. Открываю дверь, слышу ваш голос, иду к вам, и вы встаете мне навстречу. Я так и кинулась к вам, обнимаю, целую и говорю: «Неужели я вас вижу?..» И опять целую. И потом как будто все настоящее: начинаю рассказывать, как мы живем, потом спрашиваю, как вы сюда попали. И вы отвечаете, что вам посчастливилось приехать с делегацией... А потом вдруг меня будят на обед, и все это оказалось сном».

...Шли бои за Невель. К тому времени Маншук стала уже опытным, проверенным в боях воином, с закаленной волей и мужественным сердцем.

Было холодное осеннее утро. Над озером плыл молочный туман. Как не похожа русская природа на солнечный Казахстан, и как близка, как бесконечно дорога стала она сердцу казахской девушки, которая шаг за шагом отвоевывала у врага эту родную землю...

С утра шел бой. Фашисты цеплялись за каждый куст, за каждую высоту; они то и дело бросались в контратаки. Но каждый раз пулемет Маншук Маметовой косил ряды гитлеровцев, и они откатывались назад. Трудно сказать, что думала в эти минуты Маншук. Вернее всего, у нее была одна-единственная мысль: помочь подразделению продвинуться. Надо было во что бы то ни стало захватить высоту, господствующую над местностью. Это решало исход боя. Фашисты учитывали это и создали перед высотой огневую завесу. Напряжение боя

достигло предела. И в этот момент вперед метнулась девичья фигура с развевающимися по ветру косами. То была Маншук Маметова. Она повела бойцов в решительную схватку.

Гитлеровцы открыли бешеный огонь из минометов. Взрывной волной опрокинуло пулемет. Кровь залила лицо Маншук...

Маншук лежала на холодной, сырой земле. Ей было хорошо: холод земли освежал пылающую голову. И казалось ей, что вернулось далекое-далекое детство, что лежит она на зеленой сочной траве джайляу, а кругом жужжат пчелы... Где-то рядом ревет горный поток. Только почему вдруг зеленая трава зашевелилась, поползла?.. Маншук чуть поднялась, острая боль прорезала голову. А что же это так ревет, неужели горный поток?..

Вдруг взор Маншук прояснился, и она поняла: это гитлеровцы, они ползли к ней, кричали и стреляли.

Маншук собрала последние силы. Ярость, охватившая ее, заглушила боль. Она ждала: пусть фашисты подползут ближе. Потом, схватив пулемет, Маншук вытащила его на открытую позицию и полоснула огнем. Враги отхлынули. А Маншук все била по ним, очищая путь для наших бойцов...

Даже мертвая, Маншук сжимала рукоятки пулемета окоченевшими руками.

* *
*

Если вам доведется побывать в Невеле, вы увидите там улицу имени казашки-пулеметчицы Героя Советского Союза Маншук Маметовой. Так благодарное население города увековечило память отважной девушки.

А если вы будете в Алма-Ате, пройдите обязательно по Пролетарской улице. Она вся утопает в зелени, там день и ночь шумят тополь и карагач, журчит арык. Там, на этой улице, стоит небольшой белый дом под зеленой крышей, с резным крыльцом, а во дворе дома растет совсем уже старый, покривившийся куст сирени. Пройдите мимо этого дома и вспомните: здесь жила, отсюда уехала на великий подвиг казахская девушка-батыр Маншук. Сюда, в этот дом, пришло письмо от боевых товарищей Маншук.

Вот оно:

«Дорогой товарищ Маметова Амина!

С глубоким чувством скорби извещаем вас о героической смерти вашей приемной дочери, отважной пулеметчицы, старшего сержанта, товарища Маметовой Маншук. Боевая жизнь

славной дочери казахского народа, товарища Маметовой, может служить бессмертным образцом любви и преданности нашей Родине.

Товарищ Маметова, добровольно приехав на фронт, овладела станковым пулеметом «максим» и до последней минуты своей жизни истребляла из него фашистских палачей. В бою 15 октября 1943 года товарищ Маметова, несмотря на ураганный огонь противника и несмотря на свое ранение, беспрерывно вела огонь из пулемета и тем самым обеспечивала продвижение наступающего подразделения. Беззаветная стойкость и мастерское умение отличали ее в бою, и этими благородными качествами она славилась среди бойцов нашего соединения.

Ее смерть — большая потеря для нас, фронтовиков, для ее товарищей по оружию. Она тяжела и вам, ставшей ее родной матерью и вырастившей ее такой мужественной, благородной дочерью советского народа, готовой пожертвовать жизнью во имя нашей великой Родины. Мы все свято чтим боевые традиции пламенной патриотки и будем помнить ее как храбрую героиню Великой Отечественной войны. Память о славной дочери казахского народа — о Маметовой Маншук — навеки будет в наших сердцах, и ее имя с гордостью будем произносить мы, как имя героя Отечественной войны.

Для увековечения ее памяти в городе Невеле улица Приамурская переименована в улицу пулеметчицы-казашки Маншук Маметовой и переулок Торфяной в переулок Маметовой.

С фронтовым приветом боевые товарищи Маншук».

* *
*

С тех пор много писем пришло в дом, где живет Амина Маметова.

* *
*

«Дорогая Амина Маметова!

Мы, девушки-комсомолки Украины — города Чернигова, узнали о великих подвигах вашей дочери, нашей сестры, которая показала в борьбе с гитлеровцами свой героизм, свою любовь к матери-Родине и всему советскому народу. Мы никогда не забудем имен таких бесстрашных героев, как Ваша дочь Маншук, Зоя Космодемьянская, Лиза Чайкина, Александр

Чекалин и комсомольцы Краснодона. С их именами в сердце мы будем выполнять самые трудные задачи, поставленные перед нами партией и нашей Советской Родиной».

* *
*

«Дорогая мама!

Мы, воспитанники Невельского санаторного детского дома, обращаемся к Вам с пожеланием хорошего здоровья и долгой жизни.

Вы потеряли в войне самое дорогое в Вашей жизни — дочь Маншук Маметову, которой посмертно присвоено за ее подвиги звание Героя Советского Союза. Тяжела Ваша утрата, но Вы не одна. Мы, дети, свято чтим боевые подвиги Вашей дочери — патриотки Маншук Маметовой и будем помнить ее как храбрую героиню Великой Отечественной войны».

* *
*

«Привет с Урала! Здравствуйте, дорогая Амина! Узнав о гибели отважной девушки Маншук, я хочу сказать Вам ласковое, бодрое слово утешения. Я, простая советская девушка, своим трудом помогу, чтобы наша Родина стала еще более могучей. И помните, дорогая Амина, что вечно будет жить в наших сердцах память о юной девушке казахского народа Герое Советского Союза Маншук Маметовой.

Работница заводоуправления Кушвинского металлургического завода

Попова Лидия».

...Идут письма в город Алма-Ату со всех концов нашей великой Родины. И если вы, читатель, встретите когда-нибудь невысокую хрупкую женщину — Амину Маметову, подойдите к ней и скажите ей теплое слово.

Л. САМОЙЛЕНКО, Г. ЩЕРБАКОВ

ВОЛЖАНКА

Над заходившим золотым глазом солнца темной бровью нависла длинная туча. Тишину августовского вечера нарушали отдельные винтовочные выстрелы. От пожарищ в соседнем селе тянуло терпким запахом гари.

Слева, из-за выступа свежего бруствера траншеи, виднелась полукруглая лента Северного Донца. Зина смотрела на воду, поблескивающую серебряной россыпью, и вспоминала Волгу. Девушка вечерами подолгу любовалась ее полноводием, любила петь песни об этой великой русской реке. Вот и сейчас, устремив взгляд на Северный Донец, Маресева тихо запела. Ее идущий от сердца голос услышали солдаты. Пожилой сержант с забинтованной головой и белокурый молодой боец пробрались по окопу к медицинской сестре. Когда она замолкла, сержант улыбнулся в усы и спросил:

— Что-то ты, дочка, все о Волге поешь?

— Люблю Волгу. Волжанка я,— ответила Зина, поправляя густую прядь волос, а потом громче и еще задушевнее запела:

Если Волга разольется,
Трудно Волгу переплыть...

В селе Черкасском, Саратовской области, любили песни. Здесь Маресева родилась в семье колхозного пастуха. Окончив семь классов, поступила на вольский завод. Быстро полюбили в коллективе новенькую браковщицу. Придя домой со смены, девушка помогала матери по хозяйству. Радовалась Анна Васильевна, что у ее «стрекозы» ничего не валится из рук.

Тяжелым шагом переступал порог отец. Он был чуточку усталый, но в глазах его всегда роились добрые лукавые искорки. Шевелил кустиками бровей и баском говорил:

— А ну, Зинок, налей-ка водицы в умывальник...

Потом садились за стол. Зина рассказывала о заводе, о людях, о новом пассажирском пароходе-красавце, прошедшем сегодня первый раз по Волге. Какое это было счастье!

Цветы, много цветов бывает весной в Вольске. Яблони, груши, вишни словно в пушистых хлопьях снега. Теплый ветерок доносит аромат садов и соловьиную трель. Хорошо! Под это благоухание природы Зина робко смотрела в глаза своему другу...

Война! Это сообщение тяжелым камнем опустилось на сердце Маресевой. Глаза ее стали строже, задумчивее. В них можно было прочесть, как кипит гнев и ненависть в душе девушки к фашистским захватчикам. Зина без слез проводила на фронт отца и своего любимого. А вскоре стали приходить в Вольск вести о гибели земляков.

Однажды почтальон передал ей треугольник со штампом полевой почты. Зина развернула его, пробежала глазами неровно написанные строчки. «Он отдал жизнь за счастье миллионов людей. Мы клянемся отомстить за его смерть...» — сообщали бойцы Зине о гибели ее друга. Спазмы сжали горло.

«Чем помочь фронту? — задумалась девушка.— Нет, я не могу сидеть в Вольске».

Маресева записалась на краткосрочные курсы медицинских сестер. Днем она работала на заводе, а вечером прямо из цеха бежала на занятия. Ненависть к вероломно напавшим на Родину врагам помогала девятнадцатилетней комсомолке преодолевать трудности в труде и учебе.

Немногословным было заявление, поданное Зиной в военкомат: «Прошу зачислить меня в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, так как хочу наравне со всеми защищать Родину и оказывать помощь бойцам...» Просьбу Маресевой удовлетворили. В тот же день она в шинели с погонами сержанта медицинской службы вошла в свой цех. Ее окружили подруги.

Маресева почувствовала, как на ее плечо мягко опустилась чья-то рука. Обернулась. Перед ней — старый мастер.

— А ну, дочка, дай-ка взглянуть на тебя! — пробасил он.— Молодцом... Молодцом... Словом, ты там, на передовой, воюй своими медицинскими знаниями, своей храбростью и волей. А мы здесь станем приближать победу трудом. Помни, что на заводе «Большевик» твои земляки ждут от тебя весточки. Пиши!

— Прощайте, дорогие! Я вас не подведу...

МАРЕСЕВА
Зинаида Ивановна

...Воинский эшелон шел к фронту. В одном из товарных вагонов на краешке верхних нар в консервной банке дрожал красноватый язычок огня. От него к потолку тянулась тоненькая струйка копоти. Прямо на полу в лихо заломленной на затылок пилотке сидел смуглый солдат и растягивал меха гармошки.

— Вася, ты бы сыграл что-нибудь веселое,— попросили гармониста.

— И правда! — бойко подхватила Маресева и, быстро поднявшись, вскинула перед собой руки.— А ну, запеваем!

Как сухой хворост, брошенный в огонь, вспыхнула песня. Ей тесно стало в стенах вагона. Она вырвалась в полуоткрытые двери, понеслась над полями, станционными поселками. Слова боевой песни звучали все громче и громче:

...И верой и правдой, достойно и смело
Отчизне послужим в бою,
Идем мы, товарищ, за правое дело,
За честь и свободу свою...

...Великая битва на Волге. Здесь, на одном из участков, заняла оборону часть, в которой находилась и Маресева. Начинался пепельный рассвет. Землю, изрытую снарядами и гусеницами танков, за ночь обновил снежок. Но вот впереди наших траншей полоснул снаряд, второй, третий... После короткой артиллерийской подготовки враг пустил танки. За ними, стреляя на ходу, бежали автоматчики.

— Просящему не отказывают,— сказал чернобровый ефрейтор и прильнул к противотанковой пушке.

Выстрел! Под гусеницами головной машины блеснула яркая вспышка. Танк взревел, как раненый зверь, и, повернувшись на месте, подставил борт. От второго бронебойного снаряда

«фердинанд» задымил. Справа и слева прямой наводкой ударили другие наши пушки. Несколько танков загорелось, остальные, боясь разворачиваться, попятились.

По нашим окопам прокатилось громкое «ура!», и солдаты бросились в контратаку.

Закинув за спину санитарную сумку, Зина быстро перемахнула через бруствер окопа и подползла к раненому бойцу. Вражеские пули стайками жужжащих ос проносились над ее головой. Они уже скосили нескольких солдат.

— Ты бы, сестрица, не беспокоилась обо мне,— пошевелил сухими губами раненый.— Меня в ногу ударило. А ведь есть и потяжелее.

Но Маресева уже ловким движением вспорола шаровары. Рана оказалась серьезной: пулей раздробило колено.

— Уж больно ты смелая,— снова заговорил солдат.

Медсестра, забинтовывая ногу, мягко улыбнувшись, взглянула в глаза раненого:

— Ничего, меня пуля боится...

Улыбка девушки в каске согрела душу бойца, приглушила боль.

Стараясь не причинить острой боли раненому, Маресева метр за метром тащила его в укрытие. А через несколько минут она снова была на поле боя. И для каждого раненого у нее находилось теплое слово.

Много раненых было перевязано ею в то утро, много бойцов вынесла она из-под огня и доставила к переправе через Волгу.

Когда воины части отбили вражескую атаку, один из солдат обратился к командиру:

— Можно огневую точку гранатами ковырнуть?

Получив разрешение, боец скользнул через бруствер и, держа в руке связку гранат, по-пластунски пополз по «ничейной». Лейтенант припал к стереотрубе и быстро отыскал в легком тумане смельчака. Командир видел, как солдат, пробивая каской рыхлый снег, умело прятался за каждой неровностью, в каждой воронке. Но что такое? Голова солдата неестественно приподнялась и опустилась в снег, левая рука чуть откинулась в сторону.

— Ранен,— не отрываясь от стереотрубы, сказал лейтенант.

— Ранен? — переспросила Зина и побежала по траншее.

— Куда, Маресева? — крикнул командир.

— Человека спасать! — бросила на ходу.

Энергично работая руками и ногами, Зина́ ползла к раненому. Разгоряченное ее лицо было усеяно капельками от растаявшего снега. Чтобы не потерять ориентировки, она на миг останавливалась, приподнимала голову. «Быстрей! Только бы добраться до бойца».

И добралась.

Разрывной пулей солдату раздробило плечо. Стащив его в воронку, Маресева начала делать перевязку. Солдат открыл лихорадочно поблескивавшие глаза.

— Больно? — улыбнулась Зина.

— Терпимо, сестричка. За тебя боюсь. Рискуешь, землячка... Ведь все мы земляки. Правда?

— Вот именно.— Медсестра завязала кончики бинта и бросила взгляд на траншеи врага. И вдруг брови сурово нахмурились: прямо на них ползли три фашиста. Медсестра схватила у раненого автомат, поставила указатель на одиночные выстрелы, прицелилась. От ее меткой пули один из гитлеровцев дернулся, вскинул головой и безжизненно перевалился на бок. И тут над огневой точкой врага взметнулся сноп огня и земли.

— Что это? — прошептал раненый.

— Наши взорвали огневую точку,— радостно ответила Маресева.

Двое фашистов стали поспешно пятиться к своим траншеям.

Оставаться в воронке было опасно. Враг вот-вот мог пойти в очередную атаку. А как вынести раненого? На спине тащить — явная мишень. Девушка, не раздумывая ни минуты, сняла с себя шинель, уложила на нее бойца и сказала:

— Крепись, землячок...

Солдаты, как родную сестру, полюбили Зину Маресеву. Фронтовая жизнь закалила ее. А сознание того, что каждый солдат, возвращенный ею в строй, бьет врага, помогало Зине переносить все тяготы войны и на Волге, и под Воронежем, и под Курском.

«...Дорогая мамочка! — писала она.— Мы сейчас находимся в обороне. Держим ее крепко-накрепко. Мне принесли от вас письмо и говорят: «Зина, спой песню, и мы дадим тебе его». Я ответила, что вечером в полку будет самодеятельность, там услышите песню, увидите пляски.

Дорогая мамочка, продвигаясь вперед, мы встречаем освобожденное от захватчиков мирное население. Люди не могут иногда сказать и слова от радостной встречи и только плачут... До скорого свидания. Пишите чаще».

...И вот теперь, при августовском закате, вспоминая Волгу, Маресева смотрит на позолоченную гладь Северного Донца.

Здесь, между селами Соломино и Топлинка, противник сосредоточил сильную артиллерийскую группу и две пехотные дивизии. В этом районе несколько дней стояло затишье, и солдаты говорили: быть грозе.

Ночь все заметнее прижималась к земле. Там, за рекой, из немецких траншей взлетали в воздух осветительные ракеты. Они медленно покачивались на маленьких парашютиках, бросая на заснувшую реку зеленоватые блики. А часом позже гвардейский полк получил приказ форсировать Северный Донец.

Ожили оба берега. Над водой то здесь, то там взлетали каскады брызг. Темноту перечеркивали красноватые линии трассирующих пуль. Под грохот артиллерийской канонады советские саперы торопливо сооружали переправу через реку. Появились первые раненые. Юная патриотка, не обращая внимания на сильный огонь, оказывала им помощь.

Вскоре по налаженной переправе подразделения перешли на другой берег и завязали ожесточенный бой. Фашисты, не выдержав натиска, начали отступать. Но у них еще было достаточно сил для упорного сопротивления.

К концу второго дня враг пошел в восьмую контратаку, угрожая зайти во фланг полка. Один из наших солдат смалодушничал и, отступая, повлек за собой группу бойцов. В это время Зина, перевязав бойца, подползала к другому. Приподняв голову, она не поверила своим глазам. Разве она, комсомолка, может мириться с таким позором?! Вскинув за спину санитарную сумку, девушка решительно поднялась во весь рост и громко крикнула:

— Вперед, за мной!

И бойцы опомнились, устремились за комсомолкой и снова отбросили фашистов.

За два дня боев Маресева вынесла из-под огня шестьдесят четыре раненых, почти шестьдесят человек эвакуировала через реку. На третий день раненых пришлось перевозить на лодке. Во время одного из рейсов, когда до берега оставалось несколько метров, рядом с лодкой взлетел фонтан воды. Зина опустила на колени голову раненого и схватилась рукой за грудь.

— Что с тобой, Зина? — испуганно спросил санитар.— Ранена?

— Я... Я...— закрывая глаза и оседая на корму лодки, прошептала Маресева.— Ничего, пройдет. А вот этому раненому надо...

Так и недоговорила девушка, что надо бойцу. Видимо, она беспокоилась о его срочной операции.

6 августа 1943 года Зина Маресева скончалась. В скорбном молчании стояли у гроба солдаты и командиры. Легкий ветерок шевелил ее шелковистые волосы, и казалось, что она разожмет свои плотно сжатые губы, блеснет озорно глазами и запоет, как бывало:

Из родимого домочка
Улечу, как соловей...

Над могилой Маресевой в селе Пятницком, Курской области, солдаты и офицеры дали клятву: «Клянемся, дорогая сестра, что враг еще и еще узнает силу нашего гнева».

Они свое слово сдержали...

Советское правительство высоко оценило подвиг Зины Маресевой, присвоив ей звание Героя Советского Союза.

В селе Черкасском, в небольшом домике, на улице Белый ключ, живут родители героини — Иван Петрович и Анна Васильевна. Они рассказывают пионерам и школьникам о детстве Зины, о том, как она стремилась к знаниям, как горячо любила свою Родину. Свято чтят память ее юные ленинцы. Один из отрядов школы носит славное имя Зины Маресевой.

Э. РОЗОВСКИЙ

ТРОПОЮ ОТВАЖНЫХ

В жизни каждого бывают даты, которые запоминаются навсегда. Для Анны Ивановны Масловской такой датой стало 6 августа 1941 года.

В тот день ее родной город Поставы — районный центр Вилейской (ныне Витебской) области — казался вымершим. На улицах — ни души. Только на перекрестках прохаживались солдаты, одетые в эсэсовскую форму.

В одном из городских зданий группенфюрер фон Цуг собрал своих офицеров. Он сообщил о создании учебного центра формирующихся частей СС. Для этой цели выбрали Поставы.

— За этот город можно не беспокоиться,— заявил фон Цуг.— Тут есть и порядок, и полная покорность населения.

Говоря такое, эсэсовский генерал наверняка бы поперхнулся, если бы узнал, что именно в этот день и в этот же час в Поставах происходило еще и другое собрание.

На окраине, в маленьком доме рабочего-коммуниста Дмитрия Волостного, собралась группа парней и девушек. Здесь их встретила Аня Масловская, бывшая наборщица районной типографии. Ей, члену райкома комсомола, было поручено провести первое подпольное собрание молодых патриотов.

Вопрос был один: как бороться с врагом. Толя Витковский, парень смелый, горячий, предложил уйти всем в лес, к партизанам. За это же высказалась и его сестра, Нина, и Маша Пронько. Но вот слово взял коммунист Волостной.

— В городе,— сказал он,— тоже нужны верные люди. Мы должны знать о каждом шаге фашистов.

Эта мысль и легла в основу решения, принятого собранием. Так в «спокойных и покорных» Поставах родилась подпольная

комсомольская организация. Секретарем избрали Аню Масловскую.

МАСЛОВСКАЯ
Анна Ивановна

Сразу же распределили и обязанности. Одни взялись собрать оружие, другие — наладить прием радиопередач из Москвы, третьи — распространять в городе листовки. Листовки? А как их писать? На машинке?

— Хорошо бы их печатать,— заметил Волостной.— Так будет посолиднее, убедительнее... Только вот где шрифт достать? В типографии фашисты хозяйничают. Туда не проберешься.

— А я проберусь,— сказала Аня.— Мне там все ходы знакомы.

— Что ж, попробуй,— согласился Волостной.— Но будь поаккуратнее. Тебе ведь еще одно дело предстоит.

Об этом деле Ане сообщил Антон Мазырко, секретарь подпольной парторганизации. Девушка должна была устроиться в швейную мастерскую, обслуживавшую эсэсовцев, и собирать сведения о противнике.

— Предупреждаю: будет очень трудно,— сказал Мазырко Ане.— Но я верю, что ты с этим справишься. Да и боевой опыт у тебя уже есть.

«Опыт. Преувеличивает партийный секретарь»,— подумала Масловская. Какой у нее может быть опыт? Хотя верно и то, что уже в первые дни войны ей довелось испытать многое.

...К Поставам враг подошел быстро, еще в конце июня. Город уже опустел, когда с аэродрома, расположенного по соседству, привезли группу раненых летчиков. Сопровождать их в тыл взялась Аня Масловская. С последним поездом повезла она этих людей на восток. В эти дни девушка была и начальником санотряда, и медсестрой.

В дороге случалось всякое. Несколько раз поезд бомбили и обстреливали. Но самым страшным была постоянная угроза

окружения. Где бы состав ни останавливался, Аня находила лишь группы бойцов, прикрывавших отход частей.

Под Витебском поезд снова остановился. Дальше пути не было, его разрушила вражеская авиация. Пришлось выгрузить раненых на глухом полустанке. И тут наконец Ане повезло. Она встретила командиров-танкистов, и они помогли устроить летчиков в медсанбат. Самой же Ане предложили остаться в танковой части санитаркой. Девушка, возможно, согласилась бы, но в штабе она встретила партийных работников из своего района, формировавших партизанский отряд. Они хорошо знали Масловскую и потому предложили ей вернуться в Поставы, связаться с оставшимися там комсомольцами и создать подпольную организацию.

Нелегко Ане было пробираться на территорию, захваченную врагом, пройти через села, где в любую минуту ее мог остановить патруль. Еще труднее было в самих Поставах, где Масловскую знали многие. И все же задание старших товарищей-коммунистов она выполнила: комсомольская организация в городе была создана!

И вот теперь новое задание.

В швейную мастерскую Аня устроилась быстро — помог Дмитрий Волостной, уже работавший истопником в казармах, занятых эсэсовцами. Первое время девушка лишь осваивалась с обстановкой, приглядывалась к людям, окружавшим ее. Потом взялась за настоящее дело. Ночью Ане и Толе Витковскому удалось пробраться в типографию и под носом у часового, дремавшего на крыльце, вынести шрифт. Оборудовав подпольную типографию, Аня взялась за привычную работу: набирала и верстала листовки, сама же и печатала их.

А утром Аня приходила в мастерскую и снова становилась тихой, безропотной работницей. Но слух ее чутко ловил каждое слово, сказанное эсэсовцами и полицаями. Так она узнала, что фашисты задумали уничтожить все еврейское население, согнанное ими в гетто. Благодаря этому комсомольцы-подпольщики вовремя приняли меры для спасения сотен людей. Устроив подкоп, они помогли бежать из гетто многим узникам и привели их в Козянский лес, где к тому времени уже действовал партизанский отряд.

В той же швейной мастерской Аня узнала и о подготовке карательных экспедиций против партизан. Понятно, что об этом партизаны были своевременно предупреждены.

Прошло несколько месяцев. Гитлеровцы уже привыкли видеть в своей швейной мастерской тихую и пугливую девушку-белоруску. Масловская не вызывала у них подозрений.

Однажды Ане устроили встречу с представителем командования партизанской бригады. Ей, бесстрашной подпольщице, доверили еще одно задание, опаснее всех прежних.

Еще в начале 1942 года гитлеровцы, потерпев поражение под Москвой, вынуждены были отправить на фронт многие части, предназначавшиеся для несения службы в тылу. Но ведь и тыл у них был тоже непрочен: партизанская война разгоралась день ото дня. Для борьбы с партизанами фашисты пытались сформировать части из жителей оккупированной территории, главным образом из уроженцев западных районов Украины и Белоруссии. Среди тех, кто пошел на службу к захватчикам, было немало предателей и просто уголовных преступников. Но были в этих частях и другие люди, обманутые фашистской пропагандой, запуганные и деморализованные. Вот среди них Ане и поручили вести агитационную работу.

Это было очень рискованное дело. Требовалось постоянно быть начеку. Одно неосторожное слово, один неверный шаг — и девушка могла очутиться в гестаповском застенке. Однако Ане с помощью Андрея Прокопца, своего давнего товарища, специально по ее заданию пошедшего «служить» к эсэсовцам, удалось установить связь с несколькими парнями, обманутыми врагом. Девушка рассказывала им об истинном положении на фронте, о победах Советской Армии под Москвой.

Встречи с Аней, ее откровенные беседы на многое открыли глаза людям, заставили их крепко задуматься о своей судьбе. И они, эти люди, нашли правильный путь: под руководством Масловской создали в своей части подпольную организацию.

Нет, Аня рисковала жизнью не напрасно. Подпольная организация среди тех, кого гитлеровцы готовили в каратели, росла и крепла. На повестку дня встал вопрос о восстании. Надо было только назначить день.

И вдруг в швейную мастерскую заявился сам фон Цуг. Он приказал не позднее 15 мая сшить ему походное обмундирование. Вскоре такие же заказы сделали многие офицеры. Аня насторожилась: гитлеровцы что-то задумали. Возможно, что они решили отправить всех завербованных в части РОА на фронт.

Своими тревогами девушка поделилась с солдатами-подпольщиками. А те ей сообщили и другую важную новость: гитлеровское командование наконец решилось полностью снабдить их часть оружием и боеприпасами.

Срок восстания был определен. И 14 мая в городе вспыхнула перестрелка. Солдаты из части РОА перебили офицеров и покинули казармы. Большую группу восставших Масловская привела в лес, к партизанам. И вскоре эти люди стали полноправными бойцами.

А сама Аня? Ей, конечно, нельзя уже было возвращаться в Поставы. Командование партизанской бригады назначило ее комиссаром молодежного отряда имени А. Пархоменко.

Для девушки началась новая жизнь, лесная, партизанская. Аня участвовала во многих боях и операциях. И всегда действовала смело, решительно, находчиво, как и подобает комиссару.

Особенно запомнился Ане налет на гарнизон в селе Полесье, где фашисты создали склад оружия и снаряжения, подготовили базу для карательных экспедиций.

Прежде чем начать бой, Масловская отправилась на разведку. Переодетая в платье крестьянки, обошла она все село. Фашисты расположились в школе, превращенной в казарму. Вокруг этого здания были вырыты траншеи. Они пустовали. Но зато в дзоте, преграждавшем самый удобный подход к казарме, безотлучно находились пулеметчики.

Ночью партизаны начали выдвигаться к селу. Однако пулеметчики, дежурившие в дзоте, услышали шорох в кустах и открыли огонь. Надо было действовать без промедления. Иначе операция могла сорваться. Аня подбежала к дзоту и метнула в амбразуру гранаты. «Карманная артиллерия» сработала отлично: гитлеровцев сразила, а пулемет пощадила. Перезарядив его, девушка открыла огонь и по казарме, из которой отстреливались фашисты.

Смелые и умелые действия комиссара обеспечили отряду успех. Вражеский гарнизон был полностью разгромлен. Партизаны захватили богатые трофеи, в том числе и ящики с минами.

Мины... Они очень пригодились партизанам. Летом 1943 года советские войска перешли в наступление. Гитлеровцам пришлось бросать на фронт все новые и новые дивизии. По железным дорогам Белоруссии днем и ночью шли вражеские эшелоны. И тогда Центральный Комитет нашей партии поставил перед партизанами задачу: нарушать коммуникации противника. Во всех отрядах были созданы группы подрывников. Одну из таких групп возглавила Аня Масловская.

Впервые массовые диверсии на железных дорогах, названные потом «рельсовой войной», были совершены в ночь на

3 августа. Тысячи белорусских партизан участвовали в этих операциях. И сотни эшелонов с техникой врага летели под откос.

Движение на железных дорогах было парализовано. А когда гитлеровцам наконец удалось его восстановить, партизаны в сентябре провели второй, еще более крупный тур «рельсовой войны».

Выполнила свою задачу и группа, возглавляемая Масловской. Правда, поначалу ей не всегда сопутствовал успех. Фашисты были крайне осторожны: прежде чем отправить эшелон, посылали на линию дрезины с минерами. А те, случалось, быстро находили и обезвреживали мины, установленные партизанами.

Чтобы подобных просчетов не было, подрывники избрали другой способ действий. Он был сопряжен с бо́льшим риском, но зато позволял бить врага наверняка. И тут комиссар Масловская первой подала пример.

...Лес, росший у железной дороги, фашисты вырубили. Ане, еще с ночи укрывшейся в мелком кустарнике, нельзя было даже пошевельнуться. Время тянулось ужасно медленно. Эшелона с солдатами и техникой все не было. Может быть, разведчики ошиблись? Но что это за легкий стук? Дрезина... На ней автоматчики и минеры проверяют путь, осматривают местность.

Дрезина удалилась. Вскоре вдали показался поезд. Он мчался на всех парах. Это хорошо: затормозить не успеет. Аня вся напряглась, словно перед решающим прыжком. Прикинула расстояние до поезда. Триста метров, двести, сто... Пора! Она единым духом взбежала на насыпь, поставила на рельсы мину и скорее обратно, подальше от линии. А позади уже грохотал взрыв. Паровоз валился набок, громоздились вагоны и платформы.

Таким вот способом, дерзким, требующим огромной выдержки и отваги, Аня пустила под откос три вражеских эшелона.

Немало еще боевых дел совершили комиссар Масловская и ее товарищи. Гитлеровцы не раз пытались окружить и уничтожить отряд имени Пархоменко. Но эти попытки не удались.

В один из ясных летних дней 1944 года партизаны готовились к очередной операции. Вдруг дозорные передали, что дорога, примыкающая к лесу, запружена вражеской мотопехотой и обозами. С группой бойцов Аня пошла на разведку. Когда добрались до опушки, дорога была пуста. Партизаны уже

собрались было вернуться в свой лагерь, как с востока донесся рокот моторов.

Шли танки. Но не такие, какие партизаны привыкли видеть у врага. Аня взглянула на башню головной машины, и сердце ее забилось учащенно от радости: на броне крупными буквами было начертано: «ЗА СОВЕТСКУЮ РОДИНУ!»

* * *

Родина высоко оценила отвагу и мужество своей верной дочери. Вскоре после освобождения от захватчиков Поставского района, Вилейской области, Анну Ивановну Масловскую вызвали в Москву, в Кремль. И там 29 сентября 1944 года — и этот день она не забудет никогда! — ей вручили орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Р. АРОНОВА,
Герой Советского Союза

ЗНАМЕНОСЕЦ ПОЛКА

В феврале 1959 года в Краснознаменном зале Центрального Дома Советской Армии в Москве состоялась волнующая встреча молодых воинов и представителей общественности с бывшими летчицами 46-го гвардейского Таманского авиационного полка.

Зал был переполнен. Под звуки марша в дверях появилось боевое гвардейское полковое знамя. Его несла, как и в военные годы, знаменосец полка Наташа Меклин. Зал аплодировал. Тяжелый шелк знамени мерно колыхался в такт четкого шага знаменосца. На алом полотнище блестели два боевых ордена.

Пройдя на сцену, Наташа Меклин застыла около знамени по стойке «смирно». На трибуну вышла бывший заместитель командира полка Серафима Тарасовна Амосова и начала рассказ о боевом пути полка. А Наташа, незаметно коснувшись щекой мякого шелка знамени, вспомнила, как она впервые несла его мимо четкого строя своих боевых подруг, как командир полка Евдокия Давыдовна Бершанская, склонившись на колено, целовала край знамени.

— Упорным трудом, отличной боевой работой завоевали мы звание гвардейцев...— донеслись до Наташи слова Амосовой.

И еще вспомнила Наташа Меклин, как после вручения полку гвардейского знамени она, переполненная большим чувством, села в сторонке и за один присест написала «Гвардейский марш», который начинался такими словами:

На фронте встать в ряды передовые
Была для нас задача не легка.
Боритесь, девушки, подруги боевые,
За славу женского гвардейского полка!

...В перерыве к Наташе подошла пожилая женщина и, глядя на нее восхищенным взглядом, спросила с удивлением:

Однажды, придя из двухдневного тренировочного похода, Наташа с удивлением заметила, что в институте царит какая-то непонятная суматоха.

— Что случилось? — спросила она у знакомой студентки, которая с бумажкой в руках спешила куда-то.

— Институт эвакуируется!

— А ты куда бежишь?

— В ЦК комсомола. Создается женская авиачасть под командованием Расковой. Я иду туда.

— А меня возьмут?

— Не знаю. Попытайся.

На другой день Наташа Меклин была в ЦК ВЛКСМ, где проходил отбор девушек в авиачасть Героя Советского Союза Марины Расковой, а еще через день она с рюкзачком в руках явилась на сборный пункт. Вечером Марина Михайловна Раскова вызывала по очереди всех девушек к себе в кабинет для беседы, в ходе которой решался вопрос, в какую группу следует определить каждую девушку.

Наташа не без волнения и робости вошла в кабинет. Еще бы! Ведь она втайне надеялась, что ее зачислят в летную группу. Раскова внимательно посмотрела на нее. Небольшого роста, худенькая, с тонкими, миловидными чертами лица. Спокойный, мягкий взгляд умных серых глаз. Четкие дуги черных бровей. Гладко зачесанные на прямой ряд каштановые волосы. «Совсем еще девочка», — подумала она с нежностью.

— Я зачислю тебя в штурманскую группу, — сказала в конце беседы Раскова. — Для летчика у тебя налет маловат. Согласна?

Наташа понимала, что летного опыта у нее практически нет. «Хорошо еще, что штурманом берут, — утешала она себя. — Вон других девушек из МАИ назначили авиамеханиками, а это значит — прощай, небо! Да, штурманом тоже неплохо».

Она поспешно согласилась. Но все же в самом сокровенном уголке своего сердца она затаила мечту стать летчицей.

И эта мечта сбылась. Правда, не сразу. Прошло больше года, прежде чем Наташа села в переднюю кабину летчика и взяла управление самолетом в свои руки.

* *
*

Наташа Меклин с первых же вылетов зарекомендовала себя как хороший, толковый штурман. Она была спокойна в воздухе, без суеты и нервозности выполняла все то, что положено выполнять штурману. И ее первая летчица, Маша Смирнова, строгая, требовательная, была вполне довольна своим «штурманенком», как иногда ласково называла она Наташу.

Потом ее назначили в экипаж Иры Себровой. Девушки быстро сдружились. Наташе все нравилось в Ире: чуть застенчивая улыбка, открытый взгляд добрых карих глаз, мягкий юмор, спокойный оптимизм, летный почерк. И Наташе казалось, что нет в полку летчицы лучше, чем Ира.

Для успешного выполнения боевых заданий очень большое значение имеет слетанность экипажа. Наташа и Ира быстро достигли этого.

Однажды — это было на Северном Кавказе — несколько экипажей, в том числе и экипаж Себровой — Меклин, получили задание уничтожить склад горючего, который находился в населенном пункте Малгобек, под Грозным.

Наташа с Ирой вылетели первыми. В черном южном небе мерцали далекие звезды. Но их скупой свет не освещал землю. Над целью Наташа сбросила САБ, земля под самолетом осветилась.

— Ира, я вижу цистерны! — радостно воскликнула Наташа. — Вон они, около белых домиков!

— Ну, давай, Наташа, постарайся.

И Наташа постаралась. Бомбы гулко рванули, а в следующее мгновение на земле вспыхнул пожар, который полыхал всю ночь. Экипажи, бомбившие цель немного позже, добавили жару, и склад был полностью уничтожен.

Через два-три дня во фронтовой газете появился очерк о метком ударе ночных бомбардировщиков. Рядом был помещен фотоснимок двух девушек в летной форме — Наташи Меклин и Иры Себровой.

Часто, возвращаясь с задания, Ира передавала управление самолетом штурману. Наташа всегда с нетерпением ждала момента, когда Ира скажет:

— Ну, бери, Наташа!

Поэтому, когда Меклин сказала ей, что хочет стать летчицей, Ира не удивилась.

— Что ж поделаешь, жалко мне с тобой расставаться, но тебя ведь все равно не удержишь. Иди, добивайся. Желаю тебе успеха!

Наташа Меклин и еще три штурмана, мечтавшие стать летчицами, обратились к заместителю командира полка Амосовой. Она обещала им помочь, тем более что летчиц в полку не хватало. Составила программу тренировочных полетов и сама взялась за подготовку.

— Только учтите, девушки, что эта переподготовка не освобождает вас от боевых вылетов в качестве штурманов,— предупредила Амосова.

Не зря поется в песне: «Кто хочет, тот добьется!» Сбылась мечта Наташи: 18 мая 1943 года она полетела в свой триста восемьдесят первый боевой вылет уже летчицей!

Первые вылеты Наташи в качестве летчика совпали с трудным периодом в боевой работе полка. Враг упорно сопротивлялся наступлению наших войск на Тамани. Его противовоздушная оборона была насыщена до предела. Он начал применять против самолетов ПО-2 новую тактику: фашистский ночной истребитель подходил к висящему в лучах прожекторов нашему маленькому самолету и в упор расстреливал его. Так в одну ночь полк потерял четыре экипажа, погибло восемь девушек.

Наташа вместе со всеми глубоко переживала гибель боевых подруг. Ее серые глаза, окаймленные синевой от усталости и горя, глубоко запали, сделались темными.

— Наташа, ты повнимательнее летай,— осторожно советовала ей Ира Себрова.

Наташа понимала беспокойство подруги. Но разве можно уклониться от всех пуль и снарядов? Пробоины и дыры в самолете стали появляться все чаще и чаще.

— Не беспокойся, Ириночка, ничего со мной не случится. Я верю, что дождусь конца войны, потому что я очень этого хочу. А ведь мне всегда удавалось добиться того, чего хочу,— шутила Наташа.

В октябре 1943 года гитлеровцы были сброшены с Таманского полуострова. За активное участие в боях за Тамань женский полк ночных бомбардировщиков получил наименование «Таманский».

...Крым. Наташа знала его только по рисункам и кинокартинам. Он всегда представлялся ей солнечным, веселым, в зелени виноградников, садов и пальм, с синей каймой моря, с белыми дворцами-санаториями.

А он лежит вот сейчас под крылом самолета темный, настороженный...

Наташа Меклин со штурманом Ниной Реуцкой летят бомбить врага на станции Багерово, под Керчью. Нина еще моложе Наташи, и это ее первые боевые вылеты. Она обожает свою летчицу и безгранично верит ей.

Ночь лунная, но облачная. Они летят под самой нижней кромкой облаков. Высота — шестьсот метров.

«Маловато»,— с тревогой думает Наташа.

Летчицы женского полка уже успели узнать, что такое Багерово. Это целый лес прожекторов и шквал зенитного огня.

Наташа понимает, что их самолет заметен на светлом фоне облаков, поэтому время от времени она входит в облака.

Вот и станция. Штурман сбрасывает САБ, и обе девушки, склонившись за борт, внимательно смотрят вниз. Станция забита эшелонами.

— Нина, целься точнее. Я ложусь на боевой курс,— говорит Наташа.

Услышав гул мотора в небе, включились прожекторы, нащупали самолет и зажали его в ярком пучке лучей. Зенитки дружно набросились на освещенную цель. Наташа, стиснув зубы, старалась не отводить взгляда от приборной доски и с напряжением ждала момента, когда штурман сбросит бомбы. Вокруг их самолета беспрерывно рвались снаряды. Появилось много пробоин в плоскостях.

«Почему это Нина так долго не сбрасывает бомбы? Уж не случилось ли что?» — думает Наташа.

В этот момент бомбы отделились от самолета и полетели вниз. Девушки увидели сильный взрыв.

Наташа энергично маневрирует, чтобы выйти из слепящих лучей прожекторов. Она бросает самолет из стороны в сторону, резко скользит, но ничего не помогает. От всех этих маневров высота быстро падает — четыреста, двести, сто метров... Девушки пытаются уйти в море, но ветер встречный, и самолет, кажется, висит на одном месте.

Но вот и берег. Зенитки уже перестали стрелять. А прожекторы все еще держат ПО-2, хотя их лучи почти лежат на земле.

Самолет уходит все дальше в море. Один за другим гаснут прожекторы — они уже бессильны. Пройдя еще немного северным курсом, Наташа разворачивается и идет с небольшим набором высоты вдоль берега. Опасность, кажется, миновала.

— Ну как? — спрашивает она штурмана.— Страшно?

— Знаешь, Наташа, когда стреляли, то я не думала о страхе, а вот сейчас стало страшно, даже колени дрожат.

— Ничего, это нормально. У меня тоже дрожат.

Когда девушки возвратились, их техник, Галя Пономаренко, осмотрев самолет, сказала:

— Как это вы летели на таком решете? Все плоскости изорваны, лонжерон перебит. Больше лететь нельзя.

— Есть другой самолет,— сказала командир полка.— Полетите еще?

— Конечно,— ответили девушки.

— Только смотрите, чтоб ни одной пробоины не было, а то накажу,— пошутила она.

И девушки опять поднялись в ночное небо.

Они поднимались и сбрасывали бомбы на врага еще много ночей, пока Крым не был освобожден.

В последние дни пребывания в Крыму фашистам пришлось туго. Прижатые к морю южнее Севастополя, они в панике эвакуировались по морю и по воздуху. Единственный аэродром, который еще оставался в их руках, лихорадочно работал день и ночь. Наша авиация наносила массированные удары по отступавшему врагу. Женский гвардейский полк тоже принимал в этом участие. Наташа Меклин не раз вылетала на бомбежку вражеского аэродрома. Вылеты были успешными и благополучными. Но вот однажды...

Вместе с Ниной Реуцкой они вылетели на задание, когда на землю опустилась ночь. Они решили в этот раз набрать побольше высоту, чтобы спокойно перевалить через горы, и потом с планирования ударить по аэродрому. Еще на дальних подступах к цели девушки увидели, что включилось множество прожекторов, которые искали кого-то в ночном небе.

— Двадцать четыре прожектора,— подсчитала штурман.

Пора уже и снижаться. Наташа убирает газ и начинает бесшумно планировать. Впереди хорошо обозначается аэродром. Там горят стартовые огни, видно, как самолеты заходят на посадку,— им теперь уж не до маскировки.

Огоньки старта подходили все ближе, ближе... Наташа, увлекшись заманчивой целью, совсем забыла о том, что ее самолет планирует, снижается. И когда она бросила взгляд на высотомер, то не поверила своим глазам — четыреста метров! У нее екнуло сердце. «Как же это я так увлеклась? — в растерянности подумала она.— Но давать газ нельзя: враг может услышать и помешать точно отбомбиться. Нужно планировать теперь до момента сбрасывания бомб»...

— Сейчас буду сбрасывать бомбы,— слышит Наташа голос своего штурмана.

«Давно пора,— подумала Наташа,— нужно скорее набирать высоту, а то как бы не сесть на вражеском аэродроме».

Бомбы так рванули, что самолет подбросило: высота была слишком мала. На земле вспыхнул пожар. Наташа включила полный газ. Мотор взревел.

«Ну, сейчас дадут нам жару! — подумала каждая про себя.— Нас теперь и видно и слышно».

Но что за чудо? Прожекторы моментально выключились, перестали бить зенитки.

— Что это они, неужели нас испугались? — с удивлением спрашивает Нина Реуцкая.

— Не думаю. Просто они приняли, наверно, наш самолет за свой. Мы ведь очень низко идем, нам создали условия для посадки.

— Нет уж, мы лучше пойдем на свой аэродром, хотя для этого нам нужно перелезть через горы,— говорит Нина.

Девушки благополучно вернулись на свой аэродром. А ведь могли бы и не вернуться: такие полеты редко проходят безнаказанно!

* *
*

Кавказ, Крым, Черное море — все осталось позади. Полк перелетел в Белоруссию. Несмотря на то что здесь не было ни гор, ни морей, полеты были по-своему трудными, сложными. И так уж отсюда повелось, что всякий раз перед началом напряженной боевой ночи на аэродром выносилось гвардейское знамя полка. Его всегда несла Наташа Меклин, крепко сжимая в руках древко. Развернутое знамя стояло потом на КП до самого утра, блестя пурпурным шелком в скупом свете стартовых огней. А Наташа, уходя в очередной боевой вылет, думала: «Нужно выполнить задание так, чтобы быть достойной нести вперед наше знамя».

...Это было в Восточной Пруссии.

Чужая земля... Метет февральская метель. Полк из-за непогоды не летает уже двое суток. Вечереет...

Вдруг раздается команда:

— Боевые экипажи, в штаб для получения задачи!

Через десять минут командир полка майор Бершанская ставила задачу:

— Нам нужно любой ценой доставить боеприпасы в пункт Н. На этом участке фронта создалась очень сложная

обстановка. Вот здесь,— она указала карандашом на карте,— одна наша часть, выдвинувшись вперед, практически оказалась отрезанной. Узкий перешеек, соединяющий эту часть с нашими войсками, простреливается противником. Бойцы заняли оборону, но у них кончились боеприпасы. Нам нужно сбросить им несколько ящиков с патронами. Сейчас вооруженцы подвешивают груз. Ваша задача: сбросить ящики в точно обозначенное место. Там будут выложены три костра. Полетят...— и Бершанская назвала несколько фамилий, среди которых была и фамилия Меклин.

Через несколько минут Наташа с Ниной Реуцкой были уже у самолета.

— Что это вы делаете? — с удивлением спросила она вооруженцев, которые веревками прикрепляли ящики на плоскостях.

— Подвесить груз к замкам бомбодержателей оказалось невозможным,— пояснила подошедшая инженер полка по вооружению Стрелкова,— поэтому пришлось положить ящики прямо на плоскости. Штурману стоит только потянуть за конец веревки, и они, высвободившись из петли, соскользнут с крыла.

— Вы уверены, что соскользнут? — с сомнением спросила Меклин.

— Да, конечно,— не совсем уверенным голосом ответила инженер.— Во всяком случае, придумывать что-либо другое нам некогда. Время не терпит.

— Ну, хорошо. Садись, Нина, полетим,— сказала Наташа, обращаясь к своему штурману.— Да смотри не забудь: тебе нужно будет дергать не за шарики бомбосбрасывателей, а за веревку...

По ночному небу неслись лохматые серые тучи, и лишь кое-где в небольших просветах мелькали бледные звезды. Минут через десять пошел мокрый снег. Самолет начал покрываться тонкой ледяной коркой, но две девушки продолжали полет. На крыльях своего маленького самолета они несли помощь нашим бойцам, попавшим в беду.

— Наташа, подходим к линии фронта,— сообщила штурман.

Впереди еле заметно засветились три оранжевые точки.

— А вон и костры, Нина, видишь?

— Да, мы вышли точно на них.

Наташа убрала газ и начала планировать. Штурман держала наготове концы веревок.

Высота — метров двадцать — тридцать. Костры под мотором. Штурман дергает за веревки, но ящики будто примерзли к плоскостям, не хотят падать вниз. Меклин разворачивается и снова заходит на цель. Реуцкая еще энергичнее дергает за веревки, а ящики лежат.

— Что же делать? — спрашивает летчица.

— Знаешь что, Наташа? Я вылезу на плоскость и столкну их. Другого выхода нет.

— Ты с ума сошла! Да тебя сдует с плоскости!

— Не сдует! Я буду держаться!

Реуцкая привстала с сиденья и перекинула ногу через борт кабины.

Наташа понимала, что штурман приняла правильное решение, но она понимала также и то, что из-за одного неосторожного движения Нина могла сорваться и полететь вниз. Но ведь ящики-то надо сбросить!

И Наташа молча согласилась, уменьшила скорость и с огромным напряжением, с величайшей осторожностью стала снова заходить на костры. Оглянувшись, она увидела, как ящики от толчков отважного штурмана соскользнули с трапа. Нина перелезла на другое крыло. Наташа сделала плавный разворот и опять зашла на три огонька. На лбу у нее выступил холодный пот, руки онемели от напряжения: трудно пилотировать, когда знаешь, что малейшая неточность может стоить жизни боевой подруге.

Наконец все ящики были сброшены. Штурман села в кабину, и Меклин услышала по переговорному аппарату ее голос:

— Все в порядке, Наташа, можно лететь домой.

Они сделали еще круг над кострами. Видно было, как внизу бегали люди, махали руками, выражая, наверное, радость и благодарность.

Обратный путь был тоже не легок. Повалил густой снег, небо и земля слились в одну серую, густую мглу. Пришлось пилотировать по приборам, а это не так-то легко на ПО-2.

Еле нашли свой аэродром. Мобилизуя все свое внимание, Наташа зашла на посадку, плавно коснулась лыжами укатанной снежной полосы, которая уже успела покрыться сырым, рыхлым снегом.

Едва зарулили они на стоянку, как к самолету подошла инженер по вооружению, с нетерпением ожидавшая их прилета:

— Ну как, девушки? Легко сбросились ящики?

Наташа смертельно устала. Теперь, после пережитого волнения и огромного напряжения, все тело ее расслабилось, хоте-

лось покоя, и не было, кажется, сил даже шевелить языком. Она односложно ответила:

— Ваша веревочная система не сработала. Нина вылезала из кабины. Сталкивала ящики руками. И ногами.

Понимая состояние девушек, инженер молча отошла от самолета.

* *
*

Наташа Меклин была достойным знаменосцем полка. Об этом красноречиво говорят боевые ордена и медали, которыми она награждена. Об этом говорит Золотая Звезда Героя Советского Союза. Она получила эту высшую награду 8 марта 1945 года.

А через два месяца кончилась война. К этому моменту у Наташи на боевом счету было девятьсот восемьдесят два вылета. Она немножко жалела, что ей не удалось «сравнять счет».

— Ничего,— сказала ей Ира Себрова,— ты вполне свела свои счеты с фашистами, с лихвой отомстила им за свой разрушенный Киев.

Девятьсот восемьдесят два боевых вылета сложились в подвиг, который совершила Наташа Меклин в годы Великой Отечественной войны.

Передаю С. Ничкова
с. Викторовка
Леовский р-он
Молдавской С.С.Р.
1971

А. ВЕНЦЛОВА

НАША МАРИТЕ

В прозрачных, как слеза, озерах Восточной Литвы отражается голубое небо, на песчаных берегах дремлют сосновые леса. Земля здесь небогатая. Потом поливали труженики эту песчаную, каменистую почву, чтобы вырастить на ней зерно. Но, как бы вознаграждая человека за свою скупость, природа подарила ему извечную красоту лесов, рощ, живописных холмов и пригорков, множества озер, рек и ручьев. Может быть, характер этого края наложил отпечаток и на его жителей: они ласковы и приветливы, но одновременно тверды и упорны в достижении своей цели.

Здесь, в предместье города Зарасай, в Шалтупе, в апреле 1923 года родилась Марите Мельникайте. Слесарное дело отца едва могло прокормить семью. Работы у него было мало, да и та оплачивалась плохо.

В летнюю жару, в весенние и осенние ливни, в стужу маленькая босая девочка пасла чужой скот.

Когда Марите исполнилось восемь лет, родители собрали последние гроши, чтобы купить ей кое-какую одежду, в которой она могла бы ходить в школу.

Но зима пролетела быстро. И снова мать утирала слезы: Марите уходила на все лето пасти кулацкий скот. На этот раз она не одна покидала родной дом: с нею были ее друзья — несколько книжек, бережно завернутых в платок.

Когда семья переселилась в уездный городок Рокишкис, Марите удалось закончить начальную школу. Она хотела учиться дальше, но не для бедняцких детей существовала в старой Литве средняя школа. Марите пришлось нянчить чужих детей. А как только ей исполнилось четырнадцать лет, она

поступила на конфетную фабрику — маленькое захудалое предприятие, владелец которого норовил содрать с рабочих семь шкур. Там Марите впервые услышала от своих новых товарищей о том, что вскоре наступит пора, когда все изменится, когда рабочие и крестьяне возьмут заводы и землю в свои руки, уничтожат рабство и нищету. Там Марите узнала, что есть на свете страна, где все принадлежит трудящимся, где нет ни фабрикантов, ни помещиков.

У Марите захватывало дух, когда она слушала эти рассказы. Может быть, Страна Советов только мечта литовских рабочих? Почему Марите ничего не слышала о ней в школе, не читала в книгах?

Иногда на фабрике появлялись прокламации; рабочих за чтение прокламаций арестовывали. Владелец фабрики приходил в бешенство. Он кричал:

— Большевики! — Он боялся потерять свою фабрику.

«Значит, они существуют, эти большевики,— думала Марите.— Существует Страна Советов! Значит, есть на что надеяться, есть к чему стремиться в этой тяжелой жизни...»

* *
*

Стояло прекрасное лето 1940 года. На землю трудовой Литвы пришло долгожданное счастье: власть фашистских сметоновских банд рухнула, как карточный домик.

Марите, заливаясь краской смущения и радости, подошла с букетом полевых цветов к советскому танку. Командир танка, большой, загорелый, с белыми зубами, пожал Марите руку и сказал:

— Спасибо, товарищ!

Марите эти два слова запомнила и сердцем почувствовала их смысл. Она шла домой и, улыбаясь, шептала:

— Спасибо, товарищ!

На одной из тесных улиц Зарасая, на двери дома, где жил до прихода советских войск богатый купец, у которого мать Марите стирала белье, появилась дощечка: «Уездный комитет коммунистического союза молодежи города Зарасай».

Марите Мельникайте одна из первых вступила в комсомол. Работа на фабрике стала радостной, легкой. Марите понимала, что она работает теперь на себя, на свою, советскую Литву.

Но счастье оказалось недолгим. Через год, ранним летним утром, как молния пронеслась по городу весть о том, что враг напал на Родину.

МЕЛЬНИКАЙТЕ
Мария Юозаповна

По ночам далеко на западе пылали в небе огненные столбы: горели литовские местечки, крестьянские усадьбы.

Над городом появились немецкие самолеты. Они бросали бомбы на дома, обстреливали дороги, запруженные толпами людей. Бои с немецкими десантниками, сброшенными на парашютах, шли уже у самого Зарасая.

В первые же дни войны Марите Мельникайте исчезла из Зарасая. Ее не было в толпе беженцев. Она осталась среди тех, кто готовился к борьбе с врагом.

В Зарасае хозяйничали немцы. Посланная в разведку, Марите увидела, что от родного города уцелело лишь несколько домишек, сиротливо стоявших на окраине. Города не было, осталась груда обуглившихся бревен, кирпичей, битого стекла. Под этими развалинами погибли многие жители города. Марите не знала, здесь ли искать ей своего отца, мать, братьев и сестер или среди тех, кто успел убежать и спрятаться в лесах.

Она потеряла родную семью, но с еще большей силой почувствовала себя дочерью литовского народа. Немцы сожгли ее родной город — тем сильнее разгоралось в ее сердце чувство мести за каждое разрушенное селение Литвы, за каждую пядь порабощенной литовской земли.

Всего год была Литва советской. Но зерна свободы, посеянные в литовском народе партией Ленина, Советской властью, дали свои замечательные всходы. Лучшие сыны Литвы с первых же дней оккупации стали в ряды партизан. Глубокая вера в то, что победа будет за Советским Союзом, страстная, неудержимая ненависть к врагу — вот что вело на борьбу первых литовских героев-партизан, имена которых будут вечно сиять в лучах славы.

Купаясь в крови и слезах литовцев, шагали по Литве гитле-

ровские орды. Фашистский террор достиг предела. Агенты гестапо искали коммунистов, партизан и других литовских патриотов и жестоко расправлялись с ними.

В эти дни в партизанскую борьбу с захватчиками вступила и Марите Мельникайте. Она действовала в Восточной Литве, где сызмальства знала каждую тропку. Марите любила эту землю, любила свой народ, гордилась его прошлой героической борьбой против того же врага, который и теперь жег и убивал литовцев. Сколько раз стояла она под мощным дубом в Стелмуйже, близ Зарасая! Его не смогли бы охватить семеро мужчин. Вековечный дуб, вошедший в народные сказания и песни, был свидетелем тех давних времен, когда весь литовский народ поднимался на смертельную борьбу за свободу родной земли! Этот могучий дуб был символом мощи и стойкости литовского народа.

С сердцем, горящим ненавистью к врагу, ходила Марите по селам и рассказывала людям правду о войне. Она убеждала крестьян прятать от немцев продовольствие. Слова ее, рожденные святым чувством любви к Родине, пробуждали в людях мужество. И отряд, в котором находилась Марите Мельникайте, рос с каждым днем. Отряд был вооружен винтовками, револьверами, автоматами. Молодые партизаны отбили у немцев радиоприемник и слушали сводки Совинформбюро. Они переписывали эти сводки от руки и разносили по селам.

Крестьяне уже знали девушку в ситцевом платье, в голубом платочке, с синими, как весеннее небо, глазами, светящимися неугасимым внутренним огнем.

Однажды она сказала:

— Под Москвой Советская Армия наголову разбила немцев.

Этому не сразу поверили. Но прошло несколько дней, и через Литву потянулись вереницы эшелонов с ранеными и обмороженными гитлеровцами. Значит, правду говорила девушка в голубом платочке! И с тех пор ее встречали в селах с еще большей радостью и надеждой.

Вся Литва знала ее имя. И те, кому посчастливилось видеть ее, рассказывают, что весной крестьяне целых сел Восточной Литвы собирались в лесах, чтобы послушать отважную девушку. Она говорила о победах Советской Армии, о неизбежном и близком разгроме немецких захватчиков.

Настала небывало суровая зима. Отряд, в котором была Марите, в стужу, в метель с трудом находил приют в лесу, в

болотах. На каждом шагу партизан подстерегали агенты гестапо. Каждый из партизан знал: если попадет в гестапо, ему грозит страшная смерть с издевательствами, с пытками.

Марите Мельникайте и ее товарищи видели людей, которых угоняли на германскую каторгу, видели горькие слезы женщин и детей. Они слышали стоны, доносившиеся из переполненных концлагерей и тюрем. Каждый из молодых патриотов готов был отдать все силы, а если понадобится, то и жизнь, чтобы скорее кончилась эта кровавая ночь.

Никто ни разу не видел Марите подавленной. Она ни на минуту не теряла присутствия духа и всегда верила в победу. Как радовалась она, когда пришла весть, что в советском тылу литовцы объединяются в полки и выступают на защиту Родины рука об руку со всеми народами Советского Союза! Марите с воодушевлением рассказывала об этом в деревнях и селах, и в сердцах ее слушателей еще больше загоралось чувство гордости, надежды на скорое освобождение. Слушая ее, люди не дожидались покорно, пока их угонят на германскую каторгу,— они уходили в леса, в партизанские отряды.

* *
*

Война, которую немцы рассчитывали закончить в несколько недель, затянулась на месяцы, годы. Марите стала опытным, закаленным бойцом, искусной разведчицей. Хрупкая, маленькая девушка, она боролась за счастье своего народа наравне с мужчинами-партизанами.

Марите Мельникайте появлялась неожиданно там, где враг чувствовал себя спокойно. Пустив вместе с группой партизан под откос немецкий поезд с военной техникой и солдатами, она уже назавтра с другой группой взрывает склады, совершает смелый налет на населенный пункт и уничтожает немецкий гарнизон.

Марите часто удавалось избежать гибели самой и спасти своих товарищей, потому что она никогда не теряла веры в свои силы. Однажды партизаны были окружены фашистским карательным отрядом. Немцы охватили патриотов полукольцом и теснили их к широкой реке. Патроны были на исходе. Положение казалось безнадежным.

— Не падайте духом, товарищи! — крикнула Марите.— Мы спасемся! За мной — в реку!..

И, как всегда, подавая пример, она первой бросилась в бурлящую воду. Ее обожгло ледяным холодом, но коченеющими

руками она успела обхватить бревно, перевела дух и оглянулась. Товарищи все последовали за нею!

Немцы приблизились к самой реке, град пуль вспенивал воду. Но партизаны благополучно достигли противоположного берега и скрылись в лесу. Немцы не отважились кинуться за ними в ледяную воду и прекратили погоню.

Не только устное слово, переданное из Советского Союза по радио, но и советские газеты доходили до литовских партизан.

«Какой это бывал для нас праздник! — вспоминает одна из подруг Марите.— Мы усаживались в лесу вокруг костра и при отблеске его пламени читали газеты и книги. Помню вечер, когда мы, развернув дрожащими от нетерпения руками «Комсомольскую правду», нашли в ней снимок отважной Зои Космодемьянской и отрывок из поэмы «Зоя». Марите Мельникайте говорила по-русски, но читала недостаточно свободно. Она попросила одного из товарищей прочесть стихи вслух. Тихим был в тот вечер лес, словно вся природа слушала волнующий рассказ о легендарной Зое... Когда товарищ кончил читать, на глазах Марите сверкнули слезы. Никогда, ни разу за время войны мы не видели, чтобы она плакала. «Прочтите еще раз»,— попросила она. Еще много раз слушали мы слова поэмы — простые волнующие слова о московской девушке, героически погибшей за свободу нашей великой Родины.

Костер догорел. Погруженные в мысли о Зое, мы о нем забыли. Сидели молча, не шевелясь. Наконец одна из девушек сказала: «Трудно быть такой, как Зоя».

Марите промолчала, потом, встряхнув головой, сказала тихо, но очень твердо:

— И мы можем быть такими, как Зоя. Надо только очень сильно, сильно хотеть...

Она подложила хворосту в костер, взяла газету и долго, беззвучно шевеля губами, читала. Как прекрасно было лицо Марите в эти минуты! Она вырезала поэму о Зое и положила на грудь, у сердца, где хранила свой комсомольский билет и самые дорогие письма...»

Слава об отважной девушке шла по всей Восточной Литве. Ее любили не только товарищи, боровшиеся рука об руку с нею, ее любил весь порабощенный народ. Сколько раз крестьяне прятали девушку, забредшую ночью в отдаленное село! Всегда, даже в самом бедном доме, находились для нее, изголодавшейся после похода, ломоть хлеба и чашка молока. Впрочем, она никогда не жаловалась на голод, не искала теплого пристанища.

Враги неустанно охотились за Марите. Агенты гестапо рыскали днем и ночью, вынюхивая подступы к ее отряду. Но Марите Мельникайте и ее товарищи были неуловимы.

Все чаще летели под откос вражеские воинские эшелоны. На воздух взлетали склады с боеприпасами. Горели поместья и хозяйства, захваченные немецкими колонистами. Партизаны отбирали у немцев скот и возвращали его хозяевам. Падали от партизанских пуль фашистские захватчики, гнавшие литовцев в Германию на каторгу. Эта непрестанная борьба в фашистском тылу отвлекала значительные силы врага, нарушала регулярную доставку оружия на фронт, мешала немцам обогащаться за счет литовских крестьян.

Фашисты организовали крупные карательные отряды. За головы партизан они сулили тысячи марок.

В непрерывных боях с немцами пришло лето 1943 года, последнее лето Марите.

Задание, которое предстояло выполнить партизанскому отряду, было очень важным и трудным. Командир знал, что тем, кто пойдет на задание, придется пробираться по районам, где большие немецкие гарнизоны, где сильно охраняются дороги. Он выбрал пятерку самых проверенных партизан, а командиром назначил Марите.

Утомленные долгим переходом, Марите и ее товарищи вошли в небольшой лесок недалеко от села Римше. Еще не высохла утренняя роса. Молодые партизаны выбрали укромное место и сели отдохнуть. Сняли автоматы, рюкзаки, распаковали провизию. Это июльское утро казалось Марите необычайно прекрасным. Лес, звенящий тысячами голосов, стоял радостный, полный прохлады.

И вдруг на опушке хрустнула ветка. Партизаны насторожились, но было уже поздно: карательный отряд окружил лес. Немцы их выследили. Всю ночь они шли по пятам партизанской группы.

Партизаны заняли оборону. Затрещали пулеметы. Немцы тоже открыли ураганный огонь. Сквозь стволы деревьев Марите видела, что враги приближаются со всех сторон. Они прижимаются к земле, укрываются за пнями, залегают в русле высохшего ручейка.

Вырваться из вражеского кольца надежды не было. Оставалось защищаться, стараясь нанести врагу как можно больший урон.

Партизан было шестеро, а немцев — целый отряд. И вооружены они были не только автоматами, но и минометом.

Началась неравная борьба. Горстка партизан держалась мужественно. Но вот один из товарищей упал. Марите окликнула его. Он молчал...

Теперь их осталось пятеро. Бой продолжался. Лес стонал от выстрелов. Пули обрубали ветки, стволы звенели под ударами свинца. С визгом летели мины, ломая деревья и кусты. Живыми уже оставались только двое: юноша с далекого хутора и Марите.

В пылу боя Марите не заметила, как был убит юноша. Расстреляв все свои патроны, она собрала диски погибших товарищей и продолжала бой. Гитлеровцы, заметив, что Марите осталась одна, осмелились подползти ближе, чтобы захватить ее живой.

Марите поняла, что наступили последние, решительные минуты ее жизни. У ног ее лежали пустые диски. Стрелять нечем. Каратели подкрадываются все ближе и ближе. Она видит их перекошенные от ярости лица. Бросает гранату в самую гущу врагов.

Взрыв оглушает ее, но через минуту Марите приходит в себя. Граната сделала свое дело: еще несколько фашистов корчатся на земле.

Рядом разорвалась граната. Острая боль проходит по всему телу. Впервые за этот день Марите испытывает страх: раненная, она может живой попасть в руки врагов. Собрав все свои силы, Марите нащупывает у своего пояса последнюю гранату. Она не сдастся живой палачам, она взорвет себя. Но силы покидают ее... Марите Мельникайте в руках врагов...

* *
*

В крестьянской избе Марите Мельникайте стоит перед своими палачами. Сначала они обещают простить ее, пусть только она выдаст товарищей, скажет, где они скрываются.

Марите молчит.

Офицер говорит ей, что в его власти изрубить ее в куски, содрать с нее кожу, выколоть глаза. Марите едва держится на ногах. Она вспоминает Зою.

Марите встряхивает головой и говорит:

— Я вам ничего не скажу!

Кажется, целую вечность длятся неслыханные, невообразимые пытки. Наконец Марите теряет сознание. Но, едва она приходит в себя, палачи снова принимаются за свое подлое дело. Как мучителен путь к смерти! Марите ждет ее как величайшего блага. Ее губы искусаны до крови, глаза потемнели от муки, но жива ее светлая душа! Марите говорит громко, чтобы слышали крестьяне этого села, чтобы услышала вся Родина:

— Я борюсь и умираю за советскую Литву. Зачем вы пришли сюда? Только смерть найдете вы в моем краю, фашистские псы!

Гестаповцы ножами полосуют грудь Марите. Еще крепче стискивает она окровавленные губы, чтобы ни одним стоном не выдать врагам своих мук.

...В ночь на 13 июля 1943 года на площади маленького местечка Дукштас, в Восточной Литве, палачи поставили виселицу.

Наступило утро. Виселица была залита солнцем раннего утра, и длинная черная тень от нее тянулась через всю площадь, ползла вверх к домам.

Гестаповцы, пугая людей, стучали прикладами винтовок в двери домов. Они сгоняли население на площадь, к виселице.

И вот на боковой улице показалось шествие. Впереди шла девушка, окровавленная, избитая, в изодранной одежде. Всем, кто стоял на площади, казалось, что эта девушка несет на своих плечах всю скорбь родного края, все тяжкое бремя горя, постигшего Литву.

Она еле передвигала ноги, на плечах сквозь лохмотья изодранного ситцевого платья виднелась кровь. Каждый шаг, каждое движение для нее были мукой.

Направив на Марите дула автоматов, грохоча каблуками, шли гестаповцы.

Марите подвели к виселице. Она вскинула голову. Нет, жесточайшие муки не сломили ее душу! Лицо ее и сейчас прекрасно, и сейчас синие глаза сияют внутренним светом. Она смотрела на согнанных к виселице людей, на женщин, утиравших слезы. Они оплакивали и муки Марите, и свое горе, и неволю родной земли.

Девушка взглянула на виселицу, на синее небо Литвы... О чем думала она в эти последние минуты своей светлой героической жизни? О матери, об отце, о сестрах и братьях? Или в памяти промелькнул родной Зарасай — озера, леса, школа? Или о своих боевых товарищах вспомнила сейчас Марите Мельникайте?

Палач подтолкнул Марите к виселице. Еще раз обвела она взглядом людей. Вот старушка с младенцем на руках. Вот испуганно жмется к матери девочка, худенькая, босая. Такой

была когда-то Марите. Теперь она умирает за них. Умирает за то, чтобы эта девочка, тысячи и миллионы людей были счастливы. Чтобы родной край вновь увидел солнце свободы.

Привычным резким движением головы Марите отбросила назад светлые волосы, собрала все силы и сказала последние в своей жизни слова:

— Да здравствует Советская Родина!

Слова были сказаны негромко. Но их услышали все люди, согнанные смотреть на смерть Марите. Их услышала вся Литва, весь Советский Союз.

И через столетия их будут слышать юноши и девушки Литвы, потому что в этих словах Героя Советского Союза Марите Мельникайте выражена беспредельная любовь к своей Советской Родине, к народу, к великой партии Ленина.

А. МУСАТОВ

ВОЖАК ОСТРОВСКИХ КОМСОМОЛЬЦЕВ

Если вам случится побывать в городе Острове, Псковской области, зайдите на тихую улицу, где стоит школа № 1, и вы увидите на стене надпись:

«Здесь училась Клава Назарова, Герой Советского Союза».

Кто такая Клава Назарова — вы узнаете без труда, если спросите об этом у первого попавшегося школьника, у любого комсомольца. Вам в ответ улыбнутся особенно тепло и по-доброму вспомнят Клаву Назарову. В годы Великой Отечественной войны эта девушка одна из первых в Советском Союзе организовала в тылу врага подпольную комсомольскую группу и начала самоотверженную борьбу с фашистскими захватчиками.

Детство и юность Клавы Назаровой прошли в городе Острове. Назаровы жили у реки, на Набережной улице, в двухэтажном деревянном доме. Клава, ее сестра Леля и мать Евдокия Федоровна занимали одну комнату на втором этаже. Отец Клавы, солдат царской армии, вернулся после мировой войны с тяжелым ранением, долго болел и умер. Пришлось Евдокии Федоровне ходить по людям — мыть полы, стирать белье, шить. Потом она устроилась работать в хлебный ларек.

Как ни трудно жилось Назаровым, но все же дочки пошли учиться, и мать делала все, чтобы они не отстали от других и дотянули до десятого класса.

Клаву, старшую дочь, знали в городе с малых лет. Это была беспокойная, пытливая девочка. Она никогда не сидела без дела, ей все хотелось узнать, выведать, ее все интересовало.

Девочка не любила быть одна и всегда собирала вокруг себя группу одноклассников. На экзаменах она не успокаивалась до тех пор, пока последний ученик не выходил из класса.

В пятом классе пионеры избрали Клаву звеньевой. Вскоре ее звено приобрело шумную известность. Не раз пионеры выслеживали спекулянток на базаре и сообщали об этом в милицию. В одном из домов на окраине города они обнаружили девочку-сиротку, которую тетка не пускала в школу, и сообщили об этом в РОНО.

Когда Клава училась в восьмом классе, ее назначили пионервожатой. Она училась с увлечением, много читала, любила стихи, военное дело, спорт, прекрасно плавала, ездила верхом, каталась на коньках и лыжах.

Закончив десятилетку и получив аттестат зрелости, Клава уехала в Ленинград и поступила в институт физической культуры имени Лесгафта. Но проучилась там всего лишь год: дома трудно жилось матери и сестренке, надо было им помогать.

В школе имени Ленина, в которой училась Клава, ее не забыли и пригласили работать старшей пионервожатой. Клава согласилась. С этого дня она прочно вошла в семью учителей и крепко привязалась к ребятам. И они души не чаяли в своей вожатой. Она водила ребят в дальние походы, умела увлечь беседой, незаметно переводя разговор о самых близких вещах на такие глубокие понятия, как Родина, народ, партия, патриотизм. А рассказать вожатой было о чем.

Город Остров раскинулся на берегу древней реки Великой. Когда-то на этих берегах основательно досталось польским и немецким захватчикам.

Здесь, на псковской земле, на льду Чудского озера, русской ратью Александра Невского в знаменитом Ледовом побоище были разгромлены немецкие псы-рыцари.

Недалеко от города Острова, в Михайловском и Тригорском, некоторое время жил великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин.

С увлечением рассказывала Клава Назарова своим пионерам о славном прошлом родных мест и не ведала, что вскоре самой ей придется встать на защиту Родины.

* * *

Когда началась война, Клава пошла в военкомат с просьбой направить ее на фронт. Она поступила на курсы медицинских сестер. Но учиться не пришлось.

Через несколько дней, утром, чуть свет, Назарову вызвали в райком партии.

— Не удивляйся, что так рано подняли,— протягивая руку,

сказал секретарь райкома.— У нас теперь рабочий день без начала и без конца. Ну, ты как, на фронт, наверное, собралась?

— Откуда вы знаете?

— Время такое — догадаться не трудно,— усмехнулся секретарь райкома.— Сестру свою ты проводила, сама на курсы записалась. Так вот, Клава, фронт для тебя уже есть... Здесь же рядом, в городе.

— Как в городе? — не поняла Клава.

— Хотим тебя послать в истребительный батальон к комсомольцам: будешь помогать командиру батальона.

— Дмитрий Алексеевич, неужели город сда..? — Клава не договорила, помешал телефонный звонок.

НАЗАРОВА
Клавдия Ивановна

Выслушав кого-то и сказав, что немедленно выезжает, секретарь райкома поднялся из-за стола.

— Так как же, Клава? Ребят ты знаешь, многие из них твои бывшие пионеры. Будешь у них вроде политрука. Твоему слову они вот как верят. А положение в городе не из легких, ожидать можно всякого... Так согласна?

— Конечно,— ответила Клава.

Истребительный батальон, составленный из выпускников школы, старшеклассников и городских комсомольцев, размещался в школьных классах. Парты были вынесены в коридор, на полу лежали матрацы, набитые сеном или соломой. В углу в козлах — винтовки, на стене висели противогазы. Командир батальона очень обрадовался приходу Клавы.

— Это хорошо, что тебя сюда направили. Основной состав — твои бывшие пионеры. Вот давай и прибирай их к рукам.

— А что? Вы недовольны ребятами?

— Да как тебе сказать? Народ они боевой, все рвутся

с фашистскими десантниками схватиться, а нам пока приходится другими делами заниматься: мост охраняем, хлебозавод, склады, окопы роем... Военную подготовку проходим. А ребятам всего этого мало.— Командир батальона пожаловался: — Я ведь, Клава, на фронт просился, а меня вот сюда, в батальон...

Клава незаметно вздохнула: а она-то собиралась пожаловаться на свою неудачу...

Через несколько дней истребительному батальону пришлось принять первое боевое крещение. Было сообщено, что ожидается высадка вражеского воздушного десанта. Истребители залегли на луговине, заросшей мелким кустарником. Клава обошла своих бойцов, внимательно вглядываясь в их лица,— совсем ведь недавно они проводили на этой луговине военную игру, кричали «Ура!», стреляли из фанерного пулемета. Сколько шутили, смеялись тогда, а сейчас лица посуровели, руки сжимают настоящие винтовки, глаза внимательно оглядывают небо.

Появился самолет, сделал круг над луговиной, потом от него отделились черные комочки, и в воздухе стали раскрываться смутно белеющие зонты парашютов.

Захлопали выстрелы, сначала редко, затем все чаще и чаще. Откуда-то с другой стороны луговины застрочил пулемет, потом в воздухе что-то завизжало, и начали рваться мины.

Бой разгорался, но силы были неравные, и вскоре комсомольцам передали команду: отходить к кладбищу. Клава уходила последней и неожиданно услыхала тихий стон. Заглянула за кусты и увидела там раненого комсомольца Сашу.

Разрезав штанину, Клава быстро забинтовала раненую ногу Саши, потом подставила свою спину и поползла с юношей к кладбищу. Было тяжело. Клава останавливалась, переводила дыхание и ползла дальше.

Когда добралась до кладбища, там уже никого не было, и девушке пришлось тащить на себе Сашу до самой больницы, благо, она находилась недалеко. Здесь она сдала юношу врачу.

А истребительный батальон покинул город, и Клава осталась одна. Только перед рассветом она пришла домой. Не раздеваясь, прилегла на кровать и тут же, мгновенно уснула.

И так же мгновенно проснулась. С улицы доносился вой моторов, протяжный, тревожный.

Клава прильнула к стеклу. Через цепной мост в Остров входили фашистские войска.

Гитлеровцы разъезжали по улицам города на машинах, на мотоциклах, грабили магазины, квартиры. На стенах домов

были расклеены приказы немецкого командования, заканчивающиеся одним словом: «расстрел».

Молчаливая, похудевшая, с каменным сердцем, бродила Клава по улицам родного города, не веря тому, что видела. Фашистские флаги, немецкие офицеры, гитлеровские значки. Фашисты в Острове! Клава знает, что в городской больнице лежат раненые красноармейцы, они пролили свою кровь, отстаивая город, Родину. Их ждет мучительная смерть. Так неужели она, комсомолка, откажется от борьбы?!

Клава зашла к подружке. Не успели девушки присесть к столу и разговориться по душам, как в комнату без стука вошли два немецких офицера и сели за стол. Оба чуть не лопались от самодовольства.

Офицер постарше взял чертежную линейку, провел на скатерти круг, посредине его поставил точку:

— Москва окружен! Ленинград блокада! Голод! Капут! Драй неделя — война конец. Вы понимайт меня?

И без того темные глаза Клавы потемнели еще больше. Она взяла из рук офицера линейку, провела по скатерти большой круг, стукнула линейкой по середине круга.

— Будет окружен Берлин. Вот так. Гитлеру по шее. Войне конец. Понятно?

Мелькнули черные косы, с треском захлопнулась дверь. Ошеломленные офицеры, опомнившись, бросились за девушкой. Крики, выстрелы. Но недаром на спортивных состязаниях в городе Клава брала первые места по бегу, и проходные дворы Острова ей были хорошо знакомы...

В тот же вечер мать Клавы, Евдокия Федоровна, сидела у темного окошка и сторожила первую сходку островских комсомольцев.

Пришел Лева Судаков, Олег Серебрянников, Мила Филиппова, Саша Митрофанов — все бывшие пионеры Клавы, ученики одной и той же школы — имени Ленина.

И, как прежде, первой начала говорить Клава:

— Нашествие немцев — горе для нашей Родины. Но, чем отважнее будет бороться с фашистами каждый советский человек, тем скорее пройдет это страшное время. Вернется наша армия,— блеснула Клава черными глазами,— спросит нас: а чем мы, островские комсомольцы, помогли народу? Что мы ответим?

Как всегда, ребята жадно слушали Клаву. Они переживали то же самое, что и их вожатая.

— Ну вот что, сегодня я попробую пробраться в Соши-

хино,— продолжала Клава.— Без меня ничего не делайте. Приду, тогда и начнем...

Как ни верила Клава ребятам и как она их ни любила, она так и не сказала никому, что слышала от хороших людей, будто в Сошихинском лесу островские коммунисты собирают народ на борьбу. У кого же, как не у них, спросить совета?

Поздно вечером Клава сказала матери, что она уходит в Сошихино.

— Мамочка! Дай мне сумку и пустые бутылки. Больше ни о чем не спрашивай! Хорошо, мама?

Когда дверь за Клавой захлопнулась, мать долго смотрела в черное окно, прислушиваясь к шуму проливного дождя и рокоту грома. В Сошихине были родственники, и Назаровы часто туда ходили. Но ведь сейчас ночь. По улицам ходят патрули. И зачем это Клава повязала деревенский платочек? Так и не заснула Евдокия Федоровна до утра...

Возвращалась Клава домой радостная и оживленная. Связь с коммунистами была налажена, инструкции получены. Отныне островским комсомольцам поручалось быть разведчиками партизан.

Охранники на дороге спрашивали:

— Что в сумке?

— Молоко,— отвечала Клава.

В бутылках и на самом деле плескалось молоко, но вместо пробок были страницы «Правды» с важными сообщениями и партизанские листовки.

Много отважных и смелых дел совершили островские комсомольцы-подпольщики.

С первых же дней они начали собирать оружие. Хранили его в тайных складах, а потом переправляли к партизанам.

Комсомольцы установили наблюдение за движением вражеских поездов по железной дороге и грузовых машин по шоссе, за проходящими через Остров воинскими частями.

Партизаны сообщили Клаве Назаровой, что им нужны бланки немецких паспортов.

Несколько девушек-подпольщиц сумели поступить на работу в паспортный стол и раздобыли бланки паспортов, которые были переданы партизанам и сослужили им хорошую службу.

Давно привлекал внимание подпольщиков штаб воинской части гитлеровцев. Но как туда пробраться? С большим трудом устроились на работу в штаб комсомольцы Нина Бережито и Лева Судаков: она — уборщицей, он — электромонтером.

Зная немецкий язык, но скрывая это от гитлеровцев, Судаков жадно прислушивался к разговорам, запоминая каждое оброненное слово. Однажды вечером электромонтер Судаков выключил в штабе свет, а уборщица Бережито, пользуясь темнотой, сумела унести из штаба важные документы, связанные с планом окружения Ленинграда. Документы эти были немедленно доставлены в партизанскую бригаду.

Недалеко от города, на берегу Горохового озера, расположилась немецкая воинская часть с мощной радиостанцией. Связь между радиостанцией и штабом части, расположенным в Острове, осуществлялась по телефону. Подпольщики во главе с Клавой Назаровой несколько раз портили телефонную линию, осложняя работу немецкого штаба.

Потом случился пожар на лесопилке. Машинное отделение было надолго выведено из строя. И здесь не обошлось без участия подпольщиков, которые пробрались туда на работу.

Затем от партизан было получено задание: разведать укрепленный район гитлеровцев около Сошихина.

Клава долго ломала голову, как туда попасть. Наконец через девчат, работавших в комендатуре, ей удалось раздобыть себе и Петьке, ловкому, пронырливому мальчугану, пропуска для поездки в деревню за продуктами.

В тот же день они тронулись в путь. Оделись победнее, бродили по лесу, делая вид, что собирают грибы. Появлялись около строящихся укреплений немецких военных частей, запоминали их расположение. Так они провели около прифронтовой полосы целую неделю.

Вернувшись домой, Клава нарисовала план вражеских укреплений, составила донесение и все это переслала партизанам.

Много сделали комсомольцы, чтобы переправить через линию фронта советских военнопленных. Еще в первые месяцы войны Клава Назарова под видом медицинской сестры проникла в больницу, где находились на излечении раненые красноармейцы.

Вместе с бойцом Балкиным она подготовила к побегу пять легкораненых красноармейцев: снабдила их одеждой, продуктами, компасом, картой и помогла переправиться через линию фронта. Все пять человек благополучно добрались до расположения частей Советской Армии.

Молодые подпольщики переправили через линию фронта несколько таких групп.

Заботились комсомольцы и о пополнении партизанского отряда.

На торфоразработки, недалеко от Острова, гитлеровцы согнали сотни советских людей. Среди них было немало молодежи. Подпольщики наладили связь с рабочими, рассказали им правду о партизанах. Многие рабочие согласились уйти в лес, к партизанам, чтобы с оружием в руках сражаться с захватчиками. Но как быть с родными? Ведь фашисты жестоко расправятся с семьями тех, кто уйдет в партизанский отряд.

Тогда возникла мысль инсценировать нападение партизан на торфоразработки. Несколько молодых подпольщиков, вооруженных автоматами, неожиданно появились на торфоразработках. Они обезоружили немецкую охрану и, усадив большую группу рабочих на подводы, увезли в лес, к партизанам. Так немцы и не разгадали хитрости подпольщиков.

— Каждый из нас — солдат и агитатор,— говорила Клава комсомольцам.

Молодые патриоты распространяли советские листовки, читали их островичанам. Часто их листовки с правдой о положении на фронтах появлялись на стене дома немецкой комендатуры, рядом с немецкой сводкой. Комсомольцы несли правду о войне в широкие массы, призывали советских людей к борьбе с захватчиками.

Часто по вечерам комсомольцы собирались в комнате у Клавы Назаровой или в швейной мастерской, куда она поступила работать. Они вспоминали предвоенные годы счастливой радостной жизни, вполголоса пели советские песни. Здесь же решались неотложные дела комсомольской организации.

В конце сентября 1942 года подпольщики на одном из своих собраний решили написать письмо бойцам и командирам Советской Армии.

«Пусть знают наши товарищи, что мы не сидим сложа руки,— писали они.— Мы горячо любим Советскую Родину и верим, что Красная Армия снова вернется. Мы дали клятву вести беспощадную борьбу с гитлеровскими захватчиками и помогать всеми силами нашей родной Красной Армии и партизанам. И мы свое слово сдержим. Ни виселица, ни смерть нам не страшны».

Доставить письмо было поручено комсомольцу Володе Козловскому. Ему поручили также перевести через линию фронта двух красноармейцев.

Глухой ночью Клава с товарищами проводила Володю Козловского в опасный путь. Под Демьяновском Козловский с красноармейцами наткнулись на неприятельскую засаду. Во время

перестрелки Козловский был убит. Письмо попало в руки гестаповцев, и они напали на след подпольщиков.

В городе начались аресты молодежи. В начале ноября 1942 года была брошена в тюрьму и Клава Назарова. Были арестованы ее мать и родители Козловского. А еще через несколько дней гестаповцы захватили Аню Иванову, Колю Михайлова и Костю Алексеева.

Гитлеровцы понимали, что захваченные ими комсомольцы только часть подпольной организации. Надеясь выследить остальных членов, они разрешили арестованным свидания, передачи.

Но Клава быстро разгадала уловку врага и предупредила оставшихся на свободе товарищей.

— Лева,— говорила она своему другу Судакову, пришедшему к ней в тюрьму на свидание.— Меня, наверное, расстреляют, а ты все расскажи, когда придут наши. В тюрьму больше не приходи, за нами следят.

В тюрьме Клава и ее товарищи проявили удивительное мужество и твердость. Палачи мучили их, требовали выдать членов подпольной организации, но комсомольцы стойко переносили все пытки. Гестаповцы ничего от них не добились.

Иногда тюремные надзирательницы помогали Клаве увидеться с матерью, Евдокией Федоровной, которая томилась в соседней камере. Но даже перед ней Клава старалась сдерживать себя и ничем не показать, как ей мучительно трудно.

— Бьют тебя, Клава? — обычно спрашивала мать.

— Что ты, мама, ни разу,— отвечала Клава, хотя порой за день ее трижды вызывали на допрос и зверски избивали.

В морозное утро 12 декабря 1942 года фашисты согнали на базарную площадь Острова сотни людей, чтобы показать, как они умеют расправляться с непокорными советскими людьми.

Клаву привезли на площадь в закрытом брезентом грузовике. Брезент подняли только тогда, когда машина остановилась около самой виселицы. Клава поднялась, огляделась, и на минуту у нее потемнело в глазах. Обняв за плечи подругу, Аню Иванову, Клава шепнула ей:

— Держись! Смотри на людей! Не оглядывайся!

Цепь полицаев окружила машину, а за ней толпились женщины, старики, ребятишки.

Подъехала легковая машина. Из нее вышел высокий немец и принялся читать приговор. Переводчик повторял за ним по-русски:

— За содействие коммунистам и партизанам, за сопротив-

ление новому порядку присуждаются к смертной казни через повешение...

Клава окинула взглядом площадь. Женщины в толпе плакали. А сколько на площади ребятишек! И всех их Клава видит в последний раз! Она глубоко вдохнула морозный воздух и звонко крикнула:

— Прощайте, товарищи! Прощай, любимый город!

Она вновь отыскала взглядом ребятишек и крикнула:

— Дети, смотрите и запоминайте, как враги уничтожают советских людей!

Измученная, избитая, Клава высоко подняла голову. Фашисты не сломили ее духа и духа ее товарищей.

Немецкий солдат не дал ей больше говорить. Он потащил Клаву к петле. Клава с силой оттолкнула его, вырвалась и вновь обратилась к толпе:

— Верьте, товарищи: наша армия придет!..

Подскочил второй солдат. Тяжелые кулаки обрушились на голову Клавы. Холодная веревочная петля охватила ее шею.

Пронзительно закричал кто-то, но люди все же услышали последние слова Клавы Назаровой:

— Да здравствует Советская власть! Победа будет за нами!..

В тот же день гитлеровцы повесили и товарищей Клавы — Аню Иванову, Костю Алексеева и Колю Михайлова. Вскоре они расправились с родителями Володи Козловского.

Три дня труп Клавы висел на площади, и только после этого матери разрешили похоронить дочь.

Но подпольная комсомольская организация продолжала борьбу. Как и прежде, партизаны каждую неделю получали от подпольщиков важные сведения. Как и прежде, народ читал советские листовки, узнавал о победах советских войск, перешедших в наступление. Ряды организации пополнялись новой молодежью. Всей этой подпольной работой руководила Людмила Филиппова — боевой товарищ Клавы Назаровой.

Случайность помогла гитлеровцам в конце августа 1943 года раскрыть часть подпольной организации. Снова начались аресты. Гестаповцы бросили в тюрьму комсомольцев Филиппову, Судакова, Серебрянникова, Митрофанова.

Но и после расправы гитлеровцев над Филипповой и ее товарищами комсомольская организация не прекратила своей работы. Она разбилась на отдельные группы и вела борьбу до прихода Советской Армии.

А. АЛЕКСЕЕВ

ВЕНЕЦ ДОБЛЕСТИ

Над маленьким столиком, накрытым узорной скатертью, висит портрет. Открытое энергичное лицо. Пытливо смотрят на нас большие темные глаза.

— Вот она, Аня.

Анастасия Фроловна Никандрова смахивает набежавшую слезу и бережно снимает портрет со стены.

— Голубушка, незабудка моя,— шепчут старческие губы.

Тяжело, очень тяжело старушке вспоминать о дочери. Глубоко запало горе. Прошло уже много времени, но не утихает боль материнского сердца. Как живая стоит в ее воображении Аня — от самого босоногого детства до бурных и грозных дней юности, когда она по пыльной дороге ушла на восток. Ушла и больше не вернулась.

Только в последнем военном году до Анастасии Фроловны долетела весть о бессмертном подвиге дочери. Товарищи Ани прислали теплые, задушевные письма, документы и боевые награды. И сейчас рядом с большой фотокарточкой Анны Никандровой сияет под стеклом орден Отечественной войны II степени. Тут же самая дорогая реликвия — Грамота Президиума Верховного Совета СССР, присланная отцу героини — Алексею Никандровичу Никандрову.

«Посылаю Вам Грамоту Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Вашей дочери звания Героя Советского Союза для хранения, как память о дочери-герое, подвиг которой никогда не забудется нашим народом»,— писал Николай Михайлович Шверник.

* *
*

Среди полей и мелколесья Псковщины затерялась деревня Барашкино. Сорок пять лет тому назад она мало отличалась от соседних деревушек. Худые, покосившиеся избенки, с обросшими мхом крышами, с закопченными полатями и вечной нуждой. За деревней тощие нивы. Земля — сыпучий песок да серый, как пепел, подзол. Несытно кормила она крестьянина. Своего хлеба едва хватало до святой недели. Приходилось прирабатывать на стороне.

Плохо жили барашковцы, но не было в деревне беднее Никандровых. С германской войны Алексей вернулся с простреленной рукой. Жена с ребятишками перебивалась с сухой корки на квас, в темном хлевушке мычала голодная корова. Вздохнул тяжело бывший солдат и пошел мыкаться по округе в поисках заработка. Ходил по окрестным деревням, занимаясь шорным ремеслом. По воскресеньям наведывался домой, приносил в тряпице тяжелые, как застывшая кровь, пятаки.

Но жизнь неудержимо мчалась вперед. В хмурый октябрьский день в Барашкино прилетела весть о свержении буржуазного правительства Керенского. События в Петрограде будто встряхнули, пробудили от тяжкого сна всю Россию. Зашумело, загудело волостное село Красногородское. На улицах появились люди с пунцовыми бантами в петлицах. Митинговали, требовали отнять землю у местных богатеев...

Часто бывал Никандров в волостном центре. Видел, как устанавливалась, прочно пускала корни дорогая бедняку Советская власть.

В начале 1920 года жена родила третьего ребенка. Вернулся Алексей домой как-то вечером и услышал слабый голос Анастасии:

— Глянь-ка, Алеша, дочку бог послал.

Приоткрыл он холстинный полог люльки и при тусклом свете лучины рассмотрел красноватое личико девочки. Она хватала воздух беззубым ротиком и вдруг залилась протяжным плачем.

— Ух ты какая! — удивился Алексей. И, покачивая люльку, добавил, обращаясь к жене: — В доброе время родилась. Счастливо заживет. Лучше, чем мы с тобой.

Новорожденную назвали Анной.

* *
*

НИКАНДРОВА
Анна Алексеевна

Дочь удалась в отца: такой же, как у него, стройный стан, светло-карие глаза, не по-детски упрямые губы. Характер тоже отцовский: веселая, общительная и настойчивая.

На восьмом году определили Аню в школу. Учились дети хорошо, но Аннушка успевала лучше всех. Педагоги хвалили девочку за вдумчивость и прилежание. С ранних лет у Ани появилась страсть к чтению. Часто видел Алексей дочь с книгой в руках и радовался: пусть читает больше да ума набирается. Впереди у нее большая светлая жизнь.

А жить с каждым годом становилось веселее. В Барашкине образовалась сельхозартель «Красный боец». В колхозе Никандровы выбились из нужды. Впервые за долгую многострадальную жизнь появились на столе пшеничные пироги. Не шили больше и рубах из грубых самотканых холстов. Теперь семья одевалась в ситец и добротное сукно.

Быстро летело время. Наступил и день, когда Аня Никандрова получила свидетельство об окончании Красногородской семилетки. Радостно было тогда и немного грустно.

Друзья разлетались в разные стороны. Одни хотели продолжать учебу в Опочецком педтехникуме, другие мечтали о профессии агронома или врача.

— А ты куда пойдешь, Аня? — спрашивали ее товарищи.

— На любое дело согласна. Но больше всего хочется работать с людьми, поднимать их на великие дела. Помните, как об этом хорошо сказано у Пушкина:

И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

В глазах Ани светился задорный огонек.

И желание девушки сбылось. Райком комсомола направил Аню Никандрову на курсы сельских избачей. Оттуда она вернулась со связкой книг, рулоном плакатов и прочным багажом знаний. Ей предложили работу в Мозулевской избе-читальне, в тридцати километрах от Барашкина. Уложил Алексей Никандров на телегу скромные пожитки дочери и отвез Аню в Мозули.

Новый избач сразу привлек внимание молодежи и пожилых колхозников. Приветливо светился по вечерам огонек в Мозулевской читальне. Туда, как мотыльки на свет, слетались парни и девушки. Верными помощниками Ани были мозулевские девушки Настя Иванова и Вера Никитина. Вместе с ними Никандрова создала кружок художественной самодеятельности.

Только избачом Аня не проработала и года. Однажды ее вызвали в районный центр. Вернулась оттуда через день и сказала подругам:

— Расстаюсь с вами, девчата. В райкоме комсомола работу предлагают.

— Только не зазнавайся, навещай нас чаще,— напутствовала Настя Иванова.

— Не бойся, не обюрокрачусь,— с улыбкой ответила Аня.

Друзья пожелали ей удачи в жизни и проводили в Красногородское.

* *
*

В том незабываемом году на смену бурной, многоводной весне пришло тихое ласковое лето. Над прогретыми июньским солнцем ложбинами струилось легкое марево. Заливные луга покрылись пестрым ковром зацветающих трав, дружно поднимался на полях темно-зеленый бархат хлебов. Преображенная руками колхозников, земля сулила богатый урожай.

Вот уже третий год Аня Никандрова заведовала сектором учета Красногородского райкома комсомола. С головой окунулась девушка в работу. Деревня Барашкино находится всего в пяти километрах от районного центра, но Аня была редким гостем у родителей. Вечерами часто светился огонек в большом окне райкомовского дома. Подолгу засиживалась Аня над учетными карточками членов ВЛКСМ и различными отчетами. Она знала каждого комсомольца в районе.

А днем Никандрову трудно было застать в рабочем кабинете. Попутной подводой, а то и просто пешком отправлялась она в колхоз. Часто видели ее с газетой в руках среди сельской молодежи. Много красногородских юношей и девушек вовлекла она в ленинский комсомол.

21 июня 1941 года Никандрова поздно вернулась из командировки. Окно в комнате было открыто настежь. Из палисадника залетали легкие порывы ветерка, приятно пахли отцветающие белые розы. Сестра Татьяна, наборщица районной типографии, видно, давно вернулась с работы и уже спала. В селе царила тишина свежей летней ночи. Стрелки будильника показывали половину второго. Аня завела часы и, стараясь не шуметь, легла в постель.

Проснулась от сильного толчка: рядом стояла встревоженная Татьяна и трясла ее за плечо:

— Вставай, беда... война началась.

Аня сперва не поняла, в чем дело. Врывающийся поток солнечных лучей на секунду ослепил ее, и она машинально поднесла руку к глазам. А из репродуктора слышался голос диктора:

— По Советской стране убито двести человек.

Быстро одевшись и сполоснув лицо холодной водой, Аня выбежала на улицу. Она спешила в райком. Там уже собрался партийный и комсомольский актив. Страшная весть подняла всех на ноги...

* *
*

Фронт приближался к Красногородскому. Уже через неделю стали слышны глухие раскаты артиллерии. Черными стервятниками кружились в небе фашистские самолеты. Июньские ночи полыхали пожарами.

В те грозные дни Аня позабыла покой и сон. Районная партийная организация обратилась к населению с призывом строить оборонительные сооружения. Сельская молодежь горячо откликнулась на зов коммунистов. Первыми взялись за дело комсомольцы.

Под покровом ночи колхозники съехались к деревне Рудиновке. Подводы замаскировали в лесу. Рано утром в зеленый дерн вонзились сотни лопат, замелькали влажные комья земли. Вдоль поляны вытягивались широкие рвы противотанковых эскарпов, среди кустарников появились брустверы траншей и зигзаги ходов сообщения.

Работали напряженно, только изредка устраивая короткие перерывы. В разгар работы никто не заметил, как из-за щетины леса вынырнул серый самолет.

— Немец! — раздались тревожные голоса.

Некоторые бросили лопаты и в поисках укрытия заметались по полю. Враг, казалось, ждал этого. Воздух разорвала частая пулеметная дробь.

— Перекрошит всех! — истошно запричитала какая-то тетка.— Пропали!

— Кто там ноет? — оборвал ее гневный голос.— Прячьтесь в щель и не поднимайте панику.

Все обернулись в сторону стройной девушки в синем свитере. Она стояла у бруствера. Все узнали ее. Это Никандрова, из райкома комсомола.

— Кого испугались? Фашиста. Смотрите, ему уже не до нас.

Вражеского летчика теперь действительно мало интересовала наземная цель. Невесть откуда появились два краснозвездных истребителя. В прогретой солнцем синеве затрещали пулеметные очереди. Фашист ринулся к облакам.

— Удирает! — радостно вскрикнул чей-то мальчишеский голос.

Аня посмотрела в сторону людей. Только несколько минут тому назад их лица искажал смертельный страх, а сейчас они уже смело выходили из укрытий и наблюдали за воздушной схваткой.

— Отбой! Теперь за работу,— сказала Аня.

Все дружно взялись за лопаты.

В тот же вечер Никандрова уехала в Красногородское. Военная страда принесла много непредвиденных дел. Аня стала вторым секретарем райкома комсомола.

В сельсоветах из комсомольцев срочно формировались истребительные отряды. Прибыли за оружием комсомольцы колхоза «Красный партизан» Володя Тимофеев и Павел Андреев. Надо быстрее уладить дела, вооружить ребят. Враг кое-где выбрасывает с самолетов группы диверсантов.

Ящики с винтовками уложили на подводы. Владимир с Павлом без задержки отправились обратно. На прощание Никандрова крепко пожала руки комсомольцам:

— Боевой удачи вам, товарищи.

Умчались ребята, и в сердце Ани тихо закралась непрошеная грусть. Захотелось заглянуть в Барашкино, навестить и успокоить родителей.

«Завтра как-нибудь вырвусь на часок в деревню»,— подумала она по пути в райком.

У райкомовского дома торопливо грузили в темно-зеленую машину.

— Фашисты под Двинском,— услышала Аня тревожную весть.

* *
*

В полдень 3 июля 1941 года к Красногородскому хлынул поток беженцев из Латвии. Они ехали на телегах и велосипедах, шли пешком. От лютого врага уходили стар и млад. Босиком по горячему песку спешил на восток двенадцатилетний мальчик. С почерневшего от загара узкого личика с тоской смотрели большие зеленоватые глаза. Мальчонка с тревогой посматривал на небо.

Вдали развертывается черный косяк самолетов. Они приближаются стремительно, с визгом. Так и есть, это они. Их легко узнать по длинным хищным лапам шасси, дикому, режущему уши вою. От самой Риги преследуют беженцев фашистские коршуны. С замершим сердцем мальчишка падает в канаву. Ревут, врезаются в дорогу осколочные бомбы. На спину падают комья земли. Вражеские самолеты улетают, паренек поднимается, ощупывает себя: он уцелел. Но рядом стонут люди. Бомбой разворотило военную машину, ранило четырех бойцов. Пыльная трава обагрена кровью. Откуда-то появился легковой автомобиль. Раненых наскоро перевязали и, обгоняя колонну, помчали в Красногородское.

В это время Аня Никандрова с сандружинницей Шурой Рассадовой дежурили у переправы через реку Синюю у красногородского вала. Она видела, как «юнкерсы» сбросили бомбы на мирных людей, и жгучая ненависть к врагу перехватила дыхание. От военного городка частыми очередями залились зенитные пулеметы, ударили орудия. В небе вспыхнули клубочки разрывов. Фашистские самолеты повернули на запад.

Запыленная вереница беженцев непрерывно текла от Мозулей и сворачивала на Опочецкую дорогу. Машина с ранеными подкатила к девушкам.

— Где у вас больница? — спросил молодой водитель.— Хлопцы кровью истекают.

— Недалеко. Я провожу вас.

Шура осталась на посту, а Никандрова повезла раненых в больницу. Двое были в особенно тяжелом состоянии. Хирург извлек из ног пострадавших несколько черных осколков. Покачивая седеющей головой, тихо сказал Ане:

— Не скоро поправятся, за ними нужен глаз да глаз.

В это время в больницу прибежала запыхавшаяся Шура Рассадова. Отозвав в сторону, сообщила шепотом:

— Немцы у Слободинца. Наши эвакуируются. Мне с тобой поручено отвозить раненых.

Аня вздрогнула: хутор Слободинец находился в сорока километрах от Красногородского.

...Село окутывал темный и густой, как деготь, дым. Он юлил под колесами мчавшегося грузовика, тяжелыми валами сползал к реке Синей. Горела аптека, горел районный Дом культуры. С треском пылали домики на Советской улице.

Автомашина покатила мимо пожаров по Опочецкому шоссе. Аня с Шурой сидели в кузове. Тут же на соломе лежали раненые. Изредка грузовик подпрыгивал на выбоинах. Тогда из-под окровавленной шинели доносился тяжелый стон. Раны мучили молодого светловолосого паренька, только осенью призванного на военную службу.

— Сестричка, во рту пересохло...

Аня поднесла к его запекшимся губам флягу.

— Успокойся. Отвезем тебя в госпиталь. Поправишься, съездишь домой.

При этих словах глаза Ани чуть затуманились грустью. Перед отъездом ей так и не удалось навестить родных в Барашкине. Даже к себе на квартиру не забежала. Так и поехала в одном легком жакете. Но она тут же отогнала прочь невеселые мысли.

«Главное сейчас — спасти людей, благополучно сдать в санбат».

Раздумье Никандровой прервал жуткий визг авиационного мотора. Черный «юнкерс» облюбовал на дороге одинокую машину и развертывался для пикирования. Вот он по-ястребиному ринулся на беззащитную цель. От плоскостей отделился темный комок.

Аня не слышала шума падающей бомбы. Страшный удар, будто обухом, оглушил ее и, как перышко, выбросил из машины. В левую ногу впились горячие острые иглы. В глазах потемнело, и она потеряла сознание.

Очнулась от прикосновения к лицу чего-то холодного. Над ней наклонилась Шура Рассадова с котелком в руке.

— Жива! — обрадовалась подруга.— Я на тебя четыре котелка воды вылила.

— А раненые как?

Шура сдвинула густые брови.

— Того молоденького прибило насмерть. Шофер тоже погиб. Остальные живы.

Морщась от боли, Аня встала. Сапог наполнился кровью.

Рассадова разрезала его, перевязала ногу. Аня, прихрамывая, подошла к раненым. Шура предусмотрительно оттащила их в кусты. Пережившие смерть бойцы с надеждой смотрели на «сестричку».

— Потерпите, ребята,— обнадежила их Аня.— Сейчас как-нибудь доберемся до Опочки.

Легко сказать: доберемся. Их разбомбили у деревни Апрелково. До Опочки еще добрых девятнадцать километров.

В сумраке наступающей ночи скользнул едва заметный фиолетовый луч фары. Никандрова прислушалась. На шоссе ровно гудел мотор приближающейся машины. Аня подняла руку. Полуторка затормозила, и молодой красноармеец, улыбаясь, открыл дверцу кабины:

— Садитесь, пожалуйста. С хорошенькой девушкой не грех и прокатиться.

— Бросьте зубоскалить,— оборвала его Аня.— Со мной раненые.

— О, тогда другое дело,— сразу стал серьезным шофер.— Грузите их в кузов, да быстрее. Фриц сзади нажимает.

Раненых быстро уложили в машину, и полуторка понеслась на восток.

Запылился, завихрился военный путь Ани Никандровой! Впереди ее ждала горечь отступлений. В суровых боях мужал и закалялся характер девушки.

Утром 5 июля 1941 года Красногородский район оккупировали фашисты. Лавины вражеских танков и броневых тягачей текли на Остров, Опочку и Пушкинские Горы. Гитлеровские солдаты стреляли в поросят, ловили кур, требовали у крестьян «яйки» и шпиг.

До Алексея Никандрова долетели кое-какие слухи о дочери. Сходил он под Апрелково, осмотрел разбитую машину. Не удалось узнать тогда Никандрову, погибла Аня или осталась в живых.

* *
*

Никогда не сотрутся в памяти суровые пути-дороги дней отступления сорок первого года. Уходили на восток люди, вздымали пыль гурты угоняемого скота. Отступали по магистралям и проселочным дорогам. Вырываясь из окружения, брели по лесным тропинкам, шли по необъятным просторам России, чтобы в решительный час ударить по врагу, выстоять в боях и спасти все человечество от фашистского порабощения.

Военная дорога забросила Аню Никандрову и Шуру Рассада-

дову в город Калинин. Девушки сдали раненых в санбат. Потом их пути разошлись. Рассадова ушла с сандружинницами, а Никандрова осталась в госпитале. Но через три недели она уже распрощалась с товарищами по больничной палате...

С начала сентября 1941 года в лесах и болотах под городом Ржевом началась фронтовая жизнь Ани Никандровой. Сперва она работала в госпитале, обмывала и перевязывала раны бойцов. Но ее душа рвалась в бой.

Вскоре Никандрову направили на курсы младших лейтенантов. Она успешно закончила их и стала боевым командиром. В дни горячих боев на подступах к Москве на нее возложили комсомольскую работу в одной из воинских частей. Стройную девушку в серой шинели часто видели в первых рядах атакующих. Это воодушевляло красноармейцев. Они крепче сжимали в руках оружие и злее били фашистскую нечисть.

Война накладывает своеобразный отпечаток на людей. В кровавом пекле боя иногда грубеет характер человека. Этого Аня боялась больше всего. По долгу службы она призвана воспитывать людей. А воспитатель должен не только много знать, но и чувствовать настроение бойца, уметь ободрить его теплым словом в трудную минуту. Об этом во многих книгах написано.

А книги Аня по-прежнему страстно любила. Читала их в редкие передышки между боями. В полевой сумке рядом со списком комсомольцев лежал «Овод» и томик избранных стихов Некрасова. Блокнот Ани был испещрен выписками из художественной литературы. И теперь, в свежий весенний день 1943 года, в лесах Смоленщины Аня с вдохновением повторяла слова поэта:

— Народ-герой, в борьбе суровой
Ты не шатнулся до конца.
Светлее твой венец терновый
Победоносного венца.

Да, советские люди не шатнулись перед сильным, самонадеянным врагом. Они нанесли фашистским армиям сокрушительные удары и погнали их на запад.

Вместе с армией-освободительницей шагала вперед и Аня Никандрова. Она шла через сожженные врагом советские города и села, мимо трупов поруганных и убитых немцами женщин, детей и стариков. Взбесившийся враг оставлял после себя пепелища и тысячи изуродованных трупов. Жгучая ненависть к захватчикам наполняла яростью сердце девушки. Вперед, только вперед, на запад, до полного разгрома фашизма!

В 1942 году в жизни Ани Никандровой произошло большое событие: ее приняли в партию. Бережно хранила она в кармане гимнастерки партийный билет, гордилась высоким званием коммуниста и с честью оправдывала его.

...Тропинка вилась среди умытых апрельскими дождями сосен. Сырой ветер гудел в их вершинах. Вдали глухо ухала артиллерия, над головами со скрежетом проносились снаряды и разрывались где-то на позициях противника. Аня возвращалась из 3-го батальона. Оттуда ее неожиданно вызвал командир полка. Вместе с Никандровой шли двадцать автоматчиков.

На командный пункт прибыли рано утром. Аня вошла в просторный блиндаж и доложила командиру полка о выполнении приказания. Подполковник Славушевский, с красными от бессонницы глазами, спросил ее о настроении бойцов. Потом, развернув на столе карту, показал район боевых действий.

— Не скрою: положение напряженное. Немцы не хотят терять железнодорожный узел Сафоново и яростно сопротивляются.

Позавчера мы отбили четыре контратаки.— Карандаш командира остановился у голубоватой спирали реки Вопи: — А вот здесь фашистов потеснили на западный берег. Сюда переправилась рота лейтенанта Васильева. Как видите, ваши комсомольцы постарались. Вам необходимо перебраться на ту сторону и уточнить обстановку. Передайте лейтенанту приказ: удерживать плацдарм до прихода подкреплений. Возьмите с собой тридцать солдат, они останутся в роте, а вы вернетесь назад. Задача ясна?

Аня повторила приказ командира.

— Выполняйте!

— Есть выполнять!

Разбуженная дыханием весны, Вопь вышла из берегов и несла в мутной воде серые комья льдин. А переправочных средств нет. Бойцы где вброд, а где и вплавь перебирались через клокочущую реку. В густом ельнике двигались с особой осторожностью: фланги полуоткрыты — в любой момент можно наткнуться на немцев. Так и случилось. В перекатном шуме лесной чащи Аня различила шаги. По знаку комсорга бойцы залегли. Сжимая автомат, Никандрова наблюдала за опушкой.

Вот из-за развесистых елок вывернулась фигура в шинели мышиного цвета. Вражеский солдат, вытянув шею, прислушивался, затем, пробежав десяток шагов, прилег за ольховый куст. Фашисты приближались короткими перебежками. Теперь

они были совсем близко. Аня осторожно подняла автомат, целясь в живот поднявшегося солдата. Сухая очередь полоснула сырой воздух. Рядом дробно застучали автоматы товарищей. Несколько немцев остались недвижимыми в кустарнике.

Наши бойцы по знаку командира выдвинулись вперед. В это время из еловой чащи хлынул град пуль. По стрельбе Аня определила: немцев много. Видно, хотели ударить по роте с тыла и ликвидировать наш плацдарм. Слева, почти рядом, взвихрился снежок, вспыхнули зловещие синие искорки. Фашистские пули стеганули по серому валуну и рикошетом ударили в землю.

«Заметили»,— подумала Аня.

Решительным броском она метнулась в сторону и легла за толстой сосной с расщепленной верхушкой. В то же время по стволу дерева защелкали разрывные пули «дум-дум». И Аня увидела врага. Серое лицо фашистского офицера, будто привидение, мелькнуло за вывороченной елью. Почти не целясь, нажала спусковой крючок. Послышался явственный стон.

В то же время Никандрову, будто камнем, ударило по руке. На рукаве фуфайки болтались клочья серой ваты, она быстро краснела. Сжав зубы, Никандрова дала длинную очередь в сторону приближавшегося врага.

Бой длился с час. Вдруг трескотню автоматов покрыл глухой стук «дегтярева», хлопнули тугие разрывы ручных гранат. Немцы прекратили огонь. После жаркой схватки неожиданно наступила тишина.

Помощь подоспела вовремя. У бойцов уже кончались патроны, четверо были убиты, восемь человек ранены. Аня перевязала наскоро руку. Пуля порвала мышцы выше локтя, но кость не затронула. Раненых переправили за реку на плотах под густым пологом ночи. Аню опять ждал госпиталь. Плацдарм был удержан.

А через несколько недель лейтенанта Анну Никандрову за боевой подвиг наградили орденом Отечественной войны II степени.

* * *

Пришло лето 1944 года. На южных фронтах Советская Армия в жестоких сражениях перемалывала фашистские дивизии, очищала от врага последние километры советской земли. В некоторых местах советские войска уже пересекли государственную границу, бои завязывались на вражеской территории.

Началось освобождение народов Европы от нацистского порабощения.

Только на позициях 3-го Белорусского фронта царило затишье. Бои ограничивались поисками разведчиков да стычками патрулей. Но каждый знал: это положение временное.

Уже с первых дней мая в подразделениях 88-й стрелковой дивизии стали поговаривать о большом наступлении. Никто, кроме верховного командования, не знал, когда оно начнется, но все считали: день решительной схватки близко.

К решающим дням готовилась и Аня Никандрова. Она давно выписалась из госпиталя и вернулась в родную дивизию. В начале июня 1944 года ей присвоили звание старшего лейтенанта и назначили комсоргом стрелкового полка.

В теплые июньские дни и ночи в батальонах проходили партийные и комсомольские собрания. Перед коммунистами и комсомольцами ставились новые задачи. Надо было разъяснить бойцам величие и значение грядущей битвы. Предстоящее сражение — это не бои местного характера, а решительный рывок к победе. От его успеха зависели полное освобождение Белоруссии и победоносный марш на Берлин.

Несколько ночей Аня Никандрова провела на комсомольских собраниях. Армейская организация ВЛКСМ в то время пополнилась за счет лучших бойцов полка. Во время вручения солдатам комсомольских билетов Никандрова говорила:

— Желаю вам успеха и боевой удачи. Будьте такими, как Зоя Космодемьянская и Саша Матросов. Деритесь за нашу дорогую, прекрасную Родину, за наших славных советских девушек, невест ваших. Молодежь грядущих годов не забудет о вас. Они с любовью вспомнят о комсомольцах сорок четвертого года, которые не жалели крови для счастья всех людей.

Молодые солдаты хотели идти в бой в первой цепи. Один юноша предложил водрузить красный флажок на укрепленной высоте противника. Решение было принято с горячим энтузиазмом. О нем скоро стало известно командиру полка. Он одобрил инициативу молодежи.

После комсомольского собрания Аня побывала на командном пункте полка. В свой блиндаж вернулась лишь глубокой ночью. Усталость сковывала плечи, тянуло ко сну. Но она решила сперва написать письма. На минуту задумалась над листом бумаги. В Красногородском районе еще хозяйничают фашисты. Живы ли родные? Если живы, то получат письмо после освобождения. На голубом конверте она размашисто написала

адрес родной деревни и имя отца — Алексея Никандровича Никандрова.

Треугольный конвертик короткого письмеца полетел по полевой почте...

* *
*

Коротки летние ночи. Кажется, совсем недавно сиял за Днепром вечерний закат, а теперь уже багровым пламенем вспыхнул восток. Недаром говорят: «Летом заря с зарею сходится». От широких заводей реки тянул бодрящий ветерок. Свежая, прохладная тишина нарушалась лишь многоголосой перекличкой птиц.

И вдруг все ожило. Взвились в небо ракеты, тишину расколол залп орудий, заработали «катюши». Огненный смерч снарядов обрушился на укрепления врага. Над лесом закурились облака черного дыма.

Воздух наполнялся все новыми и новыми звуками боя. На фашистские позиции шли бомбардировщики. Фюзеляжи боевых машин сияли серебром в лучах поднимающегося солнца. Могучий рев моторов слился с грохотом канонады и разрывами тяжелых бомб. А на немцев неслись новые армады самолетов. Распластав плоскости, промчались над лесом краснозвездные штурмовики.

Пехотинцы приготовились к атаке.

— Дождались. Пришло наше время!

— Ох и чешут фрица железным гребнем.

— Говорят, одних аэропланов больше двух тысяч.

— Неужели кто из них уцелеет в этой мясорубке?

Вместе с солдатами Аня наблюдала за развертывавшимся боем. Еще до восхода солнца она прибыла в расположение 1-й роты, побеседовала с бойцами. Час наступления пробил. Скоро бойцы поднимутся в атаку. Вместе с ними пойдет и комсорг полка.

Вдали, за изрубленными артиллерией соснами, виднелась на высотке деревня Киреево. Точнее, это была не деревня, а пепелище, превращенное немцами в опорный пункт. Овладеть этим пунктом и, удерживая инициативу, вклиниться в расположение фашистов, гнать их без передышки — об этом думали Аня Никандрова и все бойцы.

Два с лишним часа работали наши пушки и самолеты, бомбы накрывали немецкие дзоты и траншеи. Вот, подминая

гусеницами кусты, в бой двинулись танки, за ними тронулась пехота.

— Пошли, товарищи! — сказала Аня и первой выпрыгнула на бруствер.

Солдаты поднялись и побежали к окопам противника. Лесная поляна чернела рваными ранами бомбовых воронок, иссеченных и искореженных осколками деревьев и кустарников. Подавленный огнем, враг не показывал признаков жизни. Бойцы поднялись во весь рост.

И вдруг над головой пропел густой веер пуль. Как подрубленная сосенка, свалился молодой солдат, потом упал еще один, выронив из руки красный флажок.

Рота залегла, но спасения от вражеского огня не было. За широким противотанковым рвом тщательно замаскирован дзот противника. Фашистские пулеметчики простреливают всю поляну.

«Только вперед,— вспыхнуло в сознании Ани.— Иначе всех перекосят».

Решительным, пружинистым рывком она поднялась на ноги и, взмахнув автоматом, крикнула:

— За мной!

Стреляя на ходу, она первой побежала к залитому водой рву. Она видела, как поднялись за ней комсомольцы. В грохот боя вплелись лихие крики атакующих, и грозное русское «ура» огласило окрестность. Вслед за 1-й ротой на штурм пошли солдаты других подразделений.

Юноша в зеленой каске обогнал Аню, перекинул через ров штурмовую лесенку. И тут же упал в воду, сраженный разрывной пулей. Никандрова по лесенке метнулась через бруствер в траншею врага.

— Вперед, за Родину!

Белобрысый фельдфебель поднял парабеллум. Аня на какую-то долю секунды опередила его. Враг сел на дно траншеи, рассеченный автоматной очередью. В ходах сообщения закипела рукопашная схватка. Ворвавшиеся в них бойцы дрались прикладами и штыками.

Блокированный дзот больше не огрызался огнем. В пылу схватки Никандрова увидела красный флажок в руке молодого солдата.

«Молодцы — ребята, подхватили флаг. Держат комсомольское слово!»

Теперь лавина солдат устремилась к высотке. Перезарядив автомат, Аня шагнула вперед. Тут ее будто ветром качнуло.

Она пошатнулась, выронила оружие и упала головой на опаленную боем траву. В тот же миг на высоте живой кровью затрепетал флажок.

...Она лежала как живая, будто отдыхала после тяжкой битвы. Лишь алая струйка, стекающая с высокой груди, напоминала солдатам о том, что Ани больше нет.

Шли мимо тела безусые юнцы и обветренные временем старики. Снимали каски, рукавом смахивали скупые солдатские слезы.

— Прощай, Аня! Прощай, наш комсорг, дорогой боевой товарищ!

Ее похоронили с военными почестями.

А небо Орши окрасилось в огонь пожара. Советская Армия с боем ворвалась в белорусский город и без остановки погнала фашистов из пределов родной страны. На следующий день после боя вышел свежий номер газеты «На врага» с очерком о бессмертном подвиге Ани. В 1945 году Президиум Верховного Совета СССР присвоил Анне Алексеевне Никандровой звание Героя Советского Союза.

* * *

Вот и все, что мне удалось узнать об Ане Никандровой в деревне Барашкино, Красногородского района, Псковской области. Долго говорила Анастасия Фроловна о своей дочери, показывала ее фотографии и награды.

Память о народной героине увековечена в районе. В Красногородской восьмилетней школе в 1950 году создана пионерская дружина, которой присвоено имя Ани Никандровой.

Б. ЛУКЬЯНОВ

КРЫЛАТОЕ СЕРДЦЕ

Минувшей ночью летчики сделали по шесть боевых вылетов. Они бомбили отступавшие из Белоруссии фашистские войска.

Возвратившись на рассвете с боевого задания, командир эскадрильи гвардии майор Евдокия Никулина снова ушла в полет. В полку ждали ее с нетерпением. То и дело спрашивали дежурного:

— А что Никулина, вернулась?

— Нет,— отвечал тот.— Ждем к вечеру.

Куда же направилась командир эскадрильи, почему ее полет вызвал такой интерес не только у подчиненных, но и у всех однополчан?

...От аэродрома до деревни Парфеново, Смоленской области, было всего девяносто километров. Меньше чем через час самолет Никулиной и техника Зинаиды Редько показался над станцией Спас-Демянск. Летчица не отрываясь смотрела на землю. Вот дорога, сосновый бор. Как изменился он! Торчат лишь голые, обуглившиеся деревья. Видны ямы — воронки от снарядов и авиабомб. Но где же Парфеново? Деревня должна быть как раз под крылом самолета. Никулина не могла ошибиться.

На поле женщины и ребятишки. Они впряглись в плуг — пашут. Летчица решила посадить самолет рядом с ними. Разворот. Посадка. И вот уже машина, подпрыгивая, бежит по полю.

...Радостной, волнующей была встреча с односельчанами. С того момента, как Никулиной в последний раз довелось побывать дома, да и то всего несколько дней, прошло четыре года. И вот она снова здесь. Командование разрешило ей слетать сюда.

В сопровождении односельчан летчица пошла в родную деревню, от которой осталось одно лишь название. Враги стерли ее с лица земли. Кое-где виднелись землянки. Улица заросла. Кругом ни дерева. На месте родного дома обугленные бревна, двор зарос крапивой.

— Жутко мне стало,— рассказывала потом Никулина подругам.— Иду по деревне, стою у своего двора, а места не узнаю.

Вот землянка. Стены сырые, под ногами вода. Постаревшая и похудевшая жена брата со слезами бросилась к ней.

— Посмотрела бы на тебя мама, порадовалась,— говорила она, вытирая слезы.— А мы тут сколько горя изведали! От фашистов в лесу прятались. Хорошо, что надежно схоронились, а то не миновать бы нам угона.

Слушая рассказы родных и знакомых о страшной жизни при фашистах, Дина (так звали Евдокию Никулину с детства) с новой силой ощутила ненависть к захватчикам.

Почти вся семья Никулиных сражалась с ненавистным врагом. Погибли брат Федор и сестра Ольга. Тяжелое ранение получили братья Андрей и Михаил.

Бродя по родному пепелищу, Никулина невольно вспомнила детство, ФЗУ, свою дорогу в авиацию. Время отодвинуло эти события, но не могло изгладить из памяти, вырвать из сердца. Пусть они мелькали в сознании обрывочно, но были близки, дороги. Каждое из них оставило глубокий след.

...Сельские ребятишки никогда не видели самолета. А тут во время урока раздался рокот мотора. Глянули в окно: летит, причем низко-низко, хотя и небольшой, а все-таки самолет. Занятия пришлось прекратить. Выбежали школьники на улицу и побыстрей к самолету, который уже сел. Третьеклассница Дина Никулина бежала чуть не впереди всех. На дворе зима, мороз, а ребятам жарко. Вдруг самолет, подняв столб снежной пыли, взлетел. Как досадно было, что не удалось разглядеть диковинную машину. Тогда-то у школьницы Никулиной и появился особенный интерес к полету человека.

В 1930 году, когда Дине исполнилось одиннадцать лет, она простилась с родной школой и уехала к брату, работавшему на цементном заводе подмосковного города Подольска. Началась другая жизнь. ФЗУ, куда поступила Дина, готовило лаборантов. Выпускники исследовали цемент. Этим же занялась и она, окончив ФЗУ в 1933 году. Работа нравилась, но крепко-накрепко засевшая еще с детских лет мысль об авиации не давала покоя. И вот однажды Дина и ее подруга Клава Дунина пришли в аэроклуб.

Им повезло. Правда, в аэроклуб они не попали, так как прием уже закончился, но вдруг приехал представитель из авиационной школы — агитировать молодежь учиться авиационному делу. Кого-кого, а Никулину агитировать было не нужно. Ее мечта становилась явью.

НИКУЛИНА
Евдокия Андреевна (справа)
и РУДНЕВА Евгения Максимовна

На комиссии Дину спросили, кем она хочет быт: летчиком или техником? А ей было все равно, лишь бы попасть в авиацию. Один из членов комиссии посоветовал учиться на техника. Дина согласилась.

Однако на втором курсе авиационной школы Никулина решила все-таки овладеть летным делом. Ей пошли навстречу, но поставили задачу сдать экзамены и на бортмеханика и на летчика. Согласилась!

1936 год ознаменовался для Дины Никулиной большим событием. Девушки, занимавшиеся в разных авиационных школах, были сведены в эскадрилью, которую передали Батайской школе. За два года Дина прошла трехгодичный курс, получив по летному делу высшую оценку.

В Московском управлении Гражданского воздушного флота дали летчице направление в Смоленский отряд. Вот где пришлось поработать! Возила почту, выполняла задания по подкормке льна, уничтожала малярийных комаров. Часто приходилось вылетать с врачами по срочным вызовам.

Пятьсот часов налетала Никулина. И это всего лишь за два года! С таким летным опытом она в первые дни Отечественной войны стала обслуживать штаб Западного фронта. Потом пришел приказ: откомандировать летчицу Е. Никулину в город Энгельс в распоряжение Героя Советского Союза Расковой.

Дина мечтала о тяжелых скоростных машинах, о том, чтобы на них громить врага. Но получилось иначе.

Вызывает однажды Раскова Амосову и говорит, что на фронт первым должно уйти подразделение самолетов ПО-2.

— Если хотите в действующую армию, то вам придется перейти на этот самолет. Решайте сами.

Амосова ни секунды не медлила с ответом:

— Конечно, согласна. Только пошлите и Никулину.

Раскова записала. А через некоторое время, встретив Дину, спросила:

— Не обиделась, что на ПО-2 летать придется? Согласна?

— Согласна! — твердо ответила летчица.

Никулина приняла присягу, получила звание младшего лейтенанта. В этот торжественный день она выступила на митинге. Слова лились сами собой. Говорила, что летчицы будут биться с врагом самоотверженно, преодолевая любые трудности.

...Лето 1942 года. Евдокия Никулина получила приказ вылететь на бомбежку противника. Была ночь, темная, южная, памятная на всю жизнь. При свете фонаря летчица написала заявление с просьбой принять ее кандидатом в члены партии. «Хочу в первый боевой вылет идти коммунистом»,— заявила патриотка.

Линия фронта шла по реке Миус. Экипаж Никулиной должен был бомбить скопление войск противника. Набрали побольше высоту. Не сразу нашли место цели. Сказалось отсутствие опыта. Бомбы сбросили с девятисот метров. Увидели сильный взрыв. Возбужденные и радостные, возвратились они на аэродром.

Когда Дина вылезла из самолета, ее поздравили. Партийная организация единодушно приняла Никулину кандидатом в члены партии.

Но счастливый момент был омрачен: погибла командир эскадрильи Люба Ольховская. Так уже в первые боевые часы летчицы почувствовали грозную силу войны. Опасность ждала на земле и в воздухе. Повышением бдительности, летного мастерства, высокой дисциплиной ответили экипажи легких ночных бомбардировщиков на смерть подруги.

Евдокия Никулина стала командиром эскадрильи. Штурманом на ее самолет назначили Евгению Рудневу. Вместе они совершили четыреста пятьдесят боевых вылетов.

Слушая Никулину, перечитывая дневники Рудневой, ее письма к родителям, узнаешь, как много значили они друг для друга.

В письме к матери Женя Руднева писала:

«Ну, а изо всех летчиц самая лучшая, конечно, Дина. Не потому, что она моя, нет, это было бы слишком нескромно, а потому, что она действительно лучше всех летает.

...Мамочка, независимо от того, получишь ли ты ее письмо, пришли Дине хорошее письмо: ведь она вам почти дочка. В самых трудных условиях мы с ней вдвоем — только двое, и никого вокруг, а под нами враги».

Другая запись проникнута теплой заботой о подруге:

«В комнату заглянула Дина, уставшая. Ведь она у меня большой командир, и ей приходится работать даже тогда, когда остальные отдыхают. Еле уговорила ее пойти ужинать».

Однажды Дина не вернулась. Женя очень переживала, плакала.

— Что же произошло?

Дина и штурман Лариса Радчикова в полете были ранены. Их самолет попал в вилку шести вражеских прожекторов. Снаряды разворотили плоскости, борт. Летчица продолжала вести машину.

Вдруг на плоскостях забегали огоньки. Что делать? Надо во что бы то ни стало сбить пламя! Как? Скольжением — это единственный выход.

Машина стала резко падать. Сердце Дины радостно забилось: выключились прожекторы и огня нет! Теперь новая задача: дотянуть до своих. Никулина понимала, что на изрешеченной машине, с пробитым бензобаком, из которого течет бензин, раненая, она не сможет добраться до аэродрома. Невероятных усилий стоило ей сесть недалеко от передовой, на обочину дороги. Ориентиром служили случайные вспышки автомобильных фар.

Раненых летчицу и штурмана доставили в Краснодар. Об этом в дневнике Жени Рудневой за 1 августа 1943 года есть такая запись:

«22-го утром я с командиром полка поехала к Дине в Краснодар. У въезда в город спустил скат. Пришлось менять. А было уже шесть часов, и было видно, как с аэродрома взлетают санитарные самолеты.

Оказывается, мы прибыли раньше Симы. Дина доложила о выполнении задания, а я даже подойти к ней не могла — полились слезы. У Дины рана в голень навылет, у Лели — осколки в мякоти бедра, она потеряла много крови. Сели они прямо к полевому госпиталю. Динка просто герой — так хладнокровно посадить машину! Предварительно она сбила пламя, но мог

загореться мотор, потому что там бензин. У Лели было шоковое состояние.

Мне не хочется никакого пафоса, но именно о Дине, о простой женщине, сказал Некрасов:

В игре ее конный не словит,
В беде не сробеет — спасет,
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет.

...Под Ростовом шли тяжелые бои. Экипаж Никулиной получил приказ лететь на Дон, не дать противнику строить переправу. На борту две стокилограммовые бомбы. Но пусть об этом полете расскажет сама Дина:

«Внизу вспыхивают огоньки.

— Как будто переправа,— сказала Женя.

Подошли ближе: действительно, переправляются гитлеровские войска. Они соорудили не только понтонный мост, но и организовали переправу на лодках. Сделали мы заход, и Руднева сбросила одну из двух бомб. Бомба угодила в край моста. Теперь и второй «гостинец» туда же. Но что это? Один раз самолет прошел над целью, второй, а бомба не сбрасывается.

— Что-то случилось с бомбосбрасывателем,— сообщила Женя через переговорное устройство.

— Дергай за трос крепче! — говорю я.

Еще два круга сделали мы, но безрезультатно. А тут зенитки открыли ураганный огонь.

— Женя! Тяни еще.

— Я руки в кровь ободрала,— говорит Руднева,— а бомба не отрывается, и только. Сделать ничего не могу. Попробуй бросать самолет.

Я начала швырять машину вниз, в стороны... Зенитки бьют так, что, того гляди, попадут в самолет. Решила возвращаться.

Бомба резко кренила самолет, и держать его в горизонтальном положении было трудно. Правда, мне помогала Руднева. Она бралась за вторую ручку управления и вела самолет. Тогда я отдыхала. Во время одной из передышек взгляд упал на бомбу. По правде сказать, от того, что я увидела, перехватило дыхание. «Гостинец» продолжал висеть под левым крылом, но... контрящей вилки лопасти взрывателя не было. Это очень опасно. Достаточно удара силой в пять килограммов по обнаженному взрывателю — и бомба взорвется.

Руднева мужественно приняла новость. Решили рисковать, но все-таки посадить машину. Собственно, другого выхода и не было.

— Приготовь несколько ракет и освещай мне поле,— говорю Жене.— Дай три красные ракеты. Наши поймут сигнал — значит, самолет возвращается с бомбами либо что-то с машиной, экипажем. Поняла?

— Поняла.

Вот и аэродром. Видим: садятся другие самолеты. Они ходят по кругу справа, а я слева. Нас заметили, но, как потом выяснилось, приняли за противника. Только соберусь садиться, а на аэродроме свет выключают. Что хочешь, то и делай! Того и гляди, бомба сорвется. Мы же крутимся на высоте триста метров. Обращаюсь к Рудневой:

— Женя, пиши записку. Заверни ее в платок, привяжи к запасной ручке управления и сбрось. Пиши: «Бомбу в сто килограммов не сбросили: заело замок. Проверьте бомбодержатели и замки у всех самолетов. Сажусь. Если погибнем, передайте привет семьям. Целуем всех. Никулина, Руднева».

Еще заход. Вспыхнул свет ракеты. В то же мгновение штурман выбросила ручку.

— Как коснемся земли, выпрыгивай! — кричу я.

— Я прыгну, а ты останешься? Нет! Ни за что,— решительно заявила Женя.

Земля ближе, ближе... Пятнадцать метров. Руднева стреляет из ракетницы. Толчок. Земля! Села легко-легко... Самолет бежит, а я смотрю, есть ли бомба. Вдруг вижу: бомбы нет. Даю знак Жене, и мы почти одновременно выскакиваем из машины. Едва к месту посадки стали приближаться товарищи, как я закричала:

— Не подходите близко. Бомба!

Вызвали инженера по вооружению Надежду Стрелкову. Она нашла бомбу и ловко разрядила ее. Оказывается, оторвавшись, наш смертоносный груз скользнул по траве и лег. Стоило ему пойти ниже, удариться о бугорок, и мы бы погибли.

Когда нервы немного успокоились и переполох, вызванный опасной посадкой, улегся, я спросила заместителя командира полка:

— Ручку управления с запиской нашли?

— Нет. Какую ручку? Как же вы без ручки летели?

Я улыбнулась и шутливо ответила:

— В такой момент можно и без ручки лететь.

Так и не нашли ручку,— заключила Дина.— Видимо, в траве затерялась».

Бои за Северный Кавказ оставили глубокий след в памяти летчицы. Фашисты были у Моздока, строили переправы.

Никулина и Серафима Амосова за ночь совершили по восемь боевых вылетов. Меткие их удары принесли врагу огромный урон. На следующий день пришел приказ о награждении Никулиной, Амосовой и Рудневой орденами Красного Знамени.

Еще полет на переправу к Моздоку. Груз — четыре пятидесятикилограммовые бомбы. В районе сосредоточения противника осветили себе «рабочее место». Гитлеровских войск на переправе много, прямо кишмя-кишат.

— Будем заходить против ветра, так легче бомбить,— сказала Дина штурману.— Приготовься. Рассчитывай.

— Рассчитала. Левее, левее. Ах, не так! Снова делай заход.

На высоте семисот пятидесяти метров шла напряженная работа. Обе девушки напрягли все свое внимание.

— Очень хорошо, Дина. Так держи!

Самолет тряхнуло. Знакомое ощущение, появляющееся всякий раз, когда отрывались бомбы, наполнило сердце радостью. Развернувшись, Никулина и Руднева увидели результаты бомбежки.

А теперь уходить, и как можно быстрее. Рука летчицы выжимала скорость. Дина запела во весь голос. Нет, не передать словами то, что чувствовал в этот момент командир маленького экипажа.

На другой день в авиаполку получили приказ по наземным войскам. В нем говорилось, что фашистские подразделения, находившиеся на переправе через Терек, сметены. Командование благодарило летчиц за помощь.

В те дни газета «Крылья Советов» в номере за 28 февраля 1942 года сообщала, как смело, решительно действовал наш экипаж ночного бомбардировщика во главе с Е. Никулиной:

«Машины стоят в полной готовности. Летчики с нетерпением ждут боевого вылета. Прошло немного времени, и сигнал подан. Один за другим плавно отрываются от земли самолеты, исчезая в синеве ночного неба.

Первым ложится на курс орденоносный экипаж лейтенанта Никулиной. Двухсот пятидесятый раз летит он на врага. Уверенно ведет Никулина свой самолет.

На этот раз приказано разрушить железнодорожную станцию противника. Станция эта имеет важное стратегическое значение, и немцы поэтому прикрывают ее мощным огнем зенитной артиллерии.

Еще издали, услышав шум моторов, вражеские пулеметы открывают пальбу, а прожекторы начинают беспокойно шарить

своими щупальцами по темному небу. Но все это не может остановить бесстрашных патриоток, идущих к цели.

Станция обнаружена. Бомбы, метко сброшенные младшим лейтенантом Рудневой, ложатся по назначению. На земле блеснули яркие вспышки взрывов, и густые клубы черного дыма заволакивают цель...»

За каждым боевым эпизодом — отличная слетанность, взаимодействие, абсолютное понимание между летчиком и штурманом плюс дружба.

Когда Никулина и Руднева отмечали своеобразный юбилей — годовщину совместной боевой работы, Женя выразила свои чувства в стихах.

Если год пролетали вместе,
Если вылетов больше, чем двести,
То где бы потом мне ни быть,
Все равно мне тебя не забыть.
Не забуду, как с соткой садились,
Как на Маныче пушки в нас били,
Над горящей Родиной мы проносились,
Чтоб враги про сон позабыли.
. . . . . .

Штурман

Фронтовая биография каждой из девушек богата боевыми эпизодами. Любой из них по-своему значителен, добавляет какой-то новый штрих для характеристики как Никулиной, так и Рудневой.

...На станции Красной стояли два эшелона противника. Сильный зенитный огонь исключал подход ночного бомбардировщика на наиболее удобной высоте — шестьсот — восемьсот метров. С большой же высоты бомбить плохо. Дина и Женя решили подождать, когда эшелон выйдет со станции.

— Вижу дымок паровоза,— сказала штурман.— Набери метров шестьсот. Ничего, что дым стелется.

Никулина стала делать боевой заход. Сброшена одна бомба. Мимо! Поезд идет очень быстро. Теперь действовать надо наверняка.

— Меть в голову. Бросай все три оставшиеся,— услышала Женя приказ командира.

Взрыв. Женя реагировала бурно. «Ой, попали! Ой, попали!» — радостно закричала она. Задание выполнено, можно возвращаться.

...Обстановка требовала высокого мастерства. Садились в туман. Летали под Кизляр, где у немцев было много танков.

Маневрируя между горами, Никулина совершала рейсы к

нашим окруженным частям, доставляя им продукты и боеприпасы. Если добавить, что каждый такой полет проходил в облачности, то станет ясно, как много сил и энергии забирал он у летчицы.

Хорошо помог экипаж Дины Никулиной, как и другие экипажи полка, нашему десанту, который высаживался на Керченский полуостров.

Облачность до ста метров. Волны под самой машиной. Летчица чувствует их мощное дыхание. На сей раз груз не бомбы, а продукты. Они предназначены для группы моряков и пехотинцев, укрепившихся в поселке Эльтиген. Шторм не давал возможности пробиться к ним катерам, чтобы помочь продовольствием, боеприпасами, медикаментами.

Никулина часто вкладывала в очередной мешок записку: «Ребята! Не унывайте. Мы поможем вам». Большую радость доставляли десантникам газеты, которые по собственной инициативе привозили девушки.

Путь в Эльтиген и обратно стоил колоссального напряжения. Заходили с пролива и уходили в пролив. Дул очень сильный ветер, а облачность была низкой, фашисты часто вели зенитный огонь по самолетам. Сама «бомбежка» мешками со всем необходимым для десантников требовала исключительной точности: груз мог упасть в воду либо к противнику.

Дина Никулина вспоминает, что, несмотря на трудности, хотелось летать еще и еще. Командир десанта потом приезжал в полк, благодарил «сестричек», как воины называли летчиц.

Много боевых вылетов совершено на Севастополь. Летали обычно морем, чтобы береговая артиллерия противника не могла помешать ПО-2 достичь цели.

Летчица не только бомбила, но и брала с собой световые авиабомбы, которыми парализовала прожекторы врага. А чего стоило вырваться из светового луча, направив самолет в море! Над водой очень трудно лететь, ведь горизонта не видно. И все-таки Дина предпочитала такой маневр — заходила на цель с моря, приглушив мотор. Именно в те дни она установила рекорд в полку, подняв на ПО-2 пятьсот килограммов бомбового груза.

15 мая 1944 года полк простился с югом, с морем. Сколько воспоминаний связано с этими местами! Здесь ковалось боевое мастерство Никулиной и ее подруг, здесь погибло несколько однополчан, в том числе всеобщая любимица Женя Руднева.

...Дина ходила по родному сожженному, разграбленному врагом селу. Рассказывала колхозникам о пройденном фронтовом пути, о боевых друзьях. Пять часов провела она среди односельчан. Провожали ее все: женщины, старики, дети. Самолет сделал прощальный круг и ушел на запад.

В ту же ночь Дина летала на задание — в сторону Могилева, бомбила фашистов, оказавшихся в минском котле.

Наши войска вступили на территорию Польши. В одну из октябрьских ночей в полк пришла радостная весть: Указом Президиума Верховного Совета СССР Евдокии Никулиной и некоторым другим летчицам и штурманам полка было присвоено звание Героя Советского Союза.

...Советская Армия наступала. Краснозвездные ночные бомбардировщики появились над Восточной Пруссией. Дина Никулина совершала боевые вылеты на Штеттин, Данциг, Гдыню, к Балтийскому морю. Иной раз в ночь бывало по двенадцать вылетов.

7 мая 1945 года эскадрилья Героя Советского Союза гвардии майора Евдокии Никулиной выполнила последнее боевое задание. Она бомбила аэродром и фашистские войска на Свинемюнде. Через несколько часов и на этом участке фронта гитлеровцы капитулировали.

Вскоре после войны я был в этом прославленном женском полку. На груди Никулиной сверкали Золотая Звезда Героя, орден Ленина, три ордена Красного Знамени, ордена Отечественной войны II степени и Александра Невского, боевые медали «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—45 гг.»

Высокого звания Героя Советского Союза в эскадрилье кроме ее командира Е. Никулиной удостоилось еще восемь летчиц и штурманов. Эта эскадрилья была воистину эскадрильей отважных! За время войны ее экипажи совершили около восьми тысяч боевых вылетов.

Летная книжка самой Дины рассказывает о многом. Я перелистывал ее, выписывал цифры боевого счета героини и думал, как много сделала для победы эта веселая, скромная девушка, с доброй, широкой улыбкой.

Герой Советского Союза Евдокия Никулина совершила в годы войны семьсот семьдесят четыре боевых вылета, в воздухе пробыла три тысячи шестьсот пятьдесят часов, из них тысяча пятьсот — ночью.

Мы беседовали о боевых делах ночных бомбардировщиков, об их фронтовой жизни. Дина и ее подруги рассказали не только о полетах, но и о своем увлечении вышиванием. Эта «болезнь» захватила буквально всех. Вышивали до и после

полетов, использовали каждую свободную минуту. Некоторые возили с собой до пятидесяти разных рисунков.

Приехал как-то командующий воздушной армией генерал Вершинин. Был он и в эскадрилье Никулиной.

Генерал улыбался, рассматривая вышитые подушечки.

— Молодцы! — похвалил он.— Сразу видно, что женщины. Так и надо.

Дина Никулина могла бы рассказать командующему, как они часто недосыпали, чтобы быть чистыми, опрятными. В самой тяжелой обстановке заботились о внешнем виде. В день рождения виновнице торжества обязательно дарили вышитую вещь. Заранее договаривались, какой именно сделать подарок. Наволочка с васильками, подаренная Дине Зиной Петровой, дорогое воспоминание о большой дружбе, любви, о той атмосфере теплоты и сердечности, которая царила в женском авиаполку.

Жизнь давно повела каждую бывшую летчицу своей дорогой. Эта дорога определилась и у Никулиной. Она живет в Ростове-на-Дону, работает инструктором городского комитета КПСС. В памяти Дины свежи воспоминания о героических днях, о борьбе с врагом во имя свободы, счастья Родины и народа, будущих поколений.

Н. ДЕКАЛЕНКОВА

ПЕРВАЯ В ПОЛКУ

Позади остались темные громады заросших лесом гор. В свете полной луны перед Дусей Носаль раскинулась панорама Новороссийской бухты, города. А вот и цель. Она медленно уходит под крыло самолета.

— Ира, бросай!

Бомбы сброшены. Вот они уже разорвались, осветив на мгновение скопление автомашин и другой техники. Тут же с земли потянулись светящиеся полоски трассирующих пуль — проснулись фашистские зенитчики. Поздно! Задание уже выполнено, и можно возвращаться домой. Дуся начала разворачиваться на обратный курс, осмотрелась — где-то рядом должны быть самолеты Нади Поповой и Марины Чечневой. Действительно, справа что-то блеснуло. Дуся успела рассмотреть длинный и тонкий фюзеляж самолета. Он почти моментально скрылся. «Это не ПО-2... Фашист! — мелькнуло в голове у Носаль.— Опять они ночников пускают...»

ПО-2 идет к горам, к перевалу. «Заправят бензином, подвесят бомбы и опять прилетим сюда, дадим жару фашистам»,— думает Дуся. Но встреча с ночным истребителем не выходит из головы, заставляет вспоминать недавнее прошлое...

* *
*

В мае 1942 года полк прибыл на фронт. Сбылась мечта Дуси: теперь она сама могла мстить фашистам за своего первенца-сына, за разоренную Родину. Сколько времени она мечтала об активной борьбе!..

С первого же дня Дуся постоянно летает на задания. По четыре, по пять и больше вылетов в ночь делает отважная

летчица. Она просится на самые ответственные задания, рвется в бой.

Часто ей говорили:

— Хватит на сегодня, Дуся. Устала ведь.

— Ничего, после войны отдохнем... Вот сделаю тысячу боевых вылетов, тогда, может, поменьше летать буду!

Тысяча боевых вылетов! Кто из девушек их полка не мечтал об этом!.. Но многие думали об этой цифре как о чем-то едва ли достижимом. А Дуся поставила себе конкретную цель: сделать тысячу боевых вылетов, нанести максимальный урон фашистам.

И вот уже отмечался первый своеобразный юбилей — сотый боевой вылет Дуси Носаль. От ее бомб возникло десять пожаров, взорвалось восемнадцать складов с боеприпасами, перестала существовать одна переправа.

2 сентября 1942 года. Сотый боевой вылет. Фашисты остановлены в предгорьях Кавказа. Но они еще сильны, готовятся к новому наступлению, подтягивают резервы, подвозят боеприпасы, горючее.

Задание — бомбить эшелоны врага на станции Ардон. Один за другим уходят самолеты. А вот очередь и Дуси.

К моменту ее подхода к цели станция была ярко освещена САБами. На путях несколько эшелонов. Какой из них выбрать? Вон тот, который разгружают. Не дать разгрузить!

Прямое попадание в один из вагонов вызвало сильный взрыв. Самолет подбросило вверх, тряхнуло раз, другой, а потом уже нельзя было отличить отдельных бросков. На некоторое время самолет потерял управление. Казалось, сейчас он развалится.

Бомбы попали в эшелон с боеприпасами. От взрыва загорелись и стоявшие рядом цистерны с горючим.

Дуся не любила хвалиться своими успехами. Но об этом вылете она написала мужу — летчику, воевавшему где-то на другом фронте:

«И вот ахнули!.. Думала, что и сами вдребезги разобьемся. Страшный взрыв, а затем пожар... Я еще за всю свою боевую деятельность не видела такого пожара после моих бомб...»

Постепенно увеличивается боевой счет. К нему еще прибавилось четырнадцать сильных пожаров, шестнадцать взрывов складов, две переправы...

Двести пятнадцать боевых вылетов. Две правительственные награды украшают грудь Дуси — ордена Красной Звезды и Красного Знамени...

Война продолжалась. Правда, теперь уже немцы отступали, бежали с Северного Кавказа.

Полк жил напряженной боевой жизнью. Полеты, полеты... при любых условиях противодействия фашистов. И на самые ответственные и опасные боевые задания теперь посылали Дусю Носаль — ее авторитет как опытного летчика ни у кого не вызывал сомнения. К концу 1942 года Дусю назначили командиром звена, а потом и заместителем командира эскадрильи.

НОСАЛЬ
Евдокия Ивановна

* * *

ПО-2 медленно приближается к горам. Высота тысяча пятьсот метров. А в голове у Дуси все новые и новые воспоминания. Немцы бегут. Нужно громить их на марше, в местах ночевок. Не дать врагу опомниться, собраться с силами, организовать сопротивление. Огромный фронт — от Воронежа до Кавказских гор — пришел в движение. На запад! Долго, с огромным напряжением сил вся страна ждала этих дней...

Ночь с 9 на 10 декабря 1942 года. Дорога проходит через небольшой населенный пункт Кривонос. Здесь Дуся увидела колонну фашистов. Бомбы, сброшенные с самолета, взорвались в средине колонны.

Февраль 1943 года. Наступление продолжается. И снова от бомб Дуси Носаль взорвалось две автомашины с боеприпасами среди скопления техники у поселка Поповичевская.

Полеты, бомбежки, пожары, взрывы... Несмотря на усталость, девушки полка летали на задания. Усталость... С ней не считались. Нужно летать, бомбить гитлеровцев. Отдыхали между вылетами, сидя в кабине самолета.

«Знаешь, как крепко засыпаешь, когда прилетишь с боевого задания! Только успеешь доложить, сидишь и сразу же незаметно уснешь. Не слышишь, когда подвесят бомбы, заправят самолет горючим! А потом просыпаешься, быстро застегиваешь ремни — и снова в бой!»

Так писала Дуся своему мужу в те дни. А 23 марта 1943 года она сообщила ему о своем новом боевом юбилее:

«Можешь поздравить с трехсотым боевым вылетом (я писала тебе, кажется, что ЦК ВЛКСМ в честь двадцать пятой годовщины РККА наградил меня часами)».

* *
*

...Самолет вдруг резко бросило вниз, к ставшим совсем близкими вершинам гор. «Нисходящие потоки... Не перетянем через перевал... Придется возвращаться к цели и там снова набирать высоту». Дуся посмотрела на высотомер. Вместо тысячи пятисот метров он показывал сейчас только семьсот. Горы здесь значительно выше...

Дуся развернулась и пошла обратно, туда, где несколько минут назад рвались ее бомбы, где и сейчас еще полыхает пожар. Самолет продолжал терять высоту, хотя мотор работал на полных оборотах. «Ничего, сейчас выйдем из этого потока, наберем высоту...»

Выйти из мощного нисходящего потока воздуха удалось только над бухтой. Здесь и стала набирать высоту Дуся Носаль.

Медленно движется стрелка на высотомере, гораздо быстрее проносятся мысли в голове...

Немцы тогда все-таки сумели закрепиться, остановить наступление наших войск. Они создали мощную линию обороны, расхвалили ее как неприступную. Каждую ночь летали девушки на эту «Голубую линию» бомбить узлы обороны, скопления войск. Особенно запомнились полеты на станицу Киевскую. Фашисты сосредоточили там много прожекторов, зенитной артиллерии. Появились и ночные истребители. За одну ночь девушки потеряли восемь подруг: «мессершмитты» сбили четыре самолета...

Тогда быстро нашли способ борьбы. Заходили с территории, занятой противником, бомбили с планирования с приглушенными моторами, и прожектора не успевали поймать ПО-2 в свои лучи.

Ночные истребители оказались бессильными в борьбе с тихоходными и ничем не защищенными легкими самолетами...

И вдруг вспомнилось все предыдущее.

Перед войной Дуся с мужем жили в Бресте — на самой границе. Они мечтали о ребенке, о сыне, но утром 22 июня 1941 года их разбудили взрывы бомб...

Муж начал свою боевую работу, а Дуся поехала к себе на родину. Однако ей пришлось сделать остановку. На свет появился долгожданный сын. Казалось, исполнилось желание супругов. Но война разрушила все мечты, отняла сына. После очередной бомбежки роддом превратился в груды битого кирпича и обломков. С трудом разыскали Дусю под развалинами...

С первых же дней войны Дуся встречается со смертью, видит горе и страдания женщин, детей, всего советского народа. И жгучей ненавистью к врагу наполняется сердце молодой женщины.

На этом испытания не окончились. Дальше пришлось эвакуироваться на автомашинах.

«Наверное, я очень счастливая,— пишет Дуся сестре,— если уцелела одна из двадцати женщин, находившихся со мной в машине. Немцы строчили из пулеметов с бреющего полета, и бомбы сыпались без конца...»

Наконец Дуся в родном селе Бурчай, Михайловского района, под Запорожьем. Здесь в селе ее хорошо помнили. Она всегда была веселой задорной певуньей, хорошо играла на гитаре, плясала. Вокруг нее постоянно собирался кружок молодежи, и там подолгу не смолкали мелодичные украинские песни, слышался веселый смех. Так было и когда она жила в селе, и когда училась в педагогическом техникуме, и когда работала учительницей в Николаеве и одновременно занималась в аэроклубе...

Такой ее помнили все в селе. Но сейчас сюда вернулся совершенно другой человек. Одна мысль постоянно владела Дусей — мстить фашистам за поруганную землю, за разрушенные города и села, за страдания советских людей, за гибель своего сына!.. Она твердо решает идти на фронт.

— Родине нужны такие, как я. Я не могу сидеть в стороне,— говорит она отцу.

Ее зачислили в полк легких ночных бомбардировщиков.

Девушки быстро перезнакомились, сдружились. И в тылу, в период подготовки к боевым действиям, и на фронте весь полк жил как одна дружная, сплоченная семья, связанная единой целью. Успехи отдельных экипажей радовали всех. Особенно большим авторитетом среди летного состава пользовалась

прямая, откровенная, настойчивая и волевая Дуся Носаль. Она любила свою работу, летала с душой, получала удовлетворение от сознания выполненного долга...

* *
*

Самолет медленно набирает высоту. Внизу море. Вверху среди мириадов ярких южных звезд сияет полная луна. Вот в ее свете снова промелькнул силуэт «мессершмитта».

«Что-то он привязался к нам основательно. Увидел, наверное...— и Дуся посмотрела на фотографию мужа, прикрепленную к приборной доске: — Помоги, выручай, дружочек, почему сидишь?!»

Так, она еще совсем недавно писала мужу: «Ты летаешь вместе со мной. У меня на доске приборов вместо часов — твое фото. Кто бы ни посмотрел, говорит, что я хитрая: мне не страшно летать, потому что ты со мной. Иногда случаются тяжелые минуты, посмотришь на тебя и скажешь: «Помоги, выручай, дружочек, почему сидишь?!»»

Эта фотография, может быть, не раз поддерживала Дусю в бою. Ее боевой счет непрерывно увеличивался. Но Дусе все мало. Только триста пятьдесят четыре вылета. До тысячи еще далеко... «Выручай, дружочек, мы еще повоюем!..»

Штурман Ира Каширина увидела, как огненный шар разорвался в кабине летчика. Эта вспышка ослепила ее на минуту... Самолет перешел в беспорядочное падение.

— Дуся! Дуся!!! — Ира схватилась за ручку управления в своей кабине. Ручка не двигалась: Дуся Носаль безжизненно склонилась к приборной доске...

Постепенно самолет начал выравниваться, нетвердо, но все-таки стал держаться на постоянной высоте, а вот и взял курс домой...

Комсомолка Ира Каширина борется за спасение машины. Тяжело ей приходится. Она только недавно стала летать штурманом. До этого работала техником. И вдруг вести самолет в таких условиях...

На аэродроме командир полка, подруги ждали возвращения этого экипажа. Расчетное время кончилось, а его все нет и нет...

Но вот он появился. Летчицы привыкли садиться почти в темноте. Дуся была отличным пилотом. Поэтому, глядя на приземлявшийся самолет, все решили, что с экипажем что-то случилось: это не Дусин «почерк».

Когда подруги подбежали к остановившемуся самолету, то

увидели безжизненное тело Дуси Носаль в передней кабине, окровавленную приборную доску...

Хоронили Дусю Носаль с воинскими почестями в станице Пашковской. Стоял теплый апрельский день. Пышно цвели сады Кубани. Все знали, что Дуся любила природу, цветы. И вот, когда вырос могильный холм в центре станицы, десятки венков из живых цветов от подруг-однополчан и от местных жителей украсили его так, что не стало видно земли...

* *
*

На самолете Дуси Носаль стала летать Ирина Себрова.

В передней кабине, как и прежде, на приборной доске находилась фотография Дусиного мужа. Она была забрызгана кровью Дуси и напоминала о героических делах славной летчицы.

— Когда летишь на задание и смотришь на нее,— говорила Ирина,— сердце наполняется ненавистью к врагу и воюешь тогда с особенной злостью.

Евдокия Ивановна Носаль не сделала тысячи боевых вылетов, как мечтала, но она стала первым Героем Советского Союза в женском полку легких ночных бомбардировщиков.

ИРИНА ЛЕВЧЕНКО

ХОЗЯЙКА ТАНКА

Пополнение в гвардейскую танковую часть прибыло дождливой сентябрьской ночью.

Танкисты выбрались из теплых землянок и с интересом рассматривали проходившие мимо новенькие танки. На башне одного из них мелькнула белая надпись.

— «Боевая подруга»,— прочел кто-то вслух.

Танк сразу привлек к себе общее внимание. «Боевую подругу» окружили танкисты.

— Товарищ, скажи, пожалуйста, что это за танк такой особенный? — окликнул молоденький сержант танкиста, склонившегося над трансмиссионным люком.

Танкист поднял голову — на собравшихся глянули темные серьезные глаза.

— Почему особенный? Обыкновенный «Т-34»,— мягким грудным голосом ответил танкист.— Разве у вас не такие машины?

Но ему никто не ответил. У бывалых гвардейцев будто отнялся язык. Не отрывая глаз, смотрели они на выбившиеся из-под пилотки мягкие волнистые волосы. «Женщина?!»

Женщина в комбинезоне легко спрыгнула на землю.

— А-а, вы, наверное, про название спрашиваете? Я не поняла сразу. Называется наш танк «Боевая подруга»,— мне разрешили его так назвать. Разве нехорошо?..

— А ты... а вы кто будете? Машину приехали передавать? — решился наконец на вопрос тот же молоденький сержант.

— Нет, зачем же передавать? Я механик-водитель этого танка. Буду вместе с вами воевать, так что давайте знакомиться: сержант Октябрьская,— представилась женщина и улыбнулась.

ОКТЯБРЬСКАЯ
Мария Васильевна

Танкист осторожно взял протянутую руку и задержал ее в своей, нерешительно взглянув на тонкие длинные пальцы.

— Механик-водитель?..— пробормотал он.

Танкисты обступили Октябрьскую. Теперь они разглядели усталые морщинки под ее глазами и мысленно определили возраст — за тридцать. И то, что перед ними серьезная взрослая женщина, значительно старше многих из них, расположило гвардейцев к необычному механику-водителю.

Хотелось расспросить Октябрьскую поподробнее о том, откуда она, как стала танкистом, почему ей разрешили так назвать танк. Но задавать такие вопросы как-то неловко незнакомому человеку, да еще женщине, и потому разговор шел по проторенной профессиональной дорожке, мужской разговор: где училась, сколько часов успела наводить, как ведет себя «Боевая подруга».

Вечером в гости к экипажу «Боевой подруги» собралась чуть ли не вся рота.

Большая землянка, в которой до сего дня жили автоматчики комендантского взвода, преобразилась. Дальний угол ее отгорожен плащ-палаткой. Самодельный стол — козлы, на них дощатый щит,— вечно заваленный у прежних хозяев очистками воблы-таранки, обрывками газет, обмусоленными «бычками» самокруток — «козьих ножек», стол, казалось, навечно засаленный и грязный, был отчищен, если не до блеска, то во всяком случае до восстановления естественного цвета досок. Посреди стола в пустой снарядной гильзе еловые ветки. Земляной пол подметен, и танкисты невольно замешкались у порога — сапоги в глине.

— Заходите, заходите, чаю попьем, познакомимся,— мягко

сказала Октябрьская.— У меня повидло есть, друзья перед отъездом на фронт подарили.

Прямо в ведро высыпана заварка. Кто-то сбегал к старшине за ржаными солдатскими сухарями. Макали сухари в горячий душистый чай, мазали повидлом и никак не решались начать главный разговор.

И висел в воздухе невысказанный вопрос: кто ты такая, механик-водитель Октябрьская?

Миша Галкин, радист «Боевой подруги», наконец, не выдержал:

— Мария Васильевна, расскажите о себе. Нас сегодня совсем замучили расспросами о вас. Лучше сами расскажите, а то вам уже начинают такие замысловатые биографии придумывать, что я и не знаю...— развел он руками.

— Что же... Я расскажу,— согласилась Октябрьская,— только вот не знаю, как начать.

— А вы попроще...— попросили ее.

— Я и не умею не просто. Начну с того, что до войны я была очень счастлива.

Мария Васильевна задумалась, даже прикрыла рукой глаза. Октябрьскую не торопили. А она вспоминала...

...Давно, как давно это было. Муж, Илья Федорович Октябрьский, получил назначение комиссаром полка в Изяславль. Приехали. Город маленький, грязный, старые низенькие дома, один кинотеатр, рабочий клуб.

Военный городок только еще строили. Впрочем, очень скоро солдаты уже разместились в просторных казармах, а командиры с семьями — в квартирах новых четырехэтажных домов. Сразу же открылся и новый клуб.

Трудно даже сказать, кто больше полюбился в полку — комиссар или его жена. Комиссар Илья Федорович — человек простой, душевный. Умел и строгим быть, умел и подойти как бы невзначай к человеку, будто ни о чем поговорить, пошутит, а на самом деле обо всем главном расспросит и поможет потом так же просто, как бы между делом. И жена ему подстать. Красивая, умелая на все руки, о людях заботливая.

Это благодаря заботам Марии Васильевны солдатские казармы приняли уютный, домашний вид. Организовала кружок вышивки для жен командиров. Сама-то рукодельница настоящая. И появились в казармах портьеры на окнах и дверях, расшитые крестом и гладью, салфетки на тумбочках.

И цветы, пусть не в вазах — в банках, а все-таки живые цветы. Это Мария Васильевна ввела такое красивое правило: кто выезжал в воскресенье в лес, должен в казарму цветы привезти. Очень любила живые цветы. И дома у нее всегда полно цветов.

Любила Мария Васильевна красиво и нарядно одеваться. Но тряпками не дорожила. Пришла как-то в казарму в белом крепдешиновом платье, вышитом синими васильками, увидела — молоденький солдат пол моет. Не моет, грязь только размазывает. Подоткнула комиссарова жена юбку да и вымыла пол в той казарме как надо — по-хозяйски. Поучила парня.

После этого случая чуть не поссорилась с подругой. Та сказала:

— Зачем тебе надо полы мыть? Ты жена комиссара, смотри, авторитет его уронишь.

Мария Васильевна — человек спокойный, уравновешенный, а тут вскипела:

— Никакая работа человека не унижает, если она для людей и на благо людей. Я жена комиссара Красной Армии. Значит, я должна быть ему во всем помощницей. И все уметь, что бойцу положено. Сегодня я красноармейца научила, как полы мыть,— мне это лучше знать: женское дело. Завтра он меня из винтовки стрелять научит — вот и будем мы с ним, с бойцом, во всем равны.

Она глубоко верила в то, что жена командира — это настоящий боец. В этом у Марии Васильевны была глубокая убежденность, она даже сформулировала нечто вроде присяги: «Вышла замуж за воина — и ты служишь в армии; жена командира — гордое звание и обязывающее».

И она приняла эту присягу для себя на всю жизнь. На всю жизнь, если бы не война... Впрочем, и в войну тоже не забыла. Не забыла счастья своего. Красивая любовь была у Ильи и Марии Октябрьских, большая, верная, сильная и веселая, так что рядом с ними людям теплее становилось.

— Да-а, я была очень счастливая,— снова заговорила Мария Васильевна.— Чудесный муж у меня был, настоящий комиссар. А мне всегда казалось, что жена командира должна владеть какой-нибудь военной специальностью. Умела я стрелять из пулемета, винтовки, нагана. Научилась водить машину. Занималась и в санитарном кружке, но меня влекла боевая военная специальность. Я не хочу сказать, что служба санита-

ров не боевая,— может быть, я неправильно выразилась, но мне хотелось владеть такой военной специальностью, которая дала бы мне возможность, если потребуется, самой сражаться с врагом, поэтому я и предпочитала пулемет санитарной сумке...

Ну, а потом началась война,— посуровевшим голосом продолжала Октябрьская,— часть наша стояла почти что на границе и вступила в бой в первый же день войны. До нашего городка доносилась глухая стрельба, потом она стала совсем близкой — фашисты прорвались. Нас, женщин, так срочно эвакуировали и все мы были так потрясены разразившимся над страной несчастьем, горькой разлукой с мужьями и братьями, разлукой, таившей в себе неизвестные, тяжелые испытания, так ошеломлены, что я даже забыла о своей военной специальности и о том, что я могла бы остаться в части, хотя бы солдатом.

Я не была на фронте до приезда сюда к вам, но с фашистами встретилась намного раньше. На наш поезд, в котором были только женщины, дети и старики, напали фашистские самолеты. Все можно забыть: и вой падающих бомб, и страшные их разрывы, и даже крики испуганных беззащитных людей. Но нет сил забыть безжизненное тельце ребенка на руках у обезумевшей женщины, или раненого малютку, тщетно ожидающего помощи от своей убитой матери. Я видела все это, и я не забуду...

Это «не забуду» прозвучало сурово и с такой внутренней силой, что у бывалых танкистов перехватило дыхание.

Томск — город многочисленных вузов, старинного университета.

Дивные синие дали за рекой Томью, таежные чащобы на север и прекрасный университетский сад, где, как в улье, постоянное тихое жужжание — детские голоса: полон сад детворы.

В эту тишину, мир, покой, учебу внезапно, как в жизнь всей страны, ворвалась война. Сама-то война далеко от Томска, да горе, ею принесенное, докатилось до далекого тыла с эшелонами раненых, эвакуированных, с оборудованием спасенных заводов.

Людей надо разместить, устроить на работу — дел, как говорится, непочатый край: заводы, эвакуированные на восток, должны в кратчайший срок пустить в ход здесь на сибирской земле.

Заведующая отделом пропаганды одного из томских райкомов Серафима Константиновна Власова уже несколько суток

не выходила из райкома. Как уйдешь, когда люди идут и идут и невозможно отказать им в приеме, в добром слове, в помощи!

Город сковала сибирская студеная зима. У эвакуированных почти нет зимней одежды. Нужно всех обеспечить топливом, одеждой, пайком. Плачет женщина, рассказывая о своем городе: погиб муж, сын убит при бомбежке — своими руками хоронила. Дайте работу, без дела с горем сидеть — лучше умереть.

А тут еще ребят привезли из Ленинграда. Надо кого-то найти, человека хорошего, чтоб занялся детьми Ленинграда. Эту плачущую женщину? На первый взгляд все как будто так, но потому-то и шли люди к Серафиме Константиновне, что умела она не просто по первому взгляду — по глубокому существу разобраться в человеке, в нуждах его.

Рыдает женщина, ей самой помощь нужна, ее надо саму и пригреть и поддержать. Ослаб человек от беды. Больным ребятишкам сила нужна. Направила Серафима Константиновна посетительницу на завод — в рабочем коллективе найдет та необходимую поддержку.

И вот уже другая женщина входит в кабинет. Глянула на нее Серафима Константиновна и невольно приподнялась навстречу. Бывает так: придет человек к тебе, поговоришь с ним, а потом спроси, какой он, тот человек, не сумеешь ответить. Дело, с которым приходил он к тебе, может, и вспомнишь среди многих дел, а его — нет. Ту, что вошла, увидишь — навсегда запомнишь. Высокая, в военной шинели, ловко облегающей ее статную, чуть полную фигуру, из-под низко надвинутой на лоб казачьей папахи глядят большие темные, тоскующие глаза. Лицо красивое, измученное внутренней болью, суровое.

— Я эвакуированная,— сказала женщина.— Фамилия моя — Октябрьская. Пришла к вам — дайте работу.

— У вас семья, дети?

— Нет у меня никого. Теперь уже нет... Вчера похоронка пришла.— У женщины дрогнул голос, и Серафима Константиновна вдруг испугалась: неужели и эта, такая гордая, сейчас рухнет головой на стол и зарыдает по-бабьи в голос. Почему-то очень хотелось, чтобы именно эта женщина сумела сдержать себя.

А женщина стояла как каменная, только рука, та, что сжала невольно петлицу шинели, чуть дрожала. На петлице — четыре прямоугольные вмятины: от четырех шпал.

«Мужнина шинель,— поняла Власова.— Полковник муж или полковой комиссар...»

— Садитесь. Расскажите все. Так легче. Мне все рассказывают. Райком. Как вас зовут?

— Мария Васильевна.

— Говорите... Машенька.

Женщина опустила голову. В тихой комнате раздался глухой, протяжный звук. То ли приглушенный стон, то ли вьюга за окном. Октябрьская медленно опустилась на стул, долго изучающе смотрела в лицо Серафиме Константиновне, милой женщине с добрыми глазами,— веки чуть припухли, покраснели от бессонницы,— и заговорила.

Долгий это был разговор, хотя Мария Васильевна говорила скупо, лаконично. Начало войны. Первая бомбежка. Эшелон с эвакуированными. Два месяца уже в Томске, два месяца, скованных ожиданием: придет письмо от мужа — поедет к нему, на фронт. Пришла похоронка.

Нет, она не рассказала о том, какую пережила сегодня ночь. Незачем знать, даже этой маленькой усталой женщине из райкома, как металась по комнате, обхватив голову руками, как, сжав зубами угол подушки — чтоб не слышали соседи — глухо рыдала, как вытащила из чемодана мужнину гимнастерку, шинель, прижалась к ним лицом, последний раз дышала Ильей, его теплом. И как, уже без слез, аккуратно снимала шпалы с петлиц, сложила их в расшитый кисет — Илье вышивала подарок, все на фронт кисеты посылают. Если есть кому посылать...

Надела утром шинель и пошла на улицу, к людям. Шла по улице, словно бы и не знала, куда идет, а как увидела: «Райком ВКП(б)» — поняла: здесь конец ее дороги и начало пути, который она определила себе, надев шинель комиссара Ильи Октябрьского.

«Вы поймете. Я знаю. Не покрасоваться надела я шинель. И не от нужды. У меня пальто есть, зимнее, хорошее. Я жена комиссара, это — гордое звание. Я должна быть достойна его. И всех тех, кто погиб. Какие погибли люди! Как хорошо, дружно жили. И вдруг война, как в степи ураган,— в один миг, в один час все смешала, унесла жизни, счастье. Вы понимаете, да? Я должна. Перед этой шинелью. Перед Родиной. За всех счастливых, за всех, кто будет счастлив после войны,— понимаете, я должна что-то сделать. Быть полезной».

Нет, она не плакала. Но по складочкам на лбу, по ввалившимся глазам с темными кругами, по невысказанной грусти в голосе видно было, как ей тяжело.

Серафима Константиновна умела понимать и человеческие радости и горе. Многих перевидела она на этом стуле, столько

выслушала горестных трагических историй. Но что-то в этой женщине особенно привлекало. Нет, не внешняя красота — хотя и очень хороша собой,— а внутренняя сила. Вот и говорит как будто обыкновенно о своем, о личном, а за этим всем чувствуется большая тревога о большом и главном — о Родине, истекающей кровью в борьбе с жестоким и сильным врагом, о людях, которые обязательно должны вновь обрести потерянное и поруганное счастье.

«Словно ты сама, Россия, пришла ко мне, прекрасная, могучая, с душой для друга открытой да доброй, к врагу беспощадной и суровой. Сердце у тебя в кулак зажато, да сердце-то теплое, живое, человечье, русское. Такое сердце ни пуля не испугает, ни труд тяжелый. А беде людской настежь распахнется»,— подумала Власова и невольно улыбнулась. Всю жизнь собирает Серафима Константиновна сказы и былины Урала да Сибири: а увидела хорошего человека, чуть сказ не сложила. А может, это уже было в сказах-то о России...

Октябрьская заметила ее улыбку, нахмурилась.

— Машенька, дорогая, я тебе дело одно нашла. Сходи в детский дом. Ленинградских детей привезли. Получше надо дом этот устроить. Директор там вроде не очень справляется. Так ты помоги. Потом зайди — расскажи, как там.

— Мне хотелось... Я думала... Может, вы поможете — на фронт,— растерялась от неожиданности Мария Васильевна.

— Иди, Машенька. Увидишь — это боевое задание. И еще много будет. В тылу тоже дело для тебя найдется. Настоящее.

Мария Васильевна прибежала в райком часа через два.

— Я все поняла. Спасибо. Кровь стынет в жилах, как на этих ребят посмотришь. Можете мне верить. Я все сделаю.

Она сделала много. Сумела организовать женщин-домохозяек. Собрала теплую одежду, обувь. Женщины стали ходить в детский дом дежурить, особенно у больных детей. Ребята поправлялись, жизнь детдома наладилась.

Октябрьская получила второе задание, третье, а потом и счет им потеряла. Уже на многих предприятиях города, в госпиталях, школах знали внештатного пропагандиста райкома Марию Октябрьскую. Вот же открылся талант у человека — она стала таким пламенным оратором, так прямо и так горячо говорила, что люди после встречи с ней словно бы очищались от житейской накипи, и жизнь и работа для каждого приобретала особое, важное значение. И прозвали ее Мария — Россия. Угадала Серафима Власова, старая коммунистка, главное в Октябрьской, люди вот тоже приметили.

С того первого дня Октябрьская стала не гостем — своим человеком в райкоме. Придет, сядет около Серафимы Константиновны, иногда просто посидит и уйдет.

— Что приходила-то?

— Да так. Забежала в свой штаб. Ровно и незачем, а вот зайдешь, посидишь, почувствуешь огонек партийной работы, и жизнь не то что легче — стройнее как-то становится.

Вызвала как-то Власова к себе Марию Васильевну.

— Помоги, Машенька. Девушек в нашем районе человек сто мобилизовали в армию.

— Я поеду с ними, за старшую?

— Нет, пока не твой черед. Другое дело: проводить надо девушек, чтоб красиво. Понимаешь, Машенька, что меня волнует? На фронт едут. Матери по сыновьям плачут. Как бы не получилось очень уж печально: девчонки все-таки, на войну — каково матерям?

— Я подумаю,— сказала Октябрьская.

И придумала. В школе был организован бал с военным оркестром, танцами. Молодых рабочих пригласили, студентов. Девушки, те, кому в ночь уезжать на фронт, пришли все в самых лучших своих платьях.

В большом школьном зале жужжание голосов, тихо что-то играет оркестр. Но никто не танцует, ждут.

Открылась дверь, и вошли знакомые, любимые учительницы, праздничные, нарядные, а впереди красивая женщина в белом платье, расшитом синими васильками.

Женщина подняла руку. В зале стихло. Женщина сказала:

— У каждого из вас в жизни уже был выпускной вечер, когда вы покидали школу — уходили в большую жизнь. Сегодня у девушек, уезжающих в действующую армию, еще один выпускной вечер. Мы провожаем вас, дорогие, в суровый путь мужества и отваги. Пусть в трудную минуту вспомнится вам эта школа, и вальс, и шумный бал. Вы едете сражаться за то, чтоб у всех людей, чтоб у ваших младших сестер, у ваших будущих детей была школа, вальс, выпускной вечер, но чтоб их за дверями школы ждали мир и радость.

— А где мы будем переодеваться? — спросила девушка в ярко-алом платье.

— Внизу, в учительской. Там все приготовлено. Из школы вы выйдете солдатами.

Мария Васильевна, а это была она, пригласила директора школы, и вот первая пара уже закружилась в вальсе.

Незаметно, одна за другой покидали уезжающие девушки зал и спускались в учительскую.

Вот уже на темной улице стоит строй девушек-бойцов. Резкие слова команды, и строй, неумело, не в ногу двинулся к вокзалу. Впереди шла высокая женщина в военной форме. Ветер распахивал полы ее шинели и тогда трепетали на морозном ветру синие васильки...

Как-то вечером пошла Серафима Константиновна Власова к своей Машеньке. Долго искала дом, а когда нашла, когда вошла в комнату, расстроилась. Дом — старая лачуга, комнатушка крохотная, сырая, холодная. Вся мебель — железная кровать да тумбочка.

— Эх ты, а еще друг! Что же не сказала никогда, как трудно живешь,— посетовала Власова, а сама подумала: «Это я — «эх ты, друг»: не спросила».

— Что говорить? Всем трудно, не мне одной.

— Постой, ты говорила, что успела вывезти все вещи, даже ковры. Где все? — недоуменно оглядывалась Власова.

— Все это чепуха — вещи. На что они мне?

— Неужто все прожила?

— Да нет. Просто, дело одно задумала.

— И я к тебе по делу,— вспомнила, зачем пришла, Власова.— Завтра поедем мы с тобой на совещание женщин Сибири, женщин — передовиков промышленности и сельского хозяйства. Собирайся, в Новосибирск едем.

И вот Новосибирский оперный театр. Съезд женщин Сибири. Одна за другой поднимаются на трибуну женщины, рассказывают о своих заводах, колхозах, о делах больших и малых, но для каждой очень нужных и главных.

Мария Октябрьская сидела в президиуме задумчивая, чуть печальная. Женщины с трибуны говорили о работе, о своем деле вдохновенно и как-то радостно. Что она может рассказать? Пропагандист, агитатор. Конечно же это важно и нужно, но все-таки как хочется что-то делать не только словом, пусть даже пламенным,— руками!

На трибуне Зоя Летуновская, машинист тяжелого «ФД». Как всколыхнул зал ее призыв к женщинам не бояться техники, машин, скорее и смелее браться за овладение техникой.

Октябрьская подалась вперед: «Ах, какая ты молодчина, Зоя».

Мария Октябрьская в перерыве обняла Зою:

— Дорогая моя, можно я вас расцелую. Если б вы знали, как вы со своим «ФД» помогли мне.

— В чем? — растерялась Зоя.

— Уже звонок,— вместо ответа сказала Октябрьская.— Сейчас я буду выступать — скажу.

И она сказала.

— Я вношу предложение здесь же собрать деньги и купить боевой самолет для фронта — от женщин Сибири.

Зал охнул от аплодисментов.

Мария Васильевна переждала и сказала просто:

— Значит, можно считать — самолет купим. А я...— она замешкалась: — Я куплю танк. И хочу сама повести его в бой. Я послала деньги и свою просьбу в Москву. Ответа еще нет, но я уверена — мне разрешат.

В перерыве теперь уже Зоя обнимала Марию Васильевну и в тон ей сказала:

— Разрешите мне вас поцеловать.

Они не расставались ни в этот день, ни в следующий, до конца совещания. Маленькая, даже щупленькая Зоя, мать троих детей, домохозяйка из Ленинграда,— машинист тяжелого «ФД» и Мария Октябрьская — жена погибшего комиссара, будущий водитель танка. Они искали друг у друга поддержку и силу духа и находили ее каждая в другой. Дочери России...

Как клятвой, обменялись записями в блокнотах — на память: «Танк будет силен только при твоем мужестве, при твоей силе воли. И если будет момент, когда машина не сможет больше вынести, всю силу воли, весь гнев к врагу, всю любовь к Родине направь в свои руки, собери в сердце, и машина послушается тебя, и ты вместе с ней преодолеешь все. Зоя».

«Береги детей, расти, воспитывай, каждый день помогай фронту. Каждый поезд, каждый эшелон, доставленный тобою, будет помощью фронту, вези танки, снаряды, уголь. Твой образ будет всегда со мной. Желаю тебе счастья встретить своего мужа. Мария».

Они вместе пошли в обком. Зоя ждала на улице. А когда наконец открылась тяжелая дверь и появилась Октябрьская, Зоя увидела и растерянно-радостную улыбку ее, и следы слез, и почти невидящий взгляд ошалело-счастливых глаз. Зоя поняла: разрешили.

— Зоенька, я придумала ему имя.

— Кому?

— Танку, конечно. Я назову его «Боевая подруга». Сначала хотела «Илья Октябрьский», потом подумала: несправедливо будет. Не один мой Илья погиб. Да, да, это правильно — «Боевая подруга» — тут все, весь смысл. Значит, не он, Илья, и не я одна —со всеми вместе, и вы все, все боевые подруги со мной.

...Воспоминания, воспоминания. Многое вспомнилось, да разве все расскажешь! И не такой она человек — не любит много о себе рассказывать. Мария Васильевна окинула взглядом притихших в ожидании танкистов и мягко сказала:

— Вы не сердитесь. Не умею я красиво рассказывать. В жизни все ведь намного проще. Не помню, говорила ли? В эвакуацию попала в Томск. Пришла в райком партии. Стала работать агитатором, пропагандистом. Всяко, конечно, бывало. Помню, ехали мы из одного колхоза с заведующей отделом пропаганды райкома Серафимой Константиновной Власовой, ехали в санях. Мороз, вьюга. И стала наша лошаденка — ни тпру ни ну, ни с места. Сидим мы, обнялись — так теплее. Серафима Константиновна сказ старый рассказывает. Много она сказов знала, всю жизнь собирает. Хороши те сказы и былины о людях, простых рабочих, о богатырях русских, о любви верной. Один сказ очень любила я — о скромной героине из Томска Паше Астафьевой, как она в революцию пришла, как еще до Октября марксистскую литературу распространяла.

Ну, сидим, я слушаю, Серафима Константиновна рассказывает, как сказительница, чуть нараспев. А вьюга ей подпевает во весь голос. И волки тоже. Вам, фронтовикам, смешно,— волков испугались, а нам тогда не до смеху было: волчья стая, да ночью, да в лесу — страшно. Только волки те нас, наверное, от смерти спасли. Замерзли бы мы, не тронься с места наша лошаденка. А она почуяла волков — откуда силы взялись! — как рванула, как помчалась, едва в селе остановили.

Что-то я не то говорю, да? Право же, не умею рассказывать. Девушек я на фронт провожала, сто девушек. Как уехали они, словно душу мою с собой увезли. Места себе не находила.

Сбережения были кое-какие с довоенных времен, вещи продала. Сдала деньги в банк, а квитанцию с письмом — в Москву: хочу, мол, танк купить и, как его хозяйка, сама его и водить.

Разрешили, как видите. Училась. «Боевую подругу» свою приняла. Потом маршевая рота, и вот мы у вас. Вот и все.

Она не рассказала, а может, сама не ведала о том, что воинский подвиг ее начался еще в классах, на полигоне учебного танкового полка.

Единственным стремлением Октябрьской, главной мыслью, занимавшей ее, было скорее повести в бой свою «Боевую подругу». И этот день, день ее первого боя наступил.

Нетерпеливо ждала Мария Васильевна сигнала атаки. Вот сейчас... еще несколько минут, и ее «Боевая подруга» стремительно пойдет на врага.

Наконец-то она услышала команду: «Вперед!» Руки привычно легли на рычаги, и Октябрьская почувствовала, что она одно целое со своей грозной машиной.

Ей кажется, танк идет не очень быстро, мешает мелкий лесок, который подминают под себя машины. Что-то уж очень долго идут они — не заблудился ли командир?.. Но сейчас она не должна ничего спрашивать, она механик-водитель и должна выполнять приказы командира. Вдруг лес кончился, и Октябрьская увидела раскинувшееся перед ней поле, изрытое траншеями, и частые всплески взрывов. Потом она заметила людей, бегущих рядом с танком. Мария Васильевна не сразу сообразила, откуда они взялись. Только переехав какой-то неширокий ровик, поняла, что это наши траншеи, а люди — пехота, поднявшаяся за танками в атаку.

Танк шел, легко повинуясь ее воле. И от этого беспрекословного послушания машины, оттого, что здесь, в поле, изрытом и израненном, вокруг нее так много людей, что — она знала — рядом идет еще много таких танков, как ее, Октябрьская почувствовала, как исчезло напряжение и появилась удивительная легкость во всех движениях. На сердце стало спокойно и радостно. Она ведет в бой свою «Боевую подругу», и она чувствует, что ее танк — действительно боевая подруга для тех пехотинцев, которые так уверенно идут в атаку.

Танк легко смял проволочные заграждения. «Не намоталась бы проволока»,— подумала Октябрьская и вдруг увидела поднявшуюся с земли человеческую фигуру. Прежде чем она рассмотрела ее, поняла: враг! Немец поднял руку с гранатой... Танк всхрапнул, гитлеровец оказался под гусеницей. Неразорвавшаяся граната ширкнула по броне.

На вражеский пулемет Октябрьская повела машину спокойнее. Танк деловито проехал по месту, бывшему за минуту до того грозной для пехоты огневой точкой, и, не задерживаясь, помчался дальше.

Выйдя из танка после боя, она почувствовала, что у нее немного кружится голова. Она и не знала отчего: от яркого света, от свежего воздуха или от радостного сознания своего первого боевого успеха. Долгим ясным взглядом окинула Мария Октябрьская равнину, бывшую недавно полем боя, родную землю, только что отвоеванную у врага.

День этот был для Октябрьской большим праздником: она открыла свой боевой счет, она мстит врагу, уничтожает фашистов мощным оружием. Теперь она твердо знает, что

справится в любом бою со своей нелегкой работой, знает: не подведет хозяйку ее танк «Боевая подруга».

Однажды командир танка младший лейтенант Чеботько сказал Октябрьской:

— Мария Васильевна, вы знаете, мы очень-очень уважаем вас и ценим, как хорошего водителя. Поймите, пожалуйста, меня так, как надо, я не хочу вас обидеть... Видите ли, наш корпус будет вводиться в прорыв. Бои в оперативной глубине противника особые: напряжение огромное, а отдыха никакого. Вы женщина, трудно вам будет. Не обижайтесь, но хватит ли у вас сил? Ведь, может случиться, неделю, две, день и ночь — и все бой.

— Я хочу, чтобы этот разговор был первым и стал последним на эту тему,— ответила Октябрьская.— У меня должно хватить сил на все, что нужно выполнить солдату. Ну, а если... если не хватит сил, если станет трудно, мне поможет любовь к Родине, к моему народу; если и тогда все же будет трудно — ненависть к врагу, к самому фашизму, скопившаяся в моем сердце, поможет мне.

— Ой, Мария Васильевна, как здорово вы это сказали.

— Это не я,— призналась Октябрьская.— Это мне все подруга на память подарила. И она показала младшему лейтенанту уже пожелтевший листок из блокнота, а на нем памятная запись Зои Летуновской.

— Машинист на «ФД»,— с уважением сказал Чеботько,— тоже дело нелегкое. Из своего опыта небось такое вам написала. Что ж, будем воевать вместе, во всех условиях.

Танковая часть вела тяжелые бои, но Марию Васильевну не покидало появившееся в первом бою чувство легкости и уверенности. И когда ее танк оказался один на один с вражеской пушкой, Октябрьская уверенно повела машину прямо на нее. Около орудия в страхе заметался расчет...

Фронт отодвигался на запад. Позади Смоленщина. Гвардейская танковая часть участвовала в освобождении Белоруссии.

Мария Васильевна была уже опытным боевым механиком-водителем. В бою перед Новым Селом «Боевая подруга», как всегда, шла в первых рядах атакующих танков. Перед селом тянулось большое минное поле, а за ним — вражеские траншеи. Бой был жестокий. Враг отчаянно сопротивлялся. Медленно продвигаясь вперед, советские танки миновали три траншеи врага и подходили к четвертой. Вдруг машина содрогнулась и, резко вильнув влево, остановилась.

Мина! Сорвало гусеницу? Надо выйти, проверить, исправить. Октябрьская крикнула Галкину:

— Люк, скорее!

Миша Галкин уже и сам пытался открыть десантный люк. Но выйти из него невозможно: грунт мягкий, танк тяжело осел, почти касаясь днищем земли.

Октябрьская заглушила мотор. В наступившей тишине — отчетливый цокот пуль по броне снаружи. Внезапно справа — грохот: разрыв снаряда — один, второй... Бьют по танку?! А он, танк, один на поле, недвижим, беспомощен — огромная и такая заманчивая мишень для врага.

Октябрьская перегнулась через спинку сиденья и постучала ключом по сапогу командира танка: такой у них был условный сигнал тревоги на случай неисправности ТПУ*. Тишина выбила из колеи, показалось, что все в машине нарушено.

Лейтенант Чеботько крикнул, да так громко, что задребезжало в наушниках шлемофона:

— Сейчас, Васильевна, погоди. Справимся.

И тут же танк дрогнул от выстрела собственной пушки: подбитый, танк вступил в неравный бой с артбатареей противника.

Еще один недалекий разрыв... А что, если следующий снаряд по танку? И тогда... О, она уже видела, как горят танки! Не всем, далеко не всем танкистам удается выскочить из танка. Погибнут? Все погибнут. И Миша Галкин, и Генка Ясько и Чеботько — ее мальчики, которых она, тридцативосьмилетняя женщина, называла своими сынами, а они — она знает — нежно говорили о ней: наша мама. Только ей не говорили, чтоб не обидеть невзначай. Они так берегут ее. Вот и сейчас. Чеботько открыл огонь, ведет бой. Будь на ее месте другой механик-водитель, наверняка приказал бы командир: выйти из танка, исправить повреждение.

Такие мысли долго писать — в напряженные, жизненно-ответственные минуты, не минуты, а мгновения, они возникают, пролетают с необыкновенной быстротой. Так же принимаются и решения.

Мария Васильевна решилась: командир молчит, она приказала себе. Быстрым движением откинув свой люк механика-водителя, она буквально выбросилась из танка. Упала на землю. Длинная автоматная очередь взметнула фонтанчики липкой грязи у самого ее лица. Октябрьская инстинктивно отпрянула, прижимаясь к земле, но тут же быстро поползла, уже не обращая внимания на пули...

Гусеница разбита, но из строя вышли всего два трака. Миша

* ТПУ — танковое переговорное устройство.

Галкин — и как он только успел! — уже снимал с брони запасной.

Без устали била танковая пушка, пулемет держал на значительном расстоянии вражеских автоматчиков. Рвались кругом снаряды. Танк окутало дымом разрывов. Мария Октябрьская и Миша Галкин исправляли поврежденную гусеницу — откуда и силы взялись!..

Долго ли длилась их работа — трудно сказать. В бою мгновение тянется порой как вечность, а час пролетает как мгновение. На этот раз все обошлось благополучно: гусеница натянута, танк ожил и с новой, словно бы саккумулированной за короткую смертельной опасности остановку энергией и силой ринулся в атаку.

Это только один бой, один день Марии Октябрьской. А сколько их боев, боев... Никто не вел им счета. Сама хозяйка танка вела другой счет: сколько освобождено сел и городов да сколько уничтожено танков и орудий врага. Не для показа — для себя. И после каждого боя мысленно встречалась она с комиссаром Ильей Октябрьским, отчитывалась перед ним — ведь сражалась она за двоих, единственный оставшийся в живых член когда-то счастливой семьи. Мария Октябрьская мужественно вела свой танк на запад. Она участвовала в тяжелом и победном наступлении, завершившемся изгнанием гитлеровцев с родных полей, родной земли.

И случилось... Не всякий раз удавалось танкистам под огнем восстановить поврежденный танк. Опять разрывы вражеских снарядов справа и слева: подбитый танк — такая заманчивая мишень для врага.

Осколки, осколки, горячие, зазубренные... Красные пятна возникают вдруг на синем комбинезоне и расползаются... Мария Октябрьская выронила из обессилевшей руки инструмент и приникла к земле... Весть о том, что бесстрашная хозяйка танка ранена, разнеслась с той быстротой, с какой неведомым путем распространяются в бою и хорошие и печальные вести, становясь нервом атаки, удесятеряя силу идущих в бой. А санитары, рискуя жизнью, выносили раненую в безопасное место.

...В Смоленске на крыльце школы плакала молоденькая сестра. Два офицера замешкались, не зная, как пройти. Один спросил:

— Госпиталь здесь?

— Здесь,— кивнула девушка.

— Вы не знаете, Мария Васильевна Октябрьская...

Девушка вскочила так стремительно, что офицеры даже отпрянули.

— Вы ее товарищи? Скорее идемте. Может быть, радость...— воскликнула девушка, торопливо вытирая рукавом слезы.— Идемте же. В одиннадцатой палате она.

У дверей одиннадцатой палаты задумчиво стоял врач.

— Тише,— сказала девушка офицерам.— Владимир Васильевич, они вот приехали к Марии Васильевне.

— Не надо,— сказал врач.

— Что?! — вскрикнула девушка и прихлопнула рот ладонью, чтобы удержать этот крик.

Один из офицеров отстранил девушку, шагнул вперед:

— Простите, доктор, но мы должны войти. Я из штаба фронта. Сержанту Марии Васильевне Октябрьской присвоено звание Героя Советского Союза. Ввиду ее тяжелого ранения нам разрешено вручить ей грамоту Героя, Золотую Звезду и орден Ленина здесь, в госпитале. Все здесь.

— Мария Октябрьская умерла от ран пятнадцать минут назад.

Девушка-медсестра вздрогнула, встряхнула головой, словно сбрасывая оцепенение, твердо шагнула к двери, взялась за ручку. Врач вопросительно взглянул на нее.

— Я должна... к ней. Она меня на фронт провожала. В Томске. Семьи у нее нет. Никого нет. Я должна... ее проводить.

Это было в марте 1944 года.

Марию Васильевну Октябрьскую похоронили у стены Смоленского кремля, на берегу Днепра. Отсюда видна необъятная ширь русской земли, поля, на которых мирно работают советские люди, новые красивые села и города — все то, что так любила и за что отдала жизнь русская женщина.

Нет, это неверно, что вся семья патриотов Октябрьских погибла и не осталось никого — ни детей, ни родных. Есть вечная семья воинов, преклоняющаяся перед мужеством, верностью и бесстрашием. И я, рядовой член этой семьи, записала то, что удалось мне узнать о жизни и подвиге Марии Октябрьской, чтобы отдать эти страницы ее бессмертию.

В. ГРИЗОДУБОВА,
Герой Советского Союза

ДОЧЬ НАРОДА

За штурвалом самолета летчица в авиационном шлеме, с пытливыми, необычайно зоркими глазами. На ее лице ласковая, чуть озорная улыбка человека, привыкшего к риску. Такой на всю жизнь мне запомнилась наш боевой друг и товарищ Полина Денисовна Осипенко.

Жизнь ее была хоть и не очень долгой, но яркой. Родилась она в селе Ново-Спасском, на берегу Азовского моря, в семье крестьянина-бедняка. Только два года посещала приходскую школу, да и то с перерывами. Едва научилась читать и писать, как отец сказал:

— Хватит, доченька, по дому помогать надо!

Потом батрачила в своем и соседних селах, ходила в город на заработки. Но из нужды в те годы семья Осипенко так и не могла выбраться.

Одними из первых родители ее вступили в колхоз. Трудолюбивая и веселая Полина скоро стала общей любимицей колхоза имени Котовского. Как активистку, ее послали на шестимесячные курсы птицеводов в Киев. Поехала с радостью: очень хотелось учиться.

Но трудно было. Лекции записывать не успевала. Химии, биологии не знала. О естествознании понятия не имела. В арифметике тоже была несильна. А на курсах это требовалось.

Однако преодолела все трудности, все вынесла. Помогли товарищи, преподаватели. Курсы Полина кончила с похвальной грамотой. В 1930 году ее назначили заведовать колхозной птицефермой. Со свойственным ей трудолюбием взялась за порученное дело. Мыла, терла, скребла. Наводила чистоту и порядок. Ввела рацион для кур. Собирала товарок-птичниц, учила их тому, что сама узнала на курсах.

С ее упорством Полина многого добилась бы на ферме, но... Случилось непредвиденное. Однажды за околицей их села на поле опустились два легких спортивных самолетика.

В те годы ни старики, ни дети никогда не видели близко аэроплан. Все село — от мала до велика — высыпало посмотреть на крылатые машины. И впереди других — наша Полина, как потом, смеясь, она нам сама рассказывала.

Больше всего ее поразило, что среди летчиков она увидела женщину. Как увидела, так и не отошла от нее, забросала вопросами.

— Разве может женщина летать?

— Может! — отвечали ей.

— И я могу выучиться?

— Конечно!

Под вечер самолеты улетели, а Полина три дня ходила задумчивая. Потом еще два дня письма писала, хотела узнать, где есть авиационные школы или училища, можно ли ей, дочери бедняка, колхознице-комсомолке, выучиться на летчицу. Скоро узнала она про Качинскую авиационную школу под Севастополем.

В комсомольской ячейке взяла характеристику, упросила председателя колхоза отпустить ее с фермы. Потом собрала в свой деревянный сундучок, оклеенный изнутри картинками, немудреное имущество и поехала. Желание летать стало ее высокой и прекрасной мечтой. Чтобы поступить в школу, она проявила максимум энергии.

— Приняли тебя тогда, Полина? — не вытерпел кто-то из нас, когда она степенно рассказывала членам экипажа свою биографию.

— Так точно,— невозмутимо ответила Осипенко,— приняли... официанткой в летную столовую.

Но настойчивая девушка не унывала. Хоть и официанткой, да на аэродроме. Можно работать и учиться. Да и самолеты рядом — на авиационной стоянке выстроены, как по линеечке.

— Еще, Полина Денисовна, здоровье надо крепкое иметь! — шутили над ней курсанты.

Но когда дело касалось авиации, то тут Осипенко шуток не терпела и не понимала их.

— По здоровью всех вас за пояс заткну! — горячо уверяла она шутников, которые и сами любовались ее алыми, как мак, щеками.

И Полина на своем настояла. Сдался начальник авиашколы. Скоро в ее стенах появился новый курсант: Осипенко Полина

Денисовна, 1907 года рождения, член ВЛКСМ, из крестьян-бедняков.

ОСИПЕНКО
Полина Денисовна

«Занималась я на Каче,— вспоминала потом Полина,— утром и вечером. Ни одного воскресенья не отдыхала».

Вот начались и практические полеты. Инструктором у Осипенко был опытный методист майор Абрамычев. Она же оказалась способной ученицей. Все схватывала, как говорят, на лету. Потому и упражнения программы они выполнили своевременно.

Обычно курсантов раньше не предупреждали о дне самостоятельного вылета. Так же поступил и Абрамычев. Сделали очередной полет. Выполнили посадку. Она получилась не очень удачной, и Полина ожидала от инструктора головомойки. Но он вдруг спросил:

— Устали?

— Никак нет!

— Тогда полетите одна.

Полет прошел отлично. Взлет, полет по кругу, расчет на посадку и сама посадка были выполнены без замечаний. Осипенко вернулась на аэродром победительницей.

— В воздухе пели? — спросил Абрамычев.

— Пела! — созналась Осипенко.

Ей показалось это крупным нарушением дисциплины, но сдержать рвущуюся из груди радость молодая летчица не могла.

— Еще полетик! — приказал инструктор.

...Окончена Качинская авиационная школа. Полина — военный летчик. Потом — командир звена. Старшие начальники в аттестациях того времени отмечают ее высокую дисциплину, понимание требований уставов и наставлений, незаурядное летное мастерство. Ей поручают особые задания.

В то время Полина Денисовна начинает увлекаться высот-

ными полетами. В открытой кабине она поднималась на пять тысяч, шесть тысяч, семь тысяч метров. Летала даже на восемь тысяч метров и чувствовала себя прекрасно.

Однажды Полина поднялась на девять тысяч метров — практический потолок своего самолета — и пробыла там почти двадцать минут. Вот когда ей так пригодилось ее поистине богатырское здоровье.

После посадки командир подарил ей букет цветов и сказал:

— Поздравляю вас, Полина, вы поднялись выше всех девушек нашей страны!

— Служу Советскому Союзу,— отчеканила летчица,— буду стараться подняться выше всех девушек в мире.

Свое слово Осипенко с честью сдержала. В течение двух майских дней 1937 года она подарила стране три высотных международных рекорда. Утром 22 мая на отечественной машине она поднялась на высоту восемь тысяч восемьсот шестьдесят четыре метра и побила международный рекорд итальянской летчицы Негронэ на три с лишним тысячи метров.

Второй полет, 25 мая, с грузом пятьсот килограммов на высоту семь тысяч шестьсот пять метров также оказался рекордом мира. Вечером того же дня Осипенко опять поднялась в воздух на своей машине. На этот раз на ее самолете находился груз весом в одну тонну. На семь тысяч девять метров подняла тяжелый самолет отважная летчица, а потом мастерски совершила посадку на голубую гладь Севастопольской бухты.

С необычайно большим углом атаки поднималась крылатая машина на высоту. Замерзали приборы, так как температура в нижних слоях стратосферы равнялась минус сорока градусам, мотор отказывался тянуть в разреженном пространстве.

— Вам удалось выжать из машины все! — заметил потом летчице представитель конструкторского бюро.

— Но человек может сделать больше! — задорно возразила ему Полина.

Ее энергия искала нового приложения сил. После побед в борьбе за высоту она обратила свое внимание на расстояния. «Дальние полеты! — вот где имеется заманчивая перспектива»,— думала тогда Полина. Ровно через год вместе с летчицей Верой Ломако и штурманом-радистом Мариной Расковой Полина Осипенко устанавливает на гидросамолете новый рекорд полета по замкнутому кругу — тысяча семьсот сорок девять километров. Одновременно это был и международный рекорд на дальность полета по кривой.

Но из самолета вышла Полина огорченной, довольно кисло выслушала поздравления, точно была недостойна их. Потом собрала экипаж.

— Мало, девушки, нами сделано. Так что считайте этот рекордный полет лишь пробой сил.

И девушки расстались. Одно им было ясно. Не такой человек Полина Осипенко, чтобы остановиться на полпути. Она была настоящим коммунистом: что задумала — обязательно сделает.

— Есть у нашей Полинки какой-то новый план,— сказала мне Марина Раскова после их памятного разговора,— а какой — пока она загадочно молчит.

Да, отважная летчица вынашивала новый план рекордного полета. Оказывается, она задумала перелет на гидросамолете через всю страну, с юга на север. Из Севастополя в Архангельск.

И вот их самолет на старте. 2 июля 1938 года Полина Осипенко с трудом оторвала тяжело груженную машину от водной поверхности. Так же трудно дался и набор высоты. От Севастополя до Николаева — дымка. Видимость ограничена. Возле Киева вошли в облачность, чуть-чуть не попали в грозовой фронт. Потом самолет начал обледеневать, и командиру экипажа пришлось резко менять эшелон полета. Еще раз обледенели над Онежским озером. Чтобы избавиться ото льда, пришлось летчицам вести самолет между двумя слоями облаков.

И так до самого Архангельска, куда старший лейтенант Осипенко, старший лейтенант Ломако и лейтенант Раскова сквозь грозы, дождевые завесы и снежные заряды привели свой отечественный серийный гидроплан. Десять часов с минутами понадобилось трем военным советским летчицам, чтобы перекинуть воздушный мост от Черного до Белого моря. И организатором этого перелета, конечно, опять была неугомонная душа — коммунист Полина Осипенко.

Она становится любимицей страны. Из городов России, с Украины, Кавказа, из Средней Азии получает Полина Денисовна сотни писем. Ее спрашивают, как стать летчицей, куда поступить учиться, ей доверяют свои тайны женщины и девушки нашей страны. На нее надеются. И ни одно письмо не оставалось без ответа.

Молодая женщина из Таджикистана жаловалась, что муж не разрешает ей снять паранджу и ходить с открытым лицом. Комсомолка из глухого сибирского села просила совета, как ей поступить: отец не велит посещать собрания, а заставляет молиться богу и ходить в церковь.

— Встречаются же еще в наше время такие феодалы! — искренне возмущалась Полина и тут же отвечала своим корреспондентам.

Очень страстно ратовала Полина в своих речах и выступлениях в печати за равноправие мужчин и женщин в авиации. «В наших аэроклубах,— писала она в одной из своих статей,— девушки и женщины успешно осваивают авиационное дело. Большинство из них — отличницы. Они хотят учиться дальше и стать боевыми летчицами. Мне кажется, необходимо прислушаться к голосу девушек-пилотов. Им надо помочь, ибо в будущих боях за нашу Родину миллионы нас на земле и в воздухе будут громить и уничтожать врага до полной победы».

Старший лейтенант Осипенко очень огорчалась, когда кому-либо безосновательно отказывали в просьбе поступить в аэроклуб или мешали развертыванию сети учебных аэродромов по стране.

— Бюрократы твердолобые! — сердилась Полина Денисовна на таких людей.— Не понимают, что противник у нас будет серьезный и стране понадобится много летчиков.

Она была готова и свои личные сбережения пожертвовать на развитие авиации. Так, на одном из аэродромов Полина увидела старенькую одноместную авиетку. Кажется, даже с иностранным мотором.

— Продайте мне эту машинку! — обратилась Осипенко с просьбой к начальнику аэропорта.

— Да зачем вам это старье, Полина Денисовна? — недоумевал заслуженный авиатор.

Оказалось, что в родном селе Осипенко пионеры старшего возраста да и комсомольцы решили изучать самолет, а со временем и начать летать. Нашелся и инструктор, а вот ни мотора, ни самолета не было.

— Выручайте нас, тетя Полина,— написала ей письмо молодежь,— помогите достать хоть плохонький самолетик. Мы его отремонтируем и будем изучать летное дело.

Не помню точно, чем кончилась эта история. Но кажется, старая авиетка была окончательно списана по акту, оформлена как шефский подарок и послана в Ново-Спасское.

Такой была наша Полина Осипенко — человек большого ума, такта, с благородным сердцем патриота.

Как раз в ту пору нами был задуман большой перелет — на Дальний Восток. Командиром корабля предложено было быть мне. Штурманом предполагалось назначить Марину Раскову. Но кто полетит вторым пилотом?

Перебрали несколько кандидатур. Кто-то назвал Осипенко. Но тут же было выражено сомнение: согласится ли вторым? Полины в те дни в Москве не было. Послали ей телеграмму и скоро получили ответ:

«Согласна хоть третьим, только бы принять участие в перелете».

Этой женщине было абсолютно чуждо тщеславие. Когда мы стали тренироваться в составе одного экипажа, то открыли в характере нашей подруги еще целый ряд замечательных черт.

Прежде всего ее отличала огромная работоспособность, умение мобилизоваться. Она не хотела признавать отдыха. Ей оказалось мало дневных полетов. Каждую ночь она была готова летать, чтобы мы могли в совершенстве освоить искусство посадки тяжелого воздушного корабля в условиях темноты. И Полина добивалась своего. Достаточно сказать, что мы с ней совершили около ста тридцати ночных посадок на тяжелых бомбардировщиках.

Летали часами и в сложных метеорологических условиях, пилотировали самолет только с помощью навигационно-пилотажных приборов.

До и после полета Полина и Марина Раскова обязательно тренировались в передаче радиограмм в телеграфном режиме. Помню, был такой случай. Марина то ли устала, то ли была чем-то взволнована и хотела уклониться от радиотренировки.

— Может быть, сегодня не пойдем в радиокласс? — сказала она.

— Нет, нельзя пропускать тренировку! — воспротивилась Полина.— Иначе мы плохо будем действовать в воздухе.

И тренировка состоялась.

Полина Денисовна Осипенко была очень правдивым, кристально честным человеком. Любая, даже самая незначительная фальшь ее огорчала до глубины души.

Однажды специалист по радио должен был заменить в самолетном приемнике некоторые детали. Но сделать эту работу забыл. Однако Осипенко он доложил, что детали в приемнике заменены, хотя на самом деле подчистил только контакты. В полете радио, разумеется, работало плохо.

После посадки Полина Денисовна подозвала к себе этого техника.

— Вы не оправдали доверия экипажа,— строго сказала она,— а потому будете наказаны.

И летчица добилась, что виновный был отстранен от подготовки самолета к ответственному перелету. Вместо него пришел

другой специалист по радио. А Полина долго не могла успокоиться.

— Кто обманул в малом,— говорила она,— тот может обмануть и в большом. Ненавижу ложь!

При всех своих высоких деловых качествах она не была сухим педантом, долго не сердилась даже на виновного, охотно шла на мировую, ценила своих товарищей. Стоит ли говорить, что мы полюбили ее, дорожили дружбой с ней.

...Итак, нам предстояло превысить рекорд дальности французской летчицы Дюпейрон. Она пролетела без посадки четыре тысячи триста шестьдесят километров четыреста метров. На своем самолете «Родина» конструкции Павла Осиповича Сухого мы должны были пролететь значительно больше. Наш путь лежал из Москвы на Дальний Восток. От Новосибирска трасса была проложена над бескрайней тайгой. За Красноярском — возвышенности, сопки, горы. Знаменитый седой и суровый Яблоневый хребет.

Утром — старт. Вес самолета достигал двенадцати с половиной тонн. Однако взлет был легкий. На высоте ста метров сделали круг над аэродромом, легли на курс. Настроение у членов экипажа было бодрым. Могли ли мы в те радостные минуты думать, что нас ожидают тяжелые испытания.

Пилотировали свой крылатый корабль попеременно: то я, то Полина. Весь полет проходил за пологом туч. Случалось, что крылья самолета покрывались льдом. Тогда меняли эшелон. Отказало радио. Мучил на больших высотах холод. Но все это были трудности, к которым мы готовились, а потому и преодолевали их сравнительно легко.

Вот перед взором экипажа открылось Охотское море. Развернулись. Решили садиться в городе Комсомольске. Вдруг зажглась лампочка на расходном баке: это означало, что бензина осталось на тридцать минут.

Кончилось дело тем, что Марине Расковой пришлось прыгать с парашютом и ее потом долго искали, а мы с Полиной посадили самолет на болото и тоже провели там несколько томительных дней, пока нас не обнаружили с воздуха. Подробности этого полета достаточно хорошо известны.

Но мне хочется сказать о другом. Говорят: «Друг познается в беде». Положение у нас было действительно сложное и за все происходившие события в первую очередь ответственность несла я, как командир экипажа. Тысячи сомнений терзали меня в те часы. Почему у нас не хватило горючего: видимо, не долили в Щелково при отлете после пробы двигателей? Где Марина? Почему не работает аварийная радиостанция? Значит, ее не проверяли? Надо ли оставаться у самолета или самим попробовать добраться до населенного пункта? Как дать знать о себе, что мы живы и здоровы, а самолет почти не поврежден?

В эти пасмурные для меня дни Полина старалась всячески помочь мне, находила слова для утешения. Она взяла на себя всю заботу и по охране самолета. Осипенко никогда не будила меня, если мне удавалось забыться сном. Она и зверей при их приближении к самолету отгоняла, и была неисчерпаема на выдумки, лишь бы только отвлечь меня от тяжелых мыслей.

— Еще, командир, полетаем мы с тобой,— говорила Полина,— и не из таких положений есть выход!

Ни слова упрека, ни сомнения в том, что все окончится благополучно, ни в те часы, ни позднее не услышала я из ее уст. Как заправская таежница, переносила она трудности нашей бивуачной жизни поневоле. Ее оптимизм передавался и мне.

Когда же действительно все события закончились благополучно, а нам троим — первым среди женщин — было присвоено высокое звание Героя Советского Союза, радости Полины не было предела.

— Кто говорил, девочки, что все закончится благополучно? — с пристрастием допрашивала она нас.

— Ты, Полиночка, ты! — отвечали мы ей.

Даже самые тяжелые переживания легче переносятся, если рядом ты чувствуешь крепкое плечо товарища, локоть друга. И в том, что рекорд французской летчицы был побит нами на полторы тысячи километров с лишним, тоже есть большая доля заслуги Полины Осипенко — волевой летчицы и славного члена экипажа. Самолет «Родина» в том полете пролетел по прямой пять тысяч девятьсот сорок семь километров, а по ломаной линии — шесть тысяч четыреста пятьдесят.

Уже потом, в Москве, заново пережили мы весь полет, перечитали все телеграммы, приветствия, письма. В каждом из них — слова любви, восхищения, привета. Нам писали президент Академии наук Комаров, Герой Советского Союза комбриг Спирин, школьник из Москвы Сережа Пахомов. Секретарь Центрального Комитета Компартии Испании Долорес Ибаррури приветствовала наш экипаж.

Очень много было теплых коллективных писем. От земляков Полины Осипенко, от зимовщиков с острова Рудольфа, с заводов, шахт, рудников, из совхозов и колхозов, с судов, бороздящих просторы морей, Тихого океана, из самых отдаленных уголков нашей страны.

Задумчиво перебирала всю эту почту Полина, потом сказала:

— Отвечать надо, товарищи. Народ ведь нас приветствует.

Кто-то из присутствовавших в комнате близких нам посочувствовал:

— Писем-то — гора! Может, под копирку ответы. Дескать, благодарим и все прочее...

Кровь прилила к лицу Полины.

— Что?! — гневно произнесла она.— Это народу-то под копирку?

Незадачливый советчик счел благоразумным спрятаться за спины других, а потом вообще ретировался. Полина же немедленно послала кого-то за конвертами, и мы долго и прилежно писали письма всем тем, чьи обратные адреса были известны. Кроме того, конечно, выразили свою признательность всем товарищам, приславшим нам свои поздравления, через газеты. И над этим текстом долго трудилась Полина. Все хотелось ей, как и нам с Мариной, чтобы этот ответ был сердечным, теплым.

— Вся наша сила — в партии и народе! — любила повторять Полина Денисовна.

И это были не просто красивые слова, а плод ее глубоких убеждений. Дочь народа, она горячо верила в его силы, разум и по мере своих сил старалась сделать как можно больше, чтобы еще возвеличить и прославить свою страну, первое в мире государство рабочих и крестьян. Полина по-настоящему любила свое Отечество, гордилась и его прошлым, и настоящим!

Она и в библиотеку свою подбирала книги, в которых либо прославлялась наша Родина, ее героическая история, либо сами авторы бессмертных произведений составляли русскую национальную гордость. Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Гоголь были ее любимыми писателями.

Бывало, подойдет Полина к книжной полке, откроет «Тараса Бульбу» и читает: «Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей... Пусть же знают... все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, так никому ж из них не доведется так умирать!.. Никому, никому!»

Эти памятные события произошли в сентябре — октябре 1938 года, а уже следующей весной, в праздник 1 Мая Полина Денисовна на скоростном маневренном истребителе принимала

участие в воздушном параде над Красной площадью. Точно снаряд, пролетел ее краснозвездный ястребок над шпилем Исторического музея. Мелькнул и растаял в голубой дали Замоскворечья.

— Тянет меня, девушки, к скоростным машинам! — признавалась она нам, точно извинялась за то, что предпочитает их тяжелым воздушным кораблям.

Но ведь она кончала Качу. У нее была душа летчика-истребителя. И потому мы охотно простили Полине ее «измену». Тем более, что друзьями-то мы оставались.

Полина между тем по службе часто встречалась в тот год с героем республиканской Испании советским летчиком Анатолием Константиновичем Серовым. Она часами могла слушать о том, как Анатолий Серов и его боевые друзья сражались с фашистскими асами в небе республиканской Испании. Отважный истребитель, он бил врага над Мадридом, Барселоной, Сарагосой, летал над вершинами и ущельями Сьерра-Гвадаррамы. Как же завидовала Анатолию и не скрывала своей зависти Полина! Еще бы! Перед ней находился летчик, прошедший крещение огнем, побывавший в настоящих боях да еще сражавшийся с численно превосходившим противником.

— Везет же людям! — самым серьезным образом говорила про Серова Полина.

В свою очередь и он интересовался, как она стала летчицей, какая была у Осипенко довоенная профессия. На последний вопрос Полина отвечала шуткой:

— Куры были моим крылатым войском!

В установившемся между ними негласном соревновании Осипенко старалась перенять от Серова его методы атак истребителей и бомбардировщиков, училась искусству меткой, разящей наверняка первой же очереди. Нередко они летали на одном учебно-боевом самолете, осваивая технику пилотирования крылатой машины только по приборам, вне видимости естественного горизонта.

...Утро 11 мая 1939 года выдалось пасмурным, серым. Полеты откладывались на час, потом на два. Но неожиданно в облаках появились разрывы. Нижняя кромка их поднялась.

— Скорее на аэродром,— торопил друзей Серов,— можно начинать полеты!

В первом вылете по приборам пилотировала машину Осипенко. Анатолий Серов корректировал ее действия из открытой кабины. Вот и зона. Полет по прямой. Развороты. Виражи. Опять полет по прямой. Незаметно прошли сорок минут, отве-

денные на это упражнение. Пора возвращаться на аэродром.

Пока машина на самолетной стоянке заправлялась, Серов успел перекинуться словами с одним из своих друзей — летчиком Михаилом Якушиным.

— Как дела?

— Порядок!

— Что машина?

— Да вот Полина жалуется, будто указатель поворота и скольжения что-то барахлит.

В этот момент Серова отозвали. Пора было выполнять второй полет. На этот раз согласно плановой таблице пилотировать машину по приборам предстояло Анатолию Константиновичу, а контролировать его действия из открытой кабины выпало на долю Осипенко. И опять они должны были пробыть в воздухе очередные сорок минут. Столько, сколько отводилось согласно курсу боевой подготовки.

Опять учебная зона. Внизу бежит шоссе на Москву. Рощи, поля, перелески. Безлюдно. А в небе один самолет. Ровно поет свою песню его мотор. Осипенко с Серовым выполняют задание: полет по прямой, мелкие виражи, крены, полет по прямой...

Давно уже прошли положенные сорок минут, а Серов и Осипенко все не возвращаются. Вот уже зарулили на стоянку самолеты Рахова, Смирнова, Якушина...

— Где же Серов и Осипенко? — спросил кто-то.— Они ведь вылетели первыми?

— Может, вынужденная посадка,— предположил инженер.

Немедленно были организованы поиски. Обнаружили быстро. На зеленеющей траве, которую с детских лет так любила Полина, лежал разбитый самолет. Крылья его сложились. Мотор ушел в землю. Кабина Серова была открыта.

Очевидцы рассказывали, что с высоты примерно четырехсот метров машина сорвалась в плоский штопор. Потом перед самой землей даже выровнялась. Может быть, Серову и Осипенко не хватило всего нескольких метров высоты, чтобы вырваться из смертельного пикирования...

Полина Осипенко — отважная дочь своего народа, бесстрашная летчица и патриотка, член Коммунистической партии — совершила бы еще не один героический подвиг. Трагический случай оборвал ее жизнь при исполнении служебных обязанностей.

И до сих пор не верится, что Полины Осипенко нет с нами. Пытливые, зоркие глаза ее и ласковая, чуть озорная улыбка человека, знающего, что такое риск, ее подвиги никогда не изгладятся из памяти народной.

РЫГОР НЕХАЙ

ВОЗМЕЗДИЕ

Летом 1943 года партизанская зона севернее Минска продвинулась вперед и заканчивалась в двадцати километрах от города, возле Вильнюсского шоссе, у небольшой речушки Вяча. Пасмурным сентябрьским днем две женщины — одна помоложе, другая постарше — остановились у этой речушки. Дальше начиналась оккупированная территория, где хозяйничали гитлеровцы.

Женщины долго всматривались в пустующую даль, где узкое шоссе, прячась за холмами и перелесками, убегало в сторону города. Потом горестно вздохнули, опустились на колени и поцеловали родную землю. Наступила минута молчания. За спиной оставалась партизанская земля, а впереди — неизвестность.

Еще несколько часов тому назад эти мало знавшие друг друга женщины чувствовали себя как дома, слушали советское радио, читали московские газеты, беседовали с гостеприимными хозяевами в небольшой деревушке возле Логойска, а теперь они очутились как бы на грани жизни и смерти. Но Родина требовала и звала вперед. Оставалось только около сорока восьми часов до встречи в городе, от успешного исхода которой зависела судьба многих тысяч людей. Надо было привести в исполнение приговор белорусского народа: убить жестокого палача — заместителя Гитлера по Белоруссии гауляйтера фон Кубе. Обстановка требовала совершить эту казнь именно теперь, когда палач разрабатывал планы новой, может быть, наиболее жестокой и наиболее массовой карательной экспедиции с начала войны. Гитлеровский ставленник спешил отомстить советскому народу за неудачи на фронтах. Убить Кубе — значило предотвратить гибель десятков тысяч советских людей.

Лучших разведчиков и диверсантов выделяли партизанские бригады и отряды. Разрабатывались самые разнообразные, иногда даже фантастические планы по приведению приговора в исполнение, и все было безрезультатно.

Группа разведчиков бригады Градова (Ваупшасова), находящейся южнее Минска, проникла на окраину города и несколько суток просидела в засаде на шоссе Минск — Лошица, где была загородная резиденция палача. Партизаны намеревались, жертвуя собой, напасть на машину Кубе и уничтожить его днем на виду у всех. Но Кубе здесь так и не появился. Гестаповцы из охраны гауляйтера знали о приговоре народа и приняли все меры предосторожности.

Разведчица из бригады «дяди Коли» Надя Троян познакомилась с Еленой Мазаник, которая работала горничной в резиденции Кубе в Минске. Мазаник вначале отнеслась к Троян недоверчиво, побоялась провокации. Но после нескольких встреч Елена убедилась, что Надя действует по заданию партизан, и согласилась участвовать в операции против Кубе. Потом Мазаник встретилась с разведчицей Марией Борисовной Осиповой, работавшей под кличкой Черная.

...Вокруг тишина. У ног струилась речушка. Пели птицы. Как всегда пасмурным днем, таинственно шумели густые березовые и ольховые рощи. И только нескошенный луг напоминал о том, что его некому косить, что косари и пахари теперь заняты были совсем другим делом.

Вспоминая пережитые дни, своих боевых товарищей и друзей, Мария Борисовна старается быть спокойной.

...Предстояло еще пройти двадцать километров. Но каких километров! Между жизнью и смертью! Впереди — немецкие и полицейские патрули, обыски и проверка документов. И может быть... это последний путь в ее жизни.

— Так мне не хочется идти дальше,— вздохнула, поднимаясь, спутница Марии Борисовны.— Хотя там и дети, родной дом, но он мне стал как чужой. Особенно теперь, когда мы встретились со свободой, побывали среди своих...

— А думаешь, мне легко? — ответила Мария Борисовна.— Но нам поручено ответственное дело, и мы обязаны довести его до конца. Давай лучше подумаем, как нам продолжать путь... У Вишневки обязательно будет засада. Нас могут задержать. Не будем признаваться, что мы свои, знаем друг дружку. Это лучше всего. Ты иди вперед, а я пойду за тобой...

Женщины подняли свои тяжелые корзины, до краев наполненные брусникой, и пошли дальше.

— Я так боюсь,— шептала Мария Григорьевна Грибовская, уходя вперед.

Поселок Вишневка издали казался пустынным. Но вот на дороге появилась фигура долговязого полицая. Потом еще и еще, и уже целая группа полицаев поджидала женщин.

ОСИПОВА
Мария Борисовна

«Не миновать беды»,— подумала Мария Борисовна. На дне корзины, прикрытые ягодами и продуктами, лежали завернутые в тряпки две мины. Пронести их в город стоило большого труда. Партизаны все рассчитали: идти глухими дорогами в обход постов было гораздо опаснее, чем по дороге. Там встреча с карателями, которые непрерывно рыскали вокруг города, грозила неминуемой гибелью. Гораздо безопаснее было идти прямым путем, запасшись хорошими документами. Но любому партизанскому разведчику или связному всегда приходилось, как актеру, играть какую-то роль. Мария Борисовна подготовилась сыграть сейчас роль городской жительницы, многодетной матери, когда-то «обиженной» Советской властью и теперь почувствовавшей «свободу». Она должна вести себя смело и непринужденно.

Вот Мария Григорьевна поровнялась с полицаями, начала им низко кланяться и умиленно приговаривать:

— День добрий, паночки мои,— мягко звучала ее белорусская речь.— Защитнички наши хорошие...

Но ни улыбки, ни мягкий голос Марии Григорьевны не подкупили гитлеровских холуев. Они обыскали ее, проверили документы и корзину с ягодами и продуктами. Не найдя ничего подозрительного, полицаи ее отпустили. Та кланялась и приговаривала:

— Спасибо вам, паночки мои,— и пошла дальше.

Мария Борисовна, наблюдая за этой сценой, не могла сдержать улыбку.

— Чего смеешься?! — заорал на нее долговязый верзила.

— Смешно, пан полицай, что вас люди боятся. Не понимают...

— Ну, ну! — пригрозил ей полицай и смерил с ног до головы внимательным взглядом, как бы разгадывая, что это за птица и как с ней нужно поступать. Но все же тона не сбавил: — Посмотрим, как ты будешь смеяться, когда мы потрясем твою корзину.

Полицаи долго и внимательно изучали документы Марии Борисовны. Не найдя в них ничего подозрительного, решили приступить к обыску.

— А ну,— командовал долговязый полицай,— выкладывай, что там у тебя есть. Да побыстрее. Иначе как дам по твоей корзине, все полетит... А не то отведем к господину Коху.

Мария Борисовна знала, что Кох — известный на всю округу палач, комендант поселка Вишневка. Поэтому она решила действовать прямо и смело. Малейшая оплошность или растерянность с ее стороны могли оказаться роковыми.

— Чего пугаете?! Я знаю господина Коха. Это хороший человек, и он поймет меня. В городе разрешается ходить только до семи часов. Там у меня маленькие дети. Пятеро детей. Вы понимаете? А еще задерживаете, угрожаете... Господин Кох меня поймет...

— Ишь разговорилась,— заметил один из полицаев.— Разве вы не видите? Эти бабы уже одичали. Одни хлопоты с ними. Ходят тут, босоногие. На них не заработаешь...

— А вы, что? Мало зарабатываете? На водку я вам дам. Вам ведь тоже не легко живется, знаю,— и она достала двадцать пять марок. — Больше нету...

Долговязый полицай презрительно посмотрел на деньги и перевел взгляд на корзину, где, как он заметил, было около десятка яиц. Мария Борисовна сразу его поняла и поспешила добавить:

— Ну, еще полдесятка яиц, и конец. Договорились?

Полицаи о чем-то пошушукались между собой, а потом долговязый объявил:

— Хорошо. Давай деньги и яички. Только все деньги. Я знаю вас, минских спекулянток. Могла часть украсть.

— Я не вашей натуры, господин полицай,— бесцеремонно ответила Мария Борисовна, но это ей стоило подзатыльника.

Первая опасность миновала.

Возле самого города партизанкам пришлось перенести новое испытание. В сторожевой будке на окраине Минска находился

контрольный пост немцев. Обойти этот пост было невозможно. Когда женщины начали приближаться к будке, из нее вышли полицаи во главе с немецким офицером.

— Паненки, фрау, ком! — остановил немец Марию Борисовну и ее спутницу.

Задержанные стали жаловаться, что кто-то у них отнял по дороге лошадь, что дома у них голодают дети. Офицеру, очевидно, надоело это слушать, он спросил:

— Корзины у вас проверяли?

— А как же, господин офицер! В Вишневке проверяли. В Дубовлянах тоже проверяли. Несколько раз проверяли господа немцы и полицаи. Как видите, тут ничего нет. Только ягоды, продукты...

После проверки документов женщин отпустили. Но не успели они отойти и нескольких шагов от контрольного поста, как кто-то сильно ударил по плечу Марию Борисовну. Возле нее стоял полицай.

— Вам нельзя верить. Ходят тут разные. А может вы партизанки.

И не успела она слова сказать, как полицай запустил штык в ее корзину. Потом еще раз. Мария Борисовна замерла на месте. Ведь там мины! Но все обошлось благополучно, штык не задел мины.

— Господин офицер! — взмолилась Мария Борисовна.— Вы посмотрите, что он делает. Я столько трудилась. Для детей собирала. А он, бессовестный, хочет лишить их даже ягод. От таких людей при большевиках не было жизни, и теперь они нам душу выворачивают...

На ее глазах показались слезы. Это подействовало на офицера, и он приказал старательному полицаю отпустить женщин.

Что же теперь, когда опасность миновала, идти медленно или бежать? Но ноги, будто налитые свинцом, не слушались. Преодолев слабость, женщины, казалось, спокойно пошли дальше.

Смертоносный груз — мины для уничтожения палача белорусского народа гауляйтера фон Кубе были доставлены в Минск.

* *
*

Подпольная группа Осиповой состояла главным образом из интеллигенции и бывших студентов Минского юридического института, где до войны Мария Борисовна работала заведующей парткабинетом.

Родилась она в семье потомственного рабочего-стеклодува. Рано началась ее трудовая жизнь. Сначала она работала на стеклозаводе, потом на пионерской, комсомольской и партийно-советской работе в разных районах Белоруссии. В 1940 году Мария Борисовна окончила Минский юридический институт.

Первый день войны... Минчане собирались в этот день на открытие Комсомольского озера. И вдруг — война...

Во дворе дома в Кузнечном переулке, где жила Осипова, появились зенитчики. Женщины, чем могли, помогали красноармейцам. Стирали им белье, помогали маскировать зенитки, а во время налетов вражеской авиации подносили боеприпасы. Но это длилось недолго. Город горел. Началась эвакуация Минска. Мария Борисовна никогда не забудет расставания со своим сынишкой, которому тогда было всего пять с половиной лет. Детей увозили на автомашинах под непрерывными бомбежками и обстрелом.

— Этот плач еще и теперь стоит в моих ушах,— вспоминает Мария Борисовна.— А мы, матери, думали, что их отвезут в безопасное место, врага отгонят от города и дети снова возвратятся домой.

Но случилось все совсем иначе. Не скоро матерям пришлось встретиться со своими детьми, а некоторым и никогда... Старшая, одиннадцатилетняя, дочь жила у сестры в ста двадцати километрах от Минска, на стеклозаводе «Октябрь». Она пыталась добраться в пылающий город к матери, но не смогла.

Мария Борисовна побывала у сестры в первые дни войны, повидалась с дочерью и потом опять направилась в город. Она понимала, что, как коммунистка и патриотка, должна занять свое место в борьбе с врагом. В Минске она встретила своих знакомых — Тоню Соколову, Любовь Иргер, Екатерину Петрову, Марию Малокович, Франю Злоткину, Илью Некрашевича, преподавателя политехнического института Николая Кречетовича... Так начала зарождаться подпольная группа во главе с Осиповой — Черной.

На первых порах патриоты и патриотки помогали раненым воинам медикаментами, продуктами, укрывали в безопасных местах, организовывали побеги военнопленных из лагерей, помогали еврейскому населению спасаться от гитлеровцев. Вскоре Николай Кречетович собрал радиоприемник. На стенах оккупированного города начали появляться листовки со сводками Совинформбюро.

Вскоре в группу Черной вошли студенты Юридического института, жившие в общежитии на Заславской улице: Галя

Липская, Реня Дрозд, Рафа Бромберг, Матиас Столов, Валя Мачальская, Галя Романенко и военные летчики Саша и Дима, впоследствии погибшие при выполнении задания. Группа росла, расширилась и работа. Рафаил Бромберг привлек к работе отважных братьев комсомольцев Владимира и Константина Синько. Бывший доцент Николай Кречетович по заданию Черной устроился работать электромонтером в городской управе. Он подобрал ключи к сейфам, где хранились бланки паспортов и другие документы, нужные подпольщикам, и снабжал ими группу. Теперь уже легче стало прятать военнопленных и евреев от расправы.

Первой большой удачей было освобождение тридцати военнопленных из лагеря Масюковщина. Все они потом были переправлены в партизанский отряд. Из другого лагеря удалось освободить политрука Николая Похлебаева. По поддельным документам его удалось устроить директором немецкого кинотеатра. В подполье он работал под кличкой Чиль и сыграл важную роль в организации убийства фон Кубе.

Постепенно наладилась связь с партизанами. Братья Синько поддерживали регулярную связь с бригадой Градова, другие подпольщики — с бригадами «дяди Димы» (Логойская зона), «дяди Коли» (Борисовская зона) и другими.

Но вот начались провалы, неудачи. Накануне октябрьских праздников связная Тоня Соколова жила по заданию в одной из деревень. Бывший знакомый Тони, оказавшийся предателем, выдал ее агентам гестапо. Она попала в Минскую тюрьму. Нужно было спасти Соколову. Подпольщицы связались с надзирательницей тюрьмы Марией Скомороховой, которая осталась советской патриоткой и выполняла функции связной между заключенными и минским подпольем. Поэтому подпольщики знали, что делается в тюрьме, в каком состоянии находятся заключенные. Она передавала заключенным записки и все нужное от подпольщиков. Начали готовить побег Соколовой. Но освободить ее так и не удалось: вскоре Тоня была расстреляна...

* *
*

Вильгельм фон Кубе появился в Минске в начале сентября 1941 года. С его приездом сразу усилились репрессии. Появлялись приказ за приказом. За каждое нарушение оккупационного режима, за малейшее неповиновение грозили виселица или расстрел.

Сжигались целые деревни с их жителями. В городах происходили массовые расстрелы советских мирных граждан и военнопленных. Еврейское население Минска было согнано в гетто. В деревне Тростянец фашисты создали концлагерь, где погибли десятки тысяч людей. Тюрьмы были переполнены.

Узнав о зверствах гитлеровского холуя Кубе, Центральный Комитет Компартии Белоруссии дал указание партизанским отрядам и подпольным организациям любыми средствами уничтожить кровавого палача белорусского народа.

Группа Черной также стала готовиться к акту возмездия. Строились разные планы. Братья Синько и шофер Миша, работавший на грузовой автомашине, предлагали раздавить Кубе, когда он будет ехать по улице, своим грузовиком. Конечно, весьма вероятно, что при этом могли погибнуть и сами смельчаки, но с этим не приходилось считаться. Несколько дней они дежурили на своей автомашине на разных улицах и перекрестках города, однако подкараулить Кубе им так и не удалось.

Мария Борисовна и ее друзья начали искать более надежные и реальные пути осуществления всенародного акта возмездия. Шаг за шагом вырисовывался план. Осипова поняла, что только при помощи Галины (Елены Мазаник) — горничной Кубе — можно осуществить акт возмездия. Но как с ней встретиться? Мазаник, конечно, все время была под наблюдением гестапо.

Оказалось, что Николай Похлебаев был хорошо знаком с сестрой Елены Мазаник Валентиной. Мария Борисовна посвятила Николая в свои планы и попросила организовать встречу с Галиной. Николай сходил домой к Валентине и вернулся оттуда разочарованным.

— К сожалению, не могу вас познакомить с Галиной. Она знает, что гестапо следит за каждым ее шагом, подсылает провокаторов для проверки, и стала очень осторожной...

Николай тут же предложил свой план: заминировать кинотеатр и взорвать тогда, когда в нем будет Кубе вместе со своей свитой.

Но немцы тщательно проверяли помещения, где бывало высокое оккупационное начальство. Мину могли обнаружить. Да и гестапо в последнее время стало особенно бдительным.

— Нет,— ответила Осипова.— Этот план не годится. Мы должны действовать наверняка. Я прошу и требую познакомить меня с Галиной и Валентиной. Считайте это своим самым ответственным заданием. Поймите, что сама я к ним пойти не

могу. Они меня не знают. Когда будет намечена встреча, сообщите мне через связную Ренечку Дрозд. Она работает в частной часовой мастерской — и Мария Борисовна назвала адрес.

* * *

Первая встреча Осиповой с Мазаник произошла в конце августа 1943 года. Утром на явочную квартиру Черной прибежала Ренечка и взволнованно сообщила:

— Завтра утром на Потемкинской лестнице вас будет ожидать Николай с тем, кто вам нужен...

Потемкинской лестницей раньше минчане называли участок улицы Карла Маркса между Центральным сквером и парком имени Максима Горького. Здесь длинный ряд ступенек от центра города вел вниз, к пустынным берегам Свислочи и городскому парку...

Мария Борисовна шла медленно. Связная, Лена Кунайко, высланная на место встречи, прошла всю улицу Пролетарскую (теперь улица Янки Купалы) и сообщила:

— Кажется, все в порядке. Только вот этот человек в серой шляпе и черном дождевике, что стоит повернувшись к реке, кажется подозрительным. Ой,— испугалась связная.— Смотрите, он идет к нам...

Мария Борисовна еще издали заметила, что «подозрительный человек в серой шляпе и черном дождевике» был Николай. Она прошла мимо, не обратив на него внимания. У завода имени Кирова подруги разошлись. Связная ушла, а Осипова вернулась обратно. Николай прохаживался на прежнем месте, а Галины и Валентины не было. Осипова начала волноваться. Навстречу ей шло несколько немцев. Проходя мимо Николая, она успела шепнуть:

— Приглашайте в кино.

— Приходите в кино,— громко сказал Николай.— Я возьму билеты и буду ждать вас у входа.

— Что будем делать? — еще тише спросила Осипова, раскрывая зонтик. Но в это время на лестнице появились две женщины.

— Которая Галина?

— Та, которая повыше.

— Мне только пять минут,— успела еще сказать Осипова и начала сверять часы. Немцы уже были совсем рядом.— Так, значит, билеты будут? — теперь уже громко спросила она и направилась навстречу женщинам. Николай ушел с Валей.

— Я Черная,— сказала Осипова, приблизившись к Мазаник.— Цель нашего знакомства Чиль вам сообщил. Решайте.

— Что вы? На такое дело я не пойду,— ответила Мазаник и внимательно посмотрела на Осипову, как бы стараясь понять, кто же она такая.

Они медленно шли по улице и разговаривали почти шепотом. Осипова поняла, что Мазаник не верит ей и прямо спросила:

— Что надо сделать, чтобы вы мне поверили?

— Хочу встретить кого-либо из командования.

— Они в лесу.

— Я не могу поехать в лес. За мной следят.

— Мне это известно. Пошлите Валю...

Валя побывала в бригаде «дяди Димы», убедилась, что Черная действовала от имени партизанского командования и минского подполья. Теперь Мазаник полностью доверяла Осиповой. Они начали чаще встречаться и подробно обсуждать план операции.

В конце концов, взвесив все обстоятельства, пришли к выводу, что единственным реальным вариантом может быть подрыв Кубе в собственной резиденции при помощи магнитной мины замедленного действия.

* *
*

И вот мины доставлены в Минск. Осипова с нетерпением ждет Мазаник в назначенном месте. Но ни Галины, ни Валентины все нет и нет. А в это время, как было условлено, началась эвакуация семьи Мазаник из пригородной деревни Масюковщины в партизанский отряд. При этом произошел такой случай. Когда партизанские подводы отъехали на некоторое расстояние от деревни в сторону леса, оторвалась корова и убежала обратно в Масюковщину. Это могло навести немецкую агентуру на мысль, что с семьей Елены Мазаник происходит что-то неладное, а следовательно, и пребывание ее в резиденции Кубе ставилось под угрозу. Нужно было действовать немедленно...

Осипова положила в сумочку мины и направилась прямо в кинотеатр к Николаю. Ее встретила в вестибюле разукрашенная дама, очевидно администратор или кассир.

— Что вам угодно?

— Мне нужен директор.

— Он занят. Из Варшавы приехали господа шефы. Они осматривают зал...

Что же делать? Оставаться здесь с минами опасно, уйти, не встретившись с Николаем, нельзя.

Но вот на лестнице появилась группа немцев, и с ними Николай. Осипова пошла навстречу:

— Кто будет директор?

— Я,— ответил Николай и побледнел.

— Меня направили к вам на работу.

— Я занят. Через десять — пятнадцать минут освобожусь.

— Хорошо. Я подожду вас,— и Осипова направилась в сквер на площади Свободы.

Свободных мест было достаточно: мало кто в те дни бывал на скверах... Только она уселась, как подошли два полицая и уселись рядом. Осипова осторожно пододвинула сумочку поближе к себе.

— Садитесь,— любезно предложила она.

Полицаи уже были не те, что в 1941 году. Победа на Волге и эхо боев на Курской дуге основательно подорвали их самоуверенность.

Подошла изможденная, оборванная женщина с мальчиком и девочкой и начала ругать полицаев:

— А ну, подвиньтесь, гады, немецкие холуи. Дайте сесть женщине. Все продали Гитлеру... Это он пожрал хлеб моих детей...

Полицаи молча встали и ушли не оглядываясь. Чудно? Да! Радостная улыбка осветила лицо Осиповой. Большие перемены произошли в настроении людей за последнее время.

Николай появился неожиданно.

— Где Галя? Где Валентина? — спрашивала Осипова.— У меня все готово. Немедленно выясняйте, будут они выполнять задание или нет? Если нет, начнем осуществлять запасной план. Завтра чтобы все было ясно...

— Хорошо,— ответил Николай и прошел дальше.

Вечером к Осиповой прибежала Ренечка.

— На вашей квартире был обыск. Соседку избили. Там оставили засаду. Вас видели в городе и теперь, видимо, хотят арестовать,— сообщила она.— Завтра будет Чиль и тот, кто вам нужен.

Николай сделал все, что нужно для встречи Осиповой с Мазаник, а сам уехал с товарищем в командировку в Варшаву. Дальнейшие события уже происходили без него. По возвращении из Варшавы Николай был арестован на Минском вокзале. Он погиб в застенках гестапо.

В условленное время к Мазаник явилась Осипова и обстоятельно проинструктировала, как заряжать и ставить мину.

В назначенное время член группы Николай Фурц появился на автомашине около драматического театра с пропуском на выезд из города. Осипова, волнуясь, прохаживалась по Центральному скверу, пристально всматриваясь в прохожих. Группами проходили немцы, полицаи, останавливались, болтали. Гражданских почти не было. Осипова начала волноваться не на шутку. Прошли уже все намеченные сроки, а ни Елена, ни Валентина не появлялись. Как выяснить, что с ними?

Чтобы не привлекать к себе внимания, Осипова остановилась возле дерева и начала медленно снимать туфлю, посматривая по сторонам. Вот она увидела почти бегущую к условленному месту Елену. Вот Мазаник остановилась и что-то стала искать около скамейки. Осипова немедленно надела туфлю и направилась к ней.

В это время подошла Валентина. Втроем они направились к автомашине. Осипова не спрашивала о самом главном, видно было и без того: задание выполнено...

Машина с отважными патриотками ушла в сторону Лагойска, в партизанский лагерь. Вскоре после прибытия отважных подпольщиков в партизанский отряд было получено сообщение, что в столице Белоруссии городе Минске в собственной резиденции убит палач белорусского народа гауляйтер Вильгельм фон Кубе...

Приговор белорусского народа был приведен в исполнение.

ЛЮБОВЬ РУДНЕВА

ЛЮДМИЛА ПАВЛИЧЕНКО

Темная степная ночь. Состав остановился посреди степи, дернулся раз-другой, лязгнули буфера.

Сгружались в темноту. После духоты теплушек степная ночь ошеломляла. Люда Павличенко еще не освоилась с темнотой, со степью — ухнули поблизости орудия. «Что это? — спросил кто-то.— Они или мы?»

Прошли несколько десятков шагов, выстроились в каре. Посредине стоял высокий человек, над ним — знамя. Командир у знамени заговорил — про великую войну, Отечественную.

— Может, знамя не видно вам,— услышала Люда,— но я его знаю, выцветшее, продырявленное. Имя на нем Чапаева, он его в руки брал! Знамени этому столько же лет, сколько нашей революции. Поклянемся же Родине, Чапаю прогнать Гитлера с нашей земли.

Поклялась и снайпер сержант Люда Павличенко не щадить своей жизни, как не щадил ее Чапай...

Тот же голос у знамени продолжал:

— И помнить надо, какая вам оказана честь. Вы теперь бойцы и командиры 25-й имени Василия Чапаева дивизии. Она приняла бой в первую же ночь войны... А теперь берите лопаты, пошли окопы рыть...

Так на Пруте началась воинская жизнь Люды Павличенко. Она еще несколько дней назад приехала из Киева в Одессу, чтобы закончить свою дипломную работу о Богдане Хмельницком. И тут ее застигла война. Люда поступила так, как в эти дни поступали тысячи ее сверстников: она бросилась в военкомат, пошла в армию добровольцем.

Всю ночь рыли окопы. Тяжело поддавалась ссохшаяся степная земля.

Люду зачислили в снайперский взвод. Вместе с дивизией с боями отходила к Одессе и два с половиной месяца участвовала в боях за нее. Ничто не давалось на войне легко, каждый день, иногда час приносил новые испытания.

Люда до войны окончила снайперскую школу Осоавиахима, тогда она мечтала сразиться с фашистами на земле Испании. Но теперь они пришли сюда уже с опытом войны.

Вот тут и началось самое тяжкое. Мало было обладать смелостью — необходимо было научиться терпению, качествам разведчика, хладнокровию, стать мастером точной, сверхточной стрельбы...

Умный, умелый командир снайперского взвода двадцатитрехлетний Василий Ковтун учил ее вести наблюдение, чувствовать винтовку, как живое существо, вести поиск.

Знойные дни под Одессой, бесчисленные атаки, которые отбивали чапаевцы, ночные бои, тяжелые утраты многому научили вчерашнюю студентку Люду Павличенко. Начиналась совершенно новая полоса ее жизни, горькая и необходимая.

Где-то на севере за ее судьбу тревожилась мать, большой друг Люды, с нею был маленький сынишка. Приходили письма уже не только от матери — скоро в адрес Люды хлынул поток писем со всех концов страны. Кто не видел ее в боевой обстановке, судил по коротким, но красноречивым сообщениям. Имя Люды Павличенко, снайпера Чапаевской дивизии, стало ненавистно гитлеровцам, а это ли не показатель силы солдата?

Василий Ковтун был требовательным, но когда он пытался оберечь Люду, понимая, как трудно молодой женщине на фронте, она резко протестовала. Да и воинская дружба ее ко многому обязывала.

Однажды под Одессой он зашел в блиндаж, где Люда отдыхала после тяжелого боя, и сказал:

— Мы снайперским взводом прикроем отход полка, а ты уйдешь с полком.

— Как уйду? — встревожилась Люда.— Я с вами буду прикрывать полк.

Ей помог комиссар Деев. Ковтун согласился оставить Люду в прикрытии.

Немцы атаковали двумя батальонами, но безуспешно. Горсточка снайперов продержалась весь долгий летний день. Ночью хоронили товарищей, а рано утром Ковтун приказал нацепить пилотки на саперные лопатки и воткнуть их около себя:

— Пусть маячат, нам будет легче, а немцам больше хлопот.

От жары растрескались губы и кровоточили. Хотелось пить. Глаза разъедала пыль, но надо было держаться.

Против взвода Ковтуна немцы бросили свой снайперский взвод. Видно, решили быстро управиться с советскими стрелками. Массовая дуэль тянулась несколько часов, взвод Ковтуна потерял больше половины. Наступила тягостная пауза. Стемнело. Над окопчиком Люды показалась голова Ковтуна, синие глаза в сумерках казались черными.

ПАВЛИЧЕНКО
Людмила Михайловна

— Слушай, Люда, твоя винтовка шалит, слышу по звуку.— Ковтун занимал соседнюю ячейку.

— Бери мою, заслужила. А я к пулемету. Будете отходить — задержу!

— Не уйду от тебя, Василь!

— Приказываю...

Но вдруг заработали минометы врага, и командование взводом принял на себя Марченко.

Пулемет Ковтуна перешел к Марченко, винтовка синеглазого украинца была у Люды. Марченко подавал команду охрипшим голосом: уже сутки не было воды. Было решено отходить: у снайперов оставались только гранаты. Люда приподнялась. Она должна была перешагнуть через тело Ковтуна, но не могла сдвинуться с места. Тогда к ней подполз комиссар Деев. Он взял ее, полуобеспамятевшую, в охапку и потащил. Марченко и двое раненых снайперов зарыли тело Ковтуна.

А в сентябрьских боях, когда отбивали атаку противника, погиб и новый командир взвода. Люда приняла командование. Она бросилась к пулемету и положила винтовку Ковтуна на бруствер. Разорвался снаряд. Люду ударило о землю, винтовку Василия разнесло в щепы...

Ни ранения, ни контузии не разлучили Люду Павличенко с Чапаевской дивизией. Многие товарищи ее сложили голову под Одессой, но приходили новые бойцы, и она помогала им стать мастерами точной стрельбы, как помогали ей Ковтун и Марченко. Много раз под Одессой она видела и командира своей дивизии. Генерал-майор Иван Ефимович Петров хорошо знал своих солдат. Он отличался бесстрашием и талантом незаурядного военачальника.

После Одессы чапаевцы сражались под Севастополем, на Мекензиевых горах. Они защищали ключевые позиции, ведущие к городу.

В ноябрьские дни, продуваемые холодными ветрами, в непогоду отбивали они натиск врага. Они стояли на направлении главного удара.

Теперь снайпер Люда Павличенко действовала в условиях горной войны. Это была ее первая военная осень в горах и первая зима на скалистой земле Севастополя.

В три часа утра обычно она уже выходила в засаду. Иногда она тонула в тумане, иногда искала спасительного укрытия от прорвавшегося сквозь облака солнца, лежала на мокрой, сочащейся влагой земле.

Стрелять можно только наверняка, и до выстрела иногда лежала дорога терпения длиною в день или два. Ни одной ошибки — или обнаружишь себя. И уже не будет спасения. Тщательно бери цель. Как коротка мысль об этом, как все долго длится на войне! Однажды на Безымянной вышли против нее в засаду шесть автоматчиков. Они заметили ее накануне, когда вела она неравный бой весь день и даже вечер. Гитлеровцы нависли над дорогой, по которой подвозили боеприпасы соседнему полку дивизии. Долго, по-пластунски Павличенко поднималась в гору. Болели локти и колени. Пули со всхлипом впивались в деревце, то впереди, то сзади Люды. Иногда они зарывались в землю.

Пуля срезала ветку дуба у самого виска, другая пробила верх фуражки. И тогда Павличенко сделала два выстрела — замолчал тот, кто едва не поразил ее в висок, и тот, кто чуть-чуть не угодил ей в лоб. Истерично стреляли четверо живых, и снова, уползая, извиваясь, как змея, она била точно туда, откуда раздавался выстрел. Еще трое остались на месте, только один убежал.

Павличенко замерла. Теперь нужно ждать. Нельзя приподняться, сдвинуться. Один из них мог притвориться мертвым, и, быть может, он выжидает, когда она пошевелится. Или тот,

кто убежал, уже привел с собой других автоматчиков. Сгустился туман. Вдруг раздался выстрел, второй... издалека. Павличенко решила подползти к своим врагам. Она снова ползла по-пластунски. Взяла автомат убитого, взяла в укрытии ручной пулемет. Расположила оружие так, что пулемет оказался посередине. Приготовилась. Беспорядочная стрельба гитлеровцев, наползших на нее из тумана, усилилась. Она отвечала то из пулемета, то из автомата, чтобы враги вообразили, будто здесь несколько бойцов.

Долгий неравный бой. К ночи поднялся ветер. Люда влезла в окопчик, который бросил утром один из автоматчиков, чтобы поближе подползти к ней. Стрельба прекратилась. Немцы не отважились искать ее в темноте...

Сержанта Людмилу Павличенко перевели в соседний полк. Слишком много бед принес гитлеровский снайпер. Он уже убил двух снайперов полка. Как правило, немецкие снайперы прятались за передним краем своих, тщательно маскировались, надевали пятнистые с зелеными разводами халаты — уже наступила весна 1942 года.

У этого был свой маневр: он выползал из гнезда и шел на сближение с противником. Долго лежала Люда, ждала. День прошел, вражеский снайпер не подавал признаков жизни. Он заметил наблюдателя, но решил не бить, хотел выследить ее и уложить на месте.

Люда тихо свистнула — приказала наблюдателю, лежавшему метрах в пятидесяти от нее, уйти.

Осталась на ночь. Ведь немецкий снайпер наверняка привык спать в блиндаже и поэтому вымотается быстрее, чем она, если застрянет здесь на ночь. Так лежали они сутки не шелохнувшись. Утром опять лег туман. Голова отяжелела, в горле першило, одежда пропиталась сыростью, и даже руки ломило.

Медленно, нехотя туман рассеялся, просветлело, и Павличенко увидела, как, прячась за макет коряги, снайпер передвигался едва заметными толчками. Все ближе и ближе к ней. Она двинулась навстречу. Одеревеневшее тело стало тяжелым и неповоротливым. Сантиметр за сантиметром преодолевая холодную каменистую подстилку, держа винтовку перед собой, Люда не отрывала глаз от оптического прицела. Секунда приобрела новую, почти бесконечную протяженность. Вдруг в прицел Люда уловила водянистые глаза, желтые волосы, тяжелую челюсть. Вражеский снайпер смотрел на нее, глаза их встретились. Напряженное лицо исказила гримаса, он понял — женщина! Мгновение решало жизнь — она спустила курок. На

спасительную секунду выстрел Люды опередил. Она вжалась в землю и успела увидеть в прицеле, как моргнул полный ужаса глаз. Гитлеровские автоматчики молчали. Люда выждала, потом поползла к снайперу. Он лежал, все еще целясь в нее.

Она вынула снайперскую книжку гитлеровца, прочла: «Дюнкерк». Рядом стояла цифра. Еще и еще французские названия и цифры. Более четырехсот французов и англичан приняли смерть от его руки. Он открыл свой счет в Европе в 1940 году, сюда, в Севастополь, его перебросили в начале сорок второго, и цифра «сто» была прочерчена тушью, а рядом общий итог — «пятьсот». Люда взяла его винтовку, поползла к своему переднему краю.

Тяжкие испытания выпадают на долю каждого бойца, на долю снайпера тем более: томительные часы выжидания, мучительное чувство скованности, напряжение поиска, сутками длящиеся дуэли, жажда, пробирающий до костей холод камня, желание уснуть — такое опасное и почти необоримое. Но самым жгучим было чувство тревоги за своих боевых друзей.

Много раз она выходила на задание со снайпером Леонидом Киценко, они вместе пришли в Чапаевскую дивизию еще под Одессой.

Вот они притаились в снайперском гнезде. Земля начинала оживать после слишком холодной для Севастополя зимы. Весеннее солнце иногда мешало, иногда помогало снайперам. Мешало, когда весенний луч бил в глаза, вдруг вырываясь из-за облаков, помогало, когда солнечный зайчик выпрыгивал из бинокля врага, обнаруживая его тайник. Киценко умел молчать, терпеть часами озноб уходящей зимы, по суткам забывать о еде. Он только, как и она, не умел гнать тревогу за своего друга.

В тот день солнце неожиданно выдало их, и стелющийся минометный огонь, воющий и стенающий, настиг второго снайпера. В тот момент, когда второй снайпер Леня Киценко, коснувшись плеча Люды, спросил: «Ты очень устала?» — осколок мины оторвал ему руку.

Она сама вынесла его из-под огня гитлеровцев, вынесла стремительно, идя во весь рост. А потом его положили на носилки, обеспамятевшего, а она отстреливалась — гитлеровцы перешли в атаку.

На слете снайперов Павличенко рассказала о том, как в самой сложной обстановке удается ей обучать товарищей снайперскому делу. Она не скрывала от своих учеников ни риска, ни особой опасности своей военной профессии. В апреле на

снайперском слете ей был вручен диплом. Газета Приморской армии сообщала: «Товарищ Павличенко отлично изучила повадки врага и овладела снайперской тактикой... Почти все пленные, захваченные под Севастополем, с чувством животного страха говорят о наших сверхметких стрелках: «Больше всего потерь мы несем последнее время от пуль русских снайперов».

Приморцы могут гордиться своими снайперами!»

На Мекензиевых, непосредственно в боевой обстановке, на совещаниях Люда Павличенко встречала командующего Приморской армией генерала Ивана Ефимовича Петрова. Он оставался замечательным примером мужества для всех приморцев и с особенной душевной заботой относился к женщинам-воинам, несшим наравне с мужчинами самые большие тяготы войны.

Снова и снова выходила Люда на поиск.

Теперь она пошла в засаду еще с двумя снайперами. Взяли немного хлеба и воды. Она изредка пересвистывалась со своими товарищами. С собой несла пулемет, у пояса подвесила две гранаты. Вышли в полвторого ночи, до того три дня Люда разведывала это место. Отползли метров пятьсот от переднего края.

Люда лежала без каски, чтобы не вызвать лишнего шума и все слышать. Перед ней второй эшелон гитлеровцев, их надо ошарашить внезапным нападением, пусть хоть в этот день им неповадно будет лезть на наши позиции.

Подвезли кухню, гитлеровцы прохаживались вокруг нее: шутили, напевали. Быть может, тут были и те, кто всего несколько дней назад вел минометный огонь по ее снайперскому гнезду. Возможно, офицер, раскуривавший сигарету,— убийца снайпера Леонида Киценко.

Она первой из трех снайперов открыла огонь. Враги заметались, упал офицер, взмахнув сигаретой. Люда стреляла из пулемета.

Раздался истошный крик:

— Русские партизаны!

Стреляла Люда, стреляли двое ее товарищей. Потом они поспешно отползли...

Выполняя задания и в короткие часы передышек, Павличенко продолжала заниматься с молодыми снайперами. Себя молодая женщина считала уже старичком. Впрочем, все, кто оставался в строю, начав свой воинский путь с самого начала войны, по праву считали себя старыми бойцами. Так оно и было. День здесь был равен месяцу, иногда году. Седые прядки

появились в черных волосах этой необыкновенно красивой женщины, чье одухотворенное лицо хорошо знала вся страна. О ней появлялись корреспонденции в центральной прессе — ее мужество, опыт, выдержка помогли тысячам людей выдюжить то, что казалось невыносимым.

В Севастополе становилось все труднее и труднее, но Павличенко, преодолевая недомогание от ранений и контузий, продолжала вести бои с гитлеровцами. И только когда все силы были исчерпаны, она на подводной лодке уплыла на Большую землю.

До последнего часа стояла, обороняя город, Чапаевская дивизия, выдержав восьмимесячную осаду...

За отвагу, военное мастерство, мужество, проявленные в борьбе с гитлеровцами, Людмила Павличенко получила звание Героя Советского Союза.

После Севастополя она была внезапно вызвана в Москву, в Главное политическое управление. Ей сообщили, что Элеонора Рузвельт и Американская студенческая ассоциация пригласили студентов-фронтовиков в США. Павличенко просила оставить ее в рядах сражающихся, но ей объяснили: поездка в Америку — тоже сражение за более действенный союз народов Советского Союза, Америки и Англии, за открытие второго фронта.

Вместе со снайпером-ленинградцем Пчелинцевым она вылетела в Америку.

Тогда впервые по пути в США она побывала в Африке. Могла ли она подозревать, что пройдут годы и ей придется еще не раз посетить африканскую землю в качестве посланца доброй воли своего народа, верного друга свободолюбивых народов африканского континента.

В Америке с советскими делегатами беседовал посол М. М. Литвинов. Он помог Люде своими дружескими советами ориентироваться в совершенно незнакомой стране. Тут Люде Павличенко вместе с ее ленинградским товарищем пришлось вести пресс-конференцию, на ней присутствовало пятьдесят два представителя американской прессы. Нужно было знать так много и достоверно, как знала это Павличенко, о мужественной битве своего народа, чтобы выдержать натиск профессиональных журналистов — газетчиков США.

У нее спрашивали:

— У вас была охрана?

Она отвечала:

— Моя винтовка.

— Скольких вы убили в бою?

Она поясняла, несмотря на всю нелепость постановки вопроса:

— Триста девять. Я каждого фашиста уложила на фронте, а не в плену.

И снова сыпались вопросы.

— Скольких гитлеровских снайперов, асов винтовки, вы имеете на своем счету?

— Тридцать шесть.

Тридцать шесть снайперских дуэлей, тридцать шесть многодневных поединков. И опять припоминались дни и ночи, слившиеся в один знобкий поток, когда за ней охотилось сразу несколько гитлеровских автоматчиков, их засады...

У нее спрашивали:

— Вы профессор снайперов?

Она отвечала точно, как подобало советскому воину:

— Я учила младших товарищей.

— Где же, в военной школе? — уточняли любопытствовавшие газетчики.

— Нет, у нас время не терпит. На переднем крае.

Но совсем иными были встречи с простыми американцами. Она объездила несколько десятков городов, выступала на массовых митингах, на предприятиях, на верфях.

На стотысячном митинге в Нью-Йорке познакомилась с Полем Робсоном, и он, выступив после нее, запел: «Широка страна моя родная...». Советскую песню подхватила огромная аудитория.

Она встречалась с самыми разными людьми, которые выражали глубокое чувство симпатии к советскому народу и к ней — солдату, его посланцу.

Ее пригласил к себе замечательнейший актер и режиссер Чарли Чаплин, он дружески беседовал с отважным снайпером.

Вместе с другими делегатами она побывала в Белом доме на приеме у Франклина Рузвельта. Рузвельт расспрашивал ее о тяготах фронтовой жизни и передал лучшие пожелания советскому народу.

Из США Павличенко попала в Канаду. На митинге в Торонто ей вручили памятный подарок, свидетельство восхищения канадцев мужеством советского воина,— снайперскую винтовку винчестер с оптическим прицелом.

По приглашению студенческой организации и министерства информации Англии она принимала участие в Первом конгрессе молодежи мира и была выбрана вице-председателем военной комиссии конгресса.

Где бы ни выступала Павличенко, она, рассказывая о борьбе советского народа против фашистской Германии, подробно знакомила слушателей с героической обороной Севастополя, участником которой была сама. Отклик аудитории был таким же непосредственным и искренним, как и само выступление снайпера.

Ее неоднократно просили рассказать свою биографию. Люда говорила о своей семье. Отец ее — участник гражданской войны, на фронтовых дорогах на Восточном фронте много раз встречался с Чапаевым. Большое влияние на нее, еще девочку, оказал командарм Восканов, в подчинении у которого в свое время находилась дивизия Чапаева. Волею судеб случилось так, что она после работы на заводе «Арсенал» в Киеве, после университетской учебы попала на фронте именно в эту дивизию, которую создал Василий Иванович Чапаев.

Павличенко рассказывала о том, что значат для Советской Армии славные традиции революционной поры, говорила о гуманизме советских людей, о их неимоверных лишениях, о содружестве наций.

Часто на встречах возникали самые неожиданные дискуссии, и тут уж на помощь снайперу Люде Павличенко приходила историк Павличенко.

В огромной, насущно необходимой борьбе за мир, которую ведет неустанно наш народ, принимает активное участие Герой Советского Союза Людмила Михайловна Павличенко.

После войны она закончила университет. Ее можно было увидеть и в самых отдаленных уголках нашей страны, и на международной конференции женщин в Копенгагене, и в молодых республиках Африки — всюду она желанный посланец советских людей, участник битвы за мир.

Член Ассоциации дружбы с народами Африки, она помогает нам лучше узнать жизнь свободолюбивых африканских народов, в Африке она помогает нашим друзьям лучше понять жизнь людей Советского Союза.

Иногда в самых далеких краях она встречает своих товарищей по обороне Севастополя, среди них много ученых, врачей, рабочих, инженеров, дипломатов, мореплавателей. Отважные люди, они полны энергии, отдают все силы строительству и воспитанию молодежи и высоко ценят великое братство советского воинства, ярким представителем которого является женщина-герой Людмила Павличенко.

И. ИГОШЕВ

ДОРОГОЙ ПОДВИГА

Словно короткий порыв ветра, утих многоголосый ребячий говор. Из-за стола поднялась высокая женщина в темном костюме. Луч солнца, неожиданно заглянувший в окно, упал на ее грудь и, отразившись от Золотой Звезды, веселым зайчиком прыгнул к потолку.

Герой Советского Союза Зоя Ивановна Парфенова-Акимова, как представили дорогую гостью школьникам, еще раз посмотрела в зал. Ее взгляд встретился с сотнями горячих детских глаз. Неторопливо она начала простой рассказ о себе, о своих боевых подругах, с которыми свела ее суровая фронтовая жизнь, о том, как вместе делили они радости побед, горечи потерь и неудач...

Не впервые выступала Зоя Ивановна перед школьниками, и все же волновалась. Глядя на яркие огоньки пионерских галстуков, на комсомольские значки старшеклассников, она невольно переносилась воспоминаниями в далекие, но по-прежнему дорогие сердцу годы детства и юности.

Вот в первом ряду сидит маленькая светловолосая девочка. Зоя Ивановна на секунду встречается с ее внимательным взглядом. Да, пожалуй, такой была и она, когда, сопровождаемая последними напутствиями матери, пошла в школу в родном Алатыре. Помнит, как, провожая ее, самую младшую, мать торопливо смахнула горькую слезу. Всего год исполнился Зое, когда умер отец. Тяжело было одной растить пятерых. И вот уже самая младшая пошла в школу. Уверенно ли пойдет она по дороге к знаниям? На какие просторы выйдет? Как не волноваться матери от таких дум! Вроде бойкая, ловкая, уже немало хлопот и забот разделила со старшими сестрами. А как оно там будет дальше?..

Вон стайка девочек-старшеклассниц, видимо прервав неоконченный разговор, серьезно и сосредоточенно прислушивается к рассказу гостьи. Может, она расскажет что-то такое, что поможет найти ответ на возникший уже перед ними вопрос: кем быть, какой дорогой пойти в большую жизнь?

Такой была и Зоя, когда поступила в школу медицинских сестер. Лекции по медицине, практические занятия увлекли ее. Хотелось больше узнать, всему научиться, чтобы быть нужной людям, идти в одном строю с теми, кто воздвигал новые фабрики и заводы, шахты и электростанции. Славные дела героев первых пятилеток рождали у девушки, как и у всех ее сверстников, светлую мечту о подвиге.

Больше всего волновали Зою вести о делах авиаторов. Дорогими и близкими стали для нее имена Чкалова, Байдукова, Громова, Ляпидевского и многих других летчиков, смело штурмовавших новые и новые рубежи на воздушных трассах. А потом вести о подвиге первых летчиц — Героев Советского Союза Валентины Гризодубовой, Полины Осипенко и Марины Расковой. Не один раз перечитывала Зоя сообщения о их полете. Портреты героинь, вырезанные из газет, повесила дома на самом видном месте.

Как-то Зоя узнала: Алатырский аэроклуб объявляет очередной прием курсантов. И дрогнуло сердце девушки. Рядом поселились в нем радость надежды, тревога и сомнение. Спорили, боролись между собой эти чувства, не давали покоя ни дома, ни в школе. Поделиться бы с подругами, да нельзя: раззвонят — Зойка Парфенова в летчицы задумала. Рассказать матери — только огорчить. Она даже во сне видит, как стала Зоя врачом, лечит людей от всех болезней, и все говорят доброе слово о ней, Марфе Ульяновне, воспитавшей такую дочь. Как тут объяснишь, что совсем другие думы не дают покоя девичьей душе?

Тайком от родных и друзей Зоя подала заявление в аэроклуб. Прошла комиссию. Здоровье у будущей летчицы оказалось превосходным. Начались занятия.

Учиться было нелегко. В школе медицинских сестер близились экзамены, и к ним надо было готовиться. А в аэроклубе полным ходом изучали теоретический курс. Преподаватели все чаще напоминали: без знания теории в небо дороги нет. Но Зоя так распределяла время, что его хватало на все. О ее учебе в аэроклубе знали только близкие подруги, секретарь комсомольского бюро да старшая сестра. Придет, бывало, поздно домой — мать тут же допрос:

— Где была?

— На комсомольском собрании.

В другой раз:

— К экзаменам готовлюсь с подругами.

Потом:

— Репетиция в кружке самодеятельности.

ПАРФЕНОВА
Зоя Ивановна

И не догадывалась Марфа Ульяновна, почему руки у дочери частенько пахнут маслом и бензином, не полюбопытствовала, какие книжки она тихонько прячет под подушку. Обо всем мать узнала позднее, когда с начинающей летчицей случилось несчастье. Первый прыжок с парашютом оказался неудачным, и Зоя получила травму. Тогда и решила обо всем рассказать матери. Всплакнула она, осыпая дочь горькими упреками, а потом сказала:

— Что ж теперь поделаешь! Благословляю тебя, дочка. Только береги себя...

Став медицинской сестрой, Зоя настойчиво продолжала учиться в аэроклубе. Вот уже сданы экзамены за теоретический курс. Началась наземная подготовка. Под руководством инструктора курсанты учатся занимать место в кабине, управлять педалями и ручкой. Все надо делать так, как требуется в настоящем полете. С каждым новым занятием задания усложняются. Потом полеты с инструктором, который через дублированное управление вовремя исправляет каждую ошибку учлетов.

И наконец первый самостоятельный полет. Каждому летчику он запоминается на всю жизнь. Зоя Ивановна и доныне помнит до мельчайших подробностей то раннее летнее утро. Инструктор Усов, внимательно посмотрев на курсантов, сказал:

— Парфенова, к самолету!

Занято место в кабине, прибавлены обороты винту. Самолет трогается с места. Дан старт, и видавший виды ПО-2 все быстрее мчится по летному полю, отрывается от земли. Послушная воле пилота, крылатая машина набирает высоту.

Волнение, охватившее Зою при взлете, постепенно улеглось. На смену ему приходит уверенность, гордость за то, что вот теперь одна, без инструктора ведет самолет.

Полет прошел успешно. Окрыленная радостью, Зоя Парфенова, не скрывая волнения, докладывала о выполнении первого самостоятельного задания. Потом полеты все чаще и чаще. В конце лета экзамены. Аэроклуб окончен успешно. И снова нелегкий для девушки вопрос: что же дальше? Многие ребята уезжали в военные авиационные училища. Как бы хотелось уехать с ними, в большую авиацию! Но военные училища не для девушек.

Своими грустными думами Зоя поделилась с начальником аэроклуба. Внимательно выслушав ее, он посоветовал:

— Поучись еще у нас.

Через год Зоя Парфенова получила звание летчика-инструктора. Первая в Алатыре девушка-летчик дала потом путевку в небо многим юношам города. Летом 1941 года она готовила к выпуску вторую группу курсантов аэроклуба. Но вот грянула война. Радио и газеты каждый день приносили все более тревожные вести о продвижении фашистских войск в глубь нашей страны. Зоя не раз ходила в райком комсомола и военкомат, настойчиво просила:

— Пошлите на фронт!

Ее внимательно выслушивали и... отказывали. Говорили: нужна здесь, чтобы готовить резервы для боевых авиационных частей.

В октябре 1941 года Зоя случайно прослышала: Марине Расковой поручено формировать женскую авиационную часть. В Москву полетела телеграмма. Вскоре Зою вызвали.

— Значит, на фронт хотите? — с улыбкой, присматриваясь к юной собеседнице, спросила Марина Михайловна.

— Да,— твердо ответила Зоя.

— Вы хорошенько подумайте,— предостерегала Раскова.— На фронте будет очень трудно. Летать будете ночью. Всегда опасности.

— Я думала обо всем...

Зое казалось тогда, что пройдет две-три недели, ну месяц, и она поведет в бой на врага настоящий боевой самолет. Но все пошло по-другому. Прибыли в Энгельс. Всех распределили по группам. Началась напряженная учеба. Днем и ночью над аэродромом гудели самолеты. Зоя Парфенова была вначале рядовым летчиком в звене Маши Смирновой. Затем заместителем командира эскадрильи, когда Смирнова стала командовать этой

эскадрильей. Зое, имевшей опыт работы инструктором, часто поручали тренировать молодых летчиц. Многие из них стали потом мастерами ночных бомбовых ударов.

Шел февраль сорок второго года. Из группы формирования выделили полк легких ночных бомбардировщиков. Его командиром стала летчица Е. Д. Бершанская. Учеба продолжалась. Она кончилась только в мае. Полк вылетел на фронт. А вскоре под Луганском он начал свою боевую деятельность.

* * *

...Самолет Зои Парфеновой готов к первому боевому вылету. Под плоскостями двести килограммов бомб. В свою кабину штурман Дуся Пасько аккуратно уложила осветительные.

Получено разрешение на взлет. А еще через несколько секунд тяжело нагруженный ПО-2 вслед за другими такими же машинами уходит в темноту тревожной фронтовой ночи. Все идет как в обычном полете. Зоя внимательно следит за приборами, часто поглядывает на часы. На душе неспокойно. То ли свежий ночной ветер, то ли холодок тревоги проникает в самую душу.

Фронт уже близко. Пройдет, может быть, еще несколько секунд, и полоснут по небу лучи прожекторов, ударят зенитки. Но идет время, а враг молчит. Впереди по курсу сначала справа, потом слева вспыхнули осветительные бомбы, сброшенные другими экипажами, следом раздались глухие тяжелые взрывы.

— Пора,— сообщает Пасько.

Осветительные бомбы широко распахнули темноту. Теперь отчетливо видна цель. Самолет слегка вздрагивает, внизу возникают взрывы. Задание выполнено. Обрадованные первой удачей, подруги возвращаются на свой аэродром.

В ту памятную ночь Зоя Парфенова, Дуся Пасько и их боевые подруги получили первое боевое крещение.

Редкая ночь обходилась без боевых вылетов. Экипаж Зои Парфеновой бомбил врага на Миусе, под Таганрогом, на Дону, на Северном Кавказе. Уже не раз ее маленький самолет метался в страшных объятиях лучей прожекторов, ловко увертывался от зенитного огня, а потом снова и снова шел на врага со смертоносным грузом. В числе первых в полку старшина Зоя Парфенова 6 сентября 1942 года получила боевую награду — орден Красного Знамени.

Фронт все дальше уходил на восток. Фашистские войска рвались к Волге и на Кавказ. С упорными боями наши части отходили. Напряженную боевую работу вел и полк ночных бомбардировщиков. Кроме обычных полетов на бомбометание приходилось вести разведку днем.

Завязались упорные бои под Моздоком. В октябре ночные бомбардировщики получили ответственное задание — разбить переправу через Терек у населенного пункта Хамидия.

Переправа очень основательно была прикрыта средствами противовоздушной обороны.

В паре с Серафимой Амосовой Парфенова пересекла линию фронта. Вражеская оборона подозрительно молчит. С большой высоты Зоя начала планировать на переправу. Первый заход на цель. Пасько сбросила одну осветительную и одну фугасную бомбу. Мимо. И вдруг заплясали во мраке лучи прожекторов, ослепительными щупальцами схватили самолет. Взрывы зенитных снарядов все ближе, все плотнее. Вправо, влево бросает Зоя свой ПО-2, но вырваться из цепких объятий огня и света так и не удается. В эту минуту и пришла на выручку Серафима Амосова. Сбросив осветительные бомбы левее, она отвлекла прожектористов и зенитчиков на себя.

— Теперь наш момент! — кричит штурман.

Зоя быстро набрала высоту и снова спланировала на переправу. На этот раз Пасько не промахнулась. Бомбы точно легли в цель. Снова вражеские прожекторы метнулись к переправе, но было уже поздно. Умело маневрируя, Парфенова вывела самолет из зоны огня. Утром следующего дня командир стрелковой дивизии сообщил в полк, что переправа через Терек разбита.

Март 1943 года. Полк, получив пополнение, с новыми силами начал действовать на Кубани. Выполнение боевых задач необычайно усложнилось. Приходилось летать над «Голубой линией», как назвали гитлеровцы сильно укрепленную полосу обороны, протянувшуюся от Новороссийска до Азовского моря. Здесь враг держал отборные авиационные части, каждый пункт был до предела насыщен средствами противовоздушной обороны.

Какие только трудности не пережили в эти дни летчицы ночного бомбардировочного полка! Неустойчивая погода, сильный заградительный огонь, действия вражеской истребительной авиации... И почти каждую ночь шесть — восемь вылетов, столько же встреч со смертельной опасностью.

В одну из таких ночей Зоя Парфенова летела на задание нанести бомбовый удар по скоплению гитлеровцев под Славянской. К цели удалось подойти незаметно. Но как только были

сброшены первые бомбы, враг всполошился. Мгновенно вспыхнули прожекторы, со всех сторон стали рваться зенитные снаряды. Маневрируя, Парфенова повела самолет на снижение. Быстро падала высота. Четыреста... триста метров. Ниже нельзя. Едва машина выровнялась, как прожекторы снова впились в нее со всех сторон. Пошла прямо на них, чтобы сбросить оставшиеся бомбы, но зенитным огнем самолет был поврежден, замок бомбосбрасывателя заклинен.

С огромным трудом удалось вырваться из зоны света и огня. Но как идти на поврежденной машине и с бомбовым грузом на свой аэродром? Фашистские самолеты рыщут в ночном небе. Малейшая неосторожность при посадке — и подорвешься на своих же бомбах. Нельзя включить даже бортовые огни — того и гляди, приведешь за собой незваных гостей.

Тихо подвела Парфенова самолет к аэродрому и сделала посадку. Бомбы, к счастью, не взорвались. Подбежавшие к самолету техники Титова, Попова и вооруженцы сумели осторожно снять бомбы, а затем отремонтировать израненную машину. Вскоре она снова стрекотала в ночном кубанском небе...

Вот лишь некоторые скупые факты о боевых делах экипажа Зои Парфеновой в те дни.

В ночь на 11 апреля 1943 года успешно проведено бомбометание по укреплениям противника в станице Крымской. Несмотря на сильный зенитный огонь, экипаж прорвался к цели. В результате в расположении фашистов произошли два сильных взрыва.

В ночь на 27 июля экипаж бомбил войска противника в населенном пункте Русское. Парфенова сумела обойти сильный заградительный огонь, сделала несколько заходов. Сброшенными бомбами было вызвано два сильных очага пожара.

Успешные боевые вылеты совершались почти каждую ночь. Вместе со своими славными подругами Зоя Парфенова помогала наземным частям в решительном штурме «Голубой линии», летала на косу Чушку, чтобы добивать гитлеровцев, спешно эвакуировавших остатки своих частей в Крым. Приходилось летать на разведку Крымского побережья, бомбить там важные объекты.

В октябре под Керчью высадился наш десант. И опять у ночных бомбардировщиков началась горячая пора. Бомбили вражеские огневые точки и прожекторные установки, мешавшие десанту, доставляли продовольствие и боеприпасы морякам и армейцам. Когда разыгравшийся шторм задержал дальнейшее десантирование и первый эшелон наших войск, высадившийся

в поселке Эльтиген, оказался в тяжелом положении, на помощь ему пришли ПО-2. На высоте пятьдесят — семьдесят метров отважные летчицы подходили на заветный огонек и точно сбрасывали десантникам драгоценные грузы.

Напряжение боев возрастало с каждым днем, с каждым часом. Зоя Парфенова много раз бывала в опасном положении, но здесь оно было опаснее прежних. К тому же, как назло, часто выдавались лунные ночи, и маленький ПО-2 был хорошо виден врагу даже без прожекторов. Требовалось поистине виртуозное мастерство, чтобы проскочить к цели через смертельную завесу зенитного огня, неожиданно обрушить на гитлеровцев бомбовый удар.

В одну из таких ночей Зоя Парфенова со штурманом Ольгой Голубевой получили задание уничтожить огневые точки на горе Митридат. Если пойти на цель со стороны моря, самолет быстро обнаружат, со стороны гор — опасно вдвойне: сильнее зенитный огонь врага, а случись небольшая ошибка — бомбы попадут в своих.

— Заходим с моря,— передает Зоя штурману.

Высота около восьмисот метров. Внизу едва заметны тусклые отсветы волн. Тяжело мотору — ведь под плоскостями почти триста шестьдесят килограммов бомб.

Все ближе кромка берега. Приглушив мотор, Зоя идет на снижение. Враг молчит. Необыкновенно долго тянется время. Еще немного, и цель будет рядом. И вдруг с земли навстречу самолету брызнули разноцветные огненные трассы, заслоняя ему дорогу, вспыхнули взрывы зенитных снарядов. Зоя уходит то вправо, то влево, но машина, отяжеленная бомбовым грузом, маневрирует неохотно.

Наконец огненные строчки замелькали позади. Теперь быстрее к цели. Вся воля, все силы пилота и штурмана направлены сейчас к одному: любой ценой выполнить боевую задачу. Они уже ясно видят, как немного впереди то и дело вспыхивают отсветы выстрелов.

Самолет сильно тряхнуло.

— Готово,— передал штурман.

Глянув из кабины, Зоя увидела на земле взрывы. Теперь можно уходить. Но еще не сброшены осветительные бомбы. Сделала круг, чтобы зайти на цель повторно.

Снова приглушен мотор, однако враг не дремал. Самолет — в лучах прожекторов, к нему опять потянулись трассы огня зенитных пулеметов. Затрепетали клочья обшивки на плоскостях, словно поперхнувшись, начал задыхаться мотор.

Осветительные бомбы сброшены. Зоя отвлекла на себя зенитный огонь, создав возможность более спокойно подойти к цели следующим экипажам.

Разворот, и Зоя направляет машину к своему аэродрому. Поврежденный мотор работает все хуже.

— Дотянем ли до своих? — с тревогой спрашивает штурман.

Зоя молчит. Что ответишь, когда не знаешь, сколько оборотов еще сделает винт? Мотор может заглохнуть в любую минуту. «Ну еще, ну еще немного»,— шепчет Зоя. Но ясно, что до своего аэродрома не дотянуть. Придется идти на вынужденную посадку.

Легко сказать — вынужденная. С одной стороны горы, с другой море. Замирающее дыхание мотора жгучей болью отдается в сердцах пилота и штурмана. Остановится оно, это дыхание, и с ним может уйти жизнь. После боя. Над своей территорией. Как тяжело сознавать это!

До боли в глазах Зоя всматривается в землю. Неужели не удастся найти на ней хотя бы маленькую площадку, на которой можно посадить тяжко раненный ПО-2?..

На полковом аэродроме всю ночь ждали возвращения самолета Зои Парфеновой. Но он не появился. Его нашли только утром. Изрешеченный пулями и осколками снарядов, ночной бомбардировщик стоял на крохотном поле, в нескольких метрах от высокого крутого обрыва...

На мысе Херсонес были разгромлены остатки вражеских дивизий. Вновь засияло над крымской землей мирное весеннее солнце...

Отдых продолжался недолго. Через несколько дней, 15 мая 1944 года, полк поднялся с аэродрома и взял курс на север.

Белоруссия. Небольшая стоянка в деревне Сеща, потом в Пустынке. И снова бои. Поддерживая наступающие советские войска, отважные летчицы бомбили отходящие колонны гитлеровцев на дорогах, у переправ, на железнодорожных станциях, бомбили окруженные группировки врага. Во время боев при форсировании реки Нарев Зоя Парфенова, как и ее подруги, совершала по шестнадцать — восемнадцать боевых вылетов, находясь в воздухе по двенадцать — тринадцать часов в сутки.

К исходу января 1945 года наши войска вышли к границам Восточной Пруссии. С упорными боями советские воины продвигались вперед и вперед. Активно действовали и ночные бомбардировщики. Низкая облачность, туманы сильно затрудняли их полеты, но они все же наносили чувствительные удары по врагу.

Как-то из штаба дивизии запросили список летчиц, желающих летать днем. Одной из первых дала на это согласие заместитель командира эскадрильи коммунист гвардии старший лейтенант Зоя Парфенова. И вот ПО-2 начали своеобразные боевые вылеты — доставляли боеприпасы нашим наземным частям, далеко вырвавшимся вперед. Оттепель, дожди сделали фронтовые дороги совершенно непроходимыми для земного транспорта, и летчицы здорово выручали пехотинцев и артиллеристов. Разыскивая свои части, летали совсем низко, часто под губительным ружейно-пулеметным огнем врага.

Как-то Зоя Парфенова получила задачу доставить боеприпасы в стрелковую часть, прорвавшуюся к населенному пункту Кресен. Облачность была низкая, видимость плохая, земля просматривалась с трудом. Вскоре пошел сырой снег, который залепил козырек кабины. Ориентироваться стало еще труднее.

Вот и населенный пункт. Самолет снижается. На земле движение: видны танки, люди. Зоя смотрит, где бы сделать посадку. Но что за оказия? На бортах танков ясно видны черные кресты... К фашистам залетела! Эх, вот бы на такой случай побольше бомб! Но их нет. Летчица быстро поворачивает на восток. И тут же пулеметные очереди полоснули по плоскостям. Зоя почувствовала, как что-то резко обожгло ногу. Неужели ранена?.. Скорее уходить, ближе к земле и скрыться за леском.

Лес позади. Опасность миновала. А так ли? Вон впереди опять люди. Но они не стреляют. Они приветливо машут руками, шапками. Ведь это свои! И как она не заметила их немного раньше... Теперь быстрее на посадку.

Самолет окружили десятки людей. С трудом выбравшуюся из кабины Зою подхватили на руки, расцеловали.

— Как выручила ты нас! — говорили солдаты, разгружая тяжелые ящики с патронами и минами.

Прибежали санитары и тут же у самолета перевязали раненую летчицу.

— Где же тебя так изрешетили? — покачал головой командир батальона, глядя на пробитую перкаль плоскостей.

И Зоя рассказала, что видела в населенном пункте за лесом. Комбат крепко пожал ей руку.

— От большой беды спасла нас твоя разведка.

Примерно через полчаса самолет Парфеновой показался над аэродромом. Он плохо слушался ослабевших рук пилота. Все поняли: с Зоей что-то случилось. Выйти из кабины она уже не смогла. Ее вынесли на руках и бережно уложили в подоспевшую санитарную машину.

Ранение надолго приковало отважную летчицу к госпитальной койке. А после выздоровления — снова бои.

Славную дорогу подвига прошла в годы войны простая советская девушка. За время боев с фашистскими захватчиками она совершила семьсот тридцать девять боевых вылетов, была награждена двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Указом Президиума Верховного Совета СССР Зое Ивановне Парфеновой было присвоено звание Героя Советского Союза.

* *
*

Отшумела боевая страда. Демобилизовавшись из армии, Зоя Ивановна долгое время работала председателем женсовета в авиационных частях, в которых служил ее муж — летчик Михаил Федорович Акимов, потом инструктором горкома партии. Но суровые испытания военных лет дали себя знать. Все чаще и чаще стали повторяться боли в сердце. Никогда не думала Зоя Ивановна, что в сорок лет врачи запретят ей работать. Но это случилось.

Ныне Герой Советского Союза Парфенова-Акимова живет в Рязани. Вместе с мужем, ныне офицером запаса, воспитывает дочерей Тоню и Наташу.

Зоя Ивановна часто выступает на предприятиях, стройках города. Ее рассказы с живым интересом слушает молодежь...

...Бывалая летчица закончила выступление перед школьниками. Десятки ребят окружили ее плотным кольцом.

— Ваша жизнь как интересная книга, — говорит кто-то из ребят.

— Таких, как я, много в нашей стране, — отвечает на это Зоя Ивановна. — В годы прошлой войны советские люди продолжали книгу истории, начатую Великим Октябрем. Вам, юные друзья, нести дальше эстафету старших. Берите с них пример и впишите в книгу героической истории нашего народа новые золотые страницы.

Н. ЧАЙКА

НА НОЧНОМ БОМБАРДИРОВЩИКЕ

Осенью сорок первого года, когда гитлеровские полчища были уже под Москвой, в старом Петровском парке в одном из зданий Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского собралась группа совсем еще молодых девушек в авиационной форме с рюкзаками за плечами. Среди них была и Дуся Пасько — студентка механико-математического факультета МГУ, маленькая, застенчивая. Вместе со своими подружками — тоже студентками МГУ — она решила оставить учебу и отправиться на фронт, чтобы с оружием в руках защищать свою Родину.

До последнего дня войны сражалась Дуся Пасько. Она бомбила вражеские позиции на Северном Кавказе, Таманском и Крымском полуостровах, участвовала в боях за освобождение города-героя Севастополя, Новороссийска, братской Польши, бомбила врага и в самой Германии.

В одном из октябрьских номеров за 1944 год газета «Правда» так писала о ее славных боевых делах:

«Евдокия Пасько, гвардии старший лейтенант, штурман эскадрильи, в Красной Армии с октября 1941 года, награждена двумя орденами Красной Звезды, орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны.

В боевой деятельности — 780 боевых авиавылетов и около 100 тысяч килограммов бомб, сброшенных на укрепления противника. На ее боевом счету — 157 сильных взрывов, 109 очагов пожара, 4 взорванных склада с горючим, 2 склада с боеприпасами и много уничтоженных немецких солдат и офицеров».

Осенью того же сорок четвертого года Евдокии Пасько вручили в Кремле орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза.

ПАСЬКО
Евдокия Борисовна

Чтобы стать штурманом эскадрильи ночных бомбардировщиков, комсомолка Пасько училась в городе Энгельсе в авиашколе. Девушка хорошо освоила искусство бомбардирования с небольших высот. Ей хотелось быстрее попасть на фронт.

И вот женский полк сформирован. В феврале сорок второго года после окончания учебы летчицы принимали военную присягу. Они давали клятву Родине, своему народу быть настоящими бойцами, не знать страха в борьбе с врагом. Вместе со всеми поклялась на верность Родине в тот памятный день и Дуся Пасько.

В солнечный весенний день легкие бомбардировщики первого в мире женского полка вырулили на старт, поэскадрильно выстроились и легли на заданный курс. Впереди — боевая страда, полная риска, невзгод и испытаний.

До фронтового аэродрома девушек-летчиц провожала известная всей стране Герой Советского Союза Марина Михайловна Раскова. Она передала женский полк в состав 218-й ночной бомбардировочной дивизии, входившей в воздушную армию генерала Вершинина. Командиром полка была Евдокия Давыдовна Бершанская, комиссаром полка — Евдокия Яковлевна Рачкевич.

На первом митинге полка, который состоялся прямо в поле, Рачкевич сказала:

— У нас сегодня радостное событие — начало боевой деятельности полка. Настало время проявить свои способности и мужество в боях.

На этом митинге девушки единодушно решили сделать свой полк одним из лучших на Южном фронте.

— Ну и хватили! — заметил комдив.

Но Рачкевич спокойно ответила ему:

— Вы еще плохо знаете наших девушек...

— Что ж, постараемся узнать,— сказал комдив.— Действуйте, мы поможем вам.

И девушки начали действовать. Их не смущало скептическое отношение к ним со стороны некоторых бывалых летчиков-мужчин, которые, скажем прямо, не верили в силы «кисейных барышень», «необстрелянных птичек» и с иронией отзывались о них.

Первыми открыли боевой счет полка экипажи Бершанской, Амосовой и Ольховской. Несмотря на ожесточенный огонь фашистских зенитчиков, они сбросили бомбы точно в цель.

За один месяц летчицы полка совершили более семисот ночных вылетов. На их боевом счету было уже пятьдесят восемь пожаров, шестнадцать сильных взрывов и две крупные речные переправы, разрушенные с воздуха. Слава о женском полке быстро разнеслась по фронту.

Много рассказывали в частях и о боевых подвигах штурмана Дуси Пасько, которая не раз смотрела смерти в глаза. Она бомбила вражеские аэродромы и склады с боеприпасами, переправы, эшелоны с войсками, огневые точки, танки... Не раз приходилось ей вместе с боевыми подругами — летчицами под огнем вражеских зениток и истребителей, в лучах вражеских прожекторов и осветительных ракет совершать полеты с боеприпасами и продовольствием для своих наземных войск. Так было, например, в Керчи, где противнику удалось окружить нашу часть. Пасько сбрасывала грузы со снайперской точностью.

Как-то в беседе с Евдокией Борисовной Пасько я спросил ее:

— Какой из 800 своих боевых вылетов вы считаете самым трудным, особенно запомнившимся.

Пасько на минуту задумалась, потом сказала:

— Пожалуй этот. Да. В ночь на 5 мая 1944 года я летала с Машей Смирновой на бомбежку аэродрома гитлеровцев на мысе Херсонес. Будучи командиром эскадрильи, Маша всегда летала на самую трудную цель первой, а потом посылала другие экипажи.

Летели на высоте две тысячи метров. В районе предстоящей бомбежки снизились. Видели, как на аэродроме садятся вражеские самолеты. Дважды пытались мы зайти на аэродром, но безуспешно: пробиться сквозь огонь зениток было просто невозможно. Но тут нам повезло. Откуда-то вдруг появился наш тяжелый бомбардировщик, и вражеские зенитки немедленно же перенесли весь свой огонь на него. Переключились

на страшного гостя и прожекторы. Этим-то мы и воспользовались. Маша сбавила газ, и я сбросила весь бомбовой груз.

В это время зенитки взяли нас в оборот. Смотрю на приборы: ужас, высота-то у нас всего двести метров. Кричу:

— Маша, давай вверх, уходи в море!

Возвращались домой над берегом, и благополучно приземлились на своем аэродроме.

Во время нашего стремительного наступления уже в Польше командиру 3-й эскадрильи Герою Советского Союза Марии Смирновой и штурману Евдокии Пасько было поручено пролететь днем вдоль линии фронта и найти подходящую площадку для аэродрома. Девушки сели в самолет и отправились на выполнение задания. Летели-летели, но подходящей площадки не было.

Наконец нашлась более или менее подходящая площадка, и летчицы приземлились. К ним тут же подбежали наши пехотинцы и быстро затащили самолет в лес.

— Вы что, с ума сошли, что ли?! — закричал на девушек командир.— Гитлеровцы ведь совсем рядом!

Попросили солдаты у летчиц бензина для своих зажигалок, помогли самолету взлететь, а потом все удивлялись: откуда взялись эти маленькие красавицы и почему у них вся грудь в орденах? Дело в том, что женский авиаполк совсем недавно был переброшен сюда с другого фронта и о нем еще мало кто знал.

Через несколько дней Дуся Пасько и Маша Смирнова получили от ругавшего их командира письмо:

«Можете теперь спокойно прилетать на облюбованную вами площадку,— сообщал он,— у нас здесь вполне безопасно. После вашего смелого визита к нам пехота наша до того была воодушевлена, что тут же пошла в атаку и погнала гитлеровцев дальше...»

До середины 1944 года Дуся Пасько, как и все ее подруги по полку, летали без парашютов: каждый предпочитал лучше взять с собой лишние двадцать килограммов бомб. О том, что самолет могут сбить, девушки думали меньше всего. Нередко бывали такие ночи, когда каждому экипажу приходилось делать по пять-шесть боевых вылетов. Фронт всегда был рядом, и девушки постоянно ощущали его грозное, огненное дыхание.

Во время боев на Таманском полуострове для борьбы с «женскими советскими ночниками» была переброшена целая эскадрилья фашистских асов. За каждый сбитый самолет асам обещали железный крест. Многие гитлеровцы действительно

получили кресты, но только не железные, а деревянные. Лишь 11 апреля 1944 года в Керчи летчицы ночного бомбардировочного полка совершили за ночь сто девяносто четыре боевых вылета, сбросив на врага двадцать пять тысяч килограммов бомб!

А Севастополь! За время боев в районе города-героя полк произвел тысячу сто сорок семь боевых вылетов, то есть по сто пятьдесят и более за одну ночь! А летать-то приходилось в невероятно трудных условиях, в любую погоду, под непрерывным огнем вражеских зениток. Но девушки никогда не унывали, «не вешали носа».

В годы войны мне не раз доводилось бывать в женском полку. Но особенно, пожалуй, запомнилась встреча с отважными летчицами 8 марта сорок пятого года в прусском городке Тухоля. Сюда в гости к летчицам прибыли командующий 2-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский и командующий 4-й воздушной армией К. А. Вершинин, чтобы вручить девушкам награды за отличия в боях. Поздравляя героинь, Маршал сказал:

— Да вы все тут, смотрю, орденоносные! Как хорошо, что вы такие!

Затем, обращаясь к Вершинину, Маршал улыбаясь спросил:

— Девушкам, вероятно, трудно все делать самим. Может быть, назначить им в полк десяток-другой мужчин для подвешивания бомб и других тяжелых работ?..

Но летчицы шумно запротестовали:

— Не надо нам помощников, управимся сами.

В тот вечер Маршал вручил правительственные награды большой группе девушек, а комсоргу полка Шуре Хорошиловой торжественно передал Почетную Грамоту ЦК ВЛКСМ, которой была награждена комсомольская организация полка.

Дуся Пасько, как и многие ее подруги, была в то время уже членом партии.

Война подходила к концу. Последние полеты Дуси Пасько были над вражескими позициями уже под Штеттином, Данцигом и Гдыней. Восемьсот боевых вылетов совершила она за время войны, пробыла в воздухе тысячу двести двадцать часов, сбросила на фашистских захватчиков более ста тысяч килограммов бомб!

После полного разгрома гитлеровцев в данцигском котле и на штеттинском направлении женский полк перебазировался в Бухгольц, северо-западнее Берлина. Здесь личный состав

полка с радостью узнал, что их гвардейская часть награждена орденом Суворова III степени.

Вскоре пал и Берлин. Над рейхстагом взвилось алое знамя Победы. Но кое-где фашисты еще не сложили оружия и продолжали сопротивление. Одну такую вражескую группировку и пришлось доколачивать женскому авиаполку. Было это в порту Свинемюнде, на берегу Балтийского моря, где скопилось много вражеских судов, войск, техники. Гитлеровцы еще надеялись на спасение, хотели удрать по морю к нашим союзникам, надеясь на их доброту. Но фокус, как говорится, не удался. Порт и транспортные суда противника непрерывно бомбила наша авиация.

О полной капитуляции фашистской Германии девушки-летчицы узнали глубокой ночью. Они крепко спали в усадьбе какого-то прусского помещика. Разбудила их дежурная по полку Римма Прудникова.

— Девчата, вставайте! — закричала она.— Вставайте же, черти, быстрее! Войне конец! Победа, мир!

Проснувшиеся летчицы думали, что очередная тревога. Вскоре в усадьбе начался настоящий «девичий переполох». Во дворе раздавались крики «ура», поднялась стрельба из ракетниц и пистолетов. Летчицы салютовали Победе. Как-то не верилось, что многолетняя кровопролитная война наконец-то закончилась. Не верилось это в ту минуту и Дусе Пасько, потерявшей на фронте многих своих подруг, родных и близких. Ведь на фронте сражались и шесть ее братьев. Домой же вернулся только один. Пятеро пали в боях смертью храбрых.

Через некоторое время после окончания войны женский полк взял курс на Москву. Надо было готовиться к первому послевоенному воздушному параду, параду победителей. В полку к тому времени почти все девушки были уже коммунистками. За годы войны в партию вступило около двухсот человек. Весь личный состав полка был награжден орденами и медалями, а двадцать три летчицы стали Героями Советского Союза.

В конце 1945 года Дуся Пасько прощалась со своими боевыми подругами — летчицами, штурманами, техниками, мотористами, вооруженцами. Расставаясь, девушки поклялись не забывать друг друга, всегда помнить о боевом прошлом, о крепкой, кровью скрепленной фронтовой дружбе. И они держат эту клятву. Каждый год 2 мая и 8 ноября боевые подруги, как и договорились, встречаются теперь в сквере против Большого театра в Москве. В эти дни однополчане, где бы кто ни

находился, спешат приехать в Москву, узнать новое друг о друге.

После войны Евдокия Борисовна Пасько опять взялась за учебу в МГУ на том же механико-математическом факультете, с которого ушла в сорок первом году. После университета Пасько закончила аспирантуру и стала работать на кафедре высшей математики в Московском высшем техническом училище имени Баумана. Студенты и преподаватели с большим уважением относятся к этой скромной женщине, коммунистке.

Интересное совпадение: за время войны Пасько совершила восемьсот боевых вылетов, а за девять лет своей работы в МВТУ выпустила восемьсот инженеров-специалистов, которые разлетелись во все концы нашей необъятной Родины и трудятся теперь на заводах, в институтах, научно-исследовательских лабораториях. Как же не гордиться ей этим, как не радоваться тому, что ее питомцы стали активными бойцами семилетки!

Сменили военные профессии на гражданские и фронтовые подруги Пасько. Где же они теперь, боевые друзья-однополчане?

Евдокия Борисовна на минуту задумывается, потом вспоминает. Конечно же прежде всего о бывшем командире полка Евдокии Давыдовне Бершанской и комиссаре Евдокии Яковлевне Рачкевич, которую все в полку любовно называли «наша мамочка». Так они называют ее при встречах и теперь.

Е. Я. Рачкевич уволилась в запас. Уйдя на пенсию, она не сидит сложа руки, а ведет общественную работу, выступает с воспоминаниями о Великой Отечественной войне перед молодежью.

Уволилась из армии и Евдокия Давыдовна Бершанская. Она активно участвует в работе Комитета советских женщин и Советского комитета ветеранов войны.

Серафима Амосова — бывший заместитель командира полка по летной части — стала партийным работником на одном из московских предприятий. Начальник штаба полка Ирина Ракобольская — ассистент кафедры на физическом факультете МГУ. Парторг полка Мария Рунт получила высшее образование в Академии общественных наук при ЦК КПСС, стала кандидатом филологических наук. Живет и работает она в Куйбышеве. Высшую партийную школу окончила после войны штурман Екатерина Доспанова. Она уехала на работу в Казахстан.

Не отстала от старших подруг и бывший комсорг полка Шура Хорошилова, которой Маршал Рокоссовский еще на

фронте вручил Почетную Грамоту ЦК ВЛКСМ. Живет и работает Шура в Куйбышеве.

— Просто Шурой ее теперь не назовешь,— замечает Евдокия Пасько.— Хорошилова — кандидат экономических наук и готовится к защите докторской диссертации.

Долгое время работала после войны в ДОСААФ Надежда Тропаревская, обучая юношей и девушек парашютному спорту. Сама она не раз была рекордсменкой Советского Союза по прыжкам с парашютом и получила почетное звание заслуженного мастера спорта СССР. Позже Тропаревская стала инженером одного из заводов столицы.

Часто вспоминает Дуся Пасько и о многих других фронтовых подругах. Они трудятся теперь на фабриках и заводах, в высших учебных заведениях, ведут большую общественную работу, воспитывают детей и даже внуков (как незаметно летит время!). Бабушкой стала Евдокия Давыдовна Бершанская. Трое детей у Софьи Озерковой — бывшего старшего инженера полка.

Во многих городах нашей Родины можно встретить бывших летчиц из прославленного гвардейского авиаполка. В Саратове на одном из заводов работает инженером-экономистом бывший штурман Ольга Клюева, в Таллине трудится бывший старший техник эскадрильи Мария Щелканова. Почти все получили высшее образование, овладели новыми, мирными профессиями, стали аспирантами, доцентами, кандидатами и докторами наук. Все это им дала наша Родина, которую они так стойко и мужественно защищали в суровую годину войны, не щадя ни своей крови, ни самой жизни.

Б. РОМОДИН

ТОСЯ ПЕТРОВА ИЗ ЛУГИ

Ранней весной 1961 года, когда начал таять снег и на буграх показалась серая прошлогодняя трава, в глухом лесу в пяти километрах от железнодорожного переезда Шуваловский собрались пионеры со своим Красным знаменем, бывшие партизаны и представители общественности. Все застыли в торжественном молчании. Как бы разделяя скорбную торжественность людей, застыли и стройные высокие ели.

Медленно сползло покрывало, и обнажился небольшой скромный памятник. На нем — изображение Золотой Звезды и фотография молоденькой девушки — Героя Советского Союза партизанки Антонины Петровой. Здесь она погибла, сражаясь с врагами Родины.

Многие из присутствовавших на открытии этого памятника хорошо знали Тосю Петрову. Она работала в райкоме комсомола, заведовала учетом. Ничем особенным не выделялась. Была приветлива, внимательна к людям. Часто бывала в комсомольских организациях в деревнях родного района. А когда находилась в райкоме, заполняла учетные карточки комсомольцев, присутствовала на заседаниях. Обычно она присаживалась к краешку стола, раскладывала бумаги и ровным, крупным почерком быстро и аккуратно записывала выступления. Сама Тося выступала редко и немногословно.

И кто бы мог тогда подумать, что в годы войны эта тихая девушка станет отважной партизанкой, бесстрашной разведчицей?!

* * *

...Темной августовской ночью 1941 года от здания Лужского райкома партии отъезжали грузовые автомашины с вооруженными людьми. Враг стоял под городом. Остановленный героическими усилиями советских воинов и ополченцев, он готовился к новым атакам. Чтобы оттянуть от фронта часть его сил, было решено послать во вражеский тыл истребительный батальон.

Когда отходили уже последние машины, к секретарю райкома партии, высокому, широкоплечему человеку с усталым лицом, подбежала, запыхавшись, худенькая девушка в легкой белой кофточке, с узелком в руках.

— Пошлите меня с истребителями,— попросила она секретаря райкома Ивана Дмитриевича Дмитриева.

Секретарь посмотрел на девушку, на ее белую кофточку, на сверток.

— Что ты, Тося? Разве ты выдержишь?

— Я выдержу, я комсомолка,— горячо заговорила Тося.— И стрелять я умею...

— Дочка! Садись, дочка! — то ли в шутку, то ли всерьез крикнул с машины кто-то.

— Иван Дмитриевич, отпусти с нами Петрову! — поддержал его другой голос.

— Ишь ты, сколько ходатаев! — усмехнулся секретарь. Потом снова повернулся к Тосе.— Ну куда тебе? Поход длинный, тяжелый. Да и опасный... И одежонка у тебя легкая. Простудишься...

Тося взяла его за рукав пиджака.

— Вы же сами, Иван Дмитриевич, говорили: «Наступит день, и придется вам держать экзамен». Вот и пришел этот день,— заговорила она тихо, проникновенно.— А что тяжело будет, я знаю. Выдержу.

— Эх, девушка! — вздохнул секретарь райкома.— Золотая ты моя! Ну что мне с тобой делать? — Поколебавшись, он, видимо, решился, снял с себя пиджак, накинул ей на плечи.— Садись! Если что, на себя пенять будешь!..

— Ничего, товарищ секретарь,— уже бодро, по-боевому ответила Тося.— Я ходить привычная. И простуда меня не берет.

Крепкие руки протянулись из машины, подхватили маленькую, хрупкую Тосю. Мелькнула в темноте выглядывавшая из-под незастегнутого пиджака белая кофта и скрылась за высоким бортом.

С этого дня началась суровая боевая жизнь лужской комсомолки Тоси Петровой.

...По лесу разливалась предутренняя синева. Густым белым паром поднимался над лесным ручьем туман. Группа бойцов залегла у обочины дороги. У каждого наготове противотанковая граната, на полный диск заряженный автомат. Ждали направлявшуюся на фронт гитлеровскую автоколонну.

Молодой боец Сеня Тихонов, завоевавший славу смелого истребителя танков, подполз к Тосе:

— Тебе не добросить противотанковую. Дай мне!

— Нет, я сама,— шепотом ответила Тося и отползла от Тихонова.

Тося лежала у дороги первая с той стороны, откуда должна была показаться автоколонна. Вот она услышала шум моторов, затем увидела приближавшиеся нагруженные ящиками машины.

Притаившись за кустом, Тося пересчитала машины. «Восемь... Эти товарищам. Девятая моя». Вот машина подошла, замедлила возле рытвины ход. Тося приподнялась, бросила гранату. Грохнул взрыв, с ним слились другие, гул от них громовыми волнами покатился по лесу.

Воздушной волной Тосю отбросило в канаву. Какие-то секунды она лежала без движения. Очнулась — прямо на нее бежали фашисты. Не вылезая из канавы, она прижала к щеке мокрое от росы ложе автомата, дала одну короткую очередь, вторую, третью... Несколько солдат распластались на дороге, остальные повернули обратно.

Тося выползла из канавы. Сама того не замечая, закричала что-то победное, радостное. Рядом с ней бежали другие партизаны. Пули их автоматов решетили кабины уцелевших машин, догоняли убегавших фашистских солдат.

Истребители вывели из строя все машины. Автоколонна гитлеровцев не дошла до фронта. Командир батальона за проявленную в этой операции смелость объявил Тосе благодарность.

Совершая дерзкие диверсии, налеты, неожиданно жаля противника то в одном, то совсем в другом месте, отряд истребителей совершил большой рейд в тылу врага. Там, где проходил батальон, на воздух взлетали мосты, железнодорожные эшелоны, склады горючего. Тося участвовала почти во всех боевых налетах. Несколько раз она ходила в опасную разведку и приносила ценные сведения.

А в свободные от операций дни будто и не было войны. В лесу стояла обычная, мирная тишина. По утрам пахло цветущими травами, смолой. Тося недоуменно оглядывала нестревшие цветами милые с детства полянки, сонно раскачивавшиеся над ними громады деревьев, о чем-то беспрестанно шептавшие кусты. Но таких дней было немного.

ПЕТРОВА
Антонина Васильевна

...Отряд шел лесом, направляясь к линии фронта. Вдруг впереди разорвался снаряд, за ним другой, третий. Они с воем проносились над самой головой, ложились совсем близко. Лес гудел, трещал, как в грозную бурю, деревья валились, как подкошенные.

Потом налетели вражеские штурмовики. Они долго кружили над лесом, искали партизан. Бойцы укрылись кто за деревьями, кто в кустах. Рядом с Тосей стоял пожилой седоватый боец.

— Страшно? — спросил он.

— Немножко,— призналась Тося.— По коже даже мурашки побежали.

— Ничего, дочка,— ободрил ее партизан.— Спервоначалу всегда так. А потом обвыкнешь...

От бомб и снарядов загорелся лес. Огненные языки побежали по стволам деревьев, по траве, все заволокло едким дымом. Пришлось изменить направление, пробираться через линию фронта болотами.

Есть под Лугой коварные, обманчивые места. Выйдешь из леса — вроде бы обыкновенная полянка, высокая трава, кусты. А стоит только ступить на эту полянку, как сразу провалишься в глубокую засасывающую трясину. По таким местам даже опытному, хорошо знающему лес человеку ходить опасно. Такими местами и решили пройти бойцы истребительного батальона, чтобы оторваться от наседавшего противника.

Командир вызвал к себе Тосю.

— Ты, дочка, легче других. Будешь моим связным. Болота

решили проходить маленькими отрядами. Ты будешь держать связь, передавать мои распоряжения.

То прыгая с кочки на кочку, то утопая по пояс в гнилой трясине, бойцы осторожно продвигались по болотам. Тося прошла болота с первым отрядом, потом вернулась, провела по знакомой тропе другие отряды. Она показывала бойцам дорогу, предупреждала о наиболее опасных местах. Преодолев опасные болота, отряды благополучно перешли линию фронта. Командир поблагодарил Тосю за смелость и за хорошую связь. А она отмахивалась от похвал, будто все, что сделала, ничего не значащие пустяки.

Через несколько дней Тося снова вернулась в лес. На этот раз уже надолго. Она часто ходила в деревни и приводила в партизанский отряд колхозников. В свободное время стирала партизанам белье, готовила нехитрый обед.

Но вот пришло время, и Тося Петрова снова прославилась, теперь уже как бесстрашная разведчица.

Однажды, когда партизаны готовились к боям с карательным отрядом, остановившимся в деревне Сабцы, командир вызвал к себе Тосю и ее подругу Валю.

— Выясните численность карательного отряда, как и чем он вооружен. Данные разведки нужны завтра к вечеру.

Девушки повязали головы платками, набрали полные карманы семечек и вышли из леса. Дождь размыл дорогу. Сапоги шлепали по густой грязи. Весело переговариваясь, лузгая семечки, Тося и Валя шли будто бы на прогулку.

Уже были видны Сабцы. Несколько уцелевших изб. Как скорбные памятники недавних событий, на месте сгоревших домов стояли голые печные трубы. Недалеко от деревни Тосю и Валю остановил патруль.

— Хальт! Вер ист дас?

Девушки объяснили, что идут из соседней деревни на гулянку, угостили солдат семечками. Но белобрысый, рябоватый ефрейтор подозрительно посматривал на девушек.

— Рус партизан? Ходишь из лес? — спросил он.

Через несколько минут девушки оказались в комендатуре. Их допрашивал высокий, костлявый немецкий офицер с большим кадыком. Он стучал кулаком по столу и кричал. Потом допрашивал их по одиночке, говоря Тосе, что Валя выдала ее, а Вале, что Тося во всем призналась и что теперь нечего запираться. Но девушки упрямо твердили одно: они шли на гулянку и ничего о партизанах не знают.

По приказу офицера Тосю и Валю вывели из комендатуры

и поставили у стены. Пять автоматчиков выстроились напротив них.

— Говорите, откуда пришли? Даю вам три минуты,— заявил офицер.

Тося и Валя молчали. Солдаты подняли автоматы. Прошла минута, другая. Вот-вот раздастся залп — и тогда конец. Но выстрелов не последовало. Солдаты опустили автоматы, а девушкам объявили, что утром их поведут в село и если их там не признают, то... И костлявый офицер показал жестом петлю вокруг шеи.

На ночь Тосю и Валю заперли в сарай. В темноте они обшарили все стены, попробовали сделать подкоп. Но бежать им не удалось. Так всю ночь они и простояли в углу сарая, тесно прижавшись друг к другу. А утром их вывели, нагрузили корзинами с продуктами, с каким-то бельем и под конвоем — два солдата впереди, два сзади — повели в соседнее село.

Дорога шла лесом. По-осеннему хмурилось небо, накрапывал мелкий дождь. Солдаты держались настороженно, не разрешали девушкам оглядываться и говорить друг с другом.

Внезапно совсем недалеко в лесу раздались выстрелы. Конвойные остановились в нерешительности, не зная, как быть. Тося воспользовалась их замешательством, швырнула на землю корзину и юркнула в кусты, Валя бросилась за ней.

Фашисты несколько раз выстрелили наугад по кустам, потом бросились в погоню. Тося прыгала через кочки, пни, свернула влево, попала в густую зеленую хвою ельника. Колючие ветки больно хлестали по лицу. Гитлеровцы стреляли на бегу, кричали где-то совсем недалеко.

«Не уйти»,— мелькнуло в голове. Силы уже покидали Тосю, когда она увидела огромное вывернутое бурей дерево, лежащее на траве. Нырнула под него, прикрылась дерном. Едва успела спрятаться, как почти рядом пробежали немцы.

Дождавшись темноты, Тося вернулась к партизанам. Утром пришла и Валя. Девушки успели многое высмотреть в деревне и сообщили командиру немало ценных сведений.

Много раз ходила в разведку Тося Петрова. Она узнавала то, что не удавалось другим. Трижды попадалась в лапы врага и трижды бежала.

В лесу становилось все тревожней. Чтобы окружить и уничтожить партизан, враг бросил против них крупную военную часть.

Как-то вечером, когда уже стемнело, Тосю вызвали в командирскую землянку. Командир сидел за самодельным

столом, на котором лежала вся испещренная стрелами и кружками карта.

— Плохи наши дела, дочка,— сурово и просто сказал он. Тося увидела его воспаленные глаза, припухшие веки. Он посмотрел ей прямо в глаза, произнес негромко, но твердо, будто взвешивая каждое слово: — Придется идти с боем. Другого выхода нет. Вырвемся или погибнем!

В головную разведывательную группу было выделено тринадцать человек. В нее была назначена и Тося Петрова. Пять дней разведчики, совершая многокилометровые переходы и почти не отдыхая, прокладывали путь главным силам отряда. В конце пятого дня измученные разведчики случайно набрели на землянки, лишь накануне покинутые другим партизанским отрядом. Здесь решили переночевать.

Быстро сгущались сумерки. Партизаны в полной боевой готовности прилегли отдохнуть. Не спали только часовой да Тося, устроившаяся возле костра, чтобы приготовить ужин.

Тревожно было этой ночью в лесу. Низко, почти над самыми верхушками деревьев ползли тучи. Порывистый ветер раскачивал высокие ели, разбрасывал капли мелкого надоедливого дождя. Часовой подносил к костру хворост. Когда уходил за ним, что-то подозрительно долго не возвращался, часто озирался, тревожно вглядываясь в темноту.

Тося заметила это и с неприязнью посматривала на него. Она знала, что часовой — Ильин из деревни Кемка, которая находится совсем неподалеку, что в отряде он недавно, и думала, что он просто трусит.

Внезапно сквозь шорох дождя и скрип деревьев она услышала треск сучьев. Быстро затоптала костер. В темноте увидела, как, прячась за стволами деревьев, перебегали неясные фигуры. Тося оглянулась. Часового нигде не было видно. Сорвала с пояса гранату, бросила ее в приближавшихся врагов. Раздался взрыв, немцы отпрянули назад, но потом с криками бросились к девушке.

— Рус, сдавайся!

Тося спряталась за толстый ствол дерева, подняла пистолет. Один из фашистских солдат упал с простреленной головой. Другой уже подобрался к ней незаметно сзади, готовясь схватить ее. Но она быстро обернулась, выстрелила ему прямо в живот.

В темноте, когда трудно было рассмотреть, где свои, где немцы, завязалась ожесточенная схватка. Возле землянок раздалось несколько взрывов гранат. В этот момент неподалеку

от себя Тося увидела часового. Подняв руки, он шел к фашистам.

— Получай, предатель! — крикнула Тося и выстрелила в него.

А враги все теснее и теснее окружали ее. Тося беспрерывно вела огонь. Уже не было видно никого из партизан. Кончились патроны. Последнюю пулю она пустила себе в грудь.

Утром к месту боя подошли основные силы партизанского отряда. За толстым деревом неподалеку от погасшего костра вся в крови лежала Тося Петрова.

Партизаны бережно отнесли ее в одну из землянок. Туда снесли трупы ее боевых товарищей. Вход в землянку заложили тяжелыми камнями. Здесь же они поклялись жестоко отомстить врагу. И сдержали свою клятву.

* * *

После Великой Отечественной войны прах отважной разведчицы Героя Советского Союза Антонины Петровой перенесен в город Лугу и похоронен с воинскими почестями.

Лужане свято чтят память о своей мужественной землячке. На место гибели Тоси приходят экскурсии, и особенно часто навещают это место пионеры, соорудившие там недавно памятник.

Гранитный обелиск стоит и в городе Луге, на месте захоронения Тоси. Ее именем названа одна из улиц в центре города. Имя Тоси Петровой присвоено пионерской дружине передовой в районе Толмачевской одиннадцатилетней школы.

ЕЛЕНА КУРБАТОВА

«ТОВАРИЩ ЖИЗНЬ»

Море, что ли, так действует или постоянное присутствие рядом людей, сильных, смелых, закаленных,— рыбаков, моряков,— но только растет в наших приморских городах и поселках прекрасное, удивительное племя ребят. И вечно живут в них черты гайдаровских маленьких героев, и «сурового друга», и незабываемого большевичонка Гаврика... А вырастая, они уносят с собою в жизнь живую мечту о подвиге, о красоте свободной человеческой души и каждым своим днем утверждают эту красоту, воюют за ее свободу, не зная на этом пути ни отступлений, ни колебаний...

Галя Петрова жила с семьей в Новороссийске. Как все ее сверстники, ходила на море, плавала, как рыба, играла в волейбол, боялась экзаменов, могла бесконечно смотреть кинофильмы, посвященные героям гражданской войны. Сколько раз в темноте старенького городского кинопавильона в парке замирало девчоночье сердце: ой, сейчас убьют Чапая, сейчас... еще три кадра, два, вот... Сколько раз набегали на глаза ненужные — мальчишки засмеют! — слезы, когда горстку кронштадтцев гнали беляки к крутому обрыву... Моряки стояли плечом к плечу, несломленные, хоть и плененные, и все так же лихо, как в самом отчаянном бою, были сдвинуты набекрень их бескозырки, и с вызовом в лицо ненавистным палачам глядели тельняшки из-под распахнутых бушлатов...

Как хотелось быть вместе с ними белобрысенькой девчонке из Новороссийска! Как завидовала она тогда мальчишкам!

Любовь к морю, ко всему, что с ним связано, осталась навсегда, хотя выросла девочка, стала миловидной девушкой, и

уже с удивлением поглядывали на Галю Петрову вчерашние одноклассники: неужели эта статная светлоглазая дивчина — та самая Галька, с которой так недавно дрались и собирали интересные камешки на берегу?..

После окончания школы Галя уехала в Новочеркасск, в Политехнический институт. Но радость учения, познания нового мира точных, заключенных в выверенные формулы наук длилась недолго...

Достаточно сказать «1941 год» — и каждому человеку станет ясно, что означала эта дата для всего мира, и для миллионов советских людей в особенности...

ПЕТРОВА
Галина Константиновна

В первые же дни войны Галина Петрова пошла в военкомат с просьбой отправить ее на фронт. После нескольких «нет» военкома, она стала являться к нему с утра, дожидаясь, пока он освободится хоть на минуту, чтобы снова «осадить» непоколебимого капитана.

— Ну что ты ходишь? — не выдержал наконец военком.— Куда я тебя пошлю? С чем? Винтовку знаешь? Видишь, неважно. Сестринские курсы кончила? Нет. Нечего из меня жилы тянуть! Не до тебя, народу, видишь, хватает, а ты... Учиться тебе надо!

И ушел. А Галя, глотая слезы и смотря себе под ноги, чтобы не видеть сочувственных и насмешливых глаз завтрашних солдат, пошла через выжженный солнцем, вытоптанный тысячами ног двор военкомата...

На другой характер, может, и кончилась бы здесь вся история, но мы говорим о Гале Петровой, о юном главстаршине, о женщине с сердцем воина, о коммунистке.

«Неудача? — думалось ей.— Да, конечно. Но военком-то прав: я действительно ничего необходимого на фронте не умею. Как же быть? Научиться!»

Вскоре в Краснодарской фельдшерской школе появилась новая слушательница — Галина Петрова. Отныне у нее была новая цель: как можно лучше, быстрее, успешнее овладеть всем тем, чему учили ее опытные специалисты. Дни и ночи сливались в один сплошной поток: занятия, практика, практика, лекции. Наконец школа окончена, и девушка возвратилась в Новороссийск, получив направление в один из городских госпиталей.

Раненые поступали непрерывно. Круглые сутки нескончаемой вереницей шли к госпиталю машины. Санитары спешно выгружали носилки с распростертыми на них обессиленными, измученными болью воинами. Некогда было ни думать о чем-нибудь постороннем, ни отвлечься на минуту: перевязка, еще, еще, еще... И постоянно раздающийся в ушах глухой от усталости голос хирурга: «Следующего... следующего... следующего...»

...Обстановка на фронте осложнялась. Гитлеровцы, видимо, любой ценой решили прорваться к городу — лезли, не считаясь с потерями. В эти напряженные дни Петрова решила проситься в действующие морские части, защищавшие Новороссийск. Ее деятельной, энергичной натуре хотелось лицом к лицу встретиться с опасностью, проверить себя в настоящем деле, принести как можно больше пользы героям-морякам.

Осенью 1942 года в батальоне морской пехоты появилась новая медицинская сестра — Галя. Общительная, живая, она с первых же дней показала себя прекрасным товарищем, храбрым, выдержанным бойцом. Моряки вскоре привыкли к ее крепкой подвижной фигурке, оценили ее в трудных фронтовых условиях: морские пехотинцы поняли, что на сестричку можно надеяться в любой обстановке — такая не подведет. За заботливость, преданность и открытый характер моряки платили Гале искренней дружбой. Сколько дружеских рук тянулось за шинелями, чтобы укрыть Галю, если, бывало, умаявшись за дни и ночи непрерывных боев, уснет она коротким сном, свернувшись калачиком. Тогда старались не шуметь, не говорить громко, хотя над головой свистели вражеские снаряды.

Пролетели полтора военных года. Милая девушка становилась бывалым солдатом: мужал и креп хороший, умный, светлый советский человек... И только широко открытые, чистые глаза выдавали прежнюю веселую, озорную маленькую мечтательницу Галинку; словно какой-то невидимка шепнул ей: «Ты погоди, еще все будет в жизни: и Чапай, и тачанка, и бескозырка; ты только борись, ищи, не сдавайся!» — и девчонка

обрадовалась, распахнула глаза, да так и осталась — радостная, смелая, настойчивая и ожидающая.

Полтора года — немалый срок, особенно на фронте. Уже привыкнув к товарищам, освоившись в трудной обстановке, Галя должна была проститься со своим батальоном: в октябре 1943 года ее направили в другой отдельный батальон морской пехоты, которым командовал майор Николай Александрович Беляков, будущий Герой Советского Союза.

Предстояла серьезнейшая операция — десант на Керченский полуостров. Беляков, собрав отряд, сказал:

— Помните, товарищи, боец десанта — универсал, умеющий делать все, что требуется на войне. Никакая школа такой подготовки не дает, а только боевой опыт, закалка в сражениях. Поэтому перенимайте опыт старых десантников; а вы, товарищи, наглядно демонстрируйте молодежи приемы боя в разных условиях...

И учеба шла день и ночь: тренировались в посадке на катера, совершали переходы морем, высаживались на берег. Бывалые десантники передавали молодым бойцам знания, полученные в тяжелых сражениях.

Вместе с товарищами Галя Петрова изучала винтовку и автомат, пулемет и миномет, противотанковое ружье и трофейное оружие — в десанте всякое может быть.

Приближался день высадки, и ожидание становилось все нестерпимее. Хотелось скорее услышать приказ о выходе в море, скорее проверить себя, испытать в трудном, опасном, действительно геройском деле.

В эти дни особенно внимательно слушала Галина беседы политработников о мужестве солдат и матросов, о героях-комсомольцах Зое Космодемьянской и Наташе Ковшовой. Как хотелось быть похожей на этих девушек, просто и мужественно проживших свои короткие, незабываемые жизни! Сердце наполняла огромная любовь к родному краю, к Родине, терзаемой врагами, и поднималась неутолимая ненависть к фашистам.

Много передумала тогда Галя и уже твердо знала, что выпавшую на ее долю честь — освобождать родную землю — она не уронит.

...Ночь на 1 ноября 1943 года выдалась бурная, штормовая. Вал за валом поднимались серые громады воды и, уходя, тяжело разбивались о берег. Низко висело черное небо. Лохматые тучи ползли по нему, клубились и где-то там, за волнами, сливались с морем. Ветер свистел и рвал все на своем пути.

Тогда-то и был отдан приказ морским пехотинцам грузиться на суда и идти через пролив к Керченскому полуострову.

Десантников ждал тяжелый бой. Фашисты, уже испытав на себе к этому времени силу ударов моряков, укрепили побережье дотами, дзотами, минными полями. Окопы прибрежной полосы были заполнены пулеметчиками, крупные силы стояли в резерве. В небе над берегом полыхали осветительные ракеты. Специальные части дежурили по ночам, чтобы не допустить к укреплениям «черную смерть».

И все-таки «черная смерть» была недалеко от фашистов. Она шла с моря, на мотоботах.

Галя стояла у борта, всматриваясь в надвигавшийся берег. Он вставал впереди, залитый лиловато-зеленым светом висящих в небе ракет, озаренный непрерывными вспышками орудийных выстрелов. То тут, то там в волнах поднимались, как смерчи, столбы воды: враг старался накрыть огнем юркие десантные суда.

Было ли страшно тогда главстаршине Петровой, санинструктору десантного отряда? «Да, было»,— ответила бы она честно и прямо, как всегда. Но тем и отличается герой, что не думает в трудную, решающую минуту о себе, а борется, действует и увлекает за собой других.

Едва раздалась команда «Вперед!», моряки бросились в воду, подняли над головой оружие и устремились к берегу. Глаза слепил нестерпимый свет прожекторов, пули свистели над головами десантников, но бойцы шли вперед.

Батальон майора Белякова высадился первым. В его задачу входил захват плацдарма на берегу для основных сил десанта. Под ураганным огнем командир повел батальон в атаку.

Первые шаги по родной крымской земле... А сколько еще идти! Так скорее вперед, вперед!

Но цепь моряков вдруг остановилась: перед нею выросли проволочные заграждения. Кто-то крикнул:

— Минное поле здесь!

Другой голос подхватил:

— Саперов сюда!

Медлить было нельзя: огонь гитлеровцев не ослабевал, и это грозило батальону тяжелыми потерями.

Галина лежала рядом с товарищами, а мозг сверлила одна мысль: «Надо что-то делать! Надо что-то немедленно, сейчас же сделать!..»

И тут десантники увидели, как метнулась к заграждениям чья-то фигура, кто-то одним махом перескочил через проволоку и побежал по минному полю... Нет, не побежал, а, притопывая, отплясывал на минном поле какой-то невиданный танец, каждую минуту рискуя взлететь на воздух. Это была Галя Петрова. И звенел радостью, прорывался сквозь грохот боя звонкий, озорной девичий голос.

— Нет здесь мин, ребята! Вперед, товарищи, смелее!

Лавина десантников перекатилась через фашистские укрепления: ничто теперь не могло их остановить! Захватив первую, наиболее мощную линию укреплений, моряки ворвались в рыбацкий поселок Эльтиген и укрепились в противотанковом рву.

Бой продолжался до утра. И всю ночь без устали работала Галя Петрова. Двадцать раненых матросов и офицеров вынесла она из-под огня, двадцать жизней спасла в эту ночь, да еще находила силы пошутить мимоходом, перекинуться несколькими бодрыми словами с уставшими бойцами. Даже видавшие виды бывалые моряки — люди сказочной храбрости — поражались выдержке и мужеству девушки с погонами главстаршины. «Товарищ Жизнь» прозвали они Галю Петрову в этом бою за освобождение Крыма от гитлеровцев.

Утро следующего дня было пасмурным и холодным. Непрекращавшийся ветер растянул над морем рваное полотно туч; глухо, грозно ворчало море.

Оправившись от внезапного удара, фашисты начали яростные атаки, чтобы отбить занятый десантниками клочок земли. Артиллерия, минометы били без передышки. Пылали уцелевшие постройки поселка, ветер нес горький дым пожара, играл языками пламени, взметал к небу снопы искр.

Моряки готовились к отражению атаки врага — уже которой по счету... Фашистам важно было выбить десантников с полуострова до подхода новых советских частей, поэтому, не жалея сил, враг предпринимал все новые и новые атаки. Но моряки знали, как необходим нашим войскам захваченный плацдарм, и дрались не щадя жизни: гитлеровцы каждый раз откатывались на исходные позиции.

Так прошел день.

Наконец немцы двинули к противотанковому рву десять танков — три с левого и семь с правого фланга. Стальные громады обрушили на позиции десантников шквал огня — подходили ко рву метров на пятьдесят и били прямой наводкой.

Под прикрытием танков фашисты хотели обойти советских моряков с тыла. Но матросы снова и снова бросались в контратаку и отшвыривали фашистов.

Во время одной из таких контратак, был ранен лейтенант Цибизов. Он остался лежать на узенькой полоске «ничейной» земли. Ясно было, что гитлеровцы вот-вот опять ринутся в атаку и тогда не сдобровать молодому веселому лейтенанту...

И вот какой-то отчаянный смельчак, будто играя со смертью, пополз к Цибизову. Во рву затаили дыхание... Со стороны немцев неслись ураганные очереди и самая отборная ругань. А неуязвимый смельчак уже полз обратно, таща за собой раненого. Вот еще несколько метров, еще... Все! Доползли!

Конечно, это опять была Галя Петрова, неугомонная, веселая Галка — отчаянная голова, бесстрашное сердце! Что вело ее на этот подвиг? Что побуждало действовать так, а не иначе? Многое, многое сделало Галину именно такой, а не иной — и школа, и комсомол, и, наконец, вся обстановка советской жизни, окружающие люди, с которых «делать жизнь» было мечтой тысяч ребят предвоенного поколения...

...Атаки фашистов следовали одна за другой, но ни одна из всех девятнадцати не принесла успеха: морские пехотинцы отбили их, уложив навсегда десятки гитлеровских вояк.

К вечеру на правом фланге десантников осталось в строю лишь семь человек. Среди них была и главстаршина Петрова. Она появлялась всюду, где было особенно трудно: там перевяжет раненого, там поднесет боезапас; глядишь, отнесла кого-то в укрытие — и снова в первых рядах бойцов: набивает диски автоматов или сама становится в ряды стрелков.

— Будем драться до последнего патрона, до последней гранаты! — говорила она бойцам.

И снова перевязывала, помогала, била по врагам, радуясь в душе, что много захватили боезапаса. Как был прав командир! Оказывается, верно: в десант лучше хлеба не взять, а прихватить лишний десяток патронов. Какую радость, какую силу придает сознание, что можно бить и бить в эти ненавистные жабьи мундиры, что ты сражаешься и выдержишь любые испытания во имя Родины, во имя неугасимого света над твоей Советской страной!

Проходили часы, атака следовала за атакой, но моряки держались стойко — и выдержали. Плацдарм остался в наших руках. Галя Петрова спасла в тот день жизнь тридцати товарищам.

А около противотанкового рва, где вели неравный бой десантники, дымились исковерканные остатки шести фашистских танков и валялись трупы гитлеровцев.

...В те напряженные дни наша партия принимала в свои ряды лучших воинов. Галя Петрова была в их числе. А через несколько дней — радость, о которой она и не думала: Указом Президиума Верховного Совета СССР ей, Галине Константиновне Петровой, было присвоено звание Героя Советского Союза.

Гале казалось, что это говорят не о ней, что это о ком-то другом, удивительно, редкостно храбром человеке рассказывают по радио. Разве просто поверить, что ты — Герой Советского Союза!

«За что мне, товарищи, родные мои, я же ничего особенного не сделала; ведь каждый бы из вас на моем месте так поступил»,— думает девушка.

...Много радостных дней — дней побед над врагом — знали мы в минувшую войну. Но знали мы и тяжесть потерь. Горе утраты пришлось испытать и морякам, воевавшим вместе с Галей Петровой: в разгар боев за освобождение советской земли от фашистов погибла мужественная девушка — верная дочь своего народа. Она погибла, но осталась навечно в памяти и сердцах людей.

Инное

И. СЕЛИЩЕВ

ОСУЩЕСТВЛЕННАЯ МЕЧТА

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны, в памятный 1945 год, Надежда Васильевна Попова приехала в родной Донецк. Пять лет она не видела его. Здесь прошло ее шумное и веселое детство, здесь она училась в школе, дружила с ровесницами, здесь она «тайно» от родителей влюбилась в безбрежное голубое небо.

Пять лет — срок небольшой. Но Поповой казалось, что с того дня, как она рассталась с Донецком, промелькнули десятилетия. И в этом ничего нет удивительного. На войне время убыстряет свой бег. Порой один час воспринимается как день, а то и неделя. Ярче и быстрей разгорается жизнь. Вот уж где действительно незаметно формируется характер человека, приходит духовная и физическая зрелость.

Пять лет назад Попова покидала родной город человеком, еще не подготовленным к жизненным испытаниям и не представлявшим, какие трудности ожидают его впереди. А вот теперь, после грозных лет борьбы с фашистскими захватчиками, она возвращалась в Донецк совсем другой. Родные и знакомые с радостным удивлением смотрели на ее мужественное и волевое лицо, на ее твердую походку, с интересом прислушивались к ее взволнованным рассказам.

Особую гордость у земляков вызвали награды, полученные Надеждой Васильевной за боевые дела. А наград было немало: одиннадцать орденов и медалей и Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Надежда Васильевна рассчитывала провести свой краткосрочный отпуск в тесном кругу родных, которых давно не видела и по которым очень соскучилась. Но не удалось.

Трудовой Донбасс захотел увидеть свою дочь, поговорить с ней, услышать подробности ее «небесных» подвигов. Это были бесчисленные встречи с горняками и металлургами, чудесные, на всю жизнь запомнившиеся беседы. Ее слушали, как могут слушать глубоко уважаемого, дорогого человека, слушали и нередко говорили:

— Удивляемся мы, Надежда Васильевна, вашей смелости, находчивости, вашему самообладанию. Летать на такой стрекозе, да не просто летать над мирными полями, а летать ночью и днем под огнем зениток... Удивительно!

ПОПОВА
Надежда Васильевна

Но Надежда Васильевна мало задумывалась над этим. Правда, в свое время, когда ей предложили ПО-2, она тоже удивилась. Но удивление это носило несколько иной оттенок. Оно было изрядно разбавлено чувством разочарования. Теперь же земляки-донбассовцы говорили совершенно о другом. Они искренне восхищались подвигами Поповой, ее мастерством и выдержкой.

И в этом они были не одиноки.

Были? Думаю, я не ошибусь, если скажу, что подвиг, совершенный женщинами-авиаторами в дни Отечественной войны, не перестанет удивлять и будущие поколения.

Летая на машине, которую образно и вполне серьезно называли «воздушной мишенью», советские патриотки проявили чудеса храбрости.

В разгар боев в донецких степях разведчики одного из наших полков ночью захватили в плен долговязого фашистского ефрейтора. Этот тип, как выяснилось на допросе, уже побывал в ряде стран Запада, но нигде не видел столько неприятностей, сколько встретил в России.

— Что же больше всего не нравится немцам здесь? — спросили его.

Ефрейтор покосился по сторонам, пробурчал:

— Партизан... артиллерия и... ночные ведьмы...

— Какие ведьмы?

— Эти... тра-та-та-та... Бах! Бах!

Он имел в виду ночные бомбардировщики ПО-2, которые в это время помогали нашим войскам сдерживать натиск фашистских полчищ. И помогали неплохо.

Под покровом темноты эти бесстрашные «тихоходы» сбрасывали на врага тонны бомб, рушили переправы через реку Миус, рвали ленты шоссейных дорог, поджигали склады с боеприпасами и горючим. То была в буквальном смысле ювелирная работа, требовавшая не только огромной точности и осторожности, но и огромного мужества, идеального спокойствия.

Разумеется, к тому времени Надежда Попова уже в достаточной мере обладала этими далеко не простыми качествами. Собственно, чем же иным можно объяснить ее успехи в донбасском небе? Везением? На фронте везет очень редко и очень немногим. Удача наверняка сопутствует тем, кто верит в свои силы, знает свое оружие, кто знает повадки врага, смело встречает любую опасность.

Такой и была Надежда Попова. Разумеется, такой она стала не сразу.

Однополчане хорошо знали ее жизненный путь. Надежда не раз рассказывала им о своей юности и о своей мечте. Еще будучи ученицей 5-го класса, она написала в сочинении: хочу летать. Подруги не удивились этому заявлению — такая добьется своего. Надежда отличалась редким упорством. Училась она прилежно. Девочка понимала, что без знаний ей не удастся осуществить свою гордую мечту.

После школы — аэроклуб. Отец, машинист паровоза, участник гражданской войны, отнесся весьма неодобрительно к увлечению дочери. Он хотел, чтобы она стала врачом.

Окончив аэроклуб, Надежда решила идти дальше. Да, теперь, когда она побывала в небе, посмотрела на землю с птичьего полета, ее никто не мог отговорить от намеченной цели. Никому не сказав дома, подала заявление в летную школу.

Ответ пришел быстро. Он ошеломил Надю. Ей отказали в приеме, потому что в военные школы девушек не принимали.

Это был непредвиденный удар. Подруги советовали Поповой не горячиться, подождать. Она отвергла эти советы. Собрала вещички и отправилась в Москву к знаменитой летчице

Марине Расковой. Девушка верила, что в столице поймут ее.

Наде повезло. Раскова и Осипенко действительно поняли ее состояние, загорелись ее мечтой и помогли девушке поступить в Херсонскую летную школу.

Только ли в школу? Марина Раскова откликнулась и на вторую просьбу Поповой — включить ее в состав женского авиационного полка.

Многим девушкам в этом полку пришлось начинать сначала, с азов. Попова приехала подготовленной летчицей.

Она была одной из тех, кто первыми вылетели на бомбежку неприятеля. Не думала Попова, что боевое крещение получит в родном донецком небе. Ей было нелегко в эти тревожные дни. Неизвестно где затерялись родители: то ли успели эвакуироваться, то ли задержались на оккупированной территории. Враг захватил Донбасс внезапным ударом. Многие советские люди не смогли вовремя уйти в тыл.

Нестерпимую боль в сердце вызывали воспоминания о брате Леониде, погибшем в первые дни войны. И все же девушка нашла в себе силы противостоять тревоге, спокойно садиться в самолет и подниматься в воздух. Любовь к Родине, ярость против коварного и беспощадного врага, неуемное желание мстить за все его злодеяния — вот что руководило Поповой.

До конца дней своих она будет помнить первое боевое свидание с донецким небом. Где-то в стороне шли жестокие бои, а внизу, под самолетом, проплывали руины поселков, омертвевшие заводы и шахты, обожженные хлебные поля. Донецкая земля была для нее не только прочитанной, но и хорошо выученной, сердцем прочувствованной книгой.

Глядя на эту изорванную в клочья, опаленную книгу, Надя с трудом сдерживала слезы. Это не было проявлением слабости, это были слезы ненависти.

Донецкие степи! Сколько жизней отдали за вас советские люди! Но неизмеримо больше отдал враг за попытку овладеть вами.

...Полеты велись круглые сутки. Днем машины уходили в разведку, на спецзадания, ночью — на бомбометание. Попова, как и все девушки, рвалась в бой. Каждый вылет дорого обходился врагу.

— Не то еще увидит проклятый фашист! — в сердцах говорила Надежда подругам.

Река Миус. Немцы навели несколько переправ. С наступлением темноты к ним устремлялись колонны танков и автомашин, артиллерия и кавалеристы. Гитлеровская ставка щедро

снабжала всем необходимым свои передовые части, рвавшиеся к кавказской нефти.

Женскому авиационному полку было приказано непрестанно разрушать переправы через Миус, бомбить скопления вражеской техники и живой силы. Это задание поручали лучшим летчицам, в том числе и Поповой...

Перед вылетом ей сказали, что на подступах к реке немцы ведут мощный заградительный огонь.

— Нам не привыкать,— пошутила Надежда.

Но заградительный огонь фашистов оказался таким, какого Попова еще не встречала. Правду говорят бывалые воины: фронтовая жизнь полна неожиданностей. Будто уже привык ко всем испытаниям, как вдруг попадаешь в такой переплет, из которого можно выбраться только чудом.

Попова не надеялась на чудо.

Вокруг бушевал огонь. Длинные пальцы трассирующих пуль угрожающе тянулись к небу, пытаясь схватить чужой самолет. А он, словно управляемый волшебной рукой, обходил взрывы, свет прожекторов...

Бомбы, сброшенные с самолета, вызвали на переправе пожар. Надежда облегченно вздохнула. Пусть она еще в пути, пусть грохочут выстрелы, ежеминутно грозя смертью, но задание выполнено...

Посадив машину на своем аэродроме, вылезла из кабины, сняла шлем, глубоко вздохнула. Теплый ветер скользнул по вспотевшему лицу, шевельнул волосы.

Вскоре самолет Надежды Поповой вновь поднялся в воздух и растаял в звездном небе.

* *
*

Есть одна фотография, на которой Надя Попова запечатлена сидящей в кабине самолета. Лицо ее, открытое и спокойное, озарено сердечной улыбкой. Кажется, что она забралась в машину только по настоянию фотографа. Но это не так. Объектив фотоаппарата «схватил» ее буквально за несколько минут до взлета.

Девушка не позировала, не выжимала насильно улыбку.

— На это она была не способна,— подтверждает штурман Руфина Гашева, летавшая с Поповой последний год войны.— Надя ненавидела фальшь, наигранность. Что ей не нравилось, говорила об этом прямо. Не любила расписывать свои успехи и не скрывала своих промахов. Мы все уважали ее за смелость,

мастерское пилотирование и особенно за выдержку. Уважали и завидовали ей.

О спокойствии и выдержке Поповой можно говорить очень долго. Еще больше, пожалуй, о ее мастерстве и смелости. Впрочем, справедливей эти качества рассматривать в совокупности.

Попова отлично сочетала в себе то, что позволяло ей крепко дружить с ночным небом, таившим на каждом шагу тысячи опасностей. Внезапно завязавшийся бой на земле и особенно в воздухе может иметь самые неожиданные последствия. Именно такой бой требует от воина железной стойкости, трезвого поведения и строгого расчета. Пусть враг неизмеримо сильней тебя, пусть он превосходит тебя численно, но ты полон веры в свои силы, в свое оружие, ты спокоен, ты отлично видишь и сознаешь, что происходит вокруг, и это дает тебе возможность принимать верные решения и наносить ответные удары.

Подсчитать, сколько раз за время войны Надежда Попова подвергалась смертельным опасностям, вряд ли удастся. Да это и не нужно. Важно выяснить другое: как она встречала эти опасности и как уходила от них.

...Сальские степи. Необозримые просторы. Здесь женский авиационный полк выполнял свою задачу в сложных условиях. Как всегда, Надежда Попова не жалела энергии, забывала об отдыхе. За ночь она совершала несколько вылетов. И каждый из них был сопряжен с большим риском. Приходилось выполнять спецзадания и днем.

...Лето 1942 года. Небо клубилось облаками. На земле бушевал огонь. Он ненасытно пожирал сухую траву, застоявшиеся хлеба, опустошал деревни и села, разбитые города.

Попова бдительно следила за воздухом, зорко смотрела на землю. В любую минуту из облаков мог выскочить немецкий истребитель и полоснуть очередью. Враг наступал на широком фронте. Нередко он пренебрегал маскировкой: танки и автомашины двигались по открытой местности в дневное время.

Самолет шел на предельной скорости. Небо становилось чище, облака уходили на запад. Вдали показался лесок. Окутанный дымкой, он скорей походил на кукурузное поле. Попова сбавила высоту и взяла чуть в сторону от зеленого массива. За лесом сверкнула речушка, вдоль которой вилась дорога, по бокам заросшая кустарником. Вглядевшись в береговую полосу, она заметила плохо замаскированные танки противника и группы фашистов, видимо решивших насладиться речной прохладой.

Мгновенно Попова развернула самолет и положила его на обратный курс. Вслед загрохотали выстрелы. Но беспорядочная стрельба противника не причинила вреда Поповой.

Через несколько минут Надя совершила посадку, отметила на карте местонахождение врага и снова взмыла в небо. Возвращаться на аэродром было рано. Ей хотелось как можно больше собрать ценных сведений о противнике и точней определить на этом участке линию фронта.

Когда горючего осталось мало, Попова после очередной посадки поднялась в воздух и направилась к аэродрому, ни на секунду не ослабляя бдительность. Опять откуда-то появились молочно-серые облака. Бесформенными глыбами они висели в прозрачном воздухе. Земля проглядывалась великолепно. Четко вырисовывались кусты, отдельные деревья, небольшие озерца. Надя с тоской проводила взглядом пойменные луга, лощины, покрытые приветливой зеленью. И вдруг...

Немецкие истребители появились справа из густого облака. Надежда толкнула ручку, и машина пошла к земле. Секунда, вторая, третья, вот уже различимы узкие тропки, замелькали какие-то кусты. Надежда выровняла машину и со всей силой нажала на сектор газа.

Бреющий полет — единственное спасение. Так уходили от фашистов Дина Никулина, Ольга Санфирова... Да и Попова уже не раз прибегала к этому испытанному маневру.

Фашисты ринулись в атаку. Надежда пристально наблюдала за приближавшимся первым истребителем. Он летел, как снаряд, быстро увеличиваясь в размерах. Попова сжалась в комок. Вот сейчас сквозь трепетные круги винта польется смертельный свинец. Она тронула ручку — и машина изменила направление.

Фашист дал очередь раньше, чем ожидала Попова. Торопливо резанули огнем и другие истребители. «Значит, волнуются, гадюки. Боятся врезаться».

Медленно плыло под крылом ржаное поле. Хоть бы один овраг, хоть бы небольшая роща.

Вторую атаку немцы повели слева. На этот раз им удалось прошить самолет несколькими пулевыми строчками. Но летчик остался невредим. После двух «наскоков» фашистов девушка почувствовала, что надежда на спасение еще не потеряна. Попова часто меняла направление полета, высоту.

Однако стервятники, словно почуяв запах крови, продолжали наносить удары.

Наконец фашисты увидели, что ПО-2 загорелся, плюхнулся

на землю и застыл. В тот же миг из кабины вывалился человек и бросился в сторону.

Неужели летчик остался цел? Фашисты последний раз спикировали на горящий самолет, пробуравили вокруг него землю длинными очередями и торжествующе взмыли под облака. Справились!

Советская девушка с презрением посмотрела на удалявшихся пиратов, поднялась и пошла в сторону своих войск...

...Есть смелость осознанная, она бродит в крови человека, является выражением его деятельности, поведения. Эта смелость и шагала с подавляющим большинством наших воинов от берегов Волги до Берлина.

Эта смелость жила и в сердце Надежды Поповой. Как-то она получила задание бомбить переправу на реке Терек. Маршрут пролегал через горные заснеженные вершины. Погода стояла прескверная: дули порывистые ветры, земля дышала туманом, небо распирали набухшие влагой облака.

Накануне по тому же маршруту летал экипаж Амосовой. Ему с трудом удалось произвести бомбежку: туман скрывал цель. Кроме того, на подходах к переправам немцы сосредоточили массу зенитных установок и прожекторов.

Попова и ее штурман Катя Рябова хорошо изучили маршрут, подготовились к испытаниям. Знали девушки, что на этом участке фронта создалось исключительно тяжелое для наших войск положение. Фашисты, используя свое численное превосходство в живой силе и технике, спешно готовились форсировать Терек и устремиться к кавказской нефти.

Советское командование принимало решительные меры, чтобы удержать противника, обескровить его. Знали девушки и о том, с каким небывалым героизмом в это время наши воины защищали город на Волге. Знали и старались им подражать.

Готовясь к полету, девушки учли одно немаловажное обстоятельство. Над перевалом в этот период года почти всегда стояла мощная облачность. Пройти под ее нижней кромкой удавалось редко: темно-серые шапки низко сидели на горных пиках. Был единственный путь — подняться над облаками. Но, к сожалению, кое-кто выполнить этот маневр в сложнейших метеорологических условиях не мог. Да, откровенно говоря, иногда это было почти невозможно.

«А если высоту набрать над аэродромом? — подумала Попова.— Тогда не придется это делать в море облаков». Она сказала об этом штурману. Поговорили и приняли решение: так и поступить.

Ночь выдалась темная и зябкая.

Самолет сделал над полем круг, набрал высоту и лег на заданный курс. Земля казалась черной бездной. Где-то в стороне мелькали слабые огоньки. Они вели себя подобно далеким звездам. Кто рождал их? Друг или враг?

Попова встряхнула головой: о том ли надо сейчас думать! Спросила Рябову, как она себя чувствует. Та ответила, что «нормально».

Под самолетом мрак.

— Подходим к перевалу,— сообщила Катя.

Надя представила себе покрытые снегом горные вершины и невольно поежилась от холода.

Слева блеснули звезды.

Теперь до цели недалеко. Рябова пристально поглядела вниз, потом на карту. Что-то обеспокоило ее, лицо нахмурилось, в глазах появилась тревога.

Самолет вздрагивал от ударов ветра. Облачность сгущалась. Рябова оторвалась от карты, крикнула подруге:

— Замечаешь, видимости никакой!

— Подождем, что будет у цели. Нам нужна небольшая лазейка.

— Подождем...

Тревога не покидала Катю. Машина шла в безотрадной темноте. Попова молчала. Нет, ни единого просвета. Наверно, облака подпирал крутой туман.

По расчетам девушек, самолет над целью. Ошибки нет.

Ветер нещадно стегал по обшивке машины. Земля затаилась во мраке. В такую погоду прицельное бомбометание исключено.

Самолет на разных высотах сделал несколько кругов над целью. То, чего боялась Катя Рябова, кажется, должно случиться. Девушки терпеливо искали «окно». До боли в глазах они вглядывались в неподвижную темноту. Хоть бы найти маленький просвет! Откуда такое облачное нашествие?

Еще и еще раз меняли высоту, отходили в сторону и опять начинали кружить. Не хотелось, ой как не хотелось признаться в том, что поиски «окна» закончились неудачей.

Попова сжалась в комок. В напряжении каждый нерв. Что делать? Бросать бомбы на площадь, занятую противником? Может быть, они и причинят ему вред, но какой? Ведь цель полета — разгромить переправу. А если переправа останется нетронутой, разве это облегчит участь наземных войск, сдерживавших натиск противника? Попова вспомнила зачитанную

вчера комиссаром полка Евдокией Рачкевич сводку Информбюро, в которой говорилось, что советские воины в битве на Волге делали невозможное. Вот это защитники Родины! И опять настойчивые поиски, тяжелая, гнетущая темнота. Неужели их постигнет неудача?

Вдруг слева вдали что-то сверкнуло.

Просвет! Самолет послушно юркнул в межоблачный колодезь. Летчица и штурман увидели полоску дважды перечеркнутой тонкими линиями переправы. В тот же миг земля выбросила несколько мощных световых полос, а затем в небе захлопали разрывы снарядов.

Самолет пошел на цель. Рябова не подвела подругу: бомбы легли точно.

Полеты через горный хребет хорошо запомнились Поповой и Рябовой. Впрочем, не только им, но и всему полку. То были трудные и рискованные полеты. Девушки отдавали себе в этом полный отчет. Они знали, на что шли.

Это и называется настоящей, осознанной смелостью.

Конечно, там, где трудности, там должна быть смелость. Дерзкая, трезвая, расчетливая.

За время войны Надежда Попова — командир звена, затем эскадрильи — совершила восемьсот пятьдесят два боевых вылета, вызвала в стане врага сорок девять очагов пожара, уничтожила один железнодорожный эшелон, две переправы, склад с горючим и т. д.

За каждой из этих цифр стоит огромное напряжение воли, железное спокойствие, высокое мастерство пилотирования.

Бомбометание в редких случаях обходилось без особого риска. Вообще же оно было связано с большими трудностями. Но у летчиков, в том числе и у ночных бомбардировщиков ПО-2, были и другие задания, не менее опасные и сложные по выполнению.

...Советские войска штурмовали Новороссийск. Гитлеровское командование считало этот город ключом обороны всего кубанского плацдарма. Оно не жалело сил для превращения Новороссийска и окрестных высот в неприступную крепость. Бои за город носили очень тяжелый характер. Упорное сопротивление противник оказал в центре города. Не раз наши отдельные подразделения попадали здесь в окружение и испытывали острую нужду в боеприпасах и продуктах питания. Тогда на помощь им приходила авиация. Занимался этим и экипаж Надежды Поповой.

...Темной ночью машина, нагруженная боеприпасами, поднялась в воздух. Она шла вдоль гористого берега. Попова прекрасно понимала, что в случае беды — смерть. С одной стороны — бушующее море, с другой — холодные скалы. Нельзя было выброситься и на парашюте по той простой причине, что он отсутствовал. Однако Надя отгоняла прочь мрачные мысли, больше всего она думала о тех бойцах, которые ждали боеприпасы.

Город озарялся вспышками выстрелов и огнем пожаров. Попова подошла к нему с той стороны, где меньше было света. Подойти подошла, но как найти своих? Условленный сигнал нетрудно спутать с другим. Приглушив мотор, она стала планировать. Высота уменьшалась:

«Где же вы, родные? — мучительно билась мысль.— Скорей дайте сигнал».

И, точно услышав ее просьбу, внизу замелькал голубой огонек. Кассеты с боеприпасами полетели вниз. В тот же миг залаяли фашистские зенитки. Попова направила самолет в сторону моря — пусть враг подумает, что она попала в безнадежное положение.

Каким долгим показался ей обратный путь! Очень хотелось скорей узнать, кому достались боеприпасы.

На аэродроме Попову ожидал представитель морской пехоты. Он первый подбежал к ней и протянул руку:

— Спасибо, родная. Спасибо за выручку.

Такие благодарности были для летчицы самой дорогой наградой. Она не оставалась в долгу, не кичилась успехами. От полета к полету Надя совершенствовала свое мастерство, закаляла волю.

Когда требовала обстановка, Попова могла забыть об отдыхе и еде, летать всю ночь, не покидая машину. Примеры? Их сколько угодно.

Весьма показательной может быть одна из ночей в боях за Варшаву. Здесь полк поддерживал действия пехотных частей. Перед началом вылетов девушки пережили торжественные минуты. Стоя у гвардейского знамени части, командир полка зачитал приказ. После этого сразу же самолеты взмыли в небо и взяли курс на Варшаву. Восемнадцать вылетов совершила в эту ночь Надежда Попова.

Тут было все: выдержка и мастерство, отвага и смелость.

* *
*

А настоящая смелость и отвага не обходятся без инициативы и находчивости. Там, где смелость, там и смекалка, и стремление отдать свои силы и разум делу коллектива.

Фронтовая жизнь Надежды Поповой может служить тому убедительным подтверждением. Действия ее в воздухе отличались продуманностью и новизной.

Первое время летчицы полка вели борьбу с врагом, что называется, в одиночку. Экипаж получал задание, поднимался в воздух и брал курс на объект. Над территорией, занятой врагом, его встречал жестокий зенитно-пулеметный огонь, уйти от которого подчас не удавалось.

«Одиночная» тактика ночных бомбардировщиков приучала экипажи к большому мужеству и выдержке, к четким, строго рассчитанным самостоятельным действиям. Но в то же время она безусловно помогала врагу вести по самолету сосредоточенный огонь, что нередко мешало экипажу произвести прицельное бомбометание.

Об этом в полку велись горячие споры. В них участвовал и летный состав, и технический. Много было рациональных предложений. Остановились на одном: проводить полеты парами. Сущность нового метода заключалась в следующем.

Самолеты уходили в воздух с интервалами в полторы — две минуты. Этот интервал строго поддерживался до цели. А уже у самой цели первый экипаж приглушал мотор, планировал, сбрасывал бомбы и на полном газу уходил в сторону. Противник начинал его искать прожекторами и обстреливать. Тем временем никем не замеченный второй самолет приступал к бомбометанию.

Естественно, новый метод нуждался в тщательной проверке. Кому же поручить? В полку немало слаженных экипажей. Но командование решило доверить это важнейшее дело экипажам Надежды Поповой и Марины Чечневой. Они уже не раз летали вместе, у них, как ни у кого, пожалуй, выработалось взаимопонимание в воздухе и дорогое чувство локтя. Кроме того, и Попова и Чечнева были убежденными сторонниками нового метода, твердо верили в его эффективность.

К первому полету парой оба экипажа готовились глубоко ответственно. Спорили, советовались, отвергали ненужное, принимали то, что могло содействовать успешному завершению эксперимента.

Проверка, как и ожидали в полку, подтвердила жизнеспособность нового метода.

Сразу же по возвращении Поповой и Чечневой на бомбежку вылетело еще несколько пар.

Надежда Попова отличалась удивительным чувством локтя. Знаниями и опытом она делилась не только с экипажами своего звена, эскадрильи, но и с летчиками и штурманами других эскадрилий. Ее неизменное правило: добилась успеха — помоги это сделать подруге.

* * *

Свой очерк я назвал «Осуществленная мечта». Да, Надежда Попова осуществила свою мечту. Она стала отважной летчицей. В тяжелое время для Родины Попова была среди тех, кто бесстрашно вел жестокую борьбу с фашистами. Она поступила как благодарная дочь своего народа.

Г. НАБАТОВ

КОМСОМОЛКА С НАРВСКОЙ ЗАСТАВЫ

1.

В Ленинградском Дворце пионеров висит портрет девушки с косичками. Юное, почти детское лицо с ямочками, пухлые губы, открытый, высокий лоб и ясные, лучистые глаза... Это Герой Советского Союза комсомолка Зинаида Мартьяновна Портнова. Слава о подвигах, совершенных ею в годы Великой Отечественной войны, разнеслась не только по всей нашей стране, но и далеко за ее рубежами.

Война застала Зину и ее младшую сестренку Галю в Волковыске, у тети, где они проводили летние каникулы.

Фронт откатывался все дальше на восток. Вместе с частями уходили на восток и жители.

Тетя, Ирина Исааковна Езовитова, довезла ребят до Витебска. Дальше ехать было нельзя. Хотя железная дорога на Ленинград и Полоцк еще не была перерезана, но движение почти прекратилось: все было забито войсками.

Оставалось одно: отправиться в деревню Зуи, что вблизи станции Оболь, к бабушке Ефросинье Ивановне Яблоковой. Не близко это от Витебска — семьдесят километров, но тетя надеялась, что она и дети найдут там пристанище.

Несколько суток они пробирались лесом в Зуи. Притащились усталые, измученные летним зноем.

Ефросинья Ивановна обрадовалась, что дочь и внучата хоть живы и здоровы — могло случиться и хуже. Радость озаряла ее доброе лицо и как бы разглаживала мелкие морщинки.

Уже через неделю Зина стала замечать, что к дяде Ване, который тоже застрял в Зуях, проводя здесь летний отпуск (он работал на Кировском заводе в Ленинграде), наведываются незнакомые люди. Держатся они странно: ни во что не

вмешиваются, ни с кем, кроме него, не разговаривают. «Кто такие?» — недоумевала девушка.

Бабушка знала, зачем к сыну приходят гости, и тревожно переживала это, но не показывала виду. «Люди подымаются на лютого ворога. Разве скажешь им что супротив?»

Как-то раз зимней ночью в окно тихо постучали три раза. Дядя Ваня быстро поднялся (он спал на полу), набросил на плечи ветхий кожушок, сунул ноги в валенки и поспешил в сени. Вернулся он в комнату не один: следом шел человек в полушубке.

— Осторожней, Борис, не задень малышей,— донесся до Зины шепоток.

Незнакомец разделся и улегся на полу рядом с хозяином.

Все стихло. Только на печи раздавался тихий храп — там спала бабушка.

Уже совсем рассвело, когда сильный стук в дверь поднял всех на ноги. Кто-то ломился в дом и властно требовал:

— Открывай!

— Немцы! — голос бабушки был странно приглушен.

Перекрестившись, бабушка стала спускаться с печи. Все притихли в ожидании. Тетя Ирина смотрела на дядю Ваню и ночного гостя. Она, видимо, знала, кто он и откуда.

Волновалась за незнакомца и Зина. Она была уверена, что гитлеровцы рвутся в хату, чтобы схватить его. «Кто-то донес...»

Уходя с дядей Ваней во вторую половину хаты, гость улыбнулся Зине и сказал вполголоса.

— Не робей, воробей!

Затрещала дверь под тяжелыми ударами.

В хату ворвались четверо солдат и коротконогий грузный ефрейтор, который потрясал в воздухе бумагой с рукописным текстом и, мешая русскую речь с немецкой, кричал на бабушку:

— Почему не открываль? Приказ коммандантий знаешь? Где мольоко? Мильх?

Гитлеровец показал на часы ходики. Было восемь часов тридцать минут.

— Неграмотная я, пан офицер,— говорила дрожащими губами Ефросинья Ивановна. Повернувшись к дочери, она попросила: — Погляди, Ириша, что там намалевано.

Тетя Ира еще не успела сойти с места, как Зина была уже рядом с ефрейтором и читала вслух:

«Приказ коммандантий! Каждый, который у себя есть одна корова, сдай в семь часов один горшок с молоко, сдай в восемь

часов стакан сметана. Или все сдай аккурат, или вашу корову забирайть. Коммандантий».

Внизу была приписка: «Торопиться приносить скоро».

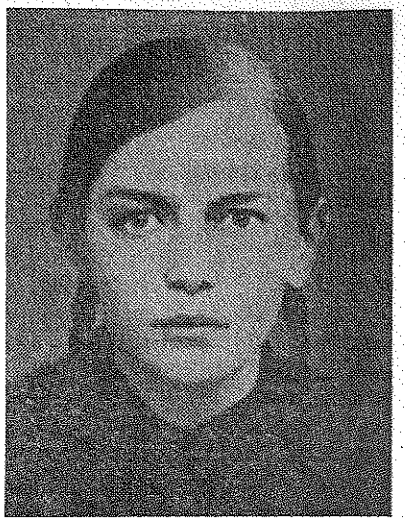
Ефрейтор высокомерно осмотрел присутствующих и приказал солдатам:

— Забирайть корову!

Те бросились выполнять приказ.

Накинув на себя тряпье (все лучшие вещи были обменены на продукты), выскочили во двор бабушка, тетя Ирина, дети.

Солдаты выводили из хлева корову.



ПОРТНОВА
Зинаида Мартьяновна

Ефросинья Ивановна кинулась к буренушке.

— Не отдам!.. У меня внуки...— Она показывала на плачущих малышей, сбившихся от страха в кучу.

— Марш с дороги! — вопил не своим голосом ефрейтор.— Я покажу тебе не выполняйть приказ армии фюрера. Буду стрелять!

Он вскинул карабин.

Галя от испуга закрыла личико трясущимися ручонками.

— Не бойся, Галенька,— ободряла ее Зина, сжимая дрожащие ручонки сестры.— Он только пугает...

В эту минуту фашист выстрелил. Ефросинья Ивановна упала на снег, хотя пуля и не задела ее.

Когда солдаты вышли за ворота, дядя Ваня и Борис выскочили во двор. Ефросинью Ивановну перенесли в хату, уложили в кровать.

Тетя Ира, стоя на коленях, опрыскивала водой посиневшее лицо бабушки. Галя и двоюродные братья стояли поблизости и плакали.

Вдруг бабушка открыла глаза.

— Живая! Живая! — одновременно, смеясь и плача, закричала Зина.

Мужчины ушли во вторую комнату. За ними прошла и тетя Ира.

Зина услышала:

— Придется тебе устраиваться на работу.

— К немцам?

— Ну да. К кому же еще, чтоб их разорвало...— Голос дяди понизился, но Зина все же разобрала: — Приказ из леса...

Что говорилось дальше, Зина не поняла. До нее только донеслась фраза:

— Легче нанести удар!

Это сказал Борис. Девочка сразу узнала его голос.

Зине было неясно, о каком ударе он говорит, но зато ей стало понятно другое: «Дядя Ваня и тетя Ира связаны с лесом».

Она вошла во вторую половину хаты. Тетя Ира спросила:

— Чего тебе, Зиночка? Бабушке опять плохо?

— Нет. Я тоже хочу... выполнять задание.— Взгляд девочки был решительным.

— Какое задание? — Дядя и тетя переглянулись с Борисом. (Позднее Зина узнала, что Борис был комиссаром партизанского отряда.)

— Из леса,— ответила Зина.— Вы думаете, я маленькая? Ошибаетесь!

— Ладно, девочка, получишь задание,— подумав, пообещал комиссар отряда,— но пока ни звука.

Борис еще раз оглядел Зину, словно видел ее впервые и хотел лучше запомнить. Он попрощался с ней за руку, по-взрослому, так же как с тетей Ирой и дядей Ваней, и через огород направился к лесу.

2.

Кто знает, как сложилась бы дальше судьба Зины, если бы не это ночное происшествие. Открытый разбой фашистов, выстрел в бабушку, беседа с человеком «из леса» — все это очень потрясло ее юное сердце и вызвало желание помочь партизанам в их борьбе. Это и привело ее в подпольную организацию «Юные мстители».

Секретарь подпольного комитета Фруза Зенькова спросила:

— Зачем вступаешь в организацию? — Повременив, добавила: — Расскажи коротенько про себя...

Зина постояла минуту в раздумье.

— Я из Ленинграда,— тихо сказала она.— Приехала в Белоруссию на каникулы и застряла. Живу у бабушки. Вы знаете, ребята, мою бабушку? В Зуях проживает.— Фруза кивнула головой: Знаем, мол, знаем, говори...— Дома я училась в 385-й школе. Это за Нарвской заставой. Перешла в восьмой класс...— Она замолчала. Глаза ее стали вдруг грустными.— Отец мой работает на Кировском заводе. Давно, с 1913 года. Мать тоже работает... То есть работали до войны, а сейчас — не знаю...— Зина медленно проглотила горький комочек, подкатившийся к горлу, и негромко продолжала, обращаясь к Фрузе: — Ты спрашиваешь, зачем я вступаю в организацию? Я много думала об этом, ребята. Поверите, ночью долго не засыпала. Все думала, думала. Пусть меня ждет опасность, постоянная тревога. Не только за себя, а и за жизнь товарищей. Другого пути не вижу.

Ее приняли, и вскоре Зина вместе с другими юношами и девушками уже распространяла среди населения листовки, подпольные газеты, сводки Совинформбюро, собирала и прятала оружие, оставленное при отступлении советских частей.

Однажды секретарь подпольного комитета Фруза Зенькова вызвала Зину и Илью Езовитова.

— Вот что, ребята,— сказала Фруза.— Получайте на пару задание. Нужно узнать в Зуях и в поселке торфяного завода, какие там стоят части, сколько солдат. Сведения передадите связному лично.

Она сообщила пароль, время и место явки — урочище, что неподалеку от Ушалов. Тут же предупредила: если что изменится, то под поваленной березой будет закопана бутылка с запиской.

Илья и Зина продумали, как лучше действовать.

— Мне кажется, что узнать, какие в Зуях немецкие части, можно, если подслушать разговоры по радиотелефону,— поделился Илья своими соображениями.— Верно?

— Пожалуй, так,— согласилась Зина.— А как подслушать?

— Не беспокойся. В нашей хате помещается сейчас полевая радиостанция и телефон. В сенях лежат наши дрова. Я часто туда наведываюсь, за дровами. Если присмотреться да не зевать, кое-что можно узнать. Но как вот установить, сколько солдат? О таких вещах по телефону не передают.

Ребята сидели, задумавшись. Вдруг Зина вскочила:

— А знаешь, Илья, это я узнаю. На площади в поселке торфозавода два раза в неделю проводятся строевые занятия. Ты видел? Сгоняют почти всех солдат гарнизона. Вот я и сосчитаю.

— Идея, Зинка! Как я сам не догадался?

Собрав нужные сведения, Зина и Илья в назначенное время отправились в урочище. Илья бывал здесь много раз.

Ребята перешли деревянный мост через небольшую речонку, впадающую в Оболь, и, пройдя немного берегом, очутились на месте. Теперь надо было отыскать высокую сосну — условленное место встречи со связным. Нашли.

— Ну, Илюша, взбирайся наверх. Я тут подежурю,— предложила Зина.

Через несколько минут с вершины дерева раздался его голос: — Смотри, здесь большое гнездо.— Это был пароль.

Вслед за этим, как предупредила Фруза, должен был показаться человек и ответить: «Не трогай гнездо. Я сейчас полезу к тебе». Но никого не было.

Прождали больше часа.

— Может, вернемся,— занервничала Зина.— Заглянем сюда позднее.

— А вдруг прибежит связной? Что тогда? — возразил Илья.

Вспомнили про бутылку, о которой предупредила Фруза, и стали искать поваленную березу. Нашли березу, разгребли под ней землю и вынули бутылку с запиской: «Меняю квартиру. Если задержусь, ждите».

Они расположились на траве. Зина легла на живот, вытянув ноги и подперев руками подбородок. Она мысленно перенеслась в родной город, за Нарвскую заставу, думала о своих родных, отце, матери...

Прошло несколько минут. Зина глубоко вздохнула и вдруг, повернувшись, спросила:

— Илья! Скажи, что такое счастье? Мы, девушки, часто думаем о счастье, какое оно и где оно?

— Сча-а-стье? — переспросил Илья, растягивая слово.— Я думаю, что надо сделать для людей такое, о чем они и не мечтают. Как папанинцы на льдине.

— Ну и хватил тоже! На меньшее ты не согласен?

— И еще я думаю,— продолжал Илья,— счастье — это убить фашиста, хозяйничающего на нашей земле... Знаешь, Зина, прохожу я мимо отцовского дома, где теперь радиостанция, а внутренний голос меня спрашивает: «Ты видишь, Илья? Фриц обзывает тебя свиньей, а сам живет в твоем доме, ест твой хлеб. А пленных русских кормит дохлятиной, помоями». Разве такое стерпишь?

По вершинам деревьев пробежал сильный ветер. Зина глянула вверх.

— Слышишь, как шумит лес? Почему, не знаешь? А я знаю. Чует нашу победу. Да, да, не смотри на меня так. Скоро она придет...

— Какая ты, Зинка, мечтательница! — прищурившись, посмотрел на нее Илья.

— Я и не скрываю. Люблю помечтать.— Зина села.— Я думаю так: жизнь без мечты — вовсе не жизнь... Понимаешь? Я верю в нашу победу. Скоро придет...— повторила она.

— «Блажен, кто верует»,— улыбнулся Илья.

— Я верю. А почему? Вот Ленинград. Отбил он штурм! Думаешь, пушки и доты помогли? Да, помогли. Но не одни они. Человек отбил штурм. Это главное.

— Понимаю, Зинок. И согласен. Прольется, конечно, кровь. Может быть, и наша кровь. Без этого нельзя. Но победу добудем.

Послышался троекратный свист. Ребята замолчали, насторожились. Илья в два счета взобрался на дерево, крикнул:

— Смотри, здесь большое гнездо!

С болота ответили:

— Не трогай гнездо. Я сейчас полезу к тебе.

Ветви кустов раздвинулись, и показался рослый мужчина. Зина узнала в нем партизана, который прежде держал связь с дядей Ваней.

— Что, заждались? Покажите-ка, что принесли,— связной сразу приступил к делу.

— Для начала неплохо,— одобрил он донесение.— Только почерк неразборчивый, будто курица набродила. Пишите яснее. Вопросов нет? Новое задание получите у Фрузы. Бывайте здоровы! Тороплюсь.— Он исчез так же мгновенно, как и появился.

Над урочищем опускался вечер. Становилось прохладно. Илья снял пиджачок и набросил его на плечи Зине. Они не торопясь направились домой.

Неподвижный воздух был напоен душистым настоем хвои, дышалось легко, свободно.

3.

Как-то поздно вечером Зина сказала тете Ирине, работавшей официанткой в офицерской столовой:

— А у меня есть новость.

— Весточка из Ленинграда?

— Нет, другое. Завтра выхожу на работу.

— Куда?

— На офицерскую кухню.

— А что ты там будешь делать?

— Все, что прикажут: чистить картошку, мыть посуду... Ой, как хорошо, тетя! Буду вместе с тобой.

— Пожалуй, не совсем вместе,— поправила ее Ирина Исаковна.— Я работаю в зале.— Она беспокойным взглядом окинула Зину.— Об одном тебя прошу: будь осторожна! Ничего не позволяй себе без моего ведома.

— Не бойся, тетя! Я ведь не маленькая. Понимаю все, все.

Назавтра девушка пошла вместе с тетей на торфозавод. В одном из каменных зданий находилась кухня офицерской столовой. Отсюда пища через окошко подавалась в зал.

Под чистку картофеля было отведено отдельное помещение, без окон. Десять часов девушки сидели здесь не разгибая спины. Им даже не разрешали громко разговаривать. Стоило кому-нибудь чуть повысить голос, как сразу раздавался окрик:

— Молчать!

Первое время Зина приходила домой совершенно обессиленная, едва добиралась до кровати. Но шли недели, и девочка начала привыкать. Ей казалось, что спина уже не так ноет, как раньше, да и руки стали проворнее.

Немцам понравилась маленькая русская девушка с косичками. «Дизе клейне руссише медхен ист гут»,— говорили они про Зину. Ей одной разрешали вход в кухню. Она носила сюда воду, дрова.

Зина готова была тащить на кухню все, что угодно, лишь бы оказаться поближе к пищевым котлам...

В день диверсии Зина заменяла заболевшую судомойку. Это облегчило ей доступ к котлам с пищей, хотя шеф-повар и его помощник зорко за ней присматривали. Зине даже показалось, что они догадываются о ее намерениях и потому торчат все время на кухне.

Девушка волновалась и старалась не смотреть в ту сторону, где стояли двое жирных, отъевшихся на русских хлебах фашистов.

До завтрака сделать ничего не удалось. Зина с нетерпением ждала, когда начнется закладка в котлы продуктов на обед.

Официантки накрывали столы к обеду. Расставляли цветы, раскладывали на столах приборы. Несколько раз к Зине подходили за чистыми тарелками ее двоюродная сестра Нина Давыдова и тетя Ира. По грустному лицу Зины они поняли, что

дело плохо. Надо ее выручать. Но как? Вызвать главного в зал — наиболее верный способ. Надо только придумать повод.

Начался обед.

Зина видела, как быстро заполнялась столовая. Офицеры занимали места за столиками. Официантки бегали на кухню и обратно, то и дело подбрасывали в окошко грязную посуду. Проворными руками девушка обмывала тарелки горячей водой, ополаскивала холодной и ставила ребром на полку сушиться.

За одним из столиков неожиданно поднялся шум. Очкастый офицер с прыщеватым лицом громко выговаривал Нине Давыдовой, что плохо поджарены котлеты.

— А при чем тут я? — со слезами в голосе спрашивала официантка.— За пищу отвечает главный повар.

Лицо Нины густо покраснело. Она неловко вертела на кофточке верхнюю пуговку.

— Позови его сюда! — потребовал офицер.

Ноги Нины еще никогда не бегали так быстро, как сейчас. Каких-нибудь несколько мгновений — и шеф-повар предстал перед прыщеватым обер-лейтенантом.

Зина осталась наедине с помощником главного, мешковатым и малоподвижным ефрейтором Кранке, готовившим вторые блюда. Пока он вертелся у плиты, где жарились котлеты, ей удалось незаметно приблизиться к котлу с супом.

— Эй, судомойка! Тарелки! — услышала она за своей спиной осипший голос Кранке.

На секунду у нее как будто отнялись ноги, и она чуть не упала. От котла Зина отошла разбитая, ослабевшая, думая только об одном, как бы не свалиться.

Диверсия стоила гитлеровцам более ста жизней офицеров и солдат.

У фашистов не было прямых улик против Зины. Боясь ответственности, шеф-повар и его помощник утверждали в один голос, что они и близко не подпускали к пищевым котлам девочку, заменявшую судомойку. На всякий случай, они заставили ее попробовать отравленный суп. «Если откажется,— решили повара,— значит, она знает, что пища отравлена».

Но Зина сообразила, чего от нее добиваются. Она как ни в чем не бывало взяла из рук шеф-повара ложку и спокойно зачерпнула суп.

— Медхен, капут... капут!..— вскрикнул помощник повара Кранке.

Зина не выдала себя и сделала небольшой глоток.

Вскоре она ощутила поташнивание и общую слабость.

— Гут, гут,— одобрил ее поведение шеф-повар, похлопав по плечу.— Марш нах хаузе...

С трудом Зина добралась до деревни Зуи. Выпила у бабушки литра два сыворотки. Немного стало легче. Здесь она и заночевала.

А спустя два дня, узнав, что на Зину есть донос, комитет переправил ее ночью с младшей сестренкой в партизанский отряд.

В отряде Зина стала разведчицей. Она участвовала в боях против карателей и в разгроме вражеских гарнизонов в Улле и Леонове. Девушка научилась отлично стрелять из трофейного оружия.

Несколько раз она побывала в Оболи, передавала подпольному комитету юных мстителей задания партизан, тол, мины, листовки, собирала разведывательные данные о численности и расположении частей гарнизона.

Юные подпольщики Оболи около двух лет вели мужественную борьбу против оккупантов: пускали под откос воинские эшелоны, взрывали электростанции, водокачки.

Долго и тщетно гестаповцы старались напасть на след юных мстителей. Наконец это им удалось. Бывший ученик Обольской школы провокатор Михаил Гречухин предал часть участников организации. Их расстреляли.

Командование партизанского отряда послало Зину в деревню Мостище, что вблизи Оболи, чтобы установить связь с подпольщиками, оставшимися в живых, но полицаи опознали ее и выдали гестапо.

4.

Зину без конца возили к следователю гестапо лейтенанту Вернике. Узкоплечий немец разговаривал с ней то тихо, вкрадчиво, то кричал, ругался.

— Кто тебя послал в Мостище?

— Никто.

— Врешь! — крикнул он на русском языке почти без акцента.— Кто твои товарищи?

Зина молчала.

— Ты мне, свинья, заговоришь. Подойди ближе!

Зина, не трогаясь с места, смотрела на Вернике глазами, полными ярости.

Лейтенант подал знак двум солдатам, стоявшим рядом с

ней. Один из них ударил девушку по лицу. Зина пошатнулась, но не упала.

Солдаты схватили ее под руки и поволокли к столу.

— Слушай, Портнова,— сказал следователь тихо, чуть приподнявшись из-за стола.— Чего ты молчишь? Ведь ты не коммунистка, я уверен, и не комсомолка.

— Ошиблись, господин палач. Я — комсомолка,— Зина гордо выпрямилась.

Лицо лейтенанта передернулось, ноздри побелели. Вскочив со стула, он размахнулся и ударил Портнову кулаком в грудь. Девушка отлетела назад, ударилась головой о стену. Маленькая, худенькая, она тут же поднялась и, снова выпрямившись, стояла перед своими мучителями. Тонкими струйками текла по лицу кровь.

— Убрать! — крикнул Вернике солдату.

Ночью следователь докладывал начальнику гестапо:

— Портнова — такая же фанатичка, как те, которых мы прикончили. Не отвечает.

Капитан Краузе насмешливо ответил:

— Это она не хочет отвечать вам, лейтенант. А мне... Пришлите ее ко мне.

Когда в кабинет Краузе ввели Портнову, тот изумленно уставился на нее. «Но это же совсем ребенок»,— отметил про себя начальник гестапо.

— Садись.

Зина села, ничем не выдавая своего волнения. Она быстрым взглядом окинула просторный, уютно обставленный кабинет, железные решетки на окнах, плотно обитые двери. «Отсюда, пожалуй, не убежишь».

На ломаном русском языке Краузе сокрушался о том, что с ней обошлись грубо и даже избивали. Он разыгрывал роль доброго дяди.

— Ах, как побледнела, как похудела, фрейлейн. Ей нужно мольоко, масло, белый хлеб, шоколяд... Фрейлейн любит шоколядные конфеты?

Зина молчала.

Краузе не злился, не кричал, не топал ногами, делая вид, что не замечает ее упорного молчания. Улыбаясь, обещал улучшить условия заключения.

«Даром, собака, стараешься,— думала Зина.— Все равно ничего не скажу».

Как бы угадав ее мысли, Краузе протянул:

— Так, так, не желайш сказать... Нитшево...

Он приказал отвести ее не в тюрьму, а в комнату, находившуюся в здании гестапо. Ей принесли обед из двух блюд, белый хлеб, конфеты.

На следующий день утром Портнову снова вызвали к капитану.

С подчеркнутой вежливостью Краузе осведомился, как она себя чувствует в новой обстановке.

— Это все мельочь,— сказал он, не дождавшись ее ответа.— Один небольшой услюга, и ты идешь в дом. Скажи, кто твой товарищ, твой руководители?

Переждав минуту, гестаповец продолжал:

— Ты, конешно, сделаешь нам услюга. Да? И мы не будем в дольгу... Я знаю, в Петербурге, ну, по-вашему, в Ленинграде, у тебя есть мама, папа. Хочешь, мы везем тебя к ним. Это теперь наш город. Говори, не бойся...

Краузе курил сигарету, опираясь одной рукой на подлокотник кресла, и ждал ответа. Курил медленно, будто нехотя выпуская дым. На скулах бегали желваки, глаза щурились. Он не сомневался в успехе своей тактики: девушка должна заговорить.

А Зина молчала. Она хорошо знала, что ее родной город мужественно сражался с врагом.

За окном шумел осенний ветер. И скоро шум перерос в грохот: по улице шли фашистские танки.

Капитан, подойдя к окну, отдернул занавеску.

— Смотри, какие мы сильные! — гестаповец произнес это тоном победителя.

Потом, приблизившись к Зине, вытащил из кобуры пистолет, повертел его в руке и, ничего не сказав, положил на стол. Зина посмотрела на пистолет и подумала: «Разрядить бы в гада всю обойму».

Вдруг она почувствовала, что у нее перехватило дыхание, и отчаянная мысль, как молния, пронзила мозг: «А что, если?..»

— Ну-с, фрейлейн,— Краузе вернулся от стола и снова поднял, точно взвешивая, пистолет.— Здесь есть маленький патрон. Одна пуля может поставить точку в нашем споре и в твоей жизни. Разве не так? Тебе не жалько жизнь?

Он опять положил пистолет на стол. А русская девочка молчит, как будто не слышит его, не видит, не замечает.

На улице просигналила легковая машина и, резко затормозив, остановилась у дома. Краузе отошел от стола к окну, и тут случилось то, чего он никак не мог допустить даже в мыслях.

Зина, словно кошка, бросилась к столу и схватила пистолет. Гестаповец не успел еще осознать, что произошло, как девушка навела на него его же собственное оружие, которым он только что ей угрожал.

Выстрел — и Краузе упал на пол.

Вбежавший в комнату офицер был также убит наповал.

Зина устремилась в коридор, выскочила во двор, а оттуда в сад. Утро было прохладное, начинались заморозки, трава побелела, а Зине было жарко.

Липовая аллея, заметно понижаясь, упиралась в берег реки. Девушка вихрем пронеслась до ближайших кустов, тянувшихся рядом с аллеей.

Некоторое время ее никто не преследовал, двор был пуст. Она бежала к реке. Эх, успеть бы добежать! За рекой спасительный лес. Только бы успеть.

Зина обернулась и увидела солдат. Один из них — совсем близко. Она остановилась, прицелилась, плавно нажала спуск. Гитлеровец растянулся на земле. Остальные, злобно крича, ускорили бег. Зина, не целясь, произвела несколько выстрелов. Это заставило солдат приостановиться.

«Почему они не стреляют?» — удивилась девушка. Она не знала, что было приказано схватить ее живой.

Казалось, никто и ничто не может ее спасти. А она все бежала, бежала, не теряя надежды.

Река совсем рядом, но уже иссякли последние силы.

Портнова обернулась, опять нажала спусковой крючок... Выстрела не последовало: патроны в обойме кончились.

Все!..

У Зины от бега перехватило дыхание. Ноги совсем подкосились.

Ее схватили на самом берегу реки.

...В морозное январское утро сорок четвертого года Портнову повезли на казнь.

Машина остановилась в лесу. Зину поставили на край ямы, вырытой под сосной.

Ей не завязали перед казнью глаза — она и так ничего не видела: фашисты выкололи ей глаза. Но слышала все. Слышала шорохи зимнего леса, слышала, как прозвучала команда...

Залп разорвал морозный воздух. Сосна дрогнула, несколько сучков упало вниз на снег. Они легли рядом с телом девушки, только что шагнувшей в бессмертие.

В. ШИРОБОКОВ

НА РАССВЕТЕ

Об этой девушке очень мало написано, о ней очень мало известно. Скупые газетные информации и маленькие зарисовки. А короткая жизнь ее достойна написания целой книги.

В детстве ее звали Феней. И в семье, и в кругу товарищей, подруг, и среди взрослых она Феня, юркая Феня. Бойкая, веселая девочка. Не напрасно, видно, повторяли женщины-соседки: «Ох и шустра дочь Андрея Зиновьевича! Смотри, везде успевает! Такие, говорят, сами пробивают дорогу в жизни».

Подружки всегда смело шли за ней. Где Феня, там игра веселей, голоса звонче. Там уже самому отчаянному сорванцу-мальчишке не подступиться. Отсюда, видно, появилась у мальчишек этакая тайная зависть к ней: погоди, дескать, мы покажем тебе, где раки зимуют! А Феня их не боялась. Она ведь не забияка, а просто затейница, любит задорных, смышленых и смелых товарищей. Зато дома она была верной помощницей взрослых.

В детстве выполнишь поручение взрослых — они хвалят, по голове гладят, и радости нет конца. Вот и Мария Пушина искренне радовалась, что растут трудолюбивые ребята, хвалила, ласкала их. Сходят они в лес, принесут малины, черемухи — мать по горстке отведает у каждой и, кивая головой, ласково скажет:

— Ай сколько собрали, милые вы мои! А ну-ка, чьи слаще ягодки?

И действительно, те ягоды, которые приносили младшие, Лида и Феня, матери кажутся особенно сладкими. Им-то и ласки больше.

Однажды в знойный августовский день дети тети Марии отправились за черемухой. В лесу прохлада. Ветер гуляет где-

то в вершинах деревьев. Лес шумит, поет свою вековую песню. Хорошо-то как! Кажется, что лес им рассказывает чудесные сказки. Вот рябины кудрявые качаются. А вот и черемуха. Ребята пробуют черемуху на вкус — и дальше: дескать, послаще найдем.

ПУШИНА
Федора Андреевна

Вышли они на поляну. На солнцепеке, дремля и качаясь, стоит высокая черемуха. Дети, запрокидывая головы, смотрят на верхушку дерева, где висят гроздья черемухи. Разбежались ребячьи глаза.

Придется лезть на дерево. Пашка поплевал на ладони и, словно кошка, быстро вскарабкался на черемуху. Но Феня забралась еще выше. Качается на ветке. Ей кажется, что она летит вместе с землей, с деревьями куда-то далеко-далеко. Одной рукой держится за дерево, другой срывает гроздья и бросает сестрам:

— Это вам, ловите!

— Не надо, Фень, не срывай, в туесок собирай! — кричит Аня.— Мы и здесь наберем.

А ветер не утихает, раскачивает дерево все сильнее. Вдруг ветка, на которой стояла девочка, обломилась, и черемуха из туеска рассыпалась, словно дождь забарабанил по листьям...

Больше Феня ничего не помнит, только, как во сне, слышит голос матери:

— Эх, дочка, дочка, так ведь недолго и без ноги остаться... Парнем надо было тебе родиться, парнем...

То жар, то озноб пробирает хрупкое тело девочки. Превозмогая боль, она кусает губы. Капельки слез выступают на ее глазах. «Не ругайте, больше так не буду»,— хочет сказать, но язык не поворачивается.

Как страшный сон прошло все это — и боль, и причитания матери, и хлопоты людей в белых халатах... Девочка снова повеселела, снова зарумянились щечки, живыми искринками

заблестели голубые глаза. Она снова среди своих подружек, бегает, играет, да еще, соревнуясь с мальчишками, шагает по шатким жердям, перекинутым через речку. Вместе с подружками ходит по ягоды, а зимой катается на санках.

В Тукмачах школы нет. Да и домов-то там всего десятка полтора. Здешние ребята ходят в Иж-Забегаловскую школу, что в соседнем селе. Тут же училась и Феня Пушина. Затем окончила Больше-Ошворцинскую семилетку. Спрашиваете, как она училась? Хорошо училась. Даже родители удивлялись: неужели о нашей непоседе так хорошо отзываются учителя? Непоседа — на улице, а в школе, за партой — послушная, вдумчивая, смышленая. Ее подруги, особенно тезка Феня Тукмачева, с изумлением наблюдали, как Феня Пушина на уроках совсем преображалась.

Настал 1939 год. Окончены семь классов. Теперь куда? Что говорить, многие парни и девушки уходили из деревни: кто в город, кто в лесопункты, кто еще куда-нибудь. И Феня думала: «Какая же дорога приведет к счастью?» Остановилась на медицине.

Почему она выбрала этот путь? Наверное, еще тогда, когда она сорвалась с черемухи и в больнице вылечили ее, в детской душе зародилось уважение к людям в белых халатах. Какое дело может быть более почетное, чем спасение человека от болезни? Она поехала в город Ижевск и поступила в фельдшерскую школу.

Сначала ей трудно давалась учеба. По воскресеньям ходила к сестре Анне, которая жила в Ижевске. Зять и сестра советовали ей: «Учись, человеком станешь». Брату Павлу она писала: «Учиться тяжело. Наверно, не осилить мне. Поеду домой, к родителям. Как ты смотришь?» Павел отвечал: «Ты и в детстве была не из пугливых. Так неужели сейчас решила отступить? Учись — потом спасибо скажешь».

И Феня не отступила, окончила школу.

...Жители села Кекоран полюбили молодую фельдшерицу.

...Стоял апрель 1942 года. Всюду разлилась талая вода — ни пройти, ни проехать. А Феню Пушину вызвали в военкомат. Хорошо, что она была не одна. С нею рядом шагала сестра Аня. Ее присутствие бодрит Феню. Чуть ли не вплавь переправлялись сестры через бурлящие овраги и лога.

— Что же ты сапоги не обула? Смотри, простынешь,— говорит Аня.

— Не до сапог было, я торопилась в военкомат! Время-то какое. А сапоги и потом надоедят еще,— ответила Феня.

Аня тоскливо посмотрела на сестренку. Ей она почему-то показалась маленькой, одинокой и захотелось чем-то помочь, хотя бы душевными словами. Но те слова не пришли, на глазах выступили горячие росинки. Аня шагала молча, перекидывая тяжелый чемодан из одной руки в другую. Молчала и Феня.

На станции Узгинка они сели в поезд, вечером приехали в Ижевск, а после полуночи простились. Аня целовала любимую сестру, жала ее руку, шептала напутственные слова и заплакала. Не выдержала и Феня, слезы покатились по ее горячим щекам. И вот свисток паровоза, последние заветные слова... Поезд медленно тронулся и увез девушку далеко-далеко, туда, где шли ожесточенные бои.

«Люди совершают подвиги. Каждый солдат — герой! А я? Что делаю я такого, примечательного?» — спрашивала себя Фаина (так ее звали фронтовые друзья).

В коротких перерывах между боями, усевшись где-нибудь в тишине, она писала письма родным и знакомым, часто сестре Анне.

«Здесь бои идут круглые сутки,— сообщала она родным.— Все кругом свистит и сверкает, а на душе хоть и страх, но делаешь свое, где присядешь, где ляжешь да опять вперед пробираешься».

Что произойдет завтра утром? Что ждет ее, друзей, многих, многих солдат, командиров на том берегу реки, за тем селом? Хватит ли медикаментов, сумеет ли она быстро оказать помощь раненым? Все это беспокоит молодого санинструктора.

Начинается наступление, атака, и некогда раздумывать. Страх покидает сердце, незаметно проходит и волнение. Впереди — враг, его надо опрокинуть, уничтожить! Дым и пламя, пыль и копоть. Земля дрожит. Рядом разрываются снаряды, свистят пули. Тут и там кричат раненые, просят помощи. Медики спешат к ним. Спешит и Фаина. Нервы напряжены. Она подходит к тому, другому, третьему, перевязывает, говорит теплые слова.

Между боями Фаина часто беседовала с этими смелыми, мужественными людьми. Ее душа наполнялась изумлением и гордостью.

На фронтовых дорогах встретился ей один паренек. Он тоже санинструктор. Нередко бывал он в санчасти полка. По одному голосу, даже по походке Фаина узнавала его, и сердце заливала горячая волна.

Пришла к ней любовь, чистая, благородная. В короткие, минутные встречи они успевали сказать друг другу много слов.

Это была любовь, рожденная в огне и дыму боев и сражений. Она еще более укрепляла молодые сердца... Но пришла разлука. Военная дорога сблизила, подружила их, военная же дорога и разлучила. Парня направили в другую часть.

Но любовь не знает расстояний. Девушка часто вспоминала о своем друге, о минутах прощания.

— Пиши, Фаина. Никогда мне не забыть тебя. Кончится война, и мы будем вместе.

— Как знать, увидим ли мы друг друга?

— Почему ты так?.. Или мне не веришь? Останемся живыми — я найду тебя.

О фронтовом друге Фаина только намеками сообщала в письмах к Анне. Даже имя его оставила неизвестным.

Без передышки шли ожесточенные бои. Вместе с бойцами в первых рядах сражалась и младший лейтенант медицинской службы Фаина Пушина. Она была награждена тогда орденом Красной Звезды.

Фаина мечтала о скорой победе, о будущих счастливых днях. Сестре Анне она писала:

«Октябрьский праздник мы хотим провести в Киеве. Город обязательно освободим от немецких захватчиков...»

...6 ноября 1943 года. Наши войска вели бои за освобождение Киева. Санитарная часть, в которой служила Фаина, разместилась в Святошине. Раненых доставляли и днем и ночью. Полевой госпиталь был переполнен.

Рано утром над Святошиным появились десятки вражеских самолетов. Одна из бомб попала прямо в здание, где размещался госпиталь. Забушевал огонь. Медицинские работники начали героическую борьбу за спасение людей. Дым застилал глаза, но медики, рискуя своей жизнью, выносили раненых.

Фаина Пушина успела вывести и вынести из горящего здания более тридцати солдат и офицеров. Она даже не заметила, когда на ней загорелась одежда.

Фаина пыталась вынести последнего тяжелораненого солдата, но огонь свалил ее. В бессознательном состоянии, с сильным повреждением головы, со сплошными ожогами тела вытащили ее из пламени. Вслед за этим послышался сильный грохот, взметнулось пламя, поднялись столбы дыма — рухнул потолок.

Несколько минут еще билось сердце Фаины Пушиной. Она умерла на руках у товарищей. Перед смертью раскрылись ее глаза, пошевелились губы.

Она хотела увидеть утреннюю зарю, еще раз взглянуть на

рассвет. Как она любила пору рассвета, восторгалась первыми переливами света, а затем солнечными лучами. На рассвете она выходила из дому, направляясь в школу. На рассвете вместе с матерью выходила в поле. На рассвете писала свои письма с фронта, вспоминала родных и близких.

На рассвете совершила она подвиг. Но этот рассвет она уже не видела. Не видела, как на следующий день наши войска освободили Киев.

Но не умер ее славный подвиг. Имя двадцатилетней девушки-комсомолки из маленькой деревни Тукмачи навсегда осталось в памяти народа. Ей посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Такова Пушина Федора Андреевна. В детстве ее звали Феней, на фронте — Фаиной. Как яркий утренний рассвет, была ее короткая, но славная жизнь.

Глубоко чтят ее память на родине. «Светлое имя Фени служит для нас примером, как нужно жить, бороться за народное дело, за свободу и счастье на земле. Мы будем такими же...» — читаем мы в сочинениях школьников Якшур-Бодьинского района. Имя Пушиной носят дружины и отряды.

На кладбище у Святошина, что под Киевом, сохранились три братские могилы. Здесь захоронены павшие в боях за освобождение Киева. В одной из них похоронена девушка-героиня Федора Пушина.

М. КАЗАРИНОВА

ЛЮБИМЫЙ КОМАНДИР

В начале октября 1941 года меня вызвали в Москву, в штаб Военно-Воздушных Сил, и сообщили, что направляют в распоряжение Героя Советского Союза майора М. М. Расковой.

На пункте сбора летного состава, где находилась в то время Марина Михайловна, я увидела много девушек в гражданской одежде. Все казалось странным и необычным.

— Наконец-то вы приехали, капитан! Рада, очень рада, что прибыли! — приветствовала меня Раскова и сразу же стала вводить в курс дела.

— Правительство поручило нам, — говорила она, — формирование авиационных полков из девушек. Так складывается обстановка, что вы будете у нас начальником штаба. Конечно, вы хотите летать. Мы с Валей * тоже думали о боевых вылетах в одном экипаже и просились на фронт, но Центральный Комитет партии решил иначе. Кроме нас тысячи советских девушек тоже хотят быть на фронте, и с оружием в руках, и летать. И вот наша задача помочь им в этом. Для этого надо организовать женские авиационные полки. Летчицы у нас замечательные: Катя Буданова, Тамара Памятных, Валя Гвоздикова будут отличными истребителями. Прибудут еще летчицы из Гражданского Воздушного Флота. Но штабных работников нет. Подбирайте сами, не в ущерб, конечно, делу... Вся организация формирования полков усложняется тем, что через несколько дней нам предстоит покинуть Москву...

Из беседы с Мариной Михайловной мне стало известно, что работа по формированию женских авиационных полков велась

* Гризодубова Валентина Степановна.

по приказу Верховного главнокомандования. Управление Военно-Воздушных Сил уделяло этому делу большое внимание. Отрядам Гражданского Воздушного Флота и Осоавиахима были даны указания об откомандировании девушек-летчиц на пункт сбора. Изучались и подбирались штаты для этих полков. С прибывшими девушками проводили занятия офицеры Е. Я. Рачкевич, В. Ф. Ломако и моя старшая сестра Т. А. Казаринова.

РАСКОВА
Марина Михайловна

Капитан Рачкевич Евдокия Яковлевна окончила Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. На нее были возложены функции комиссара сбора. Майор Казаринова Тамара Александровна — одна из старейших военных летчиков. Она командовала эскадрильей скоростных бомбардировщиков, затем была помощником командира авиационного полка. При организации женских авиационных частей ее знания и опыт особенно пригодились. Капитан Ломако Вера Федоровна, военный летчик, прославилась в рекордном перелете на гидросамолете от Черного до Белого моря, летала и на истребителях. Это были первые женщины-офицеры, принимавшие участие в организации авиационных полков. В ближайшее время ожидались женщины — инженеры, штурманы и политработники.

Основная же масса личного состава была из гражданских девушек, совершенно не знавших, что такое воинская дисциплина и порядок. В этом я убедилась уже через день после прибытия.

Дана была команда подготовиться к погрузке в эшелоны. Заранее подвезли имущество к железнодорожной ветке. Ночью вдруг ударил двадцатиградусный мороз, в октябре — редкое явление. Я решила проверить караулы. С трудом нашла разводящего, спокойно дремавшего с очередной сменой девушек,

расположившихся на столах в холодном сарайчике. Разводящим была летчица Осоавиахима Катя Буданова. С ней и пошли мы проверять караул. Темно, лишь стрельба зениток освещала нам путь к железнодорожной ветке. А вот и имущество: штабеля ящиков, мешков, матрацев.

Но где же часовые? Обошли все посты — и ни одного часового. Мы нашли их только после того, как замолчали зенитные орудия и кончилась воздушная тревога. Оказалось, что часовые... спрятались от холода в матрацах (!).

Докладываю Расковой о «пропавших» часовых. Она от души смеется.

— Вы, капитан, хотите, чтобы они сразу стали военными,— говорит она.— Это не так просто.— И уже совсем серьезно: — Надо учить и учить с ними уставы! Приступим немедленно. Будем изучать их в дороге, назначим старших. Из этого гражданского коллектива надо быстрее делать военную часть.

Прошло несколько дней. Наш эшелон медленно продвигался на восток. Редкими были остановки на больших станциях, чаще эшелон стоял у семафоров и в тупиках.

Как-то на одной из станций М. М. Раскова и я стояли на платформе. Вдруг из теплушки выпрыгнули две девушки в военной форме, в руках — пачки писем. Оглядевшись по сторонам, они бросились бежать вдоль платформы к почтовому ящику, но, увидев нас, остановились и попросили разрешения опустить письма. Раскова разрешила. Взявшись за руки, они бегом помчались к ящику, только кудри развевались на ветру. Раскова улыбалась.

— Видите, учеба идет впрок, уже замечают начальство,— сказала она и, взглянув мне в лицо, спросила: — Но чем же вы недовольны, почему хмуритесь?

— Не попались бы на глаза военному коменданту станции,— ответила я,— за нарушение формы придется отвечать. Военнослужащему положено выходить из вагона в головном уборе. Да и с кудрями надо что-то делать. Неизвестно, когда, где и чем будем их отмывать.

— Видимо, придется изменить прическу,— сказала Марина Михайловна.— Напишите проект приказа и сформулируйте описание прически.— И, снова улыбнувшись, добавила: — Вас, капитан, в Военно-воздушной академии, конечно, не учили писать подобные приказы. Но вы не огорчайтесь. Все, что делаем мы с вами сейчас, этому никого никогда не учили, это для всех ново. Придется решать еще и не такие вопросы.

В пути мы ближе узнали друг друга. Марина Михайловна

много рассказывала нам о своей жизни, о том, как пришла в авиацию.

Работая чертежницей, затем лаборанткой кафедры аэронавигации в Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского, Раскова заинтересовалась специальностью авиационного штурмана, стала учиться самостоятельно производить расчеты штурманских задач на приборах и тренажерах, изучать теорию навигации.

Первые ознакомительные полеты в 1933 году определили дальнейшую судьбу М. М. Расковой. Она решила посвятить себя штурманскому делу. Заочно окончила аэронавигационный факультет Института гражданского воздушного флота и сдала экстерном экзамен на звание летчика-наблюдателя. После этого Марина Михайловна обучала штурманскому делу слушателей академии.

Но и это не удовлетворило ее. Без отрыва от основной работы инструктора-штурмана она закончила в аэроклубе курс летчика-спортсмена и успешно летала на спортивных самолетах. В качестве штурмана экипажа Раскова неоднократно принимала участие в дальних беспосадочных перелетах, в полетах с научной целью, в экспедициях по прокладке новых воздушных трасс, в составлении сложных навигационных расчетов воздушных парадов над Москвой и в самих воздушных парадах.

В 1935 году сбылась ее заветная мечта о рекордном перелете на дальность. С летчицей Валентиной Степановной Гризодубовой Марина Михайловна совершила полет по маршруту Москва — Актюбинск протяженностью тысяча четыреста сорок три километра. Этим был установлен новый в то время мировой рекорд для женщин.

Особенно большие успехи принес М. М. Расковой 1938 год. В тот год она участвовала в нескольких дальних перелетах, прославивших нашу Родину. Своеобразным итогом этого периода ее жизни стал изумительный перелет Москва — Дальний Восток в сентябре 1938 года на самолете «Родина» вместе с В. Гризодубовой и П. Осипенко.

С огромным интересом слушали девушки Марину Михайловну, хотя все они читали ее замечательную книгу «Записки штурмана».

В этом продолжительном полете летчицы Валентина Гризодубова и Полина Осипенко посменно управляли самолетом. Им удавалось хотя бы на короткое время делать передышки, отдыхать понемногу, а штурман Марина Раскова была на посту без смены весь перелет.

...Облачность быстро закрыла землю, исчезли ориентиры, по которым можно было контролировать направление полета. Теперь — все внимание радиосвязи. Первые часы полета радиосвязь с Москвой была хорошая. Довольная Раскова спокойно принимала телеграммы Москвы и передавала свои ответы. Но вот самолет начал покрываться коркой льда. Обледенение очень опасно для полета: утяжеленный самолет будет терять управляемость. Чтобы уйти от опасности, летчицы набирали высоту все больше и больше: шесть тысяч, шесть тысяч пятьсот, семь тысяч метров...

Обледенение исчезло, но температура воздуха резко упала. Термометр показывал минус тридцать четыре градуса. Приборы стали мерзнуть. Вышли из строя радиоприемник и передатчик. Теперь осталось одно средство — астроориентировка по звездам. Надо было подняться еще выше, чтобы видеть хотя бы две звезды.

С секстантом в руках не раз вылезала Марина Раскова из люка самолета. Ее обжигала струя леденящего потока воздуха, но... надо было вести наблюдения, уточнять место полета и давать летчику поправки в курс самолета.

Полет продолжался за облаками, по приборам. Прошли Свердловск, Омск, позади Байкал, горные хребты. Скоро рассвет. Ненадолго удалось отогреть радиоаппаратуру и передать Москве свои координаты. И снова полное молчание.

По расчету времени должно бы быть Охотское море. Как-то внезапно пелена облаков оборвалась и под самолетом показался берег далекого моря. Рекорд дальности полета был установлен.

Долететь до Комсомольска-на-Амуре не удалось, не хватило горючего. Решили садиться в тайге. Но при посадке на болото самолет мог скапотировать (перевернуться через нос). При этом пострадал бы штурман. Поэтому штурману было приказано прыгать из самолета с парашютом.

С этого мгновения для Расковой начались новые испытания. Одна в тайге. Найти место посадки самолета оказалось не так-то просто. Десять суток, без пищи, не раз проваливаясь в болото, Раскова шла и шла... Выручили самолеты, кружившиеся над местом посадки «Родины». Это помогло ей определить направление, и она вышла к своему самолету. Радости встречи не было предела...

Рассказы Марины Михайловны так увлекали девушек, что они готовы были слушать ее всю дорогу. Вместе с тем они задавали своему командиру множество вопросов о своем будущем: на каких самолетах будут летать? кто будет командовать подразделениями? сколько времени займет обучение? и т. п.

Раскова не только интересно рассказывала, она умела также внимательно слушать и в задушевных беседах незаметно для девушек ставить перед ними большие и сложные задачи.

— Все зависит от вас самих, от вашего старания в учебе. Чем быстрее и лучше мы подготовимся, тем быстрее нам разрешат лететь на фронт и бить врага. Успех нашего общего дела в ваших руках. Старайтесь!

Как загорались глаза у девчат, как старательны они были потом на занятиях! У всех было одно желание: как можно быстрее освоить боевой самолет и улететь на фронт.

В пути мы были довольно долго. Нередко приходилось самим «проталкивать» свои вагоны. Не раз и днем, и среди ночи вылезала Марина Михайловна из теплушки. Проверяла дневальных и дежурных. Спрашивала у осмотрщиков вагонов, как попасть на станцию, так как эшелон наш зачастую загоняли на самые дальние пути.

— Да вот, под вагонами путей двенадцать отсчитайте — тут и будет станция,— ответил нам как-то один осмотрщик.

— Что ж, капитан,— обратилась ко мне Раскова,— полезем под вагоны, раз надо.

И мы полезли под вагоны: один состав, второй, третий, а потом и со счета сбились. Некоторые поезда маневрировали, и мы ждали. Темно было. Но все же пришли на станцию. Встретил военный комендант, удивился, как это мы добрались.

— Под вагонами,— отвечала Раскова.

— Отчаянный вы народ! Вас же задавить могли.

— Не могли,— возразила Раскова.— Мы отвечаем за вагоны с людьми, девушками-летчицами. Нам на фронт надо торопиться.

Узнав Марину Михайловну Раскову, дежурный и начальник станции сказали:

— Да мы вас, товарищ майор, с «литером» отправим, лишь бы приняли на следующей станции. Мы вам и «зеленую улицу» обеспечим.

Рассматривая пульт управления железнодорожной станции, Марина Михайловна поинтересовалась, как это все устроено. Ей охотно пояснили.

— Оказывается, на железной дороге тоже интересно работать,— улыбаясь,— говорила Раскова.

Она умела уважать любой труд и тем самым быстро завоевывала расположение к себе окружающих.

— Плохо у нас с продуктами,— пожаловалась Раскова.— Что делать? Как будем кормить людей?

Военный комендант предложил заказать обед на следующей станции.

— Что ж, хорошо,— согласилась Марина Михайловна.— Только как бы не пришлось нам получить этот обед через сутки,— добавила она, смеясь.

И хотя «зеленую улицу» давали нам на многих участках пути, все же не раз приходилось и днем, и ночью блуждать под вагонами. В тот раз обедать пришлось в два часа ночи.

Наша конечная станция — Энгельс. Прибыли ночью. На платформе ни души. Дождь. Много теплее, чем в Москве. Туман. Ни одного огонька.

— Да Энгельс ли это? — сомневается Марина Михайловна.— Пойдемте, капитан, узнаем, как здесь нас ждут. Не заблудитесь?

— Нет, здесь я как дома!

Да, дома! Семь лет назад я училась здесь и окончила военно-летную школу. Разве могла я здесь заблудиться!

Скоро мы пришли к дежурному по гарнизону.

Нас ждали. И все, что можно приготовить, приготовили. Дежурный показал нам общежитие в физкультурном зале Дома офицеров и еще в трех комнатах, заставленных двухъярусными койками. Здесь же была приготовлена маленькая комната для Расковой, с широкой двухспальной кроватью, ковром и даже цветами. Но комната не понравилась Марине Михайловне. Я первый раз увидела ее такой сердитой.

— Что это за будуар? Убрать эту семейную кровать. Здесь будем мы с начальником штаба. Ковер, цветы — убрать. Ведь у девушек этого нет?

Настроение Расковой стало снова обычным — бодрым и веселым, когда она узнала, что для девушек готовят завтрак и баню.

После парикмахерской и бани все как-то подтянулись, стали выглядеть настоящими бойцами.

* * *

Начальник гарнизона при первой нашей встрече сказал, что уже получен приказ командующего Военно-Воздушными Силами о сроках формирования и определявший номера и наименования наших полков: 586-й истребительный, 587-й бомбардировочный и 588-й авиационный полк ночных бомбардировщиков.

Но пока полки существовали только на бумаге. А в действительности была Авиационная группа № 122 во главе с Героем Советского Союза М. М. Расковой. Так в гарнизоне появилась новая авиационная часть с условным номером для получения корреспонденции.

Авиагруппа подразделялась на летчиков, штурманов и техников. С первых же дней во всех группах начались занятия. Проходили курс обучения молодого бойца, изучали самолеты, моторы, вооружение и аэронавигацию.

Небольшая группа кадровых офицеров составляла костяк всей этой организации. Вера Ломако возглавляла группу летчиков, Александра Муратова — группу штурманов, Галина Волова — группу технического состава.

Постепенно личный состав начал распределяться по полкам. После контрольных полетов выделились летчики-истребители и летчики — ночные бомбардировщики. С прибытием пополнения образовалась вторая группа штурманов. Технический состав разделялся по специальностям — техники по вооружению, по приборам, по эксплуатации.

С каждым днем все больше и больше определялось лицо каждого полка, оформлялись звенья и эскадрильи.

Много внимания уделялось подбору работников штаба.

В первую очередь был сформирован истребительный полк, а затем полк ночных бомбардировщиков. Это определялось и очередностью получения самолетов. Первыми мы получили истребители ЯК-1, потом ночные бомбардировщики ПО-2.

Несколько сложнее было с дневными бомбардировщиками. Летчики этого полка хорошо летали на самолете-бомбардировщике СУ-2, но судьба его была предрешена — заводы уже не выпускали такие машины. Вопрос о типе самолета для вооружения полка пересматривался вновь. Остановились на самом современном для того времени самолете — скоростном пикирующем бомбардировщике ПЕ-2. Это была сложная в управлении, но грозная для врага машина. Примечательно в этом отношении мнение инструктора-летчика Меняйленко. В своих воспоминаниях он пишет: «Самолет ПЕ-2 был довольно строгим в технике пилотирования, в особенности на одном двигателе, не терпел замедленной реакции летчика. И все же это был хороший самолет-пикировщик, с большим запасом прочности и допускал большие перегрузки...

Сильные летчики любили этот самолет, слабые — побаивались...

Конечно, посвятить себя профессии военного летчика на самолете ПЕ-2 женщине, особенно в то время, когда решалась судьба нашей Родины, было подвигом...»

Забегая несколько вперед, хочется сказать, что девушки хорошо овладели техникой пилотирования этого сложного самолета и успешно громили врага.

А пока мы напряженно учились, готовясь к предстоящим боям.

Раскова ставила конкретные задачи своему штабу по планированию учебы личного состава всех трех полков, организации занятий в классах и на аэродроме, по организации боевого и материального обеспечения всей авиационной группы.

Много времени Марина Михайловна уделяла контролю за учебой, сама принимала экзамены и зачеты по многим дисциплинам. Она не только учила девушек-штурманов, но постоянно училась сама. Беседуя с инженерами, инструкторами-летчиками, преподавателями, она, не стесняясь, просила объяснять новые, неизвестные ей положения.

Большую заботу проявляла Марина Михайловна о здоровье, питании и обмундировании девушек. Она стремилась по мере возможности скрасить нелегкие условия военного времени.

...Дан отбой. Тишина в общежитии. Спят и летчики, и их командиры. Но еще долго не гаснет свет в комнате, где работает Раскова.

Надо продумать так много вопросов: как ускорить поступление самолетов, как достать летное и техническое обмундирование и снаряжение. Снова надо лететь в Москву, Куйбышев и другие города. Снова и снова надо докладывать по всем инстанциям, следить, как идет дело. И нередко бывало, Марина Михайловна еще не возвратилась, а нам уже сообщали: «Получайте» или: «Высылайте получателей».

Ее неутомимость, ее настойчивость в работе были просто изумительны. Вспоминается такой случай.

...Декабрь 1942 года. М. М. Раскова к вечеру прилетает на аэродром «Киржач». Здесь находится одна наша эскадрилья, а другая застряла из-за непогоды где-то под Арзамасом. Фронт от аэродрома сравнительно далеко, других частей на аэродроме нет. Это — временное наше базирование. Раскова обходит помещения летчиков и техников, беседует с людьми, смотрит, как устроились.

Утром она объезжает аэродром, беседует с техниками у

самолетов. На ней не летный комбинезон, как обычно, а техническая куртка и шапка-ушанка, и не сидит она в кабине автомашины, а стоит в кузове, чтобы все было видно. К обеду она приходит в землянку-столовую и садится вместе с техниками, непринужденно беседует. В землянке полумрак, не разглядишь всех. Техники рассказывают о своих и полковых нуждах. Обед окончен. Марина Михайловна выходит из столовой и встречается с работниками питания.

— Можете не докладывать, как кормите технический состав,— говорит им Раскова,— уже знаю, попробовала. Надеюсь, что будет лучше.

Конечно, после таких проверок обеды значительно улучшались.

* *
*

В беседах с людьми Марина Михайловна всегда была душевным человеком. Раскова была также и замечательным оратором. Сила ее речи состояла в том, что она говорила от всего сердца. Ее лучистый взгляд был всегда обращен к слушателям. Этот взгляд или согревал их своим теплом, или гневом наполнял сердца. Слушая ее, они чувствовали с ее стороны большую любовь и глубокое уважение к себе. Она не повторялась, не утомляла. Ее речи и доклады были предельно кратки, но глубоко содержательны. Самое трудное становилось ясным. Было понятно и что надо делать, и как надо делать сегодня, сейчас, чтобы своими руками, своими действиями приблизить час победы. Бывало, слушаешь ее и невольно ловишь себя на мысли: «Вот как надо выступать перед людьми!»

Особенно запомнилось мне собрание личного состава трех женских авиационных полков, посвященное годовщине Советской Армии, в феврале 1942 года.

Полным ходом шла учеба не только в классах, но и на аэродроме. Много летали и днем и ночью. Было особенно приятно, что на этот вечер приехал к нам Саратовский драматический театр и показал свой новый спектакль «Надежда Дурова». После спектакля, тепло поблагодарив артистов, Марина Михайловна сказала:

— Вот, девушки, и о нас когда-нибудь тоже будут писать пьесы и ставить их в театрах. Мы призваны продолжить славные традиции русской женщины-воина. Нет у нас тех преград и условностей, которые мешали Надежде Дуровой проявить в полной мере мужество и героизм русской женщины. Нам все дано: и право защищать Родину, и самолеты, и оружие... Что ж,

оправдаем надежды, которые на нас возлагают партия и правительство?

— Оправдаем! Конечно, оправдаем! — хором отвечают девушки.

Улыбаясь, Марина Михайловна заключает:

— В этом я уверена!

* *
*

Марина Михайловна была очень жизнерадостным, веселым человеком. Она любила петь, знала очень много мелодий. Часто при выходе из столовой, в шуме и сутолоке раздевалки, услышав музыку, передаваемую по радио, она останавливалась:

— Постоим минутку. Ведь это Римский-Корсаков!

Мы останавливаемся и слушаем, а затем по дороге к штабу или на аэродром Марина Михайловна поет сама.

Бывало и так: окончен летный день, подведены итоги, даны указания на завтра. Кажется, все закончено. Марина Михайловна тихо беседует с комиссаром полка Линой Яковлевной Елисеевой, иногда при этом присутствует инженер полка. Заканчивая беседу, Раскова предлагает:

— Давайте споем! — и приятным голосом запевает:

Ой, Днепро, Днепро,
Ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли!..

Песню подхватывают все присутствующие. Особенно проникновенно звучат слова:

Кто погиб за Днепр,
Будет жить века,
Коль сражался он, как герой...

Одной из любимых песен Марины Михайловны была «Землянка». Эту песню часто пели девушки вечерами, сидя у печурки в общежитии или в землянке, и Раскова всегда пела вместе с ними:

Вьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

Много лет прошло с тех пор, но и сейчас, как только соберутся наши однополчане у кого-либо за чашкой чая, обязательно кто-нибудь предложит: «Споем любимую Марины Михайловны!»

И зазвучат слова знакомой «Землянки», а в памяти невольно начинают вставать картины прошлого, тяжелые годы войны, образы тех, кого уже нет среди нас...

Любила Марина Михайловна и стихи. Нередко, после совещания, когда в комнате остается два-три человека, она достает книгу новых стихов Симонова и читает вслух: «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...»

— Правда, хорошо сказано! — обращается она к Лине Яковлевне.

Но у комиссара был свой любимый поэт — Александр Твардовский. Особенно нравилась поэма «Василий Теркин». С нетерпением ожидала она газету, где печатались отрывки из этой поэмы. Быстро прочитав новые главы, Лина Яковлевна торопилась в казарму и там вслух с большим подъемом читала девушкам новые стихи.

* *
*

Ответственнейшей задачей при формировании полков был подбор кадров: от рядового стрелка и летчика до командира полка. К нам прибывали все новые и новые девушки. Все они горели одним желанием: идти на фронт. Кем? «Кем угодно, только возьмите»,— просили они. В общей сложности более тысячи человек прошло через приемную комиссию.

Особенно серьезно подходила Марина Михайловна Раскова к подбору командных кадров. Она обладала каким-то особым чутьем. Смело и решительно, с большим доверием к людям выдвигала она девушек на командные должности. Первое ее знакомство начиналось с обстоятельных бесед на заседании приемной комиссии. От летчиц, зачисляемых в истребительный полк или полк пикирующих бомбардировщиков, у нас требовалось, как правило, иметь налет не менее пятисот часов. Но кроме этого учитывался еще характер каждой из девушек, желание, типы самолетов, на которых они раньше летали.

В истребительный полк и полк ночных бомбардировщиков были зачислены большей частью летчицы, раньше летавшие на легких спортивных самолетах, а в полк пикирующих бомбардировщиков — преимущественно летчицы из Гражданского Воздушного Флота, летавшие на мощных пассажирских самолетах.

Марина Михайловна с большой любовью воспитывала командиров. Она часто и обстоятельно беседовала с ними. Бывали у них промахи, ошибки. Раскова была особенно внима-

тельна и достигала того, что командиры сами начинали понимать свои упущения и находили способы их устранения.

Вспоминается, как долго затягивались беседы Марины Михайловны с Евдокией Давыдовной Бершанской.

— Снимите меня с командования полком. Все равно ничего не получится,— говорила Евдокия Давыдовна.

Или приходила Надя Федутенко, командир эскадрильи пикирующих бомбардировщиков, и заявляла:

— Не буду больше командовать, снимайте меня с эскадрильи! Не слушаются они меня!

В таких случаях Раскова обычно говорила:

— Не сразу Москва строилась! Надо доверять людям. Если хочешь, чтобы тебя слушались, веди себя так, как ты этого требуешь от своих подчиненных. Будь им примером! Сумей поставить себя так, чтобы, обращаясь к тебе, они чувствовали, что говорят с командиром, который поведет их в бой и, может быть, на верную смерть. Пусть они чувствуют, что командир не только заботится о них, но и жизнь свою отдаст, если потребуется, ради их спасения!..

Любовно, как мать своих детей, наставляла Марина Михайловна своих подчиненных. Она всегда старалась найти нужные слова, чтобы ободрить молодого командира, вдохнуть веру в его силы.

И командиры оправдали надежды Марины Михайловны.

Евдокия Давыдовна Бершанская, ныне подполковник запаса, которая вначале так боялась командовать полком, прекрасно справилась с этой задачей. Ее опыт летной работы в Гражданском Воздушном Флоте, изумительная выдержка и такт в обращении с людьми обеспечили в дальнейшем боевой успех личного состава полка ночных бомбардировщиков, который прошел славный боевой путь от Северного Кавказа до Берлина.

Замечательные командиры эскадрилий, их заместители и командиры звеньев были в 586-м истребительном авиационном полку. Мужественно и беспощадно уничтожали они вражеские самолеты в воздухе и на земле и уверенно вели за собой в бой своих подчиненных.

Прекрасно показали себя командиры подразделений авиационного полка пикирующих бомбардировщиков. Много раз водили в бой свои подразделения Надя Федутенко, Клава Фомичева, Маша Долина, Люба Губина, Саша Кривоногова и другие. А их штурманы Валя Кравченко, Галя Ольховская, Тоня Зубкова, Галя Джунковская — снайперы бомбардировочных

ударов — обеспечивали успешное продвижение наших войск и освобождение все новых и новых городов, сел, деревень от фашистских захватчиков.

В начале января 1943 года Марина Михайловна Раскова во главе полка пикирующих бомбардировщиков «Петляков-2» вылетела на фронт. Это был уже третий полк, подготовленный М. М. Расковой. Первые два полка она еще весной 1942 года сама лидировала на фронт. Мы знали, что наши девушки из этих полков героически сражались. Но при перелете на фронт нас постигло большое горе.

4 января 1943 года, попав в тяжелые метеорологические условия, самолет М. М. Расковой потерпел катастрофу, экипаж погиб.

Гибель Марины Михайловны Расковой была для нас тяжелой утратой.

В тот день личный состав полка дал клятву сдержать слово, данное Марине Михайловне: быть гвардейцами. И эту клятву мы выполнили. Кроме того, за успешные действия в боях за освобождение Северного Кавказа нашему полку было присвоено имя Героя Советского Союза Марины Расковой, имя нашего любимого командира.

В годы Великой Отечественной войны наши полки прошли большой и славный боевой путь: 586-й истребительный авиационный полк — от Волги до Будапешта, 46-й гвардейский бомбардировочный авиационный Таманский полк — от Ставрополя до Берлина, 125-й гвардейский бомбардировочный авиационный Борисовский полк — от Волги до берегов Балтийского моря и Восточной Пруссии.

Двадцать восемь девушек-летчиков и штурманов удостоены звания Героя Советского Союза, многие награждены орденами и медалями.

С большой теплотой и любовью вспоминают сейчас Марину Михайловну ее воспитанники.

* * *

Герой Советского Союза Марина Михайловна Раскова похоронена в Москве на Красной площади.

Е. МАРИИНСКИЙ,
Герой Советского Союза

НАД ПЕРЕДНИМ КРАЕМ

Самолет вышел из пикирования над самой водой. Обстрел прекратился. «Ну, можно набирать высоту»,— подумал летчик и двинул сектор газа вперед. Но тут, перекрывая шум мотора, раздался голос штурмана:

— Нина, Нина! Смотри, что-то по плоскости течет!

Распопова взглянула на крыло. «Масло... Бачок пробит, наверное. Нужно набирать высоту, пока мотор тянет...»

...К цели подошли раньше расчетного времени, так как после взлета с площадки возле конного завода их маленький легкий самолет был подхвачен сильным попутным ветром. В свете полной луны отчетливо виднелась дорога, сплошь забитая фашистской техникой. Вся эта лавина широкой полосой неудержимо катилась на юго-запад. Тут не промахнешься! Только бросай бомбы.

Но на дороге вспыхивают разрывы, с неба туда тянутся огненные трассы пуль и снарядов. Сейчас к шоссе не подойти. Как раз попадешь под бомбу, сброшенную с большей высоты, или под очередь из пулемета нашего же стрелка.

«Рано пришли,— поняла Распопова.— Вверху еще ходят ТБ-3, СБ и Р-5. Придется ждать, пока они отработают...» И Нина на своем легком ПО-2 стала кружиться в стороне от дороги.

Сколько готовились к боевым полетам, сколько разговоров было об этом! Говорили о сплошном зенитном огне, о лучах прожекторов, об истребителях... Но вот третий боевой вылет, и ни разу никто их не обстрелял, никаких прожекторов не было и в помине. Вот и сейчас бомбардировщики сбрасывают свой смертоносный груз на фашистов, а в ответ ни одной вспышки. «Как в учебном полете...» — вспомнила Нина Распопова дни учебы перед отправкой на фронт.

Кто скажет, какими путями мысли человека переносятся с одного предмета на другой? Внизу фашисты, идет бой, а Нина вспоминает свое детство, Дальний Восток, золотые прииски, где работал ее отец, Благовещенское горнопромышленное училище, экспедиции геологов в тайге, Хабаровскую летную школу, Спасскую летно-планерную школу и, наконец, Омск...

РАСПОПОВА
Нина Максимовна

Нина окончила курсы усовершенствования летного состава, работала инструктором.

Началась война... Формируются женские авиационные полки... Учеба...

Прибытие на фронт совпало с прорывом немцев к излучине Дона и на Северный Кавказ...

На шоссе перестали вспыхивать разрывы бомб, небо не перекрещивали огненные трассы — наши бомбардировщики ушли.

— Леля, приготовься, идем бомбить!

Нина развернулась в сторону шоссе, по которому все еще шли вражеские танки, машины. Что же здесь выбрать? Что бомбить? На самолете подвешены сравнительно небольшие осколочные бомбы. Для танков они, конечно, не страшны. Распопова повела самолет к обочине дороги, где двигалась фашистская пехота. «Здесь наши бомбы пригодятся»,— решила она.

— Леля, бросай!

Самолет немного тряхнуло — бомбы пошли на цель. Несколько секунд ожидания — и внизу, в местах их разрывов, сразу образовались большие бреши в потоке гитлеровцев.

— Хорошо, Нина! Пошли домой!

В ответ на бомбежку снизу так и не раздалось ни одного выстрела. Распопова спокойно развернула самолет и взяла курс к посадочной площадке своего полка. Впереди показалось озеро. За ним наша территория. Еще немного, и они сели бы на своем аэродроме.

Вдруг внезапный шквал огня зенитных батарей обрушился на самолет. Впереди, с боков, сзади проносились огненные шары, некоторые совсем рядом. Что-то, кажется, ударило по самолету...

«Нужно уходить... Но как?..» У Нины еще не было достаточного опыта боевой работы, но она знала, что лучший способ вырваться из-под огня зенитной артиллерии — имитировать падение самолета. Подчиняясь воле летчика, ПО-2 перешел в крутое пикирование. Нос его направился прямо в озеро...

Обстрел прекратился. Немцы, очевидно, поверили в свою удачу.

Распопова только над самой водой вывела самолет из пике и, когда зенитные батареи остались позади, снова набрала высоту.

Как раз в этот момент и обнаружилось, что пробит маслобак. Однако пока мотор работал без перебоев, самолет продолжал набирать высоту. Справа, почти под крылом, по дороге катилась стальная лавина танков. Танки уходили вперед. Ветер, который в начале полета быстро домчал их до цели, из союзника превратился во врага. Он уменьшил и без того небольшую скорость легкого самолета, и ПО-2 как бы висел в воздухе.

Мотор работает на полных оборотах. «Как бы не заклинило, масло-то вытекает... Может, все вытекло...» А танки идут и идут. «Может, уже и нашу площадку заняли? Все улетели, а мы сядем прямо к немцам. Вон как прут вперед...»

Действительно, на аэродроме они застали только командира полка и его заместителя. Остальные экипажи уже перебазировались на новую площадку.

— Ну, еще немного, и мы бы улетели! — услышали они голос Бершанской, как только Нина выключила мотор.— Вон танки рядом.

Шум танковых моторов отчетливо доносился со стороны дороги...

* *
*

Горьким для советских людей было лето 1942 года. Лето отступления... Тяжело переживали его и девушки-летчицы. Они летали, бомбили колонны фашистов на дорогах, скопления их на привалах, но немцы продвигались все дальше и дальше. Только на Тереке, у Моздока, удалось остановить фашистов. Фронт стабилизировался. Обе стороны подтягивали силы, готовились к новым боям.

Вот здесь-то летчицы и узнали, что такое настоящий зенитный огонь и свет прожекторов. Не успевал самолет пересечь линию фронта, а его уже хватали в свои цепкие лапы лучи прожекторов, со всех сторон тянулись огненные трассы пуль и снарядов...

— С прожекторами пора кончать, а то они не дают нам работать,— объявила вечером 9 сентября Бершанская.— Нашему полку поставили задачу сегодня в первом вылете нанести удары по прожекторным установкам. Вылетать будем звеньями — три самолета пойдут один за другим. Первый вызовет на себя огонь, а остальные два будут бомбить прожекторы. В этом вылете с ними нужно разделаться, чтобы потом бомбить без помех...

Внизу показался Терек, а впереди уже взметнулись вверх несколько лучей, схватили самолет командира звена... «Скорее туда...» — Нина развернулась по направлению к ближайшему прожектору.

— Постарайся, Леля!

Все ближе и ближе прожектор, но немцы не слышат рокота ПО-2: его заглушает шум мотора их собственной установки, и они по-прежнему держат в луче командира звена. «Ну, сейчас... пора...»

Как на крутой волне, машину подбросило вверх — это Леля Радчикова сбросила бомбы.

Луч погас...

Впереди снова блеснул Терек. Там, за рекой — так сообщили подругам перед вторым вылетом,— фашисты готовятся сейчас к новому наступлению. Оно должно начаться сегодня ночью. «Не дать навести переправы, бомбить дороги и скопления войск» — такова задача второго вылета.

«Вот в этом месте, прямо перед нами, хотят они переправляться. Сейчас мы им дадим переправу!..» — думает Нина Распопова и направляет самолет к месту сосредоточения немецкой понтонной техники. Ночь темная, ничего не видно. Только река просматривается внизу. Зоркие глаза замечают малейшие изгибы берега, а по ним отыскивают и нужные цели. «Сейчас, сейчас...»

— Леля, приготовься!

Но что это?! Немного в стороне от цели взметнулся вверх луч мощного прожектора, пошарил немного по небу и осветил самолет. И сразу к тихоходному ПО-2 со всех сторон потянулись огненные трассы. «Это ж наши, Санфирова и Гашева... Они перед нами вылетели...»

Санфирова делала все возможное, чтобы выйти из луча. Резкие развороты, спираль, пикирование беспрерывно сменяли друг друга, но прожектор не выпускал свою добычу.

«Собьют ведь, спасать надо...»

— Леля! По прожектору бросай бомбы! — И Нина стала разворачиваться на прожектор.

Радчикова сбросила бомбы. Их отнесло немного в сторону. Они не пропали даром, нет. Об этом свидетельствовал громадный взрыв на земле. Но луч не погас. Он только переменил направление: вместо Санфировой осветил их самолет. Одновременно перенесли сюда огонь и все фашистские зенитные батареи.

Теперь уж самим пришлось выбираться из этого ада...

— Нина, вправо давай, на свою территорию...

Яркий свет прожектора ослепил Нину. Ни неба, ни земли, ни реки — все пропало, отодвинулось куда-то. Остались только этот яркий молочно-белый свет вокруг, неестественно резко очерченные контуры крыльев, стоек, расчалок да целые рои угрожающе-красных шариков, проносящихся рядом с самолетом, с кабиной, сквозь тонкие перкалевые плоскости...

«Вправо давай...» Нина знала, что справа Терек, свои. И она начала разворот. Но насколько дать ручку вправо, какой сейчас крен, в каком положении самолет, Нина не представляла. В обычных полетах она не думала об управлении самолетом, о величине своих движений. Сейчас же, ослепленная лучом мощного прожектора, она не представляла точно, в каком положении находится самолет. То ей казалось, что он с большим креном несется прямо к земле, то, наоборот, что нос его смотрит прямо в небо... «Разворачивайся вправо... Легко сказать!»

Нина нагнулась вперед, поближе к приборной доске, чтобы по приборам восстановить пространственное положение. Но, ослепленные ярким светом, глаза ничего не различают в полумгле кабины.

Нина пыталась вывести самолет из лучей прожекторов, но это не так просто сделать на тихоходном ПО-2. Вдруг в кабине что-то блеснуло, раздался треск, по телу, ногам и левой руке потекло теплое, липкое... Сильно запахло бензином. Мотор чихнул и остановился. Лишь винт продолжал вращаться по инерции... «Только бы пожара не было...»

В наступившей тишине отчетливо раздался голос Радчиковой:

— Нина, если я что сделала тебе плохое, прости...

Тягостное молчание и снова:

— Нина, направь самолет в Терек... Лучше утонем, чем к немцам... Я ранена...

«Направить в Терек... А где он, этот Терек?» Нина по-прежнему ничего не видит. Хотя... В молочно-белом свете прожектора блеснуло что-то постороннее. Будто игла качается из стороны в сторону. «Да это же наш светомаяк!» — догадалась Нина. Теперь ей стало ясно, куда нужно развернуть самолет, как восстановить нормальное его положение.

Хватит ли высоты, чтобы перетянуть через реку? Что там на берегу? Может, немцы уже высадились?.. Но планировать надо туда — все-таки ближе к своим...

Река осталась позади, погас (или его перенесли на другую цель?) луч прожектора. Кромешная мгла вокруг. Как сесть? Куда? Что там — ровное поле или овраги, траншеи? Сколько осталось до земли? Ничего этого Нина не знала. Единственный выход в таком положении — садиться с парашютирования при минимальной поступательной скорости. Нина выключила зажигание (как бы пожара не было!), стала выбирать ручку на себя, чтобы погасить скорость. Вот уже, кажется, ПО-2 вовсе не движется вперед, он только проваливается вниз, пытается опустить нос, накрениться. Но Нина настороже. Она вовремя выправляет положение самолета.

Высота все уменьшается. Ниже, ниже... Скоро ли земля?.. Еще ниже... Удар!.. Самолет приземлился и сразу же остановился на месте — слишком мала была у него скорость, чтобы преодолеть сопротивление густой и высокой травы.

Земля! Но это еще не означало, что они спаслись. Вокруг свистели пули, рвались снаряды: немцы хотели хоть на земле да уничтожить советский самолет с отважным экипажем.

— Леля! Давай быстрее в сторону от самолета! Может, здесь уже немцы. Они нас возле машины искать будут...

Захватив планшеты, девушки пошли.

— Куда пойдем, Нина?

— На юго-восток нужно, в горы. Там нас никто не найдет...

— Ну, пошли быстрее!

Быстрее... Ноги путаются в густой жесткой траве, заплетаются. Голова кружится, полна каких-то обрывков воспоминаний, и мысль ни на чем не может сосредоточиться. Одна только мысль постоянно присутствует во всем этом хаосе: «Идти, двигаться... В горы...» И Нина идет. В сапогах полно крови. Вылить нужно. Сняла, вылила. Потом еще раз...» А зачем я их тащу, сапоги? Без них легче...» Сняла сапоги. Потом

шлем, ремень с кобурой... Остались только комбинезон, шарфик и пистолет.

«Откуда травы столько взялось?! Когда же она кончится? Упаду сейчас...» Нога ступила на что-то твердое, трава не задерживала больше движений.

— Леля! Дорога, наверное!..

— Да...

— Куда она ведет?

— Кто ж ее знает, не видно ничего...

— Ладно, пойдем по дороге. Следи только за компасом.

Сапоги Лели Радчиковой гулко застучали по камням.

— Что ты, как слон, топаешь?

— А что я сделаю? Может, свернем с дороги?

— Никуда я с дороги не пойду... Смотреть и слушать только нужно!..

Без всяких приключений девушки прошли километров пять, как они считали про себя.

«Сколько же еще идти? Не могу больше...» — думала Нина.

— Леля, иди вперед... Найдешь наших, вернешься за мной... Я не могу идти...

— Ты что?! С ума сошла! Как же я тебя брошу?! Пойдем вместе.

Ноги механически передвигаются, цепляются за каждый камень. Нужно идти. Во что бы то ни стало...

— Нина! Давай сядем, отдохнем... Устала...— теперь уже Леля сдавала, а Нина стала ее подбадривать.

— Нельзя. Тебе ж только восемнадцать, а ты — «устала»! Иди, Леля!..— Нина не могла больше говорить, стала задыхаться. Немного отдышалась и продолжала: — Сядем и не поднимемся больше. Здесь и останемся... Идти нужно!

Некоторое время длилось молчание. Только Лелины сапоги гулко топали по дороге.

— Ой, Нина! Я ж носки забыла в кабине!..

— Что?! Носки?! Самолет бросили, а она носки вспомнила! — Нина тихонько рассмеялась, и этот смех будто снял усталость, придал силы.— Что ж, возвращаться будешь?

Леля, может быть, и вернулась бы за этими шерстяными носками. Ведь она получила их вместе с одним из подарков, которые советские люди постоянно посылали воинам на фронт. Но носки можно будет взять и тогда, когда вытащат самолет с передовой.

Впереди на небольшом возвышении мелькнули и сразу пропали какие-то огоньки.

— Что это?

— Кто его знает!.. Может, светлячки?

— Обойдем это место на всякий случай или прямо пойдем?

— Не могу я обходить... Ты сними сапоги, чтобы не шуметь, и пойдем прямо.

Неожиданно впереди и немного сбоку раздался стон. Подруги настороженно остановились. Жалобный, хватающий за душу стон повторился.

— Тьфу ты, филин, наверное, кричит! — догадалась Нина.

Медленно поднимаются на возвышенность, замеченную раньше. Только шорох камней да тяжелое дыхание девушек нарушают тишину.

— Стой! Кто идет?

«Немцы!» — Нина моментально упала на землю. Леля осталась стоять.

Молчание.

— Стой! Кто идет?

«Да это же по-русски спрашивают! Только акцент какой-то среднеазиатский...» — Нина поднялась с земли.

— Стой!!!

— Не кричи! Позови командира или комиссара!

Часовой, услышав женский голос, успокоился.

— Вон там командир...— показал рукой в сторону.

Оказывается, они вышли прямо к командному пункту какой-то части. Рядом с ними виднелся вход в землянку.

— Ты оставайся здесь, а я пойду в землянку,— сказала Нина Радчиковой.— Посмотрю, к кому попали.

— Ладно. Только ты побыстрее...

Нина шагнула к землянке. Очевидно обеспокоенный криками часового, оттуда как раз кто-то выходил. Он посторонился, пропустил Нину.

Несколько пар настороженных глаз. Грубо сколоченный столик с коптилкой из артиллерийской гильзы на нем. У стола сидит пожилой мужчина, смотрит на карту. На всех шинели внакидку. Обмундирование советское...

— Мне командира!

— Кто такая? — человек у стола приподнял голову.

— Видите, женщина...

— Почему ранена? — Кровь залила весь комбинезон, и раны, конечно, скрыть было невозможно.

— Стреляют, вот и ранили.

В это время открылась дверь землянки, и вошла Леля — в форме, со шлемом на голове, с двумя планшетами (своим и Нининым) в руках.

Все повернулись к Леле. Мужчина, сидящий у стола (оказывается, это был комиссар), даже привстал.

— Девушки, да вы что, летчицы?

— Да.

— Так мы же вас сколько времени ищем... Сейчас три часа ночи. Сколько времени прошло!..

Подругам быстро сделали перевязки, предложили перекусить, отдохнуть.

— Отправить вас мы сейчас не сможем... До утра подождите...

Девушкам, конечно, надо было отдохнуть.

— Только, товарищ комиссар, пошлите, пожалуйста, чтобы наш самолет вытащили оттуда.

— Сейчас пошлю. Так где вы сели?

Нина объяснила, как могла.

— А, так это рядом. Метров семьсот будет.

Метров семьсот... А подругам казалось, что они прошли много километров...

Нина лежала, старалась уснуть, но не могла. В землянке тишина. Только изредка ее нарушал грохот близких разрывов мин и снарядов. По стенам шуршала осыпающаяся земля, бродили тени от колеблющегося пламени «катюши».

Нина вспомнила свой полк, подруг. «Наверное, считают, что мы погибли... Рано, поживем еще, повоюем...» Ее мысли прервал громкий голос вошедшего в землянку бойца.

— Товарищ комиссар! Самолет видели, но подойти к нему нельзя. Они сели на минное поле. И шли по нему... Как не подорвались только?!

— На минное поле?! Да... Повезло же им, ничего не скажешь... Вот что. Возьмите минеров и постарайтесь все-таки вытащить.

— Есть!

Боец ушел.

Вытащить самолет так и не удалось. Вскоре рассвело, и он оказался на виду у немцев, под их обстрелом...

* *
*

Отгремела волжская битва, немцы убрались с Северного Кавказа, уничтожен был и их таманский плацдарм. Советские войска готовились форсировать Керченский пролив, высадиться на побережье Крыма.

Высадка назначалась в безлунную темную ночь. Девушки получили задание бомбить вражеские огневые точки на берегу, производить побольше шума, чтобы прикрыть высадку морского десанта.

Еще с вечера мимо аэродрома к берегу шли войска, которые должны были принимать участие в десанте. Девушки провожали глазами каждую часть, подразделение, отдельных солдат. Кому из них сегодня суждено остаться в живых, кто погибнет? Не так-то просто форсировать морской пролив...

— Ну, девушки, работать сегодня как следует нужно! А то сколько народу зря погибнуть может...

С такими мыслями отправлялся в полет каждый экипаж.

Уже два вылета сделала Нина Распопова со своим штурманом Лелей Радчиковой. В тяжелых условиях высаживался морской десант. Гитлеровцы сосредоточили на побережье массу прожекторов. Они залили ярким светом весь пролив, и десантные баржи, катера, лодки были видны как на ладони. Ураганный огонь обрушивался на небольшие суденышки. Многие из них тонули, но солдаты, цепляясь за обломки, продолжали плыть к крымскому берегу, стремились выполнить задачу, захватить плацдарм...

Вот опять под крылом крымская земля, фашистские огневые точки.

— Леля, поточнее сбрасывай! Видела, что там делается?..

Бросали по одной бомбе, чтобы дольше находиться над целью. Леля не торопилась. Часто она склонялась к пулемету (к этому времени на их легких самолетах установили пулеметы) и стреляла по прожекторам.

Назойливый рокот мотора, бомбы, пулеметные очереди с воздуха заставили фашистов перенести часть огня на самолет. Однако подруги уже привыкли к зенитному огню, не торопились уходить. Наоборот, Нина еще больше снизилась, чтобы дать Леле возможность вести более точный огонь из пулемета...

Сухой треск удара. Мотор стал давать перебои. «В мотор попали, сволочи...» Раздался второй удар, мотор сильно затрясло, тяга резко упала. Самолет не мог больше держаться в горизонтальном полете, начал снижаться. Поневоле Нине пришлось разворачиваться в сторону Таманского полуострова, а Леля все продолжала бить длинными очередями по прожекторам, по вспышкам орудийных выстрелов на занятом фашистами берегу.

На катерах поняли, что самолет подбит и вот-вот упадет. Моряки стали подавать сигналы: садись, мол, сюда, поближе, подберем...

«Садись... Только коснемся колесами воды, сразу перевернемся... Нет уж, буду тянуть к берегу, пока можно!»

— Нина! Тяни к косе Чушке! Тут ближе всего.

— Ладно. Может, дотянем.

— Постарайся, Нина... У меня нет спасательного пояса...

Мотор, захлебываясь, с сильными перебоями, все же тянул понемногу. Все ближе берег. Вот до него уже и без мотора спланировать можно. И как нарочно (или это только так показалось?), мотор стал работать лучше. Нет, это показалось. Чихнув напоследок несколько раз, он окончательно остановился.

Чуть левее, почти под крылом, сереет дорога. По ней все еще движутся к переправе массы наших войск. Изредка там вспыхивают разрывы бомб — немецкие бомбардировщики бомбят дорогу.

Придется садиться правее. Да, собственно, выбора-то и нет. С этой высоты можно сесть только прямо перед собой...

Нина примерно знала высоту и мягко посадила машину. Самолет быстро покатился по земле, подпрыгивая и покачиваясь на ухабах. Инстинктивно Нина стала двигать педалями ножного управления. ПО-2 теперь бежал по земле не прямо, а зигзагами.

Девушки облегченно вздохнули, вдруг... треск, самолет вздрогнул и резко остановился. Нина почувствовала, как рядом с ней что-то проткнуло кабину.

— Леля, сходи разведай, есть ли возможность сообщить нашим, где мы сели. А я здесь пока побуду.

Радчикова ушла. Нина продолжала сидеть в кабине, задремала. Она знала, что бояться ей нечего. Сели на своей территории. Совсем рядом проходит дорога, по которой идут и идут войска...

Леля вместе с техниками вернулась только к утру. Все вместе осмотрели самолет, место посадки.

— Вы что же это, специально выбирали такое место для посадки? — удивились техники.

И было чему удивляться. Самолет катился по земле между глубокими воронками. Только случайно они избежали попадания в любую из них. И закончил свой пробег ПО-2 на... противотанковых ежах. Концы рельсов проткнули плоскости, кабину... Однако самолет можно было отремонтировать. Требовалось лишь заменить мотор, в котором зениткой были пробиты два цилиндра, и наложить перкалевые заплаты на крылья и фюзеляж.

* * *

Полеты, бомбежки, обстрелы... Больше восьмисот боевых вылетов сделала Нина Распопова за время Великой Отечественной войны. И видно, здорово досаждали девушки на легких ночных бомбардировщиках фашистам. Нина вспоминает такой случай. Мимо их аэродрома вели колонну пленных немцев. Так эти битые вояки попросили остановить их, чтобы посмотреть на «ночных ведьм», которые все время не давали им покоя по ночам, наносили неожиданные удары по самым уязвимым местам.

Нине Максимовне Распоповой присвоено звание Героя Советского Союза, она награждена орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны первой степени, многими медалями.

После войны по состоянию здоровья Нина Максимовна не смогла больше летать. Но не в ее характере сидеть без дела. Она много сил отдает воспитанию нового поколения, которому суждено жить при коммунизме.

И. ДРОЗДОВ

НАВСТРЕЧУ ВЕТРУ

Придет время, и о Жене Рудневой напишут книгу. Люди узнают, как жила, сражалась за Родину и погибла эта замечательная девушка-коммунистка, штурман гвардейского Таманского авиационного полка, Герой Советского Союза.

Она мечтала стать астрономом — изучать и покорять космос. Она погибла, совершая шестьсот сорок пятый боевой вылет, 9 апреля 1944 года: ее самолет сгорел в пламени зенитного шквала.

Командир полка Е. Д. Бершанская писала в Москву, родителям Жени:

«Она погибла храбро, мужественно, как герой. Слава о ее подвигах будет жить в веках. Наш личный состав очень скорбит о любимой подруге. Никогда не забудем ее светлый облик...»

Мы хотим рассказать читателю всего лишь единственный эпизод из боевой биографии Жени Рудневой и ее подруги, тоже героически погибшей на фронте, Юли Пашковой.

* *
*

Самолет ПО-2 с четырьмя бомбами под плоскостями летел над растерзанной и поруганной донбасской землей. Летел низко, не быстро, летел так, как умел летать только он, этот маленький самолет, созданный для учебных целей. Но война и к нему, как к человеку, предъявила свои требования, и он так же, как и человек, взвалил на себя роль, казавшуюся непосильной. Кто мог подумать, что тело его, склеенное из тонкой фанеры и обшитое перкалью, сумеет поднимать в воздух тяжелые бомбы, преодолевать большие пространства и затем под губительным

огнем обрушивать свой груз на врага. Иные скажут: в кабине сидит отважный летчик! Ну, а машина?.. Ей ведь тоже случается нелегко. Как и человек, она имеет право на почести. И если искать сравнений, то нелегко назвать другой самолет, который снискал бы себе такую любовь и славу. «Кукурузник», «небесный тихоход», «будильник» — называли его солдаты и любовным взглядом провожали в даль, озаренную взрывами бомб и снарядов.

Над землей занимался рассвет. До первого поворотного пункта пилот Юля Пашкова вела машину под нижним срезом облаков.

Юля и Женя летели вместе впервые, но на земле они крепко дружили. У Пашковой штурманом была другая девушка; сегодня она приболела, и Женя вызвалась ее заменить.

Женя в бортовом журнале записала: «Время — четыре тридцать пять, курс — сто девяносто» и хотела добавить: «Набираю высоту», но, вспомнив, что бортовой журнал не литературный дневник, положила карандаш в карман комбинезона.

Прогноз погоды подтверждался. Просветы в облаках попадались все чаще, становились все больше. Самолет то погружался в пепельно-темную гущу, то вырывался на простор, и тогда казалось, что на мгновение он повисал над все удалявшейся землей. Скоро линия фронта. Юля торопилась набрать высоту.

— Под нами Мертвый Донец,— закричала Женя. До линии фронта — тридцать километров, до цели — шестьдесят.

Обе они смотрели на землю. Слева по борту в предрассветной дымке неясно проступила полоса Таганрогского залива. Над серебряно-матовой водой причудливыми валами расстилался густой туман. Простираясь на берег, он закрывал часть деревни, притаившейся у склона невысокой сопки, опоясывал курганы и редел над вспаханными полями. Был час, предшествующий пробуждению природы. И казалось, в мире ничто не напоминало о войне. А война была. Еще несколько километров, и летчицы увидят дым пожарищ. Донбасс в огне. Враг рвется к Волге. Потерпев поражение под Москвой, он решил обойти столицу с юга, перерезать водные и сухопутные пути, связывающие центральные районы страны с Кавказом, и ударить затем с юго-востока на Москву. Фашисты не в силах наступать по всему фронту. Они сосредоточили основную массу своих войск в районах Крыма, Харькова и Донбасса и перешли в наступление.

Горит благодатная земля от Азова до Киева. Стонут в не-

воле советские люди. Но в недрах страны закипает гигантская энергия народных сил. Незримо, но могуче закипает. И скоро она польется через край.

Женя всматривается в карту земли и старается вызвать в воображении всю ту грозную силу, что встала на пути врага и заслонила своей грудью дорогу к Волге, к родным городам и селам, к ее любимой и дорогой Москве. На правом берегу Дона стоят полки нашей армии. Они ведут тяжелые бои с врагом. «Ни шагу назад!» — гремит по фронтам боевой клич. И кажется Жене, что она слышит этот призыв Родины, видит суровый и тревожный и вместе с тем величественно-непреклонный взгляд неизвестного ей по имени, но нашего, советского человека, и ею овладевает беспокойство. «А вдруг не найдем деревню?» — думает она.

Размышления не мешали делу. Сличая карту с местностью, Женя знала, где они пролетают, по движению облаков, по ниточкам дыма, тянувшимся над деревнями, она довольно точно определяла силу ветра и его направление. Ветер тревожил штурмана. На последнем и самом длинном участке маршрута он будет дуть им навстречу, дуть с большой силой. Успеют ли они к назначенному сроку?..

Сделав все расчеты, Руднева взяла переговорную трубку, закричала в нее:

— Юля, ты меня слышишь?..

Пашкова кивнула головой.

— Мы можем опоздать,— сказала Женя.— Скорость ветра примерно сорок километров в час. Скоро мы повернем ему навстречу.

По движению головы летчицы Женя видела, что та смотрит на часы, и что-то подсчитывает. Но вот Юля склонилась над трубкой, ответила:

— Будем торопиться. И, повернувшись к штурману, ободряюще улыбнулась. Сердце Жени, чуткое к малейшему проявлению добра, забилось радостно и учащенно. В темно-серых, по-мальчишески бойких глазах штурмана блеснул огонек нежной любви к своей подруге. Как бы ей хотелось в эту минуту прижаться к Юле, расцеловать ее. Именно такой она и представляла ее в воздухе.

Бесконечная облачность расстилалась под ними.

В надежде увидеть хоть клочок земли, Женя проглядела все глаза. По времени они должны были пройти линию фронта, но не спутал ли ветер ее расчеты? Уж очень бурно кипят под самолетом облака!

Наконец в них появилось окно. Прямо под крылом летчицы увидели озеро. На берегу — село.

— Редькино! — закричала Женя.— Линия фронта!..— И тут же сообщила Юле: — Опаздываем на десять минут.

Командир чуть заметно кивнула головой. А Женя смотрела на часы и старалась сообразить, что же теперь будет... Представилось лицо полковника, командира соединения,— строгое, властное. «...Бомбы сбросить через пятнадцать минут после начала совещания»,— говорил он. «Ну, а если мы сбросим их через двадцать пять, или тридцать?.. Неужели будет поздно?» И Женя почувствовала, как все тело ее начинало дрожать будто в ознобе. На карте она как бы видела линию фронта, позиции наших полков. По трем проселочным дорогам, идущим к селу Редькину, устремились танковые колонны. За ними самоходки, бронетранспортеры, пехота. Началось наступление фашистских войск. Они форсируют Дон, устремляются к Волге. И все это по сигналу, данному из штаба группы. Все это потому, что Юля и Женя не выполнили боевой приказ. Прилети они вовремя, сигнала бы не последовало. Его дали бы позже. А Женя знает: в боевой обстановке минуты порой решают судьбу сражения.

Сердце стучит все сильнее. Из своей задней кабины Руднева смотрит на затянутый в шлем затылок командира и не может понять, волнуется ли ее подруга или, как всегда, сохраняет спокойствие на своем идеально правильном лице. Штурман кричит:

— Опаздываем на двадцать минут.

Та отвечает:

— Опаздывать нельзя.— И склоняется над приборной доской.

Женя взмахивает руками. Спокойствие командира ее возмущает. Как же нельзя, если уже опоздали?..

Мотор работает на предельных оборотах. Что же еще можно предпринять?..

Облака становились реже. Временами попадались участки прозрачных хлопьев, клубящихся от сильного ветра и не скрывающих от глаз землю. «Это хорошо,— думала штурман.— Только бы они совсем не пропали».

Наступило время снижения.

— Приглуши мотор! — закричала Женя. В ответ Юля согласно кивнула головой, но оборотов не сбавила. Проходила минута, другая, а мотор по-прежнему звенел от напряжения. Скоро и село Архангельское. Немцы могли услышать самолет,

обнаружить и не допустить его к штабу. Почему же Юля не переходит на планирование? Она поступает безрассудно. Жене это было ясно. И с каждой минутой росло ее нетерпение, наконец, досада. Но вот она не выдержала и снова закричала в трубку:

— Почему медлишь?.. Нас обнаружат!..

Но Юля и на этот раз не уменьшила газа. Мотор работал, как говорят летчики, «на защелку». Терпение Жени иссякло: она приподнялась в своей кабине, потянулась к летчице, чтобы взять ее за плечо, встряхнуть, разбудить от какого-то странного затмения. Но в тот самый момент, когда Руднева дотянулась до плеча подруги, мотор перешел на глухие хлопки.

— Что же ты делала?..— крикнула Женя в переговорную трубку.

Юля повернулась к ней и улыбнулась так, будто извинялась за доставленную тревогу. И сказала:

— Ветер на нас, не услышат.

Пашкова шла на риск — дерзкий, но рассчитанный.

Самолет, накренившись на крыло, стремительно приближался к земле.

Женя еще раз проверила механизм сбрасывания бомб, потрогала трос, идущий к замкам бомбодержателя. Все исправно. Мысленно повторила порядок сбрасывания.

Самолет то скрывался в облаках, то выносился на простор, и тогда штурман беспокойно оглядывала землю, стараясь определить, над каким местом они пролетают. Наконец, увидела Архангельское: на фоне зеленых лугов отчетливо проступил силуэт белой церкви. Женя указала летчице цель. Та повернула самолет и положила его на боевой курс. Теперь они летели прямо на штаб. Его не было видно, но девушки знали, что дом с цинковой крышей стоит южнее церкви на пятьдесят метров.

Высота восемьсот метров. Самолет проваливался к земле. Винт вращался нехотя и неровно. Выхлопные трубы лишь изредка выбрасывали клубы дыма. Надвигалось облако. Вот оно поглотило самолет. Перед тем как в него войти, Женя на глаз прикинула высоту нижней кромки облака и сообщила Юле:

— Высота нижнего среза сто пятьдесят.

— Отлично,— ответила Юля.— Свалимся как снег на голову.

И Женя почувствовала облегчение. Посмотрела на часы: они показывали пять двадцать пять. А приказано бомбить в пять двадцать. Значит, опоздали только на пять минут. Юля не напрасно рисковала.

Женя вынула чеку предохранителя, крепко сжала ручку сбрасывателя. Все чаще взглядывала на высотомер; оставались последние десятки метров. Минута не пройдет, как самолет вывалится из облака и штурман увидит дом с цинковой крышей. Но как долго тянутся эти последние секунды!..

А вот и дом с цинковой крышей. Он стоит на косогоре в отшибе от села. Юля довернула самолет, и теперь дом надвигался прямо на мотор. В деревне по-прежнему было пусто. Но вот кто-то отделился от церкви и побежал к дому. Сжимая до боли в руках ручку сбрасывателя, Женя считала метры. «Скорее, скорее!.. Только бы не выбежали офицеры, не спрятались. Надо накрыть всех и наверняка. Вот уже совсем близко. Бросать!.. Нет, нет!.. Край дома еще не коснулся переднего среза крыла. Лишь бы не промазать!.. Не опоздать и не сбросить раньше. Какой молодец Юлька!.. Ведет машину словно по нитке. А вот и момент сброса...»

Женя с силой потянула трос. Самолет, освободившись от бомб, облегченно взмыл, и летчица тут же накренила его. Увидели, как перед входом в дом полыхнул клуб дыма, земли и огня.

Юля закончила разворот, и самолет пошел на второй заход. Справа потянулась очередь красных точек. «Бьют зенитки!» — мелькнуло в сознании. Но осмыслить значение этого факта, испытать страх Женя не могла; у нее не было времени. Домик надвигался. Руднева снова смотрела на край крыла и край крыши. Просвет уменьшался, пропадал. Женя снова потянула тросс. И бомбы полетели на дом. Самолет накренился, предоставив летчицам возможность наблюдать за полетом бомб. Они летели несколько секунд. И в эти секунды мир не существовал для Жени. Казалось, все остановилось, замерло на эти несколько секунд. Даже сердце ее не билось. Летят бомбы. Летят не так, как летели бы камни, а падают, как в замедленной киносъемке. Но вот черные точки утонули в таком же черном, взметнувшемся к небу столбе. Вспыхнули языки огня.

Прошло некоторое время, пока Женя успела сообразить: бомба попала в дом.

Самолет летит над лесной посадкой. От села тянутся пунктиры пулеметных трасс. Но страшные белые точки проносятся высоко над самолетом. Оружие врага рассчитано для стрельбы по воздушным целям, а Юля, превратив ПО-2 в автомобиль, лишила их возможности вести прицельный огонь.

И вот самолет в безопасности. Юля отклоняет к себе ручку

управления, и машина взмывает над придорожной лесной полосой. Затем устремляется к облакам. Они теперь не клубятся сплошной массой, а плывут белыми островками по синему небу. Просветы между ними становятся все больше. Это последнее обстоятельство заставляет Женю насторожиться. Она зорко осматривается по сторонам. В любой момент из-за облаков может вынырнуть вражеский истребитель. Встреча с ним не сулит ничего хорошего. Беззащитный ПО-2 может рассчитывать только на облака: спрячется — уцелеет.

В бортжурнале штурман записала: «Время — пять тридцать пять, курс — сто семьдесят».

Оторвавшись от планшетки, стала смотреть по сторонам. Неожиданно, на синем шелке неба заметила темную точку. «Самолет!» — тревожно отозвалось в сердце.

— Юля!.. Юля!..— закричала в трубку и выбросила руку в сторону показавшейся точки. Пашкова кивнула головой и ниже наклонилась над приборами. Самолет, послушный ее воле, заметно увеличил скорость, развернулся в сторону облака, горящего в солнечных лучах. До него оставалось немного. Но Женя наметанным глазом оценила, что скрыться от истребителя они не успеют. В первую минуту она подумала: «Может, это и не истребитель?.. Может, свой?..» Но теперь было ясно: в воздухе «мессершмитт-109». Он заметил их, устремился на сближение. Она видела, как росла, увеличивалась зловещая точка. Враг несся прямо на них.

Юля до упора послала вперед рычажок газа. Самолет затрясся, зазвенел хрустальным звоном бешено вращающихся частей мотора. И устремился туда, где на воздушных зыбях мирно покоилось спасительное облачко. Но погоня настигала. С огромной скоростью приближался вражеский истребитель. Распластав черные зализанные крылья, вытянув острый нос хищной птицы, «мессер» подходил на дистанцию пулеметно-пушечного огня.

«Ну, теперь держись!..» — холодея, подумала Женя. И закричала в трубку:

— Вались на крыло!

Юля точно ждала этой команды. Женя, наблюдавшая за истребителем, покачнулась в сторону и вместе с ней качнулось небо. Потом донеслись удары: бу-бу-бу... бу-бу... Машина вздрогнула, прекратила вращение. Продолжала то забирать вверх, то клевать носом.

— Женя, возьми управление.

Руднева схватилась за ручку, положила ноги на педали.

И тут же приподнялась на сиденье, закричала навстречу тугому воздушному потоку:

— Ты ранена?

В ответ услышала:

— Убери крен.

Взглянула на приборы: давление в моторе падает...

— Заходи на посадку,— командовала Юля.— Подальше от села.

Из мотора вытекало масло, и Рудневой пришлось убавить обороты винта до минимальных. Высмотрев площадку, Женя без труда посадила машину.

— Где мы находимся? — повернулась Юля к подруге, когда та, приземлив самолет, выпрыгнула из своей кабины.

— Что с тобой? — спросила в свою очередь Женя.

— В спину... Кажется, не опасно.

Женя помогла ей выбраться из кабины и затем дойти до тенистого и мокрого от утренней росы куста рябины. Здесь она раздела подругу, перевязала ей рану. К счастью, она оказалась небольшой и неопасной. Юля пришла в себя. Обе они склонились над картой, определяя свое местонахождение. Потом Женя вышла на дорогу, осмотрелась. Слева тянулся невысокий хребет; на пологой груди его ярко зеленела майская поросль. Кое-где на скатах, и у подножья, и ниже, на полях, белели одинокие домики. Справа от дороги, метрах в тридцати, тянулась неширокая лесная полоса. На той стороне из-за верхушек молодых берез, дубовых и липовых ветвей виднелись телеграфные столбы с рядами стеклянных изоляторов. А дальше, в том месте, где посадка прерывалась проселочной дорогой, высился над всей округой железнодорожный семафор. Он стоял, как солдат-калека, выбросив в сторону одну-единственную руку, и даже яркий свет майского солнца не веселил его одинокую, торжественно-настороженную фигуру.

Женя знала: за семафором, в конце лесной полосы, село. В нем могут быть немцы. Линия фронта где-то здесь, рядом. Надо торопиться.

Самолет по крылья утопал в траве, и оттого казалось, что он не стоит на своих маленьких колесах, а лежит ничком, как подстреленная птица. Мотор полыхал жаром. Взбежав по нижней плоскости, Женя взобралась на козырек пилотской кабины, хотела проникнуть внутрь двигателя, но в ту же минуту заметила на дороге приближающуюся повозку.

— Юля! Посмотри на дорогу! — крикнула подруге.

В следующую минуту они уже лежали у хвоста самолета с пистолетами в руках.

Лошадь бежала рысью; время от времени возница взмахивал кнутом, и тогда стук колес становился слышнее. Наконец девушки убедились, что на телеге, кроме бородатого старика да вязанки сухих дров, никого не было. Поравнявшись с самолетом, дед слез с повозки и пошел по обочине.

— Дедушка! Далеко тут немцы? — поднялась из засады Женя.

С минуту дед смотрел на нее непонимающим взглядом, затем собрался с духом, спросил:

— Ты кто ж будешь, никак, летчица?

— Нас подбили...

Тут поднялась и Пашкова.

— Далеко ли немцы?

— Наша местность вроде линии фронта: то наши займут, то ихние. Ложитесь на дно — сховаю вас. А то, неровен час, нагрянут к самолету.

И почти тотчас вдали раздался рев моторов.

— Мотоциклисты! — всполошился дед и проворно приподнял сучья.

Девушки улеглись на дно телеги, зарылись под хворост. И почти тут же над ухом взревели мотоциклы, плеснулся холодящий сердце гортанный крик:

— Где летчик?.. Куда бежал летчик?..

— Не могем знать, господин офицер! — нарочито громко и с придурковатой наивностью отвечал дед.— Видел, как ветками кто-то шумел по посадке, да думал скотина или ребята, мабуть.

— Где шумел ветками? Покажи, старик!

— Там, в конце посадки.

Моторы рявкнули и удалились.

— Н-но-о, буланая!..— протянул дед, и телега, скрипя колесами, потащилась дальше. Женя, отстраняя острые шершавые ветки от лица подруги, жалась к ее щеке и шептала:

— Держись, Юльча. Все будет хорошо!

На берегу речонки на склоне холма девушки увидели небольшой домик: туда правил дед свою повозку. «Испугался дедуня,— подумала Женя.— Надо выбираться самим».

Но выбираться им никуда не пришлось. Выехав на косогор, они увидели колонну танков. То были наши, советские танки.

Т. СУМАРОКОВА

ЖИЗНЬ — ЛЮДЯМ

Смущенная и взволнованная, она сошла с кафедры под гром аплодисментов. Напряженные годы учебы в аспирантуре увенчались успехом: защищена диссертация на звание кандидата физико-математических наук.

— В годы войны вы достойно защищали нашу Родину, сегодня вы блестяще защитили диссертацию,— сказал декан механико-математического факультета Московского Государственного университета профессор Владимир Васильевич Голубев.

Это было в 1951 году. Кажется, совсем недавно, а прошло почти двенадцать лет. Теперь Екатерина Васильевна Рябова является доцентом. Сотни бывших студентов вспоминают ее теплым, благодарным словом. Это она научила их любить механику. Это она, строгая и внимательная, требовательная и чуткая, научила их логически мыслить, глубоко думать, дерзать, верить в свои силы.

...Екатерина Васильевна Рябова. Имя это хорошо знают не только студенты послевоенных лет. Его помнят студенты МГУ сурового 1941 года.

То было тяжелое время для нашей Родины. Фашистские орды рвались к Москве. В те осенние дни студентка механико-математического факультета МГУ Катя Рябова стала воином Советской Армии.

Узнав об этом, ее мать, Анна Ивановна Рябова, долго и безутешно плакала. «Наша Катя в армии,— удивлялась она,— Катя — штурман бомбардировочной авиации! Нет, это невозможно!..»

Двадцать с лишним лет прошло с того дня. Неудержимым потоком пронеслись учеба в авиашколе, бои на фронте, торжественный день Победы, счастливые послевоенные годы...

И в этом бурном потоке дней было почти две тысячи таких, когда каждая минута отсчитывалась особо, ценою жизни.

...Кубань. «Голубая линия» — так называли фашисты свои военные укрепления на Таманском полуострове. Сюда враг бросил отборные части. В небе летали стаи фашистских истребителей. Зенитки и прожекторы рассекали ночную тьму. С рассвета и дотемна здесь вели боевую работу наши «петляковы», «ильюшины», «яковлевы» и другие бронированные самолеты. А когда наступала ночь, на «Голубую линию» летели беззащитные машины из фанеры и перкали — ПО-2, ведомые совсем юными девушками.

В одну из ночей фашисты готовились перейти в наступление. Еще никогда наши летчицы не видели в воздухе столько огня и света. Земля между Азовским и Черным морями стонала от взрывов снарядов, озаряя красным пламенем черное южное небо.

Катя Рябова и совсем еще молодая летчица Лера Рыльская летели бомбить врага у станицы Крымской. Чтобы попасть к цели, надо было пролететь через «Голубую линию». Вот она уже совсем близко. Осталось несколько минут. И вдруг пулеметная стрельба сверху. Это вражеский истребитель увидел их самолет. Штурман командует, дает летчику возможность уйти от обстрела. Но что это? Огонь! Горит плоскость, как факел. С земли не переставая бьют зенитки, в воздухе носятся вражеские истребители, готовые каждую секунду пустить смертельную трассу. А самолет продолжает гореть. Вот где проявилось умение Кати Рябовой быстро реагировать и принимать правильное решение. «Только бы сбить пламя». Сбросив две бомбы на стреляющие зенитки, маневрируя, летчица пыталась струей воздуха сбить огонь, а Катя, высунувшись до пояса из кабины, сообщала курс полета. Ярко светили прожекторы, скрестив свои лучи на пылающем самолете, в котором две девушки героически боролись со смертью.

И вдруг машина стала резко падать вниз. С земли казалось ее падение беспорядочным. Один за другим выключались прожекторы. Зенитчики прекратили огонь.

Но самолет не упал на землю. Имитируя падение, девушки сбили огонь, на небольшой высоте вышли из пикирования и взяли курс на станицу Крымская. Удар по аэродрому был метким. Взрывы двух бомб были такими сильными, что их самолет подбросило воздушной волной. По пламени было видно, что горел бензин. Огненные языки расползались по земле, сметая все на своем пути.

РЯБОВА
Екатерина Васильевна

Да, они не даром пробивались к цели. Бомбить вражеский аэродром очень сложно, особенно с самолета ПО-2. Ведь на нем не было никаких специальных приборов для бомбометания. Только точный глаз, знание аэродинамических законов, хладнокровие и смелость могли привести к успеху.

О Кате Рябовой летчицы полка в шутку говорили, что у нее глаза лучше любого прибора.

О ее глазах говорили не только летчицы полка...

Григорий Сивков летал днем, на штурмовике. Он командовал эскадрильей. Встретились они случайно. Встретились и не расстались. Может быть, это будет смешно, но любовь их обязана математике. Да, да, именно ей. Это она сблизила их.

— Катя, а ну, попробуй реши задачку,— шутил Гриша Сивков и тайно надеялся, что нет, не решит девушка сложнейшую задачу высшей математики. Ему-то она далась с таким трудом! Катя подумала и... решила. Оказалось, не очень трудна для нее задача.

А физика! Астрономия! Говорить и говорить хотелось Кате с Гришей, вместе мечтать о далеких научных проблемах, вместе думать и думать. «Друг, настоящий друг! Как интересно мне с ним, как много я узнаю от него»,— писала Катя в письмах к матери.

А Григорий Сивков записал в своем дневнике:

«Кто эта обаятельная девушка с зелеными глазами, с которой можно говорить обо всем? Ей понятны сложнейшие вопросы механики, она мечтает сейчас, когда жизнь на волоске от смерти, учиться. Кто она? Судьба моя? Или так, случайная встреча на дорогах войны?»

Но очень скоро он сам ответил на все эти вопросы в том же дневнике:

«Нет, это все далеко не случайно. Всегда мыслить вместе, жить одними интересами, учиться, добиваться, дерзать и все — вдвоем. Это ли не счастье?»

Да, это было их счастьем. Но шла война, она летала ночью, он — днем. Их встречи были редкими и короткими. А чувство — большим и серьезным.

Шел 1943 год. Наши войска стремительно двигались вперед. Каждый день приближал победу. Все чаще и чаще девушки мечтали о будущем. Но каждая ночь могла навсегда прервать эти мечты.

«Мама, я верю, что мы еще встретимся,— писала Катя в Москву.— Я ведь летаю с замечательной летчицей — Надей Поповой».

Они летали над Волгой и Тереком, Кубанью и Доном, Вислой и Одером. Их маленький самолет стал грозой для фашистов. Они видели горящие села и города, страдания советских людей. И они мстили врагу.

...Бомбили переправу на Висле. Шквальный огонь оберегал реку. Подойти к ней — значит попасть под сплошной обстрел. Но боевое задание — закон. И экипаж Нади Поповой и Кати Рябовой, маневрируя курсом и высотой, прорвался к реке. Бомбы падали в цель. Вражеская переправа разбита, передовая линия фашистов отрезана от тыла.

Об этом вылете писали польские газеты, о нем рассказывали жители Варшавы после войны. Но не знали они тогда, что в самолете сидели две девушки, мечтавшие о любви, о детях...

В тот день Катя получила письмо от Гриши. Он просил ее беречь себя, рассказывал о своем последнем вылете, в котором ему пришлось со своим ведомым отбиваться от целой эскадрильи «мессершмиттов». Он восхищался мужеством девушек.

«А как у тебя? — спрашивал он, заканчивая письмо.— Ведь вам летать куда сложнее! Как подумаю о вашей фанере, летающей ночью, становится жутко».

От таких писем сильнее билось девичье сердце...

* *
*

Кончалась четвертая военная зима. Женский полк готовился к встрече Дня Советской Армии. Для Кати этот день стал самым торжественным в ее жизни: Указом Президиума Верховного Совета СССР ей было присвоено звание Героя Советского Союза.

— Как высоко оценена моя работа,— делилась она со своей

подругой Клавой Серебряковой.— Как ты думаешь, Клава, достойна ли я такой награды?

— Конечно заслужила, Катя! Ведь ты почти девятьсот раз летала бомбить врага и каждый раз смотрела смерти в лицо. А вспомни, сколько раз ты прилетала в изрешеченном пулями самолете? Сколько фашистских складов, переправ, мостов и железнодорожных эшелонов ты разбомбила? Вспомни ту страшную ночь в Польше, когда ты с Надей Поповой восемнадцать раз бомбила врага. Подумать только — восемнадцать вылетов за одну ночь! А полеты с молодыми летчицами. Ты, штурман эскадрильи, скольким летчицам дала боевое крещение, скольких штурманов выучила. А вспомни свои полеты на разведку...

В воспоминаниях вставали ясно четыре года тревожной фронтовой жизни.

* *
*

Советские войска шли вперед. Заря Победы освещала землю. А вместе с ней — мечты о возвращении домой.

«Мама! Увидеть тебя, твои лучистые глаза, твои мягкие дорогие морщинки. Обнять, прижаться к груди и тихо прошептать: «Я здесь, в Москве, и всегда буду с тобой»».

Нелегким было возвращение в родной дом. Умер отец. Погиб на Калининском фронте любимый брат. И Симе, старшей сестре, сколько горя принесла война! Не вернулся с фронта ее муж. Это он помогал большой семье Рябовых поднять детей. Благодаря ему Катя училась в МГУ...

Как долго летит самолет! Под крылом проплыла Висла, Варшава, украинские поля, белорусские леса. Впереди — Москва. Сердце отстукивает время. К горлу подкатываются слезы.

Москва, родная Москва! Здесь мама, братья, сестры. Здесь они встретятся с Гришей...

Семнадцать лет живут они вместе.

Одна за другой исполнялись мечты. Она на 3-м курсе механико-математического факультета МГУ, он слушатель инженерного факультета Военно-воздушной академии. Они учились жадно, упорно, страстно. Каждая минута на учете. Его стихия — динамика полета. Ее — теоретическая механика. Если что в институте непонятно, она знает: дома с Гришей все будет выяснено, решено. С ним всегда легко и просто.

В воздушной армии, которой командовал Маршал авиации К. А. Вершинин, хорошо знали летчика-штурмовика дважды

Героя Советского Союза Григория Сивкова. Когда Сивков поднимался в воздух, фашистское радио немедленно сообщало:

— Опасность, опасность, ас Сивков в небе.

Его боялись фашисты в воздухе, им восхищались на земле советские люди.

А вот учиться летчик Григорий Сивков пошел на инженерный факультет.

— Чтобы быть настоящим летчиком, надо знать сердце машины,— говорит он.

Окончены МГУ и академия. Появилась дочка Наташа. Много забот, но радости куда больше. Затем окончены аспирантура и адъюнктура. Сейчас молодые ученые заняты большой и интересной научной работой.

А бывает у Кати и так.

...Небольшая аудитория Военно-воздушной академии.

К столу подходит элегантная женщина. Она приятно улыбается и, конечно, волнуется. Сегодня она, доцент кафедры теоретической механики Московского полиграфического института, делает доклад о решении одной из задач динамики полета на заседании кафедры, на которой работает ее муж, кандидат технических наук Г. Сивков.

Спокойная и ясная ее речь. Логичны и точны ее мысли. Целый час рассказывает Катя военным инженерам о своем решении задачи, о пользе этого варианта в применении к практическим делам динамики полета.

С гордостью смотрит на нее муж, а летчики и инженеры восхищаются весомостью ее мыслей и умением ясно их передать другим.

А дома ждут дети. Их уже двое: Наташа и Иринка.

Женщина — воин, ученый, мать. Когда задумываешься над этим сочетанием, встает образ человека с богатой, щедрой душой, сильного и благородного, сурового и нежного...

Немало лет отдала людям эта мужественная замечательная русская женщина, и много хорошего сделает она для людей еще в своей жизни.

ЮЛИЯ ДРУНИНА

СВЕТЛОКОСЫЙ СОЛДАТ

Передо мной пожелтевший от времени наградной лист эпохи Великой Отечественной войны. В графе, очень официально озаглавленной: «Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг», казенным языком полкового писаря «изложено», как старший сержант Зинаида Самсонова, санинструктор 1-го батальона 667-го стрелкового полка Ромоданской стрелковой дивизии, кандидат в члены ВКП(б), «с первой группой бойцов 24 сентября 1943 года в районе села Сушки, Каневского района, форсировала реку Днепр...»

Как много стоит за этими скупыми строками!..

Девятнадцатилетняя Зина вызвалась добраться до правого берега с первым же взводом добровольцев. И вот по ночной реке двинулись превращенные в плоты понтоны. Но...

Столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны — в ряд.
Густо было там народу —
Наших стриженых ребят...
И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...
Под огнем — неразбериха —
Где свои, где кто, где связь?
Только вскоре стало тихо —
Переправа сорвалась...
Но вцепился в берег правый,
Там остался «первый взвод» *.

И среди этих героев, «вцепившихся» в правый берег, была невысокая светлорусая девушка с круглым русским лицом и

* Стихи А. Твардовского.

серыми спокойными глазами. Она то перевязывала раненых, то хваталась за автомат, отбиваясь от наседавших фашистов. Когда кончились патроны, Зина сражалась гранатами, снятыми с убитых врагов.

26 и 27 сентября немцы предприняли последние отчаянные усилия выбить русских с правого берега. Они ходили в контратаки по восемь раз в день. Под непрерывным минометным и пулеметным огнем девушка вынесла с поля боя тридцать тяжелораненых бойцов и офицеров. Но вынести и перевязать — это еще полдела. Чтобы спасти жизнь раненых, необходимо было спешно переправить их на левый берег.

И Зина грузит раненых на понтон. Снова кипящий Днепр, снова «переправа, переправа, берег левый, берег правый». А рядом — беспомощные люди, ищущие защиты у нее, молоденькой девушки, почти девочки.

Казалось, только чудо могло спасти их всех.

И чудо свершилось: понтон благополучно пристал к левому берегу. Девушка спешно погрузила раненых на повозки, пришедшие из санроты, и опять вспрыгнула на понтон, возвращавшийся на правый берег...

Снова читаю и перечитываю пожелтевший наградной лист: «Санинструктор Самсонова... достойна представления к званию Героя Советского Союза». Подпись командира полка. Дата — октябрь сорок третьего. Потом, в ноябре, слово «достойна» написал командир дивизии, к тому времени уже получившей наименование краснознаменной Ромодано-Киевской. Затем — командир корпуса, дальше — командующий армией. И, наконец, 3 июня 1944 года Указом Президиума Верховного Совета Зинаиде Самсоновой было присвоено звание Героя Советского Союза.

Но Зина уже не узнала об этом...

Пока наградной лист путешествовал по необходимым инстанциям, девушка воевала, спасала раненых, шла с армией вперед и вперед...

И когда еще не был подписан Указ, утверждающий бессмертную славу Зины Самсоновой, она погибла в бою за маленькую белорусскую деревню Холм, затерянную в болотистых чащах Полесья.

Военное счастье шло рядом с девушкой на Сталинградском и Воронежском фронтах, оно было рядом и в днепровском аду — без единой царапины вышла она из этих грандиозных боев. А тут, в полесской деревушке, счастье изменило светлокосому солдату...

САМСОНОВА
Зинаида Александровна

Мне выпала честь быть однополчанкой этой удивительной девушки.

Когда меня, «начинающего» санинструктора, направили в батальон, которым (как шутили бойцы) «командовала Зинка», краснознаменная Ромодано-Киевская дивизия стояла на переформировке в прифронтовой полосе. После боев на Украине, после форсирования Днепра дивизия крайне нуждалась в отдыхе и пополнении.

С волнением подходила я к санвзводу: сейчас я увижу ту самую Зину Самсонову, о которой по фронтам уже ходили легенды.

Возле землянки, отличавшейся от других белым с красным крестом флагом, невысокая светлорусая девушка в ватных брюках старательно умывалась снегом. Я представилась ей по всей форме, щеголяя подчеркнутой выправкой новобранца. Зина чуть насмешливо осмотрела меня с головы до ног и задержала взгляд на задубевших от мороза сапогах.

— Форсишь? Или валенок нету? — вместо приветствия сердито спросила она.

— А что? — огорошенная таким приемом, ответила я вопросом на вопрос.

— А то, что обморозишь лапы,— повысила она голос. И так же сердито приказала: — Возьмешь мои валенки, если своих не нажила!

— А вы сами?

— А я привычная! — вдруг широко улыбнулась девушка и протянула мне шершавую руку:

— Самсонова. Зина. И не «выкай» — я небось не старше тебя.

...В боях я оценила меткость солдатской шутки о том, что нашим батальоном «командует Зинка». Она всегда была впереди, а когда впереди девушка, можно ли мужчине показать

свой страх? И тот, кто вдруг заколебался, кто не в силах был подняться под ураганным огнем, видел перед собой спокойные серые глаза и слышал чуть хрипловатый девичий голос: «А ну, орел, чего в землю врос? Успеешь еще в ней належаться!»

В батальоне нас, девушек, было всего двое. Спали мы под одной шинелью, ели из одного котелка — можно ли не подружиться? Но дружбе этой суждено было очень скоро оборваться...

И сейчас, почти через двадцать лет, мне трудно вспоминать о том, что случилось в один из январских дней на втором Белорусском фронте в районе неизвестной полесской деревушки Холм. Свою боль, свое горе я попыталась вложить в стихи, которые так и назвала — «Зинка».

Мы легли у разбитой ели.
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей гнилой земле.

— Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Дома, в яблочном захолустье
Мама, мамка моя живет.

У тебя есть друзья, любимый,
У меня лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет.
Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет...

Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг — нежданный приказ: «Вперед!»
Снова рядом в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

...Шла дивизия в бой без песен,
Шла без митингов и знамен.
В окруженье попал в Полесье
Наш потрепанный батальон.

Зинка нас повела в атаку,
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам,
Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы —
Мы хотели со славой жить!
Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

Ее тело своей шинелью
Прикрывала я, зубы сжав.
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах...

Знаешь, Зинка, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Дома, в яблочном захолустье
Мама, мамка твоя живет.

У меня есть друзья, любимый,
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла...
Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала.

...Письмо Зининой матери — Марии Максимовне — так и не было написано — не поднялась рука...

Пусть же мой очерк будет запоздалым письмом в то «яблочное захолустье», где и сейчас живет мать героини. Низко кланяюсь вам, дорогая Мария Максимовна. Мы никогда не забудем нашего светлокосого солдата, вашу Зину. Она была хорошей дочерью и вам, и своей второй матери — Родине.

НАТАЛЬЯ МЕКЛИН,
Герой Советского Союза

ТЫСЯЧА ВОСЕМЬ БОЕВЫХ ВЫЛЕТОВ

Москва 1941 года. Первый снег запорошил землю. Белым пухом лег на еще зеленую листву деревьев, на скамьи в скверах. Первый мороз сковал льдом лужи на мостовой.

Ранним октябрьским утром мы идем по пустынным улицам к Казанскому вокзалу. В колонне одни девушки. На нас новенькая солдатская форма. Поскрипывают большие кирзовые сапоги. Огромные шинели туго затянуты солдатским ремнем. Идем и поем песни. У каждой за плечами рюкзак, котелок, позвякивающий в такт шагу, фляга на поясе. Сапоги скользят по булыжной мостовой. Изредка кто-нибудь падает под звон котелка и общий смех.

Мы идем мимо скверов, откуда торчат стволы зениток, мимо разрисованных домов: на стенах — серые дороги, зеленые деревья; окна — в полосках крест-накрест.

Мы идем на войну.

Среди девушек — летчицы из аэроклубов, московские студентки, техники из ГВФ, комсомолки заводов и фабрик Москвы. Все девушки: и те, кто уже посвятил себя авиации, и те, кто еще никогда не видел близко самолета,— пришли добровольно в авиационную часть, организованную известной летчицей Героем Советского Союза Мариной Расковой.

Вместе с группой летчиц шагает Ирина Себрова — невысокая стройная девушка с мягкими карими глазами. Шапка надвинута низко на лоб. В лицо бьет мелкий сухой снежок. Настроение у Иры бодрое, приподнятое. Это — общее настроение. Ира чувствует, что она — частица коллектива, у которого одно общее сердце, молодое, горячее, рвущееся в бой.

СЕБРОВА
Ирина Федоровна

Как и многие другие девушки, Ирина Себрова пришла в женскую авиационную часть из аэроклуба. К этому времени, в двадцать три года, она была уже довольно опытным инструктором, выпустив за два года работы во Фрунзенском аэроклубе Москвы несколько групп курсантов.

1936—1938 годы были годами увлечения авиацией. Молодежь садилась на самолет. В то время Ирина после окончания семилетки училась в механическом техникуме и работала слесарем по ремонту сшивальных машин на картонажной фабрике. Ира любила возиться с машинами, копаться в новых механизмах, налаживать станки. И когда возникали какие-нибудь неполадки с машинами или на фабрику поступали новые станки, купленные за границей, на помощь звали именно ее, а не дядю Васю или других наладчиков. Когда фабрика на собственные средства купила стране самолет, из аэроклуба прислали три комсомольские путевки для молодежи, желающей научиться летать. Среди лучших комсомольцев, которых фабрика направила в авиацию, была и Ирина.

Ира быстро научилась летать, и ее оставили в группе инструкторов. Затем направили в Херсонское авиационное училище ГВФ, по окончании которого она вернулась работать в Москву во Фрунзенский аэроклуб.

С первого дня войны Ира стремилась попасть на фронт. И такая возможность ей вскоре представилась.

...Тает снежок на ресницах. Щеки пощипывает мороз. Дружная песня раскалывает тишину улиц настороженной Москвы. А навстречу ей несется другая, размеренная и торжественная, песня военного времени: «Вставай, страна огромная!..» Ира чувствует, как от этой песни мороз пробегает по коже, и твердый комок подкатывается к горлу. «Вставай на смертный бой!» — И руки сами сжимаются в кулаки.

Этот день, это утро запомнились на всю жизнь. Мы шли на войну. Пусть мы не сразу попали на фронт, а только спустя семь месяцев, пройдя необходимую учебную и летную подготовку в тылу, на Волге, но именно этот день был днем, когда мы уходили защищать Родину.

Редкие прохожие останавливались, глядя на нас, и качали головой, вздыхали. А пожилые женщины, утирая слезу краешком платка, горестно смотрели нам вслед и крестили нас дрожащей рукой...

С Ирой я подружилась уже на фронте, когда меня назначили штурманом к ней в экипаж. Это было трудное время. Летом 1942 года наши войска оставили Донбасс, где наш полк начал свою боевую работу. Вместе с войсками и мы отступали все дальше и дальше на юго-восток. Но, отступая, мы не теряли времени даром: каждую ночь бомбили вражеские части, продвигавшиеся вперед. А днем перелетали на новую площадку, все ближе к Кавказу. Обстановка иногда складывалась так, что после выполнения задания опасно было возвращаться на свой аэродром: там уже могли быть фашисты. Случалось часто и так, что мы прекращали полеты среди ночи, получив приказ срочно перелетать на новое место.

В дни отступления я хорошо узнала Иру. Она и раньше мне нравилась — тихая, скромная, удивительно приятная девушка. И втайне я мечтала с ней летать. Когда же после некоторых перемещений в полку нас назначили в один экипаж, я была очень рада.

Познакомившись с Ирой ближе, я узнала, что эта девушка очень требовательная к себе, в высшей степени честная и не терпящая никакой фальши. Ей были совершенно чужды какая-либо рисовка, стремление показать себя в лучшем свете, неискренность. И если Ира замечала эти черты в других, ей самой становилось как-то неловко и стыдно. Она никогда не поступала вразрез со своими убеждениями или иначе, чем ей подсказывала совесть, и всегда была очень справедлива в своих суждениях. Вероятно, поэтому девушки в полку часто советовались с Ирой по самым различным вопросам и прислушивались к ее мнению.

Ира отлично летала — уверенно, спокойно, в любую погоду и в любых условиях. И все же у нее, как и у многих других, была полоса невезения, которая относится к периоду подготовки к фронту и самому началу боевых вылетов. Ира пережила две серьезные аварии. На ее глазах насмерть разбились четыре наших девушки. Чудом остались целыми сама Ира и

ее штурман — Руфина Гашева. Однако Ира сумела мужественно перенести это трудное для нее время и не поддалась чувству неуверенности, которое может заползти в душу летчика в подобных случаях.

Ира нравилась мне все больше и больше. Постепенно мы с ней подружились. Наша дружба, которая длится уже много лет и после войны, никогда ничем не омрачалась. Все эти годы я питаю к Ире самую горячую симпатию и глубоко уважаю ее, человека редкой душевной чистоты, с чутким, отзывчивым сердцем и твердым, принципиальным характером.

По-настоящему первое боевое крещение мы получили, летая в предгорьях Кавказа. Здесь, в Сунженской долине, окруженной горными хребтами, мы задержались на целых полгода.

Полеты в районе Терека были трудными не только из-за того, что противник организовал здесь довольно сильную противовоздушную оборону. Большую роль играла быстро меняющаяся погода и туманы в горах, что усложняло полеты.

Однажды Ира получила задание бомбить немецкие зенитные средства, расположенные в районе города Моздока. В ее задачу входило отвлечь внимание зениток и прожекторов на себя, чтобы дать возможность в это время другим нашим экипажам уничтожать боевую технику противника в этом же районе.

Когда мы вылетали, темное небо было усеяно крупными звездами и погода казалась отличной. Но уже за хребтом увидели, что с востока наползал плотный белый туман, грозя закрыть и аэродром, и нашу цель.

— Ира, видишь, туман,— сказала я.

Ира кивнула. И ответила:

— А цель открыта.

«Успеем ли вернуться прежде, чем закроет аэродром?» — подумала я, но ничего больше не сказала. Пока цель открыта, нужно лететь вперед.

Фашисты встретили нас зенитным огнем. Пошарив в небе, скрестились лучи прожекторов, цепко схватив наш самолет. К нему потянулись красновато-желтые трассы. Стреляли крупнокалиберные пулеметы. Ира маневрировала в огне, насколько это было возможно с нашим тихоходным ПО-2. Секунды казались часами. Прицелившись, я сбросила бомбы на ближайший прожектор. В это время один за другим отбомбились два других экипажа, летевшие вслед за нами. Теперь можно было уходить. Резко развернувшись, Ира со скольжением попыталась выйти из лучей. Под крылом блеснул Терек. Один за другим прожекторы отключились. Вот они заметались в поисках

других самолетов. Но поздно: успешно отбомбившись, оба самолета уже летели вслед за нами домой.

А туман тем временем почти целиком закрыл аэродром. Там тревожились — то и дело в воздух взлетали ракеты, пятнами расплываясь в тумане. Ира, пробив туман, благополучно посадила самолет. Следом за нами сели и остальные самолеты.

В другой раз Ире пришлось лететь к цели прямо-таки в нелетную погоду. На полпути от аэродрома до цели мы попали в снегопад. Вскоре землю закрыла низкая облачность, в которой, однако, попадались «окна», то есть просветы.

Когда до цели оставалось несколько минут, Ира сказала:

— Будем ждать «окна». Приготовь САБ.

Цель обнаружили легко: при подходе зажглись прожекторы. Лучи упирались в облака. К счастью, мы дождались просвета в облаках. Я поспешила бросить осветительную бомбу.

— Ира, смотри, слева от дороги. Видишь, машины?

— Ну, давай ударим. Не задерживайся, а то закроет.

— Доверни чуть левее. Еще. Стоп.

Бомбы угодили прямо в машины. Вспыхнул пожар, окрасив облака и землю в багровый цвет.

На обратном пути Ира вела самолет в облаках. Как я ни старалась, но земли разглядеть не могла. На нашем пути лежал горный хребет. Вся Сунженская долина и наш аэродром были закрыты. Нужно было что-то предпринимать.

— Что будем делать? — спросила Ира.— Скоро горы. Где мы сейчас?

Я не могла сказать точно где. Но спуститься ниже нужно было во что бы то ни стало. Решили бросить осветительную бомбу в один из слабых просветов в облаках. Вслед за ней спустились немного ниже и уже потом, когда она погасла, вдруг заметили внизу огонек.

— Фара! Наташа, это фара на дороге!

Ира стала смело снижаться в ее направлении. Вскоре облака оказались выше нас, и мы выскочили на речку. Это была Сунжа. Ира вела самолет низко-низко вдоль русла реки. Так мы проскочили через ущелье между хребтами и вышли к аэродрому. Нас ждали: самолет наш сел последним.

На Северном Кавказе Ира Себрова совершила более двухсот пятидесяти боевых вылетов. На ее счету — поврежденные переправы и железнодорожный состав, вражеские автомашины и боевая техника, склад с горючим под Малгобеком. В ноябре 1942 года Ира Себрова получила первую награду — орден Красного Знамени.

Ира летала много и умело. Она выводила самолет невредимым из самых сложных ситуаций. Мы с ней считали, что нам везло. В самом деле, ведь мы летали на самолете под номером 13. Как-то раз инженер эскадрильи Татьяна Алексеева предложила:

— Слушай, Иринка, а не сменить ли тебе номер машины? Живо нарисуем какой-нибудь круглый номер на хвосте. Все-таки чертова дюжина...

— Ну не-ет,— протянула Ирина улыбаясь,— наша машинка нас не подведет.

Когда мотор на нашем самолете отработал свой ресурс, весь экипаж, оказавшийся «безлошадным», был отправлен в Хачмас, где располагались полевые авиационные мастерские (ПАМ). Ира, захватив механика Валю Шеянкину и меня (мы обе уселись в задней кабине), полетела к Каспийскому морю. Этот наш полет (а мы были первым экипажем, который полетел на ремонт) положил начало дружбе нашего полка с ПАМом, который почти всю войну ремонтировал наши самолеты. И начальник ПАМа, полковник Бабуцкий, и технический состав мастерских относились к нашим девушкам с большим уважением и симпатией. Самолеты, отремонтированные ПАМом, никогда нас не подводили.

Для Иры этот полет был знаменательным: здесь она встретилась со своим будущим мужем — техником Александром Хоменко.

Когда Ира красиво посадила самолет на небольшую площадку возле мастерских, к ней первым подбежал высокий мужчина с черными, как смоль, усами, похожий на цыгана: загорелое лицо, нос с горбинкой, живые веселые глаза.

— Здравствуйте, девушки. Вы откуда же такие явились?

— Спустились к вам с неба,— засмеялась Ира.

— Ну, тогда добро пожаловать.— И, покрутив черный ус, он приложил руку к козырьку.

Саша оказался очень общительным, веселым парнем. Потом мы узнали, что у него золотые руки. Он любил работать и все умел. Когда наши летчицы возвращались в полк на своих «птичках», отлично отремонтированных и выкрашенных под мрамор, мы знали, что это дело его рук.

Однажды Саша прилетел к нам в полк и от имени ПАМа передал полку прекрасно сделанный памовцами самолет.

— Наш ПАМ в знак дружбы и уважения к вашему полку дарит вам самолет, который мы собрали из запчастей,— сказал Саша.

Самолет мы назвали «Комсомолкой». Он был вручен лучшему комсомольскому экипажу: летчице Тане Макаровой и штурману Вере Белик.

Время шло, и наконец мы дождались дня, когда пришел приказ перелетать на новую точку — вперед. После разгрома на Волге гитлеровские войска начали отступать с Кавказа. Теперь мы часто перебазировались с одной площадки на другую, каждую ночь получая задачу: бомбить отступающего противника.

Отходя с Кавказа, немецкие войска оказывали слабое сопротивление, и мы без труда бомбили колонны автомашин и техники, двигавшиеся по дорогам с включенными фарами.

По-прежнему Ира была моим командиром. В одну из боевых ночей мы с ней удачно сбросили бомбы в самую гущу машин, на перекрестке шоссейных дорог под Минеральными Водами. Ира неслышно планировала до высоты четыреста — пятьсот метров.

— Пора. Выдержи курс поточнее, Иринка.

Раздались взрывы. Самолет тряхнуло волной. Бомбы разорвались прямо на дороге. Вспыхнул пожар. Создалась пробка, движение остановилось.

— Эх, еще бы хоть парочку бомб! — с сожалением сказала Ира и, круто развернувшись, взяла курс на аэродром. Нужно было спешить, чтобы успеть слетать еще раз до рассвета. Словно услышав Ирины слова, кто-то из наших девушек отбомбился точно по машинам.

Двигаясь вперед за наступающими войсками, наш полк дошел до Кубани. На большом, настоящем аэродроме (а не на случайно выбранной площадке) в станице Пашковская, под Краснодаром, мы разместили свои ПО-2 в капонирах.

Отсюда Ира десятки раз летала бомбить гитлеровцев под Новороссийском и на «Голубой линии» — укрепленной оборонительной линии фашистов.

Летала Ира уже не со мной, а с другими штурманами — Галей Докутович, Катей Доспановой, позднее с Лидой Целовальниковой. Я же, переучившись на летчика, по-прежнему оставалась вместе с Ирой. Меня назначили летчиком в звено, которым она командовала. За то время, пока я летала с ней (а мы с ней триста пятьдесят раз летали на задания), я многому научилась у нее — Ира была прекрасным инструктором.

Мы по-прежнему дружили. И хотя летали на разных самолетах, я всегда знала, где в тот или иной момент находится Ира, что она делает.

Как-то раз мне показалось, что Иру сбили зенитки. Это было летом 1943 года, вскоре после той ночи, когда наш полк потерял сразу четыре экипажа. Ира в то время заменяла командира эскадрильи Дину Никулину, которая лежала после ранения в госпитале. Получив задачу выделить два экипажа для полета на разведку с бомбометанием по выбранной цели, Ира решила лететь сама со штурманом Женей Рудневой, а вторым экипажем назначила меня и штурмана Полину Гельман.

Пролетая по заданному маршруту и отмечая все огневые средства, которые нам встречались, мы с Полиной вдруг увидели, как впереди взметнулись в небо лучи прожекторов и схватили самолет ПО-2. «Ира!» — подумала я. Начался обстрел. Трассы пуль, казалось, пронзали Ирин самолет насквозь. Стреляли крупнокалиберные пулеметы, били зенитки. Самолет кувыркался в воздухе, пытаясь выйти из лучей.

Увеличив скорость, я на полном газу лечу прямо к Ире. У меня еще были бомбы. Вот самолет уже совсем близко. Я вижу, как Ира скользит, пикирует, бросает самолет в стороны, уходя от огненных трасс. Но вот под крылом моего самолета уже зеркало прожектора, рядом с ним — пулемет. Пора! Полина нажимает рычаги — бомбы летят вниз. Тут же гаснет прожектор.

И вдруг я вижу, как круто пикирует Ирин самолет,— мне кажется, что он падает, и я теряю его из виду. Вышел из лучей или сбит? Этот вопрос мучил меня весь обратный путь. Мне казалось, что самолет ползет, как черепаха, хотя летели мы на максимальной скорости. Когда мы сели, Ира еще не возвратилась. Но вот садится самолет. Мы с Полиной бежим к нему и на ходу вскакиваем на плоскость.

— Ира! Женя!

Да, это были они, целые и невредимые. Ира и Женя вышли из самолета и спокойно, как всегда, доложили командиру полка Бершанской о выполнении задания.

В июле 1943 года в жизни Иры Себровой произошло большое событие: она была принята в члены КПСС. В этот день она летала с особенным подъемом.

Наступила осень 1943 года. Вместе с другими экипажами, выделенными для боевой работы под Геленджиком, Ира Себрова принимала участие в уничтожении немецких войск в районе Новороссийска. Взлетая с небольшой площадки на самом берегу моря, она брала курс на Новороссийск. Внизу, под крылом самолета, чернела вода. Справа темной грядой тянулись горы.

Полеты были напряженными. Меняющиеся воздушные течения то прижимали самолет к воде, то подбрасывали его вверх. Несколько десятков боевых вылетов сделала Ира в этом районе.

Когда наши войска прорвали «Голубую линию» и сбросили гитлеровцев с таманской земли, полк обосновался в небольшом рыбачьем поселке недалеко от Темрюка. Отсюда в течение нескольких месяцев (с октября 1943 года до апреля 1944 года) мы летали на Крым.

Ире, одной из лучших летчиц полка, поручали сложные задания. Она участвовала в оказании помощи небольшой группе наших войск, отрезанной в Эльтигене, летала в море на поиски затерявшихся в шторм катеров, на разведку, бомбила противника под Керчью.

В одном из боевых вылетов Ирин самолет был подбит. Мотор, поврежденный осколком снаряда, остановился, когда Ира находилась еще над территорией противника.

— Придется садиться на вынужденную,— сказала Ира Нине Реуцкой, совсем еще молодому штурману, только недавно начавшей летать.

— Как... садиться? — упавшим голосом спросила Нина.— Где?

— Тут, в Крыму,— ответила Ира.

Не могло быть и речи о том, чтобы пытаться перетянуть через Керченский пролив. Ира планировала, держа курс на восток. «Дотянуть бы только до своей территории»,— думала она, а вслух сказала, чтобы успокоить Нину:

— Ничего, все будет в порядке.

Линию фронта она пересекла, уже значительно потеряв высоту. Сесть на искромсанном снарядами небольшом плацдарме, отвоеванном нашей пехотой под Керчью, было нелегкой задачей. Ира это знала.

Небо на востоке постепенно светлело. Скоро должен был наступить рассвет. Но внизу все казалось одинаково темным, как ни старались Ира и Нина рассмотреть землю, чтобы выбрать площадку для посадки. Все-таки Ира наметила место, которое казалось ей наиболее подходящим.

Самолет приближался к земле.

— Ракету! — скомандовала Ира.

Нина быстро выстрелила белую ракету, потом другую. Но и это не помогло: по-прежнему впереди ничего нельзя было рассмотреть. Ира все внимание сосредоточила на том, чтобы посадить самолет и вовремя уклониться от возможного препятствия. И когда земля была уже совсем близко, впереди вдруг выросла темная масса.

— Гора! — крикнула Нина.

Самолет стукнулся колесами о землю, пробежал немного и, резко затормозив, уткнулся носом в землю. Выбравшись из самолета, девушки увидели рядом подбитый танк со свастикой, спутанные клубки колючей проволоки, столбы с проводами. Чуть подальше — наш разбитый истребитель. Земля была изрыта воронками от снарядов и бомб.

Ира и Нина переглянулись и ничего не сказали друг другу. Трудно было поверить, что здесь можно было посадить самолет и остаться целыми. Рассвет уже наступил, когда девушки добрались до переправы через Керченский пролив. Небольшой катер, увозивший на другой (таманский) берег раненых бойцов, спешил отплыть. Ожидали бомбежку: немцы прилетали регулярно каждое утро. Девушки с трудом уговорили начальника переправы взять их на переполненный катер. Не прошло и десяти минут, как над головой загудели самолеты. Катер не успел причалить, а вниз уже полетели бомбы. Высадившись на берег, Ира и Нина переждали бомбежку, укрывшись в воронке от снаряда. Потом пешком и попутными машинами добрались в полк.

Много раз еще летала Ира бомбить немецкие войска под Керчью и каждый раз искала глазами то место, где посадила подбитый самолет.

Зимой 1944 года Ира ездила на десять дней в отпуск. Она побывала в Москве и в родной деревне Тетяковке, где оставались отец и младшая сестра Клава. Там Ира узнала о том, как умерла ее мать.

И вот Ира снова в полку. Мы бродим с ней по песчаному берегу. Над серым неспокойным морем проносятся свинцовые тучи. Она рассказывает мне о своей поездке, о Москве, о маме...

— Немцы были в деревне недолго, их быстро оттуда выгнали. А мама умерла...

Ира рассказывает медленно, словно думает вслух. Тонким прутиком она чертит какой-то рисунок на мокром песке. Линии быстро исчезают, размываемые водой.

— Наверное, она и сейчас была бы жива... Они у всех отбирали теплую одежду. А с нее силой стащили валенки... У мамы было больное сердце...

Ире больше не хочется говорить. И я молчу тоже. Да и на полеты пора. Мы медленно поднимаемся по узкой тропинке в поселок...

В апреле началось большое наступление на Крым. Апрель —

май мы двигались вперед. Вместе с другими летчицами Ира бомбила отступавшие вражеские войска на крымских дорогах, под Феодосией, Балаклавой, Севастополем.

После освобождения Крыма полк участвовал в операциях по разгрому гитлеровских войск в Белоруссии, затем в Польше и, наконец, в самой Германии.

Ира Себрова со своим штурманом Лидой Целовальниковой летала на уничтожение немецких группировок, так называемых котлов, бомбила немецкие войска под Белостоком, Варшавой, Штеттином, на Немане, Висле и Одере.

Не раз Ире приходилось попадать в трудные условия, под обстрел, садиться ночью вынужденно на подбитом самолете.

В одну из боевых ночей Ира и Лида, выполнив задание, возвращались на свой аэродром.

— Погода что-то портится,— сказала Лида,— и ветер изменился: сносит нас теперь влево.

Вскоре пошел густой снег. Ориентироваться стало невозможно. Ира продолжала лететь с курсом на аэродром. Но кончилось расчетное время, а снег не переставал, и все вокруг было закрыто пеленой. Девушки не видели, когда они пересекли Вислу. Горючего в баке оставалось совсем мало, когда Ира сказала:

— Что ж, будем садиться!

Четыре раза пробовала Ира сесть, но каждый раз у самой земли перед самолетом вставало какое-нибудь препятствие — лес, столбы с проводами, деревья. Наконец на пятый раз она посадила самолет. И тут же мотор стал: бак был пуст.

Пришла весна 1945 года. Война приближалась к концу. В воздухе пахло победой. Остались позади Висла и Одер. Последние свои боевые вылеты экипажи полка совершали, летая из района Ной-Бранденбурга на порт Свинемюнде, откуда эвакуировались на кораблях немецкие войска.

Удачной бомбежкой причала, где скопились войска, Ира закончила свой боевой путь, совершив за время войны тысячу восемь боевых вылетов.

Оставались считанные дни до победы. Пал Берлин. На следующий день после взятия немецкой столицы Ира и я, летая днем, уклонились от своего маршрута и полетели смотреть Берлин. Огромный город, весь в развалинах, окутанный дымом, лежал внизу. Во многих местах догорали пожары. Снизившись, мы развернулись над Бранденбургскими воротами, покружили над рейхстагом. Парой пролетели низко-низко над флагом Победы.

Да, это был Мир, долгожданный Мир!

А. ПАРФЕНОВ

ВСЕГДА НА ПОСТУ

В кабинет секретаря Вышневолоцкого горкома партии вошла невысокая женщина, скромно и аккуратно одетая. Она приветливо поздоровалась и присела в сторонке. Не вступая в наш разговор, разглядывала в окно чуть видные в вечернем сумраке контуры домов и деревьев. Но, когда мы с секретарем горкома заговорили о Героях Советского Союза, проживающих в Вышнем Волочке, она несколько оживилась и вставила только одну фразу:

— О живых надо писать, но не забывайте и тех, кто не вернулся с войны.

Сказано это было так, что я невольно заинтересовался ею. Это была Мария Васильевна Смирнова.

С виду она кажется застенчивой, мало и неохотно рассказывает о себе, смущается.

— Писать обо мне нечего. Я самая обыкновенная советская женщина, каких у нас миллионы. Вы лучше напишите о моей учительнице.

Потом, когда мы разговорились, я понял, почему Мария Васильевна совершенно искренне восхищается своей старой учительницей, заронившей доброе зернышко, давшее замечательные всходы. Какое счастье выпадает на долю учителя, когда его имя несут воспитанники как знамя, высоко и гордо! И кто знает, может это и есть самое высокое счастье на земле?

Я слушал Марию Васильевну и от всей души завидовал русской женщине Анне Михайловне Доброхваловой, оставившей в сердце своей ученицы незабываемые воспоминания о себе и школе, где она много лет трудилась.

Все Мария Васильевна помнит: и изумительную аккуратность своей учительницы, и душевную сердечность, и подчас добрую, а то и суровую строгость.

Когда М. В. Смирнова, окончив Лихославльский педагогический техникум, приехала работать в село Палюжье, бывшего Новокарельского района, она многое переняла у своей любимой учительницы. Так же как и Анна Михайловна, М. В. Смирнова не жалела ни сил, ни знаний, ни энергии. Она их щедро отдавала детям.

Годы формирования Марии Смирновой как человека, гражданина совпали с периодом бурного развития авиации в нашей стране, организации аэроклубов и авиационных школ. Даже любовь к школе не могла умалить у Марии Васильевны жажду быть летчицей. При виде самолета у нее замирало сердце, ей больше всего хотелось подняться в небо и пролететь над родной деревней Воробьево, покружить над Палюжьем, Лихославлем, а потом полетать над Москвой, Ленинградом. Но пока это были только мечты, мечты желанные и, казалось, несбыточные.

Весть о переезде семьи в город Калинин Мария Васильевна восприняла с нескрываемой радостью. Правда, трудно было расставаться с родной школой, но мысль о том, что она в Калинине сможет работать и одновременно учиться в аэроклубе, окрыляла ее.

Поступив в аэроклуб, Машенька — так ласково называли ее курсанты — почувствовала себя необыкновенно счастливой. Днем она работала в детском саду, а по вечерам бежала к остановке трамвая, чтобы не опоздать на занятия в аэроклубе. Ей тогда было чуть больше семнадцати, и оттого, видно, Маша не чувствовала усталости.

Никто не знал, как тяжело было Маше учиться и работать. Ведь овладеть специальностью летчика — дело не простое. Тут нужны были прочные знания математики, физики и других точных наук, без которых нельзя быть пилотом.

Помогало Маше сознание того, что она не одна. Рядом с ней сидели на занятиях рабочие парни, у многих из которых знаний было еще меньше. Но желание овладеть мастерством летчика побеждало все. Днем курсанты работали на вагоностроительном заводе, на железной дороге или на «Пролетарке», а вечером учились. Это был веселый и замечательный народ.

До остановки трамвая нужно было идти три километра. Товарищи по курсу всегда распределяли обязанности по уходу

за машинами так, чтобы Машеньку первой освободить от занятий. Правда, когда требовалась аккуратная, старательная рука, ловкость, курсанты кричали:

— Машенька сделает!

Не раз выручала своих товарищей Маша Смирнова. Она обладала хорошей памятью, и потому товарищи часто обращались к ней за поддержкой.

СМИРНОВА
Мария Васильевна

От первого полета у Маши осталось впечатление, как от большого, светлого праздника. Страстная тяга к полетам рассеяла всякие сомнения, пробудила необыкновенную смелость, и Маше больше всего хотелось с высоты посмотреть на аэродром, на Калинин.

А вот контрольный полет заставил ее всерьез поволноваться. Девчат тогда неохотно брали в авиацию, и Маше предстоял очень сложный экзамен в воздухе. Принимал его начальник летной части, опытный пилот.

Из всех фигур пилотажа, которые предстояло выполнить в воздухе, Машу больше всего беспокоил переворот. Она знала, что при этом упражнении из-за малого роста у нее, как говорят летчики, «недоставало ноги». Но Маша сумела найти выход. Она резко дала педаль, та дошла до отказа и оставалась в этом положении несколько очень нужных мгновений. Проверяющий сидел позади и ни одного замечания не сделал.

И вот выстраивают всех курсантов. Смущенная Мария Смирнова стоит последней, на левом фланге, с трудом сдерживая волнение.

«Наверно, провалила»,— пронеслось в голове.

И вдруг проверяющий сказал:

— Летать надо, как Мария Смирнова.

Даже не верилось, что это говорили о ней. Машу горячо поздравили инструктор, товарищи. В этот вечер Маша возвращалась в детский сад в том восторженно-приподнятом настрое-

нии, когда человеку кажется, что все самое трудное осталось позади. Предстояло осуществить еще одно желание: поступить на службу в авиацию. Вскоре и эта мечта сбылась. Маша Смирнова стала работать летчиком-инструктором в Калининском аэроклубе.

А когда ворвалась в нашу жизнь война, Мария Васильевна добровольно ушла в действующую армию. По-иному она не могла поступить.

Вместе с Марией ушли на фронт три ее брата: Алексей, Александр и Петр. Причем Петр был тоже авиатором.

Когда Мария узнала, что гитлеровцы заняли Калинин, она тяжело переживала это. Еще больше закипел гнев против ненавистного врага.

В перерывах между боями Маша писала матери и братьям письма. В одном из них она сообщала:

«Дел у меня, мама, много, и дела нелегкие, но я себя чувствую превосходно. Радуюсь, что я не одна, а со мной вместе сражаются за Родину и мои братья. Крепись, мама, не горюй: Разгромим проклятого Гитлера, и тогда все соберемся за нашим семейным столом, первый тост я подниму за тебя, родная, за твои бессонные заботы и неугомонные хлопоты».

Так оно и случилось. Собралась семья Смирновых в полном составе, но произошло это намного позже, чем Маша предполагала.

Командиру эскадрильи М. В. Смирновой пришлось совершить почти тысячу боевых вылетов на самолетах ПО-2, у которых нет ни бронированных бортов, ни цельнометаллических плоскостей. В шутку эти самолеты называли «этажерками», «кукурузниками», но гитлеровцы, услыхав гул мотора ПО-2, испуганно вопили:

— Рус фанэр! Рус фанэр!

Конечно, внешне американский самолет «бостон» выглядел гораздо внушительнее нашего ПО-2, но ведь этому самолету нужен был хороший аэродром, он поглощал гораздо больше горючего и, самое главное, мог летать при облачности не ниже шестисот метров, а чуть ниже — «бостоны» стояли на аэродромах. А наш... Но расскажем об этом подробнее, вспомним некоторые боевые эпизоды.

— После четырех месяцев боев на Тереке,— начала свой рассказ Мария Васильевна,— войска Северо-Кавказского фронта начали наступление. Полк наш к этому времени окреп, накопил большой опыт, отличался высокой дисциплинированностью и отличным выполнением боевых заданий командования.

Многие летчики, штурманы, техники и вооруженцы были награждены первыми боевыми орденами и медалями.

Противник стремительно отступал по Кубани на Таманский полуостров. Наши экипажи бомбили вражеские переправы, колонны противника на дорогах его отступления...

Мария Васильевна на минуту замолкла, видно, вспомнила, что-то близкое ей, волнующее; лицо, обветренное, тронутое едва заметным загаром, посуровело. Затем продолжала:

— Мы вели бои во время распутицы. Подвоз горючего, боеприпасов был крайне затруднен. Сделав пять-шесть боевых вылетов ночью, утром мы вылетали за бомбами, бензином и маслом. Полтора месяца пищей для нас служила одна кукуруза: кукуруза на первое, кукуруза на второе...— Мария Васильевна улыбается: — Так что мы ценность кукурузы проверили в самое трудное время.

Летчица вспомнила, как они со штурманом Таней Сумароковой вылетели с площадки у станицы Ново-Джерелиевской на разведку переправы в районе пункта Красный Октябрь. Это была единственная на севере Таманского полуострова дорога и переправа для отступления немцев. Ночь была лунная, белые облака не позволяли лететь выше шестисот метров. И вот самолет над переправой. Темно, тихо, ни выстрела, ни огонька. Враг будто притаился.

Надо было вызвать противника к действию. Сделав три круга над переправой, самолет М. В. Смирновой взял курс для бомбометания. Сбросили часть бомб. Точно проснувшись от внезапного удара, немцы открыли стрельбу по нашему ПО-2 из зенитных пулеметов.

Разведкой было установлено, что переправа действует и охраняется зенитными пулеметами.

Возвращаясь к посадочной площадке, Мария Васильевна испытывала тревогу. Самолет был поврежден. А внизу территория, занятая врагом. Но к счастью, удалось дотянуть до своего аэродрома.

Получив разрешение на посадку, летчица благополучно приземлилась, но в конце пробега машина свалилась на одну плоскость. Осмотрев самолет, техники доложили командованию, что он нуждается в ремонте: фюзеляж, кабины, плоскости были в пробоинах, на одной плоскости зияла огромная дыра.

Все беспокоились о здоровье отважных летчиц, а они чувствовали себя превосходно и, доложив о результатах разведки, на другом самолете вылетели на новое боевое задание. А как только забрезжил рассвет, ПО-2, ведомый Марией Васильев-

пой, на бреющем полете возил для полка горючее, масло, боеприпасы. Затем три-четыре часа отдыха и — снова боевая ночь.

Были в летной биографии М. В. Смирновой и другие эпизоды, которые на всю жизнь запечатлелись в памяти. Однажды она, вернувшись после выполнения боевого задания, дрожала от напряжения, как в лихорадке. При обычных условиях боевое задание летчица могла выполнить легко, но вот тогда...

От Таманского полуострова выдается в море коса Чушка, а поодаль от нее раскинулись островки. Нашему командованию стало известно, что на этих островках гитлеровцы, используя плохую погоду, высаживают пехоту.

Нужно было разведкой с воздуха уточнить полученные сведения. Эту задачу приказано было выполнить одному из экипажей эскадрильи капитана Смирновой. Экипаж вылетел на выполнение боевого задания. Однако пробиться к островкам, как доложила летчица, было невозможно: многослойная облачность скрывала цель. Экипаж был послан второй раз и снова вернулся ни с чем. Приказано было лететь в третий раз. Мария Васильевна волновалась: тревожила и судьба экипажа, и то, что приказ оставался невыполненным.

Когда командованию доложили, что и в третий раз слетали безрезультатно, было решено послать экипаж в четвертый раз.

Мария Васильевна — командир эскадрильи, и с нее спрос, разумеется, большой. Полетела сама. Подлетев к морю, летчица поняла, что пробиться действительно невозможно. Облачность настолько густая, что, только рискуя всем: и самолетом, и жизнью экипажа,— можно лететь. Ночь, все сливается, самолет летит на расстоянии двадцати пяти метров от воды, под нижней кромкой облаков. Истекает время, а островов не видно. Значит, самолет отнесло ветром и надо подниматься выше, искать в облаках «окна»: с бреющего полета обзор невелик.

— Летим на исходный пункт,— говорит Смирнова своему штурману, и самолет возвращается на берег.

Штурман делает новые расчеты. Через несколько минут они летят снова, однако тоже безрезультатно. Облачность не рассеивается.

Летят в третий раз. Беспросветно. Самолет пробивает первый слой густых облаков, за ним второй, и — о чудо! — появилось «окно»; за ним опять густой, как вата, слой облаков, а потом еще большее «окно», и внизу показались островки, две баржи возле них.

Все ясно. Противник сосредоточивается здесь.

На аэродроме Мария Васильевна почувствовала озноб во всем теле и долго не могла согреться. А когда нервное напряжение улеглось, она ощутила огромную физическую усталость, но и глубокое удовлетворение. Легко дышалось прохладным, зимним воздухом.

...Бои шли на подступах к Севастополю. Отступая, гитлеровцы скопили на мысе Херсонес, что юго-западнее Севастополя, огромное количество техники, живой силы, там же было расположено несколько аэродромов противника. Они сильно охранялись: то и дело включались десятки прожекторов, настороже была зенитная артиллерия.

Первым вылетел в район мыса Херсонес экипаж Смирновой — Пасько. Самолет с приглушенным мотором бесшумно появился над аэродромом. Сверху хорошо было видно, как мигали огоньки, как выруливали на взлетную дорожку вражеские самолеты.

Высота — шестьсот метров. Штурман Пасько сбрасывает бомбы в самую гущу самолетов противника: мгновенно вспыхнул пожар, а ПО-2, маневрируя между лучами прожекторов, удалился в сторону моря.

Всю ночь полыхал пожар на аэродроме. Советские самолеты непрерывно бомбили противника. В эту ночь М. В. Смирнова совершила еще четыре боевых вылета.

В день, когда Мария Смирнова совершила свой пятисотый вылет, полк отметил этот своеобразный ее юбилей. В «боевом листке» написали о том, что отважная летчица сбросила на врага сто тонн смертоносного груза. Если учесть, что ее удары всегда были эффективными, то нетрудно представить, какой большой ущерб причинила она врагу.

Партийное бюро полка тогда решило:

«1. Отметить отличную боевую работу т. Смирновой и выразить уверенность, что и в дальнейшем т. Смирнова будет так же честно, мужественно и самоотверженно выполнять боевые задания.

2. Поручить члену ВКП(б) т. Смирновой провести беседу с молодыми летчицами с целью передачи боевого опыта.

3. Послать письма Калининскому горкому ВЛКСМ и матери т. Смирновой о ее отличной боевой работе».

А вот еще одно свидетельство героической боевой деятельности М. Смирновой.

27 августа 1944 года в газете «Красная звезда» появилось следующее сообщение военного корреспондента:

«Это было на днях. Тяжело нагруженные бомбами машины, сделав круг над аэродромом, легли на курс. Пройдена линия фронта. Внизу, в районах крупного населенного пункта, то и дело мелькают огоньки — свет автомобильных фар.

По данным разведки, здесь находятся крупные склады противника. Брошены осветительные ракеты. Бомбардировщик делает заход, и бомбы точно накрывают цель. Видны вспышки взрывов, затем возникает крупный очаг пожара. Вслед за ведущей бомбят цель другие машины. Вскоре самолеты приземлились на своем аэродроме.

Так прошел восьмисотый боевой вылет офицера Марии Смирновой».

26 августа 1944 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении отважным летчицам полка, в том числе М. В. Смирновой, звания Героя Советского Союза.

На всю жизнь запомнился Марии Васильевне тот день, когда им вручали высокие награды. Марию Васильевну, как и других Героев-летчиц, горячо поздравляли командиры, генерал Вершинин, боевые друзья и товарищи.

Марии Васильевне больше всего хотелось в те дни побывать в своих родных местах, обнять мать, сходить на могилу отца, трагически погибшего, и от всей души поблагодарить всех, кто ей, Маше Смирновой, помог добрым советом или ласковым словом в самые трудные минуты жизни. Но об этом можно было только мечтать. Предстояли новые боевые дела, чтобы окончательно сокрушить врага.

Девятьсот шестьдесят четыре боевых вылета совершила Герой Советского Союза майор Мария Васильевна Смирнова в годы войны. Нередко по восемь — десять раз за ночь приходилось ей вылетать на бомбежку, до двенадцати часов в сутки находилась она в воздухе, стойко преодолевала все невзгоды войны.

И еще один день никогда не забудет Мария Васильевна. Окончилась война. Наступали минуты расставания с боевыми друзьями. Все было в этот день: и смех, и слезы, и радости, и огорчения.

Одно утешало всех: победа, огромная, трудная и историческая. Она поднимала дух, окрыляла, звала к новым свершениям.

Расставаясь, девушки дарили друг другу на память какие-либо вещички.

Дуся Никулина, даря Марии Васильевне фотографию, написала: «Всегда буду вспоминать фронтовую жизнь, трудные боевые вылеты, а особенно тот день, когда нам с тобой первым вручали Звезду Героя. Будь счастлива с Николаем и имей трех ребятишек».

А Сима Амосова свою надпись на фотокарточке закончила так:

«Я искренне тебе желаю сохранить целостность натуры, быть всегда такой же честной и правдивой, бодрой и счастливой, какой ты была среди нас».

Эти слова боевой подруги Мария Васильевна восприняла как наказ. О том, как она его выполняет, мы и расскажем.

Вскоре после войны муж Марии Васильевны, тоже летчик, получил назначение в Тамбов. Их семья переехала в этот старинный город.

Мария Васильевна поступила в областную партийную школу и о своих фронтовых буднях вспоминала только в те дни, когда ее приглашали в школу или техникум, на завод или на фабрику с просьбой рассказать о всем пережитом. Ну, а разве обо всем расскажешь?

До сих пор М. В. Смирнова хранит, как самую дорогую реликвию, свои личные летные книжки, где записан каждый боевой вылет, подтверждения результатов бомбометания.

Но как бы ни были славны фронтовые дела, они, естественно, год от году все дальше уходят в прошлое, пусть незабываемое, но все же прошлое.

У Марии Васильевны к боевой славе прибавилась и трудовая. Наиболее ярко, пожалуй, она проявилась в тот период, когда Смирнова работала инструктором Калининского обкома КПСС.

Время, как вода в реке, течет безостановочно. Пять лет, кажется, небольшой срок, а сколько событий, больших и маленьких, промелькнуло за те годы! События, как и люди, бывают разные. Одни запоминаются на всю жизнь и, стоит лишь на минуту задуматься, вдруг всплывают, вырисовываются с полной отчетливостью, а другие, напротив, пролетели бесследно, как птицы в небе, ни воспоминаний о них, ни сожалений.

Надолго запомнила Мария Васильевна свое первое появление в должности инструктора в родных местах. За нею был закреплен Лихославльский район, в состав которого входил и бывший Новокарельский, откуда она родом. Колхозы вблизи этого районного центра числились отстающими. Не часто в эти

колхозы заглядывали районные работники, а те, что приезжали, в основном собирали факты о недостатках для доклада секретаря райкома партии.

И вот в разгар весеннего сева Мария Васильевна попала в тот самый колхоз, который часто упоминали недобрым словом...

Был погожий день, а трактор ДТ-54 не двигался. Смирновой бросилось в глаза: трактор новый, а кабина продырявлена, завалена мусором и грязью. Гусеница лежала на земле. Тракторист и его помощник, раскинув стеганки в тени кустарника, крепко спали.

— Почему не работаете? — спросила Мария Васильевна.

Старший из трактористов ответил:

— Машина буксует.

Неполадки машины можно было легко устранить, но трактористы меньше всего об этом думали. Такую же картину наблюдала Мария Васильевна возле второй, третьей машины. Она побывала в мастерских. И там был беспорядок.

Острой болью отозвалась в сердце такая бесхозяйственность. Бывшая летчица, привыкшая относиться к боевой технике с не меньшей бережливостью, чем к новому платью, Смирнова не находила слов, чтобы выразить свой гнев и возмущение.

На другой день утром в правлении были собраны все механизаторы и колхозный актив. Разговор сразу пошел деловой, серьезный и взял людей за живое.

Узнав в инструкторе обкома КПСС свою прославленную землячку, трактористы и механики заранее подготовились к беседе. Они пришли побритые, подтянутые. В ответ на упреки Смирновой пожилой тракторист с крупинками пороховых следов возле пустой глазницы сказал:

— Правду говорите, Мария Васильевна. Наш председатель вожжи отпустил, а мы, как плохие кони, в оглоблях уснули.

— Ничего, Петрович, подтянемся,— в тон ему продолжал молодой тракторист.

И вот за неделю, что была в колхозе М. В. Смирнова, механизаторы так организовали работу, что колхоз одним из первых закончил весенний сев.

В Калинин Мария Васильевна уезжала в восторженном настроении. Ее радовало, что земляки не ударили лицом в грязь: по примеру механизаторов лучше стали работать и в других бригадах.

Конечно, она, как молодой партийный работник, и не думала о каких-то своих заслугах. Просто подошла правильно к

людям, поговорила по душам, помогла им достать некоторые запасные части для машин, стоявших без дела, и работа наладилась, закипела. Любой работник обкома или райкома обязан был сделать то же самое.

Однажды Смирнова приехала в колхоз «Красное знамя», Бологовского района. Колхозники попросили Марию Васильевну выступить вечером в клубе и рассказать им о фронтовых делах. Выступала она не впервые. Всюду, куда приезжала, беседовала с людьми, но такой многолюдной встречи не ожидала. Клуб был переполнен. Молодежь и пожилые люди, не вместившиеся в зале, стояли в соседней комнате, в коридоре, под окнами. Как только подходил кто-нибудь еще, со всех сторон слышались приглушенные голоса:

— Не мешай! Тихо!

Мария Васильевна говорила о героических делах гвардейского полка больше часа.

Когда беседа закончилась, к М. В. Смирновой подошел седенький, сутуловатый старичок и, прищурив правый глаз, спросил:

— Скажи, дочка, ты не родня будешь воробьевскому Василию Григорьевичу Смирнову?

— Дочь его,— ответила Мария Васильевна.

— Дочь. Батьку твоего я хорошо знал. В деревне, чай, самый грамотный мужик был, газеты читал, в науке разбирался.

— А вы откуда моего отца знаете, дедушка?

— У меня сродственники в вашей деревне есть, тоже Смирновы, только живут на другом конце деревни.

Возвращалась Мария Васильевна из клуба в прекрасном настроении.

У инструктора много забот, хлопот. Заведующий отделом поручает новые задания, а это значит — надо готовиться в командировку, надо читать книги, изучать район, колхозы, людей. И Мария Васильевна настойчиво учится...

Сима Амосова, боевые друзья могут быть уверены, что Мария Васильевна Смирнова сохранила целостность своей натуры, стала еще более чуткой к людям, а без этих качеств трудно представить настоящего коммуниста.

Л. САВЕЛЬЕВ

ДЕВУШКА ИЗ СОВХОЗА «БАЯУТ»

В комнату, где заседала приемная комиссия, вошла высокая девушка в синих сатиновых шароварах и такого же цвета майке. Нервно потряхивая остриженной под мальчишку головой и смешно отбивая надетыми на босу ногу спортивными тапочками, она замерла в трех шагах от стола. Весь облик вошедшей: и одежда, и четкий шаг, и положение «смирно»,— казалось, говорил: «Смотрите, разве я не гожусь в солдаты?»

«Хитрая»,— подумал комиссар курсов и покосился на майора, своего соседа. Но тот сидел с безразличным видом.

— Студентка первого курса исторического факультета Ташкентского учительского института Стемпковская Елена,— звонко отрапортовала она.

Сделав еще два шага, она резким движением извлекла из конверта аккуратно сложенные листки бумаги и, осторожно развернув их, положила на стол: заявление, комсомольская путевка и характеристика декана факультета.

Крепко сжались тонкие губы небольшого рта. Взгляд горевших надеждой зеленоватых глаз тревожно перебегал от одного майора к другому: «Неужели откажут?»

Но ей не отказали. Просмотрев бумаги, майор задал два-три вопроса, а потом сказал, что она принята, и велел прийти завтра утром.

Через несколько дней Лена сменила тапочки на тяжелые кирзовые сапоги, а майку и синие сатиновые шаровары — на зеленые галифе и защитного цвета гимнастерку. И вот Елена Стемпковская уже курсант 1-го взвода 5-й роты Третьих радиотелеграфных курсов.

1 июля 1941 года начались занятия. И тут объявили, что на изучение полуторагодичной программы отводится всего шесть месяцев.

— За очень короткое время,— сказал инструктор,— мы должны подготовить из вас радистов маломощных станций полевых частей для обслуживания десантников и для заброски в неприятельский тыл к партизанам.

«Десантники!.. Партизаны!» У Лены перехватило дыхание.

Настали напряженные дни учебы. Инструктор не преувеличивал, говоря о трудностях. День начинался в шесть, отбой — в двадцать три. Десять часов классных занятий, а вечерами занимались дополнительно.

СТЕМПКОВСКАЯ
Елена Константиновна

Лена была неутомима. Командование сразу заметило ее. Вот что впоследствии писал о ней начальник курсов: «...Елена Стемпковская... была назначена командиром отделения. Ее настойчивость, энергия, пытливость привлекали внимание товарищей и начальствующего состава. Можно смело сказать, что не было такого общественного мероприятия, в котором Елена не принимала бы самого деятельного участия... Она выступала с докладами о Суворове, редактировала стенгазету «Радист», писала статьи, помогала в культработе, внося в это дело много яркой инициативы и горячей энергии. Вскоре Елена Стемпковская стала одной из самых заметных и популярных курсанток... Елена была отличницей, и она заслужила это всей своей страстью к учебе, всей своей добросовестностью и исключительно серьезным отношением к работе...»

Пришла пора, и на плацу собрался весь состав курсов. Отдельно от остальных рот выстроились две колонны молодых радистов — сто девушек и сто парней.

Эшелон отправлялся вечером, а днем выпускники получили увольнительные.

— Пойдем простимся с нашими,— предложила Лена Гале Глушковой, той самой Гале, у которой она гуляла на свадьбе в памятную субботу 21 июня 1941 года. Муж Глушковой ушел в армию в первый же день войны, а Галя поступила добровольцем на курсы радистов.

С вещмешками за плечами Лена и Галя появились в студенческом общежитии.

Первой их увидела Валя Мушкатель:

— Ой, девочки, смотрите, кто пришел!

Все вскочили с мест. У гостей отобрали вещмешки.

— А ну-ка, покажитесь!

Ладные и стройные, в новеньких гимнастерках, они вытянулись под завистливыми взглядами подруг. По всеобщему признанию, Лена и Галя — вояки хоть куда!

Долго засиживаться нельзя. Пора на вокзал. Всей гурьбой пошли провожать. У Лены защемило сердце. Взгрустнулось. Там, в Голодной степи, в родном совхозе «Баяут», остались мать, отец, братишка Леня, сестра Шура. Даже проститься с ними не смогла перед тем, как идти в далекое, неведомое...

* *
*

Младший сержант Стемпковская была направлена в действующую армию радисткой во 2-й батальон 216-го полка горнострелковой дивизии. Когда она прибыла на фронт, там стояло временное затишье.

После декабрьского поражения под Москвой противник производил перегруппировку войск. Почти полгода 76-я дивизия стояла в обороне.

Не таким ожидала Лена увидеть фронт. В ее представлении, война — это постоянные бои, неумолкаемая канонада, сплошная стрельба. А тут была глубокая тишина. Лишь изредка слышался далекий артиллерийский раскат, да ночное небо разрезали ракеты.

Впрочем, очень скоро Лена убедилась, что фронтовое затишье коварно. Ведь ей, как радистке, все становилось известным раньше, чем другим. Противник вдруг напоминал о себе, начинал обстрел, а то наши затевали вылазку... И тогда в утренней сводке, которую она передавала в полк, появлялись сведения о потерях.

Одно время Лена зачастила к пулеметчикам и урывками изучала пулемет. Затем у нее возникла мысль перейти в пулеметчики, но командир батальона капитан Савченко и слушать об этом не хотел: ему жаль было терять отличную радистку.

Минуло несколько месяцев фронтовой жизни. Теперь на многое Елена смотрела иными глазами. Вспоминались ей наивные рассуждения, которые велись в Ташкенте: будет ли на фронте страшно? Конечно, страшно! Даже сейчас, в затишье, дня не проходит, чтобы кого-нибудь в батальоне не убило или не ранило.

Голос из-за перегородки прервал раздумье:

— Лена, давай связь!

— Одну минуту, товарищ капитан!

Это ее постоянный ответ. Большей частью так оно и было.

Но случалось и иначе... Как в тот раз, когда нарушилась связь с 4-й ротой лейтенанта Киреева.

Лейтенант Киреев... Не думала, не гадала она, что на фронте кто-то сумеет тронуть ее сердце.

О Киреева Лена услышала вскоре после своего прихода в батальон. Она сидела возле своей рации, когда громкий разговор за перегородкой заставил ее прислушаться.

— Горяч твой Киреев, да и зелен. Дров наломает,— гремел басовитый голос Савченко.

— А я в нем уверен, товарищ капитан,— спокойно отвечал другой голос, принадлежавший старшему адъютанту батальона Колосову.— Киреев хоть и молод, но вовсе не зелен. Когда надо, он умеет быть собранным. Такой не струсит, я за него ручаюсь...

— Ладно, пусть будет по-твоему,— согласился комбат после минутного раздумья.

Лене приказали вызвать Киреева. И когда минут через сорок он прошел через ее половину, она успела заметить, что у этого складного лейтенанта удивительно серые глаза, которыми он посмотрел на нее. Ей было немножко не по себе от того, что невольно пришлось услышать тот разговор, за перегородкой. Остался осадок — словно она состоит в заговоре против этого приятного ей человека. И когда Лене потом приходилось сталкиваться с ним по службе, чувство «заговора» долго еще продолжало преследовать ее. Отвечая на приветствия Лены, Киреев обычно мягко, чуть смущенно улыбался, и застенчивость его так не вязалась с обликом сорвиголовы, как прозвали лейтенанта в батальоне.

За последнее время Петя Киреев все больше и больше занимал ее мысли. И в то утро, когда 4-я рота пошла в наступление, а затем нарушилась с нею связь, Леной овладела тревога.

Связист, посланный искать обрыв, не вернулся... Лена слышала, как Савченко требовал от командира отделения Додикова: «Чтоб связь мне была!» Младший сержант выскочил бледный и начал поспешно собираться: посылать было некого. Лене стало тяжело глядеть на этого щуплого, видать еще не обстрелянного паренька.

— Леша, пойдем вместе,— вдруг предложила она.

Додиков удивился: сама напрашивается, смелая!

— А комбат?

Лена ушла за перегородку, и вот уже послышался ее уверенный, решительный голос.

Савченко молчал. Ему не хотелось посылать эту девушку на опасное дело. Но связь очень нужна.

— Все будет в порядке, товарищ капитан,— снова послышался голос Лены. Теперь в нем уже звучали просительные нотки.

— Что ж, иди,— ответил наконец Савченко.— Только ты... поосторожней...— Он метнул строгий взгляд на показавшегося в дверях Додикова. Взгляд этот означал: «Береги ее!»

Додиков понял комбата.

Короткий зимний день был на исходе. В белом тулупчике, ватных брюках, в серых валенках, шапке-ушанке, с перекинутым через шею автоматом Лена шагала рядом с Додиковым. Они вышли из деревни и направились вдоль провода, протянувшегося от командного пункта батальона. Сразу же за околицей пришлось ползти. Потревоженный утренней вылазкой, противник не прекращал огня. То здесь, то там поднимались фонтаны снега и грязи — рвались мины. Так под обстрелом они и ползли. Додиков тащил запасную катушку и телефонный аппарат, не снимая руки с провода: его все время надо было прощупывать.

Преодолели километр, полтора, два... Провод все еще был исправен и на всем протяжении очищен от снега. Это, по-видимому, сделал посланный ранее телефонист. Его следы шли рядом. Значит, обрыв где-то там, поближе к передовой. Уже начинало темнеть, когда добрались до железнодорожной насыпи. Провод уводил через путь.

— Я первая,— сказала Лена,— мне легче, а ты за мной...

Не успел Додиков и сообразить, что не ей командовать, как девушка перекатилась через путь и исчезла по ту сторону насыпи. В ожидании Додикова она прижалась к сугробу. А вот и он показался из-за рельса.

То замирая, то снова продвигаясь, они ползли по открытой местности и метрах в ста от насыпи наткнулись на труп связиста. Застигнутый пулей, он лежал, сжимая в застывшем кулаке провод. Где-то впереди, там, куда убегал провод, угадывались в темноте остатки хуторка — конечный пункт наступления четвертой роты. Там окопался Киреев...

Почему же она вызвалась идти с Додиковым? Неужели оттого, что Леша показался ей трусоватым?

Сознайся, Ленка, себе самой сознайся, только честно: не в Пете ли Кирееве дело? Не потому ли ты здесь сейчас, в этих сугробах, что тревожишься о нем?

Не легко было ответить на этот вопрос, даже самой себе.

...А вот и обрыв. Мина угодила прямо в провод. Додиков проворно нарастил недостающий кусок и подключил телефон:

— Седьмой? Мне седьмого... Товарищ седьмой!..

И сейчас, когда Лена наконец поняла, что у аппарата Киреев, она с трудом удержалась, чтобы не выхватить трубку...

* *
*

Позади вьюжный февраль, наступил март, а фронтовая жизнь шла своим чередом, однообразная и напряженная, полная тревог и ожиданий. Затишье все еще продолжалось. Разведчики ходили во вражеский тыл и нередко возвращались с «языком». События происходили и в селе, где находился штаб батальона: вдруг на чердаке одной из хат обнаружили радиопередатчик и непрошеного гостя с той стороны. Время от времени возникали стычки — в сводках это называлось «бои местного значения». В одной из таких стычек, когда батальон, меняя позиции, попал в западню, Лена еще раз проявила бесстрашие и спасла жизнь своему командиру, начальнику связи батальона Сукачу. Она подобрала его тяжело раненным и под сильным огнем втащила в укрытие.

После того зимнего дня, когда она ползла искать обрыв телефонного провода, Лена упрямо говорила себе, что перестанет думать о Кирееве.

Но вот беда! Петя ей не помогал. Нисколечко. Начни он проявлять в отношении ее малейшие вольности, и все стало бы на место: она отмахнулась бы от него, как не раз поступала с незадачливыми ухажерами, и делу конец. Но он ей не помогал. Больше того, она убеждалась, что он мешал ей выкинуть его из головы и из сердца.

Он мешал своей нежной, немножко застенчивой улыбкой, мягким взглядом своих серых глаз и тем, что был волевым и

храбрым командиром,— эти качества он не раз проявлял, и это знали все в полку.

И вот в один памятный вечер в узком кругу фронтовых друзей Петя сказал, что любит ее и что самым большим для него счастьем было бы, если бы она стала его женой.

— Свадьба, конечно, после победы,— ответила Лена не то в шутку, не то всерьез. Это было первое, что она нашлась сказать.

— Да, конечно,— проговорил он тихо и просто.

Встречаться им удавалось редко. Но зато часто они говорили по телефону. Кое-кто в батальоне догадывался об их взаимной привязанности, которую они, впрочем, и не скрывали. Поэтому мало кто удивлялся тому, что лейтенант Киреев не упускал случая выполнять обязанности ротного телефониста. И хотя разговор, как правило, был по службе, сердца говорили очень многое!

Так они и порешили: после победы!

И теперь за грядущей победой Лена видела не только то, что звало ее на фронт тогда, в Ташкенте,— защищать Родину от врагов. Теперь с победой у нее было связано и личное счастье.

Надо с кем-нибудь поделиться своими сокровенными мыслями.

Но с кем? Родителям писать об этом она пока стеснялась. Сестре тоже не решалась. «Еще неизвестно, как она истолкует. Очень будет обидно, если большого, настоящего чувства коснется хоть маленькое пятнышко...»

Единственный, кому она считала возможным довериться,— это Аркадий Петрович Фитуни, профессор, декан исторического факультета. Уж он-то правильно поймет!

Профессор Фитуни получил от Елены с фронта несколько коротких весточек.

«Если б вы знали! — писала она.— Свистят пули, гремят пушки, строчат пулеметы, и я здесь, среди этого грохота и свиста, вдали от вас... Я помню вас, дорогой Аркадий Петрович... Здесь я не одинока. Я встретила здесь замечательного человека, и мы друг друга полюбили. Верю в победу. Мы победим, и я вернусь не одна...»

В другой раз она писала:

«Любимый Аркадий Петрович!

...Здесь, на фронте, я часто вспоминаю слова Суворова: «Смерть бежит от сабли и штыка храброго, счастье венчает смелость и отвагу». Впервые я ведь узнала их из книги «Наука

побеждать», которую вы мне как-то дали. Помните? Эти суворовские слова моему Пете тоже очень нравятся. Он вас не знает, но я ему много рассказывала о вас, и он заочно вас полюбил».

Последняя весточка, которую Фитуни получил от Лены, содержала всего две строчки, наспех нацарапанные на листке бумаги, свернутом во фронтовой треугольничек. По всей видимости, это было начало письма, которое дописать так и не удалось:

«А жить так хочется, а впереди бой.

Любимый Петя...»

* * *

В начале июня 1942 года гитлеровцы начали свое летнее наступление. В двадцатых числах июня батальон, в котором служила Лена Стемпковская, занял оборону в селе Зимовенька, Белгородской области.

Дней шесть было тихо. Активно действовать пришлось только пятерым разведчикам, которых возглавил лейтенант Кийко. Их лихие вылазки за «языком» обычно оканчивались успешно. Но в Зимовеньке получилась осечка. Несколько дней подряд разведчики возвращались ни с чем. Это озадачило лейтенанта Кийко, но он не знал того, что было известно в вышестоящих штабах: противник обошел Зимовеньку с двух сторон, пытаясь охватить всю 76-ю дивизию кольцом. Когда это обнаружилось, дивизия стала готовиться к отходу на новые рубежи; отход предполагался с боем. Одним из плацдармов предстоящего боя был избран район Зимовеньки.

Командный пункт батальона обосновался в сельской больнице. Здесь же, в больнице, примостилась и Елена со своей рацией. Поредевший батальон зарывался в землю — оборонительный рубеж строили на холме, за восточной окраиной села, на кладбище. Отсюда превосходно просматривалось все село, виден был яр, и дальше все хорошо можно было рассмотреть, вплоть до леса. Именно со стороны этого леса и ожидалось наступление врага.

Рубеж возводили днем и ночью. В свободные минуты от дежурства у рации Лена помогала строить запасной командный пункт на холме, у кладбища. С Киреевым в эти дни она виделась чаще — ведь теперь, когда в ротах осталось по нескольку десятков человек, батальон уже больше не был разбросан, как прежде.

Разведчики, вернувшиеся поздней ночью, сообщили, что противник сосредоточивается в лесу.

А на рассвете разгорелся бой. Первые вражеские цепи показались в четвертом часу, когда уже занималась ранняя июньская заря. Немцы шли под прикрытием артиллерийского огня. В селе начались пожары.

Но батальон был готов к встрече врага. Пулеметчики, замаскировавшиеся в густых ветвистых липах сельского парка, взяли под обстрел весь участок между лесом и яром, куда, как в укрытие, стремились гитлеровцы. Но огонь пожаров быстро распространялся. Густой дым пополз по земле, и фашисты, пользуясь этой дымовой завесой, начали просачиваться в село. Тогда-то батальон и отошел на заранее приготовленный оборонительный рубеж.

Все время боя Лена находилась на командном пункте батальона. Она поддерживала связь со штабом полка.

Когда роты заняли новую оборону, противник на некоторое время прекратил атаки. Было около полудня. Прошел проливной дождь, потом снова пригрело солнышко, и люди, измученные тяжелым боем, радовались возможности передохнуть.

Капитан Савченко, расстелив на земле кожанку, прилег рядом с Колосовым на пригорке возле командного пункта батальона. Здесь же, на холме, у командного пункта 4-й роты, отдыхал Киреев. Из блиндажа вышла Лена. Она подошла к Кирееву и опустилась подле него на разостланную плащ-палатку.

Но отдыхать пришлось недолго. В небе показались вражеские бомбардировщики, прозвучал сигнал: «Воздух!» Вслед за авиацией заговорила вражеская артиллерия. И без того обессиленный, батальон снова понес большие потери. В ротах оставалось теперь в строю не более чем по два десятка человек.

Едва стихли артиллерийские раскаты, как к пригорку стали двигаться фашисты. Они шли открыто, во весь рост, уверенные в том, что авиация и артиллерия подавили все живое.

Савченко решил спасти от окончательного разгрома остатки своего батальона. С приказом об отходе был послан в 6-ю роту Колосов. В 5-й роте отходить было некому... И только 4-я рота продолжала упорно сопротивляться. Командир роты Киреев сам лег за пулемет.

— Лена, отходи! — приказал Савченко.

Покинув блиндаж, она поползла. Путь пролегал мимо окопа, в котором расположился наблюдательный пункт батареи. Заглянув туда, она увидела двух убитых корректировщиков. Возле одного валялся бинокль, другой все еще зажимал в руке телефонную трубку... Лена взяла эту трубку из омертвевшей руки и услышала тревожный вызов:

— «Береза»! «Береза»! «Береза»!

— Я «Береза»! — прокричала Лена в трубку.

— Какая такая «Береза»? — удивился на другом конце провода связист, услышав женский голос.— Кто вы, отвечайте?

— Младший сержант Стемпковская, радистка 2-го батальона... Нет тут больше никого... Убиты ваши наблюдатели... Батальон отходит... Гады прут на пригорок... Огонь на меня!.. По кладбищу огонь!..

Но корректировать огонь Стемпковской не пришлось: телефон умолк.

Несколько ранее, когда Лена была еще на командном пункте, она видела, как Киреев вскочил в траншею, где находились два пулемета. Теперь оттуда слышались длинные очереди. С пригорка Лене было видно, что за одним из них — ее Петя.

— Лена, отходи! — повторил Савченко.

Какую-то долю секунды она поколебалась, затем снова поползла. Но теперь уже не на голос комбата, а в противоположную сторону, туда, в траншею...

Преодолев под губительным огнем полтора десятка метров, она свалилась в окоп, где бой вели только два человека: лейтенант Киреев и еще один пулеметчик. Длинными очередями они сдерживали гитлеровцев.

В траншее под ногами валялись автоматы. Прежние их владельцы хотя оставались тут же, но одни были убиты, другие подавали лишь слабые признаки жизни... Подобрав оружие, Лена тоже начала стрелять. Кончался диск — она хватала другой автомат.

Вдруг один пулемет умолк. Стрелявший из него боец безжизненно свалился на дно траншеи... Швырнув автомат, Лена легла за пулемет. Она нажала на спусковой крючок, и «максим» заговорил.

Редко Лена и Киреев оставались вдвоем. И вот теперь в траншее они были совсем одни... И казалось, никогда они не были так близки... Из раскаленных пулеметов они косили ненавистных врагов, рвавшихся на пригорок...

То был бой за светлое будущее. Но недолго продолжался этот бой. Вот и еще один пулемет умолк... Петя Киреев пал, сраженный пулей...

Отважная девушка одна продолжала вести огонь из обоих пулеметов. Она стреляла из них попеременно — то из своего, за которым сменила убитого пулеметчика, то из другого, возле которого лежал бездыханным ее Петя...

Лена поливала свинцом надвигавшуюся на нее вражескую лавину и думала лишь об одном: перед ней враг, он рвется вперед, его надо уничтожить.

И тогда будет победа...

* *
*

Колхозник Александр Михайлович Сидоренко еще загодя отрыл на сельском кладбище щель, полагая, что здесь он сможет надежно отсидеться во время бомбежки. Утром 29 июня 1942 года, когда в Зимовеньке начались пожары, он пробрался с семьей в свое укрытие, а затем стал невольным очевидцем боя, который разыгрался на кладбище. Сидоренко слышал, как из траншеи стреляли два пулемета поочередно — то один, то другой, и видно было, как девушка металась по траншее...

Колхозник видел, как девушка косила вражеские цепи, как падали фашисты, устилая поле своими зелеными куртками.

А потом послышался женский голос:

— Товарищи! Погибаю за Родину!

Двое суток убирали фашисты трупы своих солдат...

Колхозники тайком от гитлеровцев похоронили Елену Стемпковскую и Петра Киреева возле того самого окопа, в котором герои выполнили свой долг до конца.

* *
*

Богаты и плодородны земли Голодной степи. Но нет воды, и летом солнце сжигает все живое. Протекающая тут река Сыр-Дарья без всякой пользы уносит свои мутные воды в Аральское море, ни капли не отдавая изнывающей от жажды земле.

Как обуздать Сыр-Дарью? То была мечта многих поколений. Лишь при Советской власти эта мечта осуществилась. Еще великий Ленин подписал декрет об организации оросительных работ в Туркестане. А в годы первой пятилетки по зову Коммунистической партии тысячи советских людей двинулись в Голодную степь строить хлопководческие совхозы.

Вместе с другими приехал сюда и белорусский рабочий Константин Максимович Стемпковский — участник обороны

Порт-Артура, красный партизан в годы иностранной интервенции. На новом месте Константин Максимович стал работать плотником. Привычные к труду руки возводили постройки будущего хлопководческого совхоза с многообещающим названием — «Баяут», что в переводе на русский язык означает «Плодородные земли».

Прошли годы, и новый совхоз оправдал имя, которым его окрестили при рождении. Запестрели хлопковые поля, стали плодоносить тенистые сады. Поселок третьего отделения совхоза, где жили Стемпковские, вытянулся между двумя широкими, неумолчно шумящими арыками, обсаженными тополями. Здесь в уютном домике среди урюка, акаций и роз протекали детские годы Лены. Здесь же она пошла в первый класс. После начальной школы жила в интернате, так как средняя школа находилась в десяти километрах от дома.

Теперь этой школе присвоено имя Героя Советского Союза Елены Стемпковской.

Большая усадьба Баяутской школы обрамлена красавцами тополями. Деревья высажены в 1938 году, в том самом, когда построено новое здание.

Один из этих тополей посадила своими руками пятнадцатилетняя школьница комсомолка Елена Стемпковская. Подруги вспоминают, что, сажая деревцо, Елена загадала:

— Если я счастливая, то примется.

Я видел эти тополя. Деревья буйно разрослись, давая людям в знойный день желанную прохладу.

Не знаю, который из этих великанов посажен Еленой, но они принялись все.

А Лена, счастливая Лена, обрела бессмертие.